

ISSN 1999-2629

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ЛИНГВИСТИКА**

POLITICAL LINGUISTICS

4(34)'2010

Министерство образования и науки
Государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический университет»

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

4(34)'2010

Научный журнал

- Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия. Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-34838 от 25.12.2008
- Зарегистрирован Международным центром стандартной нумерации сериальных изданий (International Standart Serial Numbering – ISSN) с присвоением международного стандартного номера ISSN 1999-2629 от 14.05.2008
- Материалы журнала размещаются на сайте Уральского государственного педагогического университета: www.journal.uspu.ru
- Материалы журнала размещаются на платформе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) Российской универсальной научной электронной библиотеки.
- Включен в каталог Роспечать. Индекс 81955
- Включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук, Решением Президиума Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ от 19.02.2010 №6/6

Екатеринбург 2010

УДК 409.34
ББК Ш 107
П 50

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Главный редактор: доктор филол. наук, проф. А. П. ЧУДИНОВ (Екатеринбург)

Заместители главного редактора:

кандидат филол. наук, доцент Э. В. БУДАЕВ (Нижний Тагил)

Члены редакционной коллегии:

доктор философии, профессор Р. АНДЕРСОН (Лос-Анджелес, США)

доктор филол. наук, профессор В. Н. БАЗЫЛЕВ (Москва)

доктор философии, профессор Д. ВАЙС (Цюрих, Швейцария)

доктор философии, профессор Дж. ДАНН (Глазго, Великобритания)

ректор УрГПУ, доктор пед. наук, профессор Б. М. ИГОШЕВ (Екатеринбург)

доктор философии, профессор И. ИНЬИГО-МОРА (Севилья, Испания)

доктор филол. наук, профессор Э. ЛАССАН (Каунас, Литва)

доктор филол. наук, профессор Н. Б. РУЖЕНЦЕВА (Екатеринбург)

доктор философии, профессор П. СЕРИО (Лозанна, Швейцария)

доктор филол. наук, профессор В. В. ХИМИК (Санкт-Петербург)

доктор филологии, профессор П. ЧЕРВИНЬСКИ (Катовице, Польша)

Технический редактор: кандидат филол. наук Д. О. МОРОЗОВ

Выпускающий редактор: кандидат филол. наук, доцент М. Б. ВОРОШИЛОВА

Заведующий отделом перевода: И. С. ПОЛЯКОВА

Политическая лингвистика / Гл. ред. А. П. Чудинов; ГОУ ВПО
П 50 «Урал. гос. пед. ун-т» – Екатеринбург, 2010. Вып. 4(34). – 228 с.
ISSN 1999-2629

Журнал призван способствовать обмену новейшей информацией в области политической лингвистики, а также в сфере взаимоотношений языка, культуры и общества. Включает четыре основных раздела – «Теория политической лингвистики», «Политическая коммуникация», «Язык – политика – культура» и «Классика политической лингвистики». Предназначен для филологов, политологов, социологов и всех тех, кто интересуется проблемами политической коммуникации.

УДК 409.34
ББК Ш 107

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА
ВЫПУСК 4 (34)

Подписано в печать 30.10.2010. Формат 60x84/16.

Бумага для множительных аппаратов. Печать на ризографе.

Усл. печ. л. – 25,99. Тираж 500 экз. Заказ 3465.

Оригинал-макет отпечатан в отделе множительной техники

Уральского государственного педагогического университета

620017 Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26

E-mail: uspu@uspu.ru

ISSN 1999-2629

© ГОУ ВПО «УрГПУ», 2010

© Политическая лингвистика, 2010

Ural State Pedagogical University

POLITICAL LINGUISTICS

4(34)'2010

Editor-in-Chief

Anatoliy P. Chudinov, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg)

Deputy Editor-in-Chief:

Edward V. Budaev, Ph.D., Assoc. Prof. (Nizhniy Tagil)

Editorial Board

Richard Anderson Jr., Ph.D., Prof. (Los Angeles, USA)

Vladimir N. Bazylev Ph.D., Prof. (Moscow, Russia)

Petr Cerwinski Ph.D., Prof. (Katowice, Poland)

John Dunn, Ph.D., Prof. (Glasgow, the UK)

Boris M. Igoshev, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)

Isabel Iñigo-Mora, Ph.D., Prof. (Seville, Spain)

Vasiliy V. Khimik, Ph.D., Prof. (Saint-Petersburg, Russia)

Eleonora Lissan, Ph.D., Prof. (Kaunas, Lithuania)

Natalia B. Ruzhentseva, Ph.D., Prof. (Ekaterinburg, Russia)

Patrick Seriot Ph.D., Prof. (Lausanne, Switzerland)

Daniel Weiss, Ph.D., Prof. (Zurich, Switzerland)

Ekaterinburg 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ		8
РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ		
Володина М. Н. Москва, Россия	О роли СМИ в процессе политической коммуникации (на материале немецких массмедиа)	9
Гаврилова М. В. Санкт-Петербург, Россия	Развитие содержательных форм концепта «единство» в русском политическом дискурсе XX – XXI веков	13
Гриценко Е. С. Нижний Новгород, Россия	Дискурс, стереотипы и реальность: Россия и Вторая мировая война в американских учебниках истории	19
Дементьев В. В. Саратов, Россия	Русский новояз в свете теории коммуникативных ценностей (на материале политической речи)	24
Игошев Б. М., Рубина Л. Я. Екатеринбург, Россия	Гражданская активность студенческой молодежи: концептуальный словарь	41
Манаенко Г. Н. Ставрополь, Россия	Деформации «Образа Кавказа» в современном дискурсе российских сми и общественном сознании, или О пользе политической лингвистики	50
Филипацци М. Флоренция, Италия	Россия в итальянской печати: искаженный и «отреставрированный» образ	54
Цонева Л. М. Велико-Тырново, Болгария	Болгарские выборы на фоне глобального кризиса	61
Шипицына Г. М., Свистельникова С. А. Белгород, Старый Оскол, Россия	К речевому портрету оппозиционной газеты: заголовки заметок	70
Ян Кэ Гуанчжоу, Китай	Исследование лозунгов и слоганов в Китае в последние десятилетия	75
РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ		
Алексеева М. Л. Екатеринбург, Россия	Реалии государственного устройства России XIX века в немецких переводах	81
Белютин Р. В. Смоленск, Россия	Язык спорта на немецкой политической арене	87
Бурцева-Кулявцева М. Ю. Волгоград, Россия	Апелляции к концепту «президент» в американской лингвокультуре	93
Канафьева А. В. Москва, Россия	Риторическое высказывание в современной публичной речи	98
Кондратьева О. Н. Кемерово, Россия	Метафорическая репрезентация политической жизни Украины в идиостиле Юлии Тимошенко	101
Кошкарлова Н. Н. Челябинск, Россия	Асимметричное распределение коммуникативных ролей в политическом интервью как фактор успешности/неуспешности коммуникации	112
Кудрявцев А. Г. Челябинск, Россия	Выражение национальной идентичности в политическом дискурсе: функции и механизмы воздействия на реципиента сообщения	115
Нахимова Е. А. Екатеринбург, Россия	Историческая динамика метафорической активности прецедентных имен собственных в политической коммуникации	118

Нежданов Д. В. Екатеринбург, Россия	«Публиократия» как апгрейд «демократии»: от терминотворчества к форме общественно-политического устройства «завтрашнего дня»	125
Окунева И. О. Москва, Россия	Виды и роль метафоры в печатных СМИ России, Великобритании, США и Канады (на материале газетных статей, посвященных проблеме взаимоотношений между государством, обществом и прессой)	135
Орехова Е. Н. Майкоп, Россия	Трансформации прецедентных феноменов в политических текстах российских и американских СМИ	146
Сачава О. С. Санкт-Петербург, Россия	Инсценируемая интердискурсивность как стратегия текстового построения в немецкоязычной политической сатире	150
Сивенкова М. А. Минск, Беларусь	О количестве в паритете с качеством: метакоммуникативные ходы в русском, британском и немецком политическом диалоге	155
Смирнова Ю. Л. Челябинск, Россия	Политический эвфемизм как составляющая языка СМИ в предвыборных кампаниях демократических стран	163
Собиянэк К. Лодзь, Польша	Образ России и стереотипы ее восприятия в Польше (по материалам публикаций Анджея де Лазари)	166
Тагильцева Ю. Р. Екатеринбург, Россия	Локальные информационно-психологические войны: особенности развития в современной России	171
Тульнова М. А. Волгоград, Россия	Табу в контексте глобализации	176
Ушакова А. П. Тюмень, Россия	Категория посессивности как элемент политического дискурса	182

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

Истратова Ю. А. Екатеринбург, Россия	Политическая аллюзия у Брассенса	188
Мухин М. Ю. Екатеринбург, Россия	Социально-политическое и личностно-психологическое в обозначениях человека (по произведениям М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова)	192
Полиниченко Д. Ю. Краснодар, Россия	Политические мифологемы фолк-лингвистики	196
Сарафанова О. Л. Екатеринбург, Россия	Апелляция к патриотическим ценностям как доминанта лингвокультурной адаптации рекламного текста	203

РАЗДЕЛ 4. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

Спербер Г. Огайо, США Тидвелл Д. Н. Сан-Диего, США	Слова и словосочетания в американской политике	208
---	--	-----

РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

Мухин М. Ю., Чудинов А. П. Екатеринбург, Россия	Пути формализации сознания языковой личности	214
Антонова Ю. А. Екатеринбург, Россия Кондратьева О. Н. Кемерово, Россия	Международная научная конференция «Образ России в зарубежном политическом дискурсе: Стереотипы, мифы и метафоры» (Екатеринбург, сентябрь 2010)	217
Правила предоставления рукописей авторами в журнал «Политическая лингвистика»		222

CONTENTS

EDITORIAL		8
PART 1. THEORY OF POLITICAL LINGUISTICS		
Volodina M. N. Moscow, Russia	On the role of Mass Media in political communication (on the basis of German Mass Media)	9
Gavrilova M. V. St. Petersburg, Russia	Development of content forms of the concept «Unity» in Russian political discourse of the XX–XXI centuries	13
Gritsenko E. S. Nizhny Novgorod, Russia	Discourse, stereotyping and reality: Russia and WWII in US history textbooks	19
Dementyev V. V. Saratov, Russia	Russian newspeak in the light of the theory of communicative values (on the basis of the political speech)	24
Igoshev B. M., Roubina L. Y. Ekaterinburg, Russia	Civil participation of student youth: Conceptual dictionary	41
Manaenko G. N. Stavropol, Russia	Deformation of the «Image of the Caucasus» in the contemporary mass media discourse of Russia and in public consciousness, or About the use of political linguistics	50
Filipazzi M. Florence, Italy	Russia in Italian press: Distorted and «restorted» image	54
Tsoneva L. M. Veliko-Turnovo, Bulgaria	Bulgarian elections on the background of global crisis	61
Shipitsina G. M., Svistelnikova S. A. Belgorod, Stary Oskol, Russia	In reference to the verbal portrait of the opposition newspaper: Article headlines	70
Yan Ke Guanchzhou, China	Research on catchwords and slogans in China in recent decades	75
PART 2. POLITICAL COMMUNICATION		
Alekseyeva M. L. Ekaterinburg, Russia	Russian realias denoting the state structure in Russia of the XIX century in german translations	81
Belyutin R. V. Smolensk, Russia	The language of sport in the German political arena	87
Burtseva-Kulyavtseva M. Yu. Volgograd, Russia	Forms of appeal to the concept «President» in the American lingvoculture	93
Kanafieva A. V. Moscow, Russia	Rhetorical expression in modern public speech	98
Kondratyeva O. N. Kemerovo, Russia	Metaphorical representation of political life in the Ukraine in Yulia Tymoshenko idiostyle	101
Koshkarova N. N. Chelyabinsk, Russia	Asymmetric distribution of communicative roles in political interview as a factor of success or failure of communication	112
Kudryavtsev A. G. Chelyabinsk, Russia	Expression of national identity in political discourse: Functions and mechanisms of producing influence on the recipient of the message	115
Nakhimova E. A. Ekaterinburg, Russia	Historical dynamics of precedent names' metaphoric activity in political communication	118

Nezhdanov D. V. Ekaterinburg, Russia	«Publiocracy» as an upgrade of «democracy»: from term building to the form of socio-political structure of «tomorrow»	125
Okuneva I. O. Moscow, Russia	Types and the role of metaphor in the press of Russia, Great Britain, the USA and Canada (based on the newspaper articles on the issues of the state, society and the press relations)	135
Orekhova E. N. Maikop, Russia	Precedent phenomena transformations in the political articles of the Russian and American mass media	146
Sachava O. S. St. Petersburg, Russia	Imitated interdiscursivity as a strategy of text building in German political satire	150
Sivenkova M. A. Minsk, Belarus	On quantity in parity with quality: Metacommunicative moves in Russian, British, and German political dialogue	155
Smirnova Yu. L. Chelyabinsk, Russia	Political euphemism as a constituent of mass media language of election campaigns in democratic countries	163
Sobijanek K. Lodz, Poland	Image of Russia and stereotypes of its perception in Poland (on the basis of publications by Andrzej de Lazari)	166
Tagiltseva Yu. R. Ekaterinburg, Russia	Local informational-psychological wars: peculiarities of development in modern Russia	171
Tulnova M. A. Volgograd, Russia	Taboo in the context of globalization	176
Ushakova A. P. Tyumen, Russia	The category of possessiveness as an element of political discourse	182
PART 3. LANGUAGE – POLITICS – CULTURE		
Istratova Yu. A. Ekaterinburg, Russia	Political allusion in Brassens's songs	188
Mukhin M. Yu. Ekaterinburg, Russia	Socio-political and psychological identity in personal naming (as reflected in works by M. Bulgakov, V. Nabokov, A. Platonov and M. Sholokhov)	192
Polinichenko D. Yu. Krasnodar, Russia	Political mythologems of folk linguistics	196
Sarafanova O. L. Ekaterinburg, Russia	Appeal to patriotic values as the dominant of lingo-cultural adaptation of a publicity text	203
PART 4. FROM THE HISTORY OF POLITICAL LINGUISTICS		
Sperber H. Ohio, USA	Words and phrases in American politics	208
Tidwell J. N. San Diego, USA		
PART 5. REVIEWS. CHRONICLE		
Mukhin M. Yu., Chudinov A. P. Ekaterinburg, Russia	Ways of formalization of language personality	214
Antonova Yu. A. Ekaterinburg, Russia	International scientific conference «Image of Russia in foreign political discourse: Stereotypes, myths, metaphors» (Ekaterinburg, September 2010)	217
Kondratieva O. N. Kemerovo, Russia		
Manuscripts requirements		222

ПРЕДИСЛОВИЕ

Редакционная коллегия представляет тридцать четвертый выпуск «Политической лингвистики». Редакционная политика остается прежней.

Мы по-прежнему стремимся к узкой специализации с ориентацией на максимально широкий круг читателей. Наши авторы представляют различные научные школы и направления в России и в других странах.

Мы сохраняем четыре основных раздела нашего журнала.

Раздел «Теория политической лингвистики» предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике. Нам приятно, что для очередного выпуска предложили свои материалы профессора М. Н. Володина (Москва), М. В. Гаврилова (Санкт-Петербург), Е. С. Гриценко (Нижний Новгород), В. В. Дементьев (Саратов), Б. М. Игошев и Л. Я. Рубина (Екатеринбург), Г. Н. Манаенко (Ставрополь), М. Филипацци (Флоренция, Италия), Л. Цонева (Велико-Тырново, Болгария), Г. И. Шипицына (Белгород), Ян Кэ (Гуаньчжоу, Китай).

Раздел «Политическая коммуникация» включает статьи и материалы преимущественно практического характера.

В разделе «Язык – политика – культура» представлены исследования публицистических, рекламных, разговорных и художественных текстов, в той или иной степени значимые для политической лингвистики.

В разделе «Из истории политической лингвистики» публикуются впервые переведенные на русский язык статьи, написанные много десятилетий назад, но сохраняющие свою значимость для теории и истории науки.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но считаем необходимым соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса. Разумеется, сам факт анализа политических текстов, созданных политическими экстремистами, вовсе не свидетельствует о том, что автор публикации или редакционная коллегия в какой-либо степени солидарны с позицией соответствующего политического лидера или журналиста.

Мы можем публиковать материалы в порядке дискуссии, не разделяя при этом точку зрения авторов.

Мы не имеем возможности достойно оплачивать труд литературных редакторов и корректоров, а поэтому ответственность за подбор и точность цитат, за возможные опечатки или иного

рода недочеты несут авторы соответствующих публикаций.

Мы лишены возможности достойно оплачивать труд профессиональных переводчиков. Поэтому вполне возможно, что переводчики-волонтеры не всегда блестяще справляются со своей работой, но мы надеемся, что публикуемые переводы дают достаточно точное представление о содержании оригинальных текстов.

В сочетании «политическая лингвистика» для нас значимы обе части. И хотя мы считаем наш журнал лингвистическим, однако стремимся предоставлять трибуну политологам, психологам, социологам и специалистам по иным социально-гуманитарным наукам.

С содержанием предшествующих выпусков данного журнала можно ознакомиться на сайте cognitiv.narod.ru, а также на сайте Уральского государственного педагогического университета uspu.ru. На сайте cognitiv.narod.ru размещены также другие публикации по проблемам политической лингвистики, преимущественно подготовленные в рамках Уральской школы политической лингвистики. Мы готовы удовлетворить заявки и на пересылку этого и предшествующих выпусков в отпечатанном варианте.

Контакты.

Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны: (343) 2357612 (кафедра);
(343) 3361592 (гл. редактор А. П. Чудинов).
Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.

Приятно сообщить, что по данным Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) на середину 2010 года наш журнал вновь оказался в числе пяти наиболее цитируемых филологических изданий. Разумеется, импакт-фактор не в полной мере отражает научную значимость соответствующих журналов: существуют и другие признанные научным сообществом показатели.

Более полные данные о Российском индексе научного цитирования и импакт-факторе РИНЦ представлены на сайте РИНЦ (<http://elibrary.ru>).

С уважением и надеждой на сотрудничество:

профессор Анатолий Прокопьевич Чудинов,
доцент Эдуард Владимирович Будаев,
доцент Мария Борисовна Ворошилова,
редактор Даниил Олегович Морозов

РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 316.77:811.112.2

М. Н. Володина
Москва, Россия

О РОЛИ СМИ В ПРОЦЕССЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ (на материале немецких массмедиа)

ГСНТИ 16.21.27

Аннотация. В статье рассмотрены закономерности современной политической коммуникации, отмечаются все возрастающая «медиазация политики» в Германии, симбиоз политики и массмедиа.

Ключевые слова: политическая коммуникация; массмедиа; Германия; символическая политика; медиатизация политики.

Сведения об авторе: Володина Майя Никитична, доктор филологических наук, профессор.

Место работы: Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

Контактная информация: 119991, г. Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1, стр. 51, к. 977
e-mail: volodina@philol.msu.ru.

M. N. Volodina
Moscow, Russia

ON THE ROLE OF MASS MEDIA IN POLITICAL COMMUNICATION (on the basis of German Mass Media)

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The article describes rules of modern political communication, “mediatization of politics” in Germany and symbiosis of politics and Mass Media.

Key words: political communication; Mass Media; Germany; symbolical politics; mediatization of politics.

About the author: Volodina Majya Nikitichna, Doctor of Philology, Professor.

Place of employment: Moscow State University named after M. V. Lomonosov.

Поставляя соответствующую социальную, политическую и культурную информацию, СМИ включаются в процесс и результаты социально-политической коммуникации, способствуя формированию конкретной картины мира в сознании адресата.

В отечественной традиции картина мира трактуется не как зеркальное отражение действительности, а как одна из возможных «пристрастных» культурно-исторических моделей мира, создаваемых единичным или коллективным субъектом в процессе интерпретации действительности. Именно эта интерпретация лежит в основе картины мира, формирующейся в рамках системы коллективного знания, с помощью которого люди моделируют окружающий мир.

Уже более полувека основными «поставщиками» социально-политической и культурной информации, а также посредниками в распространении коллективного знания являются средства массовой информации, которые во многом способствуют поддержанию, изменению или трансформации картины мира субъекта, определенным образом интерпретируя этот мир и тем самым воздействуя на общественное сознание.

Весьма показательна в этом контексте оценка роли радио как одного из основных информационных каналов, данная в разное время разными общественными деятелями Германии. В 20-е годы XX века «отец немецкого радио» Г. Бредов определял радио как «цивилизующий инструмент в процессе становления человеческой личности» (zivilisatorisches Instrument der Menschenwerdung). Бертольд Брехт в это же время разработал особую теорию радиоискусства, стремясь с помощью радио донести до широких народных масс искусство, доступное прежде лишь избранным. В конце 30-х годов

прошлого века известные немецкие социологи Макс Хоркгеймер и Теодор Адорно, которые издали в США книгу «Диалектика просвещения» («Dialektik der Aufklärung») об «индустрии буржуазной культуры», определяли радио и другие массмедиа как инструмент обольщения масс (Instrument der Massenverdrummung). После прихода к власти Гитлера, когда радио стало важнейшим средством нацистской пропаганды, появляется книга Г. Экерта «Rundfunk als Führungsmittel» («Радио как орган власти»), а спустя десять лет, в 1948 г., выходит справочник «Fernsehen und Rundfunk für die Demokratie» («Телевидение и радио на службе демократии») [Володина 2003: 23].

Воздействующая функция средств массовой информации в значительной степени проявляется на уровне публицистики. Именно публицистический стиль как наиболее «открытый» в системе функциональных стилей «обслуживает политико-идеологические, общественно-экономические и культурные отношения» [Клушина 2008: 480].

Публицистика, ориентированная на отображение политической жизни общества, непосредственно связана с процессом политической коммуникации.

Одна из особенностей политической коммуникации сегодня состоит в том, что политик, претендующий на сколько-нибудь значительную роль в общественной жизни своей страны, должен активно использовать медийную информационную сферу, чтобы иметь реальную возможность заявить о себе и обеспечить продвижение своих идей, опираясь на поддержку общественного мнения.

С точки зрения депутата бундестага от Социал-демократической партии Германии, Карстена Шнайдера [Schneider 1999], публичная презентация важных политических решений

стала в современной Германии, пожалуй, важнее, чем само их содержание. Поэтому, например, одновременно с разработкой какого-либо законопроекта стоит задуматься о возможности его «сбыта» на медийном рынке. Прежде всего необходимо решить, куда наиболее эффективно поместить соответствующее политическое сообщение, чтобы добиться признания и публичного одобрения. Журналисты вступают в игру не позднее этого момента.

Задаваясь вопросом, являются ли журналисты только посредниками в процессе политической коммуникации, способствуя достижению цели политиков, руководствуются ли они собственными интересами, или просто передают информацию, Шнайдер приходит к неизбежному выводу о *симбиозе политики и массмедиа*. Политикам жизненно необходимо медийное пространство для пропаганды своих идей, завоевания приоритета в общественном мнении и самоутверждения. Журналисты, со своей стороны, нуждаются в «эксклюзивной» информации для повышения привлекательности и цитируемости своих изданий, а также для самоутверждения. Но делают ли массмедиа политику? В состоянии ли «четвертая власть» отделять собственные интересы от своей основной обязанности – поставлять «серьезную информацию»? На последний вопрос Шнайдер дает отрицательный ответ.

Эта проблематика интересует немецких политических деятелей, газетных обозревателей и исследователей массмедиа на протяжении всего периода конца XX – начала XXI вв. В фокусе внимания находятся и такие понятия, как «символическая политика», «инфотейнмент», «политейнмент» и «политический театр».

В исследованиях последнего десятилетия «символическая политика» трактуется как «особый род политической коммуникации, нацеленной не на рациональное осмысление, а на внушение устойчивых смыслов посредством инсценирования визуальных эффектов. <...> Символическая политика во все времена использовалась властью для укрепления своих основ, особенно в моменты социальных кризисов и распада. В отличие от прошлых эпох, современная власть инсценирует себя не при помощи статуй, медалей и триумфальных арок, а посредством фото- и кинопродукции, прессы, радио и телевидения» [Sarcinelli 1987; Поцелуев].

Символическую политику сегодня напрямую связывают с растущими возможностями массмедийных технологий и производством политических «звезд» по аналогии с шоу-бизнесом. Подобные аналогии возникают прежде всего по отношению к медиафеноменам «инфотейнмент», «политейнмент» и «политический театр», получившим широкое распространение не только в Германии: «Согласно теориям немецких и англо-американских исследователей, формирование стиля “инфотейнмент” стало

результатом расшатывания строгой дихотомии информационных и развлекательных форматов, как на радио, так и на телевидении. Предметом обсуждения массмедиа становится информация, развлекательная по своей сути, а серьезные сообщения могут преподноситься в развлекательной форме. Тезис о том, что информация интересна ровно в той мере, в какой она развлекательна или развлекательно преподнесена, является исходным пунктом для стиля инфотейнмент» [Еремина 2010: 3]. (Инфотейнмент (infotainment, от англ. information – информация и entertainment – развлечение) – информационные программы, в которых новости представлены зрителям в максимально развлекательной форме. Информирование аудитории и анализ событий максимально облегчены, а новостные программы представляют политику как сферу массовой культуры. В печатной индустрии этому термину соответствует термин «таблоидизация», описывающий аналогичные явления применительно к газетному рынку [Вартанова 2003].)

Термин «политейнмент», который является собой контаминацию слов «политика» и «инфотейнмент», обозначает понятие, отображающее наличие (или превалирование) развлекательного компонента на уровне политики. Со значением термина «политический театр» непосредственно связано представление об «инсценировании» соответствующего политического действия. Оба эти явления («политейнмент» и «политический театр»), относящиеся к индустрии политического развлечения, определяются как стратегические формы или виды политической коммуникации, которые рассчитаны на получение массовой поддержки политики власти с помощью политического шоу.

Показательно в связи с этим, что не только в сфере массмедиа, но и в области политики Германии сегодня широко употребляются термин «актер» (по отношению к журналисту/политику) и термин «публика» (по отношению к аудитории/адресатам). Немецкий исследователь Х. Гирнт, например, определяет политику как «актера, действующего на политической сцене» и апеллирующего к эмоциям своей публики – “Der Politiker als handelnder Akteur auf der politischen Bühne”; “Politiker appellieren an die Emotionen ihres Publikums...” [Girnth 2002: 1, 31].

Характерным для политической коммуникации такого рода считается особый стиль речи, основанный не столько на аргументации, сколько на эмоциях и эффектном использовании готовых к употреблению клише («politische Floskel») [Erppler 1992]).

Выбор конкретных языковых средств, связанный с определенной оценкой действительности, существенно влияет на ее восприятие и осмысление. В политической коммуникативной сфере многократно повторяющийся контекст обретает системную силу, которая конденсирует наиболее актуальный текстовый смысл, ста-

новьясь политико-идеологическим кодом и выступая в роли символа. Подобные символы (стереотипы) можно рассматривать как специальное знание, которое фиксируется в концептуальном (понятийном) представлении носителей языка и вводится в языковое сознание. Речевая стратегия в данном случае предстает как когнитивный процесс, в котором коммуникативная цель соотносится с конкретным языковым выражением [Володина 2003: 26].

Воздействие структур речевой коммуникации на политическое сознание носителей языка осуществляется прежде всего на уровне публицистического дискурса в рамках политической коммуникации.

Особую роль в процессе политической коммуникации немецкие исследователи отводят «политическому языку» [см. Dieckmann 1980; Dörner 1991; Klein 1998], прагматическая ценность которого заключается в способности, определенным образом изменяя «смысловой акцент», использовать привычные политические понятия для манипулирования общественным сознанием. Именно в этом состоит сущность т. н. «семантической политики», ключ к пониманию которой следует искать в американской политической культуре, в рамках т. н. коммуникативных политтехнологий.

Основные положения «семантической политики» в Германии сформулировал К. Биденкопф, бывший генеральный секретарь партии христианских демократов (ХДС). Признавая язык «важнейшим стратегическим средством» в борьбе за достижение поставленных целей, он подчеркивал, что в современный период предпосылкой революционного преобразования государственного порядка становится «не захват правительственных зданий», а умение использовать в своих целях риторику противника, «окупируя» его понятия («Statt der Gebäude der Regierungen werden die Begriffe besetzt, mit denen sie regieren...») [Girnth 2002: 62–63].

Примером эффективности такой стратегии в Германии может служить предвыборная кампания 2005 года, которая способствовала смене политического вектора в стране. Острая предвыборная борьба Герхарда Шрёдера (СДПГ) и Ангелы Меркель (ХДС), как ведущих «концептоносителей» Германии того периода, вылилась на страницах немецких газет и экранах телевизоров в своеобразный диалог интерпретаций, в противостояние систем ценностей, презентуемое по шкале координат разных партий и обусловленное определенными стратегиями отбора риторических средств.

Указывая на важность социальных проблем, выносимых на обсуждение социал-демократами («справедливая налоговая реформа», «социальная справедливость и солидарность»), политические обозреватели единодушно отмечают эмоциональную выразительность их предвыборной риторики. Одновременно с этим подчеркивается прагматический ха-

актер риторики христианских демократов, в которой сочетаются «нападки на действующее правительство с конструктивными предложениями собственной предвыборной программы» («один из основных слоганов CDU: “Банкротство предприятий каждые 15 минут требует перемены курса Германии!”»): «Entscheidend war aber wohl, dass in der Schlussphase des Wahlkampfes mit der **Debatte um ein gerechtes Steuersystem eine emotional untersetzte Wertedebatte über soziale Gerechtigkeit und Solidarität** einherging, die die SPD-Anhängerschaft mobilisierte und Teile der Unionsklientel verunsicherte». [Hilmer 2006].

Очень значимым в данной ситуации стало также изменение общественного мнения по отношению к роли массмедиа в политическом процессе. С самого начала предвыборных телевизионных дебатов горячей поддержкой пользовались выступления против «медийной политики» в защиту политики «реальной». Эти выступления явились выражением растущего недоверия граждан Германии к политике, основанной на глобальном использовании средств массовой информации, и к политикам, практикующим такое использование.

Необходимо отметить, что массмедиа четко отреагировали на подобное изменение общественного мнения и умело использовали его, тиражируя и «подогревая» настроения избирателей. Вот почему, по словам К. Буркгарта, результаты выборов привели в замешательство всех экспертов по изучению общественного мнения, вызвали волну самокритических заявлений известных аналитиков, комментаторов и главных редакторов ведущих политических изданий Германии, а «медийный канцлер» Герхард Шредер «перепрофилировался» в «верховного» критика журналистов [Burkhardt].

Однако нельзя оценивать значение массмедиа по результатам выборов 2005 г., не учитывая политических приоритетов в стране того периода. «В новом Бундестаге осенью 2005 года сложилась патовая ситуация: ни у “красно-зеленых”, ни у буржуазного блока не было большинства. После долгих переговоров на суд гражданам Германии была представлена коалиция, которую пресса тут же окрестила “противоестественной” – ХДС/ХСС и СДПГ пошли на сделку друг с другом. Пожертвовав Шредером, социал-демократы получили в новом кабинете министров 8 кресел из 15» [Ватлин].

Анализируя проблему «медиатизации политики» в Германии, К. Буркгарт подчеркивает, что уроки выборов федерального канцлера 2005 г. заставляют снова и снова возвращаться к оценке роли массмедиа. При этом автор статьи считает особенно важным обращение к позиции таких немецких исследователей прошлого и настоящего, как Макс Вебер (1864–1920), Карл Шмитт (1888–1985), Никлас Луман (1927–1998) и Юрген Хабермас [см. Habermas 1971].

В ссылке на доклад Макса Вебера «Политика как профессия» („Politik als Beruf“) К. Буркгардт выделяет его тезис о «журналистской деятельности, “заземленной в активном” политическом процессе», наряду с его же высказываниями о «социальном статусе журналистов» как представителей «комментирующего класса» [Burkhardt].

Обращаясь к неоднозначной фигуре социолога и философа Карла Шмитта, Буркгардт отталкивается на его четко сформулированной мысли о серьезной угрозе, исходящей от массмедиа, которые все активнее воздействуют на «чистую» политику, по-своему лишая ее «дееспособности».

Широкой известностью пользуется книга другого немецкого социолога, Никласа Лумана, «Реальность массмедиа» (“Die Realität der Massenmedien” [Luhmann 1996]), в которой автор говорит о реальности, «конструируемой средствами массовой информации» (подробнее об этом см.: [Володина 2004: 33–35]).

В последнее время немецкие политологи и исследователи массмедиа все чаще обращаются к работам известного философа и социолога Юргена Хабермаса. Анализируя «общественно-коммуникативные» процессы в гражданском обществе (kommunikative Öffentlichkeit) [Habermas 1971], Хабермас подчеркивает, что их реальное функционирование подвергается серьезному воздействию со стороны политических, экономических и массмедийных системных механизмов.

Оценка роли массмедиа в процессе политической коммуникации находится сегодня в фокусе особого внимания общественности Германии. Во главу угла ставится проблема утраты дистанции между политикой и деятельностью журналистов, вопрос о том, «кто кого использует («instrumentalisiert») в этой сфере – массмедиа политику или политики, которые нередко присваивают себе массмедиа» [Bundeszentrale für politische Bildung].

Представляется, что необходимость установить четкую границу между журналистской деятельностью и политикой является жизненно важной для обеих сторон.

ЛИТЕРАТУРА

Ватлин А. Пять лет без Шредера: первые выводы о достижениях и упущениях... URL: <http://www.Germania-online.ru/politika/politika-detall/datum/2010/09/17/>.

Вартанова Е. Л. Медиаэкономика зарубежных стран. Глоссарий. – М., 2003.

Володина М. Н. Язык СМИ – основное средство воздействия на массовое сознание // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. – М., 2003. С. 9–31.

Володина М. Н. Язык СМИ – особый язык со-

циального взаимодействия // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования. Ч. 2. – М., 2004. С. 11–37.

Еремина Д. А. Особенности информационно-развлекательного стиля (инфотеймент) на общественно-правовых и частных радиостанциях Германии (на материале утренних шоу радиостанций NDR2 и Radio ffn): дипломная работа [научный руководитель: д. ф. н., проф. М. Н. Володина]. – М., 2010.

Клушина Н. И. Особенности публицистического стиля // Язык средств массовой информации [под ред. М. Н. Володиной]. – М., 2008. С. 479–495.

Почелуев С. П. Символическая политика: констелляция понятий для подхода к проблеме. Символическая политика как инсценирование и эстетизация URL: <http://znl.boom.ru/bibl/Pocel.htm>.

Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. – СПб., 2000.

Язык средств массовой информации / под ред. М. Н. Володиной. – М., 2008.

Bundeszentrale für politische Bildung. Video-Interviews: Medien und Politik (März 2006). URL: <http://www.bpb.de/>.

Burkhardt K. Begriffe und Positionen des „Politischen“ in der Kommunikationsgesellschaft. (Institut für Medien- und Kommunikationspolitik). URL: <http://medienpolitik>.

Dieckmann W. Sprache in der Politik // Greiffenhagen M. (Hrsg.). Kampf um Wörter? Politische Begriffe im Meinungsstreit. – Bonn: Bundeszentrale für politische Bildung, 1980. S. 47–64.

Dörner A. Politische Sprache – Instrument und Institution der Politik // APUZ. 1991. Nr. B17. S. 3–11.

Eppler E. Kavalleriepferde beim Hornsignal. Die Krise der Politik im Spiegel der Sprache. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1992.

Girnth H. Sprache und Sprachverwendung in der Politik. Eine Einführung in die linguistische Analyse öffentlich-politischer Kommunikation. – Tübingen, 2002.

Habermas J. Strukturwandel der Öffentlichkeit. Untersuchungen zu einer Kategorie der bürgerlichen Gesellschaft. Neuwied. 5. Aufl. – Berlin, 1971.

Hilmer R. = Müller-Hilmer R. Die Bundestagswahl vom 18. September 2005: Votum für Wechsel in Kontinuität // Zeitschrift für Parlamentsfragen. 2006. Nr. 1. S. 183–218.

Klein J. Politische Kommunikation – Sprachwissenschaftliche Perspektiven // Jarren O., Sarcinelli U., Sacher U. (Hrsg.). Politische Kommunikation in der demokratischen Gesellschaft. Ein Handbuch. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1998. S. 186–210.

Luhmann N. Die Realität der Massenmedien. – Opladen, 1996.

Sarcinelli U. Symbolische Politik. Zur Bedeutung symbolischen Handelns in der Wahlkampfkommunikation der Bundesrepublik Deutschland. – Opladen: Westdeutscher Verlag, 1987.

Schneider C. Nach dem Sommertheater übt die Regierungspartei Kommunikationsdisziplin // Berliner Republik. Das Debattenmagazin. 1999. № 1.

© Володина М. Н., 2010

УДК 81'27

М. В. Гаврилова

Санкт-Петербург, Россия

**РАЗВИТИЕ СОДЕРЖАТЕЛЬНЫХ ФОРМ
КОНЦЕПТА «ЕДИНСТВО»
В РУССКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ
XX – XXI ВЕКОВ**

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.51

Аннотация. В статье рассматривается изменение содержательных форм концепта «единство» в течение XX – XXI веков на материале программ политических партий и выступлений российских президентов.

Ключевые слова: программа политической партии; президентский дискурс; концепт; русский политический дискурс; лингвокогнитивный анализ.

Сведения об авторе: Гаврилова Марина Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры коммуникационных технологий и связей с общественностью.

Место работы: Невский институт языка и культуры (Санкт-Петербург).

Контактная информация: 197110, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Разночинная, д. 27.
e-mail: davriil@mail.wplus.net.

M. V. Gavrilova

St. Petersburg, Russia

**DEVELOPMENT OF CONTENT FORMS
OF THE CONCEPT «UNITY»
IN RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE
OF THE XX–XXI CENTURIES**

Код ВАК 10.02.01

Abstract. The article discusses changes of the content forms of the concept «unity» during the XX–XXI centuries on the basis of programs of political parties and speeches by the Russian presidents.

Key words: political party program; presidential discourse; concept; Russian political discourse; linguo-cognitive analysis.

About the author: Gavrilova Marina Vladimirovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Communicative Technologies and PR.

Place of employment: Nevsky Institute of Language and Culture (St. Petersburg)

Анализ ключевых концептов политической речи и описание семантических процессов, отражающих изменения общественного сознания, определение универсальных признаков и национально-культурных особенностей политического дискурса являются основными задачами политической лингвистики.

В данной статье мы проследим изменение содержательных форм ключевого концепта *единство* в русском политическом дискурсе.

В качестве материала исследования будут использованы программные выступления российских президентов и программы политических партий, поскольку именно они представляют собой идеологические документы, в которых представлены основные цели, желаемый образ будущего, тактические задачи партии, т. е. затрагиваются темы, которые разворачиваются в дискурсе, наполняя его содержание смыслом. Иными словами, программы партий – это содержательная сердцевина русского политического дискурса. На основе сопоставления партийных программ начала XX и начала XXI в. мы можем проследить семантические изменения русского политического дискурса в диахроническом аспекте.

Следует отметить общность контекстуальных условий производства дискурса партийных программ. Иными словами, исторический контекст создания и принятия анализируемых партийных документов имеет сходные черты – построение политической и общественной жизни на новых началах в начале XX века (манифест 17 октября) и в конце XX – начале XXI в. (новая Россия). Принятие манифеста 17 октября 1905 г. способствовало стремительному развитию русского политического дискурса. Русский народ получил право участвовать в управлении

государством через выборных в Государственную думу людей, были дарованы свободы совести, слова, собраний и союзов. Каждый гражданин получил право открыто выражать свои политические убеждения. Началось образование партий и союзов с различными политическими программами. К числу наиболее крупных можно отнести 16 партий: социал-демократическая партия, партия социалистов-революционеров, радикальная партия, партия свободомыслящих, партия конституционных демократов, демократический союз конституционалистов, умеренно-прогрессивная партия, прогрессивно-экономическая партия, народно-хозяйственная партия, Всероссийский торгово-промышленный союз, «Союз 17-го октября», партия правового порядка, партия монархистов-конституционалистов (царистов), Русский народнический всесословный союз, «Отечественный союз», Русское собрание.

Накануне XXI в. Россия, пройдя этап гласности и перестройки, обретает новую государственность, конституционная и избирательная реформы 1993 года способствуют формированию многопартийной системы. В 90-е годы наблюдается активный процесс партийного строительства, возникает более 150 политических партий, общественных движений и союзов. В 2000-е годы наблюдаются процессы изменения и структурирования российского политического ландшафта. Материалом сопоставительного анализа являются программы основных политических партий России различных идеологических направлений, представленных в Государственной думе пятого созыва, в частности Коммунистической партии Российской Федерации (КПРФ), Либерально-демократической партии России (ЛДПР), политической партии

«Справедливая Россия», Всероссийской политической партии «Единая Россия».

Проведенный нами сравнительный анализ тематической структуры программных документов российских политических партий начала XX и XXI веков выявил интертекстуальные связи политических текстов на уровне ключевых слов русского политического дискурса: *Россия, народ, власть, единство* и др.

Обратимся к рассмотрению слова *единство*. В начале XX века различные политические силы объединяла уверенность в том, что Россия должна быть единым государством: «*Россия – едина и неделима*» (прогрессивно-экономическая партия), «*Российское государство должно быть едино, цельно и нераздельно*» (умеренно-прогрессивная партия), «*нераздельное единство русского государства*» (народнохозяйственная партия), «*защита единой, неделимой империи с конституционным монархом*» (Всероссийский торгово-промышленный союз), «*жизненным условием для укрепления внешней мощи России и для ее внутреннего процветания является ограждение единства ее политического тела, сохранение за ее государственным строем исторически сложившегося унитарного характера*» (Союз 17 октября), «*Россия единая и нераздельная*» (Русский народнический всесловный союз), «*Первым и основным положением своей программы “Отечественный союз” признает начало целостности и нераздельности русского государства, с допущением для окраин лишь таких вызываемых местными условиями особенностей, которыми не нарушилось бы единство России*» («Отечественный союз»), «*Россия едина и неделима*» (Русское собрание). Однако контекстуальное окружение политического лозунга позволяет предположить, что в партийных программах начала XX века единство государства рассматривалось преимущественно как абсолютная политическая ценность, а в современном политическом дискурсе единство нередко выступает как условие достижения политических целей: «*Сильная Россия – Единая Россия*» (В. В. Путин).

Наблюдения за сочетаемостными возможностями слова *единство* показали, что в партийных программах начала XX века единство было связано прежде всего с территориальной целостностью и унитарным характером государства.

В партийных документах начала XX века (кроме программ социалистических партий) наряду со словом *единство* также употребляется *единение*. При этом единство преимущественно используется в сочетаниях «единство страны» (территория, государственный строй), а *единение*, согласуясь с одушевленными существительными, обслуживает сферу человеческих отношений. Иными словами, существует семантическое разграничение «единство страны – единение людей». Ср.: «*Единство и недели-*

мость России. Этот пункт, при настоящих обстоятельствах, есть самый важный в нашей программе» (партия правового порядка); «*...Жизненным условием для укрепления внешней мощи России и для ее внутреннего процветания является ограждение единства ее политического тела, сохранение за ее государственным строем исторически сложившегося унитарного характера*» (Союз 17 октября); «*Царское самодержавие должно основываться на постоянном единении царя с народом*» (Русское собрание); «*...Партия свободомыслящих придает особое значение единению всех прогрессивных партий в общих им всем пунктах программ; она видит в этом единении обеспечение против всяких реакционных попыток, откуда бы они ни исходили*» (партия свободомыслящих).

В начале XX в. *единение* и *единство* являлись синонимами. *Единение* толкуется как «соединение», «согласие и единство», «единомыслие». *Единство* означает «свойство единого, составляющего одно целое; единомушие, единомыслие» [Даль, Т.1: 1282]. Иными словами, общими для синонимов были семы 'связь' и 'единомыслие'. В XX веке лексическое значение слов претерпело некоторые изменения. *Единение* – это тесная связь, союз, сплоченность. В «Словаре русского языка» под редакцией С. И. Ожегова слово *единение* снабжено стилистической пометой *высокое* [Словарь, Т.1: 463]. *Единство* – 1. Цельность, нераздельность. || Сосредоточение чего-либо в одном месте, в одних пределах, в одних руках и т. п. 2. Сочетание в одном целом, неразрывность связи. 3. Общность, полное сходство, совпадение. Смысловой оттенок основного значения провоцирует политические дискуссии об угрозе авторитаризма в России.

Начиная с партийных документов социалистических партий начала XX в., *единство*, вообраз в свою семантическую структуру сему 'сплоченность', вытеснило слово *единение* из русского политического дискурса, вследствие чего *единство* стало употребляться как с неодушевленными, так и с одушевленными существительными. На наш взгляд, это произошло потому, что *единство* предполагало прежде всего 'цельность' и 'полное сходство' – значения, наиболее востребованные и актуальные для политической борьбы социалистических партий. Ср.: «*...Основная практическая задача сводится к тому, чтобы все слои трудового и эксплуатируемого населения сознали себя единым рабочим классом, выдели в своем классовом единстве залог своего освобождения, и путем планомерной организованной борьбы совершили социально-революционный переворот*» (социал-революционная партия).

Единство являлось идеологемой советского политического дискурса в значении 'общность, цельность, нераздельность'. Напомним, как

звучал лозунг КПСС: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!». «Толковый словарь языка совдепии» фиксирует устойчивые связи слова *единство* со словами, обозначающими два главных политических субъекта, а именно со словом *партия* (*единство партии*) и словосочетанием *советский народ* (*единство советского народа*). Слово употреблялось с прилагательными, обозначающими признак 'крепость' и 'цельность' (*монолитное единство*, *нерушимое единство*), и с прилагательными, обозначающими признак нематериальной духовной сферы (*морально-политическое единство*, *идейно-политическое единство*) [Мокиенко 1998: 186–187]. Таким образом, в советском политическом дискурсе *единство* означало 'сплоченность людей в сфере идей'.

Единство является основным политическим лозунгом русского политического дискурса на рубеже XX – XXI веков. К единству призывали российские президенты в идеологически значимых инаугурационных речах: «Верю, что все, кто готов работать на Россию, на ее процветание, найдут в себе силы для объединения ради общего дела. Мы – единый народ. У нас – одна страна, одна судьба» (Б. Н. Ельцин, 1996 г.); «...Считаю своей святой обязанностью сплотить народ России, собрать граждан вокруг ясных целей и задач. И каждый день, и каждую минуту служения Отечеству помнить: у нас одна Родина, один народ, у нас с вами одно общее будущее» (В. В. Путин, 2000 г.); «...Вместе мы сумели очень многое. И достигли всего этого только сами ... и сейчас становимся, постепенно становимся, единой нацией» (В. В. Путин, 2004 г.).

В русском политическом дискурсе 2000 – 2008 гг. сочетаемость возможности *единства* расширились, что дало возможность обогатить семантическую структуру слова. Например, *единство* было связано с сохранением территории (*единство страны*, *единство России*) и государственности (*единство российской государственности*, *общероссийское единство*, *государственное единство*). *Единство* сочетается со словами, обозначающими ветви власти, преимущественно исполнительной (*единство исполнительной вертикали*, *единство исполнительной власти*). *Единство* используется со словами, обозначающими различные элементы социальной системы (*единство экономического пространства*, *единство правового поля*). *Единство* описывает отношения между людьми внутри российского общества (*единство нации*, *национальное единство*, *единство российского общества*, *единство армии и народа*) и отношения между представителями различных народов и государств (*единство наших народов*, *единство народов СНГ*, *единство европейских народов*, *единство мирового сообщества*). *Единство* сочетается со словами, обозначающими элементы нематериальной, мыслительной сферы

(*единство духа*, *единство позиций*, *единство целей*, *единство взглядов*, *единство принципов*, *единство подходов*, *духовное единство*, *национально историческое единство*). *Единство* согласуется со словами, имеющими сему 'практическая деятельность' (*единство действий*). Таким образом, предметное значение слова *единство* расширяется.

В речевой практике второго президента России В. В. Путина значение слова *единство* полисемично. В зависимости от контекста *единство* может означать полное сходство мыслительной сферы («*думаю, что когда мы говорим о единстве российского государства, то без всякого преувеличения можно сказать, что и оно начинается, это единство, с ясного формулирования целей и задач общества, целей и задач государства*» – 13.01.01), и напряжение сил в едином порыве, надежда на собственные силы («*Наши отцы и деды никогда не ждали спасения со стороны. Величие народа и страны — это результат их личного подвига, их единства и героического труда. Время требует поступков и от нас. Мы должны честно работать, уважать и себя, и свою Родину. Суровое лихолетье она тогда прошла в одном порыве. Такое же единство нужно нам в мирной жизни и сегодня. В этом залог достойного будущего России. В этом залог свободы, залог процветания ее граждан*» – 09.05.02). При этом *единство* общества является условием решения задач, стоящих перед государством («*но положение, еще раз повторю, остается сложным, и потому главным условием работы в столь трудной ситуации является единство и сплоченность общества*» – 25.10.02).

Наряду с *единством* в новейшем политическом дискурсе используется слово иностранного происхождения *консолидация* (от лат. *consolidare* – укреплять): «...*На основе понятных и четких целей мы должны добиться консолидации для решения наших самых главных общенациональных проблем*» (Послание Федеральному собранию 2003). В конце XX в. словарь фиксирует актуализацию слов *консолидация*, *консолидировать*, *консолидироваться* в значении 'объединение, сплочение для усиления деятельности' [Словарь, Т.2: 91]. В начале XXI века продолжается актуализация слова, перемещение из семантической сферы финансов, переход из книжной речи в политический дискурс в прежнем значении 'укрепить, сплотить для усиления деятельности' [Склярская 2000: 325]. При этом благодаря частотности употребления формируется устойчивое словосочетание *консолидация (российского) общества*. Иными словами, словосочетания *единство общества* и *консолидация общества* в значении 'объединение людей' являются синонимичными. Однако наши наблюдения показали, что слова *консолидация* и *единство* не являются абсолютными синонимами в выступле-

ниях некоторых российских политиков, которые сознательно разграничивают семантику слов: «...Среди наших избирателей – люди самых разных политических взглядов, и этим надо очень дорожить. Это не минус, а плюс. Сохранить это единство и консолидацию, найти то, что консолидирует людей, придерживающихся различных мнений, разных политических взглядов, найти то общее, что консолидирует их, очень важно. Это единство и консолидация – важнейшая задача и для Президента, и для различных политических сил» (В. В. Путин, 27.05.00). В данном случае происходит внесение авторского смысла в содержание слова *консолидировать*, поскольку контекст проясняет значение: 'консолидировать = объединить'. Иными словами, в политическом дискурсе наблюдаются процессы семантического преобразования слов, наполнения их индивидуальным смыслом.

В начале XXI века в русском политическом дискурсе возникает и широко обсуждается тема единства страны. Однако объем и содержание слова *единство* в выступлениях политиков оказывается различным. В 2000–2008 гг. В. В. Путин преимущественно использовал выражение *единство страны*, которое понималось как укрепление государственной власти и наличие на всей территории России единого правового пространства: «Мы, наконец, – юридически и фактически – восстановили единство страны. Укрепили государственную власть к региону. Благодаря восстановлению единого правового пространства смогли вплотную заняться разграничением полномочий между центром и регионами. Здесь еще очень многое нужно сделать» (Послание Федеральному собранию 2003).

С 2008 г. Д. А. Медведев использует иные сочетания, говорит о *единстве народа, общества, нации* и рассматривает его как «самую высокую духовную ценность», подчеркивая, что «единство является условием развития страны, но оно особенно необходимо в период, когда государство, общество проходят через горнила трудностей». Политический лидер заявляет о том, что задача объединения общества пока не решена: «...Мы продолжаем укреплять единство нашего общества» (04.11.08). По мнению президента, единство общества является условием проведения модернизации в стране: «...Единство народа – это залог успешного развития страны в целом на годы, на десятилетия вперед» (04.11.08). Кроме того, единство рассматривается как фундаментальная ценность: «И сегодня, как всегда было в нашей истории, залог процветания России в единстве и сплоченности народов, которые проживают на нашей территории. Это наше богатство и преимущество, которое мы должны сохранить. Сохранить вместе с вами» (31.08.09).. Следует отметить, что

Д. А. Медведев употребляет слово *единство* в определенных контекстах, в тематических сферах «духовно-нравственное развитие», «культура», «международное сотрудничество», в торжественных ритуальных жанрах политической речи. Таким образом, сопоставление контекстов употребления ключевого слова *единство* позволяет представить цепочку семантических изменений: единство (страны), включенное в ментальную схему «государство», «право», «территория» (В. В. Путин) и единство (общества), связанное с духовностью и культурой (Д. А. Медведев).

Далее рассмотрим особенности осмысления концепта «единство» в предвыборных программах партий. В предвыборной программе КПРФ (2003 г.) информативно значимым являлось выражение *единство страны*, что означало прежде всего сохранение целостности страны и российской государственности: «Уже разрушен Советский Союз. Та же участь грозит и Российской Федерации»; «...Сохранить государственную целостность России, ...обеспечить национальное единство русского народа»; «Партия ведет борьбу за единство, целостность и независимость страны». В 2007 г. расширяются сочетаемостные возможности слова: *единство общества, единство слова и дела, единство трудового народа, единство многонациональной России*. Единство тематически связано с культурой («Будут осуществлены меры по защите русской культуры, как основы единства многонациональной России»). Единство рассматривается как условие и результат политической деятельности партии («На выборы в Государственную думу 2007 года КПРФ идет единым фронтом коммунистов и беспартийных»). В качестве искомым признаков России выступают определения 'единая', 'справедливая', 'социалистическая': «Россию. Истинно единую и справедливую, а значит – социалистическую!».

В программе 2003 г. ЛДПР предлагала проект создания унитарного (единого) государства. Представление о России как едином целом нашло свое отражение в метафорическом выражении «расчленение России»: «ЛДПР считает, что расчленение России создало бы в мире опасный очаг для внутренних и международных войн, в том числе и ядерных, а также смут и революционных катаклизмов. Все это негативно сказалось бы на всех народах, населяющих Россию и многие другие государства». Кроме того, единство страны подразумевало территориальную целостность, сохранение России в нынешних границах: «Большую опасность для России представляют вооруженные конфликты в приграничных районах бывшего СССР. Помимо межнациональных конфликтов определенная угроза для территориального единства России исходит также от сепаратистских устремлений отдельных ее регионов, особенно национальных» (ЛДПР).

В 2007 г. ЛДПР использует слова *единство* и *единение*, выступает за «*воссоединение земель бывшего СССР*» в составе единого государства («*считает необходимым проводить политику, направленную на воссоединение большинства бывших советских республик в единое демократическое государство*»), подчеркивает необходимость целостности территории страны и ее политического единства («*ЛДПР против межнациональной политики, которая будет поощрять действия, ведущие к расчленению или нарушению территориальной целостности и политического единства России*»). Важную роль в системе политических представлений членов партии играет вопрос о духовном единении россиян («*Залогом духовного единения и сплоченности всех народов России должны стать осознание общности их судеб, идея великой российской государственности. Россия – наша общая Родина*»). Мы наблюдаем процесс расширения контекстов употребления *единства*. В новой редакции программы *единство* относится к смысловым блокам «*идеология*» («*ЛДПР уверена, что России необходимо вернуть временно утраченное представление о себе самой, восстановить единую общенациональную перспективу и согласие по поводу основополагающих ценностей и принципов жизнеустройства*») и «*внешняя политика*» («*Особый упор следует делать на единение славянских народов. Это должно стать одним из важных направлений внешней политики России*»). Следует подчеркнуть, что *единство* выступает как основа новой идеологии («*Нужно единство на базе коренных ценностей русского народа и всех других народов, которые веками живут вместе. Эта новая идеология должна вдохновить и мобилизовать нацию*»).

В предвыборной программе партии «Справедливая Россия» (2007 г.) *единство* включено в смысловой блок «*образование и культура, идеология*» («*Культура — это фундамент, объединяющий нацию*»; «*Распространять просветительские программы, формирующие общероссийскую гражданскую идентичность: "Мы — единый народ!"*») и «*внешняя политика*» («*Проводить активную внешнюю политику, безусловным приоритетом которой является защита территориальной целостности и суверенитета России*»).

В предвыборной программе партии «Единая Россия» (2003 г.) наблюдается расширение сочетаемостных возможностей *единства*: «*единство государственной воли*», «*единство экономического пространства*», «*внутреннее единство*» и др. Особое значение партия «Единая Россия» придавала *внутреннему единству*: «*Быть в числе ведущих мировых держав способна только внутренне солидарная, единая в полном смысле этого слова страна. Формальное государственное единство Россия сохранила, но от него еще дале-*

ко до единства подлинного. Именно его отсутствие едва не разорвало Россию на части в 90-е годы прошлого столетия. Важнейшая задача нашей партии, ключевое условие международного успеха страны – достижение нового уровня ее внутреннего единства». Отметим, что выражения «*единая в полном смысле этого слова*», «*подлинное единство*» подчеркивают необходимость истинного, настоящего единства. Использование эпитетов, синонимического ряда (солидарная = единая), риторический прием изменения порядка слов, повтор слова *единство* в ограниченном текстовом фрагменте – все эти выразительные языковые средства служат смысловому выделению слова *единство* в тексте, способствуют запоминанию этого ключевого для партийной программы слова (в самом названии партии используется прилагательное *единый*). Уточнение содержания слова с помощью эпитетов развивается по нескольким семантическим направлениям: во-первых, *подлинный* (т. е. истинный); во-вторых, *солидарный*, актуализирующий сему 'активное сочувствие каким-либо действиям или мнениям, единство мыслей, интересов'; в-третьих, полисемичное прилагательное *внутренний*, позволяющее передать несколько значений: а) относящийся к деятельности внутри государства; б) представляющий собой основу; в) происходящий в психике человека. Многообразие содержательных потоков *единства* могло бы направить в нужное идеологическое русло уточняющее существительное в форме родительного падежа. Столь важное для программы словосочетание *внутреннее единство* семантически размывается, не позволяя понять, *внутреннее единство чего? кого?* так необходимо России в настоящее время. Однако в программном документе партии говорится о «*новом уровне внутреннего единства*», которое труднодостижимо, если не представлять себе достаточно ясно, что же такое *внутреннее единство*.

В предвыборной программе партии «Единая Россия» (2007 г.) актуализировано словосочетание *единство государства*, которое рассматривается как достигнутый результат и достижение партии: «*При непосредственном участии "Единой России" удалось навести порядок в стране, добиться укрепления единства и целостности государства*». Партия видит необходимость в создании единого культурного («*Упор будет сделан на развитие русского языка, обеспечивающего единство культурного и информационного пространства России*») и экономического пространства («*восстановление экономического единства страны*»).

Подводя итоги сравнительному изучению партийных программ 2003 и 2007 гг., следует отметить, что в 2003 г., как правило, слово *единство* было составной частью ментальной схемы «государство», при этом подчеркивалось

значение сохранения территории и необходимость эффективного управления государством. В 2007 г. смысловой акцент смещается, и важным представляется «единство общества». Слово *единство* стало использоваться в смысловых блоках «культура», «русский язык», «российская история», «сохранение (формирование) национальной идентичности». Кроме того, изменилась типичная сочетаемость слова в политических текстах. Так, в 2003 г. наиболее употребительным было словосочетание *единство страны*, а в 2007 г. единство преимущественно используется с существительным *общество (народ)*.

Таким образом, слово *единство*, являясь ключевым концептом русского политического дискурса начала XXI века, находится в состоянии «лексической эластичности», объем понятия то расширяется, то сужается, и все эти лексические процессы находятся в постоянном движении. Поскольку концепт «единство» отвечает задачам внутренней и внешней политики России, наблюдаются попытки распространить его значение на различные семантические области. В итоге предметное значение столь важного для русской ментальности слова сжимается и может полностью нивелироваться.

Рассмотрев особенности функционирования слова *единство* в политических документах на протяжении века, можно сделать вывод о том, что *единство* помимо узального значения 'цельность', 'неразрывность', 'совпадение' приобретает в политическом дискурсе дополнительные коннотативные признаки. На протяже-

нии века единство являлось ключевым словом русского политического дискурса и всегда было положительно маркировано в общественном сознании. Единство являлось и является ценностью, целью и условием российской политики в XX в. Рассмотрение сочетаемостных возможностей слова показало, что *единство* сочетается с теми существительными, которые воплощают «интерес в политике» (на что/кого направлены усилия политиков).

ЛИТЕРАТУРА

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Прогресс, 1994.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Толковый словарь языка совдепии. – СПб.: Фолио-пресс, 1998.

Полный сборник платформ всех русских политических партий. С приложением высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. и всеподданейшего доклада графа Витте. – М., 2001.

Предвыборная программа Всероссийской политической Партии «Единая Россия»: утверждена 01.10.2007 на VIII Съезде. URL: www.edinros.ru.

Предвыборная программа КПРФ: утверждена на XII съезде КПРФ 2007 г. URL: www.kprf.ru.

Предвыборная программа ЛДПР: принята в 2007 г. URL: www.ldpr.ru.

Предвыборная программа партии «Справедливая Россия» принята II Съездом Партии 23 сентября 2007 года. www.spravedlivo.ru.

Скляревская Г. Н. Толковый словарь русского языка конца XX века: Языковые изменения. – СПб., 2000.

Словарь = Словарь русского языка: в 4 т. – М., 1982.

© Гаврилова М. В., 2010

УДК 81'42:81'27

Е. С. Гриценко

Нижний Новгород, Россия

**ДИСКУРС, СТЕРЕОТИПЫ И РЕАЛЬНОСТЬ:
РОССИЯ И ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА
В АМЕРИКАНСКИХ УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ**

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.33

Аннотация. В статье анализируются языковые средства создания образа России и ее роли во Второй мировой войне на материале американских учебников истории. Показано, как формируется впечатление о незаметности России в ряду сил, определявших исход войны. Описаны языковые средства профилирования негативных смыслов и способы неоднозначного позиционирования России как страны-союзника и источника угрозы.

Ключевые слова: Россия; Вторая мировая война; языковое конструирование реальности; дискурс; профилирование; агентивность.

Сведения об авторе: Гриценко Елена Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, проректор по научной работе.

Место работы: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н. А. Добролюбова.

Контактная информация: 603155, Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31аб.
e-mail: egritsenko@lunn.ru.

E. S. Gritsenko

Nizhny Novgorod, Russia

**DISCOURSE, STEREOTYPING AND REALITY:
RUSSIA AND WWII
IN US HISTORY TEXTBOOKS**

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The paper highlights linguistic means of constructing Russia's role in the Second World War used in American history textbooks. It shows what makes Russia inconspicuous among the forces that determined the outcome of the war, describes linguistic means of creating negative implications and the ambiguous positioning of Russia (an ally vs. the source of danger/threat).

Key words: Russia; Second World War; linguistic construction of reality; discourse; profiling; agency.

About the author: Gritsenko Elena Sergeyevna, Doctor of Philology, Professor, Vice-Rector for Graduate Studies and Research.

Place of employment: Linguistics University of Nizhny Novgorod.

Какие факторы формируют образ одной страны в общественном мнении другой? Традиционно считается, что определяющее значение здесь имеют двусторонние отношения. Однако не менее значительную роль играют дискурсивно формируемые стереотипы восприятия, в основе которых лежит исторический опыт нации, идеалы и ценности собственной культуры.

Несмотря на динамику двусторонних отношений между СССР и США (союзники в период Второй мировой войны, противники в период холодной войны, потепление 1990-х, последовавшее за ним охлаждение и, наконец, провозглашенная Б. Обамой «перезагрузка»), образ России¹ в американском политическом дискурсе и ее восприятие американцами – особенно не имевшими собственного опыта взаимодействия с россиянами – менялись мало. Понять причины этого помогает обращение к текстам американских учебников истории, закладывающим основы миропонимания и конструирующим «реальность», в которой Великая Отечественная продолжает оставаться «неизвестной войной»², а постсоветская Россия – ассоциироваться с коммунизмом и потенциальной угрозой.

В блоге Ю. Панчула (<http://panchul.livejournal.com/22806.html> (дата обращения: 8.10.2010)) размещены сканированные страницы из американского учебника истории для 4–6 классов с таблицей хронологии Второй мировой войны, где битва под Сталинградом именуется ее «поворотным пунктом»: «*Germans surrender at Stalingrad, Russia (turning point of the war in favor of Allies)*». По мнению блоггера, это свиде-

тельствует об объективности освещения событий Второй мировой в США и о том, что «американцы не любят заниматься мифологией». С подобным мнением трудно согласиться, ведь даже строка из Хронологии, на которую ссылается Ю. Панчул, есть пример мифотворчества: выбор лингвистических средств – субъекта и предиката (*Germans surrender at Stalingrad*) – затушевывает роль СССР как победителя и силы, определившей исход войны. Не менее показательны лексические манипуляции в репрезентации событий 1944–45 гг., где союзники позиционируются как освободители, а Россия – как оккупант: «*Paris is liberated by the Allies*» vs «*Russia occupies Vienna, Austria*».

Задача данной статьи – выявить и описать языковые средства конструирования России и ее роли во Второй мировой войне в американских учебниках истории. В качестве материала для анализа использовались тексты трех первоисточников:

– учебника истории США для университетов «*Liberty, Equality, Power: A History of the American People*» (2008 г.), где Второй мировой войне посвящена объемная глава;

– сборника аналитических эссе «*What if?*» (под ред. Роберта Коули), в которых американские историки, политологи, журналисты конструируют воображаемые исторические сюжеты времен Второй мировой войны на основе разного рода допущений;

– книги, изданной по известному автобиографическому фильму бывшего министра обороны США Р. Макнамары «*The Fog of War*», в которой рассматривается ряд кейсов (исторических сю-

жетов и политических решений), прямо или косвенно связанных с Россией и СССР.

Выбор относительно разнородных первоисточников – как с точки зрения жанра (академический, аналитический, мемуарный), так и в аспекте исторического фокуса – был сделан вполне сознательно для выявления степени их дискурсивного (идеологического) созвучия.

Исследование проведено в русле критического дискурса-анализа, в формате, описанном Н. Ферклоу в книге «Язык и власть», где дискурс включает весь процесс социальной интеракции (не только текст, но и процессы его создания и интерпретации), а формальные элементы текста являются «следами» процесса создания и «ключами» в процессе интерпретации [Fairclough 1989: 24].

Основные выводы и наблюдения, сделанные в ходе анализа, можно объединить в пять групп.

1. Первое наблюдение касается «незаметности» СССР в ряду исторических сил, определявших ход Второй мировой войны и определивших ее исход. В общем объеме главы упоминания о сражениях на территории СССР занимают ничтожную часть. Основное внимание уделено событиям, в которых США непосредственно принимали участие или которые в той или иной мере оказывали влияние на США. Так, о военной кампании в Северной Африке и Италии рассказывается на полутора страницах, а многомесячной битве под Сталинградом уделено пять строк. Подробно рассказывается о бомбежках Лондона и других британских городов, а также о волне сочувствия, которую они вызвали в США, но не упомянуто о блокаде Ленинграда, жертвах и разрушениях на территории бывших советских республик.

В разделе «Хронология», который открывает главу, СССР не упоминается, а единственная релевантная ссылка (на поражение немецких армий под Сталинградом) дана в пассивном залоге: «*German army defeated at Stalingrad*», т. е. без указания на то, какая страна одержала победу и без какого-либо оценочного отношения к этому событию, хотя в предыдущей строке «Хронологии» оценочное отношение выражено эксплицитно и ярко: «*US Victorious at Battle of Midway*» [Murrin 2008: 964].

Сталинградская битва – это практически единственное сражение с участием СССР, на которое в учебнике дается ссылка. Не упоминается ни о сражении под Москвой, ни о Курской битве, ни о других крупных сражениях Великой Отечественной войны. «Горячими точками» Второй мировой именуется театры боевых действий США (Африка, Азия, Тихоокеанский регион): «*Hot spots of WWII: Africa, Asia, Guadalcanal*». Таким образом, дискурсивно СССР предстает не как ключевой, а как второстепенный участник боевых действий.

2. Второе наблюдение касается дискурсивного сужения понятия союзников по антигитле-

ровской коалиции. Несмотря на словарное значение («*Allies – the countries, including Britain, the US, and the USSR, that fought together during the Second World War*» [LDOCE]), в тексте учебника слово *Allies* почти везде обозначает США, Англию и Францию («*Allies land in Normandy*», «*Allied armies reach Paris*», «*Allies invade Sicily*», «*Stalin's Allies*» и т. п.). Складывается впечатление, что СССР действовал отдельно от союзников, т. е. дискурс формирует отличное от исторической реальности значение данного слова.

Это впечатление усугубляется манипулятивным использованием имени нарицательного *allies* для представления СССР как бывшего союзника нацистской Германии (*Germany ... attacked the Soviet Union, its recent ally, in violation of the 1939 nonaggression pact*), ср.: *ally – a country that makes an agreement to help or support another* [LDOCE]; *a state formally cooperating with another for a military or other purpose* [COED]). Поскольку читательское восприятие структурируется в формате «Свой – Чужой», подобное позиционирование «отдаляет» и «очуждает» СССР, что в дальнейшем облегчает конструирование образа врага, манипулирование мотивом российской/советской угрозы.

3. Третье наблюдение касается неоднозначного позиционирования СССР. В качестве примера можно привести различное представление в разделе «Хронология» двух аналогичных исторических событий: подписания сепаратных соглашений с Гитлером в Мюнхене в 1938 году и заключения советско-германского пакта о ненападении в 1939 году.

В комментарии к первому событию Франция и Англия лексически и синтаксически позиционируются как миротворцы – «*France and Britain appease Hitler*»: это однородные подлежащие (субъекты), воздействующие (позитивно) на общего врага, Гитлера. То, что в результате сепаратного соглашения Гитлер занял Судетскую область Чехословакии (союзника Англии и Франции), кратко упомянуто в тексте главы, но не в «Хронологии». В предложении же о пакте Молотова – Риббентропа Гитлер и Сталин – это однородные подлежащие (подлежащие), выполняющие совместное действие, следствием которого явилось вторжение Германии в Польшу и начало войны: «*Hitler and Stalin signed Soviet-German non-aggression pact. Hitler invades Poland; war breaks out in Europe*» [Murrin 2008: 964]. Подобное позиционирование задает план восприятия, профилируя разные смыслы: затуманевается ответственность Англии и Франции за сепаратную сделку с Гитлером и акцентируется вина СССР за расползание войны в Европе.

Характерно, что в «Хронологии» вообще не упомянуто о нападении Германии на СССР, а в тексте главы не говорится ни о военных потерях СССР, ни о жертвах мирного населения на

окупированных территориях, т. е. нет эксплицитного позиционирования СССР как жертвы фашизма. Референция понятия *жертв нацизма* дискурсивно сужается до жертв Холокоста.

Бросается в глаза образная симметрия дискурсивного позиционирования СССР и Германии (*German Fatherland and Russian Motherland* [Bradley 2001: 278]), аналогия представления Сталина и Гитлера как лидеров тоталитарных государств и систематическое отождествление СССР с правителем-тираном (*Stalin's troops, Stalin's Red Army, Stalin's regime* и т. п.), что можно трактовать как элемент демонизации России.

4. Еще одно наблюдение касается смысловых акцентов в описании причин, способствовавших разгрому немецких армий на территории России. Упоминаются природные факторы (суровая русская зима) и тактика советского военного командования, не жалевшего жизни своих солдат («*manpower easily replaced whenever it was lost*» [Bradly 2001: 289]). На фоне многократного повторения мысли о том, что сохранение жизни американских солдат было главным приоритетом политического руководства США (этим объясняется, в частности, оттягивание вступления Соединенных Штатов в войну), а также при полном отсутствии информации о самоотверженности советских солдат, страданиях и жертвах мирного населения на оккупированных территориях подобная расстановка смысловых акцентов способствует восприятию СССР как страны с негуманными, чуждыми ценностями. Этот образ не вызывает у читателя сочувствия.

5. И наконец, последнее наблюдение касается позиционной реверсии, в результате которой СССР из союзника и жертвы превращается в противника и источник опасности – идеологической угрозы послевоенной Европе и миру. Подтверждением может служить приведенная в учебнике критика президента Рузвельта его политическими противниками за медлительность в открытии второго фронта. Рузвельта критиковали не за уклонение от выполнения союзнического долга. Его упрекали в том, что промедление в открытии второго фронта в Европе позволит Сталину занять больше территорий и шире распространить свое влияние в послевоенном мире. Примечательно, что больше всего упоминаний об СССР встречается не в разделах о боевых операциях Второй мировой войны, а в разделе, посвященном послевоенному разделу Европы.

Мысль о том, что СССР – это идеологический противник, распространения влияния которого в Европе и мире нельзя допустить, повторяется в тексте учебника многократно в различных вариациях. Даже решение о бомбардировках Хиросимы и Нагасаки объясняется (оправдывается) не военной необходимостью подавления (устрашения) вражеской Японии, а стремлением Г. Трумена ограничить продвиже-

ние советских войск на Дальнем Востоке: «...*To limit any advances that Soviet troops might make in the Far East... curtailing Stalin's post-war influence there* [Murrin 2008: 939].

Тот же страх прочитывается в одном из эссе сборника «*What if?*», где описывается гипотетическая ситуация, в которой премьер-министром Великобритании становится Халифакс (а не Черчилль). В результате Великобритании, верная Мюнхенскому пакту 1938 года, вместе с США пассивно наблюдает за тем, как СССР на протяжении шести лет сражается с Германией в одиночку, Германия терпит поражение, а Красная армия захватывает всю территорию Европы [Bradley 2001: 279-290].

Таким образом, дискурс советской угрозы уходит корнями в период, когда СССР и США были союзниками, хотя подлинную масштабность он приобрел в период холодной войны. Гипотетическая возможность распространения коммунизма была оправданием не только атомных бомбардировок японских городов (см. выше), но и миллионов жертв вьетнамцев и сотен тысяч американских солдат в годы военного противостояния в Индокитае. «Эффектом домино» (опасением, что установление коммунистического режима в одном государстве неизбежно повлечет за собой смену режима в соседних странах, расширяя сферу влияния СССР) объясняет и оправдывает введение американских войск во Вьетнам и военные преступления вьетнамской войны бывший министр обороны США Р. Макнамара в книге по автобиографическому фильму «*The fog of war: lessons from the life of Robert S. McNamara*» [Bright 2005].

Как известно, выдвигание на первый план того или иного субъекта/информации (например, послевоенной экспансии СССР и под.) может существенно смещать смысловые акценты и оценки. Речь идет о том, что Р. Лэнкек назвал *профилированием* – перемещении точки зрения, концентрации внимания на определенных аспектах ситуации. К лингвистическим средствам профилирования в текстах изученных первоисточников относятся:

- *Манипулирование негативом* – навешивание идеологических ярлыков, не имеющих непосредственного отношения к сути описываемых событий. Подавляющее большинство упоминаний об СССР, отмеченных в тексте, сопровождается употреблением слова *communist*, которое в американской лингвокультуре имеет ярко выраженный негативный смысл: *Joseph Stalin's communist government; communist Soviet Union; communist-led nation for which most Americans felt far less empathy than they did for Great Britain* и т. п. Исследования показывают, что в современной американской политической риторике идеологемы «коммунизм», «марксизм», «социализм», «фашизм», «нацизм» и т. п. претерпевают ряд семантических изменений, в результате которых стирается их исход-

ное содержание, а за соответствующими лексемами закрепляется роль негативно-оценочных ярлыков, которые активно используются с целью дискредитации человека, действия или идеи [Гриценко 2009]. При этом происходит размывание денотативного значения этих слов и выдвижение негативного коннотативного смысла на позицию смыслового ядра с параллельным развитием дискурсивно-обусловленных синонимических и антонимических связей. Лексемы *communist*, *Marxist* и под. становятся синонимами слов *undemocratic*, *anti-American*, *evil*, приближаясь к тому, что В. В. Карасик именует эпинимами, а В. В. Морковкин – агнонимами (смысловые образования с редуцированной предметной и гипертрофированной эмоционально-оценочной составляющей) [Карасик 2010: 122–123]. Итерация слова *communist* профилирует негативное восприятие даже в контекстах, не имеющих эксплицитной оценочной составляющей.

- **Деагентивация** – преобладание пассивных и обезличенных конструкций в контекстах об успешных боевых операциях СССР: *German army defeated at the Battle of Stalingrad; Stalin, his armies facing the bulk of Germany's forces in Eastern Europe, ... Soviet military remained essential to Germany defeat* и т. п. В проанализированных текстах случаи, где СССР выступает в роли субъекта (подлежащего) при предикате материального намеренного действия (по Халлидею³) единичны, в то время как позиционирование США практически всегда агентивно. Один из редких случаев деагентивации США представлен в «Хронологии» и связан с атомными бомбардировками Японии: *Hiroshima and Nagasaki hit with atomic bombs* [Murrin 2008: 964]. Имеет место и лексико-синтаксический дисбаланс: операции США, как правило, представлены развернуто, серией субъектно-предикатных конструкций, действия же СССР – эскизно, в номинативно-квалификативной форме, ср: *After repulsing a desperate German counteroffensive in Belgium, at the Battle of the Bulge in December 1944 and January 1945, Eisenhower's command swept eastward, crossed the Rhine River, and prepared to head toward Berlin to meet up with west-advancing Soviet troops* [там же, с 977].

- **Дегуманизация** – метафора СССР как военной машины, наиболее ярко представленная в единственном развернутом фрагменте текста, описывающем победу под Сталинградом: *Abandoning a largely defensive response to Hitler's offensive during the late summer of 1942, Stalin's forces finally counterattacked in early 1943. They cut off and, then, ground down an entire German army, more than 1 million soldiers, at Stalingrad, and sent other German forces reeling backward for the first time during the war* [Murrin 2008: 976].

- **Дефицит квалификаторов и амбивалентность оценок.** В описаниях СССР почти не ис-

пользуются прилагательные, связанные с темами победы и героизма. Когда же это происходит, семантика квалификаторов часто амбивалентна. Так, в вышеупомянутом эссе «Prime Minister Halifax» из сборника «What if?» упорное сопротивление советских войск натиску немецких армий характеризуется прилагательным «dogged» (*dogged Soviet resistance*) [Bradley 2001: 289], которое определяется в словаре [COED] как *tenacious; grimly persistent* (выделено мной – Е. Г.).

Названные языковые средства и приемы взаимодополняют друг друга, формируя образ «Другого» – России как чуждой и непонятной страны, источника потенциальной опасности. Этот образ стереотипизировался, став частью картины мира, которая меняется чрезвычайно медленно, определяет общественное мнение, влияет на принятие политических решений. Лингвистическая деконструкция исторических и культурных стереотипов помогает вскрыть механизмы их формирования, расширяя и углубляя представления о языке как средстве конструирования социальной реальности.

ЛИТЕРАТУРА

Гриценко Е. С. Дискурсивно детерминированные семантические процессы в предвыборной практике // Тезисы Четвертой международной конференции «Общество – Язык – культура: актуальные проблемы взаимодействия в XXI веке» (Москва, МИЛ, 27 ноября 2009). – С. 12–13.

Карасик В. В. Языковая кристаллизация смысла. – Волгоград: Парадигма, 2010.

Blight J. G., Lang J. M. The fog of war: Lessons from the life of Robert S. McNamara. – Rowman & Littlefield Publishers, 2005.

Bradley J. [et al.] What If? 2: Eminent historians imagine what might have been: essays [edited by R. Cowley]. – New York: The Berkley Publishing Group, 2001.

Murrin J. M., Johnson P. E. [et al.] Liberty, Equality, Power: A History of the American People [Compact Fifth Edition]. Vol. II: Since 1863 – Belmont: Wadsworth Cengage Learning, 2008.

Fairclough N. Language and Power. – London, New York: Longman, 1989.

Halliday M. A. K. Linguistic function and literary styles: An inquiry into the language of William Golding's «The Inheritors» // The Stylistics Reader: From Roman Jakobson to the Present. – London, New York, Sydney, Auckland, 1996. – P. 56 – 86.

COED: Concise Oxford English Dictionary. 11th edition. Revised 2008 by Soanes C., Stevenson A. – London: Oxford University Press.

LDOCE: Longman Dictionary of Contemporary English. Fourth edition with Writing Assistant, fifth impression. – Pearson Education Limited, 2006.

¹ Синонимичное употребление слов «СССР» и «Россия» в статье связано с их кореферентностью в текстах анализируемых первоисточников.

² Одноименный документальный фильм американских документалистов «The Unknown War» (1978), сочувственно рассказывающий о борьбе Советского Союза против нацистской Германии, был снят с телевизионного проката после ввода советских войск в Афганистан.

³ Речь идет о выборе глагольных предикатов с целью определенным образом представить субъект в системе связей и отношений с окружающим миром – так называемой транзитивности [Halliday 1996]. Модель анализа транзитивности делит глаголы на категории в зависимости от характера выполняемой деятельности и роли участника в этой деятельности. В ее основе лежит классификация глагольных предикатов на материальные (намеренные и ненамеренные) и ментальные, которые делятся на направленные вовне (воздействующие) и замкнутые внутри (обозначающие реакции, восприятия и ког-

нитивные процессы). Анализ транзитивности предполагает рассмотрение характера действий: *Какие действия представлены в тексте? Кто является субъектом, т. е. производит их? Кто является объектом, по отношению к которому они производятся? Куда/на кого направлены действия?* Транзитивность в данном случае не эквивалентна переходности в традиционной грамматике, хотя касаясь лингвистических манифестаций ролей участников и способов их взаимодействия друг с другом, она неизбежно фокусируется на агентивности. Ключевым принципом в данной модели анализа является мысль о том, что у говорящего или пишущего всегда есть выбор, какой глагол употребить и, соответственно, как описать (представить) то ли иное событие. Изучение транзитивности в этом смысле есть анализ точки зрения, мировоззрения или «реальности», конструируемой в тексте.

© Гриценко Е. С., 2010

В. В. Дементьев
Саратов, Россия

V. V. Dementyev
Saratov, Russia

РУССКИЙ НОВОЯЗ
В СВЕТЕ ТЕОРИИ
КОММУНИКАТИВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ
(на материале политической речи)

RUSSIAN NEWSPEAK
IN THE LIGHT OF THE THEORY
OF COMMUNICATIVE VALUES
(on the basis of the political speech)

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.61

Код БАН 10.02.19

Аннотация. В статье рассматривается русский новояз (канцелярит) в политической речи, в которой отражается современное состояние системы русских коммуникативных ценностей, прежде всего – оппозиции персональности ~ имперсональности. История русской политической речи с конца 1980-х гг. осмысливается через динамику канцелярита, то есть гипертрофированного использования официально-делового дискурса и стоящей за ним официально-деловой картины мира для достижения целей, соотносимых с политической коммуникацией.

Abstract. The article discusses Russian Newspeak (kantselyarit) in political speech, which reflects the current state of Russian communicative values, above all – the personality ~ impersonality opposition. The history of Russian political speech since the end of 1980s has been conceptualized through the dynamics of kantselyarit, i. e. exaggerated use of official-business discourse and official business picture of the world, to achieve the goals related to political communication.

Ключевые слова: коммуникативная ценность; политическая речь; персональность; новояз (канцелярит).

Key words: communicative value; political speech; personality; Newspeak (kantselyarit).

Сведения об авторе: Дементьев Вадим Викторович, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.

About the author: Dementyev Vadim Viktorovich, Doctor of Philology, Professor of the Chair of Language Theory and History, and Applied Linguistics.

Место работы: Саратовский государственный университет.

Place of employment: Saratov State University.

Контактная информация: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83.
e-mail: dementevvv@yandex.ru.

1. Персональность в русском языке и культуре.

Оценочная шкала/оппозиция [P] ~ [-P]

В центре нашего внимания находится русская коммуникативная категория **персональности**, неразрывно связанная значимыми отношениями со своей противоположностью – имперсональностью / безличностью / официальностью [Дементьев 2007]. Именно персональность определяет контуры «хорошей» русской коммуникации, шире – взгляда на мир, населенный, созданный или тождественный «своим», как и на мир «чужих».

Оппозиция персональности ~ имперсональности (или ее близкие аналоги: оппозиции неофициальности ~ официальности, персональности ~ институциональности/ритуальности, личностности ~ безличности, «частной жизни» ~ «общественной жизни») определяет многие языковые и коммуникативно-речевые явления – в лексике, идиоматике, грамматике русского языка, вербальной и невербальной коммуникации, фатической коммуникации и ее жанрах, речевом этикете, коммуникативные составляющие ряда ключевых концептов русской культуры (*дружба, правда, душа* и др.); данная оппозиция охватывает практически все сферы современной русской речи: массмедиа, политическую коммуникацию, жаргонно-общественное общение, смеховую коммуникацию, а также русскую художественную литературу.

В русской коммуникации выделяются неко-

торые особые сферы и жанры, принципиально противопоставленные идеологической окраске общего коммуникативного пространства. Главная из таких сфер – сфера личностно нейтральной, прежде всего официальной, коммуникации. Связанные с этой сферой типичные коммуникативные ситуации, речевые и языковые средства (включая конкретные лексемы) являются маркированными в русской коммуникации, они принципиально противопоставлены «обыкновенным словам», причем это именно такое противопоставление, какое в целом свойственно русской традиционной культуре, то есть *нравственное* и *полярное* [Иванов, Топоров 1965; Воркачев 2003; Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005; Шалина 2010].

Персональность существует в русской коммуникации, речи и языке в виде глобальной оценочной шкалы (как редуцированный вариант – оппозиции), охватывающей собой, подвергающей соответствующему типу оценки многие явления русской коммуникации, речи, языка. Данная шкала/оппозиция в общих чертах может быть охарактеризована как противопоставление (в восприятии мира, человеческих взаимоотношениях, коммуникации, языке) начала в целом персонального, личностного и межличностного – и начала социального, неличностного (официального, ритуального).

Левый член оппозиции оценивается через призму русской «межличностной» системы цен-

ностей (это прежде всего нравственная оценка). Здесь присутствует идея огромности мира, не поддающегося рациональному упорядочению, воспринимаемого интуитивно, через призму сильных, неконтролируемых и иррациональных эмоций, мечты и бесконечно многообразных человеческих отношений, где единственным безусловным ориентиром является нравственный. Правый член оппозиции принадлежит внеличностной сфере жизни и взаимоотношений людей, где человек воспринимается как абстрактный носитель социальной функции. На первый план выходит идея социального института, ограничений, нечто рационально-логическое, нацеленное на статусное взаимодействие с людьми. На правый член оппозиции не распространяется нравственно-личностная оценка, и в то же время в русском речевом сознании данное явление оценивается отрицательно за сам факт отказа от нравственной оценки, выбор в пользу неличностного типа отношений, то есть, с точки зрения русской картины мира, как бы сознательное уклонение от естественных человеческих обязанностей и законов.

Если условно назвать коннотативный компонент, содержащийся в левом члене оппозиции, P (personal), то наличие P (обозначим его как [P]) представляет собой норму и нейтрально с точки зрения оценки, а отсутствие P (обозначим его как [-P]) оценивается отрицательно.

Наиболее явно действие названной оппозиции проявляется в организации русской **лексики**. Ср. лексические пары в современном русском языке: *мастер ~ профессионал; очень плохо ~ крайне неудовлетворительно; убийца ~ киллер; совесть ~ нравственность, этика; родной ~ казенный; начальник ~ руководитель; интеллигент ~ интеллектуал; жалеть ~ сочувствовать, соболезновать; справедливый ~ законный, легитимный, правовой; муж ~ супруг; любимый ~ сожитель; везение ~ успешность; вожак ~ лидер; любить, жалеть ~ уважать; злиться ~ негодовать; работа ~ деятельность; душевный ~ бездушный...* При всем разнообразии и разнородности, как нам кажется, есть некоторая тенденция к тому, что лексемы, представляющие правый член оппозиции, в целом гораздо уже, беднее по значению и сферам употребления, гораздо меньше способны к экспрессии, меньше способны к словообразованию и почти не образуют глагольные производные, резко ограничена их дистрибуция, особенно с глаголами; что правый член в какой-то степени тяготеет к официально-деловому стилю; что левый член несколько чаще представлен исконным словом, правый – заимствованным; что правый член чаще имеет отрицательную оценку, левый – нейтральную или положительную, однако данная тенденция почти никогда не прослеживается до конца.

В оппозицию [P] ~ [-P] вступают не только лексемы, но и другие единицы русского языка и

речи, в частности **речевые жанры**. Важной для русского языка и речи является речежанровая оппозиция *разговора по душам и светской беседе*. Члены данной оппозиции – антонимичные в русской речевой культуре жанры, – представляя разные нормы выражено гармонического общения (даже разные коммуникативные идеалы), задают совершенно разные коммуникативные ориентации, взгляд на мир через призму противоположных оценочных «речежанровых картин мира» [Дементьев 2010: 305–398].

В русской культуре подлечит оценке сам факт выбора человеком неличностного способа взаимодействия с миром и себе подобными. Собственно, в русской культуре выбор в пользу такого типа отношений часто воспринимается как отказ быть человеком. Можно привести множество примеров слов, где нравственно-этическая оценка совмещается с оппозицией [P] ~ [-P]: *функционер, чинуша, службист, крючок и крюкотвор, казенный и казёщица, муштра, аппаратчик, карьерист, казёбшник* (одни из них имеют более или менее точные соответствия в других языках, другие – нет). Ключевыми для русской культуры являются слова, в которых так же однозначно положительно оценивается выбор в пользу левого члена [P] ~ [-P]: *душевный (задушевный), друг*. Показательно очень точное отражение семантики оппозиции [P] ~ [-P] во фразеологизме *не в службу, а в дружбу*. Оппозиция *душевный ~ бездушный*, образованная двумя словообразовательными производными от *души*, может служить примером лексико-грамматической формализации оппозиции [P] ~ [-P].

Выделяемая нами русская культурная оппозиция [P] ~ [-P] имеет общее с описываемой А. Б. Пеньковским категорией *чуждости*, происходящей из семиотического принципа оппозитивного членения мира на «свой» и «чужой» [Пеньковский 1989]. Однако в отличие от названной работы, мы говорим о русской безэквивалентной, неуниверсальной для большинства культур оценочности.

Конечно, противопоставление официально ~ неофициальности есть практически во всех культурах, где выделяется институт власти и ее представителей, и везде приходится говорить о неизбежных противоречиях (более или менее драматичными противоречиями между «членами» данной оппозиции в значительной степени определяется благополучность или неблагополучность конкретного социума).

Подобный тип противопоставления «народ ~ власть», имеющий лингвистическую манифестацию, существовал, например, в чешской культуре; ср.: «...литературный язык ... стремится к тому, чтобы отличаться от народного языка, от повседневной речи ... в результате стремления к классовой исключительности, поскольку в литературном языке проявляются классовые признаки (ср., например, оне-

мечивание господствующих слоев в старое время у нас, употребление до настоящего времени венгерского языка в словацких городах и в свою очередь словацкого языка в восточной Словакии у украинцев и т. д.)» [Гавранек 1967: 341].

Универсальная оппозиция официальности ~ неофициальности, которая, по всей видимости, изначально выступала как оппозиция культурно-политическая, в истории русской культуры переосмысливается как скорее социально-психологическая и коммуникативная; при этом наиболее значимым становится такой аспект данной оппозиции, как противопоставление **официальности** и **персональности**.

Сам по себе данный коммуникативный аспект также является универсальным: во всех культурах оппозиция официальности ~ неофициальности шире, чем только коммуникативная, но именно с выделения особой сферы *общения* власти и народа, которое должно было отличаться от «обыкновенного» общения людей, власть начинает осознавать и себя, и свое выделение, как и народ начинает осознавать ее; соответственно, становится востребованной и особая нормативность, и особые символические системы.

Кроме того, по-видимому, во всех культурах с развитием оппозиции официальности ~ неофициальности и собственно члена официальности в ее составе уже не официальна: она *активно* стремилась противопоставить себя официальной идеологии и языку, используя для этой цели самые разные средства (начиная от средневекового карнавала [Бахтин 1990] и заканчивая «антитоталитарными языками», развившимися в странах соцлагеря в XX веке [Вежбицкая 1993]).

В то же время существует целый ряд чрезвычайно важных аспектов русской оценочной оппозиции [P] ~ [-P], сообщающих ей неуниверсальный характер. Рассмотрим их подробнее.

1). Неуниверсальность оппозиции [P] ~ [-P] проявляется в неуниверсальности ключевых концептов русской культуры *правда*, *душа*, *общение*, *искренность* и др. Еще важнее то, что данные концепты входят в значимые для русской языковой картины мира оппозиции, которые в других языках или отсутствуют, или проявляются в них совершенно по-другому, такие как *правда* ~ *истина*, *воля* ~ *свобода*, *простор* ~ *пространство*, *радость* ~ *удовольствие* [Арутюнова 1999; Вежбицка 1996; Пеньковский 1991; Степанов 1997; Шатуновский 1991; Шмелев 2002].

Естественно, все эти концепты сами по себе так сложны, многомерны и многообразны, что, думается, была бы ошибочной любая попытка привести их к одному знаменателю, например свести их к одному пространственному измерению, как это делает Н. Д. Арутюнова и ее последователи: «Концепт “воли” хорошо со-

гласуется с пространственной (бытийной) ориентацией русского языка, а также с понятием стихии и стихийных действий. *Простор* – *воля* – *стихия* образуют единый комплекс» [Арутюнова 1999: 813], – вплоть до выявления клаустрофобии в качестве черты русского национального характера [Шмелев 2002: 78]. Трудно согласиться и с гедонистическим объяснением значений ключевых слов русской культуры («*Простор* – это когда легко дышится, ничто не давит, не стесняет, когда можно пойти куда угодно, когда *есть разгуляться где на воле*» [Шмелев 2002: 75]): потребительски-гедонистическое отношение в корне противоречит очень важной для этих слов нравственной оценке. Счастье, радость, восторг, восхищение (в том числе восхищение широкими *просторами*) действительно присутствуют в их семантике, но эти состояния *души* могут быть настоящими только в результате правильного нравственного выбора, когда к ним приходят ценой *жизни по правде*, соответствующей изначально высокому, праведному, а вовсе не потребительскому предназначению человека (такова, по крайней мере, семантика этих слов). Не отрицая важности данного «пространственного» содержательного компонента для целого ряда безэквивалентных лексем русского языка (*даль*, *ширь*, *раздолье*, *приволье*), мы считаем идею Н. Д. Арутюновой и А. Д. Шмелева не вполне верной. Так, например, утверждение, что для понимания такого русского ключевого концепта, как *гулять на воле*, необходима идея отсутствия пространственных ограничений, конечно, представляется справедливым – но гораздо важнее идея внутренней свободы, *воли*, отсутствия психологического подчинения ограничениям, накладываемым не столько физически малым, тесным пространством, сколько социальным институтом, имеющим власть.

В то же время в исследованиях, посвященных данным безэквивалентным концептам, часто отмечается, что наиболее противоречит отраженным в них ключевым ценностям русского национального характера идея неких «рациональных» ограничений, некой системы координат, а значит и социальных институтов. Концепт, включающий идею таких ограничений, встает с концептом типа *правда*, *воля* в оппозицию, очень близкую оппозиции [P] ~ [-P]. Так, по мнению А. Д. Шмелева, «Разные значения глагола *гулять* объединяются идеей свободы выбора, отсутствия стеснений и необходимости выполнять скучную, рутинную работу» [Шмелев 2002: 85]. Исследователь также обращает внимание на «различие между *пространством* как само собою разумеющейся системой координат и *простором* как источником радости» [Там же: 75]. В этом отношении показательно исследование Н. М. Катаевой [Катаева 2004], посвященное паре концептов «воля» и «свобода» в русском языке: по мнению исследовательницы, «для русских воля – это абсолют свободы, ос-

нованный исключительно на желании, хотении человека, свобода же подразумевает особость, отдельность, обособленность, независимость личности в обществе, какой-либо общности при полном признании законов жизнедеятельности этого общества (общности)» [Катаева 2004: 4]. Практически ту же идею высказывает А. Д. Шмелев, несмотря на то, что объясняет значение слова *воля* опять-таки с пространственной точки зрения: «По сравнению с *волей свобода* в собственном смысле слова оказывается чем-то ограниченным, она не может быть в той же степени желанна для “русской души”, сформировавшейся под влиянием широких пространств» [Шмелев 2002: 73]. Подобным образом определяется русская *жалость* (по сравнению с *сочувствием* и *состраданием*): «*Жалость* – ... это очень стихийное чувство, мгновенная реакция души на чужое страдание. Возникновение этого чувства человек почти не способен контролировать. *Жалость* может *охватить, захлестнуть, сжать сердце* и т. п. [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005: 271], при этом «лингвистическая степень осознанности и контролируемости чувства проявляется, в частности, в сочетании его имени с причинными предложениями. Слово *жалость*, в отличие от близких по значению слов *сочувствие* и *сострадание*, обозначающих менее стихийные эмоции, сочетается не только с предлогом *из*, но и с предлогом *от*» [Там же].

Это содержательное противопоставление имеет такое большое значение для русской культуры, что через его призму переосмысляются даже явления, организованные оппозитивно в общеевропейской (общехристианской) культуре. Так, авторы коллективной монографии «Ключевые идеи русской языковой картины мира» [Зализняк, Левонтина, Шмелев 2005] показывают, что общехристианская оппозиция «милосердие ~ законность» дополняется в русской культуре новым членом *справедливость*, причем это особая «личностная» справедливость (о *несправедливости* часто говорят не в смысле банального неправильного распределения благ, а в смысле недополучения человеком тепла, внимания, любви): «Особенность русского взгляда на вещи, отраженного в русском языке, состоит в том, что наряду с законом и милосердием в нем представлена *справедливость*, которая гораздо важнее закона, но мелочь по сравнению с подлинными духовными ценностями. Однако соединяясь с чувством и душевной болью, *справедливость* повышается в статусе и попадает в один ряд с *милосердием / правдой*: *А душа, уж это точно, ежели обожжена, Справедливей, милосерднее и праведней она* (Булат Окуджава)» [Там же: 373].

2). Очень важным источником национальной специфики оппозиции [P] ~ [-P], как и главным ее содержанием, является уже упоминавшаяся система русских нравственных оценок, не имеющая аналогов в других языках.

Отмечалось, что исторической основой «практической нравственности» русского человека было православие с его бескомпромиссной позицией в отношении духовной жизни, поляризацией добра и зла и отсутствием «срединности», «нравственных пустот», направленностью на внутреннее самосовершенствование как основание идеи бессмертия души и вечной жизни. Религия стала «детерминирующим началом для менталитета» [Емельянов 2003: 52], определяя стремление русского человека верить свои поступки в соответствии с нравственным законом, его внешность голосу совести и нравственному долгу. Этот закон оставался главенствующим и в общественно-экономической деятельности, что обозначило ее подчиненное место в ценностной системе русских [Громыко 2000; Кузьменкова 2005; Шалина 2010].

В работах А. Хомякова, Вл. Соловьева, Н. Бердяева отмечалось, что исторически сложившимися характеристиками русского этноса являются отрицание прагматической предприимчивости, расчета, коммерческой хватки, враждебное отношение к практицизму и позитивизму. Например: «Жизнь по сердцу создает открытость души русского человека и легкость общения с людьми, простоту общения, без условности, без внешней привитой вежливости» [Лосский 1991: 292]. Ср. рассуждения Н. А. Бердяева о русской ментальности и общении: «Всякий истинно русский человек интересуется вопросом о смысле жизни и ищет общения с другими в искании смысла, ... умудряется даже самым практическим общественным интересам придавать философский характер» [Бердяев 1998: 176].

Языковое выражение «русской этики», то есть морально-ценностных категорий в структуре общей языковой оценочной картины мира, неоднократно становилось объектом внимания лингвистов [Апресян 1995; Арутюнова 1999; Воробьев 1997; Зализняк, Шмелев, Левонтина 2005; Логический анализ языка 2000; Маслова 2001; Степанов 1997; Уфимцева 1998]. Ср. составленный Н. В. Орловой «этический словарь» из лексем современного русского языка, содержащих этическую оценку (объектом положительной/отрицательной этической оценки может выступать сам человек или другие люди, их личностные качества, отношение к дружбе, Богу, труду, делу, материальным благам, трудностям, правде и свободе, сексу; умение/неумение быть искренним, естественным; наличие/отсутствие стыда, совести, внутреннего содержания, духовного начала, убеждений и др.): *скупец, наглый, издеваться, кровопийца, подруга, хвостун, возгордиться, богохульник, паясничать, подлиза, шлюха, терпеливый, трудяга, халтурить, жульничать, покладистый, процельга* и др. [Орлова 2006: 259–260].

3). Неуниверсальность оппозиции [P] ~ [-P] проявляется в неуниверсальности самой идеи

оппозитивности и полярного оценочного противопоставления, присущей русской (исконно – православной) культуре, в отличие от западных (исконно католических и протестантских) [Лотман, Успенский 1994; Вежицкая 2002; Bergmann 1998]. Это обуславливает особую жесткость противопоставления официально-делового стиля всем остальным стилям, а также жесткость противопоставления «персональный дискурс ~ институциональный/ритуальный дискурс».

По мнению В. А. Плунгяна и Е. В. Рахилиной, «центробежность» обуславливает такие качества русского национального характера, как *щедрость* и *расхлябанность*, *хлебосольство* и *удаль*, *свинство* и *задушевность* – эти обозначения качеств (в отличие, напр., от слова *аккуратность*) в языке легко сочетаются с эпитетом *русский* [Плунгян, Рахилина 1996: 340–351].

4). Наконец, неуниверсальность оппозиции [P] ~ [-P] проявляется в неуниверсальности противопоставления «народ ~ власть» в русской истории и культуре.

В самом общем виде неуниверсальные особенности оппозиции «народ ~ власть» можно свести к следующим:

- власть – изначально нерусская, «немецкая» («с Рюрика»). Начиная с Петра I власть в России стремилась четко противопоставить себя простолюдинам всеми способами, в том числе языковыми; немаловажно, что сам литературный кодифицированный язык (язык публичного и персонального неличностного общения) был французский. Отсюда в России несправедливая власть ассоциируется с чем-то инородным, враждебным, «немецким» (педантичным, бездушным);

- долгий период крепостного права: «Россия – тюрьма народов». О жестоких и несправедливых отношениях власти и народа можно судить по многочисленным известным случаям, когда честные люди оказывались несовместимы с институтами власти и либо изгонялись, либо уходили сами (ср. реальную биографию А. Н. Радищева, вымышленную биографию Чацкого в «Горе от ума»);

- (отсюда) ставшее очень широко распространенным и даже традиционным недоверие к власти, нелюбовь к ней: от власти не ждут справедливости – тем более *правды*, *милосердия* и т. д.;

- (отсюда) русский иррациональный, нерассуждающий страх перед «властью вообще» и ее отдельными представителями, особенно пагубный в психологическом плане, калечащий душу человека (данный аспект широко отражен в художественной литературе, особенно сатире, начиная с Н. В. Гоголя, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. П. Чехова);

- часто отмечается, что данное качество сочетается с нежеланием и неспособностью широких народных масс к самоорганизации, к то-

му, чтобы естественным образом породить власть «снизу» и участвовать в ней. Ср.: «Веками у русских не развивалось правосознание, столь свойственное западному человеку. К законам было всегда отношение недоверчивое, ироническое: де разве возможно установить заранее закон, предусматривающий все частные случаи? ведь они все непохожи друг на друга. <...> Сюда примыкает и вековое отчуждение нашего народа от политики и от общественной деятельности. Как отметил Чаадаев, по русским летописям прослеживается “глубокое воздействие власти... и почти никогда не встретишь проявлений общественной воли”. <...> Тем более <русский дух> не стремился к власти: русский человек сторонился власти и презирал её как источник неизбежной нечистоты, соблазнов и грехов. В противоречие тому – жаждал сильных и праведных действий правителя, ждал чуда. <...> Отсюда проистекла наша нынешняя губительно малая способность к объединению сил, к самоорганизации, что более всего вредит нам сегодня» (А. Солженицын. Россия в обвале);

- наконец (возможно, понимая глубокую болезненность, «ненормальность» таких отношений власти и народа), именно в России неоднократно пытались «примирить» члены данной оппозиции – именно так возникли, например, *светская беседа* и – позже – *канцелярит*, *партийная речь*» (ср. использование родственно-задушевых характеристик по отношению к Сталину в советской прессе 1930-х гг: *родной*, *любимый*, *отец* [Романенко 2000]) и т. д. Вполне естественно, что попытки эти никогда не были успешными не только в «правовом», нравственном или логическом смысле, но и в собственно коммуникативном, «формально-коммуникативном»: в результате оппозиция *народа* и *власти*, как и реализующая ее в общенациональном языке и отдельных его стратах (особенно нелитературных) коммуникативная оппозиция *персональности* и *официальности* не перестала существовать, даже не перестала быть полярной. Отметим, что и *светская беседа*, и *канцелярит* (и в наши дни *гламур*) очень быстро включились в культурном и языковом отношении в «правый член» данной оппозиции.

Неуниверсальность оппозиции [P] ~ [-P] обусловлена спецификой русской (в том числе новейшей) истории. Разные эпохи наполняют данную оппозицию разным идеологическим содержанием.

В периоды всевластия бюрократии (петровская и особенно николаевская эпоха с возвышением Петербурга; советская эпоха с ее атеизмом и интернационализмом) данная оппозиция проявлялась особенно явно. Эти эпохи, как известно, принесли небывалый официоз и казенщину и вызвали к себе в широких народных массах, с одной стороны, стойкое неприятие, с другой – множество карнавальных текстов, паремий, номинаций. Ср. отражение данной оцен-

ки в русской классике XIX века: «Медный всадник» Пушкина, «Дума» Лермонтова, «Ревизор» Гоголя, «Былое и думы» Герцена. Ср. также фольклорные тексты петровской эпохи о строящемся Петербурге, представляющие собой как бы народный отклик на официальную пропаганду: *С одной стороны море, с другой – горе, с третьей – мох, а с четвертой – ох; Попал бы ты в Питер, он бы тебе бока вытер; Питер – кому город, а кому ворог.*

Следует подчеркнуть, что *власть* – наиболее характерная, но далеко не единственная реализация идеи социального института, стоящей за содержанием правого члена оппозиции [P] ~ [-P]. В этом отношении показательны лексические репрезентации правого члена оппозиции [P] ~ [-P], противопоставленные соответствующим антонимичным лексемам, появившиеся в новейший период (или в новейший период развившие данное значение правого члена оппозиции [P] ~ [-P]), такие как *электорат* (ср. *народ*), *киллер* (ср. *наемный убийца*), *бойфренд* (ср. *мой парень*) или *группировка* (ср. *шайка, банда*). Хотя сема правого члена оппозиции [P] ~ [-P], то есть идея социального института, присуща всем им, далеко не во всех эта идея представлена именно как *власть*.

Содержательная узость, присущая правому члену оппозиции [P] ~ [-P], бывает востребована не только властью, стремящейся упорядочить социальные отношения, – она может быть вполне желанна самым широким народным массам. Как справедливо отмечает Л. П. Крысин [2003], многие заимствования закрепляются как «более престижные» слова: так, *бутик, шоп* в современном русском языке обозначают не любой магазин, а только модный, *презентация* – не любое, а только торжественное представление (отметим, что само слово *престиж* вступает в оппозицию [P] ~ [-P] с общеупотребительными *слава* или *известность*). По мнению Н. С. Валгиной, стремление к модному, более современному слову – одна из причин заимствования. «На общем фоне широкого заимствования «заморское слово» оказывается престижным, звучащим по-ученому и, следовательно, интеллектуально и красиво» [Валгина 2001: 112]. Конечно, как было показано, представление о престижности, якобы связанной с правым членом оппозиции [P] ~ [-P], могло иметь неестественный, даже уродливый характер.

Ср. исследование Казимежа Люциньского [2010], в котором анализируются новейшие английские заимствования посткоммунистической эпохи. Автор дает когнитивный комментарий к некоторым словам (с точки зрения ряда популярных, влиятельных, модных тенденций, таких как последствия глобализации, формирование новой «культуры потребления» и «культуры глянцевого журналов», «клиповое восприятие реальности», новые гендерные тенденции в молодежной культуре, наконец, формирование

«телесного императива»), выявляя новые значимые идеи, стоящие за теми или иными заимствованиями и их отношениями с уже существующими синонимами.

Главная из таких идей состоит в том, что новая, «рыночная» идеология, характерная для капиталистического общества, пришедшего на смену коммунистическому, порождает иной взгляд на мир и соответственно иные дискурсивные практики, метафоры. При этом данная идея вполне естественно переносится с собственно потребления, «шопинга» на гляцевые журналы, рекламу и политическую коммуникацию, порождая соответствующие метафоры. Вывод, который делает автор, состоит в том, что нынешняя культура – это *шопинг-культура*, которая и формирует «the metaphors we live by»: человек – артефакт, тело – неодушевленный объект, лицо – маска, мир – супермаркет, политика – это маркетинг [Люциньский 2010: 46-74].

Думается, данная «рыночная» идеология действительно включает важную идею социально-ролевого регулирования (покупатель – продавец/работодатель) и, как любая социальная роль, включает определенную личностную параметризацию, ограничивает число аспектов «Я». Поэтому в русской культуре данная идея, а особенно ее социально-коммуникативное преломление – рациональных взаимовыгодных отношений с тщательной выстроенностью «рекламной» самопрезентации, – в сознании многих людей была вполне естественно объединена с идеей правого члена оппозиции [P] ~ [-P].

Исторические изменения оппозиции [P] ~ [-P] могут иметь значительно более глубокий характер. Может существенно меняться сам характер отношений между членами оппозиции. В некоторые периоды наблюдается неестественное расширение сферы употребления одного из членов за счет другого.

2. Оппозиция [P] ~ [-P] и русский новояз («канцелярит»)

В целом появление в языке лексем (и других единиц, таких, например, как речевые жанры), представляющих правый член оппозиции, – естественный процесс для развития кодифицированного литературного языка и особенно его официально-делового стиля, когда возникает необходимость включить некоторое явление или человека в сферу официальных отношений и социальной регламентации (например, лексическая оппозиция *народ* ~ *электорат*).

Данный процесс для различных литературных языков детально изучен в функциональной стилистике – ср., например: [Булаховский 1975; Винокур 1929; Кожина 1993]. Процесс этот универсален, как универсальны выделяемые во всех литературных языках пять функциональных стилей. Бессмысленно подвергать этической оценке чиновника на том основании, что

он выполняет свои обязанности без души, или документ, написанный неискренне.

Гипертрофированное развитие правого члена оппозиции [P] ~ [-P] с центральным содержанием коммуникативной *персональности* приводит к таким явлениям, как лексико-семантическая «бедность» и «узость», стилистическая «сухость», общее увеличение удельного веса и роли официально-делового стиля в различных сферах коммуникации. В крайних своих проявлениях данный процесс может приобретать глобальные масштабы и даже приводить к созданию фактически нового языка, как, собственно, и произошло в фантастической реальности, описанной Дж. Оруэллом («новояз») и, увы, в реальной русской истории XX века («канцелярит»). Новояз есть максимально редуцированный язык, с удобной для власти точностью совпадающий с рамками официальной идеологии: социальных ролей, регламентированных отношений, предписанных оценок. Сам факт, что «новояз» был выделен и описан (пусть как фантастическое явление) английским автором и на базе английского языка, доказывает его универсальное содержание и истоки. В то же время русский вариант новояза знал немало неуниверсальных черт – отчасти это были уже названные черты оппозиции [P] ~ [-P], отчасти к ним добавились новые, обусловленные как особенностями русской истории и культуры, так и собственно лингвистическими особенностями русского языка.

Гипертрофированная роль правого члена в русской культуре XX века породила *канцелярит* – явление, впервые описанное К. И. Чуковским [1990]. Как известно, Чуковский понимал канцелярит как неоправданное использование канцелярского языка за пределами сферы официально-деловых отношений в русском языке середины XX в., повлекшее за собой невиданное ранее оскудение образности и выразительности языка.

Начиная с К. И. Чуковского, канцелярит изучают как аспект культуры речи – как использование языковых средств делового стиля в неподходящих для этого условиях общения. В современных исследованиях канцелярит изучают преимущественно в историко-культурном плане: проводится параллель между распространением канцелярской речи за пределы официально-делового стиля и идеологией советского государства.

В современной русской речи выделяются следующие формальные особенности канцелярита: номинализация, т. е. замена глагола отглагольными существительными, причастиями, составными глагольно-именными сочетаниями (*сбитие самолета, снятие блокады и нормализация обстановки, пронос ручной клади, удешевление стоимости кредита*); многословность, или замена простых оборотов и слов канцелярскими (*лица неопределенного назначения, занимаются трудовой деятельно-*

стью); лексические штампы (*слуги народа, взять ситуацию под контроль, борьба за кресла, стремительные темпы, передовые позиции*), при этом иногда в современной русской речи используются лексические штампы, «позаимствованные» из советского времени (*линия партии, битва за урожай*), очень часто используются словосочетания со словом *проблема* (*проблемы с отоплением, проблема семьи, материальные проблемы россиян, проблемы пенсионеров, проблема «коммуналки*); отыменные предлоги (*в ходе наших встреч с избирателями; ввиду того, что Москва и область...; в силу своего возраста; в отсутствие дефицита; допрашивали на предмет дач и доходов*) и др. [Васильев 2003; Земская 2000; Быков, Купина 2006; Романенко 2000].

В исследованиях, посвященных судьбам литературных языков в тоталитарных обществах, отмечается гипертрофированная роль официально-делового стиля, документа за счет всех остальных типов словесности. «Документ, – пишет А. П. Романенко, – и стал нормирующим видом речи в советской словесности. Это поддерживалось тем, что в основе всей речевой деятельности и организации советского общества лежали партийные документы. Поэтому функционирование советской словесности осуществлялось почти по правилам документооборота. Почти – потому что полностью стать канцелярской словесности не давал компонент ораторики, принципиально предусмотренный демократическим централизмом. Речевое произведение в любой публичной сфере общения – научной, художественной, школьной, не говоря уже о делопроизводстве и массовой информации, могло выйти к читателю, т. е. начать функционировать, лишь после строго определенного документооборота, получив необходимые для этого реквизиты – резолюции, визы, согласования, подписи, печати и т. п.» [Романенко 2000: 5–6]

Детальную лингвистическую и историко-культурную характеристику «советского языка», ставшего своеобразным преломлением марксистской революционной идеологии и революционной практики двух этапов – (условно) «ленинского» 1920-х годов и «сталинского» 1930-х, – дает А. П. Романенко в докторской диссертации, посвященной советской речевой культуре [Романенко 2000].

В исследовании А. П. Романенко отмечается, что всевластие документа в советской словесности было естественным продолжением доктрины *партийности*, которая была ключевым оценочным ориентиром в советской официальной культуре. Ключевыми при определении партийности, по мнению А. П. Романенко, являются четыре качества: 1) партийность коммуникативна и риторична (проявляется в поучительной, регулирующей словесности), 2) оценочна, 3) безлична и 4) ее главное требование – соответствие документу: «Партий-

ность – это модальность речи и речевого поведения, жестко заданная партийным документом и исключая поэтому любую другую модальность (в соответствии со стилистикой документа, основанной на принципе однозначности истолкования содержания текста)» [Романенко 2000: 40].

А. П. Романенко отмечает, что в наибольшей степени повлияла на собственно лингвистическую сторону советской коммуникации/словесности такая составляющая партийности, как *оценочность*: «Оценочность – универсальное свойство языковой, в частности лексико-семантической системы. Однако для советской логосферы характерна оценочность, во-первых, гипертрофированная (т. е. охватывавшая все знаковое пространство), во-вторых, упрощенная (т. е. сводившаяся к строгой поляризации этого пространства). Эти свойства советской оценочности особенно значимы (и заметны) в обозначении человека» [Романенко 2000: 74].

Такая оценочность напрямую производна от идеологии тоталитарной власти. Еще Оруэллом подчеркивалась идеологичность новояза, к наиболее ярким проявлениям которой писатель относил использование положительно-оценочных слов «обыкновенного» языка в названиях и описаниях бесчеловечно жестоких институтов новой власти (*мир* – по отношению к министерству, которое вело непрекращающиеся войны, *любовь* – к министерству, которое практиковало пытки). Это же было характерно для советского новояза; ср. лексический ряд оценочных номинаций, определяемых, по мнению А. П. Романенко, оппозицией «враг ~ не враг» – а) выражение отношения к вождям и соратникам: *гениальный, великий, величайший, родной, любимый, отец, большевистский, твердый, железный, стальной, стойкий, негиббаемый, непоколебимый, верный, преданный, авангард, передовик, ударник, пионер* и др. и б) к врагам: *враг, классовый враг, враг народа, вредитель, злодей, убийца, изверг, предатель, изменник, палач, мерзавец, подлец, преступник, иуда-провокактор, сволочь, гнусный, выродец, вырожденец, ублюдок, недоносок, тварь, подонок, недобиток, прихвостень, отщепенец, подголосок, подкулачник, охвостье, отребье* и др. [Романенко 2000]. Эта же особенность официальной речи в тоталитарном обществе выявляется Е. В. Власовой на материале газет Третьего рейха, прежде всего «*Völkischer Beobachter*»; ср. а) выражение отношения к врагам: *Bluthund* ‘кровавая собака’, *schädliche Ungeziefer* ‘вредители-паразиты’, *die Judenpest* ‘еврейская чума’, *der verurteilte Schweinehund* ‘приговоренная еврейская свинская собака’, *...hat sich dieses Untermenschentum in Deutschland austoben dürfen...* ‘этим нелюдям было разрешено буйствовать в Германии’ – и б) к «своим»: *die braune Freiheitsgarde Adolf Hitlers* ‘коричневая гвардия свободы

Адольфа Гитлера’, *Hitler will handeln: Hitler wird handeln! Gebt ihm Macht dazu! Reißt am 5. März die Tore an, damit er, der Fahnenträger der Nation, unsere Standarte ins neue Reich hineitragen kann!* ‘Гитлер хочет действовать: Гитлер будет действовать! Дайте ему власть для этого! Откройте ворота 5 марта, чтобы он, знаменосец нации, смог внести наши стандарты в новый рейх!’ [Власова 2005].

О «новом русском революционном языке», который вполне сложился к концу 1920-х гг. на базе «обыкновенного» русского языка, говорили уже современники данного явления, среди которых были такие выдающиеся лингвисты, как А. М. Селищев, Е. Д. Поливанов, Г. О. Винокур.

Е. Д. Поливанов отмечал, что по громадным произошедшим изменениям, а главное – непонятности для аутсайдеров («старых русских») данное явление по всем традиционным лингвистическим параметрам правомерно было считать не социальным диалектом, а полноценным языком: «Можно выставить даже такую точку зрения, которая будет определять язык среднего обывателя 1913 г. и, с другой стороны, язык современного комсомольца – не как разных два диалекта, а как два разных языка, в том именно понимании терминов «диалект» и «язык», которое употребительно в лингвистике и основано на категории взаимной понимаемости (диалекты) или непонимаемости (языки)» [Поливанов 1968: 206]. Если бы «обыкателю», «проспавшему» революционную эпоху и сохранившему языковое мышление 1913 г., предъявить лексикон комсомольца 1928 г., то для него это были бы слова чужого языка [Там же].

Метафору Е. Д. Поливанова продолжает М. Чудакова: «Среди не проспавших, а напротив, прободрствовавших всю революционную эпоху, оказалось немало тех, для кого этот быстро родившийся язык оказался не просто чужим, а на долгие годы непонятным. А именно он стал единственно допустимым языком публичной речи; на осознании этого факта воздвиглась ... вся литературная работа Зоценко. Когда этому языку обучились все оставшиеся в живых к началу 1950-х годов граждане, возникло явление, эвфемистически названное канцеляритом» [Чудакова 1998: 75].

Естественно, всеми признавалось, что основными отличительными чертами нового языка были **упрощение** («Советская риторика, – пишет А. П. Романенко, – это риторика популяризации, упрощения, растолковывания, разъяснения и внушения» [Романенко 2000: 91–92]) и **канцеляризация**. А. М. Селищев указывал на основные их источники, а также функции: «Кроме книжных элементов в речи коммунистических и советских деятелей представлено много элементов языка канцелярского с его архаизмами. Обстоятельства внедрения в современную речь этих элементов были такие. 1) Воздействие всевозможных многочисленных

канцелярий. В первые годы утверждения советской власти канцеляриям принадлежало огромное значение в деле учета и распределения всех ресурсов страны, в деле регулирования всей деятельности ее обитателей. 2) Влияние многочисленных деятелей прежних канцелярий, занявших руководящие должности в стране. 3) Стремление к выражению эмоционального содержания, некоторой повышенности настроения или к выражению иронии» [Селищев 1928: 59].

Как видим, основное внимание исследователей того времени уделялось **лексике**. Могло показаться, что «новый язык» был чисто лексическим явлением. Конечно, думать так было бы неверно. Еще раньше, чем лексическую, изменения охватили **стилистическую** систему русского языка и привели к полной ее перестройке [Винокур 1968: 10; Шмелев 1977: 99].

Описывая развитие стиля советской публицистики, О. Б. Сиротина обратила внимание на то, что власть занималась «приспособлением» литературного языка к массовому потребителю: «Синтаксическая сложность международных обзоров, обилие в них иностранной лексики, несомненно, затрудняли понимание текста многими слоями населения, только начинающего приобщаться к культуре, мешали пропаганде политических знаний, политическому воспитанию масс. Не случайно именно в эти годы появляется специальное постановление Оргбюро ЦК РКП(б) от 1 декабря 1924 г., в котором говорится: "Необходимо языку газеты сделать вполне доступным массовому читателю, всячески избегая непонятных и отвлеченных оборотов и словообразований. Особенно следует обратить внимание на обработку иностранной информации, делая ее понятной каждому мало-мальски грамотному крестьянину"» [Сиротина 1968: 108].

«Канцеляризация языка – это не просто влияние официально-делового стиля на другие, это – перестройка всей функционально-стилистической системы языка», – пишет А. П. Романенко [Романенко 2000: 159]. В. В. Колесов в качестве «самой большой беды» русского языка XX века называет утрату высокого стиля [Колесов 1999], что, безусловно, помогло канцеляризации. В результате в центре системы функциональных стилей оказывается *стиль нейтральный*. «30-е годы – господство нейтрального стиля во всех областях речевой деятельности» [Сиротина 1968: 122]. «Элементы деловой речи, характерной чертой которых является отсутствие эмоциональной экспрессии, как нельзя лучше способствовали победе нейтрального стиля: из-за повсеместной употребительности они частично утратили специфически канцелярский колорит и легко сблизилась с нейтрально-литературной речевой стихией» [Логинова 1968: 212].

Пытаясь обосновать оправданность и даже прогрессивность данного явления, Г. О. Вино-

кур писал: «Эта *средняя линия* употребления письменного языка, с одной стороны, удерживающая язык на высоком уровне современной культуры, а с другой – не допускающая отрыва его от народной почвы, и есть руководящая линия языковой политики советской власти. Эта линия отражена и в языке тех документов исторического значения, которыми Сталин вдохновляет народы Советского Союза на защиту родины против фашистских насильников» [Винокур 1945: 175].

На уровне лексической семантики упрощение проявлялось прежде всего в **десемантизации**. В. В. Виноградов в работе о языке Зощенко отметил факты разрушения семантики слов: «...клише книжной речи ломаются в своей семантике, попадая в несвойственный им контекст. Чаще всего происходит разрушение тех семантических соотношений, которые существуют в системе литературной книжной лексики и фразеологии, – путем их внелитературных сцеплений или путем морфологического преобразования» [Виноградов 1928: 66].

М. А. Кронгауз связал десемантизацию с ритуализацией речи: «...слова ритуального языка часто теряют не весь смысл, но часть его, как правило, сохраняя или даже приобретая оценочное значение (со знаком плюс или минус). Отсюда – длинные ряды синонимов или квазисинонимов, не являющихся таковыми в обыденном языке. ... Десемантизация приводит к тому, что на ритуальном языке можно говорить лишь о самых общих и простых вещах» [Кронгауз 1994: 240]. «Подобную же десемантизацию, – пишет А. П. Романенко, – можно наблюдать у слов *бюрократизм, формализм, оппортунизм, пошлость, путать (путаник)* и т. п. Эти слова применялись к разнообразнейшим денотатам ... Логика объединения словом ряда реалий была не сигнификативная, а ритуализованная денотативная (значение «не наши»)). М. А. Рыбникова так объясняла законность этого явления: «Пусть кому-то кажется, что словом *сигнализировать* заменили ряд отличных, живых глаголов *показывать, обрисовывать, сообщать, предупредить, свидетельствовать, дать знать*, – советская газета все-таки будет стоять за *сигнализировать, включиться* и *держатъ связь*, потому что дело не в сохранении «превосходных русских слов», а в выборе того слова, которое политически более актуально, которое имеет свой особый привкус, которое борется с языком досоветским» [Рыбникова 1937: 113; цит. по: Романенко 2000: 173–174]. «Кроме этого, – добавляет А. П. Романенко, – десемантизация – это упрощение семантики, сведение сложной сигнификативной структуры к бинарной. ... Упрощение семантики идет путем культивирования ритуальной мотивированной связи денотата и знака при игнорировании сигнификативной структуры. Система коммуникации становится проще и действеннее.

На текстовом уровне в «новом языке» заметная роль принадлежала новым **прецедентным** текстам: «Изменения в системе прецедентных текстов связаны с ее переориентацией, во-первых, на документные жанры речи, а во-вторых, на новый риторический идеал – Сталина, чье амплуа ратора связано не столько с речами, сколько с документами» [Романенко 2000: 160].

Главным же, конечно, была смена **картины мира**, на что уже в 1960-е годы указывал Чуковский: «Подлинная жизнь со всеми ее красками, тревогами, запахами, бурлившая вдали от канцелярий, <в бюрократической речи> не отражалась никак. Уводя нашу мысль от реальностей жизни, затуманивая ее мутными фразами, этот жаргон был по самому своему существу – аморален. Жульнический, бесчестный жаргон. Потому что вся его лексика, весь его синтаксический строй представляли собою, так сказать, дымовую завесу, отлично приспособленную для сокрытия истины. ... Потому-то мы с таким недоверием относимся к штампованным фразам: их так часто порождает стремление увильнуть от действительных фактов, дать искаженное представление о них» [Чуковский 1990: 585].

С точки зрения общей картины мира, которую новый язык предлагал обывателю, важно, что «новый язык» (как, впрочем, языковой стандарт вообще) был малопонятен массам, но и привлекателен – как язык власти [Романенко 2000: 149]; ср.: «Распространилось благоговейно-почтительное отношение к печатному тексту (особенно – официальному). Грамотность для многих была внове и ценилась невероятно высоко» [Панов 1990: 87].

Таким образом, советские лингвисты конца двадцатых годов – Е. Д. Поливанов, А. М. Селищев, Г. О. Винокур – определяли «советский язык» как решительно новое явление, не имеющее практически ничего общего с русским языком дореволюционного периода, при этом оценивали его в целом положительно – как прогрессивный язык, соответствующий прогрессивному обществу. К. И. Чуковский в начале 1960-х годов, говоря фактически о том же самом явлении, которое он назвал *канцеляритом*, оценивает его крайне отрицательно, но при этом не выводит его из особенностей советского общества, советской власти, которую он так же, как названные лингвисты двадцатых годов, считает прогрессивной, а связывает исключительно с «пережитками» дореволюционной действительности – прежде всего царской бюрократии.

В работах лингвистов и философов последних перестроечных и постперестроечных, 1990-х гг. язык советской власти (*канцелярит*) прямо связывается с тоталитарным обществом, при этом ставится знак равенства между *канцеляритом* и *новоязом* Дж. Оруэлла, а также германским, японским «новоязом» 1930-х го-

дов. В этом отношении у советского варианта тоталитарного «новояза» не пытаются обнаружить какие-либо национальные особенности, например национально-культурные, национально-коммуникативные, национально-языковые истоки канцелярита и канцеляритоподобных явлений в русском языке.

Мы не можем до конца принять ни одну из этих точек зрения.

По нашему мнению, основные особенности языка советской власти (*канцелярита*) происходили из характера власти в тоталитарном обществе, особенностей отношений тоталитарной власти и народа. Подобные изменения языка в тоталитарном обществе можно считать языковой универсалией, и в этом отношении советский вариант тоталитарного языка действительно имеет много общего и с *новоязом* по Дж. Оруэллу, и с германским, японским «новоязом», и т. п.

Однако с точки зрения лингвистического облика *канцелярита* важно учитывать, что он сложился на базе русского языка, русской культуры и русской системы коммуникации (в том числе системы речевых жанров) с присущими им базовыми содержательными категориями, сценариями и ценностями.

В этом отношении можно вспомнить идеи М. М. Бахтина, который утверждал, что языковой системности предшествует системность речевая, речежанровая: «Ни одно новое явление (фонетическое, лексическое, грамматическое) не может войти в систему языка, не совершив долгого и сложного пути жанровостилистического испытания и отработки» [Бахтин 1996: 165].

Понятно, что и канцелярит, и все канцеляритоподобные явления закрепляются в языке только после тысяч и сотен тысяч употреблений в речи, стандартных коммуникативных ситуаций (очень яркие примеры таких ситуаций, когда новый стиль/язык еще только начинал формироваться, находим в произведениях А. Платонова, М. Зощенко, И. Бабеля 1920–1930-х гг.). Именно в области речи, коммуникации сначала складываются отношения, связи и стереотипы речежанрового типа, причем они накладываются на существующую очень сложную систему жанров, где и старые, традиционные, и новые, формирующиеся жанры в высшей степени национально обусловлены, пронизаны ценностными отношениями, существующими в культуре.

Анализа данного явления с точки зрения того, как сложился «новый язык» на существующую систему *русских* национальных коммуникативно-речевых и языковых единиц, норм, содержательных категорий, на наш взгляд, недостает большинству названных исследований, в том числе, к сожалению, диссертации А. П. Романенко (им анализируются лишь некоторые историко-литературные тенденции XIX века).

3. Шкала [P] ~ [-P] в речи российских политиков

Наш разговор о своеобразии современной русской речи с точки зрения базовых коммуникативных ценностей, в частности шкалы/оппозиции [P] ~ [-P], был бы неполон без краткого анализа картины русской политической коммуникации, для которой данная шкала является очень актуальной.

Сама политическая коммуникация (в том виде и смысле, который подразумевают под этим термином на Западе) в России еще находится в процессе становления. Даже за то короткое время, когда политическая коммуникация начала складываться, она пережила ряд характерных периодов (по-видимому, три: конец 1980-х гг., 1990-е, 2000-е гг.). Природа политического дискурса состоит в быстрой изменчивости, поэтому, например, трудно выделять «политические ключевые слова текущего момента» – они меняются вместе с появлением новых актуальных проблем, обсуждаемых политиками. Это показывают эксперименты с современными 17-летними московскими студентами середины 2000-х гг., которым непонятны многие ключевые термины «перестроечной» политики [Басовская 2005].

Соответственно, изучение политической коммуникации в России началось недавно: до последних лет существования СССР данная тема была фактически под запретом. В то же время данное направление исследований в России развивается исключительно активно, говорят даже о возникновении *политической лингвистики*, которая объединяет очень разные теоретические принципы и положения, методику, терминологию, материал (лексика политических речей, включая метафоры, текст и его типы/жанры, стратегии и тактики, функции речи и т. д.; это многообразие отразилось в выходящем в Екатеринбурге журнале «Политическая лингвистика» под ред. А. П. Чудинова).

Среди работ этого типа выделяются, с одной стороны, фундаментальные, посвященные универсальным, наднациональным особенностям политической коммуникации, например [Шейгал 2004; Будаев, Чудинов 2008], с другой – такие, в которых анализируется именно *русская* политическая коммуникация с точки зрения ее уникальных национально-специфических особенностей, часто в связи с общим состоянием современной русской речи [Базылев 2005; Баранов, Караулов 1994; Дука 1998; Лассан 1995; Чудинов 2001].

При этом в «политической лингвистике» остаются неизменными и в целом общепринятыми определением политической коммуникации/политического дискурса и их доминанты: политический дискурс является публичным институциональным дискурсом; главная его функция состоит в эмоциональном воздействии, поэтому он наиболее близок к публицистическому дискурсу; главные «действующие лица» поли-

тического дискурса – политики, чьи **цели** определяются категорией **власти** (приход к власти/удержание власти), и для этой цели они используют язык, речь, дискурс.

В этом смысле главной содержательной категорией, обуславливающей и достижение этой цели, и вполне объективные трудности, с которыми сталкивается политик на своем пути, выступает оппозиция **«народ ~ власть»**, которая реализуется в любом политическом дискурсе, на любом языке, в рамках любой культуры, где существует само понятие *политики и власти*.

В целом, в центре внимания оказывается *«язык власти»*, или язык общения власти и народа с его формальными и содержательными особенностями. Данному явлению посвящено целое направление современной западной социолингвистики и политической лингвистики (см. обзор: [Будаев, Чудинов 2008]). Использование властью для «общения с народом» официального стиля, шире – дискурса, несомненно, универсалия: доминантой официального стиля является регулирование социальных отношений, позиций и ролей [Функциональные стили и формы речи 1993], а следовательно, это удобный инструмент для осуществления власти.

Как уже было сказано, во многих работах исследуется особая, «крайняя» разновидность языка власти – содержательно и формально редуцированный язык («*новояз*»), использование которого оказывается эффективно для управления состояниями коллективного адресата. «Новоязные явления» в германском и японском тоталитаризме описаны в работах [Клемперер 1998; Власова 2005; Такахаси 2000].

В этом отношении для нас важно, что для названной цели политического дискурса – приход к власти/удержание власти – используются средства и категории русского языка, в частности оценочная оппозиция [P] ~ [-P].

Эти особенности русского языка и коммуникации делают принципиально невозможным механическое перенесение теории и методологии западной политлингвистики на российскую почву. «Западноевропейские и американские “лингвистические приемы”, – пишет В. Н. Базылев, – не позволяют решить онтогностические, футуро- и ретрогностические задачи экспликации и реконструкции феномена политического дискурса и в СССР, и в России. ... Подход западных лингвистов к политическому дискурсу в России оказался прожективным, ориентированным на зону ближайшего развития, хотя не менее важен и возможен подход интерпретирующий, ориентированный на сохранение существующих ценностей» [Базылев 2005: 6].

В исследованиях по русскому политическому дискурсу множатся примеры (часто прокомментированные с точки зрения, очень близкой нашей), когда политик-практик сознательно (сам или по подсказке имиджмейкеров) либо

бессознательно обращается к оппозиции [P] ~ [-P] в русском языке и речи. Подобные мыслительные операции проделывают в своей интерпретации и пассивные участники «периферии» политического дискурса, то есть зрители – тоже носители русского языка и оппозиции [P] ~ [-P].

Ряд исследований был посвящен такому распространенному явлению в речи русских политиков, как претензии на *задушевность* либо *общественность* в общении с народом (суть одна – доказать, что «я свой») [Жельвис 1999; Ряпосова 2001; Виноградов 1993; Дмитриева 1994]. Данные явления мы могли бы определить как **педалирование левого члена оппозиции [P] ~ [-P]**.

Данный процесс представляет собой универсальное и очень распространенное явление: это широко изученное в исследованиях по публицистическому стилю и дискурсу обращение к «эмоциональным аргументам». Разница состоит только в том, что обращение (в публицистическом стиле) к эмоциональным аргументам по своей природе есть вид *манипуляции*, который требуется скрывать, – в русской же политической коммуникации, в силу действия оппозиции [P] ~ [-P] и положительной оценки ее левого члена, такого рода эмоциональные аргументы с непрямо, но достаточно явно декларируемым недоверием к уму и сознательным рациональным действиям человека провозглашают прямо, открыто и чуть ли не с гордостью, имея в виду самоопределение и национальную самобытность. Ср. призывы *голосовать сердцем* или определение *вменяемая власть* в качестве положительной характеристики. В русском политическом дискурсе выражение *голосуй сердцем*, являющееся этимологической калькой с английского *vote with your heart*, используется как прямой и вполне серьезный лозунг, тогда как в англо-американском оригинале – как отрицательно-оценочная или ироническая номинация явно бессмысленных или нечестных действий кандидатов и агитаторов на выборах, фактически во всех контекстах есть противопоставление *vote with your head ~ vote with your heart* (в частности: *How to vote with your head and not your heart*) или: *Vote with your heart, bet with your head*.

Показательно, что в западной, прежде всего англо-американской прессе и социологических исследованиях, подобные лозунги, оценки и призывы, в корне противоречащие «западной логике», называются... русскими! например: *Russian Tender: Vote with Your Heart! Contractor selection is a delicate matter for any developer. The clear criteria of sorting out the winners adopted in the West are not always applicable. The participants of the seminar Tender & Development: How Not to Make a Mistake in Contractor Selection organized by Commercial Real Estate North-West tried to understand why the Russian customer oftentimes neglects the*

obvious advantages of one claimant, listening to his "heart" rather than mind.

Что же касается истории выражения *вменяемая власть/администрация/политики*, она просто комична: в сущности, данное выражение должно было обозначать власть «хорошую», обращенную к народу (ср. популярные в позднесоветский период определения «...с человеческим лицом») – это была всего лишь очередная в долгой официальной истории попытка примирить народ и власть. Однако данное выражение немедленно превращается в штамп, причем присущий не языку народа, а именно языку власти, и, с одной стороны, воспринимается с недоверием, как и все политические штампы, с другой стороны, ни те, кто использует данный штамп, ни его адресаты обычно не задумываются о его внутренней форме, несущей чрезвычайно уничижительное представление о власти вообще и о данной власти в частности. Ср.: «Так можно расценить слово *вменяемый* в сочетании *вменяемый политик*. Такое употребление характерно для либералов круга СПС. Оно возникло во время становления этих сил из числа «неформалов» в 1989–91 годах, когда представители руководства разных уровней, идущие на сотрудничество с этими силами, признавались «вменяемыми», т.е. психически нормальными, а остальные не признавались» [Борисова 2006: 26–35].

Естественно, такие призывы власти – как будто бы адресованные народу, с учетом «точка зрения» народа и на языке народа, но в действительности сразу превратившиеся в штампы, принадлежащие именно языку власти, а не народа, – изначально воспринимаются с недоверием, более того – сами автоматически включаются в поле официальности/имперсональности, то есть в «правый» член оппозиции [P] ~ [-P].

Своеобразным отличием русской политической коммуникации стало то, что к началу распространения в России «настоящей» политической коммуникации в западном, демократическом значении само явление – политическая коммуникация, профессиональные политики, борющиеся за власть – воспринимались как новое явление, при этом оценивались положительно, как своеобразный символ перехода к новым, нормальным отношениям, «общечеловеческим ценностям». Кроме того, время становления российского политического дискурса совпало с очень тяжелым периодом для России и национального самосознания – в этом отношении общая для всех политиков тенденция оперировать общечеловеческими и национальными ценностями усиливается у российских политиков названного периода: в это время призывы *возрождать / укреплять национальные ценности* становятся особенно популярны (и многие люди сделали себе на этой риторике неплохой политический капитал).

«Новые политики» спешили позициониро-

вать свои отличия от предшественников – настоящих, «тоталитарных», заидеологизированных, а следовательно, не только непрофессиональных, но и нечестных, враждебных народу деятелей. Соответственно «новые политики» должны были выглядеть в глазах народа не только более профессиональными, лучше ориентирующимися в институтах власти западного, демократического типа (это было очевидно), но более близкими народу, понимающими его, разделяющими его интересы. Естественно, создание такого образа в глазах избирателей является чрезвычайно желанным для любого политика, независимо от национальности и конкретной политической программы, однако в России названного периода для достижения данной цели политики часто привлекали коммуникативные средства, не присущие или редко присущие западному политическому дискурсу (мы имеем в виду прежде всего оппозицию [P] ~ [-P], точнее, педалирование ее левого члена.

Данные явления сочетаются в современном российском политическом дискурсе с *канцелярноподобными* явлениями, частично доставшимися российским политикам по наследству от их советских предшественников, частично – благоприобретенными. Все это создает весьма своеобразный облик современного российского политического дискурса, на что не раз обращали внимание исследователи: «Слагаемые этого дискурса (политического. – В. Д.) разнородны: канцелярит и мат, анекдот и политический скандал, слухи и лозунги, частушки и пр.» [Базылев 2005: 5]; «Использование жаргонной и просторечной лексики при описании российской политической и деловой элиты, как и сообщение о ее совместной с бандитами деятельности, упоминание о «*крышующих*» преступников чекистах служит средством смыслового сближения официальной и теневой элиты. Обозначение современной политической элиты советской идеологией *партийно-хозяйственный актив* позволяет подчеркнуть сходство между руководителями разных поколений» [Чудинов 2003: 27–34].

Показательно, как стала меняться речь, поведение политиков уже «в новых условиях», а также их восприятие народом. Политики, с одной стороны, продолжают использовать *задушевную/обсценную речь* и модели поведения (вплоть до публичного рукоприкладства в парламенте), с другой – массово и как будто бы вполне закономерно переходят на *канцелярит* и *канцелярноподобные явления*, уже не боясь показаться похожими на своих тоталитарных предшественников.

Данную группу явлений можно определить как **педалирование правого члена оппозиции [P] ~ [-P]**. К этому типу явлений (противоположному педалированию *задушевному*) следует отнести, например, подчеркнуто книжный, наукообразный язык представителей правых пар-

тий (СПС, Яблоко): «Стал притчей во языцех нарочито книжный, преимущественно научный язык либералов “первой волны” (“завлабов”)» [Борисова 2006: 26].

В этом отношении особенно показательны характеристики дискурса *«партии власти»*, которые выделяет Е. Г. Борисова [Борисова 1998; 2006], сравнивая данный дискурс с тремя оппозиционными группами (группы выделяются Е. Г. Борисовой с точки зрения собственно политической программы представителей тех или иных партий, которые ориентируются на разную аудиторию, соответственно используют разные средства воздействия, в том числе ценностного характера). Именно для дискурса «партии власти» характерно обилие **штампов**, присущих языку их предшественников – политиков советской эпохи. В современной России выделяют либеральный (демократический, западный) тип, «патриотический» (национально-клерикальный), левый (коммунистический, социальный), а также «язык власти». Либеральный дискурс связан с право-либеральными силами (демократы) и во многом стремится к копированию западных традиций с их претензией на сдержанность и объективность. Он ориентируется на современного образованного человека, изобилует заимствованиями, особенно в политологических и экономических сферах. Текст может быть довольно **сложен** с точки зрения синтаксиса, почти всегда высоко **книжный**, содержащий выводы и умозаключения, нередко иронию. Исключение, и весьма разительное, составляет политическая реклама, часто нарочито упрощенная («Хочешь жить как в Европе? Голосуй за СПС»), что связано с очевидным делением адресатов на «своих» и «быдло».

«Патриоты» представлены немногочисленными партиями («Народная воля», «За Русь святую!» и др., в последнее время «раскручиваемая» «Родина»), но их влияние высоко в интеллектуальных сферах. Их язык отличается **книжностью**, но западные заимствования достаточно редки, а преобладают **греческие** – **церковные** и **философские** термины. Тексты – и устные, и письменные – могут быть весьма экспрессивными, точнее, страстными.

По заявляемым идеологемам к этим силам принадлежат ЛДПР и до какой-то степени КПРФ. Однако язык текстов и устных выступлений ЛДПР заметно **упрощен**, словарный запас приближается к бытовому. Что касается КПРФ, то формально она относится к левой части политического спектра, хотя в ее текстах, даже в произведениях одного человека – лидера партии Г. А. Зюганова – найти можно все. Эти два случая выпадения из традиционного деления объясняются по-разному. Если тексты ЛДПР носят преимущественно популистский характер, т.е. направлены на «овладение электоратом» и потому преднамеренно упрощены, то КПРФ действительно отражает сдвиги в политическом спектре, которые вызваны изменением эпохи и

созданием новых граней размежевания сил и интересов.

Левый дискурс, с одной стороны, унаследовал особенности **революционной** литературы начала двадцатого века. Это страстность, совмещаемая с научностью (в части обращения к марксистским идеям), терминология **марксизма**: *классовая борьба, диктатура пролетариата, социал-предательство* и т. п. С другой стороны, в тексты большей части коммунистов обильно входят **штампы советской эпохи**.

Особняком стоят тексты властей – как официальные документы и речи руководства, так и документы и тексты «партии власти». В 90-ые годы дискурс власти довольно долго был **праволиберальным**, однако отмеченная нами выше тенденция проявлялась в речах Ю. М. Лужкова уже тогда. В основном, такому типу текстов свойственен официально-деловой стиль с неизменными штампами, среди которых нет идеологических стереотипов советской эпохи, однако остальные особенности сохранились с той поры. Отметить манифестативные слова, т. е. свойственные только для данного дискурса, практически не удастся. Однако собственные штампы, употребления слов с особым значением имеются – *деловой, хозяйственник, прагматик*. Такой подбор лексики определяет ведущей идеологемой партии власти: «Не болтаем о политике, а делаем полезное дело».

Как видим, правый член оппозиции [P] ~ [-P] по-прежнему здравствует в речи политиков, при этом наиболее очевидными проявлениями его «неперсональной» семантики, как и раньше, остаются официальные штампы.

Интересно, что во многом это прежние штампы советского языка, от которых, казалось бы, должна была полностью освободиться новая российская политическая риторика, но которые оказались удобными для специфических целей дискурса власти, и к ним вернулись. Этим «старым новым» канцеляриноподобным/новоязоподобным явлениям в русской речи новейшего периода уже был посвящен ряд исследований, например, М. А. Кормилицыной, которая рассматривает их как «постновояз» с точки зрения их синтаксических характеристик (на примере современной прессы): широкая употребительность безагентивных предложений (*Судя по всему, придется несколько «затянуть пояс».*); предложения с пассивными конструкциями, в которых позицию активного субъекта занимают словоформы с объектным значением (*В подготовленном при участии губернаторов, правительства и Администрации Президента докладе отмечалось, что инвестиционный пост распределен между субъектами РФ крайне «неравномерно» – деньги вкладываются все больше в сырьевые регионы*) [Кормилицына 2009: 39-40].

Целая серия исследований посвящена таким явлениям (прежде всего в политическом, а также публицистическом дискурсе), которые в

новых работах именуется *советизмами* или *идеологемами* [Земская 2000; Купина 1995, 2009; Чудинов 2007; Гусейнов 2004; Малышева 2009]. В работах новейшего времени отмечается, в частности, что вернулась не только лексика, но и многие организационные, административные моменты, присущие предшествующей эпохе: «Распространение получает открытое институциональное калькирование советских образцов. Например, возрождается молодежная организация, структурированная по типу ВЛКСМ: *С инициативой создания ячейки Российского союза молодежи выступила городская молодежная Дума. Идею поддержали ветераны комсомола и управление образования, а также комитет по делам молодежи. На слете молодежных организаций, созванном в честь такого события, первым пятнадцати юношам и девушкам, вступившим в ряды РСМ, в торжественной обстановке были вручены членские билеты ... Под бурные аплодисменты виновникам торжества преподнесли бокалы молочного коктейля – традиция новых комсомольцев* (Областная газета, Екатеринбург, 5 мая 2009).

В печати наших дней употребляются информационные стандарты, а также эмоционально-экспрессивные и оценочные средства, характеризующие советскую стилистическую манеру. Например, в газетах Среднего Урала и Зауралья регулярно используются сочетания со словами группы «труд», имеющие традиционно советский характер. Обращает на себя внимание набор стандартных атрибутивных сопроводителей к базовой номинации **труд** (*честный, бескорыстный, самоотверженный, благородный, ударный*), клишированные сочетания *трудо-вой коллектив, трудовые традиции, трудовые навыки, трудовой подвиг, трудовые достижения, трудящиеся района, трудящиеся Урала*.

Безальтернативная оценочность, стандартные метафоры снова определяют направление стилистического эффекта газетного текста. Приведем два извлечения из «Областной газеты» (Екатеринбург): *На днях депутаты Государственной Думы наконец приняли законопроект, который, по словам вице-спикера Надежды Герасимовой, позволит оградить подрастающее поколение от «тлетворного влияния увеселительных ночных заведений».* Ср.: *Средний Урал и впредь будет в авангарде этого процесса, будет оставаться одним из экономических лидеров страны. В предстоящий период мы должны еще более усилить его лидирующую роль, что особенно важно в связи с предстоящим знаковым событием – 70-летием Свердловской области* [Купина 2009: 35–41].

С другой стороны, среди штампов, множатся в речах политиков, немало новых, не имеющих ничего общего ни со старыми реалиями, ни со старыми номинациями. В то же время важно, что в собственно лингвистиче-

ском, семантическом отношении их значение (прежде всего, отношение к «обыкновенным» словам), как и у штампов прошлых лет, соответствует содержанию правого члена оппозиции [P] ~ [-P].

Это показывают исследования наиболее частотных слов и выражений (ключевых слов/концептов) в речи явного лидера новой «партии власти» В. В. Путина, например слов *цель, задача, приоритет* [Гаврилова 2004: 20–35]. Особенно показательна роль последнего слова, в семантике которого отмечаются подчеркнутая книжность, а также то, что оно «связано с волевым началом и интеллектуальной сферой человеческой деятельности» [Там же].

Очень интересны данные о том, как трансформируется содержание многих традиционных слов русского языка, в том числе таких ключевых слов/концептов, имеющих отношение к оппозиции [P] ~ [-P], как *правда, душа, справедливость*, в современном русском политическом дискурсе. Это показано, например, в исследовании [Гаврилова 2006], посвященном концепту *справедливость* в современном русском политическом дискурсе разных типов, выделяемых в соответствии с конкретным политическим направлением и целями: «В русском политическом дискурсе начала XXI века «справедливость» сближается преимущественно с «равенством», понимаемым партиями левого крыла (КПРФ, «Родина») прежде всего как уравнительное распределение материальных благ, однако наряду с этим пониманием в программах других партий (ЛДПР, «Яблоко», «Единая Россия») в концепте «справедливость» актуализируется значение 'равенство возможностей' для граждан страны. Мы наблюдаем борьбу между двумя векторами справедливости, между уравнительностью и соревновательностью, а также стремление изменить соотношение между ними» [Гаврилова 2006: 77–87].

Интересны и поучительны в этом отношении мнения многих политиков, журналистов и исследователей, пытающихся выделить новый тип *национального лидера*, характеристики которого имеют отчетливое сходство с содержанием правого члена оппозиции [P] ~ [-P] – «герой-Штольц» (по имени персонажа романа И. А. Гончарова «Обломов»). Как известно, Штольц в романе противопоставлен Обломову, и его общая жизненная позиция и конкретное поведение воспринимаются читателем только через это противопоставление. Конечно, оппозиция «Обломов ~ Штольц» имеет выраженный характер [P] ~ [-P], и в этом отношении очень показательна «подстановка» в данную оппозицию современных фигур, таких как президенты Б. Н. Ельцин и В. В. Путин [Попова 2010: 135–143].

Итак, судьба оппозиции [P] ~ [-P] в русской политической речи с конца 1980-х гг. (а в чем-то и с более раннего периода) может быть охарак-

теризована как **динамика «новояза»/«канцелярита»**, то есть гипертрофированного использования официально-делового дискурса и стоящей за ним официально-деловой картины мира для достижения **целей**, соотносимых с политической коммуникацией и определяемых идеей регулирования отношений между народом и властью.

В новейшей российской истории были периоды (начало 1960-х, особенно – конец 1980-х), когда использование канцеляритоподобных явлений для данных целей **не** способствовало их достижению. Явление воспринималось как одиозное, слишком очевидно связанное, с одной стороны, с осуждаемыми кровавыми периодами недавней истории, с другой – с коммуникативными механизмами лжи – насилия – манипуляции. (В немалой степени этому способствовало широкое обсуждение и осмеяние данного явления писателями – М. Зощенко, А. Платоновым, – которых много печатали и читали именно в это время, публицистами, лингвистами, даже вполне советскими по форме, как К. Чуковский.) Поэтому говорящие, прежде всего политики, старались дистанцироваться от данного явления (как и от стоящей за ним картины мира), позиционируя себя «совсем другими» (демократами, антикоммунистами, профессионалами, «простыми людьми», русскими, православными, антиглобалистами и т. д.).

Однако по-своему забавный (на самом деле закономерный) эффект от подобных лингвистических экспериментов политиков состоит в том, что в результате они чаще всего **возвращаются** к канцеляритоподобным явлениям, обращаются к ним все чаще, поскольку данные явления, реализующие потенции правого члена оппозиции [P] ~ [-P], **удобны, эффективны** именно для целей, присущих политической коммуникации. Собственно говоря, история политической коммуникации в России с конца 1980-х гг. и есть история периодических отказов от канцеляритоподобных явлений – и периодических же обращений, возвращений к ним.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. №1.
- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М., 1999.
- Базылев В. Н. Политический дискурс в России // Известия УрГПУ. Лингвистика. Выпуск 15. – Екатеринбург, 2005.
- Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. – М., 1994.
- Басовская Е. Н. Политическая терминология в языковом сознании семнадцатилетних // Известия УрГПУ. Лингвистика. Выпуск 16 / Урал. гос. пед. ун-т; отв. ред. Чудинов А. П. – Екатеринбург, 2005.
- Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. – М., 1990.

Бахтин М. М. Проблема речевых жанров. Из архивных записей к работе «Проблема речевых жанров». Проблема текста // Собр. соч.: в 5 т. Т. 5: Работы 1940-х начала 1960-х годов. – М., 1996.

Бердяев Н. А. Философская истина и интеллигентская правда // Духовный кризис интеллигенции. – М., 1998.

Борисова Е. Г. Особенности типов политического дискурса в России // Политический дискурс в России 2. Материалы рабочего совещания. – М., 1998.

Будаев А. В., Чудинов А. П. Когнитивно-дискурсивный анализ метафоры в политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2008. № 3.

Булаховский Л. А. Исторический комментарий к русскому литературному языку. – М., 1975.

Быков Л. П., Купина Н. А. Лингвистический натурализм текстов массовой литературы как проблема ортологии // Проблемы языковой нормы. Тезисы докладов международной конференции «Седьмые Шмелевские чтения». – М., 2006.

Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. – М., 2001.

Васильев А. Д. Слово в российском телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления. – М., 2003.

Вежбицка А. Антитоталитарный язык в Польше: механизмы языковой самообороны // Вопросы языкознания. 1993. № 4.

Вежбицка А. Язык. Культура. Познание. – М., 1996.

Вежбицкая А. Русские культурные скрипты и их отражение в языке // Русский язык в научном освещении. № 2 (4). – М., 2002.

Виноградов В. В. Язык Зоценки (заметки о лексике) // Михаил Зоценко: Статьи и материалы. – М., 1928.

Виноградов С. И. Слово в парламентской речи и культура общения // Русская речь. 1993. № 2–4.

Винокур Г. О. Культура языка. – М., 1929.

Винокур Г. О. Русский язык. – М., 1945.

Винокур Т. Г. Об изучении функциональных стилей русского языка советской эпохи (к постановке вопроса) // Развитие функциональных стилей современного русского языка. – М., 1968.

Власова Е. В. Речевая агрессия в печатных СМИ (на материале немецко- и русскоязычных газет 30-х и 90-х гг. XX века): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Саратов, 2005.

Воркачев С. Г. Сопоставительная этносемантика телеономных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели). – Волгоград, 2003.

Воробьев В. В. Лингвокультурология (теория и методы). – М., 1997.

Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок. – М., 1967.

Гаврилова М. В. Тематический ряд слов *цель, задача, приоритет* в дискурсивном пространстве послания федеральному собранию // Лингвистика: Бюллетень Уральского лингвистического общества / Урал. гос. пед. ун-т; отв. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2004. Т. 13.

Гаврилова М. В. Концепт «справедливость» в

новейшем русском политическом дискурсе // Известия УрГПУ. Лингвистика. Выпуск 17 / Урал. гос. пед. ун-т; отв. ред. Чудинов А. П. – Екатеринбург, 2006.

Громыко М. М. Отношение к богатству и предприимчивости русских крестьян 19 в. в свете традиционных религиозно-нравственных представлений и социальной практики // Этнографический обзор. 2000. № 2.

Гусейнов Г. Ч. Д. С. П. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. – М., 2004.

Дементьев В. В. Об одной оценочной системе в русском языке // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2007. Вып. 7.

Дементьев В. В. Теория речевых жанров. – М., 2010.

Дмитриева О. Л. Ярлык в парламентской речи // Культура парламентской речи. – М., 1994.

Дука А. В. Политический дискурс оппозиции в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1.

Емельянов Б. В. Русский менталитет: возможности толерантности // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: коллективная моногр. – Екатеринбург, 2003.

Жельвис В. И. Инвектива в политической речи // Русский язык в контексте культуры. – Екатеринбург, 1999.

Зализняк А. А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М., 2005.

Земская Е. А. Новояз, new speak? Nowotowa...Что дальше? // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М., 2000.

Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н. Славянские языковые моделирующие системы. – М., 1965.

Катаева Н. М. Русский концепт *воля*: от словаря – к тексту: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2004.

Клемперер В. LTI. Язык Третьего рейха: Записная книжка филолога. – М., 1998.

Кожина М. Н. Стилистика русского языка. – М., 1993.

Колесов В. В. «Жизнь происходит от слова...». – СПб., 1999.

Кормилицына М. А. О некоторых синтаксических характеристиках «постновояза» на страницах современной прессы // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов, 2009. Вып. 9.

Кронгауз М. А. Бессилие языка в эпоху зрелого социализма // Знак: сб. статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А. Н. Журина. – М., 1994.

Крысин Л. П. Социальная дифференциация системы современного русского национального языка // Современный русский язык: Социальная и функциональная дифференциация. – М., 2003.

Кузьменкова Ю. Б. От традиций культуры к нормам речевого поведения британцев, американцев, россиян. – М., 2005.

Купина Н. А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. – Екатеринбург – Пермь, 1995.

Купина Н. А. Советизмы: к определению поня-

тия // Политическая лингвистика / Гл. ред. А. П. Чудинов; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2009. Вып. 2 (28).

Лассан Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ. – Вильнюс, 1995.

Логинова К. А. Деловая речь и ее стилистические изменения в советскую эпоху // Развитие функциональных стилей современного русского языка. – М., 1968.

Логический анализ языка: Языки этики. – М., 2000.

Лосский Н. О. Условия абсолютного добра. – М., 1991.

Лотман М. Ю., Успенский Б. А. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Успенский Б. А. Избранные труды. – М., 1994. Т. 1.

Люциньский К. Языковые заимствования и ментальность: о влиянии заимствованных языковых средств на ментальность лингво-культурного коллектива (на материале русского языка в сопоставлении с польским). – Екатеринбург, 2010.

Мальшева Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация // Политическая лингвистика / Гл. ред. А. П. Чудинов; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т». – Екатеринбург, 2009. Вып. 4 (30).

Маслова В. А. Лингвокультурология. – М., 2001.

Орлова Н. В. Лингвистическое моделирование русской наивной этики: Дис. ... докт. филол. наук. – Омск, 2006.

Панов М. В. История русского литературного произношения XVIII-XX вв. – М., 1990.

Пеньковский А. Б. О семантической категории «чуждости» в русском языке // Проблемы структурной лингвистики, 1985–1987. – М., 1989.

Пеньковский А. Б. Радость и удовольствие в представлении русского языка // Логический анализ языка: Культурные концепты. – М., 1991.

Плунгян В. А., Рахилина Е. В. «С чисто русской аккуратностью...»: К вопросу об отражении некоторых стереотипов в языке // Московский лингвистический журнал. – М., 1996. Т. 2.

Поливанов Е. Д. Статьи по общему языкознанию. – М., 1968.

Попова Н. П. В России появляются новые штольцы...: о мифологеме героя в современной публицистике // Политическая лингвистика / Гл. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2010. Вып. 1 (31).

Романенко А. П. Советская словесная культура: образ ратора. – Саратов, 2000.

Рыбникова М. А. Введение в стилистику. – М., 1937.

Ряпосова А. Б. Агрессивный прагматический потенциал криминальных метафор, функциони-

рующих в агитационно-политическом дискурсе периода федеральных выборов (1998–2000 гг.) // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – Екатеринбург, 2001. Т. 7.

Селищев А. М. Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926). – М., 1928.

Сиротинина О. Б. [и др.] Некоторые жанрово-стилистические изменения советской публицистики // Развитие функциональных стилей современного русского языка. – М., 1968.

Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Опыт исследования. – М., 1997.

Такахаси К. К типологии «тоталитарного языка»: сопоставительный анализ текстов сталинизма и японского фашизма // Вторая зимняя типологическая школа: Материалы международной школы-семинара молодых ученых по лингвистической типологии и антропологии. – М., 2000.

Уфимцева Н. В. Этнический характер, образ себя и языковое сознание русских // Языковое сознание: формирование и функционирование. – М., 1998.

Функциональные стили и формы речи / под ред. О. Б. Сиротининой. – Саратов, 1993.

Чудакова М. Заметки о поколениях в советской России // Новое литературное обозрение. 1998. № 30.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). – Екатеринбург, 2001.

Чудинов А. П. Интертекстуальность политического текста // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества [отв. ред. А. П. Чудинов]. – Екатеринбург, 2003. Т. 10.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика. – М., 2007.

Чуковский К. И. Живой как жизнь // Собр. соч. в 2 т. – М., 1990. Т. 1.

Шалина И. В. Уральское городское просторечие как лингвокультурный феномен: Дис. ... докт. филол. наук. – Екатеринбург, 2010.

Шатуновский И. Б. «Правда», «истина», «искренность», «правильность» и «ложь» как показатели соответствия/несоответствия содержания предложения мысли и действительности // Логический анализ языка: Культурные концепты. – М., 1991.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – М., 2004.

Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. – М., 1977.

Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира. – М., 2002.

Bergmann J. R. Introduction: Morality in discourse // Research on language and social interaction. – Lawrence Erlbaum Association, 1998. Vol. 31.

© Дементьев В. В., 2010

УДК 37.091.212:81'27

Б. М. Игошев,
Л. Я. Рубина
Екатеринбург, Россия

**ГРАЖДАНСКАЯ АКТИВНОСТЬ
СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ:
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ**

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.65

Аннотация. В статье предпринята оригинальная попытка представления теоретической части программы развития гражданской активности студентов в форме концептуального словаря. Словарные статьи содержат общепринятое толкование понятий и мнение авторов об их содержании.

Ключевые слова: гражданин; гражданственность; гражданское участие; молодежные общественные организации; толерантность.

Сведения об авторе: Игошев Борис Михайлович, доктор педагогических наук, профессор, ректор.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.
e-mail: igoshev@uspu.ru.

Сведения об авторе: Рубина Людмила Яковлевна, доктор философских наук, директор ИФСГО УрГПУ.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.
e-mail: roubina@uspu.ru.

Проблема активизации участия студенческой молодежи в социально полезной деятельности в разных сферах и уровнях общественной жизни актуализирована самой жизнью и не нуждается в особых доказательствах своей важности. Сложность и трудности ее решения связаны с тем, что она понимается субъектами «целенаправленной» деятельности неоднозначно, технологии «воздействия» не всегда адекватны целям и ожидаемым результатам, тем более что и диагностика результатов не всегда проводится на основе четко определенных, внятных по смыслу, поддающихся верификации критериям.

Возможности института высшего образования внести вклад в развитие гражданских качеств личности, в их деятельностное проявление еще в студенческие годы рассматриваются в различных исследовательских проектах. Авторы данной статьи уже высказывали собственное мнение по данной проблеме [18]. Хотелось бы обратить внимание на один из подходов, используемых нами, – изложение теоретико-методологической части проблемы в форме концептуального словаря. Идея такого метода подсказана авторами серии стандартных цитатных словарей, издаваемых Институтом системных исследований, которые в данной форме универсальных представлений языка демонстрируют читателям богатство жизни через язык – основу культуры [8]. Такие словари предназначены для людей любого возраста, но особенно

B. M. Igoshev,
L. Y. Roubina
Ekaterinburg, Russia

**CIVIL PARTICIPATION
OF STUDENT YOUTH:
CONCEPTUAL DICTIONARY**

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The article describes the first attempt to present a theoretical part of curriculum for development of students' civic activity. It is given in the form of conceptual dictionary. Entries contain accepted definitions of concepts and the authors' opinion about their contents.

Key words: citizen; civil activity; youth public organization; tolerance.

About the author: Igoshev Boris Mikhailovich, Doctor of Pedagogy, Professor, Rector.

Place of employment: Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg.

About the author: Roubina Lyudmila Yakovlevna, Doctor of Philosophy, Director of the Institute of Fundamental Socio-Humane Education.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

значимы при использовании в системе образования. Что такое «Родина», «семья», «патриотизм», «дом», каждый познает самостоятельно в течение всей жизни, но начало «достижения» – в школе, и от нее зависит, каким индивид будет семьянином, гражданином, человеком.

В так называемых «цивилизованных странах» существует набор словарей, являющихся обязательным предъявлением культурного и идеологического минимума, который рекомендуется освоить каждому гражданину.

Сам термин «концептуальный словарь» используется нами в методологическом контексте изучения научно-практической проблемы и не следует строгим канонам лексикографии – науки о теории и практике составления словарей. Мы не ставим также задачу вписать данное понятие в какую-либо типологию, классификацию словарей. Более того, считаем, что в синонимическом ряду «словарь» – «лексика» – «лексикон» – «тезаурус (греч. "запас")» последняя из категорий ближе всего к нашему пониманию «концептуальности» словаря.

Словарь-тезаурус предлагает систематизированную совокупность данных об определенной области знания, представленных в виде ключевых, значимых слов, соотнесенных между собой по одному из оснований и позволяющих человеку или машине ориентироваться в данной сфере. Он не претендует на энциклопедичность и универсальность, на охват всей ин-

формации о предмете внимания. В нем, скорее, концентрируется терминология, прошедшая апробацию либо настоятельно требующая ее, характеризующая смысл, сущность, специфику какой-либо отрасли знания, сферы деятельности.

В понятии «концептуальный словарь» нет претензии на полноту охвата сущности деятельности в той или иной сфере, отрасли. В этом термин акцентируется концептуальность той совокупности слов, которая необходима для обозначения, изучения, представления какой-либо проблемы, в данном случае научно-практической, и для ее решения: слова «концептуальность», «концепция» используются в исконном смысле (по В. Далю), в качестве образа понятия, способа понимания, соображения и выводов. В этом случае субъективность различных взглядов, мнений не исключается, ибо в любом аспекте понимания «гражданственности» и других ключевых слов заключено мнение, мысль, выражающая или содержащая оценку, отношение к кому-либо, чему-либо.

Именно поэтому в содержании словарных статей (признаём, что они не все однопорядковы по объёму, широте охвата подходов) мы стремились отразить и общепринятое обозначение смысла термина, и разные толкования сущности обозначаемого явления, и взгляд, мнение, с которым мы согласны, и собственное понимание той или иной категории.

В чем важность такого подхода применительно к проблеме гражданского воспитания, гражданской деятельности? Для чего мы его используем?

1. Для разработки теоретических основ развития гражданской активности молодежи в период ее вузовской и послевузовской жизни.

2. Для определения по возможности необходимого и достаточного круга понятий, используемых в смежных отраслях социального знания при анализе междисциплинарной, «стыковой» научно-практической проблемы, актуальной в политологии, социологии, юриспруденции, психологии, педагогике, с целью достижения определенной степени конвенционализма, консенсуса.

3. Для реализации системного подхода к определению (возможно, пока на уровне попытки) содержательной, логической и иерархической связи основных понятий, применяемых в теории и практике развития гражданской культуры. В этом случае мы опираемся на одну из системных моделей образования, представленного в виде совокупности стандартных (универсальных), тематических, профессионально-отраслевых и других типов словарей, в которых учащимся, студентам презентуется интеллектуально-нравственное богатство мира через язык как основу культуры.

4. Для разработки методологической части программ прикладных социально-политических, конкретно-социологических, социально-

правовых, социально-педагогических исследований, где наиболее сложным делом является процесс операционализации понятий, переход от более общих категорий через частные к конкретным индикаторам, поддающимся измерению.

5. Для разработки учебных пособий, проектов, программ деятельности по важнейшим проблемам гражданского воспитания, ибо в повседневной деятельности и практикующие политологи, и управленцы, и социальные психологи, и педагоги оперируют именно этими понятиями.

После этой объяснительной части предлагаем вниманию читателей вариант концептуального словаря по обозначенной нами проблеме. Слова-статьи расположены в алфавитном порядке. Логика их взаимосвязи и зависимости становится понятной из содержания текстов, которые опираются на источники, приведенные в списке литературы.

Атипичный представитель студенческого сообщества – это студент (неформальное лицо), суждения которого по различным проблемам студенческой жизни (учеба, наука, общественная деятельность, общение) наиболее отличаются от мнений других студентов.

Совокупность отличий его мнений от других является наибольшей. Именно такие студенты являются субъектами профессионально-педагогической самоорганизации, целесообразной стратификации групп в сфере определенной деятельности, становятся лидерами молодежных объединений.

Гражданин – человек, постоянно проживающий в государстве, готовый к реализации своих личных и социально значимых прав и обязанностей. Для его воспитания, подготовки к жизни и общественно-полезной деятельности необходим комплекс мер, направленных на утверждение **приоритетности личности** над интересами общества и государства.

Исторический аспект понятия «гражданин».

В древнем Риме это *civis* – свободнорожденное лицо, пользовавшееся полнотой прав; в Древней Греции – *polites* – гражданин, свободная, располагающая правами личность (в противовес «подданному» на Древнем Востоке) в полисе (родном городе-государстве). Совокупность гражданских прав составляла честь (*time*) гражданина, который назывался *epitimos*, если пользовался ими. Уже тогда было четкое противопоставление свободы и несвободы, осознание роли полиса как гаранта личной свободы, возникало чувство личной свободы – элевтерия, что составляло стержневую основу формирования гражданина.

В современном понимании, согласно Гражданскому кодексу РФ, граждане – физические лица, обладающие правоспособностью, которая означает способность человека иметь гражданские права и нести обязанности, которая признается в равной мере за всеми гражданами.

ми, возникает в момент рождения и прекращается со смертью. «Полноправным гражданином» в узком смысле закона рождаются. Фактически полным гражданство становится тогда, когда другие граждане верят, признают, что человек обладает способностью к гражданскому поведению.

Гражданская адаптация – разновидность социальной адаптации, в процессе которой личность или группа активно осваивает нормы, ценности и модели деятельности, свойственные гражданскому обществу, формирование которого осуществляется при деятельном участии всех субъектов – носителей его характеристик. Сложность и противоречивость процессов гражданской адаптации современной молодежи связаны с отсутствием в нашей стране достаточного опыта функционирования гражданских структур.

Гражданская культура – система исторически сложившихся, воплощающих опыт многих поколений, относительно устойчивых установок, убеждений, представлений, образцов поведения, проявляющихся в непосредственной деятельности субъектов гражданского и политического процесса, обеспечивающих воспроизводство жизни общества и государства на основе преемственности.

Специфика гражданской культуры в том, что она:

- отражает систему гражданских отношений и прав личности **в правовом государстве**;
- складывается в особенной сфере социума – сфере **гражданского общества**;
- отражает **различие** гражданского общества и государства, а также их **взаимосвязь**;
- в условиях экономических, социальных, политических конфликтов **содержит механизм гражданского мира и согласия**;
- характеризуется неравномерностью развития в разных **регионах**, у разных **групп населения**;
- является **синтезом** общецивилизационного опыта и национальных традиций.

Понятие гражданской культуры охватывает значительные области экономической, правовой, политической, духовно-нравственной культуры, относится главным образом к массовому, групповому, личностному сознанию и поведению в той их части, которая связана с выполнением типичных гражданских ролей. Эта культура – **следствие и предпосылка** становления гражданского общества и правового государства. В концепции модернизации российского образования подчеркивается, что одной из важных задач воспитания является формирование у учащейся молодежи гражданской ответственности и правового самосознания в качестве основы гражданского участия. В процессе подготовки специалиста в вузе важно акцентировать внимание на том, что гражданская ответственность – необходимая сторона профессионализма.

Гражданское воспитание – формирование готовности человека к овладению гражданской культурой, включающей в свое содержание культуру гражданского достоинства (КГД) и культуру социальной полезности (КСП).

КГД предполагает наличие у гражданина сознания и чувства патриотизма, критического (аналитического) мышления по отношению к обществу и власти, ответственности перед собой, нравственной свободы, ярко выраженного индивидуализма (осознания своих интересов), творческой активности и профессиональной компетентности.

КСП дополнительно к этому предполагает положительное отношение к своему государству и обществу, чувство долга и ответственности перед ними, исполнительность, дисциплинированность, коммуникативность. Система образования, функционально связанная в процессе гражданского воспитания с семьей, политическими, экономическими и другими институтами, выявляет и стремится к разрешению противоречий между «спросом», «заказом» на гражданина со стороны государства, работодателей и самого человека. Со стороны власти это заказ на узко-политически понимаемые качества в духе лояльности к власти, работодателю нужен специалист, профессионал, чьи гражданские качества не измеряются и отдельно не квалифицируются. Самой же личности важна не просто законопослушность и профпригодность, но и весь комплекс социокультурных качеств.

В вузе, реализующем это направление воспитания, используются различные подходы и технологии, создаются условия для саморазвития, самовоспитания и самореализации личности, осуществления ее прав, свобод и нравственных императивов.

Гражданское общество (Г. О.) При отсутствии единства в определениях гражданского общества (Civic Society) останавливаемся на такой его дефиниции, которая представляется наиболее близкой к классическому подходу, является достаточно эвристичной и практически применимой, полезной с точки зрения изучения и непосредственного преобразования социальной жизни.

Г. О. – неполитическая жизнь общества с развитыми экономическими, культурными, правовыми и политическими отношениями между его членами, общество, независимое от государства, но определяющее его функционирование и взаимодействующее с ним. Г. О. – общество граждан высокого социального, экономического, политического и культурного статуса, создающих совместно с правовым государством систему правовых отношений. Наличие гражданских отношений выливается в обязательство, право и способность оградить мир человека от посягательств, требовать исполнения им гражданского долга.

Гражданство сегодня – не просто юридический термин, указывающий на принадлежность

к целостному национальному государству, оно становится более сложным феноменом. Гражданская идентичность всё чаще воспринимается как модель самоутверждения и самоорганизации общества, а не как утверждение и организация общества государством. Однако реальное социальное пространство в России остается пространством вертикальных, а не горизонтальных (сетевых) связей. Формированию новой (не «советской» и не «антисоветской») гражданской идентичности в современных условиях препятствуют отсутствие глубоких исторических традиций гражданских объединений и взаимонедоверие между социальными группами, усугубленное ростом социальной дифференциации.

Функциями Г. О. являются:

1. оформление интересов социальных групп;
2. распространение норм гражданского поведения;
3. посредничество при выдвижении требований от граждан к государственным чиновникам, к властным структурам;
4. самовыражение;
5. контроль за соблюдением взаимных обязательств;
6. сопротивление произволу;
7. преодоление атомизации, разобщенности индивидов и предоставление им независимой от государственного давления сферы реализации их интересов.

Системное качество Г. О. – приоритетность ценности прав и свобод граждан.

Гражданственность – состояние, которое должно быть достигнуто в результате гражданской адаптации, обретенное качество общей культуры, одна из характеристик духовной жизни общества, отдельной личности. Критерием определения степени гражданственности является соответствие между моделью желаемых характеристик человека данного общества и реальным поведением индивида как исполнителя гражданских ролей. В качестве комплексной характеристики социальных субъектов гражданственность включает в себя базовые, сложившиеся в государстве ценности и нормы, правовую культуру, личностную активность, одобряемые обществом модели поведения.

Дееспособность гражданина (статья 20 ГК РФ) – способность гражданина своими действиями приобретать и осуществлять гражданские права, создавать для себя гражданские обязанности и исполнять их (гражданская дееспособность). Она возникает в полном объеме с наступлением совершеннолетия, то есть по достижении восемнадцатилетнего возраста.

Демократия – это власть народа, созданная по разумению народа и действующая в интересах народа, под контролем народа. Ее осуществление предполагает выборность всех государственных органов, верховенство закона, подчинение меньшинства большинству, учитывающему интересы меньшинства. Для этого

провозглашается право народа на создание и функционирование любых политических и общественных движений, число которых не подлежит никакому ограничению, если их действия не противоречат Конституции, Гражданскому и Уголовному кодексам.

Культура гражданственности – качественная характеристика различных видов деятельности социальных общностей, мера самореализации человека как гражданина не в формально-юридическом, а в социокультурном, нравственно-этическом смысле этого понятия, т. е. с точки зрения способов его деятельности, его образа жизни.

Лидерская программа(ы) (проекты) – программа деятельности, направленной на помощь молодому человеку в его самоутверждении как личности, выработке качеств лидера, организатора, управленца и профессионала, в раскрытии его внутренних резервов.

Уникальность таких программ – в направленности на личностный рост и социальное развитие каждого, на обучение методам самопознания и самодиагностики, на подготовку к осознанному жизненному выбору. Различаются программы: (а) подготовки лидеров-администраторов, управленцев, умеющих эффективно использовать механизм власти, и (б) выявления лидеров-профессионалов, опирающихся на механизм авторитета и умеющих создать команду последователей.

Лидерство – процесс межсубъектного взаимодействия, когда индивид или часть общности выполняет роль лидера, т. е. интегрирует, направляет, координирует, активизирует последователей, которые ожидают, принимают и поддерживают его действия; это процесс внутренней саморегуляции и самоуправления в каком-либо сообществе, организации, обусловленный индивидуальной инициативой участников взаимодействия.

Обычно «лидерство» соотносят с понятиями «руководство», «управление», выделяют их общие черты и особенности, характерные только для лидерства. Понятием «руководство» обозначают особые отношения между людьми в форме взаимодействия между статусами, уровнями административной структуры. Эти отношения имеют правовые основания и проявляются в виде зависимости одного человека от другого, либо как функциональная связь «организация (власть) – исполнение». Лидерство же – понятие скорее поведенческое, ибо лидер оказывает влияние на группу, команду независимо от того, является ли он ее формальным руководителем. Его воздействие имеет неинституционализированную форму, складывается спонтанно, поддерживается механизмом авторитета и выражается отношением «влияние – следование».

Молодежные общественные объединения – добровольные самостоятельные некоммерческие формирования, объединяющие мо-

лодых людей на основе общности интересов для реализации определенных социально значимых целей. В современных условиях к традиционным функциям объединений (организация досуга, реализация целей молодежной политики) должны добавляться и другие, соответствующие новым тенденциям социального развития: стимулирование инициативы, ценностная интеграция молодого поколения, конструирование новой реальности. Их развитие напрямую зависит от уровня осведомленности и участия молодежи в общественной деятельности, достаточной представленности актуальных, востребованных направлений реализации молодежного потенциала страны.

Национальная идея – объединительная идеологическая парадигма, позволяющая гармонизировать интересы различных групп населения, определить основы и стимулы духовного развития общества. В процессе поиска таковой предлагаются идеи ненасилия, взаимодополнительности морали и права, гуманистические ценности и др. В контексте нашей темы людей объединяет сохранение гражданского достоинства, утверждение свободы и справедливости, обеспечение благосостояния народа, социальная ответственность государства и личности.

Некоммерческие организации (НКО), в соответствии с Гражданским кодексом РФ (ст. 50, 116), создаются в форме потребительских кооперативов, общественных и религиозных организаций, благотворительных и иных фондов, учреждений, ассоциаций и союзов, в которых на добровольных началах и на основе общности интересов объединяются граждане и юридические лица для удовлетворения духовных и материальных потребностей. Данные организации преследуют социальные, благотворительные, культурные, образовательные и иные общественно-полезные цели. Они могут осуществлять предпринимательскую деятельность лишь постольку, поскольку это служит достижению целей, ради которых они созданы. Деятельность НКО регулируется законодательством РФ, уставом конкретной организации либо учредительным договором. В качестве юридических лиц подлежат государственной регистрации.

Институт социально ориентированных НКО будет поддержан государством, как подчеркивают его лидеры, в форме финансовой, информационной, консультационной помощи, налоговых льгот, размещения у них государственных и муниципальных заказов. В этом случае важно, чтобы содействие государства не превращалось только в форму контроля за деятельностью, за ролью НКО как проводников идей власти сверху вниз (это уже было), а помогало учитывать их интересы, защищать их.

Неформальные объединения молодежи – «группы по интересам» (peer-groups), по степени близости мировоззренческих установок, схем мышления и поведения участников. К та-

ким группам относятся и объединения на основе молодежных субкультур: «готы», «эмо», «метросексуалы», «растаманы», «фанаты», «толкиенисты», «рокеры», «рэпперы», «сквоты», «фрики» и др.

Общественное участие (гражданское участие) – необходимое условие формирования гражданского общества, обеспечивающее контроль над политическими институтами и взаимовыгодное партнерство. Сфера его влияния начинается там, где «заканчивается» государственная власть. Оно заполняет те сферы, в развитие которых не могут (или не хотят) вмешиваться государственные органы власти. В известном смысле с его помощью компенсируются неэффективность или «упущения» государственных органов власти, обеспечивается право гражданина на учет его мнения и интересов.

О. У. (Г. У.) имеет главной целью реализацию права граждан на участие в принятии решений в общественно значимых сферах жизни. Синонимами О. У., Г. У. считают политическое участие, социальную активность, – и это верно, если иметь в виду процесс эффективного взаимодействия между властью и обществом, но не спонтанного и непосредственного, а с четкими принципами организации. Среди них можно выделить те принципы, которые важны в качестве необходимых условий повышения степени эффективности участия:

- наличие ясной, реалистичной цели, декларируемой организатором процесса взаимодействия;
- альтернативность выбора, формы и способа деятельности;
- наличие «обратной связи», двустороннего информационного обмена и учета проявленных инициатив снизу в итоговых результатах;
- достаточная информационная и техническая поддержка участия, обучение в ходе процесса;
- участие общественности на ранних стадиях подготовки процесса;
- отсутствие дискриминирующих мотивов у всех сторон участия, исключения кого-либо из процесса, если он не нарушает нормы взаимодействия;
- открытость и контролируемость процесса участия;
- использование качественной методической базы для организации процесса участия и контроля его результатов.

Общественные объединения молодежи – общее название субъектов социальной политики, представляющих интересы различных групп молодежи и тем самым способствующих усилению молодежных инициатив, развитию институтов гражданского общества. Их эффективность:

- на структурном (макро) уровне – социальная эффективность: роль в развитии общества и его отдельных групп, степень влияния на соз-

вание и поведение граждан, направленность на преобразование действительности;

- на позиционном (мезо) уровне – организационная эффективность: наличие объединений, усиливающих активность молодых в общественных сферах деятельности; важными являются их структура, значимость функций, особенности менеджмента, технологии, механизмы взаимодействия в решении социально значимых дел;

- на личностном (микро) уровне – личностная эффективность: возможности реализации актуальных потребностей и интересов индивида, развитие человеческого потенциала участников молодежных объединений.

Для измерения их эффективности используются критерии, например: а) стали ли они значимым ресурсом развития гражданского общества в России; б) улавливают ли актуальные потребности молодежи, защищают ли ее интересы; в) способствуют ли решению социальных проблем; г) помогают ли проявлению и реализации инициативы молодых людей, их участие в преобразованиях, и др.

Для гражданского воспитания важна не просто информация (хотя она и необходима) о целях, способах деятельности организации, но и четкое представление о том, чьи интересы она выражает, в каких состоит отношениях с властью (государством), законом, моралью, как оценивается общественным мнением. В последнем случае неоднозначность оценок связана с такими моментами, как степень политизированности движения, организации, мера самодетельности, идеологическая ориентация, история создания («снизу», «сверху»), риск манипуляторства, открытость деятельности и ее эффективность.

Одни организации имеют четко выраженную политическую, идеологическую направленность и высокую степень радикализма («Идущие вместе», трансформированные в «Наших», «Авангард красной молодежи», «Российский союз молодежи», «Молодая гвардия», «Россия молодая», «Деловая молодежь», «Да», «Православный корпус», «Наш выбор», «Новые люди», «Национал-большевистский фронт», «Война» (голубые ведра), «Сталь» (сталинисты) и др.). Идеологическая ориентация других может быть неясной, невыраженной, а то и сознательно закамуфлированной. Есть масса «мягких» протестных выступлений в форме флешмоб, творческих групп типа «Бабушка после похорон». Соответствующее разъяснение целей, встречи с представителями этих организаций, знакомство с содержанием уставов и программ помогают понять, нужно ли это именно студенту или кому-то другому, или ему вполне достаточно тех форм взаимодействия с обществом, которые предоставляет вуз.

В трудной жизненной ситуации студенту и молодому специалисту важно знать, где его единомышленники, к кому обратиться за под-

держкой, защищая свои интересы. Он должен различать и то, с какой целью к нему самому обращаются представители разных организаций, партий – привлечь в качестве молодежного электората или предложить вместо «чистой» политики заняться общественно-полезной деятельностью, включить в молодежную парламентскую вертикаль или в различные формы содействия социально беззащитным группам населения, участия в предотвращении асоциального поведения, волонтерства. Особую активность проявляют сегодня религиозные организации, в том числе и с целью вовлечения молодежи в деструктивные секты, проникая в форме лоббистов во властные структуры, в систему образования. В ряде сект молодежь 18–27 лет составляет до 70%.

Как показали наши исследования, такой информационной вооруженностью большая часть студентов не располагает, хотя в новой социальной реальности, виртуальной, когда осуществляется переход на общенациональную сетевую инфраструктуру, ее роль возрастает, ибо индивиды и группы получают неограниченные возможности взаимодействия для выражения и защиты своих интересов, для самопрезентации. Как показывают исследования, вузовская молодежь по-прежнему конформистски настроена и равнодушна к политике.

Общественные организации – так называемый «третий сектор», «организации-посредники», «медиаторные группы», возникающие вне рамок политических и экономических институтов с целью реализации гражданской активности. Они не позволяют властям разного уровня игнорировать интересы населения, в частности его молодежных групп, привлекают к ним внимание и «заставляют» решать их проблемы. Молодежные общественные организации и объединения являются одним из основных элементов системы гражданской адаптации, оказывают существенное влияние на формирование гражданственности молодежи в силу своей многофункциональности.

Общественные организации (ОО) – основная ячейка гражданского общества, совокупность некоммерческих организаций, объединений разных групп населения для удовлетворения различных потребностей и защиты своих интересов. К ним относятся правозащитные, женские, детские, экологические организации, патриотические клубы, землячества, этнические диаспоры, культурные и творческие союзы, профессиональные союзы, научные, образовательные, молодежные, спортивные, религиозные и др. организации. О. О. стимулируют включение индивида в общественные отношения, начиная с уровня межличностных отношений, «низовых» социальных взаимодействий, основой которых является **доверие**, а наиболее распространенной моделью – **социальные сети** (см.).

Ответственность – устойчивое моральное качество личности, черта характера, позволяющая человеку самому решать, где и как реализовать это качество. Диапазон возможностей зависит от степени сформированности ответственного отношения к делу, к людям, к выполнению своих функций и простирается от «не могу иначе», «я за это в ответе» до полной безответственности в поступках. Уровень ответственности выпускников вузов является маркером уровня их профессионализма.

Ответственность социальная – профессиональное целеполагающее качество, которое можно считать сформированным тогда, когда человек совершает свободный, сознательный выбор, а внешние, поставленные обществом цели становятся его личными целями. В этом случае ответственные действия человек совершает добровольно, по желанию, во вменяемом состоянии. В теории компетентного подхода к образованию этот вид ответственности как развитое качество личности называют социальной компетентностью.

Патриотизм – в буквальном смысле – любовь к Отечеству, преданность своему народу, Родине. Еще проще, любовь к месту, где родился и живешь, где чувствуешь себя человеком; доброе отношение к тем, кто тебя окружает, готовность их защищать.

Патриотизм иногда приобретает неоднозначное толкование либо с явной политической окраской («национал-патриотизм», «непримиримое славянофильство»), либо с уклоном в военно-милитаристский смысл «защиты от врагов». Важно учитывать контекст, уровни использования (в разных сферах деятельности, на обыденном и теоретическом уровне и т. д.). В научно-теоретическом и этическом смысле это – нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к Отечеству и готовность подчинить его интересам свои частные. Патриотизм предполагает гордость достижениями и культурой своей Родины, желание сохранять ее характер и культурные особенности, идентификацию себя с другими членами нации, готовность подчинить свои интересы интересам страны, стремление защищать, отстаивать интересы Родины и своего народа. Его наличие – важнейшая эмоциональная и деятельностная основа гражданственности.

Почетное гражданство – способ вознаграждения человека, внесшего особый вклад в развитие города, страны.

Как особый социальный институт в России до революции оно превратилось в целое сословие со своими писанными и неписанными правилами. По манифесту Николая I (1832 г.) обыватели были разделены на 6 групп, в числе которых выделялись так называемые «именитые граждане», отличившиеся на каком-либо общественно-полезном поприще, беспорочно служившие на выбранных должностях, ученые-

академики, выдающиеся деятели искусства, крупные бизнесмены; главный критерий при их определении – не имущественное положение, а заслуги перед отечеством.

Революция отменила этот институт; попытки возрождения оказались удачными не на уровне страны, а в городах, причем практически во всех. В Екатеринбурге до революции было 10 почетных граждан, а после возрождения этого звания в 1996 г. – уже 66 человек. Ежегодно их состав пополняется за счет наиболее заслуженных граждан города.

Правоспособность граждан – их право иметь имущество на правах собственности; наследовать и завещать имущество; заниматься предпринимательской и любой иной не запрещенной законом деятельностью; создавать юридические лица самостоятельно или совместно с другими гражданами и юридическими лицами; совершать любые не противоречащие закону сделки и участвовать в обязательствах; избирать место жительства; иметь права авторов произведений науки, литературы и искусства, изобретений и иных охраняемых законом результатов интеллектуальной деятельности; иметь иные имущественные и личные неимущественные права.

Местом жительства гражданина признается место, где он постоянно или преимущественно проживает (статья 18 ГК РФ).

Россиянин – употребляется в двух значениях:

1. Гражданское определение: житель нашей страны, гражданин государства Россия безразлично к национальной и конфессиональной принадлежности.

2. Нередко употребляется как синоним «русского», обозначающий принадлежность к конкретному этносу. В этом случае слово не всегда можно перевести не только в идеологический, но и в позитивный культурный план у части поколения с дефицитом патриотического сознания, с незнанием исторического прошлого страны. В отсутствие культуры толерантности в полиэтничном государстве самодеятельность молодых может принимать формы скинхедства, фашиствующего хулиганства, ксенофобии.

Социальная сеть – это современная корпоративная форма спонтанной самоорганизации людей, позволяющая совершить переход с уровня межличностных отношений на уровень взаимодействия общественных организаций и государства (Ф. Фукуяма, В. Радаев и др.). Основой и «гарантией безопасности» такого перехода служит **доверие**, которое и образует тот **социальный капитал**, который реализуется уже не только через традиционные практики товарищества и взаимопомощи, но и через доверие, лояльность к общественным институтам, а на самом высоком уровне – к государству. Потенциал социальных сетей, социального капитала реализуется через общественные организации, деятельность которых «выстраивает»

механизм взаимодействия гражданина с властными структурами. Развертывание сетей гражданского действия способствует распространению ценностей и норм гражданского участия, преодолению пассивности.

Социальное государство – согласно Конституции РФ, это принцип, предполагающий создание равных возможностей для всех членов общества, проведение политики, признающей за каждым гражданином право на такой уровень жизни, который необходим для поддержания здоровья и благосостояния его и его семьи, когда он работает, а также в случае безработицы, инвалидности, старости. Реализация этого принципа происходит через систему социальных проектов, программ разного уровня.

В условиях кризисов имеют место такие тенденции, как отказ от чрезмерной государственной поддержки, обеспечение минимальных социальных потребностей граждан с учетом имеющихся финансовых, материальных средств, ориентация на адресную социальную помощь. В этом случае большое значение имеет соблюдение баланса интересов государства, отдельных социальных групп и граждан, которым социальные права в правовом государстве принадлежат от рождения. Сочетание качеств и социального, и правового государства делает ясным различие понятий «отечества» и «государства» в представлениях граждан: «Отечество – это отечество, а государство – то, что должно этому отечеству служить».

Толерантность (лат. *tolerantia* – терпение) – терпимость, снисходительность к кому-, чему-либо. В несколько ином смысле – выдержка, терпеливость, выносливость, сдержанность. Толерантность становится уникальным эволюционным механизмом сосуществования больших и малых сообществ, обладающих различными возможностями развития. Российское общество – не монолит и не бесформенный конгломерат, а сложно структурированная система с неоднозначными формами взаимодействия разных групп. Поэтому в настоящее время понятие употребляется в более широком смысле – как система социальных связей (межличностных, межгрупповых, межэтнических, межконфессиональных, межкультурных и др.), способствующих установлению гармоничных отношений в сообществах разного уровня, устранению (или локализации) «очагов нетерпимости» по отношению к другим. В политике толерантность интерпретируется как готовность власти допускать инакомыслие в обществе и даже в своих рядах, принимать политический плюрализм. Но такое понимание охватывает и жизнь отдельной личности – готовность прислушаться к мнению политического противника. Главное здесь то, что дихотомию «друг – враг» нельзя переносить из сферы политической в сферу межличностного взаимодействия. В «Декларации принципов терпимости», принятой ООН в 1995 г., толерантность определяется как

уважение, принятие и правильное понимание всего многообразия культур, форм самовыражения и проявления человеческой индивидуальности. В более узком смысле это не просто терпимость, уважение и сочувствие по отношению к другому, кем бы он ни был по своему статусу, но и умение со-существовать, со-действовать, со-трудничать с «иными», «не своими», в том числе имеющими другую точку зрения на что-либо.

Правительством РФ в 2001 г. принята программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактики экстремизма в российском обществе (2001–2005 гг.)», которая утверждает воспитание толерантности как неотложную задачу, связанную со стратегией социальной безопасности. В системе образования принцип толерантности рассматривается в числе системообразующих для гражданского, патриотического воспитания, для формирования культуры диалога, коммуникативной компетентности.

ЛИТЕРАТУРА

Нормативно-правовая база

Гражданский кодекс Российской Федерации. Официальный текст. – М.: Омега; Л., 2008.

Федеральный закон «Об общественных объединениях»

• 82 – ФЗ от 19 мая 1995 г. в редакции № 169-ФЗ от 08.12.2003 г.

• Федеральный закон «О некоммерческих организациях».

• Федеральный закон «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях».

• Федеральный закон «О государственной поддержке молодежных и детских общественных организаций» №98 – ФЗ от 28.06.1995 г., в ред. № 31 – ФЗ от 21.03.2002.

Областной закон «О государственной молодежной политике в Свердловской области».

Государственная Концепция молодежной политики.

Национальный проект «Образование»: нормативные правовые документы. М.: ТЦ «Сфера», 2006.

Указ Президента РФ от 06.04.2005 г. №325 «О мерах государственной поддержки талантливой молодежи». // Национальный проект «Образование»: нормативные правовые документы. – М.: ТЦ «Сфера», 2006.

Научные источники

Александр Дж. Власть, политика и гражданская сфера // Социс. 2009. №10.

Арапов М., Барботько Л., Мирский Э. Библейская цитата: словарь-справочник. – М.: Эдиториал УРСС, 1999.

Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Гражданская культура современного российского студенчества. – Екатеринбург: ИПЦ «Маска», 2007.

Гаврилюк В. В., Маленков К. В. Гражданственность, патриотизм и воспитание молодежи // Социс. 2007. №4.

Гражданская культура современного студенчества: материалы Международной конф. (Екатерин-

бург, 14.11.2007, УГТУ-УПИ). – Екатеринбург, 2007.

Гражданская, этническая, религиозная идентичность современной России. – М.: ИС РАН, 2006.

Дилигенский Г. Г. Существует ли в России гражданское общество? // Поговорим о гражданском обществе. – М.: изд. фонд «Общественное мнение», 2001.

Дмитриев А. В. Тезаурус социологии: тематический словарь-справочник. Рецензия. // Социс. 2010. №1.

Донских О. А., Антипов Г. А. О формировании гражданского сознания // Высшее образование в России. 2009. №10.

Донских О. А., Антипов Г. А. О формировании гражданского сознания // Высшее образование в России. 2010. №9.

Дубицкий В. В. Воспитание студенчества как основа мобилизации социально-гражданских качеств личности // ЛКО. 2007. Вып. 4(39).

Игошев Б. М., Рубина Л. Я. Развитие гражданской активности студентов педагогических вузов: концептуальные основы и программа деятельности. – Екатеринбург: УрГПУ, 2010.

Игошев Б. М., Серeda В. А. Патриотическое воспитание студентов педагогических вузов во внеучебной деятельности. – Екатеринбург: ГОУ ВПО «УрГПУ», 2007.

Казаков Е. С., Шапко В. Т., Чегодаева Т. А. Культура гражданственности. – Екатеринбург – Нижний Тагил, 2004.

Мацковский М. Толерантность как объект социологического исследования // Век толерантности. – М.: МГУ, 2001.

Патрушев С. В. Гражданская активность: институциональный подход (перспективы исследования) // Полис. 2009. №6.

Петренко Е. С., Градосельская Г. В. Российское гражданское общество сегодня: реконструкция по результатам крупномасштабных опросов // Мир России. 2009. №1.

Полухин О. Н. Гражданственность: философский проект. – М.: Муниципальный мир, 2003.

Резник Ю. М. Гражданское общество как понятие // СГЗ. 2002. №2.

Самсонова Т. Н. Проблемы гражданского образования в России // Вестник МГУ, серия 18. 2007. №4.

Усманова С. Р. Представления россиян о гражданском участии // МОМ. 2008. №2.

Филимонова Л. Эффективность гражданского воспитания: проблема критериев // Вестник МГГУ, серия 18. 2007. №1.

Якобсон Л. И. Российский третий сектор от импорта к импортозамещению // Некоммерческий сектор, экономика, право, управление. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007.

© Игошев Б. М., Рубина Л. Я., 2010

Г. Н. Манаенко
Ставрополь, Россия

ДЕФОРМАЦИИ «ОБРАЗА КАВКАЗА»
В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ
РОССИЙСКИХ СМИ
И ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ, или
О ПОЛЬЗЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

ГСНТИ 16.21.27

Аннотация. В статье анализируется соотношение «событие – ситуация – пропозиция – факт» и отмечается роль языкового воплощения в представлении событий и формировании картины мира.

Ключевые слова: событие; ситуация; пропозиция; факт.

Сведения об авторе: Манаенко Геннадий Николаевич, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка.

Место работы: Ставропольский государственный педагогический институт.

Контактная информация: 355015, г. Ставрополь, ул. Ленина, 417а.
e-mail: e-mail: manaenko@list.ru.

G. N. Manaenko
Stavropol, Russia

DEFORMATION OF THE
«IMAGE OF THE CAUCASUS»
IN THE CONTEMPORARY MASS MEDIA
DISCOURSE OF RUSSIA
AND IN PUBLIC CONSCIOUSNESS, or
ABOUT THE USE OF POLITICAL LINGUISTICS

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The present paper analyzes the correlation "event – situation – proposition – fact" and points to the role of language realization in events representation and the worldview forming.

Key words: event; situation; proposition; fact.

About the author: Manaenko Gennady Nikolaevich, Doctor of Philology, Professor of the Chair of the Russian Language.

Place of employment: Stavropol State Pedagogical University.

Политическая коммуникация не только передает информацию, но и оказывает эмоциональное воздействие на адресата, преобразует существующую в сознании человека политическую картину мира.

А. П. Чудинов. Политическая лингвистика

События, происходившие на Кавказе в последнее десятилетие прошлого века и первое нового, уже стали историей, закрепились в качестве фактов в отечественном информационном пространстве. Как следствие, утвердились и соответствующие стереотипные корреляции в общественном сознании: Кавказ – «горячая точка», кровопролитные межнациональные конфликты, война.

На Ставрополье в печатных материалах и эфире практически все это время ставились вопросы безопасности. При этом почти в обязательном порядке упоминался Буденновск и говорилось о том, что фактически жители края находятся в «прифронтовой полосе». Но ведь войны-то сейчас уже нет, хотя и есть постоянная террористическая угроза. Безусловно, особенности представления «картины мира» в дискурсе отечественных СМИ (региональные СМИ здесь не являются исключением) обладают огромной «фильтрационной» силой, закрепляют в общественном сознании строго определенный стереотип восприятия истинных событий. И в этой связи надо отметить, что метафора «война с терроризмом» не так безобидна, как кажется на первый взгляд, потому что она искажает действительное положение дел. То, что данная метафора именно искажает сущность происходивших и происходящих событий, позволяет определить когнитивно-дискурсивный подход к феноменам языка и речи, при котором «исследователь стремится выявить взаимосвязи между метафорами и факторами,

которые обусловили их востребованность. В этом случае метафора воспринимается не как автономный феномен, а как естественная часть нарратива, который понимается как некоторое множество текстов, связанных с определенной политической ситуацией или с определенными политическими представлениями, с определенной политической позицией» [Чудинов 2003: 170–178].

Проиллюстрируем данное положение. Так, после очередного теракта в Махачкале в телевизионном эфире на разных каналах в репортажах сообщалось о жертвах среди военных и мирного населения, кстати, об этом же говорилось несколько лет назад и во время трагедии в Нальчике.

Данные антонимические противопоставления не просто режут слух, но и являются некорректными: в таком контексте оппозиция *военный – мирный* строится на основе понятия *война*. Таким образом в нашем информационном пространстве неявно (а фактически через неточное использование слов, намеренное или ненамеренное – это уже другой вопрос) утверждалось представление о состоянии войны в северокавказских республиках Российской Федерации. Однако исходя из лексических значений слов, *мирные* жители могут быть только на территориях, где ведутся боевые действия, и даже объявление войны терроризму государством не превращает его *граждан* в *мирное* население, т. е. *не выступающее с оружием в руках* на одной из противоборствующих сторон.

В результате же террористических актов жертвы могут быть не только среди военных, т. е. военнослужащих, но и гражданского населения, иначе говоря, *невоеннослужащих*.

Причин подобного весьма безответственного (да и безнравственного) представления событий, на наш взгляд, несколько, и самая явная – инерционный перенос модели освещения гражданской войны, до недавнего времени происходившей на территории Чеченской республики, на другие регионы Российской Федерации:

Нет необходимости идеализировать противоборствующие стороны, на каждой из них невинная кровь: расправы над пленными, грабеж мирного населения, заложники и прочее стали атрибутами Гражданской войны в России. [Вадим Телицын. Гражданская война: переосмысливая известное // «Знание – сила», 2003]; В Чечне для мирного населения уже стерлась разница между армией и боевиками [Анна Политковская. Страх по расписанию // «Новая газета», 2003.01.30].*

Только сейчас, когда в Чеченской республике восстановились конституционные нормы, можно и следует говорить о контртеррористических операциях, проводящихся на ее территории как полноправном субъекте Российской Федерации (как известно, активность террористов в настоящее время проявляется в большей степени в других республиках – Ингушетии и Дагестане), а также о гражданском населении, страдающем от действий бандформирований. Более того, десятилетнее молчание СМИ (на наш взгляд, преступное) о том, что жители Чечни – граждане России, способствовало укоренению представлений об этой войне как не гражданской, а о самой республике как другой стране (кстати, отсюда – и две «чеченские кампании»):

Если во время первой кампании террор был направлен в основном против мирного населения соседних республик, причем террористы стремились «покривляться перед телекамерами, а затем улизнуть без особых потерь», то сейчас они просто убивают, не делая никаких политических заявлений и не разбирая своих и чужих [Прекрасное – далеко // «Профиль», 2003.05.19]; Да, параллельно необходимо решать вопрос – не побоюсь этого слова – пропаганды непосредственно среди мирного населения – в Чечне выросло поколение детей, которые разбирают автомат гораздо лучше, чем шариковую ручку [Светлана Бабаева. Михаил Лесин: «Террористы имели четкий медиа-план» // «Известия», 2002.10.31].

Подобные взгляды и представления при массовом тиражировании, в том числе и в ре-

гиональных СМИ, разрушающие не только единство информационного пространства государства, но и его территориальную целостность, были свойственны, к сожалению, и отечественным политикам:

Для этого нужна огромная база данных спецслужб, а для этого нужны точечные операции профессионалов, когда они идут и знают, где находятся реальные террористы, каким образом их взять, и как это сделать таким образом, чтобы не затронуть интересы мирного населения [Ирина Хакамада. Интервью // «Эхо Москвы», 2003.07.06]; Но вот Миронов неожиданно для него, хотя и негромко, заговорил об акциях российских военных в отношении мирного населения Чечни [Валерий Выжutowич. Игра в полузащите, или Судьба омбудсмена // «ПОЛИТКОМ.РУ», 2003.05.29].

В данном случае мы сталкиваемся 1) либо с «языковой» глухотой или полной безответственностью за свои слова, 2) либо (что заставляет говорить о нашей с вами информационной безопасности) с проявлением чуждой нам интерпретации событий действительности, а не просто языковой небрежности:

1) *Вот они, четкие указания в виде сюжетных перипетий и режиссерских решений: чечены – бандиты, мирное население сдали в заложники, на войне – как на войне, скоро всей вашей «Америке» – кирдык [В условиях реального времени // «Культура», 2002.03.25]; И в целом – путем резкого улучшения качества действующих в Чечне федеральных войск и сил, централизации административного управления, повышения уровня восстановительных и гуманитарных программ, пресечения преступлений против мирного населения [Все же это выход. Обратная связь // «Известия», 2002.10.29];*

2) *Неугомонная газета «Монд» опубликовала большую подборку материалов, призванных убедить читателя в продолжающемся насилии Российской армии против чеченского мирного населения [Эльмар Гусейнов. Жак Ширак отделил Ирак от Чечни // «Известия», 2003.02.10]; Все прежние постулаты и заученные политкорректные фразы («война с мирным населением», «непропорциональное применение силы», переговоры с «законно избранным президентом» Масхадовым) сегодня безнадежно устарели [Максим Юсин. Новый взгляд на Чечню. Греки призвали Евросоюз относиться к России «с большей терпимостью» // «Известия», 2001.10.03].*

В качестве же действительно политкорректных и соответствующих российской точке зрения высказываний о войне и ситуации в Чеченской республике можно рассматривать следующие слова других известных политиков:

Цена войны – это не только деньги, но и убийство мирных людей, колоссальные страдания гражданского населения, по мне-

* Цитирование примеров осуществляется на основе данных Национального корпуса русского языка.

нию очень многих специалистов – резкий всплеск терроризма по всему миру, рекрутирование в ряды террористических организаций и привлечение к различным экстремистским акциям молодых людей, это маргинализация ООН, новые попытки распространения оружия массового поражения [Григорий Явлинский. Эффективней, чем война // «Известия», 2003.01.11]; «Сам способ совершения преступления, каналы, источники финансирования, снабжения, а главное, то, что преступления направлены против **гражданского мирного населения**, убеждает нас в том, что бандиты, орудующие в Чечне, являются частью международной террористической сети», – сказал президент [Резкое заявление Владимира Путина: «Террористов нужно выковыривать из подвалов и пещер и уничтожать!» // «Санкт-Петербургские ведомости», 2003.05.26].

Таким образом, как видно из приведенного анализа, тиражируются и закрепляются в информационном пространстве и общественном сознании совершенно *разные* факты. Тем самым подтверждается, что корреляции *событие – факт* и *факт – оценка*, как и их составляющие, приобретают особую значимость для политической коммуникации, проявленной в различных институциональных дискурсах. Не менее существенной предстает и проблема объективности, безусловности и достоверности факта по отношению к событию и его оценке в информационном пространстве, генерируемом СМИ. События же, произошедшие в начале августа 2008 года на Кавказе, а точнее, их представление и закрепление в информационном пространстве, вновь побуждают к теоретическому осмыслению данных корреляций, поскольку, к сожалению, год спустя не только в отечественном дискурсе масс-медиа, но и в научном (см. [Красильникова 2008]) актуализировались и превагируют в качестве номинации «факта действительности» выражения «российско-грузинский конфликт» и «российско-грузинская война», что является свидетельством проигрыша в информационной войне.

Почему же принципиально важно учитывать особенности языкового воплощения происходящих событий и почему, к примеру, стала возможной антироссийская пропагандистская кампания, а в информационном пространстве Европы и Америки реанимировался образ России – «империи зла»? Чтобы ответить на данные вопросы, следует прежде всего отказаться от понимания *факта* как явления действительности.

Н. Д. Арутюнова убедительно аргументировала и доказала следующее положение: «Представление о том, что факты первичны, а суждения, о них сделанные, вторичны, ошибочно» [Арутюнова 1999: 491]. Иными словами, события наполняют собой действительность, говоря о них, человек превращает их в факты.

При этом необходимо учитывать, что окружающий мир представляется человеку не в хаотическом континууме, а как последовательная смена своеобразных комплексов ситуаций. В связи с чем В. А. Звегинцев писал: «К ситуации следует отнести и все то, что вокруг человека, и все то, что находится в его сознании, «внутри» человека. ... Короче говоря, ситуация – это все, что может быть содержанием коммуникативного процесса. Именно в этом смысле ситуация глобальна. Однако только в этом смысле. Но мир действительности – не ситуация. Это мир действительности, не прошедший через человеческое сознание» [Звегинцев 1996: 188]. Следовательно, в корреляции *факт – событие* появляется среднее звено – *ситуация*. Ситуация – это взгляд человека на событие, ракурс представления в сознании человека «действительного, невымышленного происшествия, события, явления». Для того чтобы ситуация приобрела другие свойства факта, данные в его дефиниции, она должна получить языковое воплощение, которое, войдя в мир дискурса, позволит ситуации, выделенной в событии, стать «твердо установленным знанием, данным в опыте» и разделенным другим. Репрезентация ситуации как ментальной презентации возможна на основе *пропозиции*.

Справедливо утверждается, что мы видим мир в модальности субъекта, поэтому пропозиция – это отнюдь не «положение дел» в действительности, а «взгляд» говорящего на действительность, так как именно он создает ситуацию, выбирая глубинный предикат. Таким образом, пропозиция есть результат номинации и является семантической структурой, обозначающей ситуацию, т. е. событие (*со-бытие*) в представлении говорящего. Следовательно, корреляция *событие – ситуация – факт* неизбежно трансформируется в корреляцию *событие – ситуация – пропозиция – факт*.

Мир дискурса – это онтология языка и фактов, именно здесь и вычленяются «денотативные» («реальные») ситуации, соотносительные с языковыми высказываниями, и сущности связываются определенными отношениями лишь благодаря предметно-практическому опыту человека. Именно поэтому одной ситуации соответствует одна и та же пропозиция, а то, что находится вне человека, действительно представляет фрагмент континуума внешнего мира во всем многообразии объектов, их свойств и отношений между ними – то или иное *событие*. Из чего следует, что онтология события – действительность (внешний мир), онтология факта – истинные суждения о действительности (внутренний мир). Но не просто суждения, а суждения истинные для определенного национального лингвокультурного сообщества. Объективируются факты в различных типах дискурса, вследствие чего также можно утверждать, что онтология фактов – это мир дискурса.

Именно поэтому вполне возможны в массовой коммуникации «переименование» событий или замена одних фактов другими. Дискурсивная природа факта объясняет и феномен актуализации тех или иных фактов в информационном пространстве, а также либо соотносительность фактов с разными ситуациями (соответственно, при неразличении *ситуации и события* – разными «событиями»), либо вообще возможность исключения факта, а значит, и события из информационной картины. Следовательно, можно говорить о проблеме *выбора* факта и его закреплении в информационных потоках, что и придает факту характер предварительной *оценки*, обусловленной интенциями и социальными позициями «создателя» факта.

Из реального события «извлекаются» только такие факты, которые выгодны инициатору информационной войны. По мнению С. Г. Кара-Мурзы, «ложь через умолчание является сегодня в общественной жизни явлением постоянным и обладает высокой интенсивностью» [Кара-Мурза 2001: 562]. Именно поэтому прошлогодние события в Закавказье чаще номинируются словом *конфликт*, предполагающим двух и более участников (так Россия предстала *обязательной* стороной в вооруженном противостоянии) и оставляющим за пределами информации о данном событии *факты* военной агрессии и политики геноцида целых народов, осуществленных режимом Саакашвили, который был идентифицирован в информационном пространстве стран Северной Америки и Европы в качестве поборника демократии.

Между тем, как отмечает Г. Г. Почепцов, «вбрасываемая в массовое сознание сконструированная информация формирует схемы восприятия иных последующих сообщений. Им уже труднее пробиться, поскольку сформированы определенного рода информационные фильтры» [Почепцов 2000: 137]. Инерционность массового сознания – условие, позволяющее в целях пропаганды апеллировать к прошлым символам, к которым массовое сознание относится уже как к базовым, маркирующим определенную картину мира. В этой связи У. Матурана совершенно справедливо писал, что «никого и никогда нельзя убедить рациональными доводами в истинности того, что в конечном счете уже не присутствует в неявной форме в комплексе верований этого человека» [Матурана 1996: 140]: с укорененной точки зрения любого европейского или американского обывате-

ля, не может «демократическое» правительство Грузии стать агрессором и физически уничтожать целые народы – вот почему из реального события выделяются другие ситуации, языковое выражение пропозиционального содержания которых позволяет совершенно иначе не только сформировать и подобрать факты, соотносенные с данным событием, но и «фактически» (прошу простить за игру слов – Г. М.) дать ему оценку.

В результате подобного подбора и языковой репрезентации фактов создается основа для более циничных манипуляций массовым сознанием и откровенной лжи, которая превращается в безусловные факты, формирующие не только «сиюминутную» картину мира, но и историю. Поскольку же основная цель политической лингвистики – «исследование многообразных взаимоотношений между языком, мышлением, коммуникацией, субъектами политической деятельности и политическим состоянием общества, что создает условия для выработки оптимальных стратегий и тактик политической деятельности» [Чудинов 2006: 8], представляется очевидным, что когнитивно-дискурсивный анализ политической коммуникации является мощнейшим механизмом противостояния информационной агрессии и навязыванию как спекулятивной «политической картины мира» в частности, так и деформированного «образа мира» в целом.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999.
- Звегинцев В. А. Мысли о лингвистике. – М.: Изд-во МГУ, 1996.
- Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. – М.: ЭКСМО-Пресс, 2001.
- Красильникова Н. А. Российско-грузинская война в дискурсе общественности на интернет-сайтах Великобритании // Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов; ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т» – Екатеринбург, 2008. Вып. (3)26.
- Матурана У. Биология познания // Язык и интеллект. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. С. 95–142.
- Почепцов Г. Г. Информационно-психологическая война. – М.: СИНТЕГ, 2000.
- Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография / Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2003.
- Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. – Москва: Флинта; Наука, 2006.

© Манаенко Г. Н., 2010

Филиппацци Манфреди
Флоренция, Италия

РОССИЯ В ИТАЛЬЯНСКОЙ ПЕЧАТИ:
ИСКАЖЕННЫЙ
И «ОТРЕСТАВРИРОВАННЫЙ» ОБРАЗ

ГСНТИ 16.21.27

Аннотация. Рассматриваются две основные тенденции представления России в современной итальянской прессе, доказываемая, что ни одна из точек зрения не является объективной и не отражает в полной мере российскую действительность, выявляется связь между искажением образа России и потребностями внутренней политической дискуссии в Италии.

Ключевые слова: средства массовой информации; путинизация; (анти)берлусконизм; демократия; «Ла Stampa»; «Ла Репубблика»; Горбачев; Путин; Медведев; Берлускони.

Сведения об авторе: Филиппацци Манфреди, доктор исторических наук, доцент.

Место работы: Флорентийский университет.

Контактная информация: Московская область, г. Королев, ул. Калинина, д. 15, кв. 35.
e-mail: manflip@gmail.com.

Filipazzi Manfredi
Florence, Italy

RUSSIA IN ITALIAN PRESS:
DISTORTED AND «RESTORTED» IMAGE

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The article describes two main tendencies of representation of Russia in contemporary Italian press. The author proves that neither of the points of view is objective and none of them reflects Russian reality fully. Connection between distortion of the image of Russia and needs of interior political discussion of Italy is revealed.

Key words: Mass Media; putinizatsiya; (anti)berluskonizm, democracy; «La Stampa»; «La Repubblica»; Gorbachev; Putin; Medvedev; Berluskoni.

About the author: Filipazzi Manfredi, Doctor of Historical Sciences, Assistant Professor.

Place of employment: Florence University.

Бруно Серджи, преподаватель международной экономики в университете г. Мессины, в своем недавнем интервью, данном одновременно с выходом его последней книги "Misinterpreting Modern Russia", справедливо подчеркнул, что в англосаксонских странах, а также вообще на Западе, имеется стойкая тенденция выставлять Россию в негативном свете. Для русских это не новость, тогда как для многих людей Запада новостью было бы обратное, и весьма трудно найти ответ на вопрос, отчего так происходит. Советская угроза перестала существовать вот уже как два десятилетия, и Новая Россия выглядит не более угрожающе, чем любое другое мощное государство с растущим влиянием на международной арене. Русской угрозы, как теперь ясно, не существует, да и сама Россия не намерена двигаться в этом направлении. Она теперь прочно привязана к международной экономической системе, а потому и все ее попытки вернуть державную мощь оказались бы бесплодными, если вдруг перестали бы быть прозрачными и понятными на всемирном рынке. Россия просто-напросто блюдет свои интересы, что, безусловно, приводит к трениям, но она действует теперь в понятном для остального мира контексте, в котором поступки диктуются не идеологией, как было в СССР, а доступными для понимания и оценки финансовыми и экономическими стратегиями. Поэтому не вызывает удивления тот факт, что она опирается на экспорт жидкого топлива и природных ресурсов, которыми располагает в изобилии, но, возможно, как раз по этой причине, из-за создавшейся тесной зависимости Запада, особенно Европы, от этих ресурсов (Европа, в частности, оказывается все теснее привязана к поставкам газа из Москвы), интерес к России вот уже несколько лет дер-

жится на отметке настороженного и пристального наблюдения.

Россия Путина и Медведева не пользуется большой популярностью, на нее смотрят с подозрением в гораздо большей степени, чем в ельцинскую эпоху (намного более опасную) и тем более в горбачевскую, по которой до сих пор ностальгируют на Западе и которая вошла в категорию тех исторических возможностей, лишь чуть-чуть не дотянувших до полной реализации, вечными спутниками которых становятся разнообразными «если бы» и «но». Остается, впрочем, фактом то, что эра Путина располагает гораздо более существенным народным консенсусом, чем это было при его предшественниках, а это очевидный симптом того, что преобразование и ускорение темпов развития страны, предпринятое за последние годы, вызвало намного более откровенное одобрение у населения, чем ельцинская демократия или горбачевская перестройка. Это, безусловно, глубоко поражает людей Запада, которые под термином «путинизация» понимают в первую очередь ограничение гражданских прав и свобод, цензуру, гнет и в целом триумф силы и самоуправства над свободой суждения и моралью. Если смотреть на сильную Россию такими глазами, то она не может не вселять страха, и редко когда звучит голос, особенно в Италии, который стремился бы обрисовать российскую действительность вне действующего стереотипа. То, что имеет место дефицит демократии, отмечается и многими россиянами, не обязательно принадлежащими к оппозиции, но приравнивать это обстоятельство к диктатуре значит выходить далеко за рамки разумного. Много из того, что воспринимается в столь искаженном свете, на самом деле прямо и откровенно признается в самой политической док-

трине суверенной демократии, разработанной Владимиром Сурковым в 2006 году и принятой московскими лоббистами во власти, извлекая из нее ведущий принцип, который и предъявляют самому широкому общественному мнению, как внутрirosсийскому, так и международному. Тот же Михаил Горбачев на встрече, состоявшейся в октябре 2006 года в г. Альба итальянской области Пьемонт, упомянул некоторые положения сурковской доктрины, в связи с чем напомнил, что на Западе часто упрекают Россию в дефиците демократии, забывая о том, что эта страна идет особым историческим путем. Россия, говоря словами бывшего генерального секретаря КПСС, находится лишь в середине того процесса, начало которого следует датировать не 1991 годом, а 2000, чьи результаты, несмотря на огромное количество трудностей, уже очевидны и осязаемы. В этих словах звучит явная критика деятельности Ельцина и, напротив, положительная оценка работы правительства Путина, несмотря на то что ему еще многое предстоит усовершенствовать. Между тем путинские «упущения» слишком часто раздуваются западным общественным мнением, которое забывает о том, что демократия не может возникнуть за несколько лет и что Россия находится лишь на середине этого пути, но никак не в конце него [“Gorbachev incontra Alba “fidatevi di noi russi” // La Stampa. 27.10.2006]. В отношении того, с чем пришлось работать Путину, можно привести емкое определение, данное Солженицыным: «Путину досталась по наследству страна разграбленная и сшибленная с ног, с деморализованным и обнищавшим большинством народа. И он принялся за возможное – заметим, постепенное, медленное, – восстановление ее» [«Написано кровью»: интервью Александра Солженицына // «Известия». 24.07.2007.].

Россия конца 90-х годов в самом деле воспринималась в Италии как страна, находящаяся на грани саморазрушения, и многие спешили с описаниями будущего геополитического сценария, при котором границы Российской Федерации должны были сократиться до пределов средневековой Московии. Опасения, что может произойти утрата суверенитета целым государством на азиатском континенте, с последующим фактическим подчинением его китайскому игу, носили отнюдь не спорадический характер, а напротив, довольно серьезно обсуждались многими журналами, посвященными международной политике, итальянскими и не только. Этот сценарий не реализовался, а его переосмысление и возвращение России на позиции сильной евроазиатской державы во всех специализированных журналах стало возможным как раз благодаря энергичной прагматической политике Владимира Путина. Даже если скептически подходить к катастрофическим прогнозам десятилетней давности, все же не вызывает сомнения, что экономические проблемы и безогляд-

ные эксперименты с демократией привели страну к тяжелому кризису и подвергли опасности ее суверенитет. Отвоєванные за последние годы государством позиции в ключевых отраслях национальной экономики, с одной стороны, могут быть восприняты как посягательство на ценности «свободного рынка», независимо от реального содержания этого выражения в эпоху Ельцина («свободный» не значит «не имеющий правил»), с другой – они поставили на ноги национальную экономику, в результате чего российское государство вновь обрело кредит доверия у собственного населения и социальную стабильность.

В уже процитированной статье о Горбачеве был поставлен, однако, следующий вопрос: в какой мере это богатство является реальным и какую цену придется заплатить гражданскому обществу для сохранения стабильности и продолжения развития? А также на какой дефицит стабильности готова пойти Россия, чтобы обеспечить себе в будущем более дифференцированное развитие, преодолев зависимость от классической опоры на тяжелую промышленность во главе с отраслью энергетики? Совокупность всех этих рассуждений уже много лет муссируется в итальянской прессе, в какой-то мере смешавшись с внутренней политической дискуссией Италии.

Следует принять во внимание две отдельные области: критику Путина как отражение воинствующего антиберлусконизма части итальянской прессы, с одной стороны, и менее зависящую от политического противостояния в Италии, как в предыдущем случае, а напротив, более внимательную к внутренней динамике Российской Федерации, но все же критику, только на этот раз *cum grano salis*. Проявления этих двух тенденций в ряде многотиражных печатных изданий Италии встречаются повсеместно, однако их наиболее крупными выразителями являются газеты «Ла Република» и «Ла Stampa», которые уделяют российским событиям сравнительно большое внимание.

«Ла Stampa» выступает в качестве издания, наиболее внимательного к внутрirosсийской логике событий, благодаря таким авторитетным «перьям», как Джульетто Кьеза, Энцо Беттица и Анна Зафесова. Если в принципах освещения этой газетой русского вопроса и можно усмотреть какой-либо недостаток, то этот недостаток состоит в «ностальгии по Горбачеву», а именно в склонности чрезмерно сожалеть о неосуществившейся преемственной связи между последним советским лидером и обоими пришедшими ему на смену деятелями (по причине либеристских эксцессов правительства Ельцина в первом случае и в силу необходимости авторитарной «коррекции» в эпоху Путина), которые изначально виноваты в нереализованной трансформации, в обесцененной идеологически и культурно «реконструкции», за что Россия до сих пор расплачивается. Впрочем, иногда слу-

чается так, что некоей несложившейся картинке, недорисованной иконе, в качестве которой в данном случае выступает «перестройка», приписываются чудотворные свойства, как если бы наступившие вслед за этим события не являлись ее объективным следствием. И если сегодня на Западе позиция «сиротства после ухода Горбачева» до сих пор приносит огромное моральное и интеллектуальное вознаграждение, правда и то, что мало кто из русских с ностальгией вспоминает последнего лидера советской эпохи. Ельцин и Путин, кроме всего прочего, являются двумя сторонами одной и той же медали: слишком неосторожный один, слишком консервативный другой, – но ни тот, ни другой не являются чуждыми российской истории, напротив, если пристально взглянуть, чуждой российской истории, нравится это или нет, является именно «перестройка» в силу общей неспособности этой страны к реформам и восстановлению путем гражданского обновления, этапы которого совершались бы иначе, чем в силу извечного давления крайней необходимости и срочности. И все же в демократической суверенности эры Путина – Медведева (такое обозначение лучше передает суть вещей, чем «суверенная демократия») принудительное замедление, осторожность преобразований и реформ есть, нужно лишь повнимательнее приглядеться.

Слова того же Медведева, который без колебаний подверг критике возвращение в историко-политическую дискуссию о России отживших свое и набивших оскомину тем, могли бы открыть новую эпоху. Реформист, может не по призванию, но безусловно по необходимости, он имеет дело со страной, которая теперь уже настроена на будущее с повышенными ожиданиями благосостояния и будет все меньше позволять ограничивать сферу своей автономности и все меньше соглашаться с «дефицитом» демократических свобод, если вдруг окажется крайне необходимо пойти на такую меру. В данный момент, очевидно, это еще не так, и трудно априори установить, когда и как может осуществиться подобная эволюция, но будет разумным предположить, по аналогии с Западом, что лучшие условия жизни и благосостояние широких масс окажутся не пунктом назначения, а отправной точкой для более активного и сознательного их участия в политической и общественной жизни. С этой точки зрения Медведев может оказаться удачным синтезом, по крайней мере, такое мнение выражает Михаил Горбачев в статье, вышедшей в газете «Ла Stampa» 15.03.2010 г. и посвященной 25-летию «перестройки», где отчетливо улавливается определенное доверие к новому президенту.

Внимание же комментаторов привлекает бином «Путин – Медведев» как в силу аномальности его прихода к власти, так и в качестве примера нарушенного государственного баланса, при котором «старому» харизматиче-

скому лидеру дается меньше полномочий, а «новый» занимает позицию главы государства.

Как подчеркивал Джульетто Кьеца в 2004 году, Владимир Путин «мог бы быть, возможно, чем-то иным, он мог принять иные решения, но не принял их», то есть мог взять на себя роль «просвещенного реформатора», «демократического модернизатора», однако предпочел роль «автократа». С железной логикой Кьеца показал в решениях Путина не столько ограниченность его как политика, сколько неспособность правящего класса предложить способных и подлинно «новых» советников [Giulietto Chiesa "Consiglieri corrotti e mancata modernizzazione: così fallirà la politica del nuovo zar. Putin non ha rivali, ma è troppo solo" // La Stampa. 26.11.2004.]. В Медведеве Анна Зафесова уже такого недостатка не усматривает, а напротив, признает наличие вокруг него совершенно иного окружения, отчасти благодаря произошедшей смене поколений, в результате которой на политическую сцену приходят те, кто «видели запад и вкусили его безо всяких стен, кто лично испытал на себе капитализм и для кого культ железной силы отдает дурным тоном» [Anna Zafesova "Il premier palestrato non scalda più i cuori" // La Stampa. 4.07.2009.].

Тем не менее, то, что Путин некоторое время назад упустил хороший момент для завершения карьеры, думают многие, но что наступило время писать некрологи – пока нет. Образ премьера пока еще ассоциируется с его волонтеризмом, его способностью быть центром притяжения для тех, кто даже частично не может не отождествлять его с сильной Россией, хозяйкой своего настоящего и будущего. Этот брачный союз постоянно подпитывается стратегией страха, которая в случае какого-либо покушения, какой-либо внешней или внутренней угрозы может легко вывести на первый план именно фигуру Путина, подходящую для данной роли, конечно же, лучше, чем фигура Медведева. Такая перспектива отнюдь не замалчивается в итальянских газетах и продолжает бросать тень и сеять сомнения по поводу действительной воли к преобразованиям в России. Если следовать этой логике, согласно которой Россия часто ассоциируется с жестокостью, будь то представление о физическом насилии, коррупции или решениях властей, то гражданский и демократический прогресс в такой стране может быть в любой момент механически сведен к чисто формальному, «фасадному» эксперименту. Это вопрос международного имиджа, которому, как кажется, Россия придает мало значения, но который висит над ее головой как дамоклов меч.

Таков случай, прежде всего, нерешенного чеченского вопроса, неизбежного камня преткновения для любого, кто в Италии и на Западе в целом хотел бы составить стройную и последовательную оценку современной России. «Грязная война» и ее самые прямые последст-

вия, которые можно символически резюмировать в убийстве Анны Политковской, представляют собой мутный водоем, в котором рискует утонуть любой анализ возможного будущего. Так много уже было сказано и написано, что неизбежно любой разговор о России рано или поздно заводит сюда. Отчасти это неизбежно, поскольку из-за недостатка знаний или информации часть начинает замещать собой целое, и многие итальянцы, говоря в целом о России и не располагая достаточными знаниями о ней, в конце концов основывают свое суждение на ситуации на Кавказе, которая стала еще более тревожной из-за событий, развернувшихся в Северной Осетии в 2004 году и из-за российско-грузинского конфликта лета 2008 года. На Кавказе Россия теряет большую часть своего кредита доверия в глазах международного общественного мнения. Кроме всего прочего, определение «русский завоеватель» было лейтмотивом более чем сорокалетней холодной войны, а потому его достаточно лишь слегка отряхнуть от пыли, и вот уже страх подогрет: здесь даже не требуется пугало «коммунизма» или «реального социализма».

Эти сомнения больше всего мешают не кому-нибудь, а итальянскому Председателю Совета Министров Сильвио Берлускони, который не может воспользоваться ими себе на благо из-за «особых» отношений с Путиным. То, что Италия имеет особые интересы в России, известно, ведь она отсюда импортирует около 32% необходимого ей объема газа и 25% необходимой ей нефти-сырца, не считая того, что она является одним из главных коммерческих партнеров Российской Федерации. Дружба двух лидеров, однако, привлекла к себе в Италии большое внимание: большинству не понравилось, что их отношения столь сильно окрепли и положили начало личной дружбе, которая, по общему мнению, приносит результат, ровно обратный полезному. В действительности речь идет о некоей опасной аномалии, состоящей в подмене государственных отношений личными и поощрении волюнтаристской практики, рискующей избежать любой формы парламентского контроля и приводящей к досадным эксцессам даже не во внутренней политике, а в первую очередь международной. Так случилось, например, во время знаменитой встречи в верхах между Россией и Европейским Союзом, состоявшейся в ноябре 2003 в Риме, когда итальянский премьер выступил в роли рупора и защитника российской стороны, ответив вместо Путина французскому журналисту по чеченскому вопросу и напад на итальянские и международные средства массовой информации, которые, по его словам, были виновны в дезинформации [Ugo Magri. "Il presidente della commissione: spero che sia informato sulla situazione a mosca meglio di quanto lo e' sulla nostra. Battibecco Prodi-Berlusconi al vertice con Putin. Il premier denuncia l'ostilità dei giornali ai

governi italiano e russo: dura replica" // La Stampa. 7.11.2003.]. В самом деле, многие печатные издания упрекают Берлускони в том, что он завязал не совсем уместные близкие отношения с тем из международных лидеров, кого наиболее часто критикуют в последнее время. Добавим к этому обвинения России со стороны международного сообщества в нарушении прав человека и ограничении гражданских свобод – и вот уже началась длительная полемика, объявленной мишенью которой является Берлускони, но которая, в конце концов, подкрепляется тем, что подчеркивает негативный имидж Путина и Кремля.

«Ла Република», второе итальянское издание в газетном киоске и первое в интернете, представляет историко-политическую традицию левых. Газета близка к Демократической партии (оппозиционной по отношению к правительству Берлускони), следит за кампаниями по защите гражданских прав и всегда выступала против действий премьера. Эта война продолжается уже 15 лет, а в последние годы газета еще более ожесточилась и под знаменами воинствующего антиберлусконизма буквально вырыла ров между собой и политиком. Неважно, насколько это достойно или не достойно одобрения, но нет сомнения, что столь явная реакция идиосинкразии в отношении премьера лишь подогрела раздражение, но никак не упокоила его, тем более на фоне итальянского левоцентристского дрейфа, в свою очередь неспособного предложить реальную политическую альтернативу, а потому ответственного за рост популярности Сильвио Берлускони. Если принять во внимание отношения, сложившиеся между Берлускони и Путиным, то расплачиваться приходится также и России.

Несмотря на единую фактологическую базу, некоторые новости могут преподноситься как в положительном, так и в отрицательном ключе, и достаточно очевидно, что большая часть комментариев, связанных с Россией, в «Ла Република» относится ко второй группе. Часто речь не идет о прямых нападках, но ясно, что за некоторым сарказмом и склонностью к гиперболом при описании социальной и политической российской реальности скрывается косвенная критика. Это критика «суверенной демократии» и «вертикали власти», чрезмерного мелькания на телеэкранах Путина и Медведева (которое соответствует русскому архетипу власти, недоступному для понимания итальянцев), богатства «новых русских» (которые, очевидно, никакими не могут состариться и перестать быть «новыми» в итальянском коллективном воображении), а также массивности сооружений, широты улиц, высоты небоскребов и всего того, что явно и открыто контрастирует с итальянскими обычаями. Тем не менее, если многие российские курьезы, разумеется, являющиеся таковыми с итальянской точки зрения, могут быть сведены к категории «культурных отли-

чий», то первый упомянутый случай и тот факт, что его автор, Владимир Путин, находится в отношениях крепкой дружбы с Берлускони, заставляют забыть о всякой деликатности и пуститься раздувать даже безобидные, чисто русские прихоти и привычки до размеров негативного стереотипа, который, хотя и дискредитирует *de facto* Россию и русских, в действительности направлен против своей главной мишени – главы итальянского правительства.

Это происходит с образом России, которую часто отождествляют с ее центром – Москвой, выступающей символом дикого и наглого капитализма; Москву затем смешивают с олигархией власти, и из всего этого варится компот, в котором нефть, олигархи, новые русские, коррупционеры и взяточдатели, власть и диктатура являются гранями одной и той же фигуры – фигуры Путина, а значит, разумеется, и его друга Берлускони.

Как пишет Сандро Виола, один из лучших авторов «Ла Република», «разница заключается в демократии. В России ее нет, и Путин может практически делать все, что хочет. В Италии для Берлускони выживать очень трудно» [Sandro Viola "Lo zar vladimir e l'amcio Silvio" // La Repubblica. 27.10.10.]. Сегодня в Италии мало кто оспорил бы это утверждение. Так, в том числе на уровне выбора выражений и заголовков, мы приходим к конформизму критики, ставшим привычным для левой печати. Марко Травальо, известный тележурналист, очень конкретно критикующий Берлускони и наводнившую Италию общую политическую безнравственность, главным символом которой является партия премьера, ясно говорит о «путинизации» «италиотской системы» (Италиотами назывались древнегреческие колонисты, обосновавшиеся на юге Италии, однако в современной публицистике данный термин, благодаря его созвучию со словом «идиот», используется в саркастическом ключе как средство самоиронии итальянцев, как правило, когда речь заходит о послушной и недалекой толпе, ср. русское «стадо баранов» или ироническое «сограждане» – *примечание переводчика.*), когда утверждает, что откровения председателя Совета министров в печати и других средствах массовой информации не стоит воспринимать как шутки, неловкие оговорки или как то, что было сказано сгоряча, в порыве эмоций, так как они представляют собой целенаправленную атаку на свободу печати в Италии [L'unità. 6.04.2009.]. Аналогично Вальтер Вельтрони, бывший лидер оппозиции, пользующийся авторитетом в Демократической партии, в одном своем интервью 2008 года открыто высказал, что Италии грозит установление модели Путина, для которой, по его словам, характерны следующие черты: «...выхолащенная демократия. Структура организации власти, которая может показаться авторитарной. Восприятие несогласия как помехи, от которой нужно избавиться, стремление уст-

ранить разделение и самостоятельность ветвей власти как лишнее препятствие» [Intervista realizzata da Aldo Cazzullo. "Veltroni: con Berlusconi democrazia svuotata come la Russia di Putin" // Corriere della Sera. 28.09.2008.].

Это, безусловно, резкие слова, поскольку звучат они из уст лидера оппозиции, возможно, будущего главы итальянского правительства, и действительно, какое-то время спустя сам Вельтрони уточнил их, говоря, что они содержали историко-политическую ссылку на «модель персоналистского популизма», которой вовсе не погнушался бы Берлускони [Intervista realizzata da Marcello Giannini. "Veltroni: "Sì al dialogo in Parlamento per l'Italia, non per Berlusconi" // La Repubblica. 12.10.2008.].

И действительно, следуя этой логике, «путинизация» есть не что иное как персонализация политики, полученная благодаря железному контролю за телевидением и выработке некоего общего стиля поведения, далекого от «медийного демократического и парламентского апломба западных демократий» [Piero Sinatti. "Putin saluta l'amico e attende le mosse del futuro premier" // Il Sole 24 Ore. 13.04.2006.]. Совокупность жестов и поз, грубо играющая телевизионными клише, провоцирует вуайеризм среднестатистического зрителя, который наблюдает за круговоротом манер и обычаев далекого в прошлом мира, кажущегося теперь близким и осязаемым как раз потому, что он показан со стороны повседневной жизни и вписывается в коллективное представление, а не уложен в серые рамки государственного протокола. Как справедливо пишет Анна Зафесова, Владимир Путин, придя во власть в 1999 году, сумел достичь консенсуса, окончательно утраченного к тому моменту Ельциным, именно благодаря умению преподнести себя как человека, полностью отличающегося от предшественника. «Молодой, спортивный, решительный, образованный», он сумел сыграть на национальной гордости и еще более преуспел в поднятии президентского имиджа, столь упавшего из-за Ельцина и его антуража [Anna Zafesova. "Il premier palestrato non scalda più i cuori" // La Stampa. 4.07.2009.].

Когда ослабевает парламентская борьба и общественная дискуссия, тогда политическое содержание растрачивается в попытках каждый день представлять себя в СМИ, лишая смысла слова и упоая на привычку и лень зрителей, рассеянных, невнимательных и легко поддающихся внушению. Парадоксальным образом все это сильнее ощущается в Италии, чем в России, и становится специфической болезненной чертой западных демократий, все более аутореферентных и критичных по отношению к другим, и все меньше – по отношению к себе. Раз это уже характерная черта, то историко-культурная сила убеждения, которой обладают определенные страны, становится препятствием, а не положительным явлением, ведь в та-

ком случае достаточно одной мерки безо всякого противовеса, чтобы судить о степени демократичности той или иной страны в рамках некоей идеальной классификации, критерии которой никак не определены. Будь то Россия или Китай, Ирак или Афганистан, тесный кружок западных демократий не желает или, проще говоря, не располагает культурными и человеческими инструментами для того, чтобы на равных строить отношения с данными государствами. Это глубокая и упадочническая ограниченность, из-за которой различные реальности сводят к одной, исходя только из одного базового критерия – собственного, и втискивают в привычные схемы, часто необходимые только для подпитывания бесплодной внутренней полемики.

Случается так, что наиболее горячие вопросы, связанные с Москвой, используются в качестве инструментов для завязывания политической дискуссии, что и продемонстрировал недавно Пьер Фердинандо Казини, лидер Союза Демократических Христиан – партии центристского толка, опирающейся на католические ценности, – который выступил с откровенной критикой деятельности премьера, хотя многие годы являлся его преданнейшим союзником. Именно со скамеек его политической группы была выдвинута парламентская инициатива, требующая от итальянского правительства сделать все возможное, чтобы заявить о нарушении гражданских прав в России. В этой связи на страницах «Ла Stampa» Казини высказал следующий призыв: «По поводу Чечни и убийств журналистов Италия сделала слишком много скидок Путину. Ходорковского преследуют, так как он пытался оказать политическое противодействие, финансируя либеральную партию и заявив о своем намерении участвовать в выборах. Его человеческие права были нарушены. У Берлускони особые отношения с Путиным? Ну так пусть ими воспользуется!» [Antonella Rampino. “Khodorkovsky? Berlusconi ne parlò a Putin” // La Stampa. 24.09.2009.]

Заявления российских активистов, не говоря уже о выступлениях оппозиционной прессы, не должны замалчиваться, кроме того, нельзя забывать, как Европейский Союз неоднократно занимал критическую позицию по вопросам гражданских свобод и прав человека в России. Однако когда эти вопросы подхватываются итальянской прессой, возникает ощущение, что ты видишь нечто уже знакомое и абсолютно неподвижное. Видишь не общую оценку трудно перехода, дающего, безусловно, повод для критики, но отражающее становление новой ситуации, а скорее законченный, окончательно восстановленный, дорисованный образ: возвращение российского колосса (часто в его худшей – советской – ипостаси) с присущей ему несправедливостью, неравноправием, деспотизмом, склонностью к авторитарности. Что в конечном итоге подкрепляет уже выверенный

образ, потому что именно таким его рисовали на протяжении всей истории вплоть до сегодняшнего дня, именно таким его подают сейчас и используют для того, чтобы резюмировать: Россия, в отличие от многих других реалий, не меняется и не может измениться. Такая аксиома нужна чтобы восстановить уже известный образ, а также частично исказить существующее положение вещей.

Так складывается картинка, в которой реальная ситуация показана плоско, без учета трудностей переходного периода страны, в которой демократические структуры, в силу традиции и исторической необходимости, никогда не были особенно прочными, а образ оппозиции часто смешивался с образом врага. Отношения Путина и Медведева также многими воспринимаются как всего лишь «фасад», в то время как в действительности это может оказаться чем-то большим, например парадигмой иного понимания и исполнения власти, которая, какой бы наивной не казались, предлагает новый принцип руководства, меньше опирающийся на силу и более демократический.

«Ла Република», например, собирает слухи последних месяцев, все более настойчиво утверждающие, что в 2012 году произойдет простая передача дел от Медведева к Путину, что сведет к нулю результаты политической деятельности первого за весь последний период адекватного президента: на поверку выяснится, что он лишь прикрывал демократическую фикцию. Такова позиция, изложенная в статье Николы Ломбардоцци, который на страницах «Ла Република» не скупится на критику, открывая свой текст словами, звучащими как приговор: “В глубине души все это знали, но почти официальное подтверждение всегда производит свое впечатление”, и продолжает в том же духе, цитируя Бориса Грызлова, Председателя Думы, который предположил в 2012 год возвращение Путина на должность президента, а Медведева – на роль главы правительства, забывая о том, что Грызлов, будучи ветераном “Единой России”, мог не столько исходить из фактов, сколько выражать надежды своей партии [Nicola Lombardozzi. “Putin sarà presidente, Medvedev premier” // La Repubblica. 20.03.2010.]. Некритическая подача новости – вне какого-либо политологического анализа, просто ради того, чтобы поговорить о политической ситуации в России, – укрепляет теперь уже прочно сложившееся представление о том, что эта страна на волне нового роста благосостояния не будет особенно расположена к тому, чтобы оставить доктрину «суверенной демократии» и «вертикали власти». Подобные выводы день за днем утверждают представление о все более реакционной России, держащейся за свои прежние идеологические клише, и описывают ситуацию застоя, отдающего реставрацией.

Тогда остается неясным, идет ли, и если да, то в какой мере, правительство Берлускони по

пути путинизации Италии, надевая «намордник на печать и наручники на свободу, за которой бдят представители судебной власти», как утверждает Паоло Флорес д'Аркаис [Paolo Flores d'Arcais, "Un'altra Italia, un'altra opposizione – Il forum politico di MicroMega. Paolo Flores d'Arcais: Una lista civica per le europee". – MicroMega. 2008.5.]. Неясно также, насколько Россия действительно «путинизирована», при этом совершенно очевидно, что Италия, если абстрагироваться от полемики вокруг Берлускони, не имеет собственной политической стратегии, будь то левой или правой. Как это ни парадоксально, приходится признать, что Берлускони, так или иначе, выступает в роли медийного катализатора и продвигает свои политические интересы намного успешнее, чем любой другой итальян-

ский политический лидер. «Берлусконизм» – это нечто большее, чем «путинизация» страны, это новое явление, соблазнительное и привлекательное в своей естественности и приводящее к краху своим демократически-популистским культурным оскудением. Это, как уже было сказано, жестокое терзание пошлостью и безнравственностью, гротеск, возведенный в систему. Вряд ли Путин причинял когда-либо своей стране подобные страдания, и если дефицит демократии и авторитарный крен, навязанный ей, действительно послужат реализации того, что пообещал Медведев в своем обращении к народу в конце 2009 года, тогда «путинизацию» можно в конечном счете признать необходимым злом, в отличие от «берлусконизма».

© Филипацци М., 2010

Л. М. Цонева

Велико-Търново, Болгария

БОЛГАРСКИЕ ВЫБОРЫ

НА ФОНЕ ГЛОБАЛЬНОГО КРИЗИСА

ГСНТИ 16.21.27

Аннотация. В работе анализируются особенности метафоры в болгарском политическом дискурсе. Предметом внимания являются метафоры из различных сфер-источников, которые переносятся в сферу-реципиент “Выборы”. В результате анализа можно прийти к выводу, что активнее всего при отражении выборов в 2009 г. используются единицы из понятийной области “Финансы”.

Ключевые слова: политический дискурс; нарратив выборов; метафора; метафорическая модель; финансовая метафора.

Сведения об авторе: Цонева Лиляна Михайлова, кандидат филологических наук, доцент кафедры русистики.

Место работы: Великотърновский университет Святых Кирилла и Мефодия.

Контактная информация: България, 5002 гр. Велико Търново, п. к. 56.
e-mail: liliconeva@abv.bg.

L. M. Tsoneva

Veliko-Turnovo, Bulgaria

BULGARIAN ELECTIONS

ON THE BACKGROUND OF GLOBAL CRISIS

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The article analyses peculiarities of metaphors in Bulgarian political discourse. Metaphors from different source-domains transferred into target-sphere “Election” are under study. The results show that 2009 election is described through the metaphor of “Finance” sphere.

Key words: political discourse; narrative of election; metaphor; metaphorical model; financial metaphor.

About the author: Tsoneva Lilyana Mikhailova, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Russian Philology.

Place of employment: St. Cyril and St. Methodius University of Veliko Turnovo.

Метафора как средство концептуализации и оценки политических реалий вполне закономерно занимает важное место в исследованиях, посвященных политическому дискурсу, среди которых следует отметить работы Л. В. Балашовой, А. Н. Баранова, Э. В. Будаева, Ю. Н. Караулова, А. П. Чудинова и др., анализирующие разные стороны русской политической метафоры, в том числе и в сопоставлении с метафорами в других языках.

Болгарская политическая метафора (М.) изучена в значительно меньшей степени, и ее всестороннее описание можно считать делом будущего. Наши исследования, посвященные этой актуальной теме [Цонева 2006а, 2006б, 2007а, 2007б, 2007в, 2008, 2009а], позволяют определить как самые активные в болгарском публицистическом дискурсе наших дней метафоры из сфер-источников “Театр”, “Война”, “Спорт”, “Медицина”, “Дорога”, “Финансы”, “Кулинария”, “Мир животных”, активные и в публицистическом дискурсе других стран.

Основные теоретические положения, на которые мы опираемся, отражены в ставших классическими работах А. П. Чудинова [Чудинов 2001а, 2005]. Вслед за ним мы рассматриваем М. как основную ментальную операцию, как способ познания и оценки элементов мира, выполняющий различные функции, в том числе – функцию прагматическую: М. является средством создания и преобразования политической картины мира адресата, средством формирования у него того эмоционального состояния, которое необходимо адресанту [Чудинов 2005: 68].

Важно отметить, что в современном политическом дискурсе даже самые традиционные на разных этапах развития общества и языка модели и единицы преобразуются, в них акти-

визируются разные фреймы и слоты, возникают новые смысловые и оценочные оттенки. Это, на наш взгляд, можно отнести и ко многим лексикализованным М. [Кобозева 2010], которые “оживляются” благодаря их новому лексическому окружению, новой сочетаемости.

При анализе М. важно учитывать и то, что ее смысл зависит не только от словесного, но и от несловесного контекста, к которому относится природная, общественная и культурная среда, поскольку в ней человек живет и создает свои М. Почти всегда для понимания М. нужны фоновые знания о людях, событиях, политической ситуации в стране и т. д. Ср.: *Дали и този път бикът Симеон ще излезе невредим от очертаващата се като жестока изборна корида?* [Тема] – в уподоблении выборов корриде, а лидера партии НДСВ С. Сакскобургготского быку можно, по всей вероятности, найти «испанский след» – известно, что он провел большую часть своей жизни в Испании, и это нередко оценивается негативно его политическими оппонентами. Кроме того, в тексте идет речь о том, что 2009-ый год, год желтого быка, может быть успешным для «желтой» партии НДСВ.

Метафоризация новых единиц из традиционных понятийных областей, как и расширение круга понятийных сфер-источников, говорит о том, что воображение абсолютно неограничено в поиске исходной области сравнения [Петрова 2003: 16]. Ср.: *България под гилотината на кризата* [Стандарт]; *Сакскобургготски е наясно, че червеното ще е вредно през 2009 г. и изходът от изборната корида е на живот и смърт* [Тема].

Подобные примеры дают основание отметить одну из важнейших черт М. как семантической трансформации – творческий характер

переноса значения, причем творческим процессом можно считать как создание, так и понимание метафоры. Способность воспринимать М., как подчеркивает выдающийся болгарский философ И. Паси, предполагает подвижное, а не застывшее мышление, которое легко переносится из одной реальности в другую, осознает этот процесс и восхищается им [Паси 2003: 647]. Ср.: *Подир толкоз много гърмежи публиката взе да се усъмнява в чудодейните му качества на юнак, тръгна да бори ламята на организираната престъпност.* [Седем] – безуспешность борьбы с организованной преступностью дает основание для ее уподобления многоголовому мифическому животному *ламя* (рус. *змея*), у которого на месте отрубленной вырастает новая голова.

При метафорическом переносе могут возникать новые семантические оттенки, иногда неожиданные, и именно неожиданный, смелый перенос определяет силу многих М. – в них, благодаря странному на первый взгляд объединению двух далеких друг от друга реальностей, есть загадка, игра. Ср.: *В тяхно отсъствие ги наричат “жълти тамагочита”. Те не припарват до трибуната, не са активни в комисиите, а предаността им не излизала скъпо – похвала, обещанийце.* [Труд] – некоторые болгарские депутаты из партии НДСВ сравниваются с популярной в то время японской игрушкой *томагочи* – они почти незаметны в парламенте, и их нужно просто “кормить”.

Яркие, сильные, или, по мнению И. Паси, “хорошие” М., можно определить оксюмороном “отдаляющееся приближение” [Паси 2003: 560]: из чужой, далекой области можно посмотреть на предмет если не полнее, то по крайней мере с другой, новой точки зрения.

Источником материала в наших работах являются печатные и электронные версии центральных ежедневных газет (“Сега”, “Новинар”, “Стандарт”, “Монитор”, “Труд”, “24 часа” и др.) и центральных еженедельников (“Капитал”, “168 часа”, “Тема”). Примеры обычно приводятся без указания на авторство, хотя вопрос об идиостиле определенных авторов заслуживает отдельного исследования.

Материал из указанных источников используется и в настоящей работе, предметом которой являются особенности метафорического моделирования выборов в Болгарии, т. е. особенности М. из разных сфер-источников, которые переносятся в сферу-мишень (сферу-реципиент, сферу-магнит, куда-сферу) “Выборы”.

Отметим особо хронологические рамки исследования: они имеют очень важное значение, поскольку М., как известно, необычайно динамична, она понятна и действенна только “здесь и сейчас”, и ее нужно своевременно фиксировать и анализировать [Ширманов 2006: 170]. Наши наблюдения охватывают сравнительно небольшой, но важный в новейшей политиче-

ской истории Болгарии отрезок времени – 2009-ый год. Ведущей темой в рамках указанного периода можно считать выборы, и именно они обуславливают содержательные и лингвистические особенности политической речи. Выборам посвящается множество текстов в изданиях разной направленности, которые можно определить как политический нарратив [Чудинов 2002]. Это тематически связанные тексты разных жанров (аналитическая статья, интервью, репортаж, фельетон и т. д.), посвященные политической ситуации выборов – их организации, предвыборным программам партий, действиям ведущих политических субъектов, результатам голосования и т. д. Основные действующие лица в нем – политические субъекты, участвующие в выборах, к которым относятся в первую очередь лидеры политических партий в Болгарии (Б. Борисов, С. Станишев, А. Доган, В. Сидеров, И. Костов и т. д.), а также некоторые менее известные ранее личности, включившиеся в предвыборную гонку (Я. Янев, Хр. Ковачки и т. д.).

Для нарратива, как известно, характерны также локализованность в пространстве и времени. На наш взгляд, временные границы ситуации выборов следовало бы расширить и отнести к ней не только период выдвижения кандидатов, предвыборной агитации и само голосование, но и период после завершения выборов – период объявления и признания законности результатов, создания политических коалиций и формирования нового парламента и нового Кабинета министров. Именно этот, второй период нередко оказывается очень бурным и интересным: результаты выборов, как правило, вызывают очень эмоциональные реакции, чаще всего – удивление, разочарование, сомнение в правильности выбора. Если обратиться к цитатам из русской классики, то до выборов перед болгарами стоит вопрос «что делать?», а после объявления результатов голосования – не менее важный вопрос «кто виноват?». Выборы довольно долгое время являются основной темой для обсуждения не только в СМИ, но и в неофициальном общении, что особенно характерно для болгар, которые, согласно популярной шутке, считают себя большими знатоками в двух сферах – футболе и политике.

Следует отметить, что в 2009 г. в Болгарии прошли две избирательные кампании. Сначала, 7 июня, прошли выборы депутатов Европейского парламента. Как известно, с 2007 г. Болгария является членом Европейского союза, и выборы депутатов Европарламента проходят уже второй раз, причем оба раза сравнительно “вяло” – по данным СМИ, на последних выборах зафиксирована явка около 38 процентов при рекордно низкой явке в Европе вообще – около 43 процентов.

Чуть позже, 5 июля, прошли выборы депутатов Народного собрания – основного органа власти в Болгарии как парламентской респуб-

лике, – которые, без всякого сомнения, являются основным (в отличие от несколько «абстрактных» евровыборов) политическим событием внутренней жизни страны в 2009 г., определяющим жизнь граждан Болгарии на несколько лет вперед.

Можно сказать, что ситуация выборов в Болгарии в 2009 г. напоминает описанную А. П. Чудиновым ситуацию в России в 1999–2000 гг., когда выборы в Государственную думу с небольшим перерывом перешли в выборы президента, что позволяет воспринимать две избирательные кампании как единство [Чудинов 2005: 166–167].

В то же время ситуация выборов 2009 года, естественно, отличается от аналогичной ситуации в России и других странах [Чудинов 2005, Каслова 2003, Ряпосова 2002, Стрельников 2005], а также от ситуаций прежних выборов в Болгарии [Цонева 2006а]. В связи с этим приведем слова А. П. Чудинова о том, что «каждый новый политический нарратив <...> имеет специфические признаки, отражающие особенности политической ситуации: состав “героев” и “повествователей”, находящиеся в центре внимания проблемы, стратегия и тактика борьбы, типовые оценки тех или иных фактов и др.» [Чудинов 2005: 173].

Нельзя не учитывать, конечно, и другую особенность выборов 2009 года – они протекали на фоне глобального финансового и экономического кризиса, с которым неизбежно столкнулась и Болгария, так что дискурс выборов своеобразно переплетается с дискурсом кризиса, в том числе и в плане метафорического их моделирования.

Данный ниже анализ метафорического отражения выборов, прежде всего второй, более важной для болгар избирательной кампании, подтверждает важность М. как средства познания, оценки и воздействия на общественное сознание, как своеобразного зеркала, отражающего определенный, очень важный период в политической жизни Болгарии, ставший «катализатором» для активизации М. из определенных понятийных сфер.

Сначала отметим значимое отсутствие М. из некоторых исходных областей, которые считаются традиционно активными в политическом дискурсе.

В дискурсе выборов 2009 года отсутствуют, например, М. из области “Дом”, которыми обозначается создание политических структур, в более широком плане – развитие общества и страны вообще, и это говорит об отсутствии желания что-то созидать, строить и даже что-то менять, несмотря на то, что действия прежних правительств, как правило, не одобряются претендентами на власть.

Важной особенностью дискурса последних парламентских выборов можно считать и то, что в нем нет М. из понятийной области “Дорога”, в то время как различные фреймы и слоты

этой метафорической модели, детально представляющие направление развития Болгарии, способы и средства передвижения, лидеров и т. д., господствовали при отражении прежних выборов, например, в 2001 г. Ср.: *И ние все по често си задаваме въпросите: “Къде отиваме? Коя е крайната ни спирка?”* [Сега]; *Накъде вървим, не е ясно. Какво ще правим утре, в другиден – също. Блуждаем без цел.* [Земя] [Цонева 2007б].

Отсутствие таких М. сегодня, скорее всего, обусловлено тем, что Болгария уже как бы не сомневается в выборе пути, четко определив «европейский вектор» своего развития вступлением в Евросоюз и НАТО. Справедливыми в связи с этим кажутся слова известной журналистки В. Седларовой, что мы уже не стремимся в Евросоюз, для нас Брюссель уже не сияет путеводной звездой, уже нет светлой цели, которая заставляла бы нас самих казаться светлее [Седларова 2009].

В метафорическом моделировании болгарских выборов нет и М. из исходной области «Медицина», очень активных в политическом дискурсе вообще. Ср.: *Повсеместна шизофрения е обхванала държавицата.* [Сега]; *Здравната реформа изпадна в колапс* [Труд] [Цонева 2006б].

Единичны М., называющие природные бедствия. Ср.: *Независимо от убедителната си победа явлението ГЕРБ не се разви като политическо цунами, както това се случи с НДСВ преди 8 години.* [Монитор]

Яркий оценочный потенциал М. из этих двух сфер, на наш взгляд, направлен на моделирование экономического кризиса, о чем сказано дальше в работе.

Немногочисленны в рассмотренном нами материале и М. из сферы “Спорт”, тоже традиционные для политического дискурса. Выборы в 2009 г. сравнительно редко представлены как спортивный поединок (еще реже – как *feag play*). Ср.: *Че ще забравят за какъвто и да било феърплей по време на мача, е съвсем ясно.* [Монитор]; *Една от малкото добри новини около стартиращата предизборна надпревара е, че всички основни състезатели вече са били във властта. Печелили са този мартон, били са на почетната стълбица* [Сега].

Это можно объяснить активностью других метафорических моделей, прежде всего модели “Финансы”, которая более реально концептуализирует выборы в Болгарии, где дух соперничества, состязания, честного поединка уступает место силе денег.

Единичны и М. из сферы “Семья”, представляющие отношения между политическими силами как отношения любовно-семейные: *Кризата отложи брака на десните* [Стандарт].

Более того, ситуацию выборов не без оснований определяют как “сезон ненависти”:

В българския сезон на омразата през лятото на 2009 г. всеки е потенциален обект на черен пиар, а Бойко Борисов – очаквано най-много [Тема]. Поэтому, если создание предвыборных коалиций определяется как брачный союз, то чаще всего это брак по расчету: *Добре е ГЕРБ и сините да не си развалят приятелството с брак по сметка* [Монитор].

Обратим внимание и на М. из некоторых сфер-источников, которые используются при отражении выборов 2009 г., хотя и не являются в текстах господствующими. К ним можно отнести некоторые метафорические модели, традиционно очень активные в болгарских СМИ вообще и в дискурсе выборов в частности.

Так, выборы 2009 года сравнительно реже, чем в прежние годы, представлены единицами из концептуальной сферы “Война”, чья активность в болгарских СМИ вообще дает основание подумать, что в Болгарии идет война всех против всех – не только между политическими противниками, но и внутри партий, а также в сферах вполне «мирных» [Цонева 2006б].

Естественно, самые ожесточенные битвы идут во время выборов: *Очертава се безмилостна битка за всеки потенциален глас, в която някои от партиите безспорно ще зложат на изпитаното компроматно оръжие за масово поразяване на противника*. [Монитор]; *Защото изборите са битка без компромис – тактиката на изгорената земя не е само военно понятие* [Сега].

Самые частотные М. здесь – *битка, борба, бой*: *Битката за доверието или доверчивостта на избирателите вече започна*. [Монитор]; *Никой обаче не анализира доколко позитивните предизборни кампании бяха някакъв полезен коз в предизборната борба* [Сега].

Глагольных М., как правило, меньше: *Бойко срязи червените* [Труд].

Политические бои почти всегда продолжаются и после выборов: *Кой да каже, че спечеленото сражение е само първата фаза на голямата битка? И че победата вчера е на простосмъртните избиратели, а от днес започват истинските действия на фронта?* [Новинар]

Особенно обостряются отношения между политическими силами при формировании нового парламента и нового Кабинета министров. Так, текст *A la guerre comte a la guerre*, который базируется на милитарных М., представляет подготовку к созданию нового Кабинета министров летом 2009 года как подготовку к войне. Представление отношений между политическими силами после выборов военными терминами в этом тексте связано, на наш взгляд, и с обозначением нового премьер-министра Б. Борисова одним из его прозвищ – *Генерала*, которое как бы “ведет за собой” единицы из данного семантического поля. Ср. их скопление в начале текста: *Генерала стяга армията си и праца командири на всички фронтове. Оти-*

ващата си власт трескаво копае траншеи и се готви за окопна война. <...> Защото на война като на война. Ще има атаки по въздух, море и суша, ще има маневри, диверсии и диверсификации на позволените средства [Сега]. (Отметим здесь важность вопросов, требующих отдельного исследования – о развертывании одной метафорической модели в тексте, об акцентировании М. в рамках текста, о взаимодействии метафорического заглавия и текста [Чудинов 2005].)

Метафорическая модель “Театр”, к которой обычно относят все, что связано со сценой, зрелищем вообще, в болгарском политическом дискурсе в целом представлена очень богатым набором единиц. В дискурсе выборов 2009 года тоже немало театралных М., которые обозначают болгарское общество как сцену, выборы – как спектакль, политиков – как актеров, режиссеров, сценаристов или суфлеров, а избирателей – как публику: *Евтин и изтърган трик от познатия до болка репертоар на участниците в родната политическа пиеса*. [Монитор]; *Те са заместени от безразличието на нацията, забавлявана със сводки от политическата сцена, чиито герои падат и стават като в буфонада, дошла след трагедията и фарса*. [Сега]; *Синята циркова трупа не се е оттеглила от сцената, тя просто изчаква антракта, за да премине към второ действие* [Сега].

Активны при моделировании выборов М., называющие развлекательные, «несерьезные» жанры (*комедия, фарс, водевиль*). Самые частотные в дискурсе выборов М. – *шоу и цирк*, которые отличаются от собственно “театральных” слов тем, что негативная оценка политических явлений в них выражена еще ярче: *Като дойдат избори, политиките искат за няколко месеца да затворим държавата и да гледаме политическо шоу*. [Тема]; *Шоуто влезе в политическите послания и поведението на политиките, отразени в медиите*. [Монитор]; *Смело можем да говорим за ново направление в изкуството на българската действителност – цирк в цирка* [Сега].

Элементы театралного можно найти и в некоторых действиях политиков после выборов, например, при формировании нового Кабинета министров: *Фронтменът Борисов обира лаврите на моноспектакъла “Измислям новите министри”, но сега, след като състави кабинета, спешно трябва да продуцира ново занимание за домакините пред телевизора* [Сега].

Преобладающая негативная оценочность этих М. формируется благодаря актуализации семантических компонентов “игра”, “несерьезность”, “неискренность, имитация истины”: *И тъй като зрелищата не може да са само в телевизора, властта се готви да ни представи най-голямото шоу, на което е способна – изборите!* [Сега]

Внимания заслуживают и немногочисленные в дискурсе выборы, но яркие М. из исходной области “Кулинария” [Цонева 2007а, 2008]. С помощью таких М. как нечто вкусное, аппетитное часто обозначаются власть и политика вообще. Ср.: *Изобито ако досега нещо се случваше в икономиката, то беше защото партияните вождове успяваха на моменти да се разберат кой какво парче от баницата да влачи в своя си катун* [Новинар].

Кулинарные М. занимают важное место в болгарской политической метафорике и отличаются ярким национальным своеобразием. Национальное, или культурное, своеобразие метафор, как подчеркивает Э. В. Будаев, обусловлено различными причинами, среди которых можно назвать геоклиматические условия ареала, где формируется данная культура, традиции и стереотипы поведения, равно как и другие факторы с многовековой историей [Будаев 2010: 20].

Особо следует отметить здесь фрейм “Названия блюд”, в котором названия различных блюд (*баница, гювеч, торта, кюфте* и т. п.) получают одинаковое метафорическое переосмысление, обозначая политическую карьеру и власть вообще как нечто съедобное, вкусное, привлекательное для кандидатов в депутаты.

Особое место среди М., обозначающих власть как источник наживы, занимает *баница* [Цонева 2007а]. *Баница* – любимое национальное блюдо болгар, обязательный элемент рождественского, а также праздничного стола вообще. Само слово *баница* имеет не совсем ясную этимологию и обычно относится к непереводаемым на другие языки реалиям. Его соответствием в русском языке нередко считают слово *пирог*, хотя между двумя блюдами на практике нет ничего общего. Важно, однако, подчеркнуть, что, обозначая разные вещи, эти два слова сближаются в своем метафорическом употреблении, объединяясь новой семантической идеей. Ср.: *Политиците отдавна си разпределиха държавната баница* [168 часа]. – *Если этого не случится, значит, народ опять “обнесут” при дележке государственного пирога* [Арг. и факты].

Все, в чем содержится экономический или властный ресурс, можно определить как *баницу* – символ земных благ для болгар: это и власть вообще, и ответственные должности, и бизнес, приносящий “легкие” деньги. Ср. яркий пример: *Очевидно изненадан и раздражен от появили те се непредвидени кандидати да делят сладката парламентарна баница, той и верният му комсомолски секретар М. Димитров извадиха томахавки и директно ги наладнаха* [Монитор].

Как чисто болгарскую М. можно определить и *кюфте* (рус. *котлета из фарша*), одну из новейших политических М., история возникновения которой заслуживает отдельного описания. Этим словом, как и словом *баница*, обо-

значают политику и власть как способ обогащения и как цель для многих участников выборов: *Със СДС и ДСБ към депутатското кюфте!* [24 часа]

По мнению Я. Бориславова, слово *кюфте* давно уже вышло из кулинарной области и стало кодовым для обозначения власти и ее сладких удовольствий, получаемых в результате “свободных и демократических выборов” [Бориславов 2007].

Подобные М., как нам кажется, и дают основание И. Паси говорить, что М. сами по себе являются эквивалентом творческой мысли человека вообще, а новые М. (т. е. новые смыслы и значения слов), обогащая язык, придают ему “национальную физиогномику”. [Паси 2003: 576].

Из кулинарной области вышла и одна из ключевых М. новейшего времени – М. *пица*. Она тоже относится к дискурсу выборов, если в него включить и первые дни работы нового парламента. Слово *пица* впервые употребил метафорически новый министр финансов С. Дянков при обсуждении в парламенте бюджета на следующий год. Ср.: *Симеон Дянков: Бюджет 2010 е малка пица* [Монитор].

Буквально сразу эту М. подхватили журналисты и другие политики: *2010 = пица, ама по стна* [Стандарт]; *Отникъде взорът надежда не види – и от прословутата пица за догодина останала само костилката на маслинката*. [Труд]; *Малко парче от пицата* [Капитал].

Постепенно *пица* стала обозначать не только государственный бюджет или различные финансовые блага, пополнив таким образом список М., которыми концептуализируются власть и политика вообще.

Особого внимания заслуживает исключительно богатая «вторая жизнь» этой М., обусловленная как ее необычностью, так и актуальностью темы о бюджете и финансах вообще, важным положением С. Дянова в экономической и политической жизни Болгарии и т. д. М. *пица* породила множество производных слов и вторичных М. Так, словом *пицария* стали обозначать парламент, министерство финансов, более того – Болгарию вообще: *Пицария на парче* [Капитал] – заглавие текста о процессе приватизации (т. е. процессе распродажи «по кусочкам») в Болгарии, обозначенной как *пиццерия*, где продают пиццу ломтиками.

Появление М. *пица*, употребляемой обычно иронически, имеет, на наш взгляд, более серьезные измерения. Ее «автор», министр финансов С. Дянков, учился и долгое время работал в США, поэтому, как он сам часто признает, плохо знает болгарскую действительность. Это в значительной степени объясняет его тягу не только к чужим, «неболгарским» мерам в здравоохранении, образовании, науке и т. д. (последствия которых народ уже испытал на себе), но и к чужим, «неболгарским» и поэтому не

очень удачным образом. М. *пица* сложно вписать в ряд традиционных болгарских М. из области “Кулинария”, в которых проявляется национальное своеобразие, ярчайший пример чему – М. *баница*. Ср.: *За разлика от баницата пицата е твърде млад кулинарен мит. Американската връзка обяснява промъкването и в образния свят на министър Дянков* [Сега].

Национальная специфика метафоризации проявляется и в зооморфных М., которые обычно активизируются в дискурсе выборов, что связано с их яркой негативной оценочностью.

Так, М. *мравки* (рус. *муравьи*) в последние годы часто используется для обозначения депутатов, которые почти незаметны в парламенте и которые голосуют по указке лидеров своих партий: *Укротяване на парламентарните мравки* [Монитор].

Как подчеркивает А. П. Чудинов, метафорическое употребление зоонимов связано с их прототипическими свойствами – с наиболее общими представлениями о характерных особенностях концептов, которые имеются в национальном менталитете [Чудинов 2001а: 134].

М. с агрессивным прагматическим потенциалом (*хищник, акула, пираня, кит*) обозначаются кандидаты в депутаты или политики вообще: *От няколко месеца жълтите бликат от енергия и идеи, апотеоз на които бе предизборният плакат, в който те се изобразиха като пираня, която плува срещу течението и се зъби на червените хищници* [Сега].

При метафорическом обозначении избирателей, наоборот, такой потенциал отсутствует; их наивность, доверчивость, даже глупость обозначаются названиями животных, иногда очень далеких друг от друга, но объединяющихся новой семантической идеей. Такими, например, являются слова *шаран* (рус. *каarp*) и *шиле* (рус. *молодой баран*), которыми названы наивные, легко поддающиеся манипуляции избиратели: *Провалът на водещата партия в тройната коалиция на изборите показа, че популацията на лековерните шарани силно е намаляла*. [Сега]; *Или журналистите, или читателите са големи шилета, щом продължават да списват и четат вестници като вечерашните* [Сега].

Можно заметить, что в болгарском дискурсе выборов названия рыб встречаются часто, в то время как в русском, по мнению А. П. Чудинова, они малочастотны [Чудинов 2001: 135]. Ср.: *Жълтата пираня, която плува срещу течението и срещу червените риби, е БСП* [Сега].

Довольно частотные М. *риба* и *шаран* связаны с уподоблением выборов рыбной ловле, в которой на удочку политиков ловятся не только доверчивые избиратели, но и другие политики при создании партийных коалиций. В тексте *Време за риболов* опытные политики из партии СДС (Союз демократических сил) стараются

различными способами «поймать на удочку», т. е. привлечь на свою сторону для создания коалиции как партию ГЕРБ (*большого кита*), так и маленькие партии (*мелких рыбок*). Ср. примеры из этого текста: *В първия прекрасен ден от новия сезон за риболов Командира пак се опита да ни преметне. Двамата с Мартин извадиха стръвта с лъжите, за да хванат на въдиците си поредните лапнишарани. Тясна цел, разбира се, е голямата риба в лицето на ГЕРБ, но биха се задоволили и с няколко по-дребни рибки.; Костов не е вечерашен, затова в нощта на изборите насочи вниманието си и към малките шарани. Защото по-добре няколко малки рибки, отколкото голям кит, който не се знае дали няма да те перне смъртоносно с опашката си* [Монитор].

На фоне названных метафорических моделей выделяется основная модель, бесспорно занимающая первое место в дискурсе выборов. Это метафорическая модель “Финансы”, в которой особенно детально представлены единицы из фрейма “Торговля” (*търговия, търговци, купуване, стока, сергия, сметка, пазарлък, алъш-вериш, далавера* и т. д.). Все они переносятся в область политики для обозначения предметов, действий, лиц, связанных с выборами. Ср.: *Едни се бутат, други се подпират, трети направо се млатят – ей така се вижда през оптиката на пресата шумното политическо тържище*. [Сега]; *Как вотът се превръща в стока* [Сега]; *Десен битпазар преди вота* [Монитор]; *Всекидневно четем как една или друга от десните партии преговаря с някого за предизборен съюз, как спорят и се пазарят, а накрая се спират на следващата сергия*. [Монитор]; *Пазарът за коалиции никога не е привличал толкова много клиенти* [Монитор].

В этой модели господствуют слова *пазарлък* и *алъш-вериш*. Эти слова, как и многие заимствования из турецкого языка, называющие предметы и действия бытовой сферы, исключительно активны в современном болгарском языке, прежде всего в разговорной речи, оказывающей, как известно, сильное влияние на язык СМИ.

В слове *пазарлък* (рус. *торг, спор о цене*) содержатся оттенки “нечестность”, “непрозрачность”, особенно актуальные для характеристики болгарской политической жизни: *“Пазарлък” е статистически най-често срещаната дума, когато се говори за тайните срещи по тъмни доби между С. Сакскобургготски и А. Доган* [Сега].

Слово *алъш-вериш* (рус. *торговля, купля-продажа*) исключительно “удобно” для обозначения мелкой, нечестной торговли: *Това е примитивното ниво на политическия алъш-вериш*. [Сега]; *Вестниците описват и последните алъш-вериш схеми за вота* [Сега].

Эти два слова, как и торговая лексика вообще, особенно актуальны при отражении со-

ставления депутатских списков накануне выборов: *Пазарлъци до дупка вляво и вдясно за депутатските листи* [Сега].

Политические торги, однако, продолжают и после выборов, при обсуждении будущего Кабинета министров и важнейших должностей в государстве: *Тройната коалиция влиза в сложен пазарлък за висши постове* [Сега]; *Сериозните пазарлъци за новите назначения започват* [Сега].

Подобная активизация метафорических единиц из области финансов, как подчеркивает А. П. Чудинов, говорит о воцарении денег в общественной жизни. Яркая негативная оценка, содержащаяся в таких М., обусловлена тем, что общество считает безнравственной даже саму попытку определить цену, за которую можно было бы приобрести некоторые вещи [Чудинов 2001б], к которым, на наш взгляд, следует отнести и право на голос, одно из важнейших прав человека в демократическом обществе.

Негативное отношение к «выборам без выбора» выражено и в следующем примере: *Предполагам, че всички се чувствате неудобно сега покрай разкритията за алъш-вериша с демократичното право на глас* [Сега].

Нужно подчеркнуть, что о купле-продаже голосов избирателей (прежде всего метафорической) говорили и раньше. Ср. примеры, подтверждающие наличие элементов торговли в выборах вообще: *Така и всички управляващи от всички правителства, при всички честни избори превръщат държавата в един денонощен магазин, който ще напуснат само като го изпразнят и ометат докрай.* [Сега]; *Въпросните политици отдавна си спечелиха етикета “търговци”, като се опитваха да продават партиите си и малкото хора в тях на всички поредни избори* [Монитор].

Процесс купли-продажи стал заметнее на предыдущих выборах в 2005 г., когда активизировалось и его метафорическое обозначение. Можно сказать, что тогда торговая М. была М. «лишь отчасти» – она, как отмечено у А. П. Чудинова, постоянно балансирует «между сказанным и несказанным, между прямым и метафорическим смыслом» [Чудинов 2001б], о чем говорит и употребление торговой лексики в кавычках. Ср.: *Заговори се успоредно за политически “пазарлъци” и “сделки”, макар че и на този “супер пазар”, както и на битака, пазарлъкът би следвало да предхожда сделката* [Труд].

Во время предвыборной кампании в 2009 г., однако, торговая лексика нередко ничуть не метафорична; она возвращается к своему прямому значению, т. е. речь идет о вполне реальном и хорошо налаженном процессе торговли голосами с соответствующими ценами, брокерами, местами осуществления сделок и т. д. Ср.: *Там шефът на предизборния щаб информира, че двама негови министри въртят алъш-вериш с гласове срещу цена от 300*

лева и от 60 лева. [Монитор]; *300 лева за глас в Първомай* [Монитор]; *Спишаха зам.-министър, въртял търговия с гласове.* [Монитор]; *По информация на гласоподавателите, на изборната борса маржовете играели от 25 до 100 лева* [Стандарт].

Торговля голосами стала почти легальной и приняла угрожающие размеры, несмотря на то что преследуется законом, о чем предупреждали рекламные телевизионные ролики всех партий, обязательно заканчивающиеся словами *“Купуването и продаването на гласове е престъпление!”*.

Еще более уродливым можно считать то, что взамен своего голоса за определенного кандидата или партию избиратели (причем не только социально слабые представители этнических меньшинств, как принято считать) получали даже не деньги, а продукты, вещи, рабочие места, денежные кредиты на льготных условиях и даже наркотики: *Лихвар намалява дългове срещу бюлетини* [Стандарт]; *Гласове срещу брашно купуват в с. Конево* [Стандарт]; *Купуването на гласове достигна съвсем цинични мащаби. Дилъри предлагат на наркозависими безплатно доза наркотици, за да пуснат бюлетина за определени партии и коалиции.* [Стандарт]; *Купуват вота и с дрога* [Стандарт].

Сказанное выше говорит о том, что процесс выборов все больше удаляется от нормальных демократических стандартов, лишая смысла понятие «выбор». Это явление можно считать яркой характеристикой «политической культуры» и уровня развития гражданского общества в Болгарии, требующей серьезного анализа, причем специалистами разных научных областей. Серьезного анализа заслуживают и результаты последних социологических опросов, которые публикуют СМИ – они позволяют увидеть рост числа людей, в том числе молодых и образованных, готовых продать свой голос.

Как уже было сказано выше, выборы – главное политическое событие в Болгарии в 2009 г., и их значимость для болгарского общества подтверждается богатством и разнообразием М., отражающих выборы и навязывающих обществу отношение к ним.

Обратим внимание и на метафорическое отражение мирового экономического кризиса, который, несмотря на силу его проявлений в 2009 г., можно считать скорее фоном, на котором протекают выборы.

Это можно объяснить прежде всего меньшей актуальностью кризиса для болгарского общества в то время. Кризис игнорируется правящей тройной коалицией, желающей показать успешность своей экономической политики, скрыть истинное положение дел, чтобы повлиять на мнение народа и обеспечить себе победу на предстоящих выборах. Кризис часто игнорируется и претендентами на власть, которые сосредотачивают свое внимание на дис-

кредитации политических противников и на предвыборных обещаниях. В то же время кризис и его проявления вызывают оправданную тревогу у многих политиков, аналитиков-экономистов и журналистов.

Неоднозначное осмысление кризиса в Болгарии и в других странах, его причин, силы, продолжительности отражается и в метафорической его репрезентации. Она имеет как особенности, характерные для политического интердискурса, так и отличия, которые обнаруживаются при сопоставлении, например, с русским политическим дискурсом [Цонева 2009а].

К отличиям можно отнести, во-первых, меньшую активность болгарских «кризисных» М., особенно в начале 2009 года; как уже было сказано, выборы как важнейшее для болгар событие как бы заслоняют другие, в некотором смысле абстрактные в то время события и явления, одним из которых является кризис.

Во-вторых, в болгарских М. слабее выражается «катастрофизм», характерный для М. в других языках – кризис представлен как явление, затрагивающее прежде всего США и другие развитые страны. Отметим, что кризис вначале действительно обрушился с большей силой на экономику крупных государств, в том числе на российскую, которая теснее связана с мировой. (В этом смысле примечателен болгарский анекдот: – *Наступит ли в Болгарии финансовый кризис? – Нет, потому что в Болгарии нет финансов.*) [Цонева 2009б].

Бесспорные «лидеры» в дискурсе кризиса – М. из понятийных сфер «Медицина» и «Природа». М. из этих двух сфер-источников формируют когнитивные модели, детально отражающие восприятие кризиса в общественном сознании и отношение к нему. Отметим еще раз, что в большинстве случаев М. используются для обозначения кризиса в других странах. Болгария же, в соответствии с официальной политикой, представляется как *остров стабильности* или *оазис*, т. е. как место, не затронутое кризисом. Ср.: *България дрейфува като остров на стабилността из вашингтонския и софийския печат* [Сега].

К таким «бодрым метафорам» критически настроенные журналисты и представители политической оппозиции относятся с иронией. Например, в тексте *БСП и кризата: La vie en rose* (Дневник) критически воспринимается поведение правящей партии БСП, стремящейся представить экономическую ситуацию в Болгарии в розовом цвете.

Многочисленные М. из исходной области «Медицина» представляют мир как больной организм (на фоне того, что можно назвать экономическим здоровьем – стабильность банковской сферы, промышленности, социальной сферы и т. д.). Выбор фреймов и слотов в данной метафорической модели демонстрирует сложность ситуации и, создавая общую картину безысходности, обреченности, мешает форми-

рованию возможных решений экономических проблем. Ср.: *Американската финансова болест обхвана много бързо почти целия свят и последиците вече се усещат навсякъде* [Сега].

Состояние экономических и кредитных структур чаще всего определяется как сложное или даже критическое, как состояние *коллапса*: *Банковата система на САЩ на практика от няколко месеца претърпява огромни загуби и е изпаднала в колапс*. [Новинар]; *Исландската финансова система изпадна в колапс още през октомври миналата година* [Тема].

Высокой частотностью употребления отличается слово *инжекция*, обозначающее финансовую помощь, которую государство оказывает банкам и фирмам. Негативная окраска в этих употреблениях усиливается ближайшим или широким контекстом, где такие меры определяются как неправильные, неэффективные, как национализация или даже возврат к социализму: *Пазарите ще бъдат контролирани от правителствата, а независимите досега компании и банки ще свикнат да разчитат все повече на държавни финансови инжекции* [Новинар].

Негативно, как правило, оцениваются и врачи, т. е. люди, которые должны помочь, спасти, но которые не желают или не способны сделать это. Ср.: *Но както икономистите, така и политиците са се вторачили главно в симптомите на кризата. Доколкото дават диагнози, действат като патологоанатоми, които режат мъртва тъкан, за да разберат какво я е убило, без реално да я лекуват* [Сега].

Во второй половине 2009 года, с приходом к власти нового правительства, обвиняющего прежнее руководство страны в «замалчивании» экономических проблем, активизируются другие фреймы – все чаще говорят о рецептах и лечении, то есть о путях выхода из кризиса, которые предлагает новый кабинет. Ср.: *Дянков намери рецепта за кризата* [Стандарт].

В начале 2009 года необычайно активизируется и метафорическая модель «Природа», прежде всего фрейм «Природное бедствие». Сюда можно отнести множество М., объединяемых силой, стихийности, разгула высших сил, не подвластных воле человека (*буря, цунами, торнадо, бедствие* и т. п.).

Экспансия метафорических единиц из этой сферы объясняется тем, что кризис понимается как неожиданная, непродолжительная, часто разрушительная стихия, в которую попадают люди и объекты природы. Самые частотные единицы в этой модели – *буря* и *цунами*: *Партиите разбират, че България няма да остане зона, която да не бъде засегната от бурята*. [Новинар]; *Според някои българската икономика е твърде малка, а финансовият ни пазар е слабо развит и затова бурята ще ни засегне слабо*. [Тема]; *За да намалим ефекта от*

това **икономическо цунами**, отговорността е както на фирмите, така и на домакинствата [Тема].

Еще ярче проявляется кризисный негатив в следующих М.: *Сегашната рецесия предизвика нуждата от интервенция на държавата като последна защитна преграда пред икономическата катастрофа*. [Монитор]; *Тогава фалитът на инвестиционната банка Lehman Brothers отприщи финансов Армагедон* [Капитал].

М. из этой сферы, как мы уже отметили, представляют кризис как неожиданно налетевшую стихию, как проявление хаоса, нарушение нормального порядка вещей, в них проводится аналогия между деструктивностью природных стихий и разрушительными мировыми экономическими процессами.

Очень ярко эта деструктивность выражается в метафорических глаголах, используемых для характеристики кризиса: *Световната криза разтресе и водещите автомобилни концерни в Европа*. [Новинар]; *Избухна кредитната криза [24 часа]*.

Интерес представляют и некоторые яркие единичные М. из далеких, неожиданных сфер-источников. Ср.: *Световната криза започна да прилича на големия адронен колайдер – малцина знаят какво представлява това нещо, но всеки разказва и дава акъл за него* [Сева].

Таким образом, в отражении выборов – важнейшего для Болгарии политического события 2009 года – можно найти как особенности, которые являются универсальными, так и особенности, которые можно определить как проявление национального своеобразия. Некоторые метафорические модели отсутствуют в дискурсе выборов или представлены единичными метафорами, другие, например “Выборы – театр”, “Выборы – война”, “Выборы – спорт”, очень активные в прежние годы, используются сравнительно редко. Они уступают место новым метафорическим моделям, в первую очередь модели “Выборы – торговля”, что свидетельствует о господстве материального начала в жизни общества.

Анализ названных и других метафорических моделей, активных во время важных для болгарского общества выборов, протекающих на фоне мировых экономических потрясений, может послужить базой для их сопоставления с метафорами в других языках, которое позволит выявить как сходства между ними, так и отличия, обусловленные особенностями национальной ментальности, национальной картины мира.

ЛИТЕРАТУРА

Борислав Я. Кюфтета и власт. Тяжното емоционално сродяване издава плитък политически хоризонт // Сега. 2007. 12.05.

Будаев Э. В. Междисциплинарные истоки политической метафорологии // Политическая лингвистика. 2010. № 2 (32).

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политической коммуникации. – М., 2008.

Каслова А. А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2003.

Кобозева И. М. Лексико-семантические заметки о метафоре в политическом дискурсе // Политическая лингвистика. 2010. № 2 (32).

Легурска П. Изучаване на националния манталитет върху езиков материал (опит за разширяване на предмета на съпоставителното езикознание) // Чудоезиково обучение. – София, 2000. № 3.

Паси И. Метафората // Избрани произведения. Т. 3. – София, 2003.

Петрова А. Езиквата метафора и балканската картина на света. – Велико Търново, 2003.

Ряпосова А. Б. Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе “Российские федеральные выборы (1999–2000 гг.)”: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2002.

Седларова В. Черно, по-черно, избори 09 // Тема. 2009. № 19.

Стрельников А. М. Метафорическая оценка политического лидера в дискурсе кампании по выборам президента в США и России: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Екатеринбург, 2005.

Цонева Л. Новите български метафори // Дни на науката. – В. Търново, 2006а.

Цонева Л. Газетная метафора и картина мира // Stylistyka XV, Styl i kultura. – Opole, 2006б.

Цонева Л. Баницата като метафора (Кулинарната метафора в българската публицистика) // Проглас. Кн.1. – Велико Търново, 2007а.

Цонева Л. Метафорические дороги России и Болгарии // Наука и культура России. – Мат-лы IV Междун. научно-практической конференции. Ч. II. – Самара, 2007б.

Цонева Л. Българският политически театър // Дни на науката. – Велико Търново, 2007в.

Цонева Л. Българската кулинарна метафора като средство за концептуално осмисляне на света // ВІСНИК Луганського національного педагогічного університету ім. Тараса Шевченка. – Луганськ, 2008. № 13 (152).

Цонева Л. Метафорическое моделирование экономического кризиса // Активные процессы в различных типах дискурсов: политический, медийный, рекламный дискурсы и интернет-коммуникация: мат-лы междунар. конф. (19–21 июня 2009 г.) – Москва, 2009а.

Цонева Л. Смях по време на криза (икономическата криза като тема на анекдота) // Проглас. Кн. 1. Велико Търново, 2009б.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). – Екатеринбург, 2001а.

Чудинов А. П. Финансовая метафора в современной политической речи // Известия Уральского гос. пед. ун-та. Лингвистика. Вып. 7. – Екатеринбург, 2001б. URL: <http://philology.ru/linguistics/2>.

Чудинов А. П. Метафорическое моделирование в политическом нарративе “Российские выборы на рубеже веков” // Respectus philologicus. 2002. № 2 (7). URL: <http://filologia.vukhf.et/2-7/>.

Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. – Екатеринбург, 2005.

Ширманов И. А. Концептуальная метафора в дискурсе президентской предвыборной кампании в США (2004 г.) // Политическая лингвистика. 2006. № 20.

Г. М. Шипицына,
С. А. Свистельникова
Белгород, Старый Оскол, Россия

К РЕЧЕВОМУ ПОРТРЕТУ
ОППОЗИЦИОННОЙ ГАЗЕТЫ:
ЗАГОЛОВКИ ЗАМЕТОК

ГСНТИ 16.21.27

Аннотация. Авторами статьи предлагается понятие речевой портрет газеты как система ее диагностических категорий внеязыкового и языкового характера. В рамках этого понятия рассматриваются функции и языковое оформление заголовков газетных статей на материале региональной (белгородской) оппозиционной газеты «Слово коммуниста».

Ключевые слова: речевой портрет; оппозиционная газета; КПРФ; власть; диагностическая категория; дискурс; функции заголовков; информативная; прагматическая; оценочная; экспрессивы.

Сведения об авторе: Шипицына Галина Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания.

Место работы: Белгородский государственный университет.

Контактная информация: 308023, г. Белгород, ул. Б. Хмельницкого, д. 134-а, кв. 168.
e-mail: Shipitsina@bsu.edu.ru.

Сведения об авторе: Свистельникова Светлана Александровна, аспирант кафедры русского языка и методики преподавания Белгородского государственного университета.

Место работы: Воронежский государственный университет: Старооскольский филиал. Преподаватель кафедры журналистики

Контактная информация: 309511, г. Старый Оскол, м-он Олимпийский, д. 35, кв. 67.
e-mail: swesha1@yandex.ru.

Данная статья посвящена изучению особенностей речевого портрета региональной, оппозиционной к государственной власти и лидирующим политическим партиям современной России газеты «Слово коммуниста» (газета Белгородской области). На материале этой газеты подобное исследование ранее не проводилось. Тема исследования находится в русле проблем одного из новых лингвистических направлений последних десятилетий – *политической лингвистики* (термин А. П. Чудинова), которое стало возможным в России в период перестройки и постперестроечное время.

Актуальность данного исследования определяется следующим: печатное издание СМИ, в нашем случае малотиражная оппозиционная газета, представляет собой феноменальный дискурсивный продукт, речевые особенности которого должны быть учтены при осмыслении инновационных процессов в русском языке последнего десятилетия. Современная лингвистическая научная парадигма отличается многогранностью и стремлением к наиболее полному охвату самых разных сфер функционирования публичного языка новейшего времени. Описание разновидностей национального русского языка необходимо как для создания целостной

G. M. Shipitsina,
S. A. Svistelnikova
Belgorod, Stary Oskol, Russia

IN REFERENCE TO THE VERBAL PORTRAIT
OF THE OPPOSITION NEWSPAPER:
ARTICLE HEADLINES

Код ВАК 10.02.01

Abstract. The authors of the article introduce the notion: verbal portrait of a newspaper as a system of its diagnostic categories of linguistic and extralinguistic character. Within the notion the functions and linguistic framework of newspaper article headlines are considered on the material of the regional (Belgorod) opposition newspaper "Communist's Word".

Key words: verbal portrait; opposition newspaper; CPRF; power; diagnostic category; discourse; headline functions; informative; pragmatic; attitudinal; expressives.

About the author: Shipitsina Galina Mikhailovna, Doctor of Philology, Professor of the Chair of the Russian Language and Teaching Methods.

Place of employment: Belgorod State University.

About the author: Svistelnikova Svetlana Aleksandrovna, Post-graduate Student of the Chair of the Russian Language and Methods of Teaching of Belgorod State University.

Place of employment: Voronezh State University, Stary Oskol Branch: Lecturer of the Chair of Journalism.

картины речевой деятельности его носителей, так и для обнаружения устойчивых тенденций его развития. Этим обусловлен интерес лингвистов к описанию языка определенных социогрупп (элитной части социума, группировок массовой культуры (жаргоны, сленги), языка духовенства, политиков, различных профессиональных языков и т. д.). В результате таких исследований было установлено, что именно в политическом дискурсе наиболее остро проявляются лингвокультурные различия и противоречия общества, обусловленные дисгармонией и несовместимостью концептов массового сознания носителей различных идеологий и ценностей. Но «именно дисгармония политического дискурса особенно опасна: она несет в себе угрозу провоцирования и обострения конфликтов, не позволяет эффективно решать проблемы, жизненно важные для современного человечества» [Павлова 2008: 85]. Изучаемая нами газета находится на периферии основного потока печатных СМИ как по своему содержанию, так и по языку. Газета заряжена отрицательной коннотацией. Она манифестирует негативные оценки происходящему в стране и предлагает свой курс развития России, отличный от официального курса, заключающийся в возвраще-

нии к советскому строю с обязательным и полным господством КПРФ. Безусловно, газета «Слово коммуниста» отражает картину мира (особенно ее идеологическую составляющую) лишь части населения России, однако для полного представления структуры современной российской национальной картины мира необходимо учитывать и такие сферы ее проявления.

У истоков понятия «речевой портрет» стоит идея фонетического портрета, выдвинутая в середине 60-х годов XX века М. В. Пановым и воплощенная им в ряде фонетических портретов политических деятелей, писателей и ученых XVIII–XX веков. Вскоре идея фонетического портрета была подхвачена рядом ученых (Ю. Н. Караулов, Е. И. Земская, В. И. Карасик, Л. П. Крысин и другие), в результате чего появились более широкие понятия, такие как «речевой портрет личности» и «языковая личность». В современной лингвистике существуют образцы описания языковой личности, но в большинстве своем создаются речевые портреты писателей, героев литературных произведений и современных политиков. В специальной литературе понятия «речевой портрет газеты» мы не встречали, возможно, оно вообще пока не было введено в метаязык описания газетного дискурса. Мы же считаем опорой на это понятие в описании специфики газеты продуктивным.

Речевой портрет газеты для нас – это система его диагностирующих категорий в сфере языкового оформления, обусловленная концептуальным содержанием вербализуемых идей. Термин *диагностирующие категории* мы избрали по аналогии с термином «диагностирующие пятна» Л. П. Крысина, под которыми он понимает «социально маркированные способы выбора и употребления языковых средств» [Крысин 2001: 91]. На наш взгляд, структура понятия *речевой портрет* применительно к такому объекту, как газета, достаточно сложна и предполагает характеристику не только языка газеты (конечно же, с различных точек зрения), но и факторов, его обуславливающих: пресуппозицию; прагматику; степень объективности в передаче информации; набор сюжетных линий и сфер действительности, отображаемых в материалах; национально-культурную, духовно-культурную и мыслительную составляющие; идеологические ориентиры; вкусы редактора и степень ориентации на вкусы читателей. Сущностные признаки речевого портрета политической газеты можно выявить через соотнесение ее языковых особенностей с концептуальной базой, основные элементы которой обусловлены коллективным идеологическим сознанием создателей газетных материалов.

В рамках данной статьи мы остановимся только на одной диагностической категории языкового портрета исследуемой газеты – на

функциональной характеристике газетных заголовков.

Как известно, театр начинается с вешалки, а письменное речевое произведение, в том числе газетная статья, – с заголовка. Заглавие – это ключевая позиция всего текста, это свернутая и предельно сжатая информация о его содержании, поэтому заголовки считают «компасом, ориентирующим читателя на газетной полосе» [Горбунов 1974: 7]. И с этим трудно не согласиться. Удачный заголовок, являясь коммуникативной единицей текста газетной статьи, выполняет большую информационную нагрузку: он кратко информирует читателя о содержании газетного материала, осведомляет о значении, характере и степени важности событий, отраженных на страницах газеты, привлекает внимание адресата к важной с точки зрения адресанта заметке (статье). Помимо этого, по заголовку статьи можно судить об отношении автора к описываемым событиям, поскольку заголовок является основным средством выражения прагматического содержания и оценочности в статье.

Являясь своего рода предвестником содержания, заголовок в текстах СМИ выполняет определенные функции. Первая и самая важная из них – информационная, функция сообщения о каком-либо событии. Ученые выделяют и такие функции заголовков, как номинативная, интерпретационная, ироническая, оценочная, рекламная, функция опровержения, функция полемики и другие. Информативная, оценочная и ироническая функции, по нашим наблюдениям, являются основными и наиболее часто встречающимися на страницах газеты «Слово коммуниста». Как правило, газетные заголовки выполняют сразу несколько функций, поэтому все вышеперечисленные функции выделяются нами условно, отвлекаясь от конкретного материала. Применительно к конкретным примерам правильнее будет говорить о преобладании одной из функций над остальными, а также о синкретизме функций заголовков. С учетом этой особенности заголовков мы и классифицируем их разновидности в региональной оппозиционной газете «Слово коммуниста».

1. Заголовки с преобладающей информационной функцией

Радиус заголовка охватывает содержание статьи полностью

По мнению Ю. А. Богомоловой, «в заголовках подобного рода представлена информация о содержании публикации, в которой не выражена или слабо выражена позиция автора» [Богомолова 2009: 71]. Такие заголовки являются своего рода лаконичными тезисами содержания газетного текста. Примеры этой разновидности заголовков: *Валюту – на Запад, деньги – на Запад, природные ресурсы – на Запад* (Ск. 2004. № 42). *Мы построили дорогу, а вы – хотя бы «вокзальчик в Губкине»...* (Ск. 2004. № 38). *Раздвоение, или еще раз о «независи-*

мых» профсоюзах, Г. Боцманове и не только (Ск. 2004. № 25). Судьба победителя соревнования (Ск. 2004. № 25). Охота к перемене... названий улиц? (Ск. 2004. № 25). Нынешняя стабильность иллюзорна (Ск. 2005. № 50). Остановить «коммунальную реформу»! (Ск. 2005. № 50). Пленум горкома наметил новые горизонты (Ск. 2005. № 49). Восьмилетка Путина – время упущенных возможностей (Ск. 2008. № 19). Кто придумал продотряды? (Ск. 2008. № 47). Встреча с лидером КПРФ (Ск. 2009. № 38). Ищем выход из кризиса (Ск. 2009. № 40). Заявление фракции КПРФ в Государственной думе (Ск. 2010. № 5). Уроки кризиса (Ск. 2010. № 5). Так в нашу жизнь пришла война (Ск. 2010. № 9). Заголовки данной подгруппы малоэкспрессивны (на фоне иных разновидностей) и нацелены на передачу содержания статей.

Радиус заголовка охватывает содержание статьи частично

Заголовки данной подгруппы передают завуалированную информацию посредством кавычек, которые используются в функции выражения обратного смысла. Например: Наш губернатор «нашел» ключ к решению демографического кризиса (Ск. 2004. № 42). Жизнь становится «качественней»? (Ск. 2004. № 42). «Пятилетка» Путина (Ск. 2004. № 38). Как живешь, «реформируемая» Россия? (Ск. 2004. № 39). «Классная» работа (Ск. 2005. № 50). Так вот какие они, «честные выборы» (Ск. 2007. № 45). Депутат от коммунистов «дает старт» (Ск. 2007. № 37). Бюджет разорения страны и подкормки «золотого миллиарда» (Ск. 2007. № 22). Грядут «доходные дома» (Ск. 2007. № 7). Избирательный патриотизм «патриотов» г. Старого Оскола (Ск. 2008. № 6). Закон был отмечен «салютом» (Ск. 2009. № 50). Предвыборная «агитация» власти (Ск. 2009. № 40). Не «проповедь», а диалог (Ск. 2009. № 40). «Единая Россия» – партия реальных «дел» (Ск. 2010. № 9). Правительство Путина сохранило «главное достоинство» России (Ск. 2010. № 8). В этой группе примеров помещены заголовки, содержащие слова, употребленные в непрямом значении, которое передается посредством закавычивания лексемы, они обладают большей экспрессивностью и за счет этого способны сильнее воздействовать на читателя. Так, например, при упоминании реальных «дел» партии «Единая Россия» слово дел закавычено. Следовательно, читатель должен понимать значение этой фразы с точностью до наоборот: *Партия «Единая Россия» – партия, ничего не делающая*. Кроме того, за счет имплицитности заглавий авторам газетных материалов удается отчасти выразить и свое негативное отношение к происходящим событиям, не высказываясь прямо.

2. Заголовки с преобладанием оценочной функции

Заголовков с положительной оценкой на страницах газеты «Слово коммуниста» мы не нашли. На основании этого можно констатировать, что эмоционально-окрашенные заголовки изучаемого издания выражают негативную оценку деяний власти. Условно их можно разделить на следующие подгруппы.

Отрицательно-оценочные заголовки с констатацией неудач власти

Заголовки данной подгруппы достаточно частотны на страницах газеты «Слово коммуниста». Объясняется это тем, что излюбленное занятие оппозиции – критиковать власть и все ее деяния. Подтвердим сказанное типичными примерами: От «Единороссов» одни беды (Ск. 2005. № 39). Народ ставит режиму «неуд» (Ск. 2005. № 39). Бегство и возвращение «Единоросса» Кулабухова (Ск. 2005. № 37). Растаскивают Россию (Ск. 2005. № 34). Не верю «демократам»! (Ск. 2005. № 34). Людям плюнули в душу (Ск. 2005. № 30). Терпение кончилось (Ск. 2006. № 11). Реформа ЖКХ ведет к катастрофе (Ск. 2006. № 21). С нынешней властью России не выжить! (Ск. 2007. № 41). Дальше так жить нельзя! (Ск. 2007. № 7). Даешь феодализм! (Ск. 2007. № 37). Капитализм – пройденный этап, вперед, к феодализму! (Ск. 2010. № 9). «Прорехи» в бюджете оборачиваются проблемами для людей (Ск. 2009. № 38). На советскую пенсию благотворительность г-на Скоца не распространяется (Ск. 2009. № 39). Экономическое положение опять ухудшается (Ск. 2010. № 8).

Как показывает языковой материал, заголовки данной группы обладают большим иллюкативным потенциалом и содержат в себе достаточно резкие высказывания в адрес правящей в России власти и лидирующей партии. На негативное отношение коммунистов к власти имуцим указывают такие выражения как *беды, неуд, растаскивают, катастрофа, не выжить, проблемы для людей, положение... ухудшается*. В целом в заголовках газеты «Слово коммуниста» частотна констатация неудач власти и совершенно отсутствует тема удачной деятельности власти.

Отрицательно-оценочные заголовки как форма неприятия действий власти

Подобные заголовки достаточно типичны для данной газеты, так как в основе большинства статей «Слова коммуниста» лежит неприятие действий власти. Однако, критикуя, российские коммунисты не торопятся давать советы по тому или иному поводу. Подтверждением этому служат примеры. Эх, реформа! Кто ж тебя выдумал? (Ск. 2004. № 44). «Медвежья услуга»: порция за порцией (Ск. 2005. № 49). Партия «Единороссов» – это собрание чиновников, принимающих антинародные законы (Ск. 2005. № 40). Тысячи проклятий в адрес А. Скоца (Ск. 2005. № 35). Газета «Наш Белго-

род» как зеркало произвола власти (Ск. 2005. № 30). *Удавиться можно от такой жизни* (Ск. 2009. № 50). *Надо не искать «системное решение», а убрать ледяные торосы с улиц и дорог* (Ск. 2010. № 8).

Из приведенного языкового материала видно, что коммунисты недовольны действиями властей и выражают свое отношение эксплицитно. Кроме того, изучив языковой материал, мы пришли к выводу, что ранее (2004–2007 гг.) сторонники КПРФ просто высказывали свое отношение к действиям власти, не предлагая никаких альтернатив. В последнее время (2008–2010 гг.) намечается тенденция к появлению в некоторых случаях советов, предложений по решению тех или иных вопросов. Однако и в подобных предложениях-советах приверженцы КПРФ не смогли обойтись без иронии, тяготеющей к сарказму. Например: *Не лучше ль на себя оборотиться?* (Ск. 2008. № 47). Или: *Не пора ли принять нацпроект «избавим жизнь от абсурда»?* (Ск. 2009. № 39).

Отрицательная оценка действий власти выражается, как и в предыдущем случае, в лексике. Слова и словосочетания *беды, проклятия, произвол, абсурд, антинародные законы* и другие содержат негатив уже в своих значениях. Обратимся за подтверждением к словарям. Так, к примеру, лексема *произвол* в толковом словаре С. И. Ожегова имеет следующее толкование: «**Произвол** – 1. Своеволие, самовластие. *Произвол чиновников*» (ОШС). Толковый словарь современного русского языка под редакцией Г. Н. Спяревской дает такое определение: «**Произвол** – 1. Проявление своеволия, отсутствие всяких сдерживающих начал в поведении кого-либо. *Жесточайший тоталитаризм уживался и продолжает уживаться с беспрецедентным анархизмом... Возможность произвола сверху создает простор и для произвола на всех иных уровнях* (АиФ, 1992, №21)» (ТСЯИ). Таким образом, приведенные словарные дефиниции подтверждают нашу мысль о том, что отрицательная оценка, содержащаяся уже в самом значении слова, попадая в определенное контекстное окружение, еще больше усиливается.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что отрицательно-оценочные заголовки газеты «Слово коммуниста» способствуют повышению значимости прагматики текстов, увеличивая их экспрессивность и иллокутивную силу высказывания.

3. Заголовки-призывы

Заголовки данной группы содержит призыв, побуждающий читателя к действию. Например: *Подтянуться!* (Ск. 2004. № 4). *Не лгите на Советскую власть!* (Ск. 2005. № 51). *Белгородцы! Перекроем путь в областную думу разжиревшим на людском горе олигархам и чиновникам!* (Ск. 2005. № 40). *Власть – в отставку!* (Ск. 2005. № 38). *Не дать «Единороссам» вновь оккупировать областную думу* (Ск.

2005. №37). *Вперед, «Красная гвардия!»* (Ск. 2006. № 50). *Защитить русских!* (Ск. 2006. № 18). *К новым достижениям и успехам!* (Ск. 2007. № 3). *Очнитесь, люди!* (Ск. 2008. № 6). *Не сдаваться* (Ск. 2008. № 19). *Комсомолу – светлую дорогу!* (Ск. 2008. № 34). *Ветеранам труда – достойную заботу* (Ск. 2009. № 10).

Мы пришли к выводу, что в рамках данной подгруппы необходимо выделить в отдельную разновидность **заголовки-лозунги**, встретившиеся в газете «Слово коммуниста». Обычно по своей структуре (иногда и семантике) они уподобляются заголовкам-лозунгам периода советской эпохи, в частности такого типа, как *Даешь пятилетку за три года!* Особенность лозунгового вида заголовков рассматриваемой газеты состоит в том, что жанр лозунгов в настоящее время не является столь популярным и распространенным, как в советское время. Однако, как показывает языковой материал газеты «Слово коммуниста», на страницах изучаемого печатного издания данный жанр по-прежнему актуален и встречается практически в каждом номере. Подтвердим сказанное примерами: *Встань, деревня! Бей в колокола!* (Ск. 2004. № 45). *Руки прочь от Ленина!* (Ск. 2005. № 31). *Мы против Суркова и его камарильи!* (Ск. 2005. № 39). *Приди и проголосуй!* (Ск. 2005. № 40). *Власть – в отставку!* (Ск. 2005. № 38). *Осторожно: богатые!* (Ск. 2007. № 20). *Комсомолу – светлую дорогу!* (Ск. 2008. № 34). *Ветеранам труда – достойную заботу* (Ск. 2009. № 10). *Товарищ! Прочитай газету, передай ее другому!* – данный лозунг-призыв печатается в каждом номере газеты «Слово коммуниста» на последней странице. Модальность призывности достигается использованием глаголов в повелительном наклонении со значениями настойчивой просьбы, не сопровождаемой словами вежливого этикета типа *пожалуйста, будьте любезны* и т. п. (*передай газету, приди и проголосуй*), предупреждения и предостережения (*не лгите, очнитесь*) и категоричного приказа (*встань, бей*), глаголов в неопределенной форме с модусом категоричного совета, приказа (лозунговый вариант): *Защитить русских!* (Ск. 2006. № 18). *Остановить провокаторов антикоммунизма* (Ск. 2005. № 47). Инфинитив часто сопровождается модальными словами со значением крайней желательности или необходимости совершения действия, выраженного глаголом: *И все это надо решать!* (Ск. 2005. № 41). Аналогичное модальное значение передают и личные формы глаголов изъявительного наклонения с семантикой призыва к совместному действию: *Белгородцы! Перекроем путь в областную думу разжиревшим на людском горе олигархам и чиновникам!* (Ск. 2005. № 40). *Защитим ленинский мавзолей!* (Ск. 2005. № 48). *Противопоставим «нашистам» свои идеалы* (Ск. 2005. № 35) (*нашисты* – от названия молодежного движения «Наши»). Широко используются так-

же модальные экспрессивы типа *прочь, вон, долой*, например: *Долой хрущевскую клевету!* (Ск. 2004. № 47). *Руки прочь от мавзолея Ильича!* (Ск. 2005. № 41). На побуждение указывает также и то, что большая часть приведенных заголовков оформлена восклицательными предложениями, в целом заголовки данного типа достаточно эмоциональны и обладают высоким прагматическим потенциалом.

Заголовок – приглашение читателя к размышлению

Заголовки данной группы содержат в себе вопрос, адресованный читателю и приглашающий его поразмыслить над тем или иным высказыванием адресанта. Примеры: *Чего ждать от реформы социальной сферы?* (Ск. 2004. № 46). *Можно ли сменить курс России?* (Ск. 2004. № 48). *«Интеко» виновно. А власть?* (Ск. 2005. № 41). *Кто услышит ветеранов?* (Ск. 2005. № 39). *Найдет ли на нас затмение?* (Ск. 2005. № 38). *Что ждет «хирургию»?* (Ск. 2005. № 35). *Что за разборки?* (Ск. 2005. № 35). *Если власть – антинародна, нужна ли эта власть народу?* (Ск. 2005. № 28). *Кому приглянулся вуз?* (Ск. 2006. № 6). *Почем солнечные калории?* (Ск. 2006. № 5). *Отчего мы такие?* (Ск. 2006. № 18). *Кому поклоняется Хрусталева?* (Ск. 2007. № 37). *Как в таких условиях качественно лечить людей?* (Ск. 2007. № 33). *От социализма – к криминальному капитализму?* (Ск. 2007. № 20). *О чем молчат победные реляции?* (Ск. 2008. № 6). *Куда зовет КПРФ?* (Ск. 2008. № 19). *Что обещано, а что сделано?* (Ск. 2008. № 19). *А зачем нас приглашали?* (Ск. 2008. № 47). *Открыт еще один способ известить садоводов?* (Ск. 2008. № 34). *Россия погружается во мглу?* (Ск. 2009. № 50).

Заголовки данной разновидности посредством открытого вопроса, часто риторического, обращенного к читателю, способствуют привлечению внимания адресата к той или иной проблеме, повышению интереса к материалу газеты и, кроме того, увеличивают экспрессивность текстов данного издания.

Заголовок – предупреждение и/или угроза

Со страниц региональной газеты «Слово коммуниста» приверженцы КПРФ не просто выражают свое недовольство действиями власти, открыто критикуют ее, но и предупреждают своих читателей о возможной опасности, якобы исходящей со стороны «правлящей элиты». Кроме того, иногда встречаются заголовки, содержащие своего рода угрозы по отношению к тем, чьи действия, по мнению коммунистов, требуют отчета перед так называемым «простым народом» (*простой народ* – типичная номинация для исследуемой газеты). Подобные предупреждения и угрозы довольно часто встречаются и среди заголовков. Например: *Без нового курса, предлагаемого КПРФ, страну ждет катастрофа* (Ск. 2005. № 38). *Осторожно: «Мир Белогорья»!* (Ск. 2005. № 38). *С дубинками наперевес* (Ск. 2005. № 35). *Над кем глумитесь?* (Ск. 2005. № 31). *Политических*

вандалов – к ответу! (Ск. 2005. № 28). *Кто там против Сталина?* (Ск. 2005. № 28). *Сколько же можно обманывать?* (Ск. 2005. № 27). *Отъездили!* (Ск. 2006. № 20). *Нам втирают очки* (Ск. 2007. № 33). *Осторожно: богатые* (Ск. 2007. № 20). *Капитализм – путь Иуды* (Ск. 2007. № 3). *Льготников ждут нелегкие времена* (Ск. 2007. № 3). *То ли еще будет...* (Ск. 2009. № 10). *Не стоит плевать против ветра истории* (Ск. 2009. № 38).

Приведенные примеры показывают, что, уличая власть в тех или иных недостатках, коммунисты параллельно обращаются к своим читателям с предупреждениями – *Осторожно: богатые*; или *Льготников ждут нелегкие времена*. К инакомыслящим приверженцы КПРФ обращаются в весьма угрожающей форме, требуя от них разъяснения и ответа за свои действия: *Кто там против Сталина?* Или: *Политических вандалов – к ответу!*

Рассмотренный языковой материал показывает, что в целом заголовки газеты «Слово коммуниста» структурированы в соответствии с основными функциями, которые они обычно выполняют в газетах. В качестве специфической особенности рассматриваемых в данной статье заголовков отметим следующее: в преобладающем большинстве заголовков газеты «Слово коммуниста» информативная функция подавляется прагматической – нами отмечена их яркая оценочность и экспрессивность. Все заголовки так или иначе выражают стремление создателей газетных заметок привлечь внимание к публикации, заинтриговать читателя, вызвать на диалог – словом, не оставить получателя информации равнодушным. Выполняя разные функции в тексте, заголовки газеты «Слово коммуниста» высокоэкспрессивны и обладают большим иллюкативным потенциалом. Возможно, в этом заключается одно из их отличий от заголовков иных (скажем так: спокойных) газет. Анализируемая газета призвана волновать, тревожить своего читателя, возбуждать в нем агрессию, желание активно протестовать против власти, верить только КПРФ и поддерживать только эту партию, и эта функция выполняется, в частности, заголовками к газетным статьям.

ЛИТЕРАТУРА

Богомолова Ю. А. Функции заголовочных комплексов в томских газетах // Актуальные проблемы речевой культуры и теории текста: научные труды Лаборатории русской речевой культуры и теории текста Томского государственного педагогического университета / под ред. Болотновой Н. С. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2009. С. 68–73.

Горбунов А. П. Язык и стиль газеты: учеб. пособие. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1974.

Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 90–106.

Павлова Е. К. Лексические аспекты дисгармонии политического дискурса // Филологические науки. 2008. № 1. С. 85–93.

Ян Кэ

Гуанчжоу, Китай

Yan Ke

Guanchzhou, China

**ИССЛЕДОВАНИЕ
ЛОЗУНГОВ И СЛОГАНОВ В КИТАЕ
В ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ**

ГСНТИ 16.21.27; 16.01.11

Аннотация. Статья посвящена проблемам исследования лозунгов и слоганов в Китае в последние десятилетия. Указываются основные подходы к изучению данной проблемы и тенденции в ее исследовании, дается характеристика наиболее показательных публикаций.

Ключевые слова: лозунги и слоганы; модели исследования; последнее десятилетие XX века; первое десятилетие XXI века.

Сведения об авторе: Ян Кэ, кандидат филологических наук, профессор факультета русского языка Института европейских языков и культур.

Место работы: Гуандунский университет иностранных языков и внешней торговли.

Контактная информация: 510420, Китай, пров. Гуандун, проспект Байюньдадао, д. 2.
e-mail: mashayang1963@yahoo.com.cn, mashayang@mail.ru.

**RESEARCH ON
CATCHWORDS AND SLOGANS
IN CHINA IN RECENT DECADES**

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The article discusses problems of investigation of catchwords and slogans in China in recent decades. The main approaches to the problem and tendencies of investigation are mentioned in the article. The most significant publications on the problem are listed.

Key words: catchwords and slogans; investigation models; last decades of the XX century; first decade of the XXI century.

About the author: Yan Ke, Candidate of Philology, Professor of the Faculty of the Russian Language at the Institute of European Languages and Cultures.

Place of employment: Guandun University of Foreign Languages and Foreign Trade.

Введение

Лозунги как разновидность социального дискурса представляют собой важное культурное явление, широко используются во всем мире. Лозунги – крайне важный феномен в жизни и культуре китайского народа. Он влияет на жизнь и язык китайцев так глубоко, что нельзя обойтись без его изучения. В китайском языке для обозначения данного понятия употребляется следующее слово: 标语口号 (biao yu kou hao). В авторитетном толковом словаре китайского языка «Цы Хай» (Море слов) имеется следующая трактовка: «口号 (kou hao) – это краткое и четкое побуждающее к действию выражение, выдвинутое для достижения определенных целей и выполнения определенных задач» [Цы Хай (Море слов) 1979: 1649].

Использование лозунгов в целях социальной мобилизации было распространенным явлением во все периоды человеческой истории. Китай считается нетривиальной страной в области применения лозунгов и слоганов. В Китае лозунги и слоганы можно увидеть практически везде: и на высоких ракетных пусковых установках, и на движущихся автомобилях, и на стенах и стеклянных поверхностях городских высотных зданий, и на стенах простых домов глухих деревень.

Без исключения все правители в истории Китая – от первого императора Цин Шихуана до вождей крестьянских восстаний разных времен, от Сун Ятсена до Мао Цзэдуна – обращались к лозунгам. В современном Китае лозунги распространены повсюду, от больших городов до глухих деревень. Не будет преувеличением назвать Китай "страной моря лозунгов". Лозунги в Китае отличаются огромным количеством, широким распространением, сложным содержанием,

многообразными формами и теснейшей связью с общественной жизнью.

Исследование лозунгов в Китае в последнее десятилетие XX века

Как культурно значимое языковое явление, лозунги привлекали и привлекают внимание ученых нашей страны и зарубежных специалистов. Особенно с последнего десятилетия прошлого века китайские исследователи разных направлений проявляли большой интерес к феномену лозунга. Следует, наверное, прежде всего отметить монографию Ю Геньюаня «Анализ 400 высказываний лозунга-рекламы» [Ю Геньюань:1992]. За последние десять лет прошлого века статей, посвященных названной проблеме, насчитывалось более сотни. Их авторы отличаются друг от друга областью знаний, методологией и научными интересами, соответственно, и фокус их внимания неодинаков. В целом можно выделить следующие основные модели описания.

1. Критическая модель

К данной группе относятся работы, где авторы критикуют и корректируют отдельные лозунги, распространяемые при помощи СМИ. В этих работах главным образом обращается внимание на следующие вопросы: во-первых, соответствуют ли лозунги, являющиеся общественным явлением, нормам общества? Во-вторых, если не соответствуют, то как следует исправить такое положение? Авторы статей данной группы главным образом рассматривают проблему влияния лозунгов (в большинстве случаев – негативного) на общество. В конечном итоге ученые призывают производителей лозунгов уделять больше внимания их социальному имиджу: "Если в нашей стране не жаль потратить большие деньги на производство коммерческой рекламы, то инвестиции в

создание лозунгов чрезвычайно малы» [Тань Чжэнмин 1997: 41].

2. Модель простого перечисления

В данную группу входят публикации, в которых собраны лозунги по определенным регионам и тематикам, но отсутствует их анализ и обсуждение, например, «Лозунги к Пятой всекитайской переписи населения» [Статистика Цзянсу 2000], «Лозунги в честь возвращения Аомыня» [Сельские финансы и бугатерия 1999], «Культура лозунгов в сфере лесного хозяйства» [Лесное хозяйство Шаньси 1994], «Собирание лозунгов в сфере лесного хозяйства» [Лю Сяньчэн 1994], «Лозунги к десятилетию Дня противопожарных мер в городе Шанхай» [Пожарная профилактика в Шанхае 2000]. Вышеперечисленные статьи опубликованы в основном в ненаучных журналах, главная цель которых заключается в усилении пропаганды, поэтому подобные работы, как правило, не отличаются высокой научностью, к тому же в основном органичивается одним перечислением примеров-лозунгов, поэтому нередко даже не указываются авторы.

3. Модель, ориентированная на нормативность языка

К данной группе относятся работы, посвященные вопросам формирования лозунгов, правил словоупотребления и т. п. В данном случае лозунги рассматриваются как языковое явление. По мнению многих исследователей, как всякое языковое явление, лозунги должны соответствовать общим нормам языка. В их работах на основе анализа многочисленных примеров показывается, в чем отражается нарушение языковых норм в лозунгах. Примером могут служить следующие работы: «Немного о языке лозунгов» [Чжан Чиюн 1983], «О языке лозунгов и слоганов» [Лю Фэнлин 1999]

4. Эстетическая модель

Особенность работ данной группы заключается в том, что в них лозунги воспринимаются как объект эстетики. Авторов ряда статей интересуют такие аспекты лозунгов, как языковое мастерство, проявляющееся в отдельных лозунгах и достигнутых ими эстетических эффектах. В статьях данной группы рассматриваются вопросы, связанные с усилением выразительности и экспрессивности лозунгов со стилистической и лингвистической точек зрения. Например, этому посвящена работа «Немного об искусстве языка лозунгов» [Цю Лицинь 1998]. В данных работах анализируются функции рекламных слоганов, их характерные черты и способы их формирования, а также указываются имеющиеся проблемы, предлагаются пути их решения.

5. Модель воспроизводства исторических событий

Особенностью работ данной группы является то, что внимание исследователей концентрируется на содержании лозунгов, в которых отражаются определенные формы и события социальной жизни, в процессе анализа этих

лозунгов характеризуются исторические факты и сцены. В работах данной группы главным образом обсуждается взаимосвязь между лозунгами и общественной жизнью, подчеркивается, что лозунги могут помочь нам узнать историю страны. Например, в статье Ли Чжуана «Лозунги Красной армии, высеченные на камне» [Ли Чжуан 1994] воспроизведены исторические картины активной пропагандистской работы Красной армии.

6. Модель, направленная на изучение перевода лозунгов с китайского на английский

Статьи данной группы в основном посвящены исследованию языковых и культурных особенностей лозунгов с точки зрения теории и практики перевода. В этих работах уделяется большое внимание специфике языка лозунгов, подчеркивается, что в процессе их перевода важно сохранить не только буквальный смысл, но и культурные коннотации. Например: «О восприятии английского перевода туристических лозунгов» [Хэ Чжифань 1994]; «Анализ ошибок в английском переводе лозунгов и вывесок» [Яо Баожун, Пань Хуйся 1999]; «Решение проблемы языковых и культурных различий в процессе перевода лозунгов с китайского языка на английский» [Ло Фатянь 1999]. По мнению автора статьи «О проблеме перевода китайских лозунгов на английский язык» [У Вэйсюн 1998], вопросы перевода (особенно англоязычного) китайских лозунгов становятся все более актуальными и являются довольно сложными. Неизбежность возникновения этой проблемы нетрудно понять: страна с каждым днем становится все более открытой. Сложность проблемы обусловлена тем, что ситуация с переводом лозунгов в Китае выглядит плачевно с одной стороны и смешной с другой, что проявляется в наличии большого количества буквальных и неправильных переводов и, что еще хуже, стихийных переводов лозунгов.

Из вышесказанного видно: нельзя сказать, что монографий по интересующему нас вопросу много, но в то же время можно сказать, что подходов к изучению данной проблематики немало. Однако для такой крупной во всех отношениях страны, в том числе и в отношении культуры лозунгов, явно не хватает систематического и рационального изучения данного объекта, что проявляется в первую очередь в несистематичности сбора материалов: собранных материалов для глубокого изучения лозунгов недостаточно, прежде всего не хватает материалов, собранных на научной, особенно экспериментальной, основе. В настоящее время собирание текстов лозунгов осуществляется главным образом двумя путями:

1. Выбирают определенные районы и переписывают наиболее типичные для них лозунги. В основном это работы, опубликованные в ненаучных журналах.

2. Для изучения выбирают лозунги по отраслям или тематическим сферам. Например:

«Лозунги, оставленные Красной армией во время пребывания в Ляншань» [Чэнь Цзихун 1999], «Изменения лозунгов на стройках» [Сунь Шусюе 1999].

Между тем для исследования проблемы лозунгов нужно прежде всего произвести научное рассмотрение их видов, количества и состояния; несистематизированных языковых материалов отнюдь не достаточно. Несистематичность проявляется и в теоретическом плане. Большинство публикаций нельзя назвать научными работами, скорее они представляют собой очерки, в них отсутствует серьезный теоретический анализ. Удивительно, что отсутствуют фундаментальные работы, написанные лингвистами, особенно социолингвистами и специалистами по стилистике.

Исследование лозунгов в Китае в первое десятилетие XXI века

В настоящее время можно констатировать, что изучение лозунгов в нашей стране находится в стадии активного роста. В первое десятилетие нового века исследование лозунгов заметно активизировалось, филологи и социологи стали уделять еще больше внимания изучению соответствующих проблем, сильно увеличилось число работ, среди которых немало интересных, посвященных различным аспектам лозунгов. В периодике самого разного типа, и прежде всего в академических научных журналах, публикуются работы, посвященные интересующей нас проблеме. Эта проблема также стала объектом исследования в докторских и магистерских диссертациях. К тому же, помимо «магистерских» вопросов в области лозунгов, исследуются и более или менее «периферийные». Все они, однако, так или иначе связаны с проблемой лозунга. Следует обратить внимание прежде всего на следующие работы: коллективная работа «Лозунги – звучащий клич времен» [Ван Юнхон 2002] и две книги Чжоу Вэя – «Лозунги и слоганы – звучащий клич времен» [Чжоу Вэй 2003] и «Клич – лозунги и слоганы одного века» [Чжоу Вэй 2005]. Характерные черты изучения проблем лозунгов в последнее десятилетие проявляются в следующих аспектах:

1. Диапазон работ, представленных на страницах журналов, разнообразен не только по тематике: наряду с эмпирическим анализом конкретного материала («Реализация и обратная реакция цели – исследование коммерческих лозунгов города Бомин провинции Шаньси» [Лу Цяоцзе, Цай Ли Ю 2004]; «Исследование и анализ эффективности наружных лозунгов некоммерческого характера в городе Шанхай – социолингвистическое рассмотрение» [Чжан Цзя 2005], «Об изменении деревенских лозунгов и их функциях» [Хэ Сюэцзюань 2006]; «Несколько вопросов в связи с деревенскими лозунгами» [Сюй Гоюй 2005]) найдется здесь и теоретическое обобщающее исследование, и обзорные публикации («Политические лозунги

КПК: традиция, изменения и вдохновение» [Чжан Биньвэн 2007]; «Дискуссия о китайских лозунгах» [Чжу Вэньциан 2008]; «О гонконгских лозунгах» [Ай Фужэнь, Гао Сюньхуэй 1996]). Исследование лозунгов представлено как работами обобщающего характера, так и анализом конкретного материала.

2. Лингвистические и стилистические особенности лозунгов по-прежнему привлекают внимание многих исследователей. Лозунги и слоганы созданы с помощью языка, прежде всего эти тексты являются продукцией языка и должны быть объектом лингвистического и стилистического исследований, чем и объясняется наличие большого количества статей, выполненных в данном русле: «Рекламные слоганы: анализ языковых особенностей» [Чжао Синь 2005]; «Искусство языка рекламы-лозунга» [Циан Шаоцин 2001]; «Рассмотрение текстов деревенских лозунгов в аспекте жанров особенностей и стиля» [Ло Тайфа 2008]; «О стилистике деревенских лозунгов» [Линь Симэй 2010]; «Анализ языковых особенностей лозунгов на территории вузов» [Кэ Сианьбин, Чжу Данфэн 2007]; «О языке лозунгов и слоганов» [Лю Фэнлин 2004]; «Искусство языка рекламы-лозунга» [Чзянь Шаоцин 2001]; «Грамматические аспекты современных китайских слоганов» [Чжан Пин 2006] и др.

3. Очевиден рост интереса к социально-исторической стороне лозунгов. Лозунги и слоганы, как своего рода социальный дискурс, – важное социально-культурное явление, изучение проблемы не будет полным без применения социально-исторического или социально-культурного подхода, поэтому вполне понятно, почему немало исследователей обращается к анализу данного аспекта лозунгов и слоганов, например: «Устремленность и участие – о гуманитарном значении олимпийских лозунгов» [Ли Сяоин 2004]; «Исторические особенности лозунга *строительство среднезажиточного общества*» [Жон Чжицзюнь 2003]; «Размышление о лозунгах, связанных с последствиями землетрясения и поддержкой страдавших в нем» [Хэ Бо 2008]; «Отражение эволюции концепции правительства в изменениях лозунгов» [Ю Чжэнцзюнь 2007]; «60 лет культуры лозунга: свидетельство изменений времени» [У Чжэнь 2009]; «Ценностные установки и их выражение в изменении лозунгов» [Гон Вэйбинь 2007]; «Происхождение и эволюция лозунгов с компонентом *догнать* в истории КНР» [Яо Жуньтянь 2009]; «Изменения политических лозунгов КПК и вдохновение» [Чжан Шулин 2007]; «Политические лозунги КПК: традиция, изменения и вдохновение» [Чжан Биньвэн 2007] и др.

4. Активизируется сравнительно-сопоставительный подход в изучении лозунгов. Сравнительно-сопоставительные исследования занимают заметное место среди публикаций, причем сопоставление проводится не только на языковом уровне, но и на культурном: «Сравни-

тельное исследование китайских и английских лозунгов» [Лю Чзяюан 2006]; «Сравнительное исследование концепций культурных ценностей в китайских и американских рекламных слоганах» [Линь Хоншэн 2007]; «О культурных различиях в китайских и английских лозунгах» [Чжэн Инь 2009]; «Сопоставительное исследование языковых особенностей лозунгов на китайском и английском языках и принципов их перевода» [Нин Донсин 2008] и др.

5. Появился интертекстуальный подход в изучении данного объекта. Вопросам интертекстуальности в лозунгах уделяется немало внимания: «Интертекстуальный аспект исследования перевода рекламных слоганов» [Цзян Сюань 2007]; «Анализ интертекстуальности в английской печатной рекламе» [Ван Хуэйшэн 2006]; «Анализ интертекстуальности в английской рекламе, награжденной призами» [Чжэн Кэчинь 2004].

6. Проблема перевода лозунгов остается в центре внимания исследователей. Вопросы перевода лозунгов, особенно переводческие стратегии, затрагиваются также во многих работах, причем обсуждаются проблемы перевода с китайского на другие (пока лингвисты в основном ограничиваются английским) языки и обратно, например: «Проблема китайских лозунгов и их перевода» [Хуан Хуамин 2002]; «Прагматическо-стилистический анализ текста перевода лозунгов для внешней пропаганды» [Чжэн Сяовэй, 2007]; «О социальных рекламных слоганах и их переводе» [Дин Шаибин 2005]; «О проблеме восприятия английского перевода спортивных лозунгов» [Шен Цзичэн 2008]; «О стратегии перевода китайских лозунгов: От "Новый Пекин, Великая Олимпиада" до "NEW BEIJING, GREAT OLYMPICS"» [Юй Чэнфа 2002]; «О стратегии английского перевода китайской коммерческой рекламы в аспекте анализа дискуссии (дискуссионный подход к анализу...)» [У Хаохао 2007]. В связи с тем, что язык и культура, перевод и культура взаимосвязаны теснейшим образом, одним из ключевых моментов в исследовании перевода лозунгов являются культурные элементы. В качестве примеров можно привести следующие статьи: «Преобразование культурных образов в переводе рекламы» [Сан Юоу, Ли Дин 2003]; «Отражение культурных факторов в переводе коммерческих рекламных слоганов» [Сун Айна 2009].

8. Китайские культурные элементы в лозунгах находятся в фокусе особого внимания исследователей. Между лозунгами и слоганами разных стран существуют не только сходства, но и различия. Китайские лозунги и слоганы отличаются национально-культурной спецификой, в них ярко выражается китайский колорит: «Об использовании образов знаменитостей Древнего Китая в рекламе» [Чжан Цзянь 2009]; «Китайский колорит в современной рекламе» [Ян Лу 2006]; «Об употреблении китайских тра-

диционно-культурных элементов в рекламных слоганах» [Чжао Хонмэй 2008]; «Продолжение традиционной культуры в социальных рекламных плакатах» [Лю Ган 2008]; «О влиянии древней поэзии на создание рекламных слоганов» [Чжэн Шаогуй 2007] и др.

Несомненно, лозунги играли и играют важную роль в жизни китайского народа. На протяжении жизни многих поколений китайцев в лозунгах и слоганах отражались реформы, определенные общественно значимые явления и языковой вкус эпохи. С проведением политики реформ и открытости политическая жизнь в стране стала разнообразной, что выражается в содержании и форме лозунгов и слоганов. В условиях становления и развития рыночной экономики и в контексте глобализации повышаются самосознание и способность самостоятельного мышления людей, в результате чего они больше не следуют за лозунгами слепо, как в прошлом. В связи с этим перед правительством и общественными институтами стоит проблема – как использовать лозунги, чтобы эффективно мобилизовать общество? В то время, когда управление страной в соответствии с законом стало основным управленческим принципом, когда политика страны ориентирована на интересы людей, когда происходит процесс гармоничного развития общества, лозунги нуждаются в реструктуризации и изменении своего облика. Все это требует, чтобы их авторы создавали для общества лозунги, соответствующие закономерностям развития социума и отражающие потребности времени, способствуя тем самым общественному прогрессу.

ЛИТЕРАТУРА

Ай Фужэнь, Гао Сюньхуэй. О гонконгских лозунгах // Рекламная панорама (Комплекстное издание). 1996. № 6.

Ван Хуэйшэн. Интертекстуальный подход в изучении проблем перевода рекламы: Дис. ... маг. фил. н. – Гуанчжоу, 2006.

Ван Юнхон [и др.] Лозунги – звучащий клич времени – Пекин: Изд-во Гуанмин жибао, 2002.

Гон Вэйбинь. Ценностные установки и их выражение в изменении лозунгов // Народный форум. 2007. № 18.

Дин Шаибин. О социальных рекламных слоганах и их переводе // Вестник Сяоганского института. 2005. № 5.

Жон Чжицзюнь. Исторические особенности лозунга *строительство среднезажиточного общества* // Вестник Океанического (океаногеографического) института. Серия Гуманитарные науки. 2003. № 4.

Культура лозунгов лесного хозяйства // Лесное хозяйство Шаньси. 1994. № 2.

Кэ Сианьбин, Чжу Данфэн. Анализ языковых особенностей лозунгов на территории вузов // Вестник высшего заочного образования. Серия философия и социальные науки. 2007. № 4.

- Ли Сяоин. Устремленность и участие: о гуманитарном значении олимпийских лозунгов // Вестник Пекинского университета физкультуры 2004. № 11.
- Ли Чжуан. Лозунги Красной армии, вырезанные в камне // Китайская народная армия. 1994. № 6.
- Линь Симэй. О стилистике деревенских лозунгов // Исследование по филологии. Серия Высшее образование. 2010. № 2.
- Линь Хуншэнь. Сравнительное исследование концепций культурных ценностей в китайских и американских рекламных слоганах: Дис. ... маг. филол. наук. – Пекин, 2007.
- Ло Тайфа. Рассмотрение текста деревенских лозунгов в аспекте жанровых особенностей и стиля // Науки для всех: научное исследование и практика. 2008. № 20.
- Ло Фатянь. Решение проблемы языковых и культурных различий в процессе переводе лозунгов с китайского языка на английский // Обучение иностранным языкам в Шаньдуне. 1999. № 2.
- Лозунги в честь возвращения Аомыня // Сельские финансы и бугатерия. 1999. № 12.
- Лозунги к десятилетию Дня противопожарных мер в городе Шанхае // Пожарная профилактика в Шанхае. 2000. № 11.
- Лозунги к Пятой всекитайской переписи населения // Статистика Цзянсу. 2000. № 1.
- Лу Цяоцзе, Цай Лию. Реализация и обратная реакция цели: исследование коммерческих лозунгов города Бомин провинции Шаньси // Стилистические исследования. 2004. № 6.
- Лю Ган. Продолжение традиционной культуры в социальных рекламных плакатах // Информации науки и техники. 2008. № 31.
- Лю Сяньчэн. Собрание лозунгов в сфере (области) лесного хозяйства // Лесное хозяйство Шаньси. 1994. № 4.
- Лю Фэнлин. О языке лозунгов и слоганов // Исследование стилистики. 2004. № 4.
- Лю Чзяююн. Сравнительное исследование китайских и английских лозунгов: Дис. ... маг. филол. наук. – Шанхай, 2006.
- Нин Донсин. Сопоставительное исследование языковых особенностей лозунгов на китайском и английском языках и принципов их перевода // Литература кино. 2008. № 22.
- О языке лозунгов и слоганов // Изучение стилистики. 1999. № 1.
- Сан Йоу, Ли Дин. Преобразование культурных образов в переводе рекламы // Китайский научно-технический перевод. 2003. № 3.
- Сун Айна. Отражение культурных факторов в переводе коммерческих рекламных слоганов // Летопись Хэйлунцзянь. 2009. № 20.
- Сунь Шусюе. Изменения лозунгов на стройках // Строительство и филология. 1999. № 2.
- Суй Гюй. Несколько вопросов в связи с деревенскими лозунгами // Литературное образование. 2005. № 5.
- Тань Чжэнмин. Возможны ли более (культурные) цивилизованные лозунги // Форум поселков и городов. 1997. № 1.
- У Вэйсюн. О проблеме перевода китайских лозунгов на английский язык // Китайский перевод. 1998. № 1.
- У Хаохао. О стратегии английского перевода китайской коммерческой рекламы в аспекте анализа дискуссии (дискуссионный подход к анализу): Дис. ... маг. филол. н. – Гуанчжоу, 2007.
- У Чжэнь. 60 лет культуры лозунга: свидетельство изменений времени // Обеспечение занятости. 2009. № 8.
- Хуан Хуамин. Проблема китайских лозунгов и их перевода: Дис. ... маг. фил. н. – Гуанси, 2002.
- Хэ Бо. Размышление о лозунгах, связанных с последствиями землетрясения и поддержкой страдавших в нем // Народные обычаи. 2008. № 10.
- Хэ Сяоюань. Об изменении деревенских лозунгов и их функциях // Литературная и историческая эрудиция. 2006. № 16.
- Хэ Чжифань. О восприятии английского перевода туристических лозунгов // Китайский перевод. 1994. № 4.
- Цзян Сюань. Интертекстуальный аспект исследования перевода рекламных слоганов: Дис. ... маг. филол. наук. – Гуанчжоу, 2007.
- Циан Шаоцин. Искусство языка рекламы-лозунга // Вестник Хунаньского института образования. 2001. № 6.
- Цы Хай. – Шанхай: Шанхайское издательство Цышу, 1979.
- Цю Лицинь. Немного об искусстве языка лозунгов // Вестник Ланьюнганского образовательного института. 1998 № 1.
- Чжан Биньвэн. Политические лозунги КПК: традиция, изменения и вдохновение // Теоретические исследования. 2007. № 5.
- Чжан Пин. Грамматические аспекты современных китайских слоганов: Дис. ... д-ра. филол. н. – Нанкин, 2006
- Чжан Цзя. Исследование и анализ эффективности наружных лозунгов некоммерческого характера в городе Шанхае: социолингвистическое рассмотрение: Дис. ... маг. филол. наук. – Шанхай, 2005.
- Чжан Цзянь. Об использовании образов знаменитостей Древнего Китая в рекламе // Любители журналистики. 2009. № 1.
- Чжан Чиюн. Немного о языке лозунгов // Изучение китайского языка. 1983. № 4.
- Чжан Шулин. Изменения политических лозунгов КПК и вдохновение // Цзянханьский форум. 2007. № 5.
- Чжао Синь. Рекламные слоганы: анализ языковых особенностей: Дис. ... маг. филол. н. – Далянь, 2005.
- Чжао Хонмэй. Об употреблении китайских традиционно-культурных элементов в рекламных слоганах // СМИ сегодня. 2008. № 10.
- Чжоу Вэй. Лозунги и слоганы –звучащий клич времен. – Изд-во Гуанмин жибао, 2003.
- Чжоу Вэй. Клич – лозунги и слоганы одного века. – Изд-во Гуанмин жибао, 2005.
- Чжу Вэньциан. Дискуссия о китайских лозунгах: Современная филология // Лингвистическое исследование. 2008. № 10.
- Чжэн Кэчинь. Анализ интертекстуальности в

английской рекламе, награжденной призами: Дис. ... маг. филол. наук. – Гуанчжоу, 2004.

Чжэн Инь. О культурных различиях в китайских и английских лозунгах // Бизнес для всех (Общественный бизнес). 2009. № 9.

Чжэн Сяовэй. Прагматическо-стилистический анализ текста перевода лозунгов для внешней пропаганды // Вестник Фучжоуского университета. 2007. № 1.

Чжэн Шаогуй. О влиянии древней поэзии на создание рекламных слоганов // Современные средства общения. 2007. № 6.

Чэнь Цзихун. Лозунги, оставленные Красной армией во время пребывания в Ляншань // Культурные ценности Сычуань. 1999. № 4.

Шен Цзичэн. О проблеме восприятия английского перевода спортивных лозунгов // Вестник Южно-Китайского технологического университета. Серия Гуманитарные науки. 2008. № 2.

Ю Геньюань. Анализ 400 высказываний лозунга-рекламы. – Китайские общественные науки, 1992.

Ю Чжэнцзюнь. Отражение эволюции концепции правительства в изменениях лозунгов // Решение и стратегия. 2007. № 10.

Юй Чэнфа. О стратегии перевода китайских лозунгов: От “Новый Пекин, Великая Олимпиада” до “NEW BEIJING, GREAT OLYMPICS” // Вестник Шаоянского педагогического колледжа. 2002. № 4.

Ян Лу. Китайский колорит в современной рекламе // Вестник Чэндунского образовательного института. 2006. № 10.

Яо Баожун, ПаньХуйся. Анализ ошибок в английском переводе лозунгов и вывесок // Вестник Сианского института иностранных языков. 1999. № 2.

Яо Жуньтянь. Происхождение и эволюция лозунгов с компонентом *догнать* в истории КНР // Исследование учения Мао Цзэдуна. 2009. № 2.

© Ян Кэ, 2010

РАЗДЕЛ 2. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

УДК 81'255.4:811.112.2(09)

М. Л. Алексеева
Екатеринбург, Россия

РЕАЛИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА РОССИИ XIX ВЕКА В НЕМЕЦКИХ ПЕРЕВОДАХ

ГСНТИ 16.21.27

Аннотация. В статье освещаются особенности трансляции реалий государственного устройства России XIX века в немецких переводах конца XIX в., начала, середины, конца XX в. и начала XXI в. на материале параллельных переводов романов Ф. М. Достоевского. Анализируются техника перевода реалий и степень адекватности при существующей высокой вариативности с учетом ряда факторов. Реалии рассматриваются как частотные самостоятельные единицы перевода. Автор затрагивает также причины, недостатки и преимущества различных подходов к пониманию сущности этой единицы перевода в современном переводоведении.

Ключевые слова: реалии; государственное устройство России XIX в.; приемы передачи на иностранный язык; сопоставительный анализ; качество перевода.

Сведения об авторе: Алексеева Мария Леонардовна, кандидат филологических наук.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.
e-mail: maria.alekseyeva@gmail.com.

M. L. Alekseyeva
Ekaterinburg, Russia

RUSSIAN REALIAS DENOTING THE STATE STRUCTURE IN RUSSIA OF THE XIX CENTURY IN GERMAN TRANSLATIONS

Код ВАК 10.02.20

Abstract. The paper is devoted to the aspects of translation the realias denoting the state structure in Russia of the XIX century in German translations of the late 19th, 20th and the early 21st centuries. The analysis is accomplished on the material of parallel translations of novels by Dostoyevsky. Translation techniques and degree of adequacy are analyzed taking into consideration different factors. Realias are treated as frequently used independent translation units. The author also tackles causes, advantages and disadvantages of different approaches to the understanding of this phenomenon in today's science of translation.

Key words: realia; the state structure in Russia of the 19th century; translation techniques; contrastive analysis; quality of translation.

About the author: Alekseyeva Maria Leonardovna, Candidate of Philology, Assistant Professor.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Практика перевода художественных текстов демонстрирует сложность передачи национальной специфики и обнаруживает необходимость ее более детального изучения. Задача переводчика заключается не только в умении выявить единицы перевода с национально-культурным компонентом значения, но и в понимании того, что и как следует сохранить в переводе. В данной статье мы рассмотрим эти вопросы на примере реалий государственного устройства России XIX века.

Понятие «реалия» в переводоведение введено основоположником Ленинградской школы перевода А. В. Федоровым [Фёдоров 1949: 26] и на протяжении всего периода развития данной научной дисциплины остается предметом многочисленных исследований [Л. Н. Соболев 1958, В. Россельс 1955, Г. В. Чернов 1958, Табахьян 1963, В. Н. Крупнов 1976, В. С. Виноградов 1978, С. Влахов, С. Флорин 1980, W. Kutz 1981, J. Quark-Stoilova 1984, Е. В. Бурбак 1986, Н. Vermeer 1986, Г. Д. Томахин 1988, W. Koller 1992, N. Cartagena 1994, S. Kreuzer 1997, W. Gladrow 1998, E. Markstein 1999, E. Forgacs 2003, P. R. Steuer 2004, A. Ertelt-Vieth 2004, И. С. Брилева 2004, P. Kujamaki 2004, S. Döring 2006, Н. А. Фененко 2006, J. Kohrs 2008, Н. А. Матвеева 2009, Z. Verják 2010] по не-

скольким причинам: будучи лингвистической универсалией, реалии наличествуют во всех языках мира, но в силу национальной и исторической маркированности эти единицы не могут иметь эквивалентов в других языках, что значительно осложняет межкультурную трансляцию. Исследователи отмечают их высокую частотность в аутентичных текстах и существенную трудность при понимании иностранной речи [Успенская 2009: 4].

В настоящее время научным сообществом продолжают активно обсуждаться вопросы определения данного феномена [G. Melika 2004, P. Szatmáry 2008, А. А. Успенская 2009, Е. В. Харитоновна 2010], уточнения объема понятия [Н. А. Фененко 2007, М. Л. Алексеева 2008], передачи в разных типах текстов и языковых парах [И. А. Киселева 2007, А. М. Антонова 2007, Н. А. Фененко 2008, А. П. Бабушкин 2008, С. В. Семочко 2008, Г. И. Шевелева, Т. А. Шкурина 2008, С. В. Вишаренко 2009, Л. Ю. Назаренко 2010, Н. Ю. Арошидзе 2010, О. В. Соболева 2010] и отражения в словарях [О. Н. Иванищева 2010].

Следует отметить, что проблема выбора термина для именования уникальных национально-специфичных лексических единиц возникла с момента выделения переводоведения

как самостоятельной дисциплины в середине XX в. и обострилась в конце XX – начале XXI вв. в связи со сменой лингвистических парадигм и повышением внимания к вопросам языка и культуры. Наука о переводе, как и другие гуманитарные дисциплины, переживает культурологический поворот, обусловленный рядом объективных и субъективных причин развития современного гуманитарного образования [Гришаева 2004: 21]. В результате данный языковой феномен становится предметом всестороннего изучения в смежных дисциплинах: сопоставительной лингвистике, лингвострановедении, лингвокультурологии, этнопсихолингвистике, теории межкультурной коммуникации, методике обучения иностранным языкам. Это приводит к расширению понятия и появлению новых терминов, которые также стали использоваться в переводческих исследованиях. По нашему мнению, применение терминов смежных дисциплин с различным объемом понятия не приводит к накоплению знаний в области трансляции этого слоя лексики.

Определение данного языкового и культурного феномена полностью зависит от целей проводимого исследования [подробнее см. Алексеева 2008]. Признавая целесообразность различных подходов к трактовке реалии в смежных дисциплинах, наиболее актуальным для переводческих исследований считаем термин *реалия* в узком понимании¹, т. е. как нарицательные имена существительные, именуемые уникальные предметы и явления. Имена собственные, цитаты, крылатые слова, фразеологизмы, пословицы, поговорки, а также окказионализмы, термины, диалектизмы – самостоятельные объекты перевода, обладающие своими признаками и приемами передачи на иностранном языке. Отметим обязательные признаки реалий:

а) уникальность – именование единственных в своем роде предметов и явлений;

б) национальная маркированность – специфичность для конкретного общества с единым языком, культурой, территорией, т. е. для одной нации;

в) устойчивость – даже хорошо освоенные другими языками реалии сохраняют свою специфику, т. е. национальная маркированность со временем не стирается;

г) принадлежность к апеллятивной лексике, к нарицательным именам существительным.

Такой подход дает ответ на значимый для интересующей нас дисциплины вопрос о единицах перевода и обеспечивает достоверность результатов переводческих исследований.

Основной проблемой при передаче реалий на иностранный язык является отсутствие эквивалента такого же уровня в языке перевода. Исключение составляет небольшой процент

освоенных реалий, закрепленных в словарях переводящего языка.

По своей природе уникальные национально-специфичные лексические единицы не могут иметь соответствий в других языках вследствие отсутствия соответствующих предметов и понятий. Следовательно, переводчику приходится подбирать варианты передачи, исходя из контекста, с помощью ряда переводческих приемов.

Подчеркнем, что и проблема классификации приемов остается по-прежнему актуальной [Бурукина 2007: 72]. Поскольку в теоретических трудах предлагается разный перечень переводческих операций с неунифицированной терминологией, считаем целесообразным систематизировать их по типам, выделив основные приемы:

1. Приемы механической передачи

1.1. Прямой перенос

moʊjik – moujik.

1.2. Транслитерирование

водка – Wodka.

1.3. Транскрибирование

кафтан – Kaftan.

2. Приемы создания нового слова

2.1. Калькирование

в избушках на курьих ножках – in Häusern auf Hühnerbeinen.

2.2. Авторский неологизм

косоворотка – Russenhemd.

3. Разъясняющие приемы

3.1. Описание

однодворцы – ...sie besaßen nur ein einziges Gut.

3.2. Пояснения внутри текста

поддевка – ...der langschößige altrussische Rock...

Пояснения в сносках

вершок – Werschok = 4,45 cm

Пояснения в комментарии

штабс-капитан – Ein niedriger Offiziersrang, nach der russischen Rangtabelle der drittletzte, der keine Entsprechung im deutschen Heer hatte.

4. Уподобляющие приемы.

4.1. Замена своим аналогом

водка – Schnaps.

4.2. Замена чужим аналогом

дача – Chalet.

4.3. Родо-видовые замены

половой – Kellner (гипероним).

уезд – Kreisstadt (гипоним).

4.4. Контекстуальный аналог

на дачу – aufs Land.

На основе этих приемов возможны различные комбинации [подробнее см. Алексеева 2009]. Анализ техники перевода позволит оценить качество передачи реалий на иностранный язык.

Главным критерием оценки качества художественного перевода является конгениальность эстетического воздействия текста перевода оригинальному тексту [Солодуб, Альбрехт, Кузнецов 2005: 19]. При переводе реалий это

¹ Это «чистые» реалии в понимании В. С. Виноградова [Виноградов 2004: 105].

достигается путем исчерпывающей передачи содержания, формы, национального и исторического колорита единицы исходного текста равноценными средствами. Под равноценностью средств понимается не формальное их сходство, а функциональное, где функцией является свойство текста вызывать коммуникативный эффект, т. е. определенную запланированную реакцию адресата, «усредненного» реципиента как типичного представителя определенной культуры. Также учитывается ранговая иерархия компонентов содержания [Latyschew 1981: 63]. Каждый переводчик определяет для себя своего рода «кривую потерь» содержания, формы и колорита реалий, стараясь при этом найти средства их компенсации в конкретном минимальном контексте или других участках текста.

Материалом данного исследования послужили единицы, отобранные с учетом указанных выше признаков из романов Ф. М. Достоевского («Игрок», «Идиот», «Бесы», «Братья Карамазовы», «Преступление и наказание») и их переводные эквиваленты из переводов этих произведений на немецкий язык, выполненных в разное время: в конце XIX в., начале, середине, конце XX в. и в начале XXI в. Работы русского писателя пользуются неизменной популярностью у зарубежных читателей, поскольку его «мысли остаются неиссякаемым источником познания о России: в них и философские трактаты, и политическая трибуна, и общечеловеческие ситуации и общечеловеческие ценности – открытость, отсутствие изоляционизма, равнодушие к миру и его проблемам, отсутствие сосредоточенности только на себе, на понятном, на национальном» [Сасаки, Сивакова 2010: 487]. Ф. М. Достоевский является одним из самых переводимых русских классиков в Германии. Это дает обширный материал для сопоставления вариантов перевода самих текстов, позволяет изучить переводческие приемы, факторы, влияющие на выбор того или иного приема, рассмотреть широкий спектр переводческих решений и выявить наиболее удачные.

Эквиваленты реалий государственного устройства знакомят читателя перевода с установленными порядками, государственным аппаратом, правовой системой, социальными движениями, званиями, титулами, сословиями в царской России. В произведениях писателя присутствуют реалии, называющие политические и общественные организации и их представителей: *западник, прогрессист, народник, крепостник, декабрист, раскольник*; названия верховных правителей и их титулы: *царь, государь*; названия должностей: *коллежский асессор, надворный советник, статский советник, голова, староста, губернатор, министр просвещения, предводитель дворянства, исправник*; наименования лиц, исполняющих различные неадминистративные функции: *квартиль-*

ный надзиратель, городской, приказчик, письмоводитель; наименования лиц по сословной принадлежности: *барин, барчонок, барчук, барышня, боярин, однодворец, помещик, мещанин, казак, мужик, баба, дворовый, душа*; реалии, относящиеся к правовой сфере: *околоток, каторга, острог*.

Все лексические единицы обладают высокой частотностью в текстах оригинала. Но лишь немногие вошли в словарь иностранных слов немецкого языка: *Dekabist, Bojar, Baba, Muschik, Pomeschtschik, Raskolnik, Starowerzen, Kosak, Zar* [Duden: Fremdwörterbuch, 2001]. Таким образом, большая часть реалий государственного устройства России XIX века остается к настоящему времени безэквивалентной для немецкого языка, и переводчику в таких случаях приходится принимать самостоятельные решения.

Самым распространенным приемом перевода русских реалий государственного устройства на немецкий язык является транскрибирование. Проиллюстрируем выявленную особенность отрывком романа «Бесы», в котором встречаются сразу несколько реалий, *боярин* и *царь*, и разновременных параллельных переводов этого предложения на немецкий язык:

(1) Он чуть не плакал уже тогда от стыда, что русского **боярина** времен Московского царства **царь** мог наказать телесно, и краснел от сравнений [Бесы: 282].

(1.1)¹

(1.2) Schon damals weinte er fast vor Scham, wenn er daran dachte, daß der **Zar** zur Zeit des Reiches einen russischen **Bojaren** körperlich hatte strafen dürfen, und errötete, wenn er Vergleiche anstellte [пер. Э.Пазин 1906: 394].

(1.3) Er weinte schon damals beinahe vor Scham darüber, daß in den Zeiten des Moskauer Zarentums **der Zar** einen russischen **Bojaren** hatte körperlich bestrafen dürfen, und errötete, wenn er das westeuropäische Wesen dagegenhielt [пер. Х. Пель 1921: 374].

(1.4) ...weinte schon damals beinahe vor Scham darüber, daß in den Zeiten des alten Moskauer Reiches **der Zar** einen russischen **Bojaren** hatte körperlich strafen dürfen, und errötete, wenn er diese Sitten mit denen des ausländischen Rittertums verglich [пер. М. Кегель 1961: 325].

(1.5) Er hatte schon damals beinahe geweint vor Scham, daß ein russischer **Bojare** zu den Zeiten des

Moskauer Reichs von seinem **Zaren** körperlich gezüchtigt werden konnte, und war errötet, wenn er

Vergleiche zog [пер. Г. Далитц 1985: 371].

(1.6) Schon damals schämte er sich beinahe bis zu Tränen, daß der **Zar** einen russischen **Bojaren** zu Zeiten des Moskauer Reichs hatte

¹ Это предложение не переведено.

körperlich züchtigen können, und errötete bei Vergleichen [пер. С. Гайер 1998: 376].

Обе реалии освоены немецким языком за-долго до появления первых переводов Ф. М. Достоевского и не являются безэквивалентными. Как в ранних, так и в современных переводах они подвергаются транскрибированию без каких-либо дополнительных пояснений в подстраничных сносках или послетекстовых комментариях: *боярин – Vojar, царь – Zar*.

Краткое описание приводится для единиц, характеризующих названия лиц по сословному положению: *барчонок, барчук, барышня, однодворец, помещик, мещанин, дворовый, душа*. Рассмотрим многообразие переводческих решений на примере русской реалии *дворовый*, обладающей ярким национальным и историческим колоритом:

(2) А он бывший **дворовый человек** [Преступление и наказание: 338].

(2.1) ...er war früher **Hausbedienter**... (пер. В. Хенкель 1882: 42-43).

(2.2) Er ist ein früherer **Knecht auf einem Gut** gewesen [пер. Х. Рель 1912: 490].

(2.3) Er ist ein früherer **Leibeigener** [пер. В. Бергенгрюн 1935: 379].

(2.4) Und er war früher **Knecht auf einem Gutshof** [пер. Р. Хоффман 1960: 405].

(2.5) Er war früher mal **Gutsknecht** [пер. М. Бройер и Р. Бройер 1984: 405].

(2.6) Und er war früher **Leibeigener und gehörte zum Hausgesinde** [пер. С. Гайер 1994: 428].

В самом раннем переводе для передачи вышедшей из употребления русской реалии В. Хенкель использует прием создания нового слова: *дворовый — Hausbedienter* (домашняя обслуга¹). Эту же операцию применяют М. Бройер и Р. Бройер: *дворовый — Gutsknecht* (слуга в ч.-л. имени). В обоих вариантах опущен один из ядерных семантических компонентов, 'крепостной', что значительно снижает адекватность перевода.

Х. Рель использует краткое описание на основе устаревшего немецкого слова: *Knecht auf einem Gut* (слуга в к.-л. имени, возможно, для работы в поле), – выпустив ядерный компонент значения – 'крепостной' – и один из периферийных – 'домашняя прислуга'; Р. Хоффман включает этот семантический компонент в свое описание: *дворовый – Knecht auf einem Gutshof* (слуга в усадьбе к.-л. имени), то есть в жилом доме, но не передает ядерный компонент значения слова оригинала – 'крепостной'.

Наиболее точным оказывается С. Гайер, использующий внутритекстовое пояснение: *Leibeigener und gehörte zum Hausgesinde* (бывший крепостной и относившийся к дворне). Этот перевод представляется нам наиболее адекватным, так как автору удается сохранить со-

держание и исторический колорит русской реалии.

Пояснения внутри текста встречаются крайне редко, поскольку они значительно расширяют текст. По этой причине большинство переводчиков приводят комментарии в подстраничных сносках или в конце произведения. Комментированию подвергаются реалии, называющие политические и общественные организации, а также их представителей: *скопцы, бегуны, хлысты, раскольники, старообрядцы, нигилисты, прогрессисты, обличители, крепостники, декабристы*; должности: *коллежский асессор, надворный советник, статский советник, предводитель дворянства, исправник*. Рассмотрим выявленную особенность на примере вариантов перевода реалии *бегуны*, которая снабжается пояснениями и в сносках, и в комментарии после текста:

(3) У него в роду бегуны бывали, и сам он недавно, целых два года, в деревне, у некоего старца под духовным началом был [Преступление и наказание: 485].

(3.1) Wissen sie auch, daß er ein Ketzler ist, oder vielmehr zu den Sektierern gehört und daß er noch unlängst im Dorfe bei einem gewissen "ehrwürdigen Alten" zwei Jahre lang unter geistlicher Aufsicht stand? [пер. В. Хенкель 1882: 201].

(3.2) Von seinen Verwandten haben sich manche den **Begunen** angeschlossen, und er selbst hat noch vor kurzem ganze zwei Jahre lang auf dem Lande bei einem ihrer Ältesten religiöse Unterweisung erhalten [пер. Х. Рель 1912: 703].

(3.3) In seiner Verwandtschaft hat es allerhand **Schwarmgeister** gegeben, und er selbst ist vor gar nicht mehr langer Zeit zwei Jahre lang bei einem Starez auf dem Lande gewesen, um sich in religiösen Dingen von ihm leiten zu lassen [пер. В. Бергенгрюн 1935: 544].

(3.4) **Begunen*** verkehrten mit ihm, und er hat erst vor kurzer Zeit zwei Jahre lang auf dem Lande unter der geistlichen Leitung eines Starez gelebt [пер. Р. Хоффман 1960: 582].

Сноска Bezeichnungen russischer Sektierer.

Примечание Begunenen: auch als «Stran- niki», Wanderer bekannt: Ende des 18. Jhs. entstandene Altgläubigensekte, die keinerlei kirchliche oder weltliche Macht, auch keine bürgerlichen Gesetze anerkannte und deshalb auf der Flucht vor der menschlichen Gesellschaft durchs Land zogen, «wanderten» und vom Volk besonders verehrt wurden [пер. Р. Хоффман 1960: 720].

(3.5) Verwandte von ihm waren in der Sekte der **Läufer**, der **Begunen**, und er selbst hat noch vor kurzem, ganze zwei Jahre lang, auf dem Lande unter der geistlichen Obhut eines Starez gelebt [пер. М. Бройер и Р. Бройер 1984: 582].

(3.6) In seiner Familie gab es **Beguny** und er selbst wurde vor nicht langer Zeit zwei Jahre im Dorf vom Starez geistlich unterwiesen [пер. С. Гайер 1994: 615].

¹ Здесь и далее обратный перевод наш – М. А.

Примечание Innerhalb der Masse der Altgläubigen bildeten sich im Laufe des 18. Jahrhunderts mehrere Sekten heraus, darunter auch die *Beguny*. Für die *Beguny* war das Reich des Antichristen auf Erden bereits angebrochen, und sie flohen vor allen Formen, in denen es sich manifestierte: nicht nur vor der Kirche, sondern auch vor dem Staat mit seinen Gesetzen und traditionellen sozialen Institutionen, einschließlich der Familie.

В переводах XIX в. для передачи уникальных национально-специфических лексических единиц часто используются различного рода замены или опущение. В. Хенкель (1882) опускает часть предложения с реалией: «у него в роду **бегуны** бывали». Сравним этот фрагмент в оригинальном и переводном текстах:

– А известно ли вам, что он из раскольников, да и не то чтоб из раскольников, а просто сектант; у него в роду **бегуны** бывали, и сам он еще недавно, целых два года, в деревне, у некоего старца под духовным началом был.

– Wissen sie auch, daß er ein Ketzer ist, oder vielmehr zu den Sektierern gehört und daß er noch unlängst im Dorfe bei einem gewissen “ehrwürdigen Alten” zwei Jahre lang unter geistlicher Aufsicht stand?

В данном фрагменте есть несколько русских реалий, требующих пояснений для современного читателя: *раскольники* и *бегуны*. Переводчик заменяет одну реалию гиперонимом: *раскольники* – *Ketzer* (еретик), другую (*бегуны*) опускает, чтобы не перегружать текст перевода незнакомой лексикой. В обоих случаях происходит потеря содержания и формы реалии, стирается колорит, что снижает качество перевода текста.

Х. Рёль (1912) использует прием транскрибирования, не вводя какие-либо пояснения, полагаясь на фоновые знания читателей начала XX в.: *бегуны* — *Begunen*. В более поздних переводах этого произведения используются комбинированные приемы на основе транскрипции. Например, в работе Р. Хоффман (1960) транскрибированная реалия снабжается дополнительной информацией в сносках: «название русских сектантов» и в затекстовых комментариях: «бегуны известны также как странники: основанная в конце 18 в. староверческая секта не признавала ни церковную, ни мирскую власть, ни гражданские законы и поэтому призывала уклоняться от человеческого общества, странствовать; бегуны были особенно почитаемы в народе» [пер. Р. Хоффман]. В переводе М. Бройер и Р. Бройер (1984) применяется транскрибирование, и затем, в качестве пояснения – калькирование: *бегуны* — *die Begunen, die Läufer*.

В работах, выполненных в конце XX в. и начале XXI в., большей частью используется транскрибирование с затекстовыми пояснениями: «бегуны — *Begunen*: в среде староверов в 18 в. образовалось множество сект, среди которых

были и Бегуны. Для Бегунов на земле настало царство антихриста, они бежали отовсюду: не только от церкви, но и от государства с его законами, и от традиционных социальных институтов, включая семью» [пер. С. Гайер 1994].

С помощью комбинированных приемов на основе транскрипции удается сохранить при переводе все составляющие реалии: содержание, форму, колорит – и добиться высокой адекватности. Помимо того, что раскрывается суть явления, обозначаемого реалией, передается национальное и историческое своеобразие, в языке перевода появляется компактное наименование, фиксирующее определенное национально-специфичное явление или предмет.

Анализируя особенности перевода этого вида специфических наименований, следует отметить, что значительная часть исследуемых единиц относится к историческим реалиям. Многие из них являются архаизмами, следовательно, они малоизвестны не только носителям другой культуры, но и читателям оригинального произведения. Их истинное значение для иностранного читателя полностью скрыто. Это не могло не повлиять на принятые переводческие решения.

Сопоставительный анализ вариантов перевода реалий государственного устройства России XIX в. выявил высокий процент применения приема транскрибирования (32%), а в современных переводах также транскрибирования с пояснением в затекстовых комментариях (10%), что свидетельствует о достаточно значительной страноведческой ценности этого вида реалий и соответствует общим тенденциям перевода национально-специфичной лексики. Существенную долю занимают уподобляющие приемы: замена своим (24%), контекстуальным (8%) и чужим (2%) аналогом. Частое использование этого типа переводческих операций отмечается и при передаче реалий на материале других языков [Влахов, Флорин, 1986: 90]. Немецкие переводчики также использовали приемы введения авторского неологизма (10%), калькирования (8%) и описания (6%). Большое количество различных вариантов перевода обуславливается высокой частотностью использования реалий государственного устройства в оригинальных текстах. Различные переводы одного и того же произведения представляют собой семантические интерпретации исходного текста, представленные в разных проекциях. При сравнении исходного текста с переводом и параллельных переводов между собой глубже познается замысел автора и выявляются скрытые особенности оригинала. Переводчики стараются сохранить все многообразие возможных трактовок, учитывая актуальные тенденции в теории перевода, а также в принимающем языке и литературе.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеева М. Л. Национально-специфичная лексика: проблема дефиниции // Вестник челябинского государственного педагогического университета: научный журнал. 2008. № 11. С. 170–183.

Алексеева М. Л. К проблеме типологии приемов передачи реалий // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. № 1. С. 14–18.

Бурукина О. А. Классификация переводческих приемов: новый взгляд на старые истины // Университетское переводоведение. 2007. Вып. 8. С. 72–81.

Виноградов В. С. Перевод: общие и лексические вопросы. – М.: КДУ, 2004.

Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. – М.: Высшая школа, 1986.

Гришаева Л. И. Понимание «чужого» и «другого» как условие успешной аккультурации // Взаимопонимание в диалоге культур: условия успешности. Ч. 2. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2004. С. 9–18.

Сасаки С., Сивакова С. Межвузовский литературный конкурс как путь повышения мотивации в изучении русского языка у японских учащихся // Русский язык и культура в зеркале перевода: материалы II международной научной конференции. 2010. С. 487–492.

Солодуб Ю. П., Альбрехт Ф. Б., Кузнецов А. Ю. Теория и практика художественного перевода. – М.: Академия, 2005.

Успенская А. А. Обучение культурно-специфической политической лексике в рецептивном аспекте (на материале английского языка): Автореф. дис ... канд. филол. наук. – СПб., 2009.

Фёдоров А. В. О художественном переводе. – Л.: ОГИЗ, 1941.

Latyschew L. K. Übersetzungslehre in Wort und Beispiel. — М.: Межд. отн., 1981. Beispiel. – М.: Международные отношения, 1981.

ИСТОЧНИКИ

Достоевский Ф. М. Бесы: роман. – СПб.: Азбука-классика, 2004.

Dostoevskij F. Die Besessenen / Übersetzung H. Putze. – Dresden: Minden, 1888.

Dostojewski F. Dämonen / Übersetzung E. K. Rahsin. – München: Piper, 1906; 5. Aufl. München: Piper, 1999.

Dostojewski F. Dämonen / Übersetzung H. Röhl. – Leipzig: Insel, 1921; Leipzig: Insel Taschenbuch, 1986.

Dostojewskij F. Dämonen / Übersetzung M. Kegel. – München: Winkler, 1961; 14. Aufl. München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 2003.

Dostojewski F. Dämonen / Übersetzung G. Daltz. – Berlin: Aufbau, 1985.

Dostojewskij F. Böse Geister / Übersetzung S. Geier. – Zürich: Ammann, 1998; 3. Aufl. FaM: Fischer Taschenbuch Verlag, 2003.

Достоевский Ф. М. Преступление и наказание: роман. – М.: Эксмо, 2005.

Dostojewskij F. Raskolnikow / Übersetzung W. Henkel. – Leipzig: Friedrich, 1882; Berlin: Grotesche Verlagsbuchhandlung, 1894.

Dostojewskij F. Schuld und Sühne / Übersetzung H. Röhl. – Leipzig: Insel, 1912; Stuttgart: Philipp Reclam, 1999.

Dostojewski F. Schuld und Sühne (Raskolnikow) / Übersetzung W. Bergengrün. – Berlin: Deutsche Buchgemeinschaft, 1935.

Dostojewskij F. Schuld und Sühne / Übersetzung R. Hoffman. – München: Winkler, 1960; Düsseldorf und Zürich: Artemis & Winkler, 2001.

Dostojewski F. Schuld und Sühne / Übersetzung M. Bräuer, R. Bräuer. – Berlin: Aufbau, 1984; Berlin: Aufbau Taschenbuch, 2003.

Dostojewskij F. Verbrechen und Strafe / Übersetzung S. Geier. – Zürich: Ammann, 1994; 10 Aufl. FaM.: Fischer Taschenbuch, 2005.

© Алексеева М. Л., 2010

Р. В. Белютин
Смоленск, Россия

R. V. Belyutin
Smolensk, Russia

ЯЗЫК СПОРТА

НА НЕМЕЦКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ АРЕНЕ

ГСНТИ 16.21.27

Аннотация. В данной статье изучаются некоторые особенности функционирования спортивной лексики в политическом дискурсе Германии. «Спорт» как сфера-источник обладает высоким интердискурсивным потенциалом и покрывает весьма значительный участок немецкой политической концептосферы. В спортивных метафорах, репрезентирующих отдельные политические концепты, отражается специфика национального образа мира и связь с историческими и современными прецедентными реалиями.

Ключевые слова: язык спорта; область-источник; национальный политический дискурс; политическая коммуникация; языковая картина политического мира; спортивная метафора; метафорическая модель; концепт; когнитивное и языковое пространство.

Сведения об авторе: Белютин Роман Вячеславович кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка.

Место работы: Смоленский государственный университет.

Контактная информация: 214013, Смоленск, Колхозный переулок, д. 19а, кв. 162.
e-mail: ryubelyutins@rambler.ru.

THE LANGUAGE OF SPORT IN THE GERMAN POLITICAL ARENA

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The article reviews some peculiarities of how sports vocabulary functions in the German political discourse. Sport as a source domain has a high interdiscourse potential and it embraces a prominent part in the German political sphere of concepts. Sport metaphors, which represent separate political concepts, reflect the specific character of the national world image and its relation to historic and modern precedent realities.

Key words: the language of sport; source domain; national political discourse; political communication; linguistic view of the political world; sport metaphor; metaphoric model; concept; cognitive and language space.

About the author: Belyutin Roman Vyacheslavovich, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of the German Language.

Place of employment: Smolensk State University.

Исследование национальных политических дискурсов в контексте выявления особенностей языковой картины политического мира становится в отечественной лингвистике все более активным и многосторонним. Внушительный список научных работ и разнообразие методологических подходов и вариантов изучения данной проблемы позволяют существенно расширить границы концептуализации политического дискурсивного пространства и тем самым дополнить новыми сведениями имеющиеся представления о характере, условиях, стратегиях и тактиках политической коммуникации в том или ином государстве.

В данной статье рассматривается влияние языка спорта на коммуникативное поведение участников политического дискурса Германии. В современном мире, по сравнению с предыдущими этапами исторического развития, спорту отводится гораздо более значимая роль. Об изменении статуса этого явления и наделении его новыми качественными характеристиками свидетельствует включение спорта в разряд социокультурных концептов, самостоятельную «оригинальную и своеобразную семиотическую систему» [Климов 2010], составляющую одну из важнейших форм коммуникативной интеракции в обществе. Ценностная функция спорта проявляется и при пересечении с политическим дискурсом. Информация о спорте может носить идеологический характер, служить средством самопрезентации, самоидентификации, манипуляции, диффамации, управления, сближения, пропаганды, агитации, рекламы и т. п.

Целью данной статьи является анализ того, как в политическом дискурсе Германии происходит языковая «социализация» через спортивную лексику, как при помощи языка спорта даются оценки и высказываются мнения, какие семантические роли возникают в процессе такой перекатегоризации и как это связано с национальным образом мира. Поскольку в центре нашего внимания находится конкретная сфера-источник «спорт», которая импортируется в сферу «политика» и создает в дискурсе новые концептуальные связи, есть основания использовать в дальнейшем термин «спортивная метафора», как это принято в большинстве работ по когнитивной лингвистике.

О том, что понятийная сфера «спорт» является наиболее продуктивным источником современной политической метафоры, можно судить по работе А. П. Чудинова «Спортивная метафора в современном российском политическом дискурсе» [Чудинов 2010в]. В статье дается подробное описание метафорической модели «политика – это спорт», выявляются базовые фреймовые и слотовые компоненты модели, описывается прагматический и эвристический потенциал метафор, делаются выводы о национальном своеобразии восприятия действительности через метафорическую «вуаль».

Э. В. Будаев, наблюдая за исследованиями в сфере политической метафоры североамериканского методологического центра, указывает на широкую распространенность спортивной метафоры в американской политической

речи. К этим наблюдениям добавляется, со ссылкой на американского ученого К. Мелоуна, еще одно важное замечание. Коммуникативная плотность концепта «спорт» имеет два негативных следствия для американской демократии. Во-первых, регулярное использование спортивной метафоры в политической речи «формирует у избирателя психологию пассивного наблюдателя». Во-вторых, метафора «акцентирует внимание на тактике и стратегии политического соревнования и лишает избирателя жизненно важной информации о сущности политических программ и интенциях политиков». Отдельный интерес представляют размышления Э. В. Будаева о национальных особенностях политической метафоры. Так, и в России, и в США распространены метафоры, образно представляющие политическую жизнь как футбольный матч, в котором каждая команда стремится одержать победу. Однако в политическом дискурсе США источником метафор служит американский футбол, который отличается от того футбола, за игроков которого «болеют» в России и других странах [см. Будаев 2009].

Эти и целый ряд других любопытных фактов, изложенных в работах специалистов в области политической лингвистики и метафорологии, стимулировали обращение к заявленной теме.

Эмпирическую базу для анализа составляют образцы, извлеченные из авторитетных немецких печатных и электронных источников («*Spiegel*», «*Focus*», «*Frankfurter Allgemeine Zeitung*», «*Süddeutsche Zeitung*», *spiegel-online* и др.). Тексты содержат информацию о людях, явлениях, фактах, репрезентирующих политическую жизнь Германии. Достоверность полученных результатов обеспечивается привлечением различных жанров политического дискурса (публичное выступление, интервью, комментарий, газетный заголовок и др.).

Примеры показывают, что концептуализация политической действительности через понятийную систему «спорт» приобрела популярность среди многих участников политической коммуникации: представителей политических партий, членов правительства, журналистов, аналитиков, общественных деятелей и пр. С учетом того, что в Германии после «Бернского чуда» (*das Wunder von Bern*) лидирующие позиции среди видов спорта неизменно удерживает футбол, значительная часть спортивных метафор в национальном языковом сознании выстраивается именно вокруг данного концепта.

Моделирование политической коммуникации в футбольной терминологии происходит на самом высоком политическом уровне. Так, в одном из интервью Федеральный канцлер Германии А. Меркель рассуждает о Правительстве и своей роли в нем так, как если бы все происходило на футбольном поле.

*Bild am Sonntag: Wenn Sie eine Kabinettsitzung leiten – wünschen Sie sich manchmal, **Schiedsrichter** zu sein? Dann könnten Sie die **Trillerpfeife** einsetzen, **gelbe und rote Karten** zeigen.*

*Merkel: **Schiedsrichter** ist ja nicht meine Aufgabe. Als Kanzlerin bin ich – wenn ich beim Fußballvergleich bleibe – eher **Kapitän** einer **Mannschaft**, die **Spielführerin**.*

*Bild am Sonntag: Sie sind **Ballack**?*

*Merkel (lacht): Wenn man es so nimmt, bin ich **Ballack**...*

Бильд ам зоннтаг: Когда Вы ведете заседание правительства, не представляете ли Вы себя в какие-то моменты футбольным арбитром? Ведь тогда можно было бы применять свисток, раздавать игрокам «горчичники», удалять их с поля...

Меркель: Быть судьей – не мой стиль. Если использовать футбольную метафорику, то я – скорее капитан команды, игрок, ведущий за собой.

Бильд ам зоннтаг: Значит, Вы – Баллак?

Меркель (смеется): Получается, что да (здесь и далее перевод наш – Р. Б.).

Наши наблюдения показывают, что концепт «футбол» достаточно прочно закрепился в идиостиле А. Меркель; с некоторого времени она регулярно использует футбольные аналогии в выступлениях, касающихся злободневных политических тем. Например, подводя итоги первого года работы после парламентских выборов 2005 года на партийном съезде ХДС, А. Меркель сказала следующее:

*Ein Jahr seit der Bundestagswahl befinden wir uns in der 23. Minute eines **Fußballspiels**. Ja, wir haben schon einige tolle **Tore geschossen**. Ja, wir hatten einige gute **Chancen**. Aber **gewonnen? Gewonnen** ist noch gar nichts. / Прошел год после выборов в Бундестаг, и сейчас уже пошла 23 минута матча. Да, мы уже забили несколько великолепных голов. Да, у нас уже было несколько хороших голевых моментов. Но разве мы уже выиграли? Нет, пока еще до победы далеко (победа, в понимании А. Меркель, – это большее по сравнению с предыдущими выборами количество голосов избирателей в 2009 году).*

Летом 2010 года Федеральный канцлер использовала футбольную метафору после неудачного второго тура голосования на выборах нового Федерального президента Германии. На этот пост от правящей Христианско-демократической коалиции ХДС – ХСС был предложен премьер-министр Нижней Саксонии Кристиан Вульф. Когда кандидату от партии Меркель не удалось со второй попытки одержать победу, канцлер, опасаясь за неблагоприятный исход выборов и обеспокоенная отсутствием единства в рядах своей партии, решила на весьма необычное и в то же время «живое», «аутентичное» сравнение. В это время продолжался чемпионат мира по футболу в Южной

Африке, где сборная Германии, оправившись от поражения в матче с Сербией, вышла из квалификационной группы, пробилась в число шестнадцати лучших команд и в одной восьмой финала убедительно (4:1) обыграла своего извечного соперника – сборную Англии. На такую же убедительную победу, которая бы спасла коалицию от раскола и критики общества, рассчитывала А. Меркель.

*Wir haben das **Serbien-Spiel** gehabt, jetzt kommt das **England-Spiel**. / То, что произошло во втором туре, напомнило мне игру нашей сборной против Сербии. Сейчас мы играем с Англией.*

За этим высказыванием А. Меркель по цепной реакции в том же метафорическом ключе последовали комментарии участников голосования и самого К. Вульфа. Ср.:

Зампредседателя фракции ХДС – ХСС в германском бундестаге В. Босбах об избрании К. Вульфа: *1:0 ist auch gewonnen. / Победа с минимальным счетом – тоже победа.*

К. Вульф: *Christian Wulff pflegt ebenfalls eine sehr persönliche **Fußball-Philosophie**. Die Spezialität seiner politischen Karriere sei der dritte **Anlauf**, sagt er. Wie bei der Präsidentenwahl. Neu sei das nicht. Erst nach zwei **Niederlagen** sei er im dritten **Spiel** um die Macht in Niedersachsen Ministerpräsident geworden. Und wenige Tage vor der Präsidentenwahl habe er auf eine **Torwand geschossen**. Der erste **Schuss** war knapp daneben, der zweite auch, der dritte war dann **drin**. / У Кристиана Вульфа – своя, очень специфическая футбольная философия. Особенность его политической карьеры – успех с третьей попытки. Президентские выборы не стали исключением. Это уже традиция. Лишь в третьей схватке, потерпев сначала два поражения, он получил портфель премьер-министра Нижней Саксонии. За несколько дней до выборов президента я упражнялся в исполнении ударов по тренировочным футбольным воротам. Первый удар прошел чуть-чуть мимо, вторым я тоже не попал, а в третий раз удар все-таки достиг цели.*

Чемпионат мира по футболу 2010 г. повлиял на речевое поведение не только представителей политической элиты Германии. Целый ряд примеров при анализе междоменных корреляций «спорт – политика» позволил выявить «обратное влияние», когда представители средств массовой информации при освещении спортивных событий апеллировали к фактам, имеющим отношение к прошлой или нынешней политической жизни Германии. Наибольший резонанс вызвали случаи описания спортивных достижений футболистов немецкой сборной с использованием реалий Третьего рейха.

На одном из центральных немецких каналов в перерыве футбольного матча Германия – Австралия комментатор Катрин Мюллер-Хоенштайн в эмоциональном порыве, вызванном окончанием безголевой серии игрока сбор-

ной Мирослава Клозе, произнесла фразу: *Und für Miroslav Klose: ein innerer Reichsparteitag, dass der heute hier trifft.*

Выражение «innerer Reichsparteitag» является исторической метафорой и входит в лексическую систему языка нацистской Германии. Оно отражает внутреннее состояние человека, эмоции (удовлетворение, эйфорию, экстаз и т. п.), пережитые во время выступлений нацистских лидеров на партийных съездах. Реакция общественности на использование национал-социалистической лексики последовала незамедлительно: *Wir wollen keine „Reichsparteitags-Weltmeisterschaft“! / Нам не нужен чемпионат мира с нацистскими паролями!*

Другой журналист написал об одном из лидеров немецкой сборной Б. Швайнштайгере так: *Ein neuer Führer mit ... der furchterregenden Aura von **Adolf Hitler** hat das Kommando übernommen. / Новый лидер в команде с устрашающей аурой Адольфа Гитлера взял на себя особое задание.*

Рассмотрим другие случаи репрезентации футбольной метафоры в политическом дискурсе Германии. Спектр политических тем, на которые проецируется спортивная метафора, чрезвычайно широк, постоянно обнаруживаются новые концептуальные участки, где политические феномены объясняются, интерпретируются и оцениваются в спортивных терминах.

Цитата из предвыборной речи бывшего председателя Христианско-Социального союза Э. Штойбера о положении дел в стране.

*Deutschland stehe am **Tabellenende**. Und wenn jemand als **Trainer** eine **Mannschaft** auf den letzten **Tabellenplatz** geführt hat und dort bleibt, kann er nicht sagen, wir hätten eine tolle **Mannschaft**. Wer **Meister** werden wolle, müsse **Brasilien schlagen**... / Германия находится в «подвале» турнирной таблицы. И тот, из-за кого команда оказалась на последнем месте, не может утверждать, что у него классная команда. Тот, кто нацелился стать чемпионом, должен побеждать Бразилию...*

Кроме того, метафоры могут употребляться для:

а) представления политической борьбы: *Stoiber gegen Merkel: **Es steht 2 zu 1** / В противостоянии Штойбер – Меркель счет 2:1.*

*Bischof Dyba: Karl Lehmann wäre nicht der Politiker, der er ist, wenn er nicht versuchte, auch ohne jede **Chance** zu **punkten** – wie die **Mannschaften**, die es verstehen, aus keiner **Chance** zwei **Tore** zu **machen** und das **Spiel** zu **gewinnen**. Zwischenzeitlich hatte der Vorsitzende der deutschen Bischofskonferenz die drohende **vernichtende Niederlage** zu einem **hart erkämpften Unentschieden** gedreht. / Епископ Дюба: Карл Леманн как политик не был бы самим собой, если бы не попытался выиграть, даже не имея при этом ни единого шанса. Подобно тем командам, которые могут, не создав моментов, забить два гола и победить.*

Пока председателю немецкой епископской конференции удалось уйти от угрозы сокрушительного поражения и в трудной борьбе перевести матч в ничью.

...bei gleichem **Punktstand** liegt derjenige vorn, der die meisten **Tore geschossen** hat. / При равном количестве очков впереди оказывается тот, кто забил больше голов;

б) обстановки внутри партии:

Hier saniert der **Chef** noch selbst. Gute Zeiten für den **Spielführer**, schlechte für die linken **Außenstürmer**. Der SPD-Parteitag zieht sich ins **Mittelfeld** zurück. Wer das **Team** SPD in Berlin beobachtete, der mochte zweifeln, ob **Offensive** allein genügt. Doch die **Tore** müssen dann ja erst noch **geschossen** werden. Und in der **Mitte**, wo die **Flanken landen**, stehen **Vollstrecker**, die den **Abschluss scheuen**, weil der **Mannschaftskapitän** unentwegt vor **Eigentoren** warnt. Besser also kein **Torschuss**. Das **Mittelfeld** hat Schröder **stark gemacht**, denn der **Ball** muss einfach möglichst lange in den eigenen **Reihen** bleiben, dann wird auf den **heimischen Spielfeldern** von Schleswig-Holstein bis Nordrhein-Westfalen im nächsten Jahr schon nichts passieren. **Verlängerung** ist in der Politik ein **Sieg**. Und vielleicht wird der große **Strategie** der **gegnerischen Mannschaft** ja doch noch **des Feldes verwiesen**. / Пока тренер сам обновляет команду. Хорошие времена для капитана, для фланговых нападающих не очень. А все потому, что партийный съезд СДПГ начал смеяться в центр поля. И у тех, кто наблюдал за командой СДПГ в Берлине, уже закрались сомнения насчет того, хватит ли партии атакующего порыва. Ведь голы сначала надо еще забить. А в середине поля, куда с флангов попадает мяч, расположились те, кому доверен завершающий удар. Но они боятся его нанести, потому что капитан постоянно предупреждает их об опасности автогола. Лучше по воротам не бить. Шредер укрепил середину поля, так как мяч как можно дольше должен оставаться у своих игроков, чтобы потом, в следующем году, на родных полях от Шлезвиг-Гольштейна до Северного Рейна-Вестфалии, все было спокойно. Дополнительное время в политике – это всегда победа. А вдруг еще случится так, что с поля будет удален главный стратег команды-противника;

в) статуса политика, его политической карьеры:

Er [der Bundespräsident] wird manchmal als **"Schiedsrichter"** im Parteienstreit bezeichnet, doch das ist falsch, weil im dazu die **Machtmittel** – sozusagen die **"rote und gelbe Karte"** – fehlen.../ Федерального президента иногда называют арбитром, который призван разрешать споры, возникающие между партиями, однако это неправильно, потому что для этого у него нет рычагов – красной и желтой карточки.

Das ist ein klassisches **Eigentor**, das Stoiber sich geleistet hat. / Штойбер забил классический гол в свои ворота.

Rüttgers hat das **Spielfeld verlassen**. / Рюттгерс ушел с поля.

О том, что интеграция двух концептуальных областей в национальном сознании – явление не случайное, а скорее сложившееся, свидетельствуют также главы «Fußball und Politik», присутствующие практически в любой научной работе, посвященной феномену футбола в Германии. В книге К. Тевеляйта (Theweleit) приводятся яркие сравнения тренеров национальной сборной Германии и Федеральных канцлеров. Изучив вербальное и невербальное поведение предшественников А. Меркель и И. Лева, автор пришел к выводу, что близнецами («Zwillingstypen») в параллельных мирах («Parallelwelten») политики и спорта можно считать К. Аденауера и З. Хербергера, Г. Шена и В. Брандта, Ф. Бекенбауера и Г. Коля. Подробного рассмотрения заслуживает, на наш взгляд, сопоставление Ф. Бекенбауера и Г. Коля.

В эйфории от победы своей сборной на чемпионате мира в 1990 году Ф. Бекенбауер заявил, что немецкая команда «обречена» быть непобедимой многие последующие годы (auf Jahre hinaus). Главным фактором должен был стать потенциал сборной ГДР, примкнувшей к команде ФРГ в результате объединения Германии (1990). В это же время и в связи с этими же событиями канцлер Коль провозглашает идею «цветущих ландшафтов» (blühende Landschaften). Заключение немецких аналитиков сводится к следующему: *Etikettenschwindel von deutscher Überlegenheit und Aufschwung Ost bei tatsächlichem Zurückbleiben der Deutschen sowohl in der wirtschaftlichen wie in der fußballerischen Entwicklung.* / Заявления Коля и Бекенбауера – чистой воды спекуляции о немецком превосходстве и подъеме восточных земель Германии. На деле немцы отстали как в развитии экономики, так и плане футбольного мастерства.

Иногда спортивная метафора «прорастает» в фидейные, «возможные» политические миры, в результате чего появляются создаваемые «по образу и подобию» искусственные образцы, которые, однако, не утрачивают связи с реальностью. Существование таких окказиональных образований оправдано наличием соответствующего маркера в когнитивной базе представителей данной этнолингвокультуры, следовательно, творцы метафоры заведомо уверены в успешном декодировании имплицитированного в метафорах смысла.

В одной из статей, опубликованных на страницах «Spiegel», журналист предлагает читателям – потенциальным избирателям своего рода когнитивную игру. С определенной долей иронии он призывает критически посмотреть на общепринятую, «заезженную» и блеклую спортивную метафорику, используемую

партиями в предвыборной борьбе и провести метафорическую диверсификацию с целью выявления истинных намерений и сторонников партий. Ср.:

Die Parteien müssen sich metaphorisch diversifizieren. Dass den Volksparteien die Wähler davonlaufen, ist kein Wunder: immer nur Fußball-metaphern. Das ermüdet, das kann auf Dauer nicht gut gehen.

*Die FDP zum Beispiel dürfte in ihrer Klientel mehr **Tennispieler** als **Freizeitkicker** haben - wie wäre es also mit: "Unser erster **Aufschlag** ging ins **Netz**" oder auch "Wir brauchen einen **Tiebreak**. / Свободной демократической партии в своем электорате лучше было бы обратить взор на теннисистов, нежели на футболистов-любителей. Подошли бы, например, такие лозунги: «После нашей первой подачи мяч летит в сетку». «Нам нужен тайм-брейк».*

*Die Union wiederum will sich bei Akademikern anbieten, da bieten sich doch **Schach**vergleiche an: "Die Grünen sind in eine **klassische Eröffnungsfalle** getappt". / ХДС – ХСС опять попытается втереться в доверие к интеллектуалам. Тут бы пригодились сравнения с шахматами, например: «Зеленые попали в классическую дебютную ловушку».*

*Nur die Linkspartei entsagt den **Sport-metaphern** am besten gänzlich. Schließlich lehnt sie alles ab, was mit **Wettbewerb** und dem **Sieg** des **Stärkeren** zu tun hat. / Только левая партия полностью отказывается от спортивной метафоры. Ведь она отвергает все, что связано с соревновательным моментом и принципом «Пусть победит сильнейший».*

Еще одна притягательная сфера «бытования» спортивной метафоры в пределах политического дискурса – анекдоты.

*Mario Basler wird gefragt: wissen sie eigentlich, dass Sie viel mehr verdienen als Helmut Kohl? Seine Antwort: Das mag schon sein, aber haben Sie Helmut Kohl mal **Fussball spielen** sehen? / У экс-игрока сборной Германии Марио Баслера спрашивают: «А Вам известно, что Вы зарабатываете больше, чем Гельмут Коль?» Баслер отвечает: «Возможно, а Вы что, видели, что Коль играет в футбол?»*

Gerd Schröder will über die Schweizer Grenze:

*Die Grenzbeamten wollen seinen Personal-ausweis sehen. Den hat er natürlich nicht dabei. Gerd: "Was soll ich jetzt denn bloß machen?" Beamter: "Ja, wir hatten da mal 'son ähnlichen Fall. Da war **Boris Becker** hier. Der hatte auch keinen Pass dabei. Da haben wir ihn 'n paar **Asse schlagen** lassen, da war die Sache klar: Das ist Boris Becker. Der konnte dann weiterfahren. – **Beckenbauer** war auch mal hier. Auch ohne Pass. Der hat dann 'son bisschen mit dem **Ball gedribbelt**, da war die Sache auch klar, den haben wir auch passieren lassen." Gerd: "Aber, aber - ich kann doch nix." Beamter: "Alles klar Herr Schröder, Sie können passieren." / Г. Шредер на*

швейцарской границе. Пограничники хотят, чтобы он показал удостоверение личности. Конечно, у Шредера его с собой нет. «Что же мне теперь делать?» Пограничник: «У нас уже был прецедент. Борис Беккер тоже не имел при себе паспорт. Тогда мы попросили его показать пару неберущихся подач, и все сразу стало понятно: перед нами Борис Беккер. Ему разрешили ехать дальше. Был тут и Бекенбауер. Тоже без паспорта. Он немного пофунтил с мячом, и стало понятно – это Бекенбауер. Мы его тоже пропустили. Шредер: «Да, но я ничего не умею». Пограничник: Да, это действительно Вы, господин Шредер, можете ехать».

Анализ примеров показывает, что в немецком политическом дискурсе спортивная метафора активно включается в представление фактов, явлений, событий, участников политической жизни. Подавляющее большинство метафор связано с футбольной тематикой. В этом видится первая особенность функционирования спортивной лексики в политическом дискурсе. Футбол является в Германии национальным ментефактом, этот вид спорта уже давно завоевал в стране всеобщее признание и вполне может претендовать на статус концепта с конвенционально закрепленной семиотической маркированностью, способного стать движущей силой при производстве коллективной идентичности и других социальных ценностей. Отсюда высокий интердискурсивный потенциал данной понятийной системы в национальной концептосфере.

Спортивная метафора затрагивает многие сферы политической коммуникации, она органично встраивается в идиостиль политиков, используется в заголовках СМИ, лозунгах партий, выступлениях политиков и т. д. В связи с этим можно говорить о том, что спортивная метафорическая концептуализация накладывается на общий уровень категоризации в коллективе, она становится эффективным способом трансфера и управления специальными знаниями.

Другая особенность функционирования языка спорта в политическом дискурсе заключается в том, что соответствующие контексты, как правило, «нагружены» разноплановым лингвострановедческим материалом, содержащим референции как к истории спорта Германии, так и к политической истории этой страны, а также к культурным ценностям нации, современным прецедентным реалиям.

В приведенных примерах реализуется оценочный аспект картины мира. Примечательно, что в рамках одной метафорической модели могут формироваться абсолютно противоположные оценочные смыслы.

Итак, язык спорта практически беспрепятственно и повсеместно интегрируется в концептуальное и языковое пространство немецкого политического дискурса, что, как показывает вы-

борка, открывает перспективы для дальнейшего изучения этой проблемы с различных ракурсов. Поскольку политическая жизнь страны все более неотделима от спорта, и наоборот, причем модус событийности в обоих случаях неизменно находится на высоком уровне, можно предположить, что в национальной картине мира будут появляться новые смоделированные образы политической Германии, опирающиеся на спортивные концепты.

ЛИТЕРАТУРА

Будаев Э. В. Когнитивная метафора и политический дискурс: методологические вариации // Дискурс, концепт, жанр: коллективная монография / отв. ред. М. Ю. Олешков. – Нижний Тагил: НТГСП, 2009. – С. 86–125.

Зильберт А. Б. Спортивный дискурс: точки пересечения с другими дискурсами: Проблемы интертекстуальности // Язык, сознание, коммуникация. – М., 2001. Вып. 19. С. 103–112.

Климов М. Ю. Семиотическая система спорта как феномен культуры: автореф. дис. ... канд. филол. наук. URL: <http://econ.asu.ru/lib/Klimov.pdf> (дата обращения: 26. 08. 2010).

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале. Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). URL: <http://cognitiv.narod.ru/monograph.html> (дата обращения: 17. 07.2010).

Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. URL: <http://cognitiv.narod.ru/monograph.html> (дата обращения: 18. 07.2010).

Чудинов А. П. Спортивная метафора в современном российском политическом дискурсе. URL: http://www.ebiblioteka.lt/resursai/Uzsienio%20leidiniai/Voronezh/lin/200102/lin0102_04.pdf (дата обращения: 11. 06.2010).

Baldauf Ch. Metapher und Kognition: Grundlagen einer neuen Theorie der Alltagsmetapher. –Frankfurt am Main; Berlin; Bern; New York; Paris; Wien: Lang, 1997.

Fußball als Kulturphänomen: Kunst – Kult – Kommerz / Hrsg.: Makwart Herzog. – Stuttgart: Kohlhammer, 2002.

Theweleit K. Tor zur Welt. Fußball als Realitätsmodell. – Köln:Verlag Kiepenheuer&Witsch, 2006.

© Белютин П. В., 2010

УДК 81'27:811.111

М. Ю. Бурцева-Кулявцева
Волгоград, РоссияАПЕЛЛЯЦИИ К КОНЦЕПТУ
«ПРЕЗИДЕНТ»
В АМЕРИКАНСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

ГСНТИ 16.01.11

Аннотация. В данной статье рассматриваются различные варианты апелляции к концепту «президент» посредством лексемы *president* и её дериватов и выделяются две классификации: по способу вербализации концепта и по содержанию.

Ключевые слова: концепт; ядро и периферия концепта; президент; апелляции; американская лингвокультура.

Сведения об авторе: Бурцева-Кулявцева Мария Юрьевна, аспирант.

Место работы: Волгоградский государственный педагогический университет.

Контактная информация: 404120 г. Волжский, ул. Энгельса, д. 16, кв. 12.
e-mail: kuly-mariya@yandex.ru.

M. Yu. Burtseva-Kulyavtseva
Volgograd, RussiaFORMS OF APPEAL TO THE CONCEPT
«PRESIDENT»
IN THE AMERICAN LINGVOCULTURE

Код БАН 10.02.19

Abstract. In this article we consider different forms of appeals to the concept «president» by means of lexeme *president* and its derivatives, we build two classifications: according to the way the concept is verbalized and according to its meaning.

Key words: concept; the core and the periphery of the concept; president; appeals; American lingvoculture.

About the author: Burtseva-Kulyavtseva Mariya Yurievna, Postgraduate Student.

Place of employment: Volgograd State Pedagogical University.

Политические деятели занимают значительное место в сознании представителей той или иной лингвокультуры. Проблема концептуализации носителей власти и властных институтов поднималась в работах Г. Г. Слышкина («Государственные деятели: след в языковом сознании» [Слышкин 2004]), М. В. Черноморца («Лингвокультурные концепты германских канцлеров» [Черноморец 2010]) и Е. А. Нахимовой («Прецедентное поле «монархи» в дискурсе современных российских СМИ» [Нахимова 2009]). Исключением не является и американская лингвокультура, значимое место в которой занимают концепты «президент» и «президентство». В своих предыдущих статьях мы рассматривали концепты отдельных президентов американской лингвокультуры («Концепт Франклина Рузвельта в американской лингвокультуре» [Кулявцева 2008], «Концепт Д. Эйзенхауэра в американской лингвокультуре» [Кулявцева 2007], «Концепт Джорджа Вашингтона в американской лингвокультуре» [Кулявцева 2007]) и интразону и экстразону американских президентов («Интразона и экстразона концептов американских президентов» [Кулявцева 2007], «Экстразона концептов американских президентов» [Кулявцева 2007]). В данной статье мы рассматриваем различные варианты апелляции к концепту «президент» посредством лексемы *president* и ее дериватов. (Концепт мы рассматриваем, вслед за В. И Карасиком, как «сложное ментальное образование, определенное в языке и включающее образный, понятийный (иначе – фактуальный) и ценностный компоненты» [Карасик 2001], в соответствии с чем мы рассмотрим понятийную и структурную составляющие концепта *president* в сознании носителей американской лингвокультуры.)

Концепт «президент» в американском варианте английского языка репрезентируется различными способами, начиная с синонимичных

рядов и заканчивая фразеологическими единицами, образуя довольно насыщенное и разнообразное номинативное поле. Лексема *president* является номинативной доминантой концепта «президент», так называемым репрезентантом концепта. Обратившись к словарным статьям, газетным статьям и интернет-ресурсам, мы получили 72 единицы, которые проанализировали по двум признакам: по способу вербализации концепта и по содержанию.

С точки зрения способа апелляции мы разделили полученные данные по следующим категориям:

1. Имена собственные предметов и явлений американской действительности (14). В эту группу вошли название особняка (*President's Guest House*), комиссий (*President's Committee on Administrative Management*, *President's Private Sector Survey on Cost Control*), совета (*President's Export Council*), законопроектов (*Presidential Records Act*, *Presidential Succession Act of 1947*), программы (*Presidential Reconstruction*), наград (*The President's Volunteer Service Award*, *Presidential Unit Citation*, *Presidential Medal of Freedom*), исследовательского центра (*Presidential Studies Quarterly* или *Center for the Study of the Presidency*), предвыборного фонда (*Presidential Election Campaign Fund*), предвыборной теории (*Presidential Election Cycle Theory*) и праздника (*Presidents' Day* или *Washington's Birthday*).

2. Фразеологические единицы (Согласно определению В. В. Виноградова, под фразеологической единицей мы понимаем «немоделированное словосочетание, связанное семантическим единством. В речи такое единство не создается, а воспроизводится в готовом виде (не моделировано) и функционирует как единый член предложения» [Виноградов 1977: 140–161].) (8). Все они относятся к фразеологическим единствам (По классификации В. В. Вино-

градова, «менее "спаянные"» фразеологические единицы, один компонент которых сохраняет свое значение, а другой полностью его теряет, но где «значение целого никогда не равняется сумме значений элементов» [Виноградов 1977: 140–161.]: *presidential bee, the presidential fever, presidential itch, presidential bug, presidential instrument, presidential timber, presidential draft, President's family*. Такие словосочетания, как *presidential bee, the presidential fever, presidential itch, presidential bug*, входят в состав ряда устойчивых выражений, которые обозначают «иметь неистовое желание стать президентом». Данные выражения употребляются довольно часто в газетных статьях как 19–20-х веков, так и в современной публицистике:

- have (got) a/the presidential bee in one's bonnet: *So far as I know, there is no actual proof that Hopkins had the Presidential bee in his bonnet before 1936... – Насколько мне известно, нет никаких доказательств того, что Хопкинс до 1936 года мечтал стать президентом [Sherwood].*

- be tickled by the presidential bee: *Mr. Johnson is tickled by the presidential bee. At the same time his head is in danger. – Джонсон безумно хочет стать президентом. В то же самое время, его голова в опасности [Corp. Tanner's ambition].*

- scratch one's presidential itch: *Hillary Clinton wants to be president more than anything. And that's exactly the problem. She cares less about the suffering in Iraq, the plundering of our health care system by for-profit insurers, the outsourcing of jobs overseas, and all the other problems afflicting millions of Americans, than she does about scratching her presidential itch. – Хилари Клинтон хочет быть президентом больше чем что-либо еще. И это – точно проблема. Она меньше переживает о страданиях в Ираке, разорении нашей системы здравоохранения коммерческими страховщиками, аутсорсинге рабочих мест за границей и всех других проблемах, сокращающих миллионы американцев, – меньше, чем о том как удовлетворить свое неистовое желание занять президентское кресло [The Great American Novel: 2008].*

- a (raging) case of presidential fever: *Sen. George Mc Govern has a raging case of Presidential fever, but that's about all. – У сенатора Джорджа Макговерна неистовое желание стать президентом, но не более того. [Alexander : 1971].*

- have (got) the presidential fever/itch: *But if she (Hillary Clinton) still has the presidential itch, she'd be a stronger and more seasoned future candidate despite the bruising she took in this campaign. – Но если ей (Хилари Клинтон) все же еще хочется стать президентом, она будет еще более сильным и закаленным кандидатом в будущем, несмотря на все синяки,*

которые она получила в этой кампании [Campbell 2008].

- be bitten with the presidential bug: *I've read that McCain has hired the very person who orchestrated the attack against him in the 2000 South Carolina race. If so, it's just another example of what candidates will do when bitten with the Presidential bug. It's not good for the character or the soul. – Я читал, что МакКейн нанял того самого человека, который организовал столкновение с ним в 2000 в политической гонке в Южной Каролине. Если так, то это лишь еще один пример того, что делают кандидаты, когда ими овладевает навязчивая идея стать президентом. Это не хорошо ни для характера, ни для души [Kleefeld 2008].*

- get the presidential bug bite: *Finally, unknown to Johnson, Grant was getting the presidential bug – the Republican presidential bug. – В итоге Грант обзудел от желания стать президентом от республиканцев, чего Джонсон даже не подозревал [Richter 2006: 308].*

- catch the presidential bug: *Alaska Gov. Palin was publicly cool to talk that she might have caught the presidential bug and seek to run against Democrat Barack Obama in 2012. – Губернатор Аляски Пэлин была спокойна перед публикой, говоря о том, что, возможно, она тоже хочет стать президентом и будет соперничать с демократом Бараком Обамой в 2012 году [Holland 2008].*

- be infected by the presidential bug: *But it wasn't too long before he was infected with the presidential bug again. – Но пришлось не слишком долго ждать, прежде чем он снова выказал желание стать президентом [Richardson 2001: 232].*

3. Политические термины (50). Данная группа включает в себя: наименования президента – *President of the United States, President emeritus, President elect, President incumbent*; наименования служащих президенту – *Presidential appointee, presidential officer*; названия учреждений, которые осуществляют работу при президенте – *Presidential agency, presidential establishment*; названия собраний, действий и встреч – *presidential commission, presidential instrument, presidential emergency action, presidential briefing, Presidential press conference, presidential veto*; названия президентских программ – *Presidential campaign*; ряд терминов, связанных с выборами президента – *Presidential draft, Presidential year, Presidential candidate*, или *presidential contender, presidential election, presidential elector, presidential electorate, presidential nomination, presidential nominee, presidential primaries, presidential primary, presidential short ballot, presidential transition, presidential voter*; названия срока действия полномочий президента – *presidential term, presidential tenure*; названия привилегий президента – *presidential retirement benefits, Presidential privacy, presidential immunity, Presidential privilege*; названия

преерогатив президента – *presidential proposal*, *presidential prerogative*, *presidential power*, *presidential pardon*, *presidential clemency*, *presidential remission*, *presidential approval of legislation*; названия процесса отстранения президента от власти – *Presidential succession*, *presidential disability*, *presidential impeachment*; название правительства при президенте – *presidential government*.

Анализ структуры данных случаев апелляций привел нас к следующим результатам:

– В 59 случаях апелляция к концепту происходит посредством прилагательного *presidential*, деривата от лексемы *president* в следующей структуре: «*presidential*» + существительное. В эту группу входят названия предметов или явлений американской действительности, устойчивые словосочетания и фразеологические единицы. Например, *Presidential Records Act*, *Presidential Reconstruction*, *Presidential Succession Act of 1947*, *Presidential Unit Citation*, *presidential veto*, *presidential term*, *presidential tenure*, *presidential fever*.

– В 10 случаях словосочетания включают в себя лексему *president* с заглавной буквы в притяжательном или именительном падеже и существительное, например: *President's day*, *President's family*, *President emeritus*, *President elect*, *President Incumbent*.

– Сложнопроизводные слова (отглагольное прилагательное и существительное): *president-maker*, *presidentially-appointed*.

Все полученные единицы интересны для нас не только с точки зрения структуры и этимологии. Схожесть значения многих единиц позволила нам разбить их на группы по значению:

1. Словосочетания, связанные с выборами президента. Данная категория насчитывает самое большое число единиц – 19, что связано со значимостью этого события для носителей языка. Американцы являются политически активной нацией и относятся к выборам как весьма ответственному шагу, важному не только для жизни всей страны, но и лично для каждого. Здесь мы встречаем наименования индивидуальных и коллективных субъектов, задействованных в выборах – *presidential electorate* (президентский электорат), *presidential voter* (лицо, имеющее право принимать участие в выборах президента), *presidential candidate*, *presidential nominee* и *presidential contender* (кандидат в президенты), *presidential timber* и *presidential hopeful* (президентский материал), *president-maker* («творец президентов»); название выборов – *presidential election*; названия различных этапов предвыборной процедуры – *presidential primaries* (праймериз (предварительные выборы), этап президентских выборов, позволяющий определить ведущих претендентов на президентский пост от основных политических партий), *presidential transition* (переходный период, период между избранием президента США и

его инаугурацией); название процесса выдвижения кандидатов – *presidential nomination*, *presidential draft* («мобилизация в президенты» – выдвижение в президенты политического деятеля, который не выказывает особенного желания делать это); название бюллетеня для голосования – *presidential short ballot*; названия фонда для предвыборной кампании – *presidential election campaign fund*; название года, в который происходят выборы – *presidential year*, и название теории циклов президентских выборов – *presidential election cycle theory*. (выборы президента).

2. Словосочетания, которые описывают действия и полномочия президента (10): *presidential term* и *presidential tenure* (президентский срок), *presidential proposal* (законодательное предложение президента), *Presidential Succession* (Закон о Преемственности президентской власти), *Presidential approval of legislation* (одобрение (подписание) законопроекта президентом), *presidential veto* (президентское вето), *presidential prerogative* (президентская прерогатива), *presidential power* (президентская власть; полномочия, правомочия президента), *presidential pardon*, или *presidential clemency* (президентское помилование), *presidential remission* (решение, которое освобождает от ответственности человека, признанного виновным судом США).

3. Словосочетания (7), обозначающие документы и официальные встречи. Эта группа включает в себя название программы – *Presidential Reconstruction* (Президентская реконструкция), собраний – *presidential press conference* (пресс-конференция президента с представителями средств массовой информации), *presidential briefing* (президентский брифинг); документов – *presidential instrument / president's instrument* (президентский акт, документ, исходящий от президента, или орган или структура, которая помогает президенту управлять страной), *Presidential records* (президентские отчеты – документальные материалы, созданные или подписанные президентом, его непосредственным штатом, структурой или человеком исполнительной власти как следствие исполнения обязанностей президента), *Presidential Records Act* (Закон о президентских отчетах), *The Presidential Briefing Book* (Президентская записная книжка – документ, состоящий из 243 страниц, который освещает основные вопросы исполнительной власти, оплошности конгресса, секретные операции, внутренние события, бюджет и так далее); действий президента – *presidential emergency action* (чрезвычайная акция президента).

4. Словосочетания (8), обозначающие органы или структуры президентской власти – *presidential establishment / presidential agency* (орган президентской власти), *President's Council* (советы при президенте в различных областях), *presidential commissions*, или *president's*

commission (комиссии при президенте; это временные единицы власти) и людей, входящих в службу президента – *president's family*, или *president's official family* (чиновники, входящие в состав администрации президента США; относятся к членам «президентской семьи», или «семейству»), *Presidential Officer*, или *Presidential Appointee* (президентский назначенец), или *presidentially-appointed official* (назначенный президентом чиновник).

5. Словосочетания, которые обозначают статус президента США в разные периоды (4): *President Elect* (вновь избранный президент), *President incumbent* (президент, вступивший в должность), *President of the United States* (президент Соединенных Штатов Америки), *President emeritus* (экс Президент США; титул бывшего Президента США).

6. Словосочетания, обозначающие награды, присуждение которых осуществляет президент (5). *Presidential awards*, или *The President's Award* – обозначают общее понятие президентской награды. Известны такие президентские награды, как *The President's Volunteer Service Award* (Президентская награда за добровольную службу); *Presidential Medal of Freedom* (президентская медаль свободы); *Presidential Unit Citation* (Благодарность Президента – награждение воинской части; при получении этой награды отличительный знак вручается всем военнослужащим данной части).

7. Словосочетания, которые обозначают стремление стать президентом США (4): *Presidential bee*, или *Presidential bee in one's bonnet* («президентский зуд», непреодолимое желание стать президентом США), *The Presidential fever* («президентская лихорадка»), *Presidential bug* (мания президентства).

8. Словосочетания, которые обозначают привилегии президента (4). Общим названием для всех привилегий является словосочетание *Presidential privilege* (привилегия президента). Известны следующие привилегии: *presidential immunity* (президентская юридическая неприкосновенность), *Presidential privacy* (конфиденциальность определенных видов деятельности президента), *presidential retirement benefits* (привилегии президента при выходе в отставку).

9. Словосочетания, обозначающие действия, направленные против президента (2): *Presidential disability* – президентская недееспособность, или лишение права быть президентом (в порядке импичмента), *presidential impeachment* – импичмент, отставка президента.

10. Словосочетания, которые обозначают место работы и проживания президента, хранилища документов, связанных с деятельностью президента (3): *President's Guest House* (особняк для гостей президента), *presidential office* (офис президента), *presidential libraries* (президентские библиотеки).

В группы, состоящие из одного члена, вхо-

дят словосочетания, обозначающие название праздника, института по изучению роли президента и правительственной системы США: *Presidents' Day*, или *Washington's Birthday* (День Президентов, или День рождения Вашингтона) – официальный праздничный день, который отмечается в третий понедельник февраля в большинстве штатов; *Presidential government* (президентская правительственная система) – правительство, которое назначается и возглавляется главой государства (в отличие от кабинетной системы); *Presidential Studies Quarterly*, или *Center for the Study of the Presidency* (центр по изучению института президентства).

Выводы:

1. Наличие различных способов апелляций к концепту и структур свидетельствует об актуальности концепта «президент» в американской лингвокультуре.

2. Способы апелляции к концепту «президент» включают в себя свободные словосочетания с лексемой *president* и ее дериватами, имена собственные, термины, устойчивые словосочетания и фразеологические единства.

3. Номинативное поле концепта «президент» весьма разнообразно. К ядру концепта относятся словосочетания, обозначающие: а) выборы президента, б) действия и полномочия президента, в) названия документов и официальных встреч, г) органы или структуры президентской власти и людей, входящих в службу президента, д) звания президента США в разные периоды, е) президентские награды, ж) непреодолимое желание стать президентом США, з) привилегии президента, и) действия, направленные против президента, к) место работы и проживания президента, хранилища документов, связанных с деятельностью президента.

ЛИТЕРАТУРА

Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: 1977. С. 140–161.

Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как единица исследования // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. – Воронеж, 2001.

Кулявцева М. Ю. Концепт Джорджа Вашингтона в американской лингвокультуре // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире: сб. статей / отв. ред. Г. Г. Слышкин. – Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО «Волгоградская академия государственной службы», 2007.

Кулявцева М. Ю. Концепт Д. Эйзенхауэра в американской лингвокультуре // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и методики преподавания иностранных: Материалы межрегиональной научной конференции (Волгоград, 8 февраля 2007). – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2007.

Кулявцева М. Ю. Концепт Франклина Рузвельта в американской лингвокультуре // Меняющаяся коммуникация в меняющемся мире: сб. статей. Т. 2. – Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГСб, 2008.

Кулявцева М. Ю. Интразона концептов американских президентов // Единицы языка и их функционирование: межвуз. сб. науч. тр. – Саратов: Изд-во ГОУВПО «Саратовская государственная академия права», 2007. Вып. 13.

Кулявцева М. Ю. Экстразона концептов американских президентов // Аксиологическая лингвистика: проблемы лингвокультурологии и лингвокультурных типажей. – Волгоград: «Колледж», 2007.

Нахимова Е. А. Прецедентное поле «монархи» в дискурсе современных российских СМИ // Политическая лингвистика: научное издание / под ред. А. П. Чудинова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 2009. Вып. 1(27). С. 85–91.

Слышкин Г. Г. Государственные деятели: след в языковом сознании // Научно-аналитический журнал Обозреватель – Observer. 2004. № 8 (175). С. 116–125.

Черноморец М. В. Лингвокультурные концепты германских канцлеров: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 – Волгоград, 2010.

Alexander H. Solon with raging case of Presidential fever. // Rome News-Tribune. 1971. Feb. 5. URL: <http://news.google.com/newspapers?nid=348>.

Campbell D. Why Veep is Tough Sell // USA

Today. 2008. June 4th. URL: <http://blogs.usatoday.com/oped/2008/06/why-veep-is-a-t.html>.

Corp. Tanner's ambition. // The New York Times. 1889. July 13. URL: <http://query.nytimes.com/mem/archive-free/pdf>.

Holland S. What happens to Sarah Palin now? // Reuters. 2008. November 5th. URL: <http://www.reuters.com/article/newsOne/id>.

Kleefeld E. Commentary to the video «New McCain» Ad: «The American President Americans Have Been Waiting For». 2008. March 28. URL: http://tpmelectioncentral.talkingpointsmemo.com/2008/03/new_mccain_ad_the_american_pre.php.

Richardson D. G. A Nation Divided: The 1968 Presidential Campaign. // Universe. 2001. P. 232. URL: <http://books.google.ru>.

Richter W. L. Historical dictionary of the Civil War and Reconstruction // Scarecrow Press. 2004. P. 308. URL: <http://books.google.ru>.

Sherwood R. Roosevelt and Hopkins: An Intimate History // New York. 1950. URL: www.history.vuzlib.net/book_o072_page_106.html.

The Great American Novel // Update America. 2008. 27, April. URL: <http://www.updateamerica.com/lists/604/2008/04/>.

© Бурцева-Кулявцева М. Ю., 2010

А. В. Канафьева
Москва, Россия

**РИТОРИЧЕСКОЕ ВЫСКАЗЫВАНИЕ
В СОВРЕМЕННОЙ ПУБЛИЧНОЙ РЕЧИ**

ГСНТИ 16.21.55

Аннотация. В данной статье рассматриваются функции риторических высказываний разных моделей в современной публичной речи. В качестве основной выделяется функция обличения. Анализируется субъективно-эмоциональный план содержания риторических высказываний.

Ключевые слова: риторическое высказывание; риторический блок; вопросительная форма; экспрессивность.

Сведения об авторе: Канафьева Аля Васильевна, кандидат филологических наук, докторант кафедры современного русского языка.

Место работы: Московский государственный областной университет.

Контактная информация: 111 395, г. Москва, ул. Красный Казанец, д. 7, кв. 73.
e-mail: masha_lekant@mail.ru.

A. V. Kanafieva
Moscow, Russia

**RHETORICAL EXPRESSION
IN MODERN PUBLIC SPEECH**

Код ВАК 10.02.20

Abstract. The article reviews functions of rhetorical expressions in different patterns of the public speech. The author singles out the function of exposure as the main function. The article is also devoted to the analysis of subjective-emotional side of the expression.

Key words: rhetorical expression; rhetorical complex; interrogative form; expressivity.

About the author: Kanafieva Alya Vasilievna, Candidate of Philology, Doctoral Student, the Department of the Modern Russian Language.

Place of employment: Moscow State Regional University.

Под риторическим высказыванием в данной статье понимается высказывание, имеющее вопросительную форму (местоименные компоненты, вопросительные частицы, вопросительную интонацию), но не предполагающее ответной вербальной реакции адресата. В риторике такие высказывания определяются как *риторический вопрос*. Известный русский ученый, автор «Общей риторики» 1844 г. Н. Кошанский, относя риторический вопрос к *фигурам мысли*, отмечал, что фигуры мыслей отступают от «прстой, обыкновенной, холодной речи», что они – «выражение, исполненное чувства – язык страстей». Оратор употребляет фигуры мыслей «в жару чувств, в стремлении души, в пылком движении сердца» [Кошанский 1844].

Употребляемые на современной газетной полосе риторические высказывания (далее – РВ) не имеют тех специфических черт, которые были присущи им изначально, когда они служили средствами передачи возвышенных чувств, благородных порывов, страстности, патетики. Из множества функций РВ (эмотивной, оценочной, воздействующей, аргументирующей, апеллятивной и др.) в современной прессе преобладает функция **разоблачения, уличения** в неблагоприятных поступках известных широкой публике лиц. Внимание пишущих сосредоточено на скандальных, преступных, противозаконных, аморальных поступках. Авторы статей не стесняются в выражениях и прямолинейных оценках, выступая непримиримыми оппонентами тех, кого критикуют. Читая статьи А. Проханова, В. Костикова, поневоле сжимаешься от кипящей ярости, ненависти авторов, и в то же время испытываешь чувство неловкости: нет культуры публичных выступлений, культуры общения. И не запоздалые ли это разоблачения?

Функции разоблачения особенно подчинены

РВ, употребляемые политиками, находящимися в оппозиции к действующим властным структурам разных уровней. Эти РВ имеют ярко выраженный эмоциональный характер: негодование, презрение, издевка, сарказм и под. Негативный эмоциональный настрой авторы публичных выступлений посредством РВ обрушивают на своих противников, апеллируя к сознанию и чувствам адресата, желая повлиять в нужном направлении на формирующиеся у слушателя мнения и оценки.

Страстностью, эмоциональным накалом, жесткостью оценок отличаются, например, публичные выступления В. Костикова. В статье «Игры глухих» [АИФ. 2010. № 10] он поднимает тему провального выступления наших спортсменов на Олимпийских играх в Ванкувере. Употребляя яркие, очень выразительные метафоры, автор замечает, что «спортивный инфаркт» как одна из «российских болячек» вызван рядом причин, отнюдь не ограничивающихся, например, отсутствием собственного спортивного инвентаря. Настоящая причина провала, по мнению автора, – это коррупция на всех уровнях. Автор пишет: «Во время недавней нашумевшей ссоры А. Кудрина с Ю. Лужковым министр финансов открыто сказал, что может «рассказать много интересного о бюджете Москвы и расходах мэрии». Далее он употребляет РВ: «И что же? Кто-то предложил создать парламентскую комиссию по расследованию? Кто-то предложил вызвать «двоих друзей» на слушания в сенат? Нет. А. Кудрин просто «облегчил душу», а Ю. Лужков немного пообижался». Собственное мнение автора о необходимых мерах заключено в РВ. Кто-то в функции субъекта означает не *никого*, а вполне определенный круг лиц, которым подвластно изменение ситуации и которые могут повлиять на ход событий. Веро-

ятно, круг этих лиц составляют влиятельные государственные и общественные деятели парламента и сената, не желающие или опасющиеся совершить законные действия. Действия, выраженные перформативными каузативными глаголами, представляются для субъекта *кто-то* опасными, с точки зрения говорящего. РВ – намеки автор употребляет, когда говорит о противозаконной растрате бюджетных ассигнований на развитие спорта и подготовку российских спортсменов: *Бюджетные ассигнования на спорт в последние годы возросли в несколько раз. Но ни до спортсменов, ни до тренеров, ни до наших дворовых мальчишек они не дошли. Кто-нибудь объяснит нам, где эти деньги? Может быть, Счетная палата?»*.

Автор не ограничивается сферой спорта, когда говорит о нецелевом использовании финансовых бюджетных средств. РВ с местоименными компонентами *куда, почему* и глагольными предикатами *даться (исчезнуть, пропасть)* в форме перфектного прошедшего определяют позицию автора, отраженную в вопросительной форме: *Вопросы такого рода шевелятся по всем закоулкам экономики. Куда, например, делись 3 млрд. рублей, расхищенных, по словам главного военного прокурора С. Фридинского, в силовых ведомствах страны? Ясно, что к рядовым солдатам и младшим офицерам они не попали. Или почему «вдруг» выясняется, что стране не нужно половины имеющихся танков? Почему излишек в 10 000 (!) танков выявлен только сейчас? Почему танковые генералы молчали многие годы? А ведь на содержание этих бронированных ртов годами выделялись деньги». Обличительный пафос, эмоция негодования, негативная оценка усиливаются лексическим повтором *почему*. Все составляющие РВ направлены на прагматический эффект публичного выступления, повышение его суггестивности. У адресата тоже возникает вопрос: «А действительно, почему?»*

В другой публикации [АИФ. 2008. №1] В. Костиков осуждает неоправданные затраты разветвленной власти, употребляя РВ с частицей *ли*, имеющие семантику отрицания: *Многое зависит от нравственной позиции властей и тех, кого принято называть элитой. Смогут ли они поддержать атмосферу единения в беде? Или элита, упаковав чемоданы, съедет на Запад, в заранее заготовленные квартиры? Такие подозрения есть. Там же: А сколько стоит наша разветвленная власть? Так ли уж обязательно столько машин сопровождения для многочисленных высокопоставленных кортежей? Нужно ли столько государству резиденций? Время ли обустраивать новые дворцы? Так ли необходим, например, московской власти новый Дворец приемов – Петровский дворец? Не лучше ли отдать его под Дом пионеров? Заключение РВ в этом*

блоке с частицей *не... ли* является утвердительным, предложением «операционного предпочтения» [Арутюнова 1998]. В нем отражена позиция автора: *не лучше ли* означает *лучше*.

Аксиологическая установка автора, его ценностная ориентация выражается и в следующих РВ: *Недавно мы ехали к другу на дачу по Рублевскому шоссе в сторону Звенигорода. И вот едем: ни полей, ни лесов, с двух сторон дороги 6-метровые заборы. От кого они прячутся? От природы? От журавлей в небе? Ты где-нибудь за границей видел такое?* [А. Шевчук. АИФ. 2010. №37]. Такие лаконичные РВ иногда воздействуют на адресата больше, чем некоторые пространные бесстрастные тексты.

Распространены в современной прессе РВ с частицами *неужели* и *разве*. Их семантика в наиболее общем виде – выражение несоответствия позиции автора иной версии или трактовке события: «...содержание предложения с частицей *разве* противоречит положительным сведениям, которыми ранее располагал говорящий, а содержание предложения с частицей *неужели* – его гипотезам, которые он склонен выдвинуть, но об истинности которых у него нет положительных данных» [Булыгина, Шмелев 1997].

Так, журналист Леонид Млечин, говоря о причинах «разгула» майора Евсюкова, приведшего к гибели людей, пишет: «*Опасные склонности не могли не проявляться и прежде. Неужели никто ничего не замечал? Или люди с этими качествами как раз и находят себя в милиции?»* РВ с частицей *неужели* выражает семантику утверждения, уверенность автора в обратном: *Не может быть, чтобы никто ничего не замечал*. Риторическая форма утверждения включает и жесткую насмешку автора. Саркастично и второе РВ. РВ с частицей *разве* через отрицательную форму утверждает иную пропозицию, а именно – какими качествами должны обладать молодые люди, приходящие в правоохранительные органы: «*Разве приходящих в правоохранительные органы молодых людей учат защищать и охранять граждан? Разве, отправляя патрулировать город, им говорят: помогите людям, оберегайте их от неприятностей? Учат их совсем другому: хватать и разгонять, сажать и наказывать»*. Акцентируя причинно-следственную связь, автор употребляет РВ сложной структуры: *Милицейские начальники встроены в систему всеобщей коррупции. А рядовой милиционер же все видит: если генерал построил особняк и ездит на «Мерседесе», отчего же ему не получить свою долю? И получает* [АИФ. 2010. № 6].

Некоторые части газетных публикаций представляют собой сцепление РВ, образующее риторический блок: *Если ты кровавый бандит, закапываешь трупы в лесу, но строишь часовню, – ты патриот и христианин? Если срезаешь наголо реликтовый русский лес*

и по дешевке толкаешь его в Израиль, но при этом жертвуешь на книжицу русского поэта, – ты патриот? Если ты – «нефтяной король», гонишь русскую нефть за кордон, оставляя пустыми баки русских тракторов и комбайнов, и при этом произносишь на банкетах тост за русский народ, – ты патриот? Неужели батюшки, освящающие «мерседесы» и плавательные бассейны магантов, не боятся сгореть в аду? [А. Проханов. «Завтра». 2001. №31]. Части блока – РВ сложной структуры, однотипно организованные, реализующие противительные-уступительные отношения. Предикативные признаки, приписываемые обобщенному субъекту *ты*, заключены в антонимических лексических средствах, выражающих взаимоисключающие понятия: бандит не может быть патриотом и христианином, как не может быть им и человек, разбазаривающий во имя корыстных целей национальное достояние, – это противоречит логике, здравому смыслу. Заключительное РВ в этом блоке выражает интенцию автора: все это преступно по отношению к стране, к людям, а еще более – к Всевышнему. В РВ заключена резко негативная оценка, передается страстность автора, категоричность и однозначность оценок.

Давая интервью АИФ в свой юбилей, Народный артист Сергей Юрский рассуждает о пагубном влиянии власти на людей. Говоря о царе Ироде Агриппе, утверждает: «...человек он был образованный, заботящийся о благе своего народа, дипломат и пр. **На чем он сгнил? Причем сгнил, как написано в Евангелии, внезапно: просто напала болезнь, раз – и все. Бога забыл. Он решил, что все исходит из его власти. <...> Он возомнил себя ВСЕвластелином. Не то ли самое произошло с Иосифом Виссарионовичем, которого я играю в спектакле «Вечерний звон»? Болезнь, психическая болезнь Сталина – когда она пришла? Была изначально? Нет! Он человек, как и царь Ирод, выдающийся. Меня ругали за эти слова, я даже письма гневные получал: «Вы нас оскорбили! Как вы могли назвать Сталина выдающимся?» Конечно, выдающийся! А какой? Средний? Нет, не средний!» Для актера, создающего сценический образ не обычного человека, а человека выдающегося, вызывающего противоречивые оценки историков, политиков, народных масс, чрезвычайно важно проникнуть в тайные лабиринты души личности Сталина, понять причины ее распада, истоки его болезни всевластелинства. Выделенные риторические вопросы имеют **акцентирующий характер**: они фиксируют внимание читателей (потенциальных зрителей) на стержневых моментах пьесы, а также на собственных взглядах актера. Проводя параллель между личностью Ирода и личностью Сталина, он знает ответ на свои вопросы, хотя и**

предполагает несогласие с его трактовкой читателей (зрителей). Возможное расхождение в оценках подтверждается формой импровизированного диалога: на собственный вопрос адресату говорящий инсценирует ответную реплику-вопрос, которая тут же им отрицается.

Беспомощность российских СМИ в формировании высоконравственной личности, отстаивании национальных приоритетов разоблачает один из авторов местного издания МГУПечати Михаил Ненашев: *Роль СМИ в современной российской общественной жизни выглядит не только странно, но и двусмысленно. В самом деле, о чем может повести речь федеральное телевидение, занятое преимущественно развлечением, когда президент всерьез заявляет, что основу нашей политики должна составлять идеология, в центре которой – человек как личность и как гражданин? Что могут сказать СМИ, когда президент заводит речь о нравственных духовных ценностях? Какой отклик может вызвать на телевидении его заявление о том, что мы должны консолидироваться вокруг наших национальных приоритетов – свободы и справедливости, человеческого достоинства и благополучия, защиты семьи, отечества, единства многонационального государства? Ведь это самое телевидение уже не одно десятилетие занято главным образом тем, что разрушает упомянутые ценности, и немало в этом преуспело.* РВ с местоименными компонентами о чем, что, какой в приведенном фрагменте статьи имеют негативно-оценочный характер. Утверждение о двусмысленной роли СМИ аргументируется экспрессивной формой следующих за ним РВ, итог риторических утверждений автора содержится в заключительном предложении, указывающем на главную причину «морального износа» СМИ.

Таким образом, РВ разных структурно-семантических моделей, объединяя рациональное и эмоциональное, объективное и субъективное, являются в современной публичной речи, в частности в газетных текстах, эффективным средством воздействия на адресата, формирования у него соответствующих оценок и мнений. Несомненна их полифункциональность, хотя для современных публичных выступлений более всего характерны РВ с функцией разоблачения и неразрывно связанной с ней эмотивно-аксиологической.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. – М., 1998.
 Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики) – М., 1997. С. 275.
 Кошанский Н. Общая риторика. Изд. 9-е. – СПб., 1844. С. 91, 107.

© Канафьева А. В., 2010

О. Н. Кондратьева
Кемерово, Россия

**МЕТАФОРИЧЕСКАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ УКРАИНЫ
В ИДИОСТИЛЕ ЮЛИИ ТИМОШЕНКО**

ГСНТИ 16.21.27

Аннотация. В статье дан анализ концептуально-го представления о политической сфере. В процессе анализа выявляются и описываются основные сферы-источники метафорической концептуализации политической жизни Украины в идиостиле Юлии Тимошенко. Автором делается вывод о доминировании в речи Тимошенко метафорических моделей с концептуальными векторами жестокости, агрессивности и конкуренции (война, спорт, преступление, фауна и др.).

Ключевые слова: метафорическая модель; политика, идиостиль; концептуализация; Украина.

Сведения об авторе: Кондратьева Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков.

Место работы: Кемеровский государственный университет.

Контактная информация: 650004, г. Кемерово, пр. Октябрьский, д.33а, кв. 57.
e-mail: Kondr25@rambler.ru.

O. N. Kondratyeva
Kemerovo, Russia

**METAPHORICAL REPRESENTATION
OF POLITICAL LIFE IN THE UKRAINE
IN YULIA TYMOSHENKO IDIOSTYLE**

Код ВАК 10.02.01

Abstract. The article analyzes the conceptual notions of the political sphere. In the course of the analysis the main source-domains of the metaphoric conceptualization of political life of the Ukraine in idiostyle of Yulia Tymoshenko are revealed and described. The author concludes that the dominant metaphorical models in Y. Tymoshenko speeches contain vectors of cruelty, aggressiveness and competition (war, sport, crime, fauna and others).

Key words: metaphorical model; politics; idiostyle; conceptualization; the Ukraine.

About the author: Kondratyeva Olga Nikolaevna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of General Linguistics and Slavic Languages.

Place of employment: Kemerovo State University.

В лингвистике XX–XXI веков в рамках антропоцентрической парадигмы активно развивается новое лингвистическое направление – политическая лингвистика, сосредоточенная на исследовании политического языка разных периодов развития Российского государства, а также политического языка других государств. Как отмечает А. П. Чудинов, отдельная серьезная проблема современной политической лингвистики – это «изучение идиостилей крупных политических фигур» [Чудинов 2001: 215]. А. Н. Баранов также указывал на важность задачи «метафорической портретизации» политических деятелей.

Идиостилей крупных отечественных и зарубежных политиков обладают индивидуальностью, они вполне узнаваемы, и для каждого из них характерна неповторимая образность. Подобные исследования позволяют выявить предпочтения конкретных политиков в выборе той или иной понятийной области для описания политической действительности. Выявление в речи конкретных политиков предпочитаемых метафорических моделей имеет принципиальное значение, так как метафоры политиков задают способ осмысления ситуаций, подталкивая слушателя к выбору определенного сценария для понимания и оценки [Будаев, Чудинов 2006; 2008].

В лингвистике последних лет представлены работы, посвященные идиостилю Б. Ельцина, В. Путина, Б. Обамы [Белкина 2002; Гаврилова 2004; Шустрова 2010]. Однако в политической жизни XXI века усиливается женское начало. В преимущественно мужской компании политиков на крупных постах появляются женские фигуры;

наиболее яркие среди них – Государственный секретарь США Кондоллиза Райс, Федеральный канцлер Германии Ангела Меркель, президент Латвии (1999–2007) Вайра Вике-Фрейберга, президент Финляндии Тарья Кáарина Хáлонен, президент Аргентины Кристина Киршнер, премьер-министр Украины Юлия Тимошенко и другие.

Если отдельные языковые особенности политического дискурса К. Райс, А. Меркель и В. Вике-Фрейберг служили материалом для анализа [Клочко 2009; Полякова 2009], то особенности идиостиля Юлии Тимошенко пока, насколько нам известно, еще не становились объектом специального изучения, несмотря на значимую роль, которую Тимошенко играет в современной политике. Показательно, что в 2005 году журнал «Forbes» назвал украинского премьера Юлию Тимошенко третьей по влиятельности женщиной планеты.

Таким образом, выбор для анализа идиостиля Юлии Тимошенко обусловлен целым комплексом факторов: 1) значимым положением Ю. Тимошенко на политическом Олимпе Украины; 2) тесными контактами Украины и России; 3) харизматичностью данной личности и 4) яркостью, метафоричностью ее политических текстов.

Итак, Юлия Владимировна Тимошенко – государственный и политический деятель Украины, премьер-министр Украины (в феврале–сентябре 2005 и декабре 2007–марте 2010), лидер партии «Батькивщина» (Родина) и блока БЮТ (Блок Юлии Тимошенко), одна из лидеров «Оранжевой революции» 2004 года, кандидат в Президенты Украины на выборах 2010. Ни один

политический лидер, на наш взгляд, не удостоился такого количества эпитетов прессы, как Юлия Тимошенко. Среди ее прозвищ – «Леди Ю» (по аналогии с «Леди Ди» – харизматичной английской принцессой Дианой), Джулия Крейзи, Тимошенница, «дама с косой», «женщина на миллиард долларов», «газовая принцесса», «оранжевая принцесса», «самурай в юбке», «фюрер в юбке», «терминатор haute couture», «БЮнТовщица» (от названия Блока Юлии Тимошенко – БЮТ), «украинская Жанна д'Арк», «великая отечественная ВОНА» и даже «единственный мужчина в украинской политике».

В настоящем исследовании был проанализирован корпус текстов Юлии Тимошенко 2006–2010 годов. В качестве материала были использованы русские переводы интервью украинского премьер-министра различным изданиям и телеканалам, выложенные на соответствующих сайтах, а также материалы, представленные на официальном сайте Юлии Тимошенко (<http://www.tymoshenko.com.ua/>).

При изучении концептуальных сфер-источников метафорической экспансии в идиостиле Ю. Тимошенко было обнаружено, что политическая жизнь Украины чаще всего метафорически концептуализируется как *война, криминальный мир, театральное представление, игра, спортивное состязание, заболевание и животный мир*. Рассмотрим особенности переносных метафорических моделей.

1. Сфера-источник «Война»

Как уже неоднократно было отмечено исследователями, данная понятийная сфера относится к наиболее частотным исходным понятиям сферам, задействованным в метафорическом конструировании мира политики. Не является исключением и идиостиль Юлии Тимошенко. Нестабильная политическая ситуация на Украине в XXI веке, пребывание Юлии Тимошенко значительную часть политической карьеры в оппозиции обуславливают особую продуктивность метафор подобного типа в ее выступлениях.

Главные военные события разворачиваются в рамках страны, это война против украинского государства и его интересов: *Виктор Ющенко сдал Украину Януковичу, и сегодня они ведут совместную войну против государства* [Официальный сайт. 14.01.2010]. Политические персонажи, утратившие власть в 2004 году, настойчиво стремятся к реваншу: *Только вместе, единые мы можем противопоставить свою цель реваншу, который надвигается на наше государство в лице тех сил, которые хотят завоевать власть, которая не досталась им в 2004 году* [Официальный сайт. 22. 01.2010].

Политические деятели концептуализируются посредством сопоставления с различными армейскими чинами, среди которых есть как рядовые воины, так и представители командного состава. Члены политических партий и изби-

ратели воспринимаются как рядовые бойцы: *Сегодня я предлагаю начать по Украине движение специальной идентификации всех наших бойцов и борцов, всех людей, которые исповедуют наши ценности и идеалы, – это движение «Два кольора»* [Официальный сайт. 24.08.2010], – себе же Юлия Тимошенко отводит роль полководца. Так, на вопрос журналиста, не возникает ли у нее желания бросить все и уехать из страны, был дан следующий ответ: *Ни один настоящий полководец не бросал поле боя. А у нас не просто поле боя, у нас реанимация для спасения жизни 46 млн украинцев, и бросить эту реанимацию без профессиональной помощи нельзя* [Коореспондент.net.].

Действия политических сил описываются метафорами тактики ведения боевых действий. В высказываниях Ю. Тимошенко частотны такие словосочетания и лексемы, как *боевые действия, дать бой, политические бои, зачистка, блокада, атаковать, отступить, отходить, бить по своим, наносить удары* и др.: *Я понимаю, что вы устали от жестоких политических боев, и я вместе с вами также хочу стабильности и спокойствия в нашем государстве, но если сегодня мы не защитим демократию, право вашего честного выбора, завтра мы проснемся в другой стране, где правят диктатура и беззаконие* [Официальный сайт. 13.02.2010]. Бездарные политические решения воспринимаются как разрушительный удар по объекту (Украине): *Большого удара, чем нанес Ющенко Украине, не нанес даже Кучма. Он разрушил все, начиная с тех времен, когда проводилась «Украина без Кучмы»* [Официальный сайт. 11.03.2010].

Битва идет не только между разными политическими партиями, но и внутри них: *А если лидер оппозиционной партии бьет по своим, это лучшая лакмусовая бумажка, это критерий того, чтобы определиться, что это не настоящая оппозиция* [Официальный сайт. 01.05.2010].

Сражение, в том числе и политическое, невозможно без применения оружия. Политики ревностно наблюдают друг за другом, определяя, какие средства есть в арсенале их противников: *Эти люди хотят сегодня прорваться к власти, неся риски потери европейского пути независимости, и мы должны знать, каким оружием они воюют* [Официальный сайт. 22.01.2010]. Участники политических боев используют для достижения своих целей самые разнообразны виды оружия, чаще всего современные, например, пушки и артиллерию: *Самой большой политической ошибкой его президентства было использование против меня «тяжелой артиллерии»*. [РосИнвест]; *Уважаемые оппозиционеры, поверните ваши пушки на настоящих оппонентов* [Коореспондент.net.]. Основным оружием в политических

баталиях выступают бюллетени и голоса избирателей: *У народа есть оружие, но его немного, и одно из таких оружий надежных – это бюллетень, голос и возможность сказать свое слово всей власти и всем политикам* [Официальный сайт. 24.08.2010].

Изменения в политических реалиях, резкое обострение политических отношений традиционно описывается в таких метафорических выражениях, как *напасть, развязать войну, объявить войну, бросить вызов, вызвать на бой, бросить перчатку*. Юлия Тимошенко активно использует в своих обращениях к соперникам метафоры дуэли и рыцарского поединка, восходящие к европейской традиции. Так, баллотировавшись в президенты, она настойчиво приглашала Януковича принять участие в политических дебатах: *Я еще раз вызываю Януковича на дебаты. Если он откажется, я буду считать, что он просто трус и не может держать удар* [Официальный сайт. 12.01.2010]; *Сейчас я хочу еще раз бросить ему (Януковичу. – О. К.) перчатку и 15 января пригласить на прямые дебаты. ... Если он не появится, для меня это будет означать, что он не имеет права вообще претендовать на высшую должность в стране* [Официальный сайт. 14.01.2010].

Результаты противостояния субъектов политической деятельности могут быть метафорически представлены как победа, поражение, оккупация, пленение. Счастливым исход битвы – это, конечно же, победа: *У меня сейчас есть ощущение и складывается уверенное впечатление, что победа именно такой Украины, которую мы хотим видеть – она будет, и будет достойной, без всякой возни и суеты* [Официальный сайт. 10.01.2010]. Неблагоприятный исход военных действий предстает как поражение, следствием которого является сдача своих территорий, оккупация, плен, выплата контрибуции, захват трофеев: *Мы не хотим, чтобы нас считали трофеем, – отмечает Ю. Тимошенко в своем интервью газете «Вельт» [Все СМИ]. Лоббирование исключительно своих интересов в ущерб государству расценивается как поражение и «сдача» государства: Виктор Ющенко сдал Украину Януковичу, и сегодня они ведут совместную войну против государства* [Официальный сайт. 14.01.2010], а заключение экономически невыгодных сделок – как проигрыш и выплата контрибуции: *Создается впечатление, что как будто Украина проиграла войну Януковичу, и победители обложили всех нас контрибуциями и репарациями* (Комментарий Юлии Тимошенко в связи с планируемым подписанием правительством Николая Азарова мирового соглашения с компанией «Венко») [Официальный сайт. 09.09.2010].

Политическая ситуация на Украине концептуализируется как активные боевые действия. В правительстве окопались враги, которых не-

обходимо победить любой ценой, так как борьба идет за будущее государства. Метафора с военной сферой-источником является наиболее частотной и структурированной в выступлениях Юлии Тимошенко, активно представлены фреймы «война и ее разновидности», «организация военной службы», «военные действия и вооружение», «начало войны и ее итоги». Сферой метафорического притяжения данной метафоры выступают политические и экономические процессы, политики и их действия, страна в целом. Это война всех и против всех, равнодушных и наблюдающих со стороны практически нет. Прагматический потенциал военной метафоры характеризуется векторами агрессивности, опасности, тревожности. В то же время в подобных метафорах просматривается обеспокоенность судьбой страны, стремление бороться за нее изо всех сил ради лучшего будущего.

2. Сфера-источник «Криминальный мир»

При описании политической сферы Юлия Тимошенко активно использует криминальные метафоры. Политическое сообщество предстает как мир преступности, живущий по своим законам и имеющий свою иерархию. Участники политических процессов метафорически представлены как преступники, угрожающие спокойной жизни государства: *воры, клептоманы, коррупционеры, костоломы, наперсточники*.

Наиболее распространенной в украинской политике является воровская специализация: *Украиной правят лихие воры, добром ничего не отдадут* [Официальный сайт. 09.09.2010]. При этом воровские способности политиков гиперболизируются. Так, Юлия Тимошенко, характеризуя деятельность Януковича, отмечает: *если посчитать, что Янукович [премьер-министр] был у власти 16 месяцев, то они воровали со скоростью по 60 долларов в секунду. Это без перерыва на сон, пищу и отпуск. Если взять эти 10,2 миллиарда в 100-гривенных купюрах, то вес денег такого объема будет составлять 100 тонн, а если все купюры положить в одну стопку, то получится пирамида, которая в 7 раз выше, чем Эйфелева башня!* [Коореспондент.net.]. С точки зрения Тимошенко, украинские политики просто одержимы идеей воровства, она перерастает у них в манию, практически профессиональную болезнь – клептоманию: *Да, это блицкриг настоящих клептоманов от власти. Вот слаженная политика, но я хотела бы, чтобы она из Украины наконец-то раз и навсегда ушла* [TIMES.UA.].

Также среди представителей политического преступного мира выделяются лица, выполняющие «мокрую» работу – костоломы: *А в ближайшие недели костоломы из группы по подготовке к проведению судебной реформы предпримут еще кое-что* [УБОП. Убойный политотдел]. Главный политический противник Тимошенко, Янукович, предстает в ее воспри-

ятии как опытный наперсточник. Премьер-министр отметила, что ее оппонент хорошо знает: без фальсификации результатов голосования он не одержит победу, **и именно поэтому он продолжает действовать старыми трюками наперсточника, но я хочу напомнить, что в наперстки он уже отыграл, а сейчас нужно жить по демократическим и честным правилам** [Официальный сайт. 12.01.2010].

Внутри преступных сообществ существует жесткая иерархия. За происходящими на политической арене событиями зорко наблюдают специально поставленные «смотрящие»: **Выступили заместители руководства метро и сказали, что себестоимость проезда в метро – 80 копеек. А почему установили 2 гривны? Очень простой ответ: отстранили Черновецкого, поставили донецкого "смотрящего" в Киев, и он сегодня, по сути, владеет финансовыми потоками метрополитена** [Официальный сайт. 07.09.2010]. Вершина криминальной иерархии – «крестный отец»: **Это значит, административный ресурс в советах всех уровней и прежде всего в парламенте будет в абсолютном большинстве. Значит, депутаты – бизнесмены и чиновники будут расписаны по округам в кабинете Януковича. Правда, перед этим им нужно будет поцеловать перстень крестному отцу, а после, как станут депутатами – регулярно прикладываться к другим, менее эстетичным местам** [УБОП. Убойный политотдел].

Политики, приходя во власть, становятся неподконтрольными, и их разрушительная для государства деятельность метафорически представляется с помощью единиц **грабить, насиловать, убивать, держать за горло: Это не Налоговый кодекс, это право держать страну за горло, причем держать крепко. И это в каждой сфере нашей жизни**, – резюмировала Юлия Тимошенко [Официальный сайт. 07.09.2010]. Среди видов деятельности украинских политиков доминируют кражи и насилие. Экономические сделки, невыгодные для Украины, и вольное обращение с финансами расценивается как воровство у украинского народа: **Идея Януковича о создании газотранспортного консорциума – это кража у Украины газовой транзитной магистрали, это полная ликвидация транзитной системы, и после этого в энергетическом мире мы станем просто нищими** [Официальный сайт. 23.01.2010]. Реже встречаются метафоры «физического устранения». Так, борьба за рейтинг представляется как расправа с конкурентами: **Лидеры новосозданных партий уверены: надо "мочить" своих – забирать их рейтинги. Так мне объяснили технологи новых политсил** [УБОП. Убойный политотдел].

Так как в политическом мире действуют преступные силы, должны быть и люди, ведущие с ними борьбу и оберегающие покой населения. Данную роль Юлия Тимошенко отводит

себе и представителям своего политического блока: **И я обращаюсь к Януковичу: господин Янукович, у Вас эти трюки еще раз не пройдут. И еще раз мы Вам очень хорошо дадим по рукам, так, как это делали в 2004 и 2005 году** [Официальный сайт. 05.01.2010]; **Мы не позволим вернуть Украину в хаос беззакония и жизни по законам криминального мира** [Официальный сайт. 11.01.2010].

Метафорическая модель с исходной сферой «криминал» в изученном материале представлена фреймами «преступники и их специализация», «преступные сообщества и их структура», «профессиональная деятельность и быт преступников», «милиция и охрана». Продуктивность криминальной метафоры в политической коммуникации обусловлена распространением на постсоветском пространстве мифа о всемогуществе преступного мира, о преступлении как о единственном средстве добиться справедливости и даже просто выжить.

В выступлениях Юлии Тимошенко Украина зачастую предстает как преступное сообщество, где нет места гуманным отношениям, где правят криминальные авторитеты, обкрадывающие народ, а сама Тимошенко – как представитель правоохранительных органов, способный прекратить политический беспредел и наказать преступников. Криминальная метафора пронизана концептуальными векторами тревожности, опасности, агрессивности, противостоит ответственности существующего положения дел.

3. Сфера-источник «Строительство»

Метафорическое представление политических реалий и процессов как дома (в том числе его строительства, ремонта и разрушения) – один из наиболее традиционных для политической речи образов. Как отмечает А. П. Чудинов, «когда политики хотят внушить человеку мысль о необходимости каких-то действий, они или стремятся включить соответствующие реалии в сферу его "дома", или внушают мысль об опасности для его "дома"» [Чудинов 2001: 155].

Украина в выступлениях Юлии Тимошенко предстает как дом, населенный жителями страны, являющимися его полноправными хозяевами: **Дорогие соотечественники! Искренне поздравляю вас с Днем независимости Украины! Сегодняшний праздник символизирует победу украинского народа в тысячелетней борьбе за право жить в собственном государстве и быть хозяином в своем доме** [Официальный сайт. 24.08.2010]. Себе при этом она отводит скромную роль слесаря, обеспечивающего комфортное существование жильцов: **я убеждена, что люди вообще не должны знать фамилию премьер-министра, как не знают фамилию слесаря в доме, где все в порядке с отоплением и трубами. При президенте Тимошенко жители страны не будут знать, как зовут премьера, – это главный признак того, что власть работает как положено** [Фокус].

Тем не менее тот дом, который существует, с точки зрения Тимошенко, не соответствует современным стандартам, а потому необходимо начать работы по его совершенствованию: *Я сделаю все для того, чтобы в команду пришли совершенно новые люди, которые готовы посвятить жизнь **полной перестройке Украины**, и чувствуют, что знают, как это сделать...* [Официальный сайт. 05.04.2010].

Многие существующие политические реформы также рассматриваются как дом, вот только чрезвычайно уродливый и совершенно непригодный для проживания: *Но не возьмутся они лишь до тех пор, пока не будет отменена эта уродливая политреформа. Она настолько уродлива, что даже эпитет подобрать сложно. Нечто вроде панельной пятиэтажки на курьих ножках с картонным стеклопакетом* [Фокус]. Ремонтные работы должны начаться с разрушения олигархии: *И потому, заявила кандидат в Президенты, в первую очередь необходимо ломать олигархию в Украине* [Официальный сайт. 24.01.2010].

Функцию строительства украинского государства Тимошенко берет на себя, указывая, что предыдущая команда с этой задачей не справилась: *Хотя столько шансов, сколько было у этого Президента (Ющенко – О. К.), не было ни у одного другого Президента нашей страны – чтобы построить сильную Украину* [Официальный сайт. 23.06.2010], а Виктор Янукович *...вообще не знает, как строить будущее Украины, или он просто не имеет интеллекта дискутировать на эту тему* [Официальный сайт. 14.01.2010].

Для построения новой страны необходимы политические и экономические реформы и приглашение опытных международных специалистов: *Президент и новый Премьер-министр Украины должны войти в историю как люди, которые **выстроили реформированную страну**. И именно для этого мы будем приглашать и международных специалистов, и очень серьезные профессиональные круги, и будем прислушиваться к мировому опыту* [Официальный сайт. 03.02.2010]; *У нас все еще есть шанс **построить страну, опираясь на опыт других, потративших на это века, избегая их ошибок, используя их лучшие достижения*** [Официальный сайт. 09.10.2010].

Построение нового государства должно идти по европейским правилам, по сути это некий «евроремонт»: *Я не оставляю эту борьбу, пока мы не сможем **построить европейские порядки, правила, Европу в Украине*** [Официальный сайт. 10.01.2010]; *Первое – это **построение Европы в Украине, это построение в Украине европейских четких порядков, норм, освоение ценностей, которыми живет сегодня Европа*** [Официальный сайт. 29.01.2010].

Строительство счастливого государства включает в себя строительные работы в экономике, политике, социальной сфере. Это и построение качественной медицины: ***Построение качественной медицины – это большой шаг для построения качественной жизни*** [Официальный сайт. 29.01.2010], грамотное выстраивание президентской власти в Конституции: ***В новой Конституции должна быть правильно выстроена системная президентская власть или так же четко и понятно выстроена парламентская форма правления*** [Официальный сайт. 14.01.2010], построение партнерских отношений с соседними государствами: ***Мы обречены жить, соседствуя с Россией. Поэтому построение взаимовыгодных отношений между нашими странами – это наше общее задание с людьми, которые правят в Кремле*** [Официальный сайт. 12.01.2010].

На данный момент «строительные работы» в украинской политике находятся на стадии проектирования и закладки фундамента: *Я хочу, чтобы **мы заложили фундамент на этих местных выборах и нашей командной работы, и нашего движения*** [Официальный сайт. 28.09.2010]; *В наших руках сейчас все, и я верю, что на этот раз новый путь Украины начинается. Мы с вами **будем двигаться по этому пути не одно столетие, потому что наше поколение сейчас закладывает фундамент*** [Официальный сайт. 14.01.2010].

Конечный результат – это построение справедливой и богатого государства, в котором все жители будут чувствовать себя свободными, защищенными: ***Мы должны построить счастливое государство, чтобы каждый мог получить в нем то, что хочет*** [Официальный сайт. 17.01.2010]; *Уверена, что мы обязательно победим, когда сплотимся вокруг единой цели – **построения справедливого и богатого государства, где каждый гражданин чувствует себя свободным и защищенным, а закон – один для всех*** [Официальный сайт. 20.09.2010].

Таким образом, рассмотренная метафорическая модель представлена двумя основными фреймами: «жильцы и владельцы дома», «строительство, ремонт и разрушение дома»; в качестве сферы-мишени выступают Украина и ее жители, а также политические, экономические и социальные реформы. Метафора дома связана с позитивными прагматическими смыслами, для нее характерны концептуальные векторы защищенности, надежды на будущее, стремления изменить жизнь к лучшему.

4. Сфера-источник «Игра»

Как было сказано, «вся наша жизнь – игра», политическая жизнь также развивается по определенным правилам. Политики – это люди, которые постоянно играют в игры, играют на публику, стремятся обыграть своих конкурентов. Для политического дискурса Тимошенко

характерна метафоризация политической деятельности противников не как обычной игры, а как игры с нарушением правил или игры в поддавки. Если сама по себе игра – уже нечто искусственное, то игра с нарушением правил, игра в поддавки – неискренность и искусственность в квадрате, она всегда приносит вред Украине: *Или, может, неплохо вышло у Януковича сыграть в поддавки с RosUkrEnergo, где сознательно проиграли Стокгольмский суд и подарили себе 1,5 млрд грн. из бюджета* [Корреспондент.net]; *Действующий глава правительства считает, что Виктор Янукович пообещал досрочные выборы в парламент для того, чтобы подыграть тем лидерам, которые не прошли во второй тур* [Официальный сайт. 02.02.2010].

Подобные стратегии игры политиков приводят к проигрышу всего государства в целом: *На проигрыш себя обрекает страна, которая допускает такую систему выборов, которая обеспечивает конкуренцию денег, а не идей* [Официальный сайт. 09.10.2010]; *Что нужно делать, чтобы стране каждый раз не проигрывать? Нам нужно поблагодарить Господа, что он в XXI веке дал нам возможность построить правила жизни в своей стране, в своем доме с чистого листа, учитывая все ошибки и достижения лучших стран мира* [Официальный сайт. 09.10.2010]. Игры политиков со страной просто опасны, особенно когда идет игра ва-банк, их не следует допускать: *Отчетливо понимая, что Янукович – это прямая угроза украинской государственности, всем нашим ценностям и стратегическим интересам, включая европейское будущее, я пришла к выводу, что нельзя допустить игру со страной ва-банк* [Зеркало недели].

Среди игр, в которые предпочитают играть политики, преобладают азартные. Азарт охватывает человека, управляет его поведением, человек теряет контроль над собой, неслучайно говорят даже о существовании болезни, связанной с постоянной необходимостью ощущения азарта, лудомании (от лат. *ludus* – игра). Так же и политики одержимы азартом, желанием сыграть и победить. Они играют в рулетку, карты, наперстки и пользуются подобными технологиями в своей основной деятельности: *В итоге выборы у нас превращаются в политическую рулетку – угадаю новую политическую силу или снова вляпаюсь!* [Коммерсантъ Украина]; *И именно поэтому он продолжает действовать старыми трюками наперстника, но я хочу напомнить, что в наперстки он уже отыграл, а сейчас нужно жить по демократическим и честным правилам* [Официальный сайт. 12.01.2010].

Однако игры по таким правилам не дают долговечного результата, они приводят к разрушению всего созданного: *и если мы покажем Януковичу его место на этих выборах, докажем, что мы не воспринимаем эту политику,*

то дальше у него все будет сыпаться, как карточный дом [Официальный сайт. 07.09.2010].

Метафорические модели с источником «игра» представлены фреймами «правила игры» и «виды игры», а сферой-мишенью выступает исключительно деятельность украинских политиков. Показательно, что в идиостиле Тимошенко политики играют только с нарушением правил и только в азартные игры, ведь именно в таких играх результат зависит не от личных достоинств и усилий политика, а от умения притвориться, обмануть и от судьбы, удачного случая. Игровые метафоры обладают негативным прагматическим потенциалом, реализуя значение неискренности и обмана.

5. Сфера-источник «Театр»

Политическая жизнь Украины регулярно описывается как некое зрелище, представление различных видов и жанров. Иллюзорность, мнимость происходящего, неискренность и притворство – вот базовые черты театральной метафоры в политическом дискурсе.

Наиболее часто разыгрываемые на политической сцене представления предназначены для узкого круга посвященных лиц: *Юлия Тимошенко считает, что организованный властями съезд судей был "спектаклем для своих": Съезд судей тоже сфальсифицировали* [Официальный сайт. 17.09.2010].

В жанровом отношении это представление – спектакль-фарс, т. е. посредством подобной метафоры актуализируется идея профанации, имитации какого-либо процесса, например судебного: *тогда я поняла, что этот судебный фарс нужно прекращать, и публично отозвала свой иск. Как кандидат в президенты, я ощутила на себе то, с чем сталкиваетесь вы каждый день, – с невозможностью защитить правду в суде* [Официальный сайт. 22.02.2010]; *Он (Янукович. – О. К.) знает, что поддержка его действий в обществе сегодня критически низка, и он будет всеми возможными способами избегать выборов либо превращать их в сфальсифицированный фарс* [Зеркало недели].

Все спектакли разыгрываются по заранее написанным сценариям: *Юлия Тимошенко: власть действует по сценарию "от агрессии до ратификации"* [Официальный сайт. 28.04.2010]; *Благодаря тому, что мы не будем молчать – удастся не допустить худшего развития сценария* [Официальный сайт. 25.05.2010].

Перед премьерой нового политического спектакля обязательно проходит генеральная репетиция: *Не нужно забывать, что эти местные выборы – генеральная репетиция отработки системы фальсификации для всех последующих* [Зеркало недели].

Автором постановок выступает творческая группа, так называемые «креативщики»: *Этот Налоговый кодекс разрабатывала "творче-*

ская группа" во главе с Тигипко и Бродским. Это как раз те креативщики, те "сильные политики", те "новые лица", которые дали этот продукт, который, по сути дела, является горем для страны [Официальный сайт. 25.06.2010]. В процессе подготовки постановки проводится кастинг для отбора наиболее подходящих на роли кандидатов: Заработать на стране – здесь массовый кастинг, а честно и профессионально служить готовы единицы [Зеркало недели].

После утверждения актерского состава политикам остается только разыграть предложенный спектакль, лихорадочно меняя маски и подстраиваясь под предлагаемые условия: **Политики меняют маски евроинтеграторов, коммунистов, меценатов, любителей России, но суть при этом одна – "иметь свою страну"** [УБОП. Убойный политотдел]. То есть им приходится, при всей своей реальной или мнимой значимости, довольствоваться ролью марионеток, которых некий кукловод дергает за ниточки: *Ведь к власти пришли опять те же силы, которые являются марионетками в чужих руках, не украинские силы, не украинские руководители [Официальный сайт. 09.03.2010]; Я хочу опровергнуть слова руководителя Счетной палаты Валентина Симоненко. К сожалению, он является марионеткой Януковича. Каждая копейка резервного фонда Кабинета министров потрачена на государственное дело, потрачена по назначению, и за каждую копейку я готова отчитаться перед законом [Официальный сайт. 20.05.2010].*

Даже основной кандидат в президенты не является самостоятельной фигурой: *Для меня Янукович – это не лидер, не кандидат в Президенты, не политик, это ставленник украинской олигархии, марионетка, через которую они хотят дальше забирать у государства все стратегические объекты [Официальный сайт. 03.02.2010]. Отдельные политические фигуры вообще выполняют только функцию декораций: Что касается Черновецкого... Он уже давно декоративная фигура, лишённая политической самостоятельности для каких-либо переговоров [Зеркало недели].*

Некоторые политические актеры настолько вживаются в отведенную им сценаристом роль, что утрачивают чувство реальности: *Как уважающий себя человек я почти никогда не смотрю УТ-1 и «Интер»... Тигипко, который так вошел в роль руководителя страны, что это просто уже неприлично выглядит... [Зеркало недели].* Как видно из проанализированного материала, субъекты политической деятельности не живут подлинной жизнью, а вопреки своей воле исполняют чьи-то предначертания.

В рамках театральной метафоры отмечены фреймы «жанр представления» и «люди театра», а сферой-мишенью выступают политические события и политики. Прагматический по-

тенциал театральной метафорической модели характеризуется концептуальными векторами неискренности, притворства, искусственности. С помощью данной метафоры актуализируется лицемерие участников политической жизни и их несамостоятельность, лживость предвыборных обещаний, предрешенность результатов избирательной кампании.

6. Сфера-источник «Спорт»

Политические события на Украине постоянно метафорически представляются как спортивные состязания. Чаще всего подобным образом концептуализируются политические дебаты и выборы: **Дебаты – это соревнование интеллектов, это соревнование программ, и то, что сегодня такого соревнования не произошло – это неуважение не ко мне, это неуважение к вам [Официальный сайт. 01.02.2010]; Именно поэтому сегодня, принимая участие в очередных соревнованиях, как раз будучи кандидатом в Президенты, я вижу только один путь развития: все наши добрые планы, все настоящие ценности, которые были четко объявлены во время последних выборов Президента, нужно просто сделать реальностью [Официальный сайт. 29.01.2010].**

Чаще всего упоминаются соревнования на скорость – гонка и марафон: *Я иногда бываю неоправданным романтиком в политике... Когда завершились гонки, я почему-то подумала, что, очевидно, Ющенко так же больно за то, что происходит с Украиной [Официальный сайт. 23.06.2010].* В гонке есть лидеры и аутсайдеры: *Пример такой внутривидовой войны – технология "против всех", оплаченная окружением Януковича и проведенная в жизнь политическими аутсайдерами [Убойный политотдел].*

Во многих случаях борьба за власть предстает как командная игра. Для метафорического пространства мужчин-политиков это футбол, баскетбол и хоккей, для женской картины мира Юлии Тимошенко не характерно указание на конкретные командные виды спорта, для нее важно только подчеркнуть, что именно от слаженности и решительности команды зависит исход событий: **сделаю все для того, чтобы в команду пришли совершенно новые люди, которые готовы посвятить жизнь полной перестройке Украины и чувствуют, что знают, как это сделать. Моя цель – привлечь в команду неслабых людей, которые не распыляются в луже при первом испытании. Каждому достойному человеку, всей Украине сейчас нужна именно такая команда. Надо признать, что такой команды на сегодня в полном составе у нас нет [Официальный сайт. 05.04.2010]; Политическую волю, которая может преодолевать старые традиции, старые правила, консолидировать команды, находить для команд смысл в совместных дей-**

ствиях, – я думаю, и этого тоже не хватало [Официальный сайт. 29.01.2010].

Более близким видом спорта для Тимошенко является йога, именно с ней она и сравнивает украинскую политику: *Это категорически исключено. Я скорее буду писать книги или профессионально заниматься йогой (которую украинская политика напоминает все больше и больше)* [Ведомости].

Тимошенко полагает, что стране нет необходимости играть во все существующие политические игры, необходимо выбрать несколько, и уж в них добиться впечатляющих результатов: *Нам нужно выделить 5-6 направлений, где Украина может стать игроком в мире, где она может просто показывать стандарты, демонстрировать первенство. У нас есть такие направления* [Официальный сайт. 11.01.2010].

Метафорические модели с исходной сферой «спорт» в изученном материале представлены фреймами «виды спорта» и «квалификация спортсменов». Данные фреймы в выступлениях Юлии Тимошенко слабо структурированы, что, видимо, объясняется тем, что сфера спорта является в большей степени областью мужских, нежели женских интересов. В целом посредством спортивных метафор передается дух соперничества, царящий между различными политическими партиями и отдельными политиками, стремление любой ценой быть первым, лидировать.

6. Сфера-источник «Медицина»

При использовании в политическом дискурсе морбиальных метафор страна, ее политические и экономические структуры, а также сами политики представляются как страдающий от болезни человек, которому необходима срочная помощь профессиональных медиков.

Украина тяжело больна, и главная ее болезнь – коррупция. Юлия Тимошенко в своей предвыборной программе отмечает, что *коррупция – это раковая опухоль современной Украины, которая несовместима с демократией* [Официальный сайт. 03.01.2010]. Сама Тимошенко в этой ситуации предстает как квалифицированный врач, который неотлучно находился при больном в переломные моменты, проверял пульс и наблюдал за течением болезни: *Даже в кризис – тяжелый, финансовый, экономический – я держала руку на пульсе ключевых, стратегических направлений развития нашего государства* [Официальный сайт. 11.03.2010].

Правительство Украины имеет свою историю болезни: *все, что вы в Налоговом кодексе читаете – это история болезни правительства Януковича – Азарова и руководителей группы, разрабатывавшей его – это Тигипко и Бродский* [Официальный сайт. 25.06.2010]. Страна и экономика также серьезно больны, их необходимо во что бы то ни стало поставить на ноги: *Сейчас мы не можем по-*

вышать социальные расходы, в то время когда нам нужно поднять и поставить на ноги экономику, которая сильно пострадала от кризиса, как и во всем мире [Официальный сайт. 01.02.2010].

Тяжелое состояние пациента требует немедленного оперативного вмешательства, пока не стало слишком поздно. Причем вмешательство должно быть радикальным – пластическое операции, имеющие корректирующий характер, для бездарных проектов и реформ бессмысленны: *Почему вы против усовершенствования Конституции, за которое выступает Виктор Ющенко? – Совершенствовать эту реформу – все равно что проводить пластическую операцию на бородавке* [Коммерсантъ Украина], а потому необходима исключительно хирургическая операция.

В качестве такой операции предстает работа над новым вариантом конституции: *Вы знаете, иногда для того чтобы удалить раковую опухоль, надо сделать очень сложную хирургическую операцию. Так вот, ни Мороз, ни Янукович, ни Симоненко никогда не возьмутся за создание новой редакции сбалансированной Конституции, которая бы не носила лоббистского характера по отношению к какой-то политической партии или ветви власти!* [Коммерсантъ Украина] и досрочные выборы: *Сегодня досрочные выборы – это самое меньшее из зол. Лучшие сразу резко и решительно выдрать больной,гнилой зуб, чем ежедневно по несколько часов безрезультатно крошить его бормашиной* [Коммерсантъ Украина].

Местами проведения лечения являются медицинская лаборатория и реанимация: *Такие люди есть, в том числе и в самом Национальном банке. НБУ – это как медицинская лаборатория, но с точки зрения совести, профессионализма и морали. Там должны работать люди, образно говоря, в белых халатах и исповедовать тот же принцип, что и Гиппократ: «Не навреди»* [Фокус]; *А у нас не просто поле боя, у нас реанимация для спасения жизни 46 млн украинцев, и бросить эту реанимацию без профессиональной помощи нельзя* [Коореспондент.net].

Соответственно, политические оппоненты метафорически характеризуются как физически и психически больные люди, которые могут причинить серьезный ущерб стране. Юлия Тимошенко отмечает низкий интеллектуальный уровень Януковича: *Из человека с IQ, близким к трагической нулевой отметке, в новостях создают лидера нации* [УБОП. Убийный политотдел] и с уверенностью опытного диагноста ставит диагноз своему основному политическому сопернику: *Я понимаю, что из пластилинового Януковича можно лепить все что угодно, здесь творчество ничем не ограничено, его диагноз очевиден, это – деменция. Однако "януковичи" приходят и уходят,*

Украина же, ее интересы, народ – навсегда [Официальный сайт. 30.04.2010]. Демэнция – это приобретенное слабоумие, стойкое снижение познавательной деятельности с утратой в той или иной степени ранее усвоенных навыков, следовательно, избиратели должны понять, что ни в коем случае такому политику нельзя доверять управление страной.

Окружение президента также предстает как неподдающееся излечению: *к сожалению, вообще все, что происходит возле президента, в его окружении, в его администрации, с самим президентом, – это очень сложный, политически клинический случай* [Коммерсантъ Украина]. Бывший президент, Виктор Ющенко, также, по мнению Тимошенко, безнадежен: *прочла в интернете новую порцию оскорблений от Виктора Андреевича в свой адрес. Прочитав, поняла: вылечить это невозможно* [УБОП. Убойный политотдел].

Чтобы у власти не оказалось столь «безнадежно больных» политиков, Тимошенко хотела бы ввести определенный комплекс медицинских мер. Прежде всего провести хирургическое вмешательство и установить, насколько кандидат предан интересам своей родины: *Не существует такой хирургической операции, благодаря которой можно было бы накануне составления списков так вскрытие сделать, чтобы посмотреть, есть там честь, совесть, патриотизм, любовь к Украине. К сожалению, таких операций не существует, и приходится только во время тяжелых испытаний выяснять, где люди преданы Украине, а где просто немножко заблудились и зашли не в ту политическую силу* [Официальный сайт. 08.05.2010], а затем, для надежности, сделать прививку от глупости: *Жаль, что еще не изобрели прививку от глупости. А то такие прививки нужно было бы делать всем политикам, прежде чем допускать их к решению государственных задач* [Информационно-аналитический ежедневник «Улица Заречная»]. Только после этого можно допускать людей к власти.

Тимошенко вообще озабочена проблемой прихода новых политиков во власть. Их появление должно происходить поэтапно, над этим необходимо работать, как работают над созданием новейших медицинских препаратов, обязательно и проведение клинических испытаний, доказывающих его пользу для государства и отсутствие побочных эффектов: *Когда разрабатывается медицинский препарат, он не применяется без доклинических и клинических испытаний, так и каждый новый политик должен не по рекламе попадать на должность, а проходить определенный этап становления* [Официальный сайт. 10.01.2010].

Метафорические модели с исходной сферой «медицина» в дискурсе Юлии Тимошенко представлены фреймами «пациенты и медпер-

сонал», «диагноз», «состояние пациента», «способы лечения и лекарства». В качестве сфер-мишеней выступают политики, экономика страны и Украина. Метафоры, созданные по рассматриваемой модели, носят преимущественно эмотивный характер и позволяют образно представить бедственное положение Украины, вызывают сочувствие к «больному государству», обостряют негативное отношение к виновникам этого состояния, настраивают избирателей на необходимость немедленных решительных действий и смены политического курса.

7. Сфера-источник «Мир животных»

При использовании традиционной для политического дискурса зооморфной метафоры политика предстает как царство животных. Так, политики метафорически описываются как представители животного мира. Отношения политиков между собой представляются как агрессивное взаимодействие, *грызня, межвидовая или внутривидовая борьба*, что позволяет выявить безжалостность, а зачастую и бессмысленность политической борьбы: *Многочисленным лидерам многочисленных оппозиционных партий и движений надо найти в себе мудрость и волю объединиться, оставив пока в стороне свои политические амбиции и междоусобную идеологическую грызню* [Зеркало недели]; *Уважаемые оппозиционеры, поверните ваши пушки на настоящих оппонентов. Еще Чарльз Дарвин сказал, что борьба внутри вида более жесткая и кровобадная, чем борьба одного вида с другим. Так вот, я хочу, чтобы мы положили конец этому "дарвинизму"* [Коореспондент.net]; *Пример такой внутривидовой войны – технология "против всех", оплаченная окружением Януковича и проведенная в жизнь политическими аутсайдерами* [УБОП. Убойный политотдел].

Чаще всего Юлия Тимошенко использует при характеристике политиков образ приматов. Народные представления об обезьянах как дальних родственниках человека, стоящих ниже на лестнице развития, менее умных, шумных, достаточно бестолковых и живущих рефлексом, а не интеллектом, позволяет Тимошенко создавать яркие негативные образы политических противников: *Эти две фракции напоминают бандерлогов, которые сами заползают в чужой желудок, ошибочно думая: это и есть их собственная политическая стратегия. Хотя вы правы, слабая надежда, что они не пойдут на самоуничтожение, все еще теплится* [УБОП. Убойный политотдел].

Уподобление обезьяне с бананом характерно и для создания метафорического портрета В. Януковича: *Для меня абсолютно решен вопрос о том, что человек без образования, без видения, что делать, и абсолютно не понимая, как он оказался при власти, не зная, как организовать минимальный процесс, и, как обезьяна, держа в руке банан, все равно тя-*

нет руку к гильотине. Эта обезьяна не разжимает руку, тянет банан, не понимая, что там гильотина. Но банан ей ценнее. Так приблизительно выглядит этот кандидат в президенты. Для меня этот человек еще в 2004 году абсолютно перестал существовать как конкурент и политик [РосБалт].

Для изображения карманной оппозиции задействован образ собаки, полностью подчиняющейся своему хозяину: Параллельно с этим, он (Янукович. – О. К.) непрочь уничтожить реальную оппозицию, поддержав, вразув, взлелеяв "взамен" свою, ... лишь бы гавкала и замолкала по взмаху руки "хозяина". Вам ничего это не напоминает? [УБОП. Убойный политотдел].

При характеристике одного из своих политических противников Тимошенко использует образ быка, который настолько послушен, что готов стерпеть раздражающий красный цвет и матадора: Ничего, как показывает исторический опыт, Александр Мороз с красным цветом отлично уживается и не будет сломля голову бросаться на матадоров из Конституционного суда [КоммерсантЪ Украина].

Для обозначения политиков, отживших свое, используется метафора **динозавра**: Главное – только чтобы эти старые динозавры еще с кучмовских времен, чтобы они не возвращались [Официальный сайт. 12.01.2010].

В рамках птичьих образов для метафоричного представления депутатов Ю. Тимошенко использует образ **вьорков**, отмечая следующее: Я отлично знаю наших депутатов. Знаю их менталитет, повадки и стремления. Это абсолютно прагматичные люди. За эти годы я изучила наших парламентариев лучше, чем Чарльз Дарвин птиц вьорков на Галапагосских островах: у каждого разный «клюв» в соответствии с запросами и потребностями. Борьба за выживание и приспособляемость к изменяющимся условиям у большинства этих людей просто выдающиеся [Фокус].

Среди образов рыб, используемых для характеристики политиков, лидирует акула, хищный нрав и всеядность которой приписываются конкурентам: Да, сегодня у нас иная модель, когда власть является непосредственным участником зарабатывания денег большими кланами. Это делается без правил, без норм и ограничений. Как-то по телевизору, по каналу "Discovery", показывали вскрытие большой белой акулы. У нее в желудке обнаружили не сколько буйков, номерной знак автомобиля, пару консервных банок, моток проволоки и остатки байдарки. Если вскрыть украинского чиновника, картина будет примерно та же. Они едят все с большим аппетитом [Ведомости].

В другом выступлении Тимошенко также говорит о вскрытии желудков политиков: Мы – первое правительство, которое за полтора

месяца смогло вытащить из желудков политиков 40 миллионов гривен, а впоследствии сможем найти гораздо больше, если нам не будут затыкать рот и связывать руки [Информационно-аналитический ежедневник «Улица Заречная»].

Сфера «насекомые» представлена образом саранчи, пожирающей все на своем пути: Я как Премьер-министр ни на одну государственную дачу не въехала и не въеду. Ни у меня, ни у моей семьи, ни у моих близких до десятого колена нет (в собственности) ни одной государственной дачи или куска земли. И не будет. Я хочу этим отличаться от саранчи – бюрократической, чиновничьей, – которая берет все, что им только под руку попадает [Официальный сайт. 04.01.2010]; мы будем в суде, и будем защищать страну от второго нашествия, извините, всей этой олигархической саранчи. Можно съесть все, но страну нам надо защитить и сохранить [Официальный сайт. 10.01.2010].

Метафорическая модель с исходной понятийной сферой «животный мир» в выступлениях Юлии Тимошенко представлена преимущественно фреймом «наименования животных» и сферой-мишенью выступают исключительно политические деятели и партии. Подобные метафоры обладают ярким эмоциональным потенциалом и содержат оценку субъектов политической деятельности. Используя зооморфную метафору в описании политиков, Юлия Тимошенко стремится акцентировать внимание на «всеядности» чиновников, поглощающих в процессе своей деятельности денежные средства нации, на их агрессивности, приспособляемости к любым условиям, стремлении победить в борьбе с сородичами и получить свой кусок.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в выступлениях Юлии Тимошенко получили развитие метафорические модели с концептуальными векторами жестокости, агрессивности и соперничества (война, преступный мир, спорт, мир животных) и неправдоподобия происходящего, неискренности политиков, несамостоятельности их действий (игра театр, спорт). Все это ориентировано на формирование у электората чувства тревоги, неуверенности в завтрашнем дне и необходимости избрать новую команду и нового политического лидера. Концептуальные векторы защищенности, надежды на будущее, стремление изменить жизнь к лучшему реализуются только посредством строительной метафоры.

Яркой особенностью идиостиля Юлии Тимошенко является воинственный пафос, что проявляется практически во всех группах метафор. Каждая метафорическая группа, используемая Тимошенко для характеристики политических конкурентов и политической жизни Украины, представляет ей широкие возможности и для самопрезентации, создания собственного образа в глазах избирателей.

В рамках военной метафоры она предстает как полководец, сражающийся до последнего вздоха за будущее Украины, в рамках метафоры криминальной – как представитель правоохранительных органов, искореняющий преступность политиков, в рамках зооморфной метафоры – как дарвинист, изучающий повадки политического зоопарка, в рамках медицинской метафоры – как опытный диагност и хирург, оперирующий больную страну и дающий ей новую жизнь, в рамках архитектурной метафоры – как строитель, разрушающий старые, непригодные для жилья строения и создающий светлое будущее Украины. И этот воинственный пафос столь очевиден, что среди прозвищ, приписываемых ей в прессе, преобладают прозвища именно милитарного типа, акцентирующие внимание на мужской силе и отваге в хрупкой женщине, ее борцовском характере («самурай в юбке», «фюрер в юбке», «терминатор haute couture», «БЮНТовщица», «украинская Жанна д'Арк», «великая отечественная ВОНА», «единственный мужчина в украинской политике»).

Таким образом, посредством метафорического моделирования Тимошенко не только создает негативный образ политических противников, но и стремится сформировать в народном восприятии свой образ как бескомпромиссного, решительного, смелого, мужественного политика, готового бороться за будущее страны. Однако для победы на президентских выборах на Украине в 2010 году этого оказалось все-таки недостаточно.

ЛИТЕРАТУРА

- Белкина О. Е. «Загадочный Путин», или... // Политический дискурс в России – 6. Материалы постоянно действующего семинара. – М., 2002.
- Будаев Э. В., Чудинов А. П. Зарубежная политическая лингвистика: учебное пособие. – М.: Флинта 2006.
- Будаев Э. В., Чудинов А. П. Когнитивно-дискурсивный анализ метафоры в политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2008. № 3 (26).
- Гаврилова М. Когнитивные и риторические основы президентской речи (на материале выступлений В. В. Путина и Б. Н. Ельцина). – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004.
- Клочко Н. Н. Quid hoc hominis est? // Что это за человек? (этнокультурный портрет президента Латвии В. Вике-Фрейберги) // Современная политическая коммуникация: материалы междунауч. конф. (Екатеринбург, 21–24 сентября 2009) / гл. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009. С. 104–107.
- Полякова И. С. Идиостиль политика сквозь призму прецедентного имени (на материале выступлений И Хакамады и К Райс) // Политическая коммуникация: материалы Всерос. науч. школы для молодежи. (Екатеринбург, 25 августа–8 октября 2009) / гл. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009. Т. 2. С. 87–90.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): монография. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001.

Шустрова Е. С. Дискурс Барака Обамы: приемы и образы // Политическая лингвистика / гл. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2009. Вып. 32. С. 77–92.

ИСТОЧНИКИ

- Официальный сайт Юлии Тимошенко URL: <http://www.tymoshenko.com.ua/>.
- Великая отечественная ВОНА. Интервью с Юлией Тимошенко // Фокус. № 52. 6.01.2010. URL: <http://www.focus.ua/politics/89782>.
- Воскрешение Тимошенко: Интервью с Юлией Тимошенко // Коореспондент.net. 6.04. 2010. URL: <http://exclusive.korrespondent.net/interview/ipolitics/1069176-voskreshenie-timoshenko-intervyu-s-yuliej-timoshenko>.
- Тимошенко готовится к реваншу в битве с «клептоманами» Януковича // TIMES.UA. 16.04. 2010. URL: <http://times.ua/story/98491/>.
- Тимошенко. Интервью "Le Monde" // РосИнвест. 04.03.2009. URL: <http://www.rosinvest.com/news/510598/>.
- Тимошенко: «Верю в мудрость людей на Востоке и в Крыму!» // Информационно-аналитический ежедневник «Улица Заречная». № 12 (245). 23.03. 2006. URL: <http://www.ulitsa.com.ua/index.php?di=245&p=3&id=5082>.
- Тимошенко: «Мы не хотим, чтобы нас считали трофеем» (интервью газете «Die Welt») // Все СМИ. 27.11.2006. URL: <http://www.vsesmi.ru/news/290502/>.
- Тимошенко: "Если честно, страшно. В первый раз, с момента прихода в политику, страшно" // УБОП. Убойный политотдел. 19.05.2010. URL: <http://ubop.net.ua/chtivo/intervyu-s-yuliej-timoshenko.html>.
- Тимошенко: «Мною даже детей в России пугают» // Ведомости. 20.02.2008. URL: <http://www.vedomosti.ru/newspaper/article.shtml?2008/02/20/142071>.
- Тимошенко подсчитала, что Янукович при власти воровал \$60 в секунду // Коореспондент.net. 18.06.2008. URL: <http://korrespondent.net/ukraine/politics/496809-timoshenko-podschitala-chtouyanukovich-pri-vlasti-voroval-60-v-sekundu>.
- Тимошенко: Рассчитываем, что новой власти в Украине придется вернуться к внесению изменений в Конституцию исключительно путем голосования в Верховной Раде // Зеркало недели. № 37 (817). 9-15.10.2010. URL: <http://www.zn.ua/1000/1550/70560/>.
- Тимошенко: Я на триста процентов уверена, что меня хотят использовать // Коммерсантъ Украина. 22.12.2006. URL: <http://www.kommersant.ua/doc.html?docId=732557>.
- Тимошенко: Янукович – обезьяна с бананом и гильотиной // Росбалт Украина. 11.12.2009. URL: <http://www.rosbalt.ru/2009/12/11/696475.html>.

Н. Н. Кошкарлова
Челябинск, Россия

АСИММЕТРИЧНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ
КОММУНИКАТИВНЫХ РОЛЕЙ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ИНТЕРВЬЮ
КАК ФАКТОР
УСПЕШНОСТИ / НЕУСПЕШНОСТИ
КОММУНИКАЦИИ

ГСНТИ 16.21.27

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния асимметричного распределения коммуникативных ролей в политическом интервью на успех/неуспех коммуникации. Нарушение асимметрии ролей партнеров и несоблюдение нейтралитета интервьюера характерно для конфликтного дискурса. В гармоничном типе дискурса сохраняется асимметричное распределение коммуникативных ролей, или нарушение асимметрии производится в сторону интервьюируемого.

Ключевые слова: асимметричное распределение коммуникативных ролей; конфликтный дискурс; гармоничный дискурс; интервьюер; интервьюируемый; политическое интервью.

Сведения об авторе: Кошкарлова Наталья Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры международных коммуникаций.

Место работы: Южно-Уральский государственный университет (Челябинск).

Контактная информация: 454000, г. Челябинск, главпочтамт, до востребования.
e-mail: nkoshka@rambler.ru.

N. N. Koshkarova
Chelyabinsk, Russia

ASYMMETRIC DISTRIBUTION
OF COMMUNICATIVE ROLES
IN POLITICAL INTERVIEW
AS A FACTOR
OF SUCCESS OR FAILURE
OF COMMUNICATION

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The paper is devoted to the analysis of the influence of the asymmetric distribution of communicative roles on the success or failure of the communication process in the political interview. The breach of the partners roles asymmetry and inobservance of the interviewer's neutrality is characteristic of the conflict discourse. In the congruous discourse the asymmetric distribution of the communicative roles is either preserved or it is breached on the part of the interviewee.

Key words: asymmetric distribution of the communicative roles; conflict discourse; congruous discourse; interviewer; interviewee; political interview.

About the author: Koshkarova Natalya Nikolayevna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of International Communication.

Place of employment: South-Ural State University (Chelyabinsk).

Методологической основой настоящего исследования является концепция асимметричного распределения коммуникативных ролей в интервью – феномена, подробно описанного на материале немецкого языка Ф.-Й. Беренсом [Berens 1975]. Суть асимметрии как ключевой характеристики коммуникации при интервью заключается в том, что интервьюеру отводится право начинать и завершать интервью, вводить и продолжать темы, задавать вопросы, основываясь на имеющихся у него данных. Интервьюируемому надлежит высказываться по вопросам интервьюера и принимать его отзывы и комментарии. Смена темы в ходе интервью может произойти только с согласия интервьюера.

М. В. Юрина [Юрина 2006] утверждает, что признак асимметрии закрепляет структуру диалога в интервью. По мнению автора, интервьюер должен реализовывать свою цель, оперируя лишь вопросительными формулировками, он лишен пространства для выражения своего мнения, позиции. С другой стороны, указывает М. В. Юрина [Юрина 2006], интервьюируемому предоставляются максимальные возможности для выражения своей точки зрения, что ведет в некоторых случаях к ситуации смены темы, находящейся в компетенции журналиста. Как показывает анализ материала, в тех случаях, когда интервьюер не лишен права для выражения своего мнения, речь идет о несо-

гласованности коммуникации. В некоторых случаях, высказывая свою точку зрения по тому или иному вопросу, комментируя высказывание собеседника, интервьюер провоцирует интервьюируемого на конфликтный диалог, тем самым воздействуя на целевую аудиторию в эмоциональном плане и создавая у реципиента информации желаемое психологическое состояние. Таким образом, нарушается асимметрия ролей партнеров, что в некоторых случаях приводит к несоблюдению нейтралитета интервьюера. Подобные случаи интеракции мы предлагаем охарактеризовать как функционирующие в рамках конфликтного дискурса.

Предложим определение данного понятия. Конфликтный дискурс понимается нами как деструктивная деятельность участников общения, речевое взаимодействие адресанта, адресата и целевой аудитории, совокупность способов речевого воздействия, стратегий речевого поведения в конфликтной коммуникации, речевых тактик и порождаемых речевых реакций, определяющих эксплицитное и имплицитное содержание соответствующего поведения коммуникантов, в ходе чего происходит актуализация их национального и культурного опыта с установлением отношений определенной тональности (в случае конфликтного дискурса эти отношения будут носить деструктивный характер). Конфликтный дискурс представляет собой следующую триаду: любой конфликт как столкно-

вание интересов порождает речевую агрессию, которая затем воплощается в коммуникативном конфликте.

Конфликтный дискурс является феноменом, находящимся на одном из полюсов вектора «конфликтность – кооперативность». На другом полюсе этого вектора располагается гармоничный дискурс, который мы определяем как последовательность диалогических единств позитивной направленности, в процессе реализации которых коммуниканты ведут беседу в русле кооперативного межличностного общения, демонстрируют сдержанное отношение к собеседнику, адекватно используют коммуникативные стратегии и тактики в случае угрозы возникновения конфликтного диалога (ссоры). В гармоничном типе дискурса сохраняется асимметричное распределение коммуникативных ролей.

Приведем примеры нарушения асимметричного распределения коммуникативных ролей в политическом интервью. В беседе с председателем Совета Федерации Федерального собрания РФ, лидером партии «Справедливая Россия» Сергеем Мироновым журналист намеренно пытается вывести диалог в конфликтную плоскость, провоцируя собеседника на ответы деструктивного характера («Литературная газета». 2007. № 47–48.). Реагируя на утверждение С. Миронова о том, что социализм – это самый «человечный» общественный строй и что при его строительстве нам нужен новый проект, интервьюер явно желает своими вопросами указать на кажущуюся несостоятельность этих положений: «Мы уже жили в социализме. Значит, в будущем повторим хорошо известное прошлое?», – или в другом месте: «Пусть проект будет новый, но отнимать и делить все равно будем?». По мнению интервьюера, создание нового проекта – это дополнительные хлопоты как для государства, так и для его граждан. Отсюда вполне законный его интерес: «Репрессий тоже не будет? Может, без проектов спокойнее? Нельзя просто нормально жить?». Все попытки «Справедливой России» улучшить жизнь в стране ускоренным расширенным воспроизводством российского народа при помощи социализма журналист называет «стуком в открытую дверь»: «По-моему, вы помитесь в открытую дверь. У нас и так все занимаются демографической политикой. Зачем еще социализм?». Наконец, последним аргументом «сомневающегося» собеседника является вопрос о финансовой составляющей проекта: «Откуда деньги на этот новый социализм? У нас в больницах до сих пор лекарств не хватает, а вы про "лидирующие проекты"», или: «Вы собираетесь экономическую основу государства строить на госкорпорациях? По-моему, уже все знают, что это неэффективно». Приведенные примеры являются реализацией случая отклонения от правила нейтралитета со стороны ин-

тервьюера, нарушения асимметрии роли партнеров, что приводит к созданию у целевого потребителя продукта (в данном случае – читателя) соответствующего эмоционального состояния и более эффективному воздействию на аудиторию.

Гармоничный дискурс, как мы уже указывали выше, представляет собой такой тип интеракции (в нашем случае в жанре политического интервью), который характеризуется отказом от использования деструктивных стратегий и тактик. В гармоничном дискурсе журналист стремится не использовать вопросы, которые следует избегать в беседе с интервьюируемым. В таком случае интервью действительно становится разговором двух заинтересованных людей по актуальной проблеме, творческим процессом, лишенным соревновательности, предполагающим партнерские отношения сторон диалога.

Приведем примеры такого коммуникативного события. Толерантное намерение журналиста в большинстве случаев выражается при помощи такой последовательности речевых актов, которая позволяет говорящему эксплицитно свое коммуникативное намерение и наиболее адекватно передать эмоциональное отношение к предмету разговора. Проанализируем следующий фрагмент интервью президента России, данного представителям белорусских СМИ.

М. Шендрик: Дмитрий Анатольевич, скажите, пожалуйста, вот некоторые российские политики, аналитики откровенно заявляют, что участие Беларуси в программе «Восточное партнерство» – это не что иное как просто проявление враждебности по отношению к России. Некую похожую позицию Вы тоже недавно озвучили на саммите Россия – Евросоюз.

Д. Медведев: А что я сказал?

М. Шендрик: Ну, цитировать я сейчас не могу...

Д. Медведев: Вот то-то и оно.

М. Шендрик: Вы сами помните, что говорили.

Д. Медведев: Молодец, выкрутилась.

В анализируемом примере четко прослеживается различие в арсенале стратегий и тактик гармоничной коммуникации со стороны интервьюера и интервьюируемого. По нашему мнению, подобный репертуар различается на уровне реакции гостя на инициирующую реплику журналиста с установкой на толерантную коммуникацию. В данном случае реакция интервьюируемого была нестандартной, даже в некоторой степени поставила журналиста в тупик, что заставило интервьюера использовать разновидность тактики комплиментации. В завуалированной форме журналист дала понять собеседнику, что высоко ценит его способности как политика и человека с хорошей памятью, тем самым сохранив конструктивный и кооперативный тон беседы.

При анализе конфликтной и гармоничной разновидностей дискурса в политическом интервью гипотеза о нарушении асимметрии ро-

лей партнеров получает новое воплощение, так как на общение интервьюера и интервьюируемого (которые могут представлять различные культуры, различные политические партии, иметь различные взгляды на обсуждаемые проблемы) оказывает влияние этнолингвокультурная асимметрия. Н. Г. Гончар [Гончар 2009] рассматривает данный феномен при анализе перевода художественного текста, и понимает под этнолингвокультурной асимметрией одновременное проявление в процессе перевода фактов межъязыковой и межкультурной асимметрии, выражающихся в несовпадении или лакуарности элементов системы одного языка и культуры при сопоставлении их с соответствующими элементами системы другого языка и культуры. По нашему мнению, межъязыковая и межкультурная асимметрия является источником возникновения дисгармоничных отношений интервьюера и интервьюируемого. Межъязыковая асимметрия проявляется в политическом интервью межкультурного уровня, когда партнеры по диалогу не могут выступать как равноправные с языковой точки зрения собеседники. Паритетность участников коммуникативного акта в ходе межкультурного политического интервью ощущается только на уровне статуса государств, которые они представляют. Межкультурная асимметрия в нашем случае проявляется в политическом интервью на уровне ценностных установок интервьюера и интервьюируемого как индивидов и социальных субъектов, их личностных систем верований, групповых традиций, традиционных систем убеждений. Принципы и взгляды собеседников играют немаловажную роль по причине того, что каждый из участников коммуникативного взаимодействия транслирует свои ценности на партнера по интеракции или целевую аудиторию, а в случае несовпадения провозглашаемых идей или ценностей с уже имеющимися у другой стороны представлениями возникает коммуникативный конфликт.

Однако вернемся к упомянутой выше паритетности участников политического интервью. На наш взгляд, в случае равноправия собеседников как представителей двух государств случаи, когда асимметрия коммуникативных ролей нарушается в сторону интервьюируемого, речь идет не о конфликтном взаимодействии, а о гармоничном дискурсе. Современные политические интервью отличаются тем, что интервьюируемый часто берет на себя функции журналиста и вовлекает интервьюера в беседу, тем самым давая понять, что высоко ценит своего партнера по интеракции и предлагает вести беседу на основе сотрудничества и взаимного уважения.

Приведем примеры подобного коммуникативного события. В интервью американской газете «Уолл-стрит джорнэл» при обсуждении проблем единой валюты президент России Д. Медведев высказал свою точку зрения в свя-

зи с активизацией партий национальных валют и возможной угрозой для Евросоюза. Закончил он свой ответ следующим образом: *«Поэтому я не преувеличиваю угрозу, но ее недооценивать нельзя. А Вы как считаете?»*, – обратив свой последний вопрос к журналисту. В другом месте этого интервью Д. Медведеву был задан вопрос о Северной Корее: *«Вопрос по Северной Корее. Недавно было потоплено южнокорейское судно, большая часть международного сообщества согласилась относительно того, что послужило причиной, – это торпеда, которая была пущена северными корейцами. Вы считаете, что происходит реально в Северной Корее? Мы сейчас на стадии переходного этапа в этой стране, и именно это послужило причиной происшедшего? Что Вы можете сказать миру, что Вы знаете о Северной Корее?»*. В целях элиминации конфликтного потенциала подобного вопроса интервьюируемый перевел разговор в плоскость личного опыта: *«О Северной Корее все знают очень мало, но в отличие от Вас, скорее всего, я в Северной Корее был. Вы были в Северной Корее?»*. Д. Медведеву часто задают вопросы об его отношениях с В. Путиным. Так, в интервью телекомпании Си-Эн-Эн интервьюер поинтересовался у Д. Медведева, является ли тот боссом В. Путина и привел в пример Францию, где *«Президент – очень сильная фигура, а премьер-министр там не так важен»*. Подобное сравнение не могло не насторожить российского президента, и он поинтересовался у журналиста: *«А в чем Вы видите особую какую-то, природную или же правовую, статусную ситуацию, которая бы отличала, скажем, французского президента от российского президента?»*.

Таким образом, нарушение асимметрии коммуникативных ролей в сторону интервьюера ведет к возникновению конфликтного дискурса. Конструктивный выход из конфликтной ситуации может быть охарактеризован как проявление толерантности. В результате решения этих задач становится возможной выработка и внедрение в жизнь моделей толерантного коммуникативного взаимодействия членов социума. Следовательно, вопрос о взаимоотношении толерантности и конфликта в рамках настоящего исследования представляется важным для рассмотрения.

ЛИТЕРАТУРА

Гончар Н. Г. Асимметрия в переводе художественного текста: Этнолингвокультурный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тюмень, 2009.

Юрина М. В. Коммуникативные стратегии партнеров в политическом интервью (на материале современной прессы ФРГ): дис. ... канд. филол. наук. – Самара, 2006.

Berens F.-J. Analyse der Sprachverhaltens im redekonstellationstyp "Interview". Eine imperische Untersuchung. – München: Max Hueber Verlag, 1975.

А. Г. Кудрявцев
Челябинск, Россия

A. G. Kudryavtsev
Chelyabinsk, Russia

**ВЫРАЖЕНИЕ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ:
ФУНКЦИИ И МЕХАНИЗМЫ ВОЗДЕЙСТВИЯ
НА РЕЦИПИЕНТА СООБЩЕНИЯ**

**EXPRESSION OF NATIONAL IDENTITY
IN POLITICAL DISCOURSE:
FUNCTIONS AND MECHANISMS
OF PRODUCING INFLUENCE
ON THE RECIPIENT OF THE MESSAGE**

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19.; 19.00.02

Аннотация. В статье рассматриваются примеры лингвистической реализации национальной идентичности говорящего в политическом дискурсе в русском, английском и турецком языках, анализируются функции данного типа речевого поведения. На основе анализа приведенных примеров делается вывод об их высокой эффективности как психолингвистического инструмента в политическом дискурсе.

Abstract. The article analyzes the examples of linguistic realization of a speaker's national identity in political discourse in the Russian, English and Turkish languages as well as the functions of this kind of linguistic behavior. Based on the analysis of the provided examples, the conclusion about their high efficiency as a psycholinguistic tool in political discourse is made.

Ключевые слова: национальная идентичность; политический дискурс.

Key words: national identity; political discourse.

Сведения об авторе: Кудрявцев Алексей Геннадьевич, аспирант кафедры французского языка и межкультурной коммуникации.

About the author: Kudryavtsev Alexey Gennadyevich, Post-graduate Student of the Chair of the French Language and Intercultural Communication.

Место работы: Челябинский государственный университет.

Place of employment: Chelyabinsk State University.

Контактная информация: 454012, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 95-40.
e-mail: lieroitrans@gmail.com.

Актуальность проблемы национальной идентичности индивида в современном обществе обуславливается рядом факторов – от сугубо личностных до общесоциальных. Потребность индивида к идентификации себя как члена определенной национальной группы – следствие весьма существенной роли, которую национальная идентичность играет в своеобразном «наборе идентичностей», присущих каждому человеку. Важность национальной идентичности различается от этноса к этносу и от культуры к культуре, но в целом можно говорить о ее преобладании над другими (семейная, религиозная, профессиональная, политическая и пр.) во многих культурах.

Говоря об общесоциальной роли национальной идентичности, стоит упомянуть так называемый «этнический парадокс современности» [Минц 2009: 20] – растущую потребность к национальной самоидентификации индивида на фоне повсеместной глобализации общества. В наши дни особенно заметной стала борьба целых народов за признание своей индивидуальности, отстаивание ими права на самобытность, что зачастую приводит к деструктивному поведению, эскалации конфликтов на национальной почве и общей натянутости во взаимоотношениях этнических и национальных общностей в мировом масштабе.

В целом национальная идентичность является неотъемлемой частью Я-концепции личности и по сути не подразумевает нетолерантного отношения к другим индивидам. Нормой считается позитивная национальная идентичность, в основе которой лежит толерантность по отношению к другим этническим группам. Более то-

го, позитивная национальная идентичность, основанная на гражданстве и патриотизме, служит мощным инструментом развития общественной жизни в рамках государства.

На лингвистическом уровне национальная идентичность может проявляться по-разному: в прямых языковых конструкциях («Я – россиянин», «Являясь представителем русского народа, я полностью поддерживаю...» и т. д.), в использовании диалектизмов и этнографизмов в языке, и т. д. В данной статье мы рассмотрим случаи лингвистической реализации национальной идентичности на примере политического дискурса в английском, русском и турецком языках и постараемся проанализировать функциональную сторону данного языкового явления.

Выбор политического дискурса в качестве объекта исследования не случаен: через свои сообщения политики зачастую коммуницируют идеи широких народных масс и, возможно, целых наций. Таким образом, лингвистическое выражение национальной идентичности в их официальной речи (интервью, официальные заявления, письменные публикации и т. д.) встречается достаточно часто. Примером такого рода может послужить высказывание бывшего губернатора штата Аляска Сары Луизы Пэйлин, выступавшей с резкой критикой политического курса президента США Барака Обамы: «We Americans are not going to sit down and shut up» («Мы, американцы, не собираемся сидеть и молчать») [http://www.associatedcontent.com/article/2679163/video_sarah_palin_to_barack_obama_we.html?cat=75]. Отметим, что здесь коммуницируется не только национальная идентич-

ность непосредственно самого говорящего – за счет использования местоимения «we» («мы») говорящий указывает на поддержку оглашаемой точки зрения какой-либо группой людей. Функция такой формы лингвистического выражения национальной идентичности очевидна: с одной стороны, говорящий показывает свою принадлежность к определенной социальной группе, объединенной общими воззрениями, с другой стороны, в то же время «придает вес» своим словам за счет уменьшения субъективной окраски высказывания.

Вышеуказанный прием широко используется в политическом дискурсе: с помощью яркого выражения национальной и, в частных случаях, этнической идентичности говорящие коммуницируют идеи, зачастую являющиеся радикальными и не столь широко поддерживаемыми массами, но, тем не менее, зачастую достигают желаемого эффекта в социуме, являющемся целевым адресатом высказывания. В качестве примера можно рассмотреть следующую цитату скандально известного лидера российской национал-большевистской партии Э. Лимонова: «Широко известен тот страшный факт, что мы, русские, вымираем. Уже несколько лет подряд смертность среди русских значительно превышает рождаемость, численность нации катастрофически сокращается. Повинна в этом прежде всего капиталистическая контрреволюция...» [<http://www.nb-info.ru/lim201006.htm>]. В данном случае механизм психолингвистического воздействия на реципиента сообщения более сложен, но и, несомненно, более эффективен: автор высказывания обозначает в своем заявлении острую социальную проблему, являющуюся актуальной для современного общества, идентифицирует себя как часть данного общества и переходит к коммуникации собственных радикальных идей, которые зачастую воспринимаются слушателями как массовые. Таким образом, можно сделать вывод о том, что национальная идентификация на лингвистическом уровне в политическом дискурсе может служить мощным инструментом воздействия на получателей сообщения.

Естественно, чаще всего подобные идеи транслируются в цитатах, где говорящий идентифицирует себя как часть национальной/этнической/социальной группы, являющейся доминирующей в конкретном сообществе. Существуют, однако, и обратные примеры: «The United States has been enriched by Muslim Americans. Many other Americans have Muslims in their families or have lived in a Muslim-majority country – I know, because I am one of them» («Американцы, исповедующие ислам, обогащают Соединенные Штаты. У многих американцев в семьях есть мусульмане, многие американцы жили преимущественно мусульманских странах – я знаю это, потому что сам являюсь одним из них») [http://www.brainyquote.com/quotes/authors/b/barack_obama_3.html]. В данной

цитате Президент США Барак Обама идентифицирует себя как часть социально-религиозного меньшинства внутри нации, подкрепляя тем самым толерантное отношение к данному меньшинству.

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что рассмотрение определенных черт, характеристик, проблем, ситуаций и т. д., так или иначе имеющих отношение к нации, может производиться как от общего к частному («русские озабочены проблемой вымирания нации, следовательно, и я озабочен данной проблемой»), так и от частного к общему («я являюсь человеком, связанным с исламской культурой Америки, вы толерантно относитесь ко мне, следовательно, вы должны так же относиться и ко всем другим людям, связанным с данной культурой»).

Достаточно многочисленными являются и примеры того, как в политическом дискурсе с помощью лингвистических инструментов выражения национальной идентичности коммуницируется единство разрозненных социумов в пределах одной нации. Упомянутые социумы могут находиться на абсолютно разных уровнях: это могут быть разные этнические группы, проживающие на территории одного государства, социальные группы индивидов, объединенных общими идеями и воззрениями, и т. д. Наиболее часто такие цитаты встречаются в речи политических деятелей мультинациональных государств (США, Россия), что объясняется актуальностью проблемы единства нации в условиях этнического и культурного многообразия.

Примером вышеуказанного класса высказываний в политическом дискурсе, имеющих своей целью объединение групп, отличающихся кардинально противоположными социальными позициями, может служить следующая цитата Барака Обамы: «There are patriots who opposed the war in Iraq and there are patriots who supported the war in Iraq. We are one people, all of us pledging allegiance to the stars and stripes, all of us defending the United States of America» («Есть патриоты, выступавшие против войны в Ираке и патриоты, выступавшие за войну в Ираке. Мы все – одна нация, все мы клянемся в верности звездам и полосам, все мы защищаем Соединенные Штаты Америки») [http://www.brainyquote.com/quotes/authors/b/barack_obama_3.html].

Говоря о проблеме сохранения национального единства в государстве, объединяющем на своей территории множество этнических групп, можно привести в качестве примера следующее высказывание мэра Москвы Ю. Лужкова: «Я хочу сказать, что все разговоры, которые велись в прошлом о том, что мы создаем великую общность под названием "советский народ", не имеют под собой основания. Каждый чувствует принадлежность к своей национальности, но мы должны воспитывать чувство того, что все мы россияне» [<http://www.klerk.ru/boss/news/162057/>].

К слову, отметим, что высказывания вышеуказанного типа достаточно частотны именно в политическом дискурсе тех стран и культур, где присутствует ярко выраженный культурно или исторически обусловленный конфликт между определенными этническими группировками. Это и неудивительно, ведь данная проблема часто поднимается в речи политиков, которые и пытаются урегулировать ее за счет апелляции к тому факту, что все граждане одной страны представляют одну нацию, вне зависимости от их принадлежности к тому или иному этносу. Национальная идентичность говорящего в данном случае также является мощным инструментом воздействия на слушателей, ведь таким образом говорящий указывает на тот факт, что он лично имеет непосредственное отношение к конфликту и, следовательно, имеет все основания для участия в его урегулировании.

В качестве примера можно рассмотреть цитату Ширли Чисхолм – первой темнокожей женщины, избранной в Конгресс США (в 1968 году): «We Americans have the chance to become someday a nation in which all radical stocks and classes can exist in their own selfhoods, but meet on a basis of respect and equality and live together, socially, economically, and politically. We can become a dynamic equilibrium, a harmony of many different elements, in which the whole will be greater than all its parts and greater than any society the world has seen before. It can still happen» («Мы, американцы, можем однажды стать нацией, внутри которой все радикальные этносы и классы смогут существовать в своей индивидуальности, но встречаться на основах взаимного уважения и равенства, и сосуществовать на социальном, экономическом и политическом уровнях. Мы можем стать примером динамического равновесия, гармонии многих различных элементов, в которой целое будет превосходить его отдельные части, равно как и превосходить любое другое общество в мире. Это все еще возможно») [<http://quotationsbook.com/quote/27524/>].

Наконец, отметим и тот факт, что далеко не все примеры реализации национальной идентичности говорящего в политическом дискурсе несут сугубо утилитарную функцию. В процессе анализа собранного нами тематического лингвистического материала мы также отметили существование интересной группы высказываний, в которых говорящий, идентифицируя себя с определенной нацией, принимал на себя ее характерные черты. Конкретную функцию таких высказываний – назовем их дедуктивными ассоциациями – выделить достаточно сложно. В большинстве случаев с их помощью достигается дополнительный эффект в объяснении выбранных человеком линий поведения, взглядов, мнений.

В качестве примера можно рассмотреть цитату лидера Партии великого единства Турции Мухсина Язычиоглу: «Ben Türk'üm, Türk esir olmaz. Ben Türk'üm, Türk bayraksız olmaz. Ben Türk'üm, Türk devletsiz olmaz. Ben Türk'üm, Türk

hürriyetsiz olmaz. Ben Türk'üm, Türk ezansız olmaz» («Я турок, а турок не может быть рабом. Я турок, а турка нет без флага. Я турок, а турка нет без государства. Я турок, а турка нет без республики. Я турок, а турка нет без азана») [<http://forum.memurlar.net/konu/814016/>].

Отметим, что в приведенном примере в качестве характерных черт нации рассматриваются ее исключительно положительные характеристики. То же самое мы можем наблюдать и в высказывании 28-го Президента США Вудро Вильсона: «Sometimes people call me an idealist. Well, that is the way I know I am an American. America is the only idealistic nation in the world» («Иногда люди называют меня идеалистом. Что ж, так я убеждаюсь в том, что я американец. Американская нация – единственная в мире нация идеалистов») [<http://www.quotegarden.com/patriotic-usa.html>].

Итак, в данном исследовании нами были рассмотрены: 1) примеры высказываний, имеющих целью воздействие на социальную позицию реципиента за счет самоидентификации говорящего как члена и представителя интересов какой-либо значительной общности (как истинной самоидентификации, так и мнимой); 2) примеры высказываний, имеющих целью урегулирование внутринациональных конфликтов за счет самоидентификации говорящего как представителя нации и, следовательно, лица, имеющего непосредственное отношение к конфликту; 3) примеры дедуктивных ассоциаций между характерными чертами нации, чертами характера/моделями поведения говорящего, относящего себя к упоминаемой нации. Отметим, однако, что перечисленный выше список конкретных функций реализации национальной идентичности говорящего в политическом дискурсе не является исчерпывающим. На наш взгляд, количество таких функций неограниченно, что подчеркивает универсальность и высокий потенциал выражения национальной идентичности говорящего как психолингвистического инструмента в политическом дискурсе.

ЛИТЕРАТУРА

Миц С. С. Национальная идентичность как этнокультурный потенциал // Толерантность и культура межнационального общения. – Краснодар: Просвещение-ЮГ, 2009. С. 18–27.

URL: http://www.associatedcontent.com/article/2679163/video_sarah_palin_to_barack_obama_we.html?cat=75 (дата обращения: 29.05.2010).

URL: http://www.brainyquote.com/quotes/authors/b/barack_obama_3.html (дата обращения: 29.05.2010).

URL: <http://forum.memurlar.net/konu/814016/> (дата обращения: 29.05.2010).

URL: <http://www.klerk.ru/boss/news/162057/> (дата обращения: 29.05.2010).

URL: <http://www.nb-info.ru/lim201006.htm> (дата обращения: 29.05.2010).

URL: <http://quotationsbook.com/quote/27524/> (дата обращения: 29.05.2010).

URL: <http://www.quotegarden.com/patriotic-usa.html>.

Е. А. Нахимова
Екатеринбург, Россия

**ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА
МЕТАФОРИЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ
ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ИМЕН СОБСТВЕННЫХ
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ**

ГСНТИ 16.21.27

Аннотация. В современной российской политической коммуникации выделены доминантные смысловые сферы, к которым относятся метафоры-неологизмы (экономика, политика и государственное управление, журналистика, криминал, массовая культура). Зафиксировано значительное снижение количества метафор-неологизмов, которые восходят к текстам художественной литературы.

Ключевые слова: метафора; исторические изменения; неологизмы; архаизмы; имя собственное; начало XXI века.

Сведения об авторе: Нахимова Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, докторант.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26.
e-mail: v.nakhimov@rambler.ru.

E. A. Nakhimova
Ekaterinburg, Russia

**HISTORICAL DYNAMICS
OF PRECEDENT NAMES'
METAPHORIC ACTIVITY
IN POLITICAL COMMUNICATION**

Код ВАК 10.02.19

Abstract. We highlight dominant semantic spheres that serve as a source of metaphoric neologisms in Russian political communication. Such spheres include economics, politics and governance, journalism, crime, mass culture. We have found out that metaphoric neologisms borrowed from fiction are greatly reduced in number.

Key words: metaphor; historical changes; neologisms; archaisms; proper name; the beginning of the XXI c.

About the author: Nakhimova Elena Anatolievna, Candidate of Philology, Doctoral Student.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Историческая динамика лексических систем – это универсальная закономерность, давно и тщательно изученная на материале самых различных языков. При конкретном описании словарного состава каждого естественного языка последовательно выделяются архаизмы и историзмы, неологизмы и окказионализмы.

Для нашего исследования важен тот факт, что скорость исторических изменений в различных пластах лексики может быть различной. В частности, давно замечено, что подобного рода изменения малохарактерны для числительных, для слов, обозначающих основу цветового спектра, для наименований животных и птиц, для лексики родства и свойства. С другой стороны, известно, как быстро в последнее время появляются новые названия одежды и обуви, косметики и домашней утвари и как стремительно некоторые из них становятся историзмами.

В этом контексте требует специального рассмотрения вопрос об исторической динамике метафорического использования имен собственных, о типовых источниках метафорических наименований, в основе которых лежат слова указанного разряда.

Исследования по истории и теории политической метафоры свидетельствуют о существовании в этой сфере двух противоположных тенденций. С одной стороны, на протяжении многих веков и даже столетий обнаруживается удивительная стабильность метафорических образов. Еще в середине прошлого века Майкл Осборн отмечал, что «высокая популярность архетипичных метафор представляется неизменной во все времена, при этом наблюдается сохранение предпочтительной модели и ее по-

вторение из поколения в поколение без существенных изменений» [Осборн 2008: 184; оригинал на английском языке: Osborn 1967]. На современном этапе развития науки об устойчивости концептуальных метафор в политической коммуникации, об исторических корнях большинства доминантных метафорических моделей писали Дж. Лакофф и М. Джонсон [Лакофф, Джонсон 2004], Э. В. Будаев и А. П. Чудинов [Будаев, Чудинов 2008], а также многие иные исследователи.

Как показано в докторской диссертации Н. М. Орловой [Орлова 2010], в современных художественных текстах, созданных в различных странах, связанных с христианской культурой, обнаруживается множество прецедентных феноменов, которые восходят к Библии. Об устойчивости многих древних прецедентных концептов и их глобальном распространении пишет и Г. Г. Слышкин [Слышкин 2004].

Трудно не согласиться с приведенными высказываниями весьма авторитетных специалистов (подобные мысли высказывали и другие языковеды), при этом необходимо отметить, что степень исторической устойчивости метафор в различных разрядах и группах лексики часто оказывается неодинаковой. Существуют серьезные основания для того, чтобы считать, что метафорические значения онимов часто оказываются «недолговечными»: многие из них то стремительно получают широкую популярность, то не менее стремительно уходят из активного употребления.

Широко известные специалисты постоянно отмечают историческую динамику метафорических образов в политической коммуникации, тесную связь метафорических арсеналов с со-

циальными условиями жизни общества и господствующей идеологией. Например, еще в 1947 году Виктор Клемперер писал о том, что захват власти фашистами сопровождался существенным изменением метафорики, и выделил излюбленные образы гитлеровцев, восходящие к сферам-источникам «война» и «техника» [Клемперер 1998].

Рассматривая эту тенденцию, А. Н. Баранов пишет, что традиционный для российского политического дискурса арсенал органических метафор, который предполагал активное использование образов, восходящих к концептуальным сферам «мир растений», «мир животных» и «человек», был «заметно потеснен в советскую эпоху механистическим, рациональным способом метафорического осмысления политической реальности (метафоры машины, мотора, строительства)» [Баранов 1991: 190]. По наблюдениям А. П. Чудинова, в постсоветский период доминирующими стали метафорические модели с концептуальными векторами жестокости и агрессивности (военные и криминальные метафоры), отклонения от естественного порядка вещей (морбиальные метафоры), неправдоподобия происходящего (театральные метафоры) и материальных расчетов (финансовая метафора) [Чудинов 2001: 224–225].

Как показывают наши наблюдения, сосуществование тенденции к стабильности с тенденцией к постоянному обновлению обнаруживается и при исследовании метафорической активности прецедентных имен собственных. В сфере политической коммуникации до настоящего времени используются некоторые прецедентные имена, получившие известность еще много веков назад. Ср.:

Распределение денежных субсидий – занятие по определению муторное, поскольку отбор неизбежно субъективен, а обделенные неизбежно будут обижены. Проще всего дело раздачи грантов было поставлено при абсолютной монархии, когда Шекспир и Мольеры процветали под великодушным покровительством короля (М. Соколов // Известия. 22.09.06).

В данном контексте имена собственные Шекспир и Мольер использованы для обобщенного обозначения писателей, которые работали в эпоху абсолютизма (кстати, у нас, в отличие от журналиста Максима Соколова, нет полной уверенности в том, что британский монарх действительно покровительствовал Шекспиру и помогал ему материально).

Подобные примеры можно продолжить, обратившись и к еще более древним источникам прецедентности. Ср.:

Шолохов – русский Гомер, написавший «Илиаду» гражданской войны на юге России и «Одиссею», где русская душа безнадежно странствует в поисках родимого берега (А. Проханов // Завтра. 2005. № 21). По ее книгам археологи будущего станут судить о

нашей цивилизации. И о России. Маринина – наш будущий Гомер. И с этим ничего не поделат (А. Никонов. Наш Гомер // Story. 2010. № 3).

Можно предположить, что Гомер – это прецедентный антропоним, имеющий наиболее длительную историю существования. Еще в ранней античности на основе этого имени собственного возникло обобщенное обозначение создателя эпоса, а названия «Илиада» и «Одиссея» со временем превратились в метафорическую характеристику произведений, посвященных военным действиям или длительным путешествиям. Как показывают приведенные примеры, указанный вариант метафорического переноса обнаруживается и в современной российской политической коммуникации.

В сфере метафорического использования прецедентных имен не менее активна и противоположная тенденция – активное обновление репертуара, возникновение все новых и новых образов. Одни из них надолго остаются в риторическом арсенале политиков и журналистов, выходя тем самым за рамки породившей их эпохи и пополняя «золотой фонд» образных средств русского языка. Другие антропонимные метафоры ярко вспыхивают (обнаруживают высокую частотность, активно используются самыми различными авторами, вызывают интерес читателей, которые легко понимают смысл соответствующих аллюзий), но достаточно рано уходят из активного употребления. Уже через несколько лет такие прецедентные образы не вызывают прежнего эмоционального отклика читателей, оказываются не вполне понятными и требуют специального разъяснения.

В начале прошлого десятилетия Т. В. Шмелева предложила термин «ключевое слово текущего момента», дала ему определение (слово, оказавшееся в центре всеобщего внимания), показала, что в тот период к числу таких слов относились существительные демократия, рынок, ваучер, август, и продемонстрировала, что рассматриваемый статус слова оказывает влияние на его деривационные, функциональные и иные признаки [Шмелева 1993: 33–41]. Позднее состав этих признаков был несколько уточнен, и они были разделены на три группы – текстовые, лексические и грамматические [Шмелева 2009: 63].

Идея Т. В. Шмелевой об особом статусе ключевых слов текущего момента нашла широкий отклик в лингвистическом сообществе, результатом чего стал целый ряд описаний таких слов и интенсивное обсуждение их типичных признаков [Башкова 2009; Нахимова 2010]. В частности, пока не вполне ясно, как определять темпоральные границы «текущего момента», например, следует ли считать, что этот «момент» может длиться год, три года или десятилетие. Во всяком случае, ключевые для начала 90-х годов слова ваучер и август уже, несомненно, утратили свой прежний статус, не

привлекают особого всеобщего внимания и столь важные для того периода существительные *демократия* и *рынок*.

В современной науке существуют и иные термины для обозначения близких понятий. Так, В. Г. Костомаров приводит примеры слов и выражений, которые стали «ключевыми символами эпохи» [Костомаров 1997: 152], в диссертации И. Ю. Шачковой рассматривается семантика «ключевых слов эпохи» британского премьер-министра Т. Блэра [Шачкова 2008]. З. Е. Фомина описывает «слова-хронофакты», которые в советских политических текстах соответствуют определенному срезу времени – *стахановец*, *космополит*, *гласность* [Фомина 1995: 211], а Е. А. Земская, рассматривая такие слова, как *перестройка*, *приватизация*, *гласность*, говорит, что они представляют «номинативный облик эпохи» [Земская 1996]. Несколько позднее Е. И. Шейгал писала о «лексике сегодняшнего дня», относя к ней слова, связанные с политическими инициативами и кампаниями – *Карибский кризис*, *война в Чечне* [Шейгал 2004: 67].

В настоящем исследовании к числу ключевых слов текущего момента (в другой терминологии – слова-хронофакты, ключевые слова эпохи, ключевые символы эпохи, слова, определяющие номинативный облик эпохи) относятся такие, которые именно в начале нашего века проявляют значительную активность. Ее признаками являются высокая частотность, метафоризация, реализация деривационных возможностей, значительный ассоциативный фон, текстообразующий потенциал, связь с феноменами, привлекающими особый интерес социума, и др. [Земская 1996; Шейгал 2004; Шачкова 2008; Шмелева 2009].

В исследовательских целях арсенал указанных слов сопоставляется с теми смысловыми группами, которые были особенно активны в конце прошлого века (начало постсоветского периода), в годы советской власти и в досоветскую эпоху. Такая периодизация объясняется прежде всего тем, что бурные социальные потрясения закономерно приводят к существенным изменениям в функционировании прецедентных имен собственных.

Следует отметить, что Т. В. Шмелева и ее последователи до настоящего времени не рассматривали среди ключевых слов имена собственные. Это представляется не вполне справедливым. Можно предположить, что к числу ключевых слов начала нашего века относятся такие имена собственные, как *Березовский* и *Абрамович*, *Кондопога* и *Пикалево*, *Чикатило* и (майор) *Евсюков*, *Путин* и *Жириновский*. Соответственно в той или иной мере утратили свой прежний статус многие важные для советской эпохи имена. Среди них можно отметить имена героев гражданской войны (*Чапаев*, *Буденный*), борцов с немецким фашизмом (*Ковпак*, *Оле Кошевой*, *Николай Кузнецов*), летчиков и по-

лярников, прославившихся в предвоенное десятилетие (*Чкалов*, *Гризодубова*, *Папанин*, *челюскинцы*), знаменитых передовиков производства (*Стаханов*, *Валентина Гаганова* и др.), некоторых ученых (выдающийся селекционер *Мичурин*), большевистских лидеров (*Киров*, *Дзержинский*).

Можно заметить, что в последние годы к числу «ключевых слов текущего момента» уже не относятся и некоторые имена собственные, чрезвычайно активные в конце прошлого века. Особенно быстро теряют свои позиции имена политических лидеров и государственных руководителей: как показывает специальное исследование, современные студенты, как правило, уже не помнят фамилии ближайших соратников Михаила Горбачева и приближенных Бориса Ельцина, все больше стираются из сознания и имена властителей дум и духовных вождей периода распада СССР и становления России как суверенного государства [Нахимова 2006: 120–122].

Вместе с тем в арсенале прецедентных антропонимов начала нашего века по-прежнему высока частотность и метафорическая активность имен таких относящихся к советской эпохе лиц, как космонавт Юрий Гагарин, выдающиеся ученые и организаторы науки Королев и Курчатов, композитор Шостакович, маршалы Жуков и Рокоссовский, академики Павлов и Ландау. Эти люди служат своего рода эталоном высокого профессионализма и достижения выдающейся результатов в своей профессиональной сфере. Ср.:

Кто будет решать проблему нехватки энергоносителей, развития нанотехнологий? Сегодня есть новые курчатовы, новые королевы, новые цюлковские. Надо дать им возможность работать» (В. Жириновский // Комсомольская правда. 9.02.2007). *Требуется маршал Жуков для финансового фронта* (пример Т. Г. Скребцовой). *Я хочу стать нашим Юрием Гагариным!* – *Шейх Музафар Шукор будет первым астронавтом Малайзии. Он готовится к посещению МКС в октябре 2007 года* (А. Хохлов // Известия. 20.07.2007).

Характерная черта современных СМИ – ироническое использование некоторых прецедентных антропонимов, прославившихся в советскую эпоху. Имена Павлика Морозова, Троцкого и Макаренко воспринимаются в наше время совсем не так, как в годы тоталитаризма. Ср.:

Когда ночью в общежитии стали дежурить мужчины, в районе действительно стало спокойнее. Порядки, которые завели новые Макаренко и Сухомлинские, оказались даже сильнее увещеваний женщин-педагогов (А. Дуэль // Комсомольская правда. 2.07.2010). *У нас ведь была знакомая семья, где сын подслушал разговор родителей, ляпнувших лишнее, и стал их шантажировать, требуя купить игрушечный паровоз. Павлик Морозов*

хренов! (А. Ванденко. Интервью с А. Германом // Российская газета. 5.03.2003). *Чтобы заслужить благоволение американских властей, нужно прослыть защитником свободы и прав человека, «личным врагом диктатора». Вот Борис Абрамович и примеривает шинель Льва Троцкого* (В. Костиков // Аргументы и факты. 2001. № 36).

В таких контекстах Троцкий предстает как политический эмигрант и борец со сталинизмом, Павлик Морозов – как сын, предавший своего отца, а имена знаменитых советских педагогов используются для обозначения людей, жестоко притесняющих подростков. Разумеется, подобное словоупотребление было невозможно в советскую эпоху.

Специальные наблюдения показывают, что в современной массовой коммуникации сохраняют метафорическую активность и многие прецедентные имена, относящиеся к досоветской эпохе. Особенно активны такие сферы – источники прецедентности, как «наука» (*Кулибин, Ломоносов, Циолковский, Менделеев*), «искусство» (*Чайковский, Репин, Пушкин, Толстой*), «экономика и промышленность» (*Рябушинский, Третьяков, Морозов, Демидовы*), «государственное управление» (*Столыпин, Сперанский*). Ср.:

Недаром говорят, что Россия – страна Кулибиных, а Америка – Эдисонов. Если Кулибин умер в нищете, то Эдисон сделал на своих изобретениях миллионы (Б. Салтыков // Поиск. 12.02.2010). *Лучшие оркестры мира исполняют то, что было написано века назад. А где же новые Чайковские, Рахманиновы?* (М. Плетнев. Где взять Чайковских? // Аргументы и факты. 2009. № 26). *Только вот слушать профсоюзников новоявленные демидовы и морозовы категорически отказались* (В. Клочков // Уральский рабочий. 19.02.2010). *Пятнадцать лет нам внушали, что вот пройдет переходный период, и из пены приватизации явятся новые русские Демидовы, Рябушинские, чуть ли не Третьяковы* (В. Костиков // Аргументы и факты. 2009. № 13). *С помощью олимпиад в вузы смогут поступать 1–1,5 процентов абитуриентов. А то с одним ЕГЭ потеряем Ломоносовых* (И. Ивойлова // Российская газета. 11.04.2008).

Показательно, что во всех этих контекстах прецедентные антропонимы использованы с позитивной эмоциональной окраской: ученые, промышленники, деятели искусств дореволюционной России предстают как своего рода эталон, пример для подражания, которому, к сожалению, не всегда следуют наши современники.

Обращение к материалам постсоветской эпохи показало, что арсенал прецедентных имен, активных в современной массовой коммуникации, продолжает интенсивно пополняться. При этом наиболее продуктивными оказываются четыре смысловые сферы.

Первую группу рассматриваемых метафор составляют прецедентные имена «олигархов» – людей, которые сумели быстро обогатиться в ельцинское десятилетие, однако не снискали народного уважения. Ср.:

Другие, которые не вышли в «абрамовичи», отлынивают от минимальных обязательств. 10 миллионов разведенных «козлов» уклоняются от алиментов. (В. Костиков // Аргументы и факты. 2.04.2008). *Как принято поддерживать автопром эпохи 60–70-х в виде АвтоВАЗА и прочих дерипасок, так и в домостроении будет поддерживаться только панель* (blogs. 20.06.09). *В случае прихода Иванова тоже будет определенная система договоренностей, хотя и менее кардинальная, чем в 1999-м. – Ходорковских и Березовских будет больше получается. – Да нет. Ходорковский в 99-м году тоже входил в систему договоренностей, но оказался нарушителем конвенции* (Диалог В. Жарихина и Д. Орешкина // Известия. 25.07.2007).

Вторую группу метафор, образованных в постсоветскую эпоху на основе имен собственных, составляют имена широко известных политических лидеров постсоветской России (*Гайдар, Горбачев, Ельцин, Жириновский* и др.). Ср.:

Этот «великий поворот» чубайсов и третьяковых, черномырдиных и путинных напрямую связан с мощнейшим давлением русского народа. Они под воздействием русского концентрированного биополя. Кто из них погибнет, а кто останется, не так и важно (В. Бондаренко // Завтра. 4.01.2001). *В контексте заголовка заметки «Россия – родина слонов, жириновских и шандыбиных»* [В. Устюжанин // «Комсомольская правда». 2002] *Удастся ли Обаме эффективно противостоять кризису? Или так называемый «черный Горбачев» развалит Штаты?* (Е. Чиркова // Комсомольская правда. 22.06.2010).

Среди метафор данной группы отмечаются и такие, которые восходят к зарубежному политическому дискурсу (*Дэн Сяо Пин, Барак Обама, Маргарет Тэтчер, Николая Саркози*). Ср.:

А фамилии тех, кто в течение многих лет выстраивал преступные схемы и уводил деньги в офшоры, так и не будут названы. Ведь у них такие должности, фамилии, капиталы! Где ты, русский Обама? (В. Костиков // Аргументы и факты. 2009. №29). *К несчастью, у нас не оказалось своего Дэн Сяопина, как и своего Людвиг Эрхарда* (Ф. Бурлацкий // Известия. 29.03.2005).

Третью группу антропоморфных метафор, созданных в постсоветскую эпоху, образуют прецедентные имена людей, которые «прославились» своими преступлениями, вызвавшими значительный общественный резонанс (*маньяк Чикатило, киллер Солоник, майор Евсюков, в нетрезвом виде расстрелявший в магазине мирных покупателей, полковник Квачков, обви-*

ненный в покушении на Чубайса). Ср.: *Нам важно понять, что вождь народов был серийным Чикатило, который уничтожил десятки миллионов граждан нашей страны. Если бы мы воевали вопреки Сталину, то воевали бы лучше* (А. Лебедев // Комсомольская правда. 04.06.2010). Электронному **Чикатило** — пулю в лоб! (название статьи Андрея Фефелова. — Завтра. 6.06.2007). *Что же остается делать? В осознании собственного бессилия продолжать заниматься рутинными делами? Автономизироваться, уйти в леса, в скиты, прочь от мира? Уехать из «такой страны»? Или стать Квачковым?* (Д. Тукваков. Статья **Квачковым** // Завтра. 2006. № 1). *Для Челябинска Крюков стал вторым Евсюковым, и народ был уверен — лихача накажут по полной* (О. Карпова // Комсомольская правда. 03.09.2010). *Слабо верится, что после участия в выпуске стенгазеты и хорового пения наши «майоры евсюковы» превратятся в доброго участкового Анискина или в дядю Степу* (В. Костиков // Аргументы и факты. 2010. № 11).

Обратим внимание, что в последнем контексте милиционеры советской эпохи (литературные герои Сергея Михалкова и Виля Липатова) противопоставлены сотруднику современной милиции. Впрочем, едва ли справедливо считать, что «Анискины» и «дяди Степы», а также герои телесериала Жеглов с Шарাপовым — это типичные представители советской правоохранительной системы.

Следует особо отметить, что границы между криминальной и олигархической группами прецедентных имен часто оказываются размытыми. Дело в том, что в нашей стране недавние богачи нередко оказываются среди подсудимых, а их имена (*Мавроди, Ходорковский, Гусинский, Березовский*) становятся символами преступной деятельности, результатом которой стало лишение свободы или вынужденная эмиграция. Ср.:

«Мавроди» из США сядет на 150 лет (Е. Чинкова // Комсомольская правда. 1.07.2009; заголовок заметки об американце Бернарде Мердоффе, который создал финансовую «пирамиду»). **Гуцериев — второй Ходорковский?** (заголовок заметки о проблемах с законом у миллиардера М. Гуцериева; Аргументы и факты. 2007. № 21).

С другой стороны, люди, ставшие знаменитыми как государственные чиновники, в нашей стране переходят в сферу бизнеса и оказываются в числе так называемых олигархов. Своего рода символом такой трансформации стал бывший глава президентской администрации Анатолий Чубайс, который сначала возглавил крупнейшую энергетическую компанию, а в последние годы руководит развитием и внедрением нанотехнологий.

Следующую группу прецедентных антропонимов, активно используемых в современных СМИ, составляют имена, относящиеся к сфере

искусства (или массовой культуры); особенно часто это имена создателей и исполнителей песен. Ср.:

Рассохшиеся рамы гостиницы пропускали пьяные вопли несостоявшихся Лепсов и Успенских (С. Голуб // Комсомольская правда. 8.09.2010). *Конечно, в Петербурге еще не скоро появится новый Виктор Цой, но этот город продолжает оставаться столицей русской рок-культуры* (И. Горбов // Аргументы и факты — Урал. № 32. 2002). *Конечно, в каждом городе нет своих Гундаревых, Табаковых, Гафтов, Филатовых, Ахетжаковых. Комиссия по цензуре, созданная в Тмутаракани из местных безвестных поэтов и чиновников, неизбежно начнет душить все доброе и вечное* (А. Розенбаум // Аргументы и факты. 04.09.2002).

Показательно и то, что в составе прецедентных имен собственных, связанных с постсоветской эпохой, практически нет таких, которые относятся к некоторым ранее активным смысловым группам. В частности, нет столь популярных прежде имен рядовых труженников, не попали в число прецедентных и имена военачальников, руководивших боевыми действиями на Северном Кавказе, и даже имена людей, совершавших подвиги в период второй кавказской войны.

Еще одна характерная черта современного периода — незначительное число новых прецедентных имен, относящихся к сфере-источнику «литература». Имена героев произведений «литература». Имена героев произведений, написанных в последние годы, пока не стали настолько широко известными, как фамилии персонажей текстов Пушкина и Гоголя, Достоевского и Льва Толстого, Чехова и Булгакова.

Необходимо отметить и то, что большинство рассмотренных прецедентных имен оказалось в контекстах с ярко выраженной негативной оценкой. Герои все больше уступают место антигероям.

Показательно, что в конкретных текстах нередко наблюдается сложное переплетение прецедентных имен, восходящих к различным историческим периодам, связанных с различными национальными истоками, относящихся как к миру искусства, так и к реальному миру. Такая организация текста вызывает большой интерес читателей и обеспечивает значительный прагматический эффект. Ярким примером рассматриваемого взаимодействия образов может служить следующий фрагмент.

Кому отдастся Татьяна Ларина?

Каждая эпоха задает свои стандарты жизни, нравственности и поведения. Помните знаменитые слова Татьяны Лариной из пушкинского «Евгения Онегина»? «Но я другому отдана; я буду век ему верна». Нынешнее поколение молодежи оказалось в сложном положении: оно как бы зажато между двумя моделями жизни.

Значительная часть молодежи, которая была «родом из СССР», оказалась в сложном психологическом положении: капитализм рассыпал по улицам массу соблазнов. А как делать жизнь не по **Павке Корчагину**, а по **Биллу Гейтсу**, никто не научил. Научиться жевать жвачку, пить кока-колу оказалось легко. А вот как встраиваться в совсем другую жизнь, где требуется новая энергия, изворотливость, умение держать удар, рисковать и делать собственный выбор?

На первом этапе вживания в новый порядок в мозгах и сердцах современных **Онегинных** и **Ленских** все смешалось. Социологические опросы вскрывали удручающие перекосы молодежного сознания. **Татьяны Ларины** мечтали стать проститутками, **Онегины** осваивали бандитские ухватки, **Ленские** пристрастились к сексу и «травке». И чуть ли не все мечтали стать **абрамовичами** и **ходорковскими**.

За последние 3-4 года ориентиры молодежи стали «остепеняться». Романтика блатного капитализма ушла в прошлое. Что касается «списка **Форбса**», то выяснилось, что он очень короткий и для счастья нужно искать другие места.

Пройдя через испытания кризисом, молодежь подойдет к следующим выборам серьезно повзрослевшей. И задавать себе она будет не вопросы, кто побежит за **«Клинским»** или кто прогремит на очередной **«Фабрике звезд»**, а вопросы совсем другого свойства. Найду ли я в ближайшие годы работу? Удастся ли получить образование? Смогу ли позволить себе создать семью? (В. Костиков. Кому отдастся Татьяна Ларина? // Комсомольская правда. 01.02.2009).

В рассматриваемом тексте удачно взаимодействуют имена собственные, которые используются в основном в метафорических значениях. Одни из них восходят к отечественному дискурсу, другие – к зарубежным реалиям. Многие из этих образов созданы в творческой лаборатории писателя, но их дополняют имена, которые позаимствованы из реальности. Образы современности удачно взаимодействуют с теми, которые рождены советской и досоветской реальностью, что позволяет, говоря о вечных ценностях, использовать контраст между прошлым и настоящим.

Итак, представленное исследование позволяет сделать вывод о том, что в постсоветскую эпоху произошли значительные изменения в сфере прецедентных имен собственных. С одной стороны, в современной массовой коммуникации сохраняются живые связи с опытом прошлого, с тем арсеналом прецедентных имен, который создавался на протяжении многих столетий. Значительная часть этих онимов и до настоящего присутствует в составе общепотребительной лексики, не испытывая тенденции к архаизации. Вместе с тем арсенал

прецедентных феноменов в последние два десятилетия существенно расширился. Он особенно активно пополнялся за счет имен, относящихся к сферам экономики (олигархи), политики и государственного управления (**Чубайс**, **Путин**), журналистики (**Сванидзе**, **Доренко**), криминала (**Мавроди**, **Чикатило**) и массовой культуры (**Лепс**, **Пугачева**, **Киркоров**, **Цой**, **Успенская**).

Вместе с тем существенно изменились смысловые сферы, к которым относятся прецедентные онимы-неологизмы. Среди новых источников прецедентности практически нет столь характерных для советской эпохи имен знаменитых рабочих, военнослужащих, летчиков и полярников. Не проявляют активности в современной массовой коммуникации и имена героев новейшей литературы. Очевидно, эти изменения обусловлены прежде всего трансформацией социальной ситуации, динамикой сфер, которые вызывают максимальный общественный интерес, и, конечно, переходом от тоталитарного дискурса массовой коммуникации к демократическому. Эти тенденции в значительной мере соответствуют глобальным тенденциями развития современной цивилизации.

Несколько лет тому назад Н. А. Кузьмина в рамках исследования интертекстуальности предложила разграничивать в качестве источников текстовых реминисценций два вида текстов. К первой группе относятся **«сильные тексты»**, которые «испытаны временем и присутствуют в национальной культуре на протяжении жизни более двух поколений» (это преимущественно литературная классика, религиозные книги, имена и события, надолго остающиеся в народной памяти). Ко второй группе относятся **«ключевые тексты текущего момента»**, обращение к которым чрезвычайно активно лишь в очень короткий период времени (реклама, шпаягеры, телесериалы, политические и рекламные слоганы и т. п.) [Н. А. Кузьмина 2004]. При всей условности границ между выделенными типами текстов названная классификация отражает достаточно важные их свойства. И создается впечатление, что в современной массовой коммуникации максимальную активность в качестве источников прецедентности проявляют именно «ключевые тексты текущего момента». А чрезвычайно активное обращение к этим текстам, несомненно, способствует быстрому обновлению арсенала прецедентных имен, характерных для современной российской массовой коммуникации.

Можно предположить, что уже сейчас многие ключевые антропонимы тоталитарной эпохи при использовании в современных СМИ требуют лингвокультурологического комментария, поскольку превращаются в архаизмы и историзмы. С другой стороны, можно ожидать, что в скором будущем аналогичная судьба ожидает и антропонимы-неологизмы, относящиеся сейчас

к числу «ключевых слов текущего момента». И, конечно, только в отдаленном будущем станет известно, какие из современных прецедентных имен войдут в «золотой фонд» отечественной прецедентности.

При конкретном анализе имен собственных во многих случаях важно различать онимы-неологизмы и онимы-окказионализмы. В последнем случае имеются в виду вторичные значения, смысл которых понятен только в рамках данного текста, только в рамках определенной ситуации. Ср.:

Окказионализм. В 2007 году в Орел направили нового начальника областной милиции Владимира Колокольцева. Вскоре возбудили громкие уголовные дела против двух вице-губернаторов. Строев все понял... Мы все понимаем, что к каждому ветерану губернаторского корпуса можно послать своего колокольцева, и тот многое нарвет в его ближайшем окружении (Е. Черных // Комсомольская правда. 7–14.10.2010).

В данном случае ближайший контекст свидетельствует, что имя генерала Владимира Колокольцева выступает как своего рода символ угрозы провинциальным топ-менеджерам: его назначение на должность руководителя областной милиции предвещает уголовное преследование политической элиты региона. Показательно, что рассматриваемое имя в традиционном употреблении начинается с прописной буквы, а прецедентное имя в коннотативном употреблении напечатано в данном тексте со строчной.

Высокая скорость исторических изменений, постоянное обновление состава неологизмов и архаизмов, значительное количество окказионализмов и историзмов – характерные черты современной системы русских прецедентных имен собственных. Одни из них приходят на миг, другие – на века, но в целом можно сделать вывод о том, что рассматриваемые метафоры, восходящие к именам собственным, как правило, менее долговечны, чем образы, восходящие к именам нарицательным. И особенности современной российской массовой коммуникации, несомненно, способствуют ускорению названных процессов.

ЛИТЕРАТУРА

Андерсон Р. Д. О кросс-культурном сходстве в метафорическом представлении политической власти // Политическая лингвистика. 2007. №1 (21).

Башкова И. В. Существительное *кризис* в российских СМИ XXI века // Политическая лингвистика. 2009. № 2.

Баранов А. Н. Очерк когнитивной теории метафоры // А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов. Русская

политическая метафора. Материалы к словарю. – М., 1991.

Баранов А. Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры: почти двадцать пять лет спустя // Дж. Лакофф, М. Джонсон. Метафоры, которыми мы живем. – М., 2004.

Будаев Э. В., Чудинов А. П. Когнитивно-дискурсивный анализ метафоры в политической коммуникации // Политическая лингвистика. 2008. № 3 (26).

Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). – М.: Языки русской культуры, 1996. С. 90–141.

Клемперер В. ЛТІ. Язык Третьего рейха. Записная книжка филолога. – М., 1998.

Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи (Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа). – СПб, 1997.

Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. – М., 2004.

Нахимова Е. А. Урбонимы в политической коммуникации: Кондопога и Пикалево // «Политическая лингвистика». 2010. № 2.

Нахимова Е. А. Прецедентные антропонимы в политической коммуникации // Изменяющаяся Россия: новые парадигмы и новые решения в лингвистике. Ч. 3. – Кемерово: КемГУ, 2006.

Орлова Н. М. Библиейский текст как прецедентный феномен: автореф. дис. ... докт. филол. наук. – Саратов, 2010.

Осборн М. Архетипичные метафоры в риторике: сфера образов «свет – тьма» // Политическая лингвистика. 2008. № 3.

Слышкин Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. – Волгоград: Перемена, 2004.

Фомина З. Е. Слова-хронофакты в языке политических текстов // Язык и эмоции. – Волгоград, 1995.

Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). – Екатеринбург, 2001.

Шачкова И. Ю. Семантика ключевых слов эпохи (эпоха Т. Блэра, 1997–2007): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Нижний Новгород, 2008.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса. – М. – Волгоград, 2000.

Шмелева Т. В. Ключевые слова текущего момента // Colloquium. 1993. № 1.

Шмелева Т. В. Кризис как ключевое слово текущего момента // Политическая лингвистика. 2009. № 2.

Osborn M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family // Quarterly Journal of Speech. 1967. Vol. 53.

УДК 321.7

Д. В. Нежданов
Екатеринбург, Россия

**«ПУБЛИОКРАТИЯ» КАК АПГРЕЙД
«ДЕМОКРАТИИ»: ОТ ТЕРМИНОТВОРЧЕСТВА
К ФОРМЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО
УСТРОЙСТВА «ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ»**

ГСНТИ 11.15.24; 11.15.79

Аннотация. Статья посвящена критическому анализу демократической формы общественно-политического устройства, значительно искаженной в практике государственно-политического строительства в современном мире. Предлагается новое представление о принципах и моделях повышения эффективности федеративного и регионального управления на основе внедрения альтернативной демократии форме общественно-политического устройства – «публиократии», основанной на перенесении достижений корпоративного управления в плоскость государственно-политического менеджмента.

Ключевые слова: демократия; публиократия; форма общественно-политического устройства; форма правления; государственное управление; политическая стратегия; политический дизайн; политический рынок.

Сведения об авторе: Нежданов Денис Викторович, Президент «Фонда национальной стратегии», Директор Межрегионального центра организационного и политического консультирования «Приоритет».

Место работы: Межрегиональный центр организационного и политического консультирования «Приоритет».

Контактная информация: 620000, г. Екатеринбург, ул. Московская, д. 131, оф.133.
e-mail: prioritet2003@mail.ru, ndv123@yandex.ru.

D. V. Nezhdanov
Ekaterinburg, Russia

**«PUBLIOCRACY» AS AN UPGRADE
OF «DEMOCRACY»: FROM TERM BUILDING
TO THE FORM OF SOCIO-POLITICAL
STRUCTURE OF «TOMORROW»**

Код ВАК 23.00.02; 10.02.00

Abstract. The article is devoted to the critical analysis of the democratic form of socio-political structure of the society, which is distorted in contemporary state-political organization. The author presents a new vision of principles and models of increasing efficiency of federative and regional management on the basis of implementation of alternative to democracy form of socio-political structure – «publiocracy», which is based on transfer of achievements of corporative management to the plane of state political management.

Key words: democracy; publiocracy; form of socio-political structure, form of government, state management, political strategy; political design; political market.

About the author: Nezhdanov Denis Viktorovich, President of «National Strategy Fund», Director of Interregional Centre of Organizational and Political Consulting «Prioritet».

Place of employment: Interregional Centre of Organizational and Political Consulting «Prioritet».

Основу реализации политики как сферы деятельности человека составляет устное или письменное речевое воздействие. Дискурсивный характер политики выражается в том, что большинство политических действий являются языковыми, вербальными, текстуальными, речевыми, лингвистическими, будь то предвыборная агитация, прения в парламенте, закон, указ и т. д. Политические лозунги и призывы также являются неотъемлемой частью политического языка. «Такие выражения, – по справедливому замечанию зарубежных исследователей, – не просто украшают политические события, но и активно участвуют в формировании общественного мнения» [Спербер, Тинделл 2010: 181]. Общественное предназначение политического дискурса состоит в том, чтобы «внушить адресатам – гражданам общества – необходимость "политически правильных" действий и/или оценок. Иначе говоря, цель политического дискурса – не описать, а убедить, пробудив в адресате намерения, дать почву для убеждения и побудить к действию» [Полякова 2010: 126].

Таким образом, управление информационными потоками, терминологией и категорийным аппаратом политической науки в современном мире является существенным фактором завое-

вания и удержания политической власти. Публичное противоборство относится к числу информационных рисков, что требует введения носителями политического интереса особого режима управления общественным мнением и сознанием. Такой коммуникативный режим призван обеспечивать контроль над восприятием динамических процессов в социально-политической сфере, зачастую в непрямой, иносказательной, метафорической форме. Политические метафоры и производные категории, в свою очередь, «отражают и воспроизводят доминантные для определенных обществ ценности и оппозиции. Они оказывают значительное влияние на осмысление политической действительности, служат руководством к принятию решений и действию» [Будаев 2010: 9].

Вместе с тем необходимо отметить, что на данный момент сложилась ситуация, когда мировая общественно-политическая мысль столкнулась с кризисом несоответствия принятых терминов и категорий их классическому содержанию, закладываемому учеными и основателями политического языка в основу построения политических отношений. Одно из выраженных несоответствий классического содержания политического термина и его фактического со-

держания сейчас характерно для центральной категории общественно-политической мысли нового и новейшего времен – демократии. Как известно, данная категория политического языка характеризует наиболее прогрессивную форму общественно-политического устройства.

Представляется, что детальный анализ и построение актуальной производной категории, характеризующей форму общественно-политического устройства следующего века, способно заложить основу в совершенствование политической практики за счет конституирования и лингвистической легитимации новых фигур политического языка, равно как и новых ценностей политической жизни современного общества.

Мировые кризисы последних лет отчетливо продемонстрировали, что демократия как привилегированная форма организации политической власти заложила основу для дискредитации собственного потенциала в качестве базиса общественно-политического устройства подавляющего числа современных государств, что закономерным образом делает актуальным вопрос о преемственности демократической формы правления как на уровне политической терминологии, так и на уровне политической практики.

Мировой демократический кризис проявился в деградации институтов демократической власти во всем мире. В Европе это проявилось в кризисе института партии, с которым граждане современного ЕЭС все меньше связывают надежды на повышение эффективности государственного управления.

Во Франции, например, на рубеже 80–90-х годов лишь 39% граждан демонстрировали удовлетворение выполнением партий своих представительских функций, 54% были им не удовлетворены, а сами политические партии за период 80-х годов потеряли около половины своих членов.

Согласно опросам, проводимым в Германии в 1997 г., только 24% респондентов выразили доверие к партии как политическому институту, в то время как 73% граждан Германии демонстрировали недоверие [Политический процесс: 91].

Любопытно, что и в современных США данные опросов свидетельствуют в целом об избегании гражданами той или иной партийной идентификации. Согласно исследованиям, более 50% респондентов не считают себя приверженцами той или иной партии, даже в случае если интервьюером вопрос формулируется в закрытой форме: «Сторонником республиканской или демократической партии Вы себя считаете?».

Необходимо отметить, что, например, в США выборы президента превратились в шоу, где в связи с особенностями избирательной системы кандидаты, получившие меньшее количество голосов, способны выигрывать выбо-

ры, оставляя позади даже кандидатов с более многочисленной поддержкой. (Дело в том, что в Соединенных Штатах на выборах всех уровней при наличии двух кандидатов победа одного из них достигается зачастую с очень незначительным преимуществом. Так, например, в 1960 году на президентских выборах за Кеннеди был подан 34 266 731 голос, за его соперника Никсона – 34 108 157 (разница составляла 0,17 %); в 1968 году за Никсона было подано 31 785 480 голосов, за Хэмфри – 31 275 166 (разница – 0,81 %); в 1976 году за Картера было подано 40 380 763 голоса, за Форда – 39 147 973 (разница – 1,59 %) [Жаглей 2007: 79]. И совсем анекдотичная ситуация, по свидетельству Н. Жаглея, сложилась на президентских выборах в 2000 году, когда с незначительным перевесом голосов победил Гор, однако из-за особенностей избирательной системы США главой государства стал Буш.)

Наметился и кризис ранее господствовавших политических идеологий.

Ярким примером специфического развития современного политического объединения в Европе выступает опыт трансформации Коммунистической партии Чехии и Моравии, которая не стала менять название, но поменяла сущность и логотип. Партия покаялась в грехах своих коммунистических предшественников, выбрала новую символику – две вишенки (перед одними из последних выборов в парламент каждый житель Чехии получил от коммунистов рецепт вишневого пирога) – и не допустила к партийному рулю ни одного представителя старой партийной гвардии.

Но что еще более важно, партия отказалась от пропаганды и разработки программ и законопроектов в духе классической коммунистической идеологии социального равенства и справедливости. В итоге в основу возросшей популярности партии была положена, например, не инициатива о закреплении прогрессивного налогообложения в духе шведской модели социализма, пользующейся уважением у современных чешских коммунистов, а агитация за безопасный секс и законопроекты о легализации однополый любви. Видимо, неудивительно, что в ряды чешской компартии сегодня приходит все больше молодежи. По свидетельству специалистов, «о КПЧМ никак не скажешь, что это вымирающая партия, чей электорат состоит сплошь из пенсионеров» [Компартия разнуданного типа: 50]. В свою очередь, о политической эффективности такого рода шагов свидетельствуют те 40 мандатов, которые получила партия на выборах в парламент страны в 2002 году.

Строго говоря, государственные деятели в условиях демократического правления, по меткому замечанию отечественного политолога С. Пшизовой, вообще больше склонны формулировать политику, чтобы выигрывать на выборах, а не выигрывать на выборах, чтобы фор-

мулировать социально ориентированную политику во благо общества и государства.

Как отмечает В. С. Мартьянов, «ценностные идеологии трансформируются в прикладные политические технологии – заложенные в них ценности и цели либо уже реализованы, либо более не актуальны, но продолжают использоваться благодаря эффекту последствия или симуляции» [Мартьянов 2005: 149]. Результатом этого процесса становится активное смешивание антагонистических ценностей, предлагаемых классическими идеологиями, как в России, так и за рубежом.

В связи с этим конфигурации, или, иначе говоря, формы российского партийного дизайна подвержены «скороспелой» динамике, отвечая все новым и новым требованиям изменяющегося политического рынка. В роли идентифицирующих партии признаков начинают выступать разного рода «прагматизмы», «центризмы», «патриотизмы», «социал-консерватизмы» [см. Романов 2007], различного рода секулярные «фундаментализмы», поставленные на конвейерное производство знаменитости, «замышенные» «старые» из сфер кино, телевидения и СМИ (Н. Басков, О. Федорова («Родина»), С. Михалков (НДР), И. Кобзон, А. Розенбаум, А. Буратаева, С. Безруков, О. Газманов («Единая Россия») и т. д.

Так, основной целью современного партийного дизайна (производная субметафора от метафоры «политический рынок») становится повышение, с одной стороны, «**политической рентабельности**», с другой стороны, «**политической ликвидности**» партии, определяемой по аналогии с термином рыночной экономики как способность к постоянной смене собственных политических форм – самой партии, ее идеологии, политики управления партией, а также кадрового состава ее руководящих органов с целью приобретения наибольшего политического влияния, временной популярности и актуальной политической поддержки избирателями.

Любопытно в связи с этим выглядела 16 ноября 2008 года обнародованная «Русским радио» информация о самороспуске партии «Союз правых сил», создании на ее базе политического движения «Правое дело», где одним из представителей руководящих органов становится глава «Роснано технологий» А. Чубайс. В сообщении подчеркивалось, что представители руководящих органов, в соответствии с Уставом будущей партии, не обязаны быть ее членами. Теоретически это предполагает возможность руководства «Правым делом» членами «Единой России» или иных думских партий. С другой стороны, этот пункт Устава снимает зависимость партии от имени того или иного лидера. Представляется, что выход из СПС Н. Белых неблагоприятно отразился на имидже партии. Отсутствие же членства лидеров партии в самой партии страхует политическую организа-

цию от подобных демаршей лидеров и тем самым ослабляет зависимость инвесторов от воли соответствующих политических звезд. Все это во многом открывает возможности для политического маневрирования, например смены тройки лидеров, что обеспечивает исключительную политическую ликвидность как руководящих органов партии, так и ее лидерского состава, равно как и открывает более широкие возможности для толкования идеологической платформы и раскрутки нового политического бренда без установления прямой зависимости новой партии от идеологической ниши и исключительно правой идеологии. Под брендом «Правое дело» вполне можно временами избегать популяризации правой идеологии, ориентируясь на понятие «справедливость» как синоним «правого дела» в сознании россиян.

На политическом рынке, равно как и на рынках частных благ, торговые марки и бренды увязываются не столько с полезными потребительскими свойствами продуктов, сколько с символическими образами определенных стилей потребления. Люди начинают желать причастности к бренду, потому что с ним ассоциируются известные лица, задающие определенные стили потребления. Эти стили, таким образом, во многом выполняют функции постмодерновых вариантов политических идеологий, принимая формы квазиидеологий. В последних могут угадываться родовые признаки классических идеологий, что, однако, не мешает эксплуатировать их политикам достаточно свободно переходить от одних программных положений к другим, иногда противоположным, при этом лишь отчасти рискуя попасть впросак на выборах и потерять долю традиционного электората. Главенствующим же признаком современных квазиидеологий выступает их ассоциативная символическая насыщенность, способная в ряде случаев вернуть избирателя в его прежнее, дезинформированное, «первобытное» состояние. Состояние, позволяющее в условиях кризиса программно-идейной политической мобилизации относительно эффективно управлять им, добиваясь повышения явки, массового голосования «против» в виде массового голосования «за» и, наоборот, массового голосования «за», провоцируемого в целях диффузии социальной поддержки в конкурентной борьбе «против». Таким образом, человек «становится инструментом навязанных ему синхронизированных, систематизированных, типизированных и политически ангажированных процессов» [Мосорова 1999: 50].

Необходимо отметить, что партии как неотъемлемый атрибут политической системы современного демократического государства перестали быть избирательными машинами, в которых человек, даже будучи винтиком, имел свое маленькое значение для воспроизводства политической власти. Новая информационная эпоха, войдя в российскую политику, успешно

заменила небольшую роль человека-винтика, представлявшего своего рода hardware власти, увеличив роль его эмоционально-психологического состояния, программного обеспечения – software, узурпировавшего все мыслимые и немыслимые емкости и полости этого самого винтика в ходе выполнения им его исконной функции по выборному производству демократической власти. Именно в результате этого технологией борьбы по захвату власти стала практически неуловимая и недиагностируемая интеллектуальная война, напоминающая войну химико-бактериологическую, причем инструменты первой войны, интеллектуальной – политические идеи, – по меткому определению Заместителя председателя «Фонда национальной стратегии» Н. Н. Неждановой, «мутируют быстрее, чем самовоспроизводятся. Заинтересованные лица пытаются их причесать под старый партийный образ, который хотя бы условно гарантирует получение желаемой доли политической власти».

В некоторых случаях демократическая идеология вообще становится инструментом для геополитического передела власти, поводом «обложить динамитом» политических оппонентов, как это произошло в Ираке в ходе реализации политики давления на Ближний Восток со стороны США, равно как и на Украине, а затем в Грузии, где при помощи «оранжевых революций» была дестабилизирована политическая ситуация и внесен гражданский раскол в политический строй по методу «разделяй и властвуй».

Строго говоря, демократия в американской транскрипции стала инструментом идеологического манипулирования, разрушения национального суверенитета и политического подчинения многих государств, чей политический строй был пропущен через фильтры американской политической доктрины. В результате этого у многих стран исчезла самобытная государственность, была подорвана экономика и внесен значительный диссонанс в ход естественного исторического процесса национального и государственного самоопределения.

Политика разрушения и страха, конфронтационная силовая политика, на идеях которой авантюристы пришли к власти в США, обрушилось разорительными войнами на многие страны; политика наращивания финансового благополучия без учета долгосрочных последствий подорвала здоровье нации, но мода на американский стиль жизни, столь уверенно насаждаемая по всему миру, сделала почти неразличимыми вечные и конъюнктурные ценности. Одним из результатов тотальной зависимости от политической стратегии и коммуникативной лидерской доктрины мирового гегемона США стал риск краха мировой финансовой системы.

Представляется, что одним из путей выхода из сложившейся ситуации, связанной с гегемонией США на политическом и финансовом ми-

ровых рынках, может стать разработка и внедрение альтернативной и прогрессивной формы общественно-политического устройства, способной нивелировать идеологическую роль США как мирового «демократического» судьи с безусловным авторитетом.

Попробуем предметно подытожить проблемы современной демократии, которая, оставаясь «лучшей из худших» существующих форм политической организации общества в наши дни, заставляет все чаще ставить вопрос об эффективности демократического строя и возможностях его совершенствования.

Во-первых, демократия ориентирована на избрание людей в качестве представителей власти. Люди меняются, люди приходят и уходят, люди меняют свои взгляды, предпочтения, привычки, принципы. Люди зависимы, в результате чего правление конкретных людей становится сугубо рискованной формой организации государственной власти, способной поставить под вопрос перспективу развития самого прогрессивного экономического строя и «самобытного» народа.

Во-вторых, современная демократия – это «теледемократия», или демократия издалека. Известны случаи, когда некоторые кандидаты выигрывали выборы даже при отсутствии на территории государства, в котором проходила избирательная кампания. О какой ответственности государственного деятеля, фактически не участвующего в выборной кампании, может идти речь?

Любопытно, что даже коллективные политические акторы в этом плане не безгрешны. Так, в ходе проведения избирательной кампании в Государственную думу в 2007 году российским избирателям социологами ВЦИОМ был задан вопрос о том, какая партия, на их взгляд, показалась наиболее убедительной в телевизионных дебатах. Более 60% опрошенных ответили, что это – «Единая Россия». Между тем верная президенту партия, как справедливо отмечал австрийский «Kurier», вообще не принимала участия в теледебатах [Они о нас: 34].

Подобное гипнотическое состояние, которое вызывают СМИ в наши дни, по сути, полностью обесценивает «народную представительность» демократической власти. Ранее в древнегреческой республике оратор нес ответственность за свои слова, а, например, в действующей политической системе России вообще не предусмотрен досрочный отзыв государственных деятелей, что, без сомнения, не соответствует демократии в подлинном смысле.

Демократия, будучи легальной формой правления, стала постепенно утрачивать легитимность. В связи с этим видимая лояльность власти в России главным образом поддерживается информационной политикой и PR в частности и технологиями политического маркетинга в целом, что в некоторой степени сдерживает рост социальной напряженности.

При этом нельзя забывать, что утрата в действующей политической системе России конкурентности власти не всегда свидетельствует о политическом регрессе государства. Напротив, именно упорядочение курсов воспроизводства политической власти, уменьшение количества партий и ограничение политической полемики, произошедшие в рамках внедрения концепции «суверенной демократии» В. Ю. Суркова, в последние годы привели к стабилизации жизни населения страны, росту международного политического и экономического влияния России, что, несомненно, выглядит значительно более прогрессивно, чем состояние «младодемократической» Украины, находящейся последние годы на грани дефолта, и «псевдодемократической» Грузии, находящейся на грани гражданской войны.

Ограничение публичной конкуренции власти не привело к ликвидации политической конкуренции как таковой. Дело в том, что в политических кругах при монополярной форме правления верховной элиты стали соперничать ее составные части, ориентированные на усиление своего положения в верхах за счет представления конкурентных политических решений, актуальных политических идей, ориентированных на разрешение возникающих государственных задач. В этой связи отметим, что если справедливо мнение исследователей, утверждающих, будто в рамках однопартийной системы в СССР конкурировали различные картели власти, можно смело указать на то, что именно эта модель и воспроизводится в России сегодня. «Многopартийность» расцветает в рамках единой политической структуры. Если, исходя из этого, эксплицировать метафору политического рынка, то, по заключению В. Ковалева, мы увидим политическую систему России в качестве «административного» рынка с огромным дефицитом предложения» [Ковалев 2007: 31]. Здесь можно упомянуть слова В. Ключевского, утверждавшего, что в России не было партий, а была лишь борьба учреждений. Это суждение, по справедливому заключению О. Гаман-Голутвиной, очень точно характеризует современную ситуацию, когда за борьбой партий скрывается противостояние различных фракций кремлевской бюрократии, в ходе которого в 2003 году одно ее крыло курирует «Единую Россию», другое – Народную партию, а вместе все поддерживают блок «Родина». На выборах 2007 и 2008 годов меняются лишь некоторые наименования партий и фамилии кандидатов, в то время как бюрократическая система в целях обеспечения своего доминирования по-прежнему использует все возможные ресурсы, начиная с «франчайзинговой» эксплуатации «политического бренда» второго президента России и заканчивая строгой отчетностью служащих за правильную отметку в бюллетене. Немаловажное значение также, судя по всему, имело традиционное редактирование электро-

ральной базы, когда численность избирателей, по наблюдению экспертов, в кварталный срок могла изменяться на федеральных выборах от «плюс» 1,6 миллиона до «минус» 1,9 миллиона на тех территориях, где это было политически оправдано [Орешкин, Козлов 2008: 63].

Политическая конкуренция в России начинает приобретать отличный от классического понимания партийной конкуренции характер. Сейчас создаются конкретные молодежные политические движения, способные со временем выращивать профессиональных, грамотных политиков и управленцев, что неизбежно стимулирует ротацию кадров внутри самой власти, так или иначе ориентированной на рост собственной эффективности. Нельзя также забывать, что власть ориентирована на ограничение публичной политической борьбы, идущей 24 часа в сутки, за счет использования разных технологий. Среди последних можно выделить тайные межведомственные вмешательства, искусственно стимулируемую политическую конкуренцию, столкновения апологетов различных идеологических подходов, тайные дотации общественным организациям, предоставляемые наиболее ретивым оппонентам действующей власти и другим силам, умело ослабляющим ее потенциал, равно как и перспективу внутригосударственного и геополитического развития России.

В-третьих, демократия абстрактна. В условиях демократической формы организации государственной власти демократическим и прогрессивным считается то, что на руку действующей власти. Такая власть неподотчетна, поскольку она сама себе задает критерии успешности и сама преподносит обществу свои успехи в наиболее привлекательной форме.

В наши дни федеральная власть постепенно выстраивает публичную политическую дискуссию на языке общенациональных ценностей, при этом «стремление быть единственным модератором такой дискуссии и жестко блюсти ее рамки», по свидетельству главного редактора журнала «Полития» С. И. Каспэ, «изрядно портит все дело» [Каспэ 2009: 16].

Так в условиях демократической организации государственной власти элита «возделывает» государственных деятелей, а государственные деятели «возделывают» элиту. В результате складывается ситуация, когда общество является статистом этого взаимодействия, и получается как в анекдоте: «Денег нет, топора нет, еще должен, и вроде бы все правильно!».

В свою очередь, «российская элита, – по меткому выражению С. В. Мошкина, – не верит в возможность скорого демократического оживления масс. Отсюда полная поглощенность нынешнего правящего класса реализацией своих интересов, пренебрежение к волне компроматов и к возможности собственной дискредитации» [Мошкин 2003: 158].

Другое дело, что в этих условиях власть

лишь частично прикрывается элитой, а элита властью. Существенные экономические потрясения в условиях отсутствия системной экономики «банкротят» элиту, элита «банкротит» общество, а общество – власть. Общество становится неуправляемым, обостряются риски тяжелых социальных конфликтов и гражданских войн, на международной арене государство и власть становятся уязвимыми, а элита – невосребованной. Ощущение бесполезности и неактуальности ослабляет власть. Возникает вопрос: «А этого ли хотят государственные деятели для своего государства?». В подавляющем большинстве случаев политическая элита дает на него отрицательный ответ.

В-четвертых, как мы убедились, демократия исключает из продуцирования успеха само общество. Она использует его потенциал лишь в малой степени, легитимизируя свои политические ходы за счет аналитических передач, избирательных кампаний, референдумов, в то время как общество становится все более индифферентным к демократическим процедурам, занимаясь вопросами самообеспечения.

Растет абсентеизм, снижается норма политического участия молодежи, уходит из жизни пожилой электорат, ликвидируются барьеры явки и графа «против всех», в результате чего даже формальная легитимность выборов может девальвироваться.

Ответственность за процветание государства ложится исключительно на элиту и государственных деятелей, тогда как общество живет своей жизнью, в лучшем случае не мешая власти, в худшем – устраивая волнения, уклоняясь от налогов и демонстрируя неуправляемость. Расслоение общества достигает апогея, и элита уже боится выйти на улицы родного города, отгораживается высокими заборами «Рублевки», бронированными стеклами автомобилей и многими километрами, отделяющими ее на фешенебельных курортах от Родины, страны, давшей жизнь и успех.

Когда у российского олигарха появляется все, он где-то в глубине души начинает понимать, что счастье в создании блага для общества он утратил там, в лихие 90-е, там, когда дал денег Y-лову на думский мандат, прикрывая собственные «тылы» от проверок контрольных органов. Там, когда отдал дочь в швейцарский пансион и наблюдал, как она забывала родной язык. То, чего он ждал долгие годы, нет и может никогда не быть. Он живет не в той стране, рядом не с теми людьми, не с самим собой!

Такие представители элиты озабочены завоеванием власти и денег, лишены подлинного смысла жизни в демократическом государстве со свободно регулируемым рынком. И нет в такой стране ни великих открытий, ни больших свершений, нет уважения к такой стране, нет счастливого общества, общества благополучных людей, живущих в гармонии с миром, с са-

мыми собой. А почему? Потому что нет той цели, к которой идет весь город, весь район, весь округ, вся страна, вся планета. Нет ее – каждый сам по себе.

Уже поэтому можно с уверенностью констатировать признаки летального исхода демократии: она не продуцирует новых идей, мнений, решений, она почти не дает новую жизнь, а все чаще становится признаком когда-то прогнозируемого благополучия. Другое дело, что демократия дала потомство: сильное, уверенное, долгожданное, необходимое, но пока мало кому известное.

Демократия находится на грани летального исхода, и у ее смертного одра стоит «публиократия»: власть публичности, власть эффективности, власть ответственности, стратегическая власть «воплощаемых состояний».

Этимология слова «публиократия», по нашему замыслу, происходит от контаминации двух латинских лексем – «publius» (публичность) и «cratos» (власть). Опыт демократической модели власти показал, что подлинная публичность и открытость демократической власти иллюзорна и носит имитирующий характер, в связи с чем понятие демократии дискредитировало себя и требуется не только новая, более прогрессивная форма общественно политического устройства, но и новое название, характеризующее открытую коллегиальную публичную власть. В чем же ее суть?

«Публиократия», *во-первых*, форма организации государственной власти, когда общественность призывается к голосованию не за людей, а за стратегии общественного и государственного развития и методы их реализации, где результативность их воплощения оценивается по предметным, осязаемым критериям.

Во-вторых, «публиократия» – ответственная власть, предполагающая четкий ведомственный контроль эффективности управления городом, государством, регионом, предусматривающий ротацию власти при неудовлетворительном уровне реализации поставленных стратегических и оперативных задач.

В-третьих, «публиократия» – это власть публичного управления, вовлекающего сознание всего населения в решение общегосударственных задач, стимулирующих появление мощнейших мыслеформ политического сознания на основании идеологии «позитивного перспективизма» и теории «воплощаемых состояний».

В-четвертых, «публиократия» – это универсальная форма совершенствования системы государственного управления в стране с любой формой правления, что исключает разрушение политического сознания, главенствующего в том или ином государстве.

Применительно к России «публиократия» – это организация государственной власти на основе вынесения на голосование на уровне городов, регионов, федеральных округов, фе-

деральных органов исполнительной власти и на уровне федерации двух-трех разработанных проектов государственного развития с целью выбора и легитимации одного из них, концентрации на единой стратегии, обеспечиваемой поддержкой большинства избирателей, создающей во время публичной кампании мощнейшие мыслеформы «воплощаемых состояний» политического сознания элиты и электората, оформленные в соответствии с единой «позитивно-перспективистской» методологией.

Такие проекты должны обеспечивать установление контрольных точек реализации стратегий развития территорий, соревновательность взглядов на методы воплощения видения развития регионов, являться единой отправной точкой, единым описываемым «воплощаемым состоянием», подлежащим реализации в ходе внедрения соответствующих стратегий развития.

Кроме того, в условиях обеспечения идеологического лидерства России публиократия способна быть легко экспортируемым политическим режимом, способным интегрировать межгосударственные образования, такие как Евросоюз, ШОС, БРИК и другие. «Однонаправленность» взглядов большинства граждан из числа населения страны или даже нескольких стран – участников той или иной международной организации сотрудничества благоприятствует созданию мощных «мыслеформ» политического сознания, связанных с концентрацией населения на реализации стратегических задач государственного развития на уровне города, региона или страны, способных в сжатые сроки решать актуальные проблемы внутригосударственного и геополитического развития.

Демократия постепенно выходит из своего «продуктивного возраста». В связи с этим многие годы мир является свидетелем рождения государств, по-разному искажающих концепцию демократии и не способных к адекватному развитию.

Федеративное управление современным многонациональным государством, равно как и небольшим субъектом международного права в условиях «публиократии» должно быть оформлено в качестве публичной государственной стратегии, проецируемой в соответствующем масштабе на региональные образования, а также соответствующие города, входящие в состав государства, равно как и на уровень соответствующих ветвей власти, а также отдельных государственных органов.

Стратегия регионов (план развития на фиксированный период времени, например 5 лет) должна повторять в общих принципах стратегию государства. Стратегические государственные цели должны быть приоритетными по отношению к целям развития регионов и муниципальных образований, входящих в состав государства. При этом каждый субъект федерации формулирует соответствующую стратегию раз-

вития, руководствуясь принципом исполнения стратегии развития государства, в которое он входит.

Федеральные органы исполнительной власти и их подразделения на территориях также обязаны вырабатывать свои стратегии развития и достижения целей в соответствии с идеологией «позитивного перспективизма» и теорией «воплощаемых состояний» в обеспечение государственной стратегии развития. Федеральные министры, главы и заместители глав субъектов федераций должны регулярно предоставлять проекты реализации стратегии подведомственных регионов и отчитываться по реализации принимаемых стратегий на плебисцитах (референдумах).

Государственные деятели должны получать денежное довольствие и премии по результатам успешной реализации стратегии развития регионов.

В случае отставания в реализации стратегических планов возможно депремирование или досрочное освобождение от занимаемых должностей государственных служащих категории «А» и «Б» на основании несоответствия результатов эффективности управления поставленным планам.

В разработке стратегии государственного развития, регионального развития, развития муниципальных образований, а также стратегии органов исполнительной власти должны принимать участие:

- 1) действующие государственные должностные лица;
- 2) члены политических партий;
- 3) представители общественных объединений;
- 4) представители объединений промышленников и предпринимателей;
- 5) представители высшей школы;
- 6) представители научного сообщества и молодежных объединений.

Отчеты по разработке альтернативных стратегий, в соответствии с концепцией «публиократии», необходимо сделать публично транслируемыми при помощи СМИ в условиях публиократических электоральных процедур.

Такая технология организации государственной власти позволит выстроить единую систему политических ценностей и обеспечить социокультурную интеграцию общества, эффективность которой будет измеряться результатами реализации стратегий развития регионов, а также федеральных стратегий. Проект комплекса показателей, необходимых для разработки и внедрения ключевых критериев оценки эффективности «публиократических» стратегий, представлен ниже.

Система построения федеративной и региональной стратегий развития государства

	<i>Россия</i>	<i>Регион</i>	<i>Муниципальное образование</i>
<i>Воплощаемое состояние</i>			
<i>Позиционирование</i>			
<i>Размер бюджета</i>			
<i>Уровень собираемости налогов</i>			
<i>ВВП</i>			
<i>Уровень экспорта</i>			
<i>Уровень импорта</i>			
<i>Уровень занятости населения</i>			
<i>Уровень экономического роста</i>			
<i>Уровень промышленного роста</i>			
<i>Уровень криминогенного благополучия (преступность)</i>			
<i>Уровень социальной ответственности должностных лиц (коррупция)</i>			
<i>Уровень санитарно-эпидемиологического благополучия</i>			
<i>Уровень физического благополучия населения (здравоохранение)</i>			
<i>Уровень жизни населения (покупательская способность)</i>			
<i>Продолжительность жизни (смертность, рождаемость)</i>			
<i>Уровень обеспеченности населения жильем</i>			
<i>Уровень обеспеченности населения продуктами питания</i>			
<i>Уровень продовольственной безопасности</i>			

Внедрение в систему государственного управления методов менеджмента с целями и контрольными показателями является ярким примером эффективного заимствования технологий корпоративного управления, применяемых в целях повышения эффективности развития крупного частного бизнеса и акционерных обществ, чей месячный оборот зачастую превышает годовой бюджет отдельных государств.

Казалось бы, очевидно, что тот или иной орган власти, его отдельные подразделения должны ставить перед собой определенные цели и ориентироваться на перечень объективных показателей, позволяющих оценивать динамику движения к ним. При этом технология этого простого процесса на деле оказывается

достаточно сложной для представителей федеральных и региональных органов власти без соответствующей методологической поддержки, оперативного управленческого контроля и последовательности внедрения со стороны верховной власти в целом и отдельных ведомств в частности.

В результате внедрения комплекса проектно-критериального менеджмента в условиях «публиократической» формы организации политической власти в каждом конкретном случае становится возможным:

- сконцентрировать внимание органов власти на реализации стратегии и решении приоритетных задач;
- проявить возможности четко и в то же вре-

мя оперативно распределять ответственность между различными органами власти и их подразделениями;

- сформировать новую систему мотивации, стимулирующую служащих к достижению конкретных результатов, а не к привычному «добросовестному выполнению» служебных обязанностей;

- получить массив информации, достаточный для объективной аттестации сотрудников, для оценки адекватности принимаемых ими решений масштабу и сложности возникающих задач.

Разработка стратегии соответствующего масштаба выводит государственных должностных лиц за пределы срока их назначения или периода, на который были избраны, например, представители местной власти.

Законодательно установленное активное стратегическое проектирование системы государственного управления субъектом РФ, совместное участие в работе по созданию стратегии всех ветвей власти, представителей бизнеса, науки, политических партий и общественных организаций, экспертных сообществ и населения регионов способно освободить результаты ее внедрения от лишнего груза текущих проблем управления и корпоративных интересов, сформулировать компромиссы и служить основой контролируемого социально-политического консенсуса. В этом случае содержание стратегии сможет стать внутренне устойчивым и «пережить» смену лидеров, а также стимулировать лояльность лиц, замещающих государственные должности на уровне субъектов РФ, по отношению к верховной власти и направляющей роли Администрации Президента и федерального правительства, – только таким путем возможно улучшить методы реализации предложенных планов.

Построение «публиократии» и реализация комплексного проекта поэтапного внедрения критериально-проектного управления в систему федерального и регионального управления РФ с целью повышения эффективности развития субъектов РФ, а также планирования и контроля эффективного управления со стороны верховной власти требует проведения подробных консультаций с уполномоченными должностными лицами.

Подводя предварительные итоги, можно сказать, что концепция «публиократии» является своего рода «утопией», если ее интерпретировать с точки зрения классической этимологии понятия – как «место, которого нет». С другой стороны, вполне очевидно, что теоретические постулаты концепции «публиократия» как «апгрейд» демократии могут служить фундаментальной методологической основой для принятия решений на государственном уровне «в режиме реального времени» не только в условиях современной России.

Публиократия – это новая форма прогрессивного политического устройства современно-

го государства, являющаяся залогом формирования в обществе консенсуса, объединяющая в своем содержании «демократический» авторитет участия народа в отправлении «социальной» и государственной власти с «аристократической» управленческой компетентностью государственных и общественных деятелей, действующих с ориентацией на конкретные критерии оценки проводимой политики, очерчиваемые и утверждаемые с помощью публичных политических процедур, дабы минимизировать злоупотребления государственной властью и пренебрежение ее эффективным использованием во благо общества и государства со стороны назначаемых и выбираемых государственных должностных лиц в условиях определяемых населением среднесрочных стратегий развития стран, регионов и городов, предусматривающих личную ответственность служащих за результативность реализации принимаемых планов развития.

ЛИТЕРАТУРА

Будаев Э. В. Политическая метафорология: курсы сопоставительного анализа // Политическая лингвистика. 2010. № 1 С. 9–24.

Жаглей Н. Ю. Особенности национальной североамериканской демократии // Свободная мысль. 2007. № 7. С. 79.

Каспэ С. И. Политическая нация и ценностный выбор: общие положения, российский случай (II). // Полития. № 4. 2009. С. 16.

Ковалев В. А. О перспективах политических партий в РФ // Свободная мысль. 2007. № 11. С. 31.

Компартия разнужданного типа // Коммерсант. Власть. 2003. № 42 [545]. С. 50.

Мартьянов В. С. Постмодерн – реванш «проклятой стороны модерна» // Полис. 2005. № 2. С. 149.

Мосорова Н. Н. Философия дизайна. – Екатеринбург: Архитектон, 1999.

Мошкин С. В. Россия как демократия? // Дискурс Пи: научно-практический альманах. – Екатеринбург. Вып. 3. 2003. С. 158.

Нежданов Д. В. Манипулятивная политика: дискурс популизма // Дискурс Пи: научно-практический альманах. – Екатеринбург: Изд-во УрГСХА, 2001. Вып. 1. С. 33–35.

Нежданов Д. В. Политический маркетинг: вчера, сегодня, завтра. – СПб: «Питер», 2003.

Нежданов Д. В. Электоральный менеджмент. Ч. 1: Введение в организацию современной избирательной компании. – Екатеринбург, 2003.

Нежданов Д. В. Демаркетинг в теории и практике современного политического консультирования // Дискурс Пи: научно-практический альманах. – Екатеринбург: Изд-во УрГСХА, 2004. Вып. 3. С. 147–149.

Нежданов Д. В. К вопросу о понятии «партийный дизайн» // Социум и власть. 2006. № 3. С. 80–85.

Нежданов Д. В. Политический рынок: основы типологизации // Социум и власть. 2008. № 3. С. 73–82.

Нежданов Д. В. Политический рынок и партий-

ный дизайн в современной России: опыт метафорического моделирования становления партийной системы. 2010.

Нежданов Д. В. «Публиократия» – это стратегическая перспектива российского политического дизайна // Советник. Профессиональный журнал об управлении общественными связями. 2010. № 5. С.4–12.

Нежданов Д. В., Русакова О. Ф. Метафора «политический рынок» как методологическая основа и дискурсивный компонент политических исследований // Полития. 2009. №4. С. 109–114.

Они о нас // Коммерсант. Власть. 2003. № 48 [551] (8–14 декабря). С. 34.

Орешкин Д. Б., Козлов В. Н. Выборы и демография: конфликт статистик // Свободная мысль. 2008. № 3. С. 63.

Политический процесс: основные аспекты и способы анализа: сборник учебных материалов [под ред. Е. Ю. Мелешкиной]. – М.: «Инфра М», 2001.

Полякова И. С. Роль прецедентного имени в формировании эзотеричности политического текста. // Политическая лингвистика. 2010. № 1. С. 126–130.

Романов Б. С. Становление многопартийной системы в постсоветской России // Свободная мысль. 2007. № 4. С. 29–43.

Спербер Х., Тинделл Дж. Н. Слова и выражения в американской политике: правда и вымысел о Солт-ривер // Политическая лингвистика. 2010 № 1 С. 181–184.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. 2-е изд., испр. – М., 2007.

© Нежданов Д. В., 2010

И. О. Окунева
Москва, Россия

I. O. Okuneva
Moscow, Russia

**ВИДЫ И РОЛЬ МЕТАФОРЫ
В ПЕЧАТНЫХ СМИ РОССИИ,
ВЕЛИКОБРИТАНИИ, США И КАНАДЫ
(на материале газетных статей, посвященных
проблеме взаимоотношений между государством,
обществом и прессой)***

**TYPES AND THE ROLE OF METAPHOR
IN THE PRESS OF RUSSIA, GREAT BRITAIN,
THE USA AND CANADA
(based on the newspaper articles on the issues
of the state, society and the press relations)**

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.20

Аннотация. В статье рассматривается, как языковые и когнитивные метафоры и метафорический контекст выражают авторскую оценку поднимаемых в прессе вопросов, устанавливают ассоциативную связь с прошлым опытом и фоновыми знаниями читателей, передают идеологические, социальные и культурные ценности и нормы. В статье выявляются и четко называются метафоры, раскрывается их смысл и идеологическая направленность.

Abstract. The article outlines how linguistic and cognitive metaphors and metaphorical context convey author's assessment of the issues discussed, associative links with past experience and background knowledge of the readers, ideological, social and cultural values and norms. The article reveals exact metaphors used in the Press, the message they contain and ideological evaluation they involve.

Ключевые слова: языковая метафора; когнитивная метафора; метафорический контекст; авторская оценка; ассоциация; пресса; СМИ; идеологическая направленность.

Key words: language metaphor; cognitive metaphor; metaphorical context; author's assessment; association; press; Mass Media; ideological evaluation.

Сведения об авторе: Окунева Ирина Олеговна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры английского языка.

About the author: Okuneva Irina Olegovna, Candidate of Philology, Senior Lecturer of the Chair of the English Language.

Место работы: Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ, Москва).

Place of employment: Russian State University for the Humanities (Moscow).

Контактная информация: 117042, г. Москва, ул. Венинская, д. 7, кв. 129.
e-mail: sesh777@yandex.ru.

* Работа выполнена при поддержке Министерства образования и науки Российской Федерации в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 годы, мероприятие 1.3.1 – II очередь, Государственный контракт № 16.740.11.0290 от 07 октября 2010.

В настоящей статье рассматриваются основные виды метафор, служащих средством выражения авторской оценки в российских и зарубежных печатных СМИ, на примере газетных статей, посвященных взаимоотношениям между государством, обществом и прессой. Метафора является одним из распространенных способов передачи определенной оценки и формирования общественного мнения, она позволяет создавать нужные ассоциативные связи, ослаблять нежелательную реакцию аудитории на определенную информацию.

крепившиеся стереотипы и субъективные оценки. Таким образом, изучение языка СМИ на сегодняшний день является новым перспективным направлением исследований.

Новизна работы заключается в том, что в ней проводится сопоставление языка СМИ четырех стран: России, Великобритании, США и Канады с целью сравнения ключевых метафор, используемых журналистами для формирования идеологического фона.

Результаты настоящей работы смогут найти широкое применение в сфере социологии, юриспруденции, политологии, маркетинга, межкультурной коммуникации, журналистики, теории рекламы, психологии, языкознания. Они будут полезны при подготовке публичных выступлений, в мониторинге различных тенденций в сфере общественного сознания, в деятельности разного рода государственных и общественных организаций, объединений.

Актуальность исследования состоит в том, что в настоящее время увеличивается количество журналистских обменов между Россией и ее зарубежными партнерами, совершенствуются способы массового распространения информации. Однако при создании текстов массовой информации, предназначенных для определенной местности или культурного ареала, далеко не всегда учитываются территориальные особенности коммуникации, традиции, за-

Когнитивная лингвистика и лингвистическая прагматика на сегодняшний день обладают достаточным концептуальным аппаратом, позволяющим всесторонне изучать лингвистические аспекты феномена воздействия [Баранов 2007: 216]. Нетождественность слова и вещи, на которую это слово указывает, ведет к «вариативной интерпретации действительности» [Баранов 2007: 214], таким образом, у говорящего появляется возможность внесения намеренной неясности в высказывание, усиления или ослабления воздействия определенного сообщения.

Печатные издания способны не только от-

ражать настроения в обществе, но и формировать общественное мнение. Идеологический фон создается ими путем пропаганды той или иной системы ценностей, социокультурных норм. Для этого при составлении текстов используется не только прием отбора определенных фактов, но и широко применяются лингвистические и стилистические средства, способы организации дискурса, направленные на формирование нужной оценки и/или установление ассоциативной связи с желаемым образом и/или жизненным опытом человека.

Важной чертой СМИ является их способность быстро реагировать на изменения в обществе. Это проявляется в отборе материала и его интерпретации. На динамику, присущую языку СМИ, указывает проф. Т. Г. Добросклонская: «С изменением общественных и идеологических структур неизбежно меняются способы отражения и интерпретации. Чем больше социокультурных и идеологических изменений в обществе, тем активнее динамика СМИ» [Добросклонская 2010: 18].

Американский лингвист Nick E. Renton в работе, посвященной изучению метафор, высказывает мысль о том, что речи политиков, опубликованные в прессе, часто содержат в себе метафоры, в которых завуалировано содержатся новые идеи. Использование метафор в речи политиков является специальным приемом для выявления реакции общественности на то или иное планируемое нововведение: «...the testing of public reaction to contemplated legislation by leaking broad details of it to the media» [Renton 1992: 22].

В настоящее время имеется три подхода к интерпретации явления метафоры. А. Вежбицкая рассматривает метафору как сокращенное сравнение. М. Блэк, Д. Дэвидсон, Г. Н. Склярская интерпретируют метафору как набор общепринятых ассоциаций. Третий подход (МакКормак, Дж. Лакофф и М. Джонсон) объединяет в себе первые два и понимают метафору как «эволюционно познавательный процесс» [МакКормак 1990: 380], позволяющий «понимать довольно абстрактные или по природе своей неструктурированные сущности в терминах более конкретных или, по крайней мере, более структурированных сущностей» [Лакофф, Джонсон 2008: 10]. Дж. Лакофф и М. Джонсон выделили и описали три основных типа метафор: ориентационную метафору («верх» – «низ», «внутри» – «снаружи»), онтологическую метафору («Inflation makes me sick. Инфляция мне надоедает»), структурную метафору («время – это ресурс»).

Язык обладает важной консолидирующей функцией. С. З. Шукунда в статье «Из истории языковой политики США (XVIII–XX вв.)» отмечает, что «главным элементом программы американизации (в начале XX века – И. О.) были усилия, направленные на то, чтобы заставить иммигрантов отказаться от родных языков и пе-

рейти на английский» [Шукунда 2009: 58]. Общение на одном языке вынуждает людей мыслить в рамках одной системы ценностей, пользоваться едиными способами категоризации и концептуализации поступающей информации об окружающем мире. Такого рода познавательный процесс, или «совокупность психических и мыслительных процессов» [Добросклонская 2010: 179], служащих для получения и обработки информации человеком при восприятии окружающего мира и определения своего места в нем, получил название *когниция*.

Однако, помимо особенностей когнитивного осмысления действительности носителями одной лингвокультуры, существует набор фоновых знаний, на которые говорящие на одном языке могут опираться при сообщении новой информации. Ссылки на определенные явления культурной сферы, образные ассоциации, закрепившиеся оценки исторических событий, скрыто (имплицитно) присутствующие в тексте сообщения, будут понятны носителю языка, активизируясь в его когнитивной системе знания, и совершенно непонятны иностранцу. Такого рода культурную составляющую текста проф. Т. Г. Добросклонская именует метафорическим контекстом [Добросклонская 2010: 209]. Его основой могут служить крылатые фразы, пословицы, поговорки, высказывания известных людей, цитаты из литературных произведений и фильмов, аллюзии, слова из песен, рекламные слоганы, знания-представления о недавних и/или сохраняющих свою актуальность вещах и событиях, устойчивые ассоциации с определенными объектами или явлениями окружающего мира и т.п. Такого рода аллюзии встречаются практически во всех типах медиатекстов, от коротких газетных заголовков и рекламных слоганов до информационно-аналитических текстов и комментариев.

Итак, метафора широко применяется как способ манипулирования сознанием, навязывания определенных субъективных оценок, установления нужных ассоциативных связей и ослабления нежелательной реакции аудитории на определенную информацию. С точки зрения вербальной репрезентации метафора может быть выражена словами, словосочетаниями, предложениями. Наряду с лексическими и семантическими повторами и инверсивными конструкциями метафора является незаменимым средством формирования субъективной оценки читательской аудитории на определенную информацию в СМИ.

В настоящей работе мы различаем следующие метафоры:

– языковая метафора – вторичное или переносное значение слова, совпадающее с основным по сходству ассоциаций. В языковой метафоре может актуализироваться любая коннотативная сема значения, как бы далеко она ни отстояла от денотативного ядра;

– когнитивная метафора – фундаментальная когнитивная операция, обеспечивающая перенос образных схем из одной концептуальной сферы в другую;

– метафорический контекст – совокупность аллюзий на культурные, литературные и исторические реалии, составляющие фоновые знания носителей языка.

Использование языковых метафор в тексте создает набор образных схем. В сознании человека осуществляется перенос этих образных схем из одной концептуальной сферы в другую, давая возможность обобщить полученную информацию и связать ее с предыдущим опытом. Таким образом в сознании читателей формируется когнитивная метафора. Определенный образ можно вызвать в сознании человека через обращение к его социокультурным фоновым знаниям, т. е. через включение в повествование метафорического контекста.

Материалом исследования послужили русские и английские газетно-публицистические тексты, взятые из центральных высокотиражных печатных изданий России, Великобритании, США и Канады: *Ведомости*, *Известия*, *The Guardian*, *The Observer*, *The USA Today*, *The Huffington Post*, *National Journal*, *The Globe and Mail*, *National Post* и др. за 2010 год. Для исследования методом сплошной выборки были взяты тексты с общей тематикой, а именно освещающие взаимоотношения между обществом, прессой и государством. Объектом исследования явились мнения журналистов ведущих печатных изданий, высказываемые в рубриках «Мнения», «[Editorial] Opinions», «Views». Предметом исследования послужили универсальные и специфические когнитивно-метафорические средства (языковая и когнитивная метафора, метафорический контекст), используемые журналистами в печатных СМИ для передачи субъективной оценки.

Для описания взаимоотношений между обществом, прессой и государством авторы статей в России, Великобритании, США и Канаде наиболее часто пользуются такими когнитивными метафорами, как БОРЬБА и РЕСУРС. Их помещают в метафорический контекст, в основе которого лежит культурно-историческая информация или фоновые знания носителей языка, и/или используют в сочетании с менее распространенными и/или культурно-обусловленными метафорами, такими как КОНКУРС-СОСТЯЗАНИЕ, ВЫСТАВКА, МАШИНА, ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ, БОЛЕЗНЬ, ШУМ, СТИХИЯ и др. Разновидностью метафоры БОРЬБА часто выступают ВОЙНА и СПОРТИВНОЕ СОСТЯЗАНИЕ. Продемонстрируем функционирование указанных когнитивных метафор на примере некоторых статей из печатных изданий российской, британской, американской и канадской прессы.

В российской газете «Ведомости» для описания противостояния между обществом и государством журналисты используют ряд языко-

вых метафор, которые заключают в себе когнитивную метафору ВОЙНЫ: *Российское общество давно отступило перед экспансией государства, добровольно отдав ему значительную часть публичной сферы* [Публичная сфера: Без права на участие // Ведомости. 24.09.2010]; *У политической системы всегда должен быть в запасе арсенал процедур для постоянной работы с разнообразными вызовами и изменениями* [Передача власти: Распустить досрочно // Ведомости. 21.09.2010]; *Если проводить их (выборы – И. О.) массированно, одновременно и с Владимиром Путиным во главе списка <...>* [Передача власти: Распустить досрочно // Ведомости. 21.09.2010]. В Большом толковом словаре русского языка (БТС) прилагательное *массированный* дано с пометой «военный термин», *массированным* бывает огонь, налет авиации, применение артиллерии, можно *массированно* применять танки [БТС].

В этой ВОЙНЕ общество всё чаще сдает свои позиции: *Общество не смогло защитить свое пространство от государственной экспансии* [Публичная сфера: Без права на участие // Ведомости. 24.09.2010]. Общество – чувствующий ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ, но в России он развит плохо: *...вернуть государству доминирующую роль, а обществу – ощущение собственной слабости и бессилия перед лицом государства оказалось нетрудно* [Публичная сфера: Без права на участие // Ведомости. 24.09.2010]. В некоторые периоды истории России у общества была возможность изменить такое распределение сил, однако *за тот период общество не обустроило и не организовало собственное пространство, не создало институтов, не научилось объединяться в группы и артикулировать гражданские требования и интересы* [Публичная сфера: Без права на участие // Ведомости. 24.09.2010]. Использование автором статьи глаголов *обустроить, организовать, создать, научиться, артикулировать* применительно к характеристике понятия «общество» формирует в сознании читателей образ ЖИВОГО СУЩЕСТВА, РЕБЕНКА, лишённого самостоятельности, часто беспомощного и нуждающегося в заботе: *...большинство людей в России не сможет прожить без постоянной опеки со стороны государства* [Публичная сфера: Без права на участие // Ведомости. 24.09.2010]. Как ребенку, обществу можно что-то дать или забрать у него, например *«надежды на возвращение политики в жизнь общества»* [Modernizatsya.ru: Программа и время // Ведомости. 21.09.2010], возможности: *У граждан практически нет рычагов для воздействия на власть* [Публичная сфера: Без права на участие // Ведомости. 24.09.2010]. Власть уподобляется механизму, вышедшему из-под контроля, или МАШИНЕ. Работа этой МАШИНЫ, в частности, поддерживается прессой, являющейся РЕСУРСОМ,

обеспечивающим ее функционирование: *Государству служат общенациональные телеканалы, давно превращенные в политический ресурс власти* [Публичная сфера: Без права на участие // Ведомости. 24.09.2010].

Встречающиеся в текстах статей языковые метафоры указывают на то, что ВОЙНА между обществом и властью фактически подходит к концу, общество отстранено от принятия решений: *Наша «общественная сфера» представляет собой отдельные островки, вытесненные на периферию <...> ответственные лица имеют полную возможность их игнорировать* [Публичная сфера: Без права на участие // Ведомости. 24.09.2010], – но БОРЬБА разгорается между властвующими структурами. Однако для описания этой БОРЬБЫ журналисты используют другую когнитивную метафору – СПОРТИВНОЕ СОСТЯЗАНИЕ, за которым народу дается право наблюдать через сообщения в прессе: *В короткие сроки все негосударственные игроки – хоть в политике, хоть в СМИ – были успешно нейтрализованы* [Публичная сфера: Без права на участие // Ведомости. 24.09.2010]; *<...> президентская гонка стартует через считанные дни после их завершения* [Передача власти: Распустить досрочно. Ведомости // 21.09.2010]; *Пока получается ничья. Что делать дальше? Продолжать гнуть свою линию. Политика похожа на шахматы. Взялся – ходи* [Пока ничья // Известия. 22.09.2010].

В метафорическом контексте нередко содержатся указания на причины описываемых журналистами событий и даются дополнительные авторские оценки сложившейся ситуации. Характеризуя современное российское общество, автор статьи «Публичная сфера: Без права на участие» указывает на укрепление безынициативности в общественной сфере, склонность к иждивенчеству и отказ от гражданской ответственности при помощи создания метафорического контекста, в котором проводится аналогия с общественным укладом, описанным в сатирической повести М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города»: *Право выбирать мэра у жителей города Москвы отобрали пять лет назад, и о том, кого нам назначат в градоначальники, мы узнаем тем же порядком, каким узнавали жители города Глупова: пришлют – увидим* [Публичная сфера: Без права на участие // Ведомости. 24.09.2010]. Этот прием дает возможность автору придать эмоциональную окраску своей мысли.

Еще одна аллюзия на исторические события указывает на то, что в правительственных кругах не наблюдается пока полного единства и слаженности действий, а пресса еще имеет возможность освещать оппозиционные мнения и давать собственные оценки ситуации: *Информационно-политическая «битва за Москву» отодвинула на второй план куда более*

стратегически значимую политическую новость минувшей недели <...> едва ли не ближайшей весной, <...> фактически стартует битва за кресла в Охотном Ряду [Передача власти: Распустить досрочно // Ведомости. 21.09.2010].

Следующие два метафорических контекста помимо оценки имплицитно заключают в себе исторически закрепившийся в России взгляд народа на окружающую его действительность. Русский человек одновременно объединяет в себе такие качества, как склонность к фатализму, религиозность, свободолюбие и широту натуры [Вьюнов 2005: 102–173]. Это ведет к тому, что он с большей готовностью принимает естественное развитие событий, даже если они развиваются для него неблагоприятно, нежели искусственное их изменение: *<...> подобный сценарий теоретически исполнить можно, но выглядеть такой рукотворный и имитационный кризис будет крайне странно и сомнительно* [Передача власти: Распустить досрочно // Ведомости. 21.09.2010]. Использование эпитета *рукотворный* создает аналогию с образом *Спаса Нерукотворного*, сакрального изображения, которое принято считать имеющим божественное происхождение, а следовательно, не являющимся творением художника, т. е. человека. России чужда активность, не обоснованная высшими целями, глобальной идеей: *русские, как гласит старая мудрость, всегда медленно запрягают, потом быстро едут* [Россия, вперед: Первая верста // Ведомости. 10.09.2010], – однако над ответом на вопрос «куда?» задумываются немногие: *Год назад была опубликована статья Дмитрия Медведева «Россия, вперед!» Двинулась ли Россия? Сколько прошла за этот год? Куда мчится птица-тройка российской державы?* [Россия, вперед: Первая верста // Ведомости. 10.09.2010]. Н. В. Гоголь в поэме «Мертвые души» в знаменитом лирическом отступлении одиннадцатой главы говорит о неисповедимости пути русской истории, сравнивая Россию с бричкой, несущейся по дороге, которая неприметно превращается в фантастический путь, по которому летит Русь среди других народов и государств: *«Русь, куда ж несешься ты? дай ответ. Не дает ответа»* [Гоголь 1998].

В Великобритании ВОЙНА ведется между прессой и государством, в парламенте между составляющими его партиями и в прессе между ведущими корпорациями за степень влияния на общественное мнение. Проиллюстрируем сказанное на примерах.

Газета “The Observer”, поддержавшая одну из партий британского парламента на недавних выборах, изменила свое отношение вследствие дальнейшей политики этой партии и объединилась в ВОЙНЕ против нее с ее оппозицией: *Confronted with a hung parliament, many of those who backed the Lib Dems in the election, including this newspaper, preferred the idea of a pact with*

Labour [Deficit reduction: Nick Clegg's long game may come off // The Observer. 19.09.2010].

Освещая деятельность Либерально-демократической партии, политику которой "The Observer" не поддерживает, автор одной из статей этой газеты выражает свою оценку, предлагая читателям, наблюдающим за политическими событиями, посмеяться над неудачной речью лидера партии либеральных демократов Ника Клегга: *Before we look forward to the Liberal Democrat gathering in Liverpool, let's have some fun glancing back to the speech that Nick Clegg made to his party conference 12 months ago* [Lib Dems: They love the power, but they're not sure about the responsibility // The Observer. 19.09.2010]. Таким образом, "The Observer" стремится заручиться поддержкой со стороны общественного мнения отдельной партии, увеличив тем самым ее РЕСУРС. Так общество представляет собой одновременно и РЕСУРС власти, поддерживая то или иное направление в политике, и является в то же время наблюдателем разворачивающихся в стране событий. Британцы в общей массе склонны к консерватизму. Устоявшиеся привычки изменить непросто. Однако это можно сделать, предприняв дорогостоящие боевые действия, за победу в которых, возможно, придется заплатить временной потерей поддержки избирателей, т. е. пожертвовать ценный РЕСУРС: *But the battle to change old political habits will cost Mr Clegg support in the short term* [Deficit reduction: Nick Clegg's long game may come off // The Observer. 19.09.2010].

Мнение общества обладает значительным влиянием на соотношение сил в парламенте, поэтому для лидеров партий одинаково важно убедить как членов своей партии в целесообразности предлагаемой политической линии, так и своих избирателей. В частности, об этом свидетельствует употребление одного и того же глагола для описания действий лидера либеральных демократов по отношению к членам своей партии и для характеристики его поведения с избирателями: *He is trying to educate his party about the compromises required to hold power and educate the country about a different style of politics. That is a worthy aim when voters are disillusioned with the Westminster tradition of two-party tribal aggression* [Deficit reduction: Nick Clegg's long game may come off // The Observer. 19.09.2010]. Семантика глагола *educate* подчеркивает длительность и трудоемкость процесса и указывает на то, что предлагаемые идеи исходят от одного лица. В приведенном примере ВОЙНА двух партий сравнивается с противостоянием двух семейных кланов, в целесообразности которой избиратели разочаровались. Политические ухищрения Лейбористской партии сравниваются с гимнастическими упражнениями, при этом указывается их трудоемкость при низкой эффективности: *<...> the Labour leadership contest has proved one thing beyond*

doubt: for all the ideological gymnastics of the New Labour years, the party's political centre remains much where it ever was [Labour's right will roar back // The Observer. 22.09.2010]. В британской прессе, как и в российской традиции, для характеристики противостояния между партиями используется когнитивная метафора СОСТЯЗАНИЕ: *But Mr Clegg is playing a long game. He wants the Lib Dems to be taken seriously as custodians of power* [Deficit reduction: Nick Clegg's long game may come off // The Observer. 19.09.2010]. Пример также иллюстрирует стремление лидера Либерально-демократической партии, Ника Клегга, превратить свою партию в оплот власти и таким образом прекратить ВОЙНУ в парламенте.

Деятельность партии Ника Клегга оценивается при помощи введения в повествование метафорического контекста: *You (Dr Mander – И. О.) are the conscience of the Lib Dems, but the expediency of entering government requires that conscience be stowed away from sight. You have become, to Lib Dem politics, like the picture of Dorian Gray, experiencing physical and emotional torment on behalf of your dashing, youthful leader* (Nick Clegg – И. О.) [Dr Gerry Mander: The therapist the stars trust // The Observer. 19.09.2010]. Dr Mander, член Либерально-демократической партии, известный своими независимыми взглядами и объективными оценками, потерял возможность открыто выражать мнение после изменения политического курса партии, и поэтому испытывает внутреннее угнетение. Его душевное состояние сравнивается с портретом Дориана Грея. Подобно портрету, отражающему изменения морального облика главного героя романа, душевное состояние старого государственного деятеля противопоставляется поведению молодого, порывистого лидера партии Ника Клегга.

Как указывалось ранее, российские СМИ представляют общество в образе ЖИВОГО ОРГАНИЗМА. В Великобритании журналисты уподобляют ЖИВЫМ ОРГАНИЗМАМ политический строй и прессу, здоровье которых необходимо беречь: *<...> a decision that, should it go the wrong way, has the potential to do real and lasting damage to the health and vitality of British democracy*. [Our democracy is under threat if Murdoch wins control of Sky // The Observer. 19.09.2010]; *What is good business for Mr Rupert Murdoch is not necessarily good sense for a healthy democracy or a diverse and healthy press* [Our democracy is under threat if Murdoch wins control of Sky // The Observer. 19.09.2010]; *The health of our democracy requires it* [Media monopoly: It's time politicians said no to Rupert Murdoch // The Observer. 19.09.2010]. Нарушение нормального функционирования прессы может оказаться заразным (*infectious*) и пагубно влиять на соотношение сил в политике: *Media silence seems to be infectious, spreading to politicians who are glad to avoid causing offence*

to powerful proprietors [Media monopoly: It's time politicians said no to Rupert Murdoch // The Observer. 19.09.2010]. Для сохранения здоровья СМИ необходимо поддерживать дух соперничества между медиакорпорациями: <...> the imposition of **competition law** <...> is the only real **safeguard** against the **abuse of media power** and the continuing attempts to erode the **diversity of informed opinion in our democracy** [Our democracy is under threat if Murdoch wins control of Sky // The Observer. 19.09.2010]. Здоровая состязательность способствует поддержанию разнообразия мнений и объективности оценок существующей политической обстановки в прессе.

В Великобритании СМИ, с одной стороны, являются довольно влиятельной самостоятельной силой: <...> the press and TV are able to **hold enterprises, governments and politicians** [Our democracy is under threat if Murdoch wins control of Sky // The Observer, 19.09.2010], – с другой стороны, их можно различными способами (угрозами или убеждением) привлечь на свою сторону и сделать союзниками: Among three "practical" steps to set up local TV were plans <...> to **bully the BBC into helping**. (Sorry, that last verb should be **urge**.) [Competition and confusion for local media // The Observer 28.09.2010]. Общественный спрос на медиапродукцию составляет основной РЕСУРС, поддерживающий СМИ.

В США за власть ведется ВОЙНА между двумя партиями: Демократической и Республиканской. Вместе с тем партиям одновременно приходится противостоять общественному мнению. Так, республиканцы оказались «между двух огней», а точнее, под перекрестным огнем: *Republican leaders, it seems, are **getting hit** from both directions. On one side they are taking **flak** from their own voters <...> On the other, the leaders face an argument from Democrats <...> To deal with this **crossfire**, top House Republicans unveiled a set of principles* [Our view on 'A Pledge to America': GOP's battle plan fails the fiscal responsibility test // USA Today. 29.09.2010]. Предлагаемая республиканцами программа 'A Pledge to America', от которой ждали принципиально новых путей решения существующих проблем, не оправдала надежд: *Sprinkled within the document are some good ideas <...>* [Our view on 'A Pledge to America': GOP's battle plan fails the fiscal responsibility test // USA Today. 29.09.2010]. Заслуживающие внимания идеи «разбрызганы» по тексту документа, как мелкий дождик, и не только не спасают от критики программы, но и увеличивают ее: *the GOP manifesto <...> is not so much an answer to critics as it is more **fuel for the criticisms*** [Our view on 'A Pledge to America': GOP's battle plan fails the fiscal responsibility test // USA Today. 29.09.2010]. Республиканцы вынуждены опровергать мнение прессы, которая уподобляет их программу одежде на все случаи жизни: *With our Pledge to America, House Republicans have crafted a*

*comprehensive governing agenda <...> This is not a **one-size-fits-all plan*** [Opposing view on 'A Pledge to America': GOP's battle plan fails the fiscal responsibility test // USA Today. 29.09.2010].

ВОЙНА между обществом и государством усиливается. Общественность расценивает поведение республиканцев как стремление увеличить неясность сложившейся ситуации и скрыть настоящее положение вещей и направление политической линии партии: *That leaves the nation in a **lamentable holding pattern**. For now, the Republicans' pledge is best seen as more **smoke and mirrors** for the **campaign trail*** [Our view on 'A Pledge to America': GOP's battle plan fails the fiscal responsibility test // USA Today. 29.09.2010]. Общество не изменит своего мнения до тех пор, пока программа не станет более определенной и ведущей к кардинальным изменениям: *unless it's a **blueprint** for governing in the borrow-and-spend fashion they mastered when last in charge* [Our view on 'A Pledge to America': GOP's battle plan fails the fiscal responsibility test // USA Today. 29.09.2010].

С другой стороны, Демократическая партия в некоторых случаях пользуется своим положением. Так, спикер палаты представителей США и сторонница Демократической партии Nancy Pelosi не стремится это скрывать: *House Speaker Nancy Pelosi now-famously said that "we have to pass the bill so that you can find out what is in it."* [Opposing view on 'A Pledge to America': GOP's battle plan fails the fiscal responsibility test // USA Today. 29.09.2010]. На вопрос о содержании нового закона спикер отвечает, что оно станет известным после принятия законопроекта. Газета "USA Today" дала следующую оценку такому поведению: *This sort of **Washington-knows-best arrogance** is emblematic of how Washington has been run* [Opposing view on 'A Pledge to America': GOP's battle plan fails the fiscal responsibility test // USA Today. 29.09.2010]. Такое поведение вызывает недовольство в обществе: *And voters of **all stripes** are still disaffected with Washington* [Our view on politics: Purge of GOP moderates makes gridlock more likely // USA Today. 16.09.2010]. Характеристика избирателей сочетанием *of all stripes* создает метафорический контекст, активизируя в памяти носителей языка воспоминание о восстании американских колоний, которые впоследствии образовали первые 13 штатов, против британской монархии. Их количеству соответствуют 13 полос на государственном флаге США. Таким образом, метафора указывает не только на объединение всех жителей США, но и намекает на особую роль Республиканской партии в истории нации.

В следующем примере с помощью языковых метафор автор статьи стремится подчеркнуть, что мнение общественности продолжает оказывать существенное влияние на политику США. Высказывать его считается не только правом, но и обязанностью граждан: *When the*

government no longer serves the public interest, it is the right and responsibility of the governed to take back control and to chart a new course [Opposing view on 'A Pledge to America': GOP's battle plan fails the fiscal responsibility test // USA Today. 29.09.2010]. Из примера следует, что правительство служит (*serves*) интересам граждан, но если действия государства перестают соответствовать интересам общества, последнее должно составить новый план действий (*to chart a new course*).

Недовольство общественности может вызвать в государстве серьезные изменения, которые автор статьи уподобляет МАШИНЕ, нуждающейся для своего функционирования в «топливе»: **Anger, not hope, is the fuel of political and economic change** [Other views on politics: 'A primary moving force' // USA Today: The Huffington Post. 16.09.2010]. Партия, которая сумела завладеть этим ресурсом, получает возможность использовать его для запуска своей МАШИНЫ и задавать направление ее движения: **anger rules, but it needs to be vectored and focused if it is to succeed in fueling the type of change that the majority of Americans believe in** [Other views on politics: 'A primary moving force' // USA Today: The Huffington Post. 16.09.2010]; **the Tea Party and GOP will capture the popular anger and turn it against government, rather than focus it rightly back on the targets of the 2008 election** [Other views on politics: 'A primary moving force' // USA Today: The Huffington Post. 16.09.2010]. Таким образом, общественный настрой представляет собой важный стратегический РЕСУРС, с помощью которого можно осуществлять изменения в политике государства. Республиканцы стремятся создать ощущение беспорядочности и неопределенности в политической жизни страны, и тем самым вызывать гнев общественности, который смогут направить против своих оппонентов: **We need to raise some hell** [Other views on politics: 'A primary moving force' // USA Today: The Huffington Post. 16.09.2010]. Это их тайное оружие в политической борьбе: **Tea Party activists believe that their hiveline, 'organized but not organized' structure is their signal innovation and secret weapon** [Other views on politics: 'A primary moving force' // USA Today: National Journal. 16.09.2010]. Предрасположенность к такому поведению объясняется историей создания партии. Республиканская партия названа «Tea Party» в память о «Бостонском чаепитии» (англ. *Boston tea party* – прим. ред.), событие, которое стало символом борьбы английских колоний в Северной Америке за независимость. Упоминание об этом событии в США в политике и прессе часто используется как сигнал активистам и реформистам. Деятельность республиканцев (*Tea Party, center-right, "conservative"*) нередко характеризуется авторами статей при помощи когнитивной метафоры СТИХИЯ (*the tip of a wave, fervor, sweep, currents*), что указывает на непредска-

зуемость и силу воздействия: **The Tea Party movement reflects the tip of a wave of voter discontent and anti-incumbent fervor that could sweep Democrats out of power in the House, if not the Senate** [Our view on politics: Purge of GOP moderates makes gridlock more likely // USA Today. 16.09.2010]. Приведем еще один пример: **But another part of the Republican revolt has little to do with fiscal policy. It's a generalized sense among conservatives that social and economic currents are taking the nation in the wrong direction** [Our view on politics: Purge of GOP moderates makes gridlock more likely // USA Today. 16.09.2010]. Действия республиканцев журналист обозначает существительным *revolt* (мятеж), в той же статье встречаем близкий синоним этой единицы *rebellion*, который используется для характеристики поведения избирателей. Так через сходство действий явно указывается на совпадение интересов общества и республиканской партии: **Whatever the root causes of the voter rebellion, there are few reasons to believe it will end soon** [Our view on politics: Purge of GOP moderates makes gridlock more likely // USA Today, 16.09.2010]. На напряженность политической обстановки указывает лексема *crusade* («hist. крестовый поход» [APCM, OALD]), характеризующая поведение части населения США: **But the continuing purge of moderates such as Castle is bad news for anyone who is not on an ideological crusade and just wants pragmatic solutions to the nation's divisive problem** [Our view on politics: Purge of GOP moderates makes gridlock more likely // USA Today. 16.09.2010].

Республиканцы (*center-right, "conservative"*) и приверженцы Демократической партии (*center-left, "liberal"*) довольно часто стараются подчеркнуть свою ценность, очернив другого в глазах общественности с целью заручиться поддержкой электората: **Liberals and conservatives love to paint each other as destroyers of the country to raise money, get votes and build ratings** [Does Fox News deserve to be silenced? // USA Today. 25.03.2010]. Интересно отметить, что когда дело касается ключевых вопросов и принятия принципиальных решений, непримиримые Демократическая и Республиканская партии обнаруживают небывалое единство мнений в таких крайне дискуссионных вопросах, как проблема государственного долга США или увеличение пенсионного возраста: **In this era of intense partisanship, it often seems as if Republicans and Democrats wouldn't be able to agree on the religion of the pope or the direction of the sunrise. So it's notable that inklings of a bipartisan consensus are forming about one highly contentious issue – the age at which workers should be able to collect Social Security benefits** [Our view on Social Security: To shore it up, raise the retirement age // USA Today. 21.09.2010]. Государственный долг США уподобляется ЗВЕРЮ, которого необхо-

димом укротить: *Perhaps a presidential commission studying how to tame the national debt can build on this emerging consensus when it releases its ideas in December* [Our view on Social Security: To shore it up, raise the retirement age // USA Today. 21.09.2010].

Для характеристики политических стратегий партий в БОРЬБЕ за власть в прессе США используются следующие когнитивные метафоры:

– ВЫСТАВКА: *we have seen a startling display of deeply unpopular policies advancing largely on the basis of ideology* [Opposing view on 'A Pledge to America': GOP's battle plan fails the fiscal responsibility test // USA Today. 29.09.2010];

– КОНКУРС-СОСТЯЗАНИЕ: *Tuesday's primary elections in seven states and Washington, D.C., certainly had their share of stunners. Topping the list was the decision of Delaware Republicans to go with a long-shot Tea Party outsider, Christine O'Donnell, over veteran congressman Mike Castle, in the bid to win the Senate seat once held by Vice President Biden* [Our view on politics: Purge of GOP moderates makes gridlock more likely // USA Today. 16.09.2010]. Описание предварительных выборов, в которых приняли участие яркие представители (*stunners*) политической элиты, одновременно напоминает церемонию вручения награды (*their share of stunners, topping the list...*), борьбу за рейтинг в хит-параде (*topping the list*), борьбу на скачках (*a long-shot outsider*) и конкуренцию в торговле или на аукционе (*the bid to win*);

– СПОРТИВНОЕ СОСТЯЗАНИЕ: *<...> repeal of "don't ask, don't tell" fell victim in part to <...> pre-election gamesmanship of both parties. Republicans complained that the Senate was jumping the gun by rushing to approve repeal* [Our view on gays in the military: 'Don't ask, don't tell' repeal is only a matter of time // USA Today. 23.09.2010].

Хорошим примером, иллюстрирующим взаимоотношения между прессой, государством и обществом, служит описание сотрудничества между Демократической партией, поддерживающей президента, и каналом «Фокс Ньюс». Президент США способствует усилению канала «Фокс Ньюс», который в свою очередь предоставляет ему большую зрительскую аудиторию: *The White House had been essentially stiff-arming Fox reporters in a very Nixonian way until someone at 1600 Pennsylvania Avenue wised up. <...> And the president reached millions he might not have otherwise* [Does Fox News deserve to be silenced? // USA Today. 25.03.2010]. Смысл приведенного примера будет раскрыт не полностью, если не рассмотреть метафорический контекст, указывающий на исторические реалии и традиции. Фактический и почтовый адрес Белого дома (*White House*) – дом номер 1600 на Пенсильвания-авеню (*1600, Pennsylvania Avenue*) – часто используется как синоним названия официальной резиденции

Президента США. Манера поведения власти страны характеризуется посредством аллюзии на политический скандал, глубоко потрясший американскую общественность. В него оказалась вовлечена администрация республиканцев и сам президент-республиканец Р. М. Никсон (*Nixon, Richard Milhous*). Под угрозой импичмента в августе 1974 президент Никсон был вынужден подать в отставку. Многие слова и выражения, связанные с этим делом, вошли в политический язык (*Watergate, Billygate, Irangate*; *-gate* имеет значение «скандал»). Таким образом, метафорический контекст указывает на крайне вызывающий характер президентской политики.

Вместе с тем Демократическая (*liberal*) партия, поддерживающая главу государства, сильно обеспокоена усилением (*paranoia on steroids*) канала «Фокс Ньюс»: *But this year's drumbeat against Fox News – where I occasionally am paid to appear – is liberal paranoia on steroids* [Does Fox News deserve to be silenced? // USA Today. 25.03.2010], – и не препятствует критике (*drumbeat against Fox News*), мешающей дальнейшему возрастанию его влияния. Причина популярности канала заключается в том, что он транслирует программы, которые потакают вкусам общественности, в отличие от других информационных источников, теряющих аудиторию: *People aren't buying what Raines and his former colleagues are selling* [Does Fox News deserve to be silenced? // USA Today. 25.03.2010]. Демократическая партия и канал «Фокс Ньюс» предлагают населению то, что оно хочет видеть, даже если это плохо влияет на нравы общества, а своим оппонентам, республиканцам, намекают на существующую свободу выбора: *liberals told conservatives who wanted to control television sleaze to change the channel or turn it off if they didn't like what was on. No one is forcing anyone to watch Fox News, but a growing number of people are choosing to* [Does Fox News deserve to be silenced? // USA Today. 25.03.2010].

Представителей обеих партий и некоторых информационных изданий объединяет одно – ностальгия по некогда единому господствующему направлению в прессе, которая передается языковой метафорой *lament* (стенать, плакать, сокрушаться): *What the Obama administration and Raines and many at The Huffington Post and elsewhere in the Liberal Hemisphere are lamenting is that the media monopoly has ended* [Does Fox News deserve to be silenced? // USA Today. 25.03.2010]. В прошлом у журналистов была возможность выражать свое мнение, но основные оценки по главным вопросам, как правило, совпадали: *<...> the newspapers and networks held the megaphones. The voices leaving those megaphones all sounded the same* [Does Fox News deserve to be silenced? // USA Today. 25.03.2010]. В современной прессе существует

множество источников информации, предлагающих собственное видение событий и выражающих независимое мнение. Автор одной из статей характеризует их метафорой *megaphone* (РУПОР): *Well, now everyone has a megaphone. And it might be noisier, but as President James Buchanan said, "I like the noise of democracy."* [Does Fox News deserve to be silenced? // USA Today. 25.03.2010]; *Fox is one of many outlets for political debate* [Does Fox News deserve to be silenced? // USA Today, 25.03. 2010]. Какими бы ни были эти оценки, их разнообразие очень важно, и возможность их выражать должна быть сохранена: *Our First Amendment encourages and protects all voices in the political town square. They may at times be shrill, or inartful, or even insincere, but that's OK. Everyone has a voice* [Does Fox News deserve to be silenced? // USA Today. 25.03.2010].

Такое отношение поощряет информационную ВОЙНУ, развернувшуюся не только в политике, но и в прессе. Больше всего от этого выигрывают отдельные СМИ, получая прибыль от продажи своей продукции. Политические партии чаще вынуждены противостоять критическим нападкам, которые пользуются большой популярностью у публики: *And cable news thrives on such political commentary – much more than most other news sources. With that follows a political slant. Keith Olbermann and Rachel Maddow at MSNBC bash conservatives in the same way Hannity and O'Reilly blast liberals. I will say, though, that even I tire of Fox's obsession with the "Tea Partiers"!* [Does Fox News deserve to be silenced? // USA Today. 25.03.2010].

Раньше журналисты прилагали большие усилия, стремясь объективно описать политические события. Они, подобно представлению американцев об обитателях планеты Марс, были холодны в суждениях и беспристрастны, дистанцируясь от односторонней оценки описываемых политических событий: *Journalists of yesteryear strained to seem like the proverbial man or woman from Mars, remote and uncaring about the outcome of the daily battles over public policy* [Today's journalists need not hide their politics // USA Today. 22.03.2010]. Современная пресса, стремясь заручиться поддержкой определенной аудитории, отражает ее настроения и интересы, какими бы они ни были: *In today's era of narrowcasting, media thrive by focusing on smaller audiences and gaining their trust by mirroring the biases of specialized audiences* [Today's journalists need not hide their politics // USA Today. 22.03.2010]. Таким образом, с одной стороны, журналисты получили свободу от государственного давления в выражении своего мнения, но с другой стороны, они впали в зависимость от спроса публики. Автор статьи "Today's journalists need not hide their politics" в газете "USA Today" выступает с призывом не скрывать своих истинных чувств и быть более

честными в описании политической обстановки, подчеркивая, что такое поведение также будет способствовать увеличению материального благосостояния: *In this brave new century, journalists should feel freer to wear their political hearts on their sleeves. Not only is it more honest, it also can be good for business* [Today's journalists need not hide their politics // USA Today. 22.03.2010].

США оказывают существенное влияние на политическую обстановку в Канаде, которая по отношению к своему влиятельному соседу чаще занимает позицию наблюдателя, нежели активного деятеля. Направление развития Канады определяется с учетом основных событий и тенденций в государственной и общественной жизни США. Вместе с тем политические процессы, идущие в США, канадскими журналистами оцениваются как независимые от людей факторы, природные явления, СТИХИЯ: *Remember two years ago when the liberal Obama tides were sweeping the U.S.? Many of us thought there would be a wash-over effect into Canada, an infusion of liberal idealism of the type of a John F. Kennedy or a Franklin Roosevelt* [Anti-intellectualism: Political venom moves North // The Globe and Mail. 23.09.2010]. Особенности ожидавшейся либеральной политики США переданы через метафорический контекст, в котором упоминаются два выдающихся президента США, Джон Ф. Кеннеди и Франклин Д. Рузвельт, оставившие значительный след в истории своей страны и мира. С государственной деятельностью обоих связаны большие перемены в жизни США и ее граждан, вывод страны из глубокого кризиса, усиление экономического развития, введение государственного регулирования экономики. В годы президентства оба разработали и успешно осуществляли новые политические курсы: New Frontier (политика «новых рубежей», Джон Ф. Кеннеди), New Deal («Новый курс», Франклин Д. Рузвельт).

От 44-ого президента, Барака Хуссейна Обамы, ждали подобного рода существенных изменений в жизни страны, которые потрясут воображение мировой общественности и окажут сильное влияние на политическую обстановку в Канаде: *Barack Obama would stir the Canadian political imagination. Younger generations would be politically awakened. Old conservatism would fade into Bushian disrepute* [Anti-intellectualism: Political venom moves North // The Globe and Mail. 23.09.2010]. Таким образом, влияние США распространяется и на политику Канады, и на социальные настроения в ее обществе. Наличие рядом сильного соседа привело как к отсутствию серьезного противостояния между партиями в парламенте Канады, так и к снижению эффективности последнего: *We have a Parliament that provides more noise than light: Parties seldom compromise, the Conservatives are immensely and nastily partisan all the time and the Liberals oppose almost*

everything just for the sake of opposing [The Tories are running on empty, so don't expect much progress // The Globe and Mail. 23.09.2010].

В этой связи явилось показательным отсутствие решительных действий со стороны мэра Торонто, направленных на борьбу с беспорядками и актами вандализма на улицах города во время проведения саммита «большой двадцатки»: *Where was Mayor Miller? Off in the media centre, whining about the damage to the city he loves <...> How about being out in the streets <...> and embody some hope?* [Rob Ford and the loss of hope // The Globe and Mail. 24.09.2010]. Пассивность мэра и его неспособность к борьбе взволновала общественность: *It's as if the fight went out of him once his personal hope – being mayor – was achieved <...> that's when the fight should intensify* [Rob Ford and the loss of hope // The Globe and Mail. 24.09.2010]. Реакцией на такое поведение мэра (David Miller) стала поддержка другого кандидата (Rob Ford), который при обычных обстоятельствах не смог бы претендовать на эту должность. Несмотря на резкую критику в его адрес, популярность нового претендента на пост мэра не ослабевает. Объяснение этому находим в описаниях канадскими журналистами особенностей поведения общества и его менталитета.

В Канаде общество не так активно, как в США и Великобритании. Избрав государственного лидера, народ теряет интерес к активному участию в политической жизни страны: *We get to vote occasionally for leaders, then leave it all in their hands, leading to excessive reliance on "them," and turning on them when things don't gel* [Rob Ford and the loss of hope // The Globe and Mail. 24.09.2010]. Канадцы обращают внимание на политику, когда дела в государстве начинают идти плохо (*don't gel*). Однако они больше критикуют существующее положение, нежели пытаются решить проблему. Их поведение некоторым образом сходно со стилем ведения дел в парламенте их страны. Дискуссии о политике служат канадцам в качестве своего рода развлечения: *A political culture of blame and rage is the upshot, rather than shared responsibility and the will to keep going* [Rob Ford and the loss of hope // The Globe and Mail. 24.09.2010]. Пресса и журналисты учитывают эту культурную особенность своей страны при выборе формы представления материала в статьях: *I wasted a little time before writing this article, to see if I could produce a satire or a parody <...> I had to give the thing up. It just didn't have that ring of near-truth that a successful satire or parody demands* [Not so hidden influences // National Post. 07.10.2010].

На волне всеобщего недовольства и страха, вызванного бездеятельностью существующей власти, новый кандидат в мэры Rob Ford приобрел популярность благодаря активной манере поведения и простоте речи: *He'll stop the patronizing jabber. ("He talks like us," said a*

voter. "He doesn't use words like partnerships and enhance.") [Rob Ford and the loss of hope // The Globe and Mail. 24.09.2010]. Внешне Rob Ford обладает довольно крупным и полным телосложением. Его тучная фигура не осталась незамеченной прессой и послужила основой метафорического образа МИШЕНИ: *It's a bit too easy to take shots at Rob Ford. A larger target, if you'll pardon the expression, has rarely crossed the shooting range. What matters isn't what one thinks of him; it's understanding why he has bloomed so sturdily at this point. That's the kind of question that matters, because it bears on more than this political moment, and because it's more fun, in the end, to ponder* [Rob Ford and the loss of hope // The Globe and Mail. 24.09.2010]. Указывая на неуклюжесть телосложения, автор статьи переносит эту оценку на черты характера будущего мэра, подчеркивая их несоответствие той должности, на которую претендует Rob Ford. Политическая арена уподобляется полигону (*shooting range*), на котором происходит стрельба (*to take shots*), т. е. критика в адрес претендента на пост мэра, выступающего в качестве мишени (*target*). Однако общая политическая и социальная обстановка способствует его популярности (*bloomed so sturdily at this point, it bears on more than this political moment*). Обществу автор статьи предлагает заняться своим излюбленным делом – наблюдать (*it's more fun, in the end, to ponder*).

Интересно отметить, что в США Республиканская партия сходным образом постепенно завоевывает популярность, оттесняя Демократическую партию и президента на вторые позиции. Таким образом, Канада выступает в каком-то смысле зеркалом событий, берущих начало в США.

Подведем итоги сделанным наблюдениям. Метафора играет важную роль в печатных СМИ России, Великобритании, США и Канады. Она выступает как:

- способ выражения авторской оценки;
- средство установления нужных ассоциативных связей с желаемым образом и/или жизненным опытом человека;
- языковой прием, использующийся для ослабления или усиления реакции аудитории на определенную информацию;
- способ формирования общественного мнения и субъективной оценки;
- прием, позволяющий исследовать проникающие в массовое сознание общественные настроения, которые отражаются и закрепляются в виде образов языковых и/или когнитивных метафор;
- средство создания идеологического фона, пропаганды той или иной системы ценностей и социокультурных норм;
- источник актуальных для носителей определенной лингвокультуры фоновых знаний, системы ценностей, способов категоризации и

концептуализации окружающей действительности;

– мощное средство воздействия на массовое сознание;

– способ манипулирования сознанием.

В российской и англоязычной прессе для передачи оценки и создания идеологического фона наблюдается широкое использование следующих метафор: языковая метафора, когнитивная метафора и метафорический контекст.

Взаимоотношения между обществом, государством и прессой авторы статей в России, Великобритании, США и Канаде характеризуют с помощью следующих основных когнитивных метафор.

В российской прессе политическая сфера государства уподобляется арене СПОРТИВНЫХ СОСТЯЗАНИЙ, в которых главный приз – власть, или МАШИНА для контроля над обществом. В Великобритании форму СПОРТИВНОГО СОСТЯЗАНИЯ часто принимает БОРЬБА между партиями в парламенте. Политическая сфера США осмысливается не только в метафорическом образе СПОРТИВНОГО СОСТЯЗАНИЯ, но и в качестве ВЫСТАВКИ, КОНКУРСА СОСТЯЗАНИЯ. Это, с одной стороны, указывает на разнообразие форм противостояния и, следовательно, на жесткую конкуренцию; а с другой стороны, вынуждает партии направлять свои усилия на создание внешнего впечатления, приобретение популярности в ущерб основательности и продуманности политической стратегии.

Общество в российских СМИ – это ЖИВОЙ ОРГАНИЗМ, РЕБЕНОК неспособный противостоять власти и управлять этой МАШИНОЙ. Как ребенок, российское общество труднопредсказуемо. С одной стороны, оно довольно пассивно, с другой стороны, стремительно и стихийно. В Великобритании общество представляет собой одновременно РЕСУРС власти, поддерживая то или иное направление в политике, и является наблюдателем разворачивающихся в стране событий. Вместе с тем общественный спрос на медиапродукцию формирует основной РЕСУРС, поддерживающий СМИ. Общественное недовольство (гнев, критика) является мощным РЕСУРСОМ политических изменений в США. Если партии удастся устоять перед критикой в свой адрес и направить гнев общества, СТИХИЮ, против партии-оппонента, она усиливает свои политические позиции. Канадское общество, подобно британскому, выступает в качестве наблюдателя, как в США, оно склонно к критике происходящих в политике процессов, но в отличие от первого и второго государства, не склонно к активному и постоянному участию в политической жизни страны; в этом канадское общество обнаруживает сходство с российским.

В русских печатных СМИ наиболее часто

отношения между государством и обществом характеризуются в терминах когнитивной метафоры ВОЙНА. В Великобритании ВОЙНА ведется в парламенте между составляющими его партиями, в прессе между ведущими корпорациями за степень влияния на общественное мнение, а также между прессой и государством. Политический строй и пресса Великобритании мыслятся как ЖИВЫЕ ОРГАНИЗМЫ, способные болеть и передавать друг другу свою болезнь. В США ВОЙНА ведется одновременно между обществом и каждой из двух основных партий государства, находящихся во взаимном противостоянии. Процессы, происходящие в США, оказывают сильное влияние на политику Канады.

В канадской прессе они осмысливаются в виде метафорического образа СТИХИИ. Поведение канадского парламента в прессе характеризуется наличием ШУМА и слабым проявлением СВЕТА и БОРЬБЫ. В России пресса мыслится как РЕСУРС, которым пользуется государство для подавления общества. В Великобритании пресса – это РЕСУРС, дающий силы партиям для ВОЙНЫ. В США пресса – это РУПОР, свободный от государственного гнета, но впавший в зависимость от популярности в обществе. Потакание общественному спросу и стремление обогатиться за счет него привели американские СМИ к конкурентной БОРЬБЕ за потребителя и к снижению уровня морально-этического содержания выпускаемой информационной продукции.

ЛИТЕРАТУРА

- Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. 3-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007.
- Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов: Опыт исследования современной медиаречи. 3-е изд. – М.: КРАСАНД, 2010.
- Renton N. E. Metaphorically speaking: a dictionary of 3,800 picturesque idiomatic expressions. – USA: Warner Books, 1992.
- МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. – М., 1990. С.358–386.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. 2-е изд. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008.
- Шукунда С. З. Из истории языковой политики США (XVIII–XXвв.) // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 1. С. 56–63.
- БТС = Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2004.
- Вьюнов Ю. А. Русский культурный архетип. – М.: Наука; Флинта, 2005. С.102–173.
- Гоголь Н. В. Мертвые души. Поэма [вступ. ст. и коммент. В. А. Воропаева]. – М.: Сов. Россия, 1988.
- APCM = Англо-Русский словарь [под ред. В. К. Мюллера. Изд. 24-е, испр.]. – М.: Русский язык, 1995.
- OALD = Hornby A. S. The Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English. – Cornelsen – Oxford, 2005.

© Окунева И. О., 2010

Е. Н. Орехова
Майкоп, Россия

E. N. Orekhova
Maikop, Russia

ТРАНСФОРМАЦИИ
ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ФЕНОМЕНОВ
В ПОЛИТИЧЕСКИХ ТЕКСТАХ

PRECEDENT PHENOMENA
TRANSFORMATIONS
IN THE POLITICAL ARTICLES
OF THE RUSSIAN AND AMERICAN MASS MEDIA

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.33

Код Вак 10.02.19

Аннотация. Рассматривается проблема преобразования прецедентных феноменов как средство усиления образной составляющей в текстах российских и американских СМИ. Предложена классификация наиболее распространенных способов трансформации прецедентных единиц (создание слов-гибридов, антономазия, расширение состава, замена компонентов, редукция).

Abstract. The article deals with the problem of precedent phenomena transformations as a means of figurative speech intensification in the articles of the Russian and American mass media. The author gives the classification of the most widespread precedent phenomena transformations (i.e. blends, antonomasia, extension, substitution, ellipsis).

Ключевые слова: прецедентные феномены; трансформации; слова-гибриды; антономазия; эллипсис; замена; добавление.

Key words: precedent phenomena; transformations; blends; antonomasia; ellipsis; substitution; extension.

Сведения об авторе: Орехова Екатерина Николаевна, ассистент кафедры английской филологии, аспирант 3 года обучения.

About the author: Orekhova Ekaterina Nikolayevna, Assistant Lecturer of the English Department, Post-Graduate Student.

Место работы: Адыгейский государственный университет (Майкоп).

Place of employment: Adyghe State University (Maikop).

Контактная информация: 385000, г. Майкоп, ул. Шоссейная, д. 43.

E-mail: okatrinao@mail.ru.

Политические тексты, по мнению А. П. Чудинова, «часто строятся и воспринимаются как своего рода диалог с другими текстами». В данных текстах можно обнаружить множество аллюзий, цитат, исторических ссылок, реминисценций [Чудинов 2008: 114]. Это, согласно теории, и является характерной чертой интертекстуальности, проявлением которой можно считать использование прецедентных феноменов (Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, В. В. Красных). Прецедентные феномены характеризуются рядом признаков: они значимы для той для той или иной личности в познавательном и эмоциональном отношении, известны широкому окружению, частотны в дискурсе языковой личности [Караулов 1987: 216]. В. В. Красных, Д. Б. Гудков, И. В. Захаренко, Д. В. Багаева выделяют следующие виды прецедентных феноменов: прецедентные тексты (ПТ), прецедентные высказывания (ПВ), прецедентные ситуации (ПС) и прецедентные имена (ПИ) [Красных, Гудков, Захаренко, Багаева, 1997: 64]. Данная классификация с незначительными модификациями представлена и в публикациях специалистов, изучающих политическую коммуникацию [Ворошилова 2009; Елисеева 2010; Нахимова 2009, 2010; Полякова 2010].

В данной статье рассматриваются трансформации прецедентных феноменов на материале статей российских общественно-политических газет «Аргументы и факты» (АИФ), «Завтра» и американских изданий «The American Spectator», «Time» за 2010 г.

По нашему мнению, само использование прецедентных феноменов уже является образным средством, привлекающим внимание чита-

телей, вызывающим эмоциональный отклик. Но авторская переработка данных явлений заслуживает особого внимания.

При анализе статей мы обнаружили следующие трансформированные прецедентные имена:

1) *Украина: смена Виктора. «Бандюкович» пэрэмог «Тимошенницу»* [АИФ. №6 (1527) от 16.02]. В данном примере трансформации подверглись имена политических лидеров В. Януковича и Ю. Тимошенко. «Бандюкович» и «Тимошенница» являются словами-гибридами – «бандит+Янукович» (ссылка на прошлые судимости политика), «Тимошенко+мошенница» (в статье автор указывает на то, что за время премьерства Ю. Тимошенко граждане Украины обнищали). Несмотря на такое изменение, имена политиков узнаваемы, но в то же время в лаконичной, «броской» и сжатой форме передано отношение автора к данным лидерам.

2) *Почему они ополчились на икону с изображением Сталина и молчат как рыбы, когда иконой России делают Ксению Собчак, растленных певцов, гомосексуальных модельеров? Неужели не видят, что по России шествует в драгоценностях, в бриллиантовой короне, с убитым русским младенцем в руке, сама дьявородица?* [Завтра. №1 (842) от 6.01]. В данном примере можно наблюдать ряд ПИ, но нас интересует ПИ «дьявородица», которое является примером слова-гибрида «Дьявол+Богородица». Александр Проханов, автор статьи, размышляет над тем, как в современной России подменяются одни ценности другими, с какой легкостью переписывается история

и меняется отношение к политическим лидерам.

3) **БУТафория**. *Зачем США хотят посадить россиянина?* [АИФ. №35 (1556) от 1–7.09]. В данном примере обыгрывается ПИ Виктора Бута, которое выделяется графически в составе слова «бутафория»; выделенная часть является омофоном существующего в языке слова. В «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой слову «бутафория» дается дефиниция «о чем-нибудь показном, фальшивом». Статья посвящена размышлениям о деле Виктора Бута и о том, почему США требуют у властей Таиланда его выдачи. Употребление ПИ в данном контексте указывает на то, что весь процесс, связанный с выдачей В. Бута, является показным.

Данный вид трансформации ПИ был обнаружен также и в американских изданиях “The American Spectator”, “Time”:

1) **Gorbamastein**: *The Political Monster Turns on Its Creators (Горбамаштейн: политический монстр набрасывается на своих создателей; здесь и далее перевод наш – Е. О.)* [The American Spectator. Feb. 16]. Данный пример содержит гибрид трех прецедентных имен: **Al Gore+Obama+Frankenstein**. Такое сочетание в столь сжатой форме передает авторское отношение к совместным идеям вице-президента А. Гора и нынешнего Президента США Б. Обамы, ужасающим, судя по контаминации, электротат. Автор считает, что Горбамаштейн – «символ бесконтрольного, зловещего и ужасающего сильного бесчеловечного политического монстра, собранного из кусков мертвых идей и ненормального мозга, являющим собой интеллектуальное высокомерие Гора, Обамы и их союзников». В первоисточнике М. Шелли «Франкенштейн» имя, вынесенное в заглавие книги, принадлежит создателю монстра (имя которого было позднее соотнесено с именем создателя). То есть в данном примере содержится отсылка к тому, что совместная политика указанных лидеров в итоге вредит им же самим.

2) *And so, in singular **Obamarama** fashion, it must be Mr. Fred Armisen who gets thrown under the bus, an EOY (Enemy of the Year) for all seasons* [The American Spectator. Jan. 13]. Данный пример содержит гибрид двух прецедентных имен: **B. Obama+F. Armisen** (American actor, comedian and musician best known for his work as a cast member on Saturday Night Live). В данном примере содержится аллюзия на пародию Фреда Армисена на Президента США Барака Обаму из передачи «Субботний вечер в прямом эфире».

3) *Massa had come on Fox to **out-Beck Glenn Beck*** [Time. March 10]. В данном примере добавление приставки *out-* к глаголу образует значение превосходства. Употребление же данной приставки с прецедентным именем **Glenn Beck** (обозреватель американского теле-

канала Fox News) придает данному ПИ новое значение (в описываемой ситуации бывший конгрессмен Масса пришел на канал «Фокс», чтобы превзойти в дебатах Гленна Бека).

Большой интерес представляют трансформации ПИ, при которых **собственные имена употребляются в качестве нарицательных** (антономазия). Данные изменения привносят новый оттенок, получившиеся слова являются собирательными, а написание со строчной буквы указывает на совокупность каких-либо признаков ПИ и указывает на типичного представителя той или иной социальной или профессиональной группы. Рассмотрим некоторые примеры:

1) *Каждому по «**джамшуту**»* [АИФ. №2 (1523) от 13–19.01]. В статье речь идет о том, что Госдума рассматривает законопроект, по которому каждый гражданин РФ может официально нанять приезжего из ближнего зарубежья. «Джамшут» является здесь собирательным образом всех гастарбайтеров ближнего зарубежья. Образ позаимствован из популярной передачи «Наша Russia».

2) *Полный **вакабаяси**. Падают престиж российской элиты... И этот непристойный **вакабаяси** длится многие годы. А руководство Госдумы, зажав нос от непарламентского запаха, продолжает убеждать нас, что это очень хорошо и демократично* [АИФ. №17 (1538) от 28.04–4.05]. В данном примере обыгрывается имя депутата японского парламента Масатоси Вакабаяси, который был с позором отправлен в отставку. Его уличили в том, что он нажал кнопку для голосования за своего отсутствующего коллегу. Это был первый случай нарушения депутатской этики за 12 лет. «Вакабаяси» в России – это множество депутатов, которые каждый день безнаказанно «нажимают кнопки» за своих коллег.

3) *Шпиономания: Сколько же в Америке российских «**штурлицев**»? В США засыпалась целая сеть российских «нелегалов». Анна Куценко (Чэпман), М. Кудик (Зоттоли), Н. Переверзева (Миллз) и еще 8 человек... Никто бы не знал истинные и подложные имена наших «**штурлицев**», не ознаменуйся прошедшая неделя грандиозным шпионским скандалом в США.* [АИФ. №27 (1548) от 7–3.07]. Данное ПИ выражает значение «шпион».

4) *Если использовать ноу-хау нижегородских **чичиковых**, можно резко повысить раскрываемость преступлений* [АИФ. №11 (1532) от 17–23.03]. В Нижнем Новгороде местные милиционеры искусственно завышали показатели борьбы с пьянством, составляя протоколы о распитии спиртного в общественных местах умершими лицами (апелляция к Чичикову, персонажу «Мертвых душ» Н. В. Гоголя, покупавшему «мертвые души»).

Аналогичный прием был обнаружен в американских изданиях:

The American people also want to know what

*the Obama administration is doing to prevent future **abdukmutallabs** from blowing up planes and American cities* [The American Spectator. Jan. 4]. (Американцы хотят также знать, какие действия предпринимает администрация Обамы, чтобы предотвратить взрывы самолетов и городов США новыми **абдулмуталлабами**). «**Абдулмуталлаб**» выступает в значении «любой террорист». Данное имя употребляется в связи с недавним происшествием: террорист Умар Фарук Абдулмуталлаб пронес на борт самолета взрывчатку и, произошедши взрыв, он унес бы жизни 300 человек.

Еще один прием переработки прецедентной единицы заключается в том, что **состав единицы пополняется новым компонентом**. Расширение состава преследует цель конкретизации того или иного явления, характеризую именно данное событие и никакое другое. Рассмотрим примеры подобной трансформации:

1) **Тришкин кафтан** «сердюковских реформ» [Завтра. №9 (850) от 3.03]. В данном примере фразеологическая единица «тришкин кафтан» получает конкретизирующее значение: именно реформы министра обороны А. Э. Сердюкова в Вооруженных Силах РФ трещат по швам.

2) **Когда свет демократии в конце стабилизационного тоннеля становится похожим на мерцание церковной свечи, несколько отчаянных ребят выходят с ритуальной молитвой о свободе на Триумфальную площадь. У них есть тайная мечта, что их услышат Господь Бог, президент или премьер** [АИФ. №26 (1547) от 30.06–6.07]. Фразеологическая единица «свет в конце тоннеля» значительно расширена, что позволяет переосмыслить ее значение.

Широкое распространение получил прием **замены одного компонента прецедентной единицы другим**. Чем неожиданнее замена, тем больше интереса она вызывает у читателя. При этом само инвариантное значение прецедентной единицы сохраняется и легко узнаваемо:

1) **Шилово в мешке не утаишь**. Следом за столичным «Речником» в сфере нарастающего противостояния российских властных структур с населением страны отметился и воронежский пригород Шилово, где произошли массовые столкновения с милицией [Завтра. №9 (850) от 3.03]. Изначальный вариант данной фразеологической единицы – «шило в мешке не утаишь».

2) **Блог в помощь**. Чиновники и депутаты постигают новейшие технологии. А вот у Председателя Госдумы Б. Грызлова и Председателя совета Федерации С. Миронова блоги есть [АИФ. №8 (1529) от 24.02–2.03]. Изначальный вариант прецедентной единицы – «Бог в помощь».

3) **Партии счет любят** [АИФ. №10 (1531) от 10–16.03]. В статье речь идет о многопартийной системе в России, сложившейся после отмены монополии КПСС 20 лет назад. Компонент

«партии» заменяет исходный компонент прецедентной единицы «деньги счет любят».

4) **Свет в бизнес-тоннеле** [АИФ. №9 (1530) от 2–9.03] В данной статье речь идет о критике В. Путиным предпринимателей сферы производства электроэнергии, которые «пока не сделали всего необходимого, всего, на что они «подражались», получая в том числе государственные деньги». «Свет в конце тоннеля» дополнен новым компонентом «бизнес», что также конкретизирует значение.

Рассмотрим еще один способ трансформации прецедентной единицы – **сокращение компонентного состава (эллипсис)**. Эллипсис чаще можно встретить в разговорной речи. В газетных текстах сокращение состава прецедентной единицы является в большинстве случаев окказиональным. После усечения прецедентная единица может приобретать совершенно противоположный смысл:

На безрыбье. На российской политической клумбе за последние годы не выросло ни одного яркого цветка. Все заполнил бюрократический «клевер» [АИФ. №25 (1546) от 23–29.06]. Прецедентная единица «на безрыбье и рак рыба» усечена, и далее в статье идут рассуждения об отсутствии достойных политиков. В то же время изначальный вариант указывает на «ситуацию, в которой в силу отсутствия других вариантов, приходится соглашаться хотя бы на невыгодный».

В заключение отметим, что представленный материал далеко не в полной мере отображает все варианты авторских трансформаций (переработок) прецедентных единиц, встречающихся в политических текстах на страницах прессы. Можно констатировать, что различные трансформации прецедентных единиц достаточно популярны в политических статьях: к ним прибегают многие авторы и сами политики при оценке событий в своей стране и за рубежом.

Подобные трансформации раскрывают потенциал прецедентных единиц и позволяют по-новому взглянуть на анализируемую проблему. Мастерски переработанные прецедентные единицы являются ярким средством воплощения авторской иронии. Их необычная форма актуализирует новый смысл и привлекает внимание читателей.

ЛИТЕРАТУРА

Ворошилова М. Б. Советский прецедентный текст в дискурсе русского языка: «дети красной звезды» // Политическая лингвистика. 2009. № 2.

Елисеева С. В. Архитектура как сфера-источник прецедентности в российских и американских СМИ: «Эйфелева башня» и «The Eiffel Tower» // Политическая лингвистика. 2010. № 1.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: Наука, 1987.

Красных В. В. [и др.]. Когнитивная база и прецедентные феномены в системе других единиц и в коммуникации // Вестник МГУ, Серия 9: Филология. 1997. № 3.

Нахимова Е. А. Прецедентное поле «Монархи» в дискурсе современных российских СМИ // Политическая лингвистика. 2009. № 1.

Нахимова Е. А. Урбонимы в политической коммуникации: Кондопога и Пикалево // Политическая лингвистика. 2010. № 2.

Полякова И. С. Роль прецедентного имени в

формировании эзотеричности политического текста (на материале выступлений Кондолизы Райс) // Политическая лингвистика. 2010. № 1.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учебное пособие. 3-е изд., испр. – М.: Флинта – Наука, 2008.

© Орехова Е. Н., 2010

О. С. Сачава

Санкт-Петербург, Россия

**ИНСЦЕНИРУЕМАЯ ИНТЕРДИСКУРСИВНОСТЬ
КАК СТРАТЕГИЯ ТЕКСТОВОГО ПОСТРОЕНИЯ
В НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
САТИРЕ**

ГСНТИ 16.21.33

Аннотация. Статья посвящена феномену инсценируемой интердискурсивности в современной немецкоязычной политической сатире. Имитируемая адресантом сообщения смена дискурса рассматривается как эффективная стратегия текстового построения, используемая для создания комического эффекта и привнесения в текст оценочной информации.

Ключевые слова: дискурс; интердискурсивность; комизм; политическая сатира; текст; тип текста.

Сведения об авторе: Сачава Ольга Сергеевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры немецкого и скандинавских языков и перевода.

Место работы: Санкт-Петербургский государственный университет экономики и финансов.

Контактная информация: 193232, Россия, г. Санкт-Петербург, Исковский проспект, д. 32 корп. 1, кв. 177.

e-mail: olpochta@rambler.ru.

O. S. Sachava

St. Petersburg, Russia

**IMITATED INTERDISCOURSIVITY
AS A STRATEGY OF TEXT BUILDING
IN GERMAN POLITICAL SATIRE**

Код ВАК 10.02.04

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of imitated interdiscursivity in German political satire of our days. Changing of discourse imitated in the text by its author is shown as an effective strategy of text building which is used to achieve comic effect and to bring the author's evaluations in the text.

Key words: discourse; interdiscursivity; humour; political satire; text; text type.

About the author: Sachava Olga Sergeevna, Candidate of Philology, Senior Tutor of Department for German and Scandinavian Languages and Translation.

Place of employment: St. Petersburg State University of Economics and Finance.

В современной коммуникативно и когнитивно ориентированной лингвистике, характеризующейся повышенным интересом ученых к механизмам убеждающего воздействия текста на адресата, политическая сатира является одним из наиболее популярных объектов исследования. Научные дискуссии ведутся в первую очередь о приемах создания комического эффекта посредством особого оформления текста политической сатиры и о способах привнесения в него оценочной информации.

Цель данной статьи – сфокусировать внимание исследователей на инсценируемой интердискурсивности как одной из стратегий текстового построения, активно используемой сегодня в политической сатире и способствующей одновременно как созданию комического эффекта, так и привнесению в текст соответствующих оценок. Исследование проведено на материале современного немецкого языка.

Начиная разговор об интердискурсивности, логичным представляется обратиться к термину «дискурсивность». Дискурсивность означает «понимание текста не как изолированной единицы, но как составляющей части метатекстового пространства» [Чернявская 2007: 9]. То есть «существует коммуникативное, когнитивное, семантическое пространство (“рамка”), соотносящее текст, во-первых, с определенной ментальной сферой/определенными знаниями, во-вторых, с моделями (образцами, прототипами) текстопорождения и восприятия и, в-третьих, с другими текстами, содержательно-тематически обращенными к общей теме. Это – дискурс» [Там же: 8–9].

В лингвистике говорят сегодня о текстах на-

учного, политического, юридического, экономического, сказочного и других дискурсов. При этом необходимо отметить, что в соответствии с концепцией В. Е. Чернявской, принимаемой нами за основу, границы дискурса могут устанавливаться по-разному: относительно некоего периода времени, сферы человеческой практики, области знания, типологии текстов и других параметров.

Наряду с наличием таких «рамок» в текстовом континууме, современная культура демонстрирует примеры подвижности и разного рода смещений границ дискурса. Так, текст может быть обращен не к одной, а одновременно к двум или более областям человеческого знания и практики, может быть оформлен в соответствии с языковыми нормами иной эпохи и т. д. Такого рода взаимодействия дискурсов в подвижности их границ и представляется логичным вслед за В. Е. Чернявской обозначать термином «интердискурсивность».

Выделяют естественную, спонтанную интердискурсивность и так называемую инсценируемую смену дискурса. Естественная интердискурсивность является неотъемлемой характеристикой коммуникации в целом и отражает «естественный процесс интеграции человеческих знаний, рассредоточенных в разных дискурсивных формациях» [Там же: 23].

В случае целенаправленно инсценируемой интердискурсивности «на текстовой плоскости создается такая особая взаимосвязь языковых единиц, которая инициирует в воспринимающем сознании переход от одного типа дискурса к другому» [Там же: 22–23]. Иными словами, благодаря особому оформлению текста в соз-

нании реципиента «происходит “переключение” на другую систему знаний, кодов, другой тип мышления» [Там же: 22].

Например, рекламная статья может быть оформлена как сказка, инструкция по эксплуатации, памятка, научная или энциклопедическая статья, вопрос в редакцию журнала, благодарность, задача, загадка, биография, официальное извинение, личное письмо и др. [Саева 2009: 15–17].

Интердискурсивные взаимодействия актуализируются в сознании адресата преимущественно посредством целого комплекса эксплицитно выраженных и рассредоточенных в тексте маркеров, как языковых (лексические единицы, грамматические формы, синтаксические структуры), так и неязыковых (шрифт, схемы, рисунки и т. д.) [Там же: 6].

Основной предпосылкой воздействующего эффекта инсценируемой смены дискурса является вероятностное прогнозирование. Говоря конкретнее, в распоряжении читателя всегда «есть некоторая вероятностная модель языка, которая дает ему представление о некоторой средней норме для данного типа текста и позволяет заметить отклонение от нее» [Арнольд 1990: 61].

Отклонения от нормы, разного рода несоответствия и противоречия рассматриваются в когнитивной теории как основа создания комического эффекта. «Истоки комического – в отклонениях от нормы» [Тепляшина 2006: 229]. В основе комического лежит «неожиданное соединение несоединимого на всех уровнях языка и речи» [Желтухина 2000: 7]. «Вхождение в текст информации, которая не соответствует той или иной стереотипной схеме, ведет к нарушению ожиданий воспринимающего, к возникновению противоречивых сценариев, столкновение которых создает комический эффект» [Смирнова 2007: 9].

Как неоднократно отмечалось в научных исследованиях, несоответствия, создающие комический эффект, могут наблюдаться на различных уровнях текста. Это может быть нарушение лексической сочетаемости, грамматических, словообразовательных, стилистических норм [Капацкая 2004; Черемухин 2004; Смирнова 2007 и др.].

Но наряду с попытками выстроить систему языковых средств создания комического эффекта сегодня достаточно активно развивается принципиально иное, не узколингвистическое, а скорее философско-психологическое направление. Главная идея данного направления заключается в том, что в основе комического эффекта лежат не отдельные лингвистические единицы, а взаимоналожение при восприятии текста принципиально разных систем мышления. В частности, А. Н. Тепляшина со ссылкой на отдельные уже существующие теории отмечает, что основу комического эффекта составляет столкновение контекстов, а не просто

«языкового смысла» [Тепляшина 2006: 55]. Основа комического – «перевод» текстового произведения в другую систему мышления [Тынянов 1993: 371–372], так называемая «перемена измерений» [Там же: 378].

Следовательно, комическое должно определяться «не через текстовые категории, а через принципиально иную, надтекстовую категорию – категорию понимания» [Сычев 2003: 71]. А понимание, в свою очередь, «всегда основывается на предпонимании – наборе общественно значимых элементов культуры, включающих нормы, традиции, специфические ценностные ориентации, убеждения» [Там же: 72]. Комическое «невозможно понять без предпонимания социальных и культурных смыслов, на которых оно основано» [Там же]. Иными словами, корни комического эффекта находятся не на лингвистическом, а на ином, более глубинном уровне. Мы связываем это с предметом нашего анализа – дискурсивностью и сменой дискурсов как систем до- и надтекстового знания. Это значит, что комический эффект создается не на основе взаимодействия тех или иных отдельных языковых знаков в тексте, а привнесением посредством особых текстовых маркеров в текст одного дискурса норм, идей, смыслов, когнитивных стратегий, характерных для иного дискурса.

На данном этапе наших рассуждений следует отметить, что комический эффект возникает, как правило, в случае столкновения не любых, а двух в чем-то противоположных дискурсов, когда их сопоставление высвечивает тот или иной порок, отдельную отрицательную черту чего-либо/кого-либо. Например, «смех наступает в случае, если заслонение духовного начала физическим неожиданно раскрывает некоторый скрытый дотоле недостаток» [Пропп 1997: 44]. При этом «комизм кроется ... не в физической природе человека и не в его духовной природе, а в таком соотношении их, при котором физическая природа вскрывает недостатки природы духовной» [Там же: 49].

Иллюстрацией этому может послужить следующий текст политической сатиры, оформленный как кулинарный рецепт:

Neue Deutsche Küche (1)¹

Gut verwässerte Parteitagsbeschlüsse abtropfen lassen und in Würfel schneiden (2). Mit unverbindlichen Arbeitspapieren beträufeln und gemischte Gefühle unterbuttern (3). Durchziehen lassen und in Spendenbescheinigungen einwickeln (4). Sodann grob gehackte Argumente durchrühren und mit hartgesottene[n] Ministern auffüllen (5).

Inzwischen lassen wir die Bedenken auf kleiner Koalition nach kurzem Aufkochen schmoren, bis sie austreten (6). Den Rest zerstreuen (7). Anschließend gedünstete Interviews überbraten und mit lockeren Sprüchen begießen (8). In Mehrheitstunke schwenken und Bären aufbinden (9).

¹ Здесь и далее выделение жирным шрифтом по оригиналу, нумерация предложений наша – О. С.

Das Ganze drehen und wenden, in Subventionen einweichen und mit leistungsfreundlichen Steueranzeigen vermengen (10). Ein Päckchen frische Arbeitslose in die Pfanne hauen (11). Alle auf den Topf setzen (12). Dazu geben wir einen Schuß in den Ofen (13).

Nur die Suppe unter ständiger Regierungsbeteiligung bei mittlerem Schwachsinn und sorgfältigem Verschaukeln nicht überflüssig werden lassen (14). Rasch noch möglichst viele Scheiben abschneiden (15). Anschließend gibt jeder seinen Senf dazu (16). Geschmack mit Skandalnudeln abstimmen (17).

Dazu reichen wir Wackelpudding: einfach Koalitionsaussage durchkneten, mit dem Kerbholz auswalzen und das Ergebnis auf den Kopf stellen, bis es sauer ist (18). Dann absahnen (19). Den ganzen Quark quirlen und unter ständigem Umfallen solange Schaum schlagen, bis er steif ist (20). Mit Allgemeinplätzchen verzieren und eiskalt servieren (21) [Eulenspiegel 1990. № 8: 47].

Приведенный пример демонстрирует инсценируемое интердискурсивное взаимодействие политического и кулинарного дискурсов. Это текст политической сатиры, основная коммуникативная цель которого – высмеивание и жесткая критика существующей политической системы. Сообщение оформлено как кулинарный рецепт. Данный тип текста однозначно идентифицируется носителем языка при прочтении сообщения благодаря наличию ряда характерных для кулинарного рецепта признаков. А именно: «текст кулинарного рецепта носит предписательный характер, представляет собой алгоритм, где каждое действие – определенный, четко, кратко и лаконично сформулированный шаг» [Буркова 2004: 5]. Эти черты четко прослеживаются и в нашем примере. Текст демонстрирует типичные для кулинарного рецепта односоставные глагольные побудительные предложения (№ 2, 3, 5, 7–12, 15, 17, 19, 21), многочисленные модальные конструкции с глаголом *lassen* (№ 4, 6, 14). Кроме того, для текста характерно использование причастий и причастных конструкций в препозиции (№ 2, 3, 5, 8), также имеющих значение побуждения к действию в рамках имитируемого типа текста. В сообщении используются типичные для кулинарного рецепта лексические единицы: *einwickeln, frisch, Geschmack, schneiden, servieren, verwässern* и др.

Политический дискурс актуализируется в данном примере прежде всего посредством отдельных лексических единиц с характерной для такого дискурса семантикой: *Arbeitslose, Arbeitspapiere, Argumente, Interviews, Koalition, Koalitionsaussage, Minister, Regierungsbeteiligung, Parteitagsbeschlüsse, Spendenbescheinigungen, Steueranzeigen* и т. д.

Интересны также лексические единицы *Mehrheitstunke* и *Skandalnudeln*. В этих окказиональных композитах один компонент является характерным для политического дискурса, вто-

рой – для кулинарного (*Mehrheit* – большинство, *Tunke* – соус; *Skandal* – скандал, *Nudeln* – лапша, вермишель).

Особого внимания заслуживают фразеологизмы *einen Schuß in den Ofen geben* (потерпеть неудачу/поставить в печь), *auf den Kopf stellen* (поставить с ног на голову/перевернуть, опрокинуть) и *Schaum schlagen* (пускать пыль в глаза/взбивать до пены). С одной стороны, в рамках анализируемого нами текста они реализуют свое основное, фразеологическое значение, соотносимое с политическим дискурсом. С другой стороны, при дословном осмыслении эти выражения ассоциируются с кулинарным дискурсом, ибо описывают действия, связанные с процессом приготовления пищи.

Актуализируемое в сообщении, в частности посредством вышеназванных текстовых маркеров, взаимодействие политического дискурса с кулинарным используется в рассматриваемом примере в целях высмеивания и жесткой критики существующей политической ситуации. В сознании реципиента происходит столкновение, взаимоналожение двух принципиально разных сфер – духовного и физического, посредством чего значимость фактов и реалий политической жизни сводится к уровню первичных, элементарных потребностей человека в пище. С одной стороны, это «соединение несоединимого», являющееся основой комического эффекта. С другой стороны, посредством особого оформления текста автор «изящно навязывает» читателю критическую оценку современной политической жизни, актуализируя существующий в общественном сознании представителей немецкоязычной культуры фрейм «politische Küche» (политическая кухня).

В следующем примере комический, а именно сатирический, эффект создается посредством «низведения» общечеловеческих ценностей до уровня политики, т. е. до уровня интересов отдельных политических партий, которые противопоставляются интересам человека и общества в целом. Текст демонстрирует инсценируемое взаимодействие политического дискурса и дискурса гороскопа.

Horoskop (1)

21. Mai bis 21. Juni (2)

Von Dr. Elfie Stern-Hagel (3)

Die Zwillinge (4)

Der Zwilling im Sachzwang (5)

Der Zwilling ist eines der wichtigsten Sternzeichen, unter dem Politiker, Mundartsprecher, Parteiengründer, Berufsverfolgte, Bundeskammerabgeordnete und Talk-Schaue-schichtenerzähler geboren sein können (6). Dem Zwilling gelingt es nämlich glänzend, sich selbst zu glauben (7). Sein charmantes Auftreten, seine Fähigkeit, sich jeder Idee verschreiben zu können, lassen den Zwilling besonders in diesem Jahr Sternstunden erleben (8)!

Der Zwilling war nie zerrissen, und er wird nie zerrissen sein (9). Zwillinge haben immer alle

Seiten bedacht und können sofort ihre neue Identität nutzen (10). Denn Zwillinge sind geborene – für wahr! – Doppelagenten (11). Diesem Schicksal kann kein echter, zumal deutsch-deutscher Zwilling enttrinnen (12). Geheimdienste aller Welt führen eigens dazu Zwillingskarteien (13). Die Zwillingsforschung zahlreicher hiesiger Institute ist heiß umworben von allen Weltdatenbankern (14).

Wenn Sie als Zwilling sich auf nachrichtendienstliche Tätigkeit eingelassen haben – und Ihnen bleibt gar keine andere Wahl, als das zu tun, denn Ihrer Natur nach sind Sie neugierig und plaudern gern aus, – so haben Sie alsbald ein zweites Arbeitsverhältnis (15). Dieser Sachzwang schützt Sie davor, jemals ungebraucht und ungehört als Agent kalt herumzustehen (16). Sie werden immer wieder aktiviert werden (17). Versuchen Sie es also (18). Ihr neuer Führungsoffizier wartet darauf, Sie kennenzulernen (19).

Der Zwilling im Wohl- und im Wahlverhalten (20)

Sture Prinzipientreue ist dem Zwilling verhaßt (21). Nichts ist ihm hingegen so wichtig wie mehrheitlicher Zeitgeist (22). Es ist gleich, in welchem Monat Wahlen stattfinden: sie sind immer vom Sternbild Zwillinge geprägt (23). Denn ein echter Zwillingswähler kreuzt auf dem Wählerkatalog stets nur die Angebote an, die ihm sein großer Zwillingsbruder als besonders preisgünstig empfiehlt (24). [...]

Die Partnerschaftsverhältnisse des Zwillings (25)

Der Zwilling in der LDPD (26)

Sie sind wie geschaffen für eine schöne große Verbindung (27). Nach kurzen zweiflich-zwillingösen Kämpfen haben Sie Ihre traditionssreiche Partei zunächst verkürzt und mit Sternen versehen, dann aber verschmolzen zu einem kampfstarken Block, nein, Bund freier Demokraten (28). Doch bald, sollten Sie wissen, werden Sie sich immer besser verpartnern mit einem großen Zwillingsbruder, der sogar ein richtiger Graf ist (29).

Der Zwilling in der F.D.P. der DDR (30)

Sie sind wie geschaffen für eine schöne große Verbindung (31). So haben Sie sich schnell verschmelzen lassen im Blockbund freier Demokraten (32). Doch bald, sollten Sie wissen, werden Sie sich immer besser verpartnern usw. s. o. (33).

Der Zwilling in der Deutschen Forum-Partei (34)

Sie sind wie geschaffen für eine schöne große Verbindung zum schönen großen Geld, denn Ihr Name führt ja her von den geliebten Forum-Schecks, die eng verbunden waren mit echtem Bezahle-Geld (35). So sind Sie nun auch fest verschmolzen im Blockbund, wartend auf die Verpartnerung usw. (36) [...] [Eulenspiegel. 1990. № 23: 20]

Имитируемый тип текста – гороскоп – легко узнается носителями языка уже на начальном

этапе восприятия сообщения благодаря соответствующему заголовку (*Horoskop*), традиционному для гороскопа указанию на авторство (*von Dr. Elfie Stern-Hagel*) и период времени, на который распространяется данное предсказание (21. *Mai bis 21. Juni*).

Далее сообщение демонстрирует характерную для гороскопа композиционно-содержательную структуру: краткая характеристика созвездия (предложение № 6), описание особенностей характера и темперамента людей, рожденных под данным знаком зодиака (№ 7–14), предсказание грядущих событий/рекомендации относительно дальнейших «правильных» действий (№ 15–19), описание судьбы представителей данного знака зодиака в отдельных сферах жизни (№ 20–24) и так называемый «гороскоп совместимости» (№ 25–36).

Как особый тип текста, современный гороскоп характеризуется социокультурным содержанием, актуализирующим в текстовой ткани общечеловеческие ценности, а также псевдонаучным характером предлагаемой информации. Интересно, что эффект «научности» в текстах гороскопов достигается тоже посредством инсценируемой интердискурсивности: гороскоп демонстрирует типичные признаки текстов научного дискурса [подробнее об этом: Чернявская 2003].

В анализируемом примере названные характеристики гороскопа – социокультурное содержание и псевдонаучный характер – лежат в основе создания сатирического эффекта и привнесения в текст соответствующих оценок.

Социокультурное содержание, закрепленное за гороскопом в культуре и сознании носителя языка, подразумевает апелляцию к общечеловеческим понятиям, таким как судьба, выбор, удача/неудача, верность, личная жизнь, борьба и т. д. Однако в приведенном примере такого рода социально значимые понятия, актуализируемые посредством лексических единиц *Schicksal, Wahl, Prinzipientreue, Kämpfen* и др., низводятся до уровня интересов отдельных общественных деятелей и политических партий.

Вторая характерная для гороскопа черта, как было отмечено выше, – псевдонаучность. По своей форме гороскоп традиционно демонстрирует отдельные черты научного текста. В анализируемом примере это указание на ученую степень автора (*von Dr. Elfie Stern-Hagel*), наукообразные по своей словообразовательной форме лексические единицы, актуализирующие в сознании адресата представление о научном исследовании (*Wählerkatalog, Weltdatenbanker, Zwillingsforschung, Zwillingskarteien*), а также характерные для текстов научного дискурса пассивные и модальные конструкции (*aktiviert werden, geboren sein können* и др.).

Однако в действительности, как мы знаем, гороскоп не основывается на объективных, непротиворечивых научных фактах. Эта харак-

терная черта гороскопа, известная адресату, вызывает у него при прочтении анализируемого текста ассоциации политики с ложью, обманом, своего рода «шарлатанством». Иными словами, описанные выше характеристики имитируемого типа текста позволяют автору сообщения наряду с созданием комического эффекта завуалировано привести в рассматриваемый нами текст жесткую отрицательную оценку современной политической ситуации в целом.

Таким образом, проанализированные выше примеры позволяют нам констатировать, что инсценируемая интердискурсивность – «переключение» воспринимающего сознания на иной дискурс посредством особого оформления текста – является сегодня активно используемой и эффективной стратегией текстового построения в немецкоязычной политической сатире, ибо позволяет реализовать одновременно две основные функции данного типа текста, а именно создание комического эффекта и привнесение в текст оценочной информации.

ЛИТЕРАТУРА

Арнольд И. В. Стилистика современного английского языка: Стилистика декодирования. 3-е изд. – М.: Просвещение, 1990.

Буркова П. П. Кулинарный рецепт как особый тип текста (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Ставрополь, 2004.

Желтухина М. Р. Комическое в политическом дискурсе (на материале немецкого и русского языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2000.

Капацкая В. М. Комический текст: монография. – Нижний Новгород: Изд-во НФУРАО, 2004.

Пропп В. Я. Проблемы комизма и смеха. 2-е изд. – СПб.: Алтейя, 1997.

Сачава О. С. Textoобразующий потенциал инсценируемой интердискурсивности (на материале современного немецкого языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2009.

Смирнова О. П. Трансформированный текст как способ создания второй виртуальной реальности (на материале политкорректных сказок, притч, рассказов Ветхого Завета): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2007.

Сычев А. А. Природа смеха, или Философия комического. – Саранск: Изд-во Мордовского университета, 2003.

Тепляшина А. Н. Жанры и формы комического в современной российской периодике. – СПб.: Издательский дом Санкт-Петербургского государственного университета, 2006.

Тынянов Ю. Н. О пародии // Русская литература XX века в зеркале пародии: Антология. – М.: Высшая школа, 1993. – С. 361–391.

Черемухин А. Г., Черемухин Д. Г. Конструирование юмора: монография. – М.: Воентехиздат, 2004.

Чернявская В. Е. Псевдонаучный стиль в персуазивной коммуникации на примере анализа современных англоязычных гороскопов // Стереотипность и творчество в тексте: межвузовский сборник научных трудов. – Пермь: Изд-во ПГУ, 2003. С. 225–242.

Чернявская В. Е. Открытый текст и открытый дискурс: Интертекстуальность – дискурсивность – интердискурсивность // Лингвистика текста и дискурсивный анализ: традиции и перспективы: сборник научных статей. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2007. – С. 7–26.

ИСТОЧНИКИ

Eulenspiegel. 1990. № 8, № 23.

© Сачава О.С., 2010

М. А. Сивенкова
Минск, Беларусь

M. A. Sivenkova
Minsk, Belarus

**О КОЛИЧЕСТВЕ
В ПАРИТЕТЕ С КАЧЕСТВОМ:**

метакоммуникативные ходы в русском,

британском и немецком политическом диалоге

ГСНТИ 16.21.27, 16.21.55

Аннотация. Статья посвящена анализу метакоммуникативных ходов, оценивающих количество переданной политиками информации и совершенных ими речевых действий в рамках парламентских вопросно-ответных сессий и политических интервью. Выделены два основных типа таких оценочных комментариев: метакритика, отражающая избыток информации, а также ее недостаточность. Автор приходит к выводу о наличии тесных взаимосвязей между количественными и качественными аспектами информации в политическом диалоге.

Ключевые слова: парламентский дискурс России, Германии, Великобритании; политическое интервью; сопоставительные исследования политического дискурса; количественная метакоммуникация.

Сведения об авторе: Сивенкова Мария Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры речеведения и теории коммуникации.

Место работы: Минский государственный лингвистический университет.

Контактная информация: Республика Беларусь, 220034, г. Минск, ул. Захарова, д. 21.
e-mail: maria.sivenkova@tut.by.

**ON QUANTITY
IN PARITY WITH QUALITY:**

**metacommunicative moves in Russian, British,
and German political dialogue**

Код ВАК 10.02.19; 10.02.20

Abstract. The article focuses on metacommunicative moves that evaluate the quantity of information transmitted by politicians and the speech actions they have performed in parliamentary question-answer sessions and political interviews. Two types of such evaluative comments are singled out: metacriticism that reflects surplus of information and its insufficiency. The author makes a conclusion about close interconnections between quantitative and qualitative aspects of information in political dialogue.

Key words: parliamentary discourse in Russia, Germany, the UK; political interview, comparative studies of political discourse; quantitative metacommunication.

About the author: Sivenkova Maria Alexandrovna, Candidate of Philology, Assistant Professor, Department of Communication Studies.

Place of employment: Minsk State Linguistic University.

1. Введение

Одно слово не попадет в цель, тысяча слов смысл потеряют.

Китайская пословица

Контролируя обмен информацией в рамках политической коммуникации, ее субъекты довольно часто пытаются оказывать влияние на тех, кто сознательно или невольно препятствует его эффективной реализации, что происходит за счет элементов экстралингвистической и лингвистической негативной обратной связи. Первая разновидность проявляется, например, в кадровых перестановках, часто следующих за грубой ошибкой политика, а также ответных мерах законодательной регуляции, если имеется правоприменительная практика по совершенному речевому проступку (о речевых проступлениях, выделяемых современным российским законодательством, см. [Кара-Мурза 2009]), а вторая – в появлении в политическом диалоге особых метакоммуникативных ходов, негативно оценивающих речевое поведение адресата [Ilie 2003] (а также, как следствие, в возникновении критики текста как одного из древнейших направлений политической лингвистики, в котором речевые проступки политиков подробно анализируются с предложением соответствующих рекомендаций по устранению выявленных недостатков [Будаев, Камышева, Лекарева, Чудинов 2010]).

Любопытно, что метакоммуникативные реп-

лики встраиваются не только в речи политиков (где их появление кажется наиболее естественным в связи с большим объемом выступлений по сравнению со многими другими устными политическими жанрами), но инкорпорируются в вопросно-ответные диалоги и полилоги самых разных типов (политические интервью, парламентские сессии, телевизионные дебаты и др.), дополняя обмен мнениями или фактуальной информацией между спрашивающим и отвечающим вербализацией разнообразных коммуникативных недостатков оппонента. Ср. следующий фрагмент вопросно-ответной сессии в Государственной думе РФ, в котором на упрек в неточности, содержащийся в вопросе, следует упрек в невнимательности, инкорпорируемый в ответ (за которым следуют опровержение и соответствующее пояснение):

Коломейцев Н. В. *Уважаемый Александр Петрович, вы, наверное, были не совсем точны, когда говорили о том, что возникнет конфликт между обществом и правоохранительной системой. Конфликт между обществом и правонарушителями – он есть всегда, поэтому, с моей точки зрения, вообще-то, этот закон как раз хотя бы минимально мог бы воздействовать на алкоголизацию страны со знаком минус. Вы же, я так понял, против этого?*

Москалец А. П. *Уважаемый Николай Васильевич, в свою очередь должен отметить, что вы не совсем внимательно слушали*

меня. О конфликте между обществом и правоохранительной системой я вообще не говорил, таких слов не произносил. Я говорил о возможном напряжении в отношениях между обществом и государством, а это разные вещи [Стенограмма пленарного заседания Государственной Думы РФ. 14.01.2009].

При этом, естественно, негативная речеповеденческая оценка доводится до сведения как самого нарушителя коммуникативных норм (что может оказаться для него полезным в случае неосознанной ошибки), так и массового адресата – зрителей/читателей/слушателей интервью, дебатов, парламентских прений и т. п. (это, как и любая другая публичная критика, может нанести политику репутационный ущерб в случае серьезности метакоммуникативного обвинения).

Информация, циркулирующая в политическом диалоге, подвергается пристальному мониторингу по нескольким параметрам. Политиков и журналистов интересует как качество сообщаемых сведений (что проявляется в их достоверности, своевременности, значимости для достижения целей общения) и коммуникативно-стилевые особенности представления информации, так и адекватное ее количество.

О важности, например, *достоверности* в политическом дискурсе ярче всего свидетельствуют те негативные последствия для карьеры политика, которые несет в себе сообщение ложной информации в парламенте (как, впрочем, и в других разновидностях политической коммуникации), от необходимости публичного покаяния (ср. извинения за ложь, принесенные в Бундестаге В. Шойбле во время финансового скандала в Христианско-демократическом союзе в 1999 г.) до отставки. Достаточно вспомнить, что введение парламент в заблуждение стало поводом для многочисленных кадровых перестановок в британском кабинете министров. Так, непреднамеренное искажение истины в парламенте повлекло за собой отставку заместителя министра МВД Великобритании по вопросам иммиграции Б. Хьюз в апреле 2004 г., а министр образования Э. Моррис покинула кабинет в октябре 2002 г., забыв о данном ею ранее обещании подать в отставку, если в начальной школе не произойдут изменения к лучшему. Кроме того, к отставке может привести и несоблюдение обещаний, данных политиками друг другу. Так, в мае 2003 г. британский кабинет министров покинула министр международного развития К. Шорт, посчитавшая, что Т. Блэр нарушил обещание о предоставлении ООН главенствующей роли в послевоенном Ираке, которое она дала перед началом войны в Ираке.

Помимо качества информации пристальному мониторингу в политическом диалоге подвергается и ее *количество*, что обусловлено, как и в случае контроля над качеством, экстралингвистическими причинами. При этом губи-

тельные последствия для карьеры политика может иметь как недостаток, так и избыток информации (правда, не столько сам по себе, сколько в сочетании с другими коммуникативными аспектами, подвергающимися критике).

Данное замечание особенно справедливо в отношении такой разновидности предоставления недостаточного количества информации, как ее утаивание, которое в политическом дискурсе по умолчанию приравнивается к лжи (что демонстрирует взаимообусловленность количественных и качественных аспектов информации). Иллюстрацией тому могут служить отставки генерального инспектора бундесвера В. Шнайдерхана и статс-секретаря Минобороны ФРГ П. Вихерта в ноябре 2009 г. в связи с утаиванием важной информации об авианалете в афганской провинции Кундуз. Лингвистические аспекты данной ситуации будут рассмотрены ниже, а пока отметим лишь, что для доказательства невиновности обвиняемого в подобных случаях (т. е. доказательства неумышленности сокрытия сведений, например в ситуации добросовестного незнания) требуются очень серьезные усилия (например, парламентские расследования, проводимые специально созданными комиссиями).

Избыток информации тоже может привести к карьерным проблемам, если он сопряжен с другими речеповеденческими аспектами, например качественным (скажем, избыток не лжи, а *конфиденциальной* информации) или ролевым (к примеру, *публичная* критика высокопоставленным лицом своих коллег по администрации). Ср. ситуацию с отставкой американского генерала С. Мак-Кристалла, вызвавшего гнев Б. Обамы несколькими оскорбительными высказываниями в адрес его соратников, сделанными в нашумевшем интервью журналу «Роллинг Стоун». Показательно при этом, что Президент США в заявлении для СМИ призвал военных к «соблюдению строгих рамок *при публичных выступлениях*» (выделено нами. – М. С.), а министр обороны США Р. Гейтс после этого инцидента ввел запрет на любые несанкционированные разговоры военнослужащих с представителями прессы.

Сам же по себе избыток информации, циркулирующей в политическом диалоге, по видимому, не представляет серьезной опасности для политика, хотя и может весьма существенно осложнять протекание информационных обменов. Так, например, в проанализированных нами стенограммах парламентских заседаний встречались ситуации многократного – практически безнаказанного – повтора одного и того же вопроса или ответа, вызывавшие раздражение/гнев участников вопросно-ответных сессий в связи с очевидной неэффективностью политической коммуникации.

Целью данного исследования является анализ негативных метакоммуникативных реплик, оценивающих количество сообщаемой ин-

формации (далее – количественной метакритики). Материалом послужили фрагменты диалогов, содержащие количественную метакритику, почерпнутые из интервью с современными русскими, британскими и немецкими политиками, а также фрагменты вопросно-ответных сессий в парламентах России, Великобритании и Германии.

2.1. Метакритика, отражающая избыток информации

Информации не бывает слишком много.

Д. М. Пенроуз. «Легенды и мифы делового общения»

Избыток информации чаще всего вызывает нарекания субъектов политического дискурса в ситуации повтора одного и того же речевого действия (в основном вопроса, критического замечания или речевого акта аргументации). При этом в арсенале политиков имеется несколько вариантов реакции: от более или менее нейтральной констатации избыточности речевого действия (*You made this point; Но я уже отвечал на этот вопрос; Я не хотел бы повторять то, что я уже говорил ранее*) до коммуникативных ходов, передающих некоторое смущение, вызванное необходимостью повторять неоднократно сказанное ранее (*I am slightly confused, because I have answered that question three times*), а также раздраженных реплик в адрес незадачливого коллеги или журналиста (*I have been asked this question ad nauseam in the campaign; Das war eine selbstironische Bemerkung, die mir aber später immer wieder um die Ohren geflogen ist* – ‘Это было самоироничное замечание, которым мне позднее прожужжали все уши’; *Hu, если мне будут восемь раз один и тот же вопрос в разной форме задавать, то я вынужден буду восемь раз одно и то же говорить*).

При этом иногда задействуются агрессивные метафоры (ср. следующую оценочную реплику, в которой парламентарий, настойчиво повторяющий одну и ту же идею несколько раз, назван дятлом: *I know that the hon. Gentleman will not take umbrage if I suggest that he is as persistent a woodpecker in the House as there is to be found*), а также ироничные и/или насмешливые комментарии (*Auch das musste mal wieder gesagt werden! Ist Ihr Computer eigentlich kaputt, sodass Sie immer dieselbe Rede halten?* – ‘Это тоже нужно было еще раз сказать! У Вас что, собственно, сломался компьютер, и поэтому Вы всегда произносите одну и ту же речь?’). За подобными количественными оценками без труда прочитываются качественные (‘То, что вы говорите, плохо, потому что это неново/нецелесообразно/неэффективно. Я хочу это прекратить’).

Помимо повторов, ситуация избытка информации обнаруживает тесную связь с особенностями процесса ее распространения. При

этом критике чаще всего подвергается чрезмерно возбужденное состояние субъектов политического дискурса (ажитаж, истерия). Ср.:

Л. Слиска. *...Я являюсь соавтором этого законопроекта и полагаю, что ничего страшного здесь нет. ... И думаю, что вот такая истерия, которая сейчас разразилась вокруг этой законодательной инициативы, – это как раз те, кто очень не хотят, чтобы появился депутатский контроль в этих структурах. ... Я просто не могу понять, почему сейчас так все возбудились. Этот закон действовал с 93-го года до 98-го года. ... Никогда ни у кого никакого ажиотажа, возмущения это не вызывало. Сейчас, когда Государственная дума предлагает такой вариант, сейчас все почему-то решили...* [Эхо Москвы. В круге СВЕТА. 04.03.2006].

Как видим, категория количества и в этом случае оказывается связанной с качеством, ведь избыток информации в ситуации ажиотажа препятствует принятию адекватного решения по обсуждаемой законодательной инициативе, и именно поэтому негативно оценивается политиком.

Недовольство субъекта политической коммуникации может вызвать и некритическое отношение к процессу передачи информации (в чем, по мнению политиков, как правило, оказываются виноватыми представители медиасреды). Ср. жалобу премьер-министра Баварии Х. Зеехофера на безответственное поведение журналистов, прозвучавшую в ответ на «неудобный» вопрос о том, правда ли, что политик намеревается переехать в Берлин после следующих выборов (т. е. пренебречь интересами баварцев ради карьерного роста): *Das wird mal von einem irgendwo geschrieben und dann wird es immer wieder abgeschrieben und dann wird das kommentiert. Und dann wird wieder jemand in einem Interview dazu befragt usw.* – ‘Вот сначала это кем-то где-то пишется, потом постоянно списывается, а потом комментируется. А потом у кого-то об этом спрашивают в интервью’ [Alpha-Forum. 03.07.2009]. Суть количественно-качественной оценки, адресованной премьер-министром Баварии представителям медиасреды в данном фрагменте интервью, сводится, видимо, к следующему: «Журналисты виноваты в недостоверности данных сведений, поскольку печатают много непроверенной информации», – т. е. фактически им инкриминируется такое речевое преступление, как диффамация [Кара-Мурза 2009: 59–60].

Другой любопытный тип анализируемых коммуникативных проблем, являющийся специфичным для институционального общения в парламенте, представлен флибустьерством (англ. *filibustering*) – затягиванием времени с целью обструкции нежелательного законопроекта за счет внесения бесконечных поправок, а также произнесения чрезмерно пространственных речей [Dictionary of Politics and Government: 96–97].

Упоминания о данной разновидности не-кооперативного речевого поведения политиков обычно происходят в контексте американской политической жизни, поскольку в сенате не возбраняются дебаты, не ограниченные по времени, чем и пользуются флибустьеры. Для того чтобы положить конец обструкции, требуется, чтобы предложение о прекращении прений было поддержано тремя пятыми сенаторов (чего не всегда легко добиться в случае хорошо подготовленной акции). Флибустьерство возможно и в британском парламенте, но лишь в отношении законопроектов, внесенных депутатами, не занимающими правительственного поста, поскольку правительственные законопроекты имеют соответствующие механизмы защиты (например, гильотинирование прений, состоящее в заблаговременной договоренности о времени начала голосования) [Dictionary of Politics and Government: 96–97; 108].

Несмотря на то что в классическом виде данный термин относится к срыву процесса дебатирования (когда коммуникант не дает другим возможности выступить, аргументировать альтернативную точку зрения либо проголосовать), как показывает анализ фактического материала, упреки во флибустьерстве иногда экстраполируются и на другой парламентский поджанр – вопросно-ответную сессию. Ср. следующий фрагмент парламентского вопроса, в котором Генеральный казначей Великобритании Д. Примароло подвергается метакоммуникативной критике за «многословное флибустьерство», допущенное в предыдущем ответе, превысившем длину других ответов министра более чем в три раза (192 vs. 60 словоупотреблений):

Mr. Wilkinson. *Nobody in this House, and certainly no independent IT specialist or anyone running a consultancy company outside this House, will be impressed by the verbose filibuster of the Paymaster General in response to the sensible question from my hon. Friend the Member for Altrincham and Sale, West (Mr. Brady)* [Hansard Records. 29.03.2001].

По иронии данный упрек-плеоназм подчеркивает несовершенство высказываний самого субъекта критики Дж. Уилкинса, которому можно было бы инкриминировать – с поправкой на жанр – если не флибустьерство (хотя после процитированного выше метакоммуникативного фрагмента он успел задать три вопроса вместо одного, как положено по правилам), то стилистическую небрежность (тавтологию). Любопытно, что в данном случае спикер занимает сторону коммуниканта-критика, предлагая министру отвечать покороче (*Order. Before the Minister replies, may I appeal for a shorter answer?*), оставив без внимания коммуникативные промахи самого критика, как то имеет место в аналогичных коммуникативных ситуациях. Отметим, что в нашем англоязычном корпусе имеется немало примеров, в которых спикер

реагирует ответными метакоммуникативными упреками на высказывания коммуниканта-критика, вероятно, демонстрируя таким образом стремление к объективности по отношению ко всем участникам дебатов.

Любопытно, что упреки в злоупотреблении вниманием аудитории подобного рода встречаются и в бундестаге ФРГ, где флибустьерство в настоящее время вообще невозможно в связи с наличием темпоральных ограничений при выступлении. Ср. следующий фрагмент парламентской вопросно-ответной сессии, в котором представитель оппозиции Х. Отт выражает недовольство предыдущим ответом, данным заместителем министра экономики и технологии Х. Й. Отто: *Herr Kollege, das ist offensichtlich Filibustern, was Sie hier machen. Ich bitte Sie, meine nächste Frage kurz zu beantworten, damit noch mehr Fragen gestellt werden können.* [Bundestag. 9.06.2010] – ‘Г-н коллега, то, что Вы сейчас делаете, является очевидным флибустьерством. Я прошу Вас ответить коротко на мой следующий вопрос, чтобы можно было еще задать другие вопросы’.

Следует отметить, что, помимо затянутости, ответ политика грешил еще и тем, что содержал несколько метакоммуникативных реплик-прогнозов того, как представители оппозиции повели бы себя, если бы правительство приняло альтернативное обсуждаемому решению, намекающих на излишнюю критичность оппозиционных партий и придающих рассуждениям политика чрезмерно гипотетический характер. Наш количественный анализ данного фрагмента вопросно-ответной сессии показал, что упрек во флибустьерстве и требование отвечать более лаконично последовали после того, как длина ответа политика превысила в четыре раза (!) его же средний показатель по предыдущим ответам: 649 vs. 162 словоупотреблений. Отметим, что, несмотря на опровержение со стороны министра и отказ отвечать (*Ich kann Ihre Frage nicht erkennen. Ich weise auch den Vorwurf der Filibusterei zurück* – ‘Я не признаю Ваш вопрос. Я также отклоняю упрек во флибустьерстве’), метакоммуникативный оценочный комментарий возымел определенный эффект, поскольку последующие ответы Х. Й. Отто стали в среднем короче в 1,6 раза (102 словоупотребления).

Отметим, что неодобрение вызывают не только длинные ответы, но и длинные вопросы, которые политики пренебрежительно называют лекциями (*Das ist ja eine Vorlesung!* – ‘Да это же лекция’) или диссертациями (*That was not a question – it was a sort of dissertation*).

К сожалению, тенденция задействовать академические термины в пейоративных контекстах не ограничивается рамками политического дискурса. Подобные комментарии возможны как в неофициальном межличностном общении, так и в некоторых профессиональных подъязыках. Так, автору неоднократно прихо-

дилось быть очевидцем того, как профессиональные гиды называли лекциями фрагменты экскурсий низкого качества, представленные соискателями на собеседовании для получения лицензии экскурсовода или гида-переводчика. При этом экскурсии, получившие такую оценку, характеризовались самыми разными недостатками методического и презентационного плана: нарушали каноны экскурсоведения, произносились монотонным голосом, не содержали элементов интеракции со слушателями и др. (в отличие от политиков, у которых основанием для метафорического переноса служит, насколько можно судить, такой признак, как объем сообщения).

Помимо длины вопросов вызывает осуждение и их чрезмерное количество. Так, в обязанности ведущего (спикера в Палате общин, президента в Бундестаге, председательствующего в Государственной думе) входит пресечение нарушения правил проведения вопросно-ответных сессий, включающих ограничения на количество разрешенных вопросов. При этом спрашивающему зачастую указывают на то, сколько вопросов он уже успел задать, а отвечающего предупреждают против затянутого ответа (ср.: *That was four questions, but one answer will suffice*). Другой вариант корректирующего вмешательства ведущего представлен метакоммуникативными призывами к лаконичности, обращенными ко всем участникам вопросно-ответной сессии:

Mr Speaker. Order. *The House really must start to behave itself. We have made slow progress – [Interruption.] Order. That progress must get faster from now on, with short questions and short answers* (21.07.2010).

Более тонкой формой подобного вмешательства спикера являются, на наш взгляд, прогнозы корректного поведения, которого ведущий парламентского заседания хотел бы добиться от депутатов:

Mr Speaker. *Again, I am afraid that that question was a little on the long side. I know that the answer will not be* (9.06.2010).

Однако стремление получить короткий ответ зачастую оформляется в виде речевых ходов – просьб/ходов – требований, вставляемых в вопросы самими парламентариями. При этом депутаты как бы присваивают себе часть полномочий спикера, пытаясь регулировать продолжительность ближайшего речевого действия: *In passing, would he like to comment on what the Deputy Prime Minister said at Prime Minister's questions about Iraq being an illegal war?* (Просьба ответить коротко.)

Как видим, в распоряжении коммуникантов имеется несколько вариантов превентивных ходов, призванных повлиять на характер ответа, различающихся разной степенью категоричности.

Таким образом, избыток информации препятствует эффективной реализации коммуни-

кативных целей парламентариев и, как следствие, подвергается метакритике как со стороны самих участников вопросно-ответных сессий, так и со стороны ведущего с целью устранения данного недостатка. Кроме того, в распоряжении депутатов имеется целый репертуар коммуникативных средств регуляции объема вопросов и ответов.

Что же касается избытка информации в интервью, он особенно ожесточенно критикуется политиками в том случае, если касается оппонентов и контрастирует с количеством информации, доступной в СМИ о субъекте метакритики и его коалиции. Ср. фрагмент из интервью с Г. А. Зюгановым, в котором речь идет об особенностях предоставления эфирного времени разным партиям:

Г. А. Зюганов. *Включаешь телевизор – Путин, Жириновский. Жириновский, Путин. Мне казалось, что партия власти хотя бы попытается дистанцироваться от этой грязной, мерзкой, омерзительной жириновщины, которая сочится из всех каналов. ... Вчера даже главные каналы, Первый и Второй, ни одной картинки о нас не показали, хотя у нас прошли блестящие мероприятия!* [Эхо Москвы. 24.11.2007].

В целом, несмотря на разнообразие метакоммуникативных речевых действий, негативно оценивающих избыточность информации в политическом диалоге, субъекты политического дискурса, видимо, предпочитают излишнюю болтливость другой крайности – молчанию, поскольку оно ассоциируется у них с разнообразными проявлениями слабости: отсутствием надежных аргументов, поддерживающих их позицию, опасностью быть уличенными в утаивании каких-либо негативных сведений от общественности, невыполнением своих профессиональных обязанностей и др. Как отмечает К. Илие, упреки в молчании в парламентском контексте часто означают, что оппозиция не выполняет своей институциональной роли, предполагающей внесение альтернативных предложений [Ilie 2004: 46].

Естественно при этом, что в рамках политического дискурса теряют релевантность трактовки значимости молчания, представленные в многочисленных пословицах, поговорках и афоризмах, подчеркивающих его пользу и осуждающих болтливость (ср., например, русскую пословицу *Слова – серебро, а молчание – золото*, абхазскую *Лишнее слово надоедает*, узбекскую *Болтливый оратор любое собрание расстроит*, афоризм С. Бранта из поэмы «Корабль дураков» *Молчанье – щит от многих бед, а болтовня всегда во вред* и мн. др.). Как справедливо отметил британский лингвист Э. Бизрд, «победители говорят – говорят со всей уверенностью, которой располагают, и сражаются как можно большее число оппонентов» [Beard 2000: 106; перевод наш. – М. С.].

2.2. Метакритика, отражающая недостаточность информации

Не всякую правду сказать можно: об одной умолчи ради себя, о другой – ради другого.

Б. Грасиан. «Карманный оракул»

Нехватка информации о политике или его партии может быть обусловлена как упоминавшимися выше проблемами, связанными с распределением эфирного времени, так и самим режимом взаимодействия с представителями медиасреды. Ср. фрагмент уже цитировавшегося выше интервью с лидером Коммунистической партии РФ Г. А. Зюгановым:

Г. А. Зюганов. ...*Это не дебаты, когда в 7.05 говорят: «Вам 30 секунд, и вы должны рассказать, что вы будете делать по проблеме национальной безопасности». Это идиотский вопрос, потому что на него можно мало-мальски ответить за 10-15 минут. За 30 секунд вы скажете три фразы, которые ничего толком не значат и не весят* [Эхо Москвы. 24.11.2007].

Другая разновидность метакритики, отражающей проблему нехватки информации, связана с ситуацией сокрытия от общественности каких-либо важных сведений. Так, министр обороны ФРГ Ф. Й. Юнг подвергся в сентябре 2009 г. ожесточенной критике в связи с его коммуникативной реакцией на ситуацию вокруг бомбардировки в Кундузе: министр вначале скрыл от парламента информацию о жертвах среди гражданских лиц, а также своевременно не выразил необходимых в данной ситуации соболезнований родственникам погибших и сожалений о случившемся. Ср. фрагмент метакритики министра из газетного интервью, в котором представительница оппозиции К. Рот оценивает его поведение как «опасно некомпетентное»:

Zeit. *Wie beurteilen Sie das Verhalten des Verteidigungsministers?*

Roth. ...*Dass Verteidigungsminister Jung darauf so kaltschnäuzig ignorant reagiert hat, ist ein Desaster. Jung erweist sich als gefährlich inkompetent. Er hat das Parlament nicht hinreichend informiert, er hat kein Wort des Bedauerns über die Lippen bekommen...* [Zeit. 10.9.2009].

Цайт. *Как вы оцениваете поведение министра обороны?*

Roth. ...*То, что министр обороны Юнг продемонстрировал такое откровенное невежество, является катастрофой. Юнг обнаружил свою опасную некомпетентность. Он недостаточно проинформировал парламент, он не выразил ни малейшего сожаления...*

Данная ситуация послужила для многих немецких государственных деятелей поводом к переоценке информационной политики правительства ФРГ (*Die Informationspolitik dieser Bundesregierung zu Afghanistan ist ein Desaster –*

‘Информационная политика этого правительства в отношении Афганистана – это катастрофа’; бундестаг, 8.09.2010), а в адрес министра Юнга было высказано множество претензий за ложь, попытки замаять дело и непрофессионализм. Кроме того, его коммуникативное поведение подвергалось подробному анализу (в том числе и в рамках особого парламентского расследования) с приведением примеров того, как следовало бы себя вести после бомбардировки в Кундузе. Ср. фрагмент парламентской речи, в котором представитель оппозиционной партии Ю. Триттин ставит министру Юнгу в пример коммуникативное поведение американского генерала С. Мак-Кристалла, командующего Международными силами содействия безопасности в Афганистане (по иронии судьбы ушедшего в отставку 9 месяцев спустя, в июне 2010 г., в связи с несколькими недипломатичными публичными высказываниями в адрес ряда американских чиновников, о чем уже упоминалось выше):

Jürgen Trittin. ...*Nach dem Vorfall hat er (Stanley McChrystal) sich an den Ort des Geschehens begeben. Er hat mit den Opfern gesprochen. Er hat sich entschuldigt. Er hat sich also gemäß den neuen Einsatzrichtlinien für solche Zwischenfälle verhalten, die lauten: „apologize“, „compensate“, „investigate“ – entschuldigen, entschädigen und dann untersuchen. Das ist die richtige Reihenfolge, und die hätte ich mir auch von unserem Bundesverteidigungsminister gewünscht.*

Wie sind Sie vorgegangen? Sie haben als Erstes die Unwahrheit gesagt. Sie haben behauptet, das Ganze habe sich in 40 Minuten abgespielt. Die Wahrheit ist: Es hat sechs Stunden gedauert. <...> Schließlich haben Sie gesagt, Sie seien sicher, es habe keine zivilen Opfer gegeben. Im Ergebnis geben Sie heute zu, dass eine solche Möglichkeit nicht auszuschließen ist. Ihr Grundsatz ist ein anderer als der, den die Amerikaner an dieser Stelle beherzigt haben. Ihr Grundsatz lautet offensichtlich: Vertuschen, leugnen und, wenn es gar nicht anders geht, sich für das entschuldigen, was man vorher bestritten hat [Bundestag. 8.09.2010].

Юрген Триттин. ...*После этого инцидента он (Стэнли Мак-Кристал) отправился на место происшествия. Он поговорил с жертвами. Он извинился. То есть он действовал в соответствии с новыми директивами, регулируемыми подобными происшествия, которые гласят: “apologize”, “compensate”, “investigate” – «извиниться», «компенсировать» и затем «исследовать». Это правильная последовательность действий, и мне жаль, что наш министр обороны ею не воспользовался.*

А как Вы действовали? Первым делом Вы сказали неправду. Вы утверждали, что все произошло за 40 минут. А на самом деле все длилось шесть часов. ... Наконец, вы сказали, что уверены, что жертв среди мирного населения не было. В итоге сегодня Вы признае-

те, что такую возможность нельзя исключить. Ваши правила отличаются от тех, которыми руководствовались американцы. Ваши правила звучат, очевидно, так: замять, отрицать и, если по-другому не получается, извиниться за то, что до сих пор опровергалось.

Уникальность данной коммуникативной ситуации состоит в том, что громкий политический скандал вокруг «кундузского дела» стоил политике и второго портфеля (т. е. за одну ошибку он поплатился дважды): под давлением оппозиционных партий Ф. Й. Юнг ушел в отставку и со своего нового поста министра труда 30 ноября 2009 г., проработав в этой должности лишь 33 дня (что стало самым коротким в истории ФРГ сроком нахождения министра в должности).

Помимо сокрытия информации, осуждению в политическом диалоге подвергается и ее неполнота, которая чревата количественной метакритикой (*Does he accept that the Government cannot be selective about those data? – Вы лишь частично ответили на мой вопрос; Frau Staatssekretärin, ich bin nicht der Auffassung, dass die Frage, die ich gestellt habe, damit vollständig beantwortet ist – Г-жа заместитель министра, по моему мнению, на вопрос, который я задала, не был получен полный ответ*), переспросами, а также потенциальной угрозой искажения смысла. В этом плане представляет интерес следующий фрагмент вопросно-ответной сессии, в котором Ю. В. Коган, представитель фракции ЛДПР, задает вопрос, посвященный судьбе автопрома, министру финансов РФ А. Л. Кудрину. В своем вопросе политик называет антикризисную программу «затыканием дыр», на что следует такой ответ министра:

А. Л. Кудрин. *Уважаемые коллеги, по «АвтоВАЗу». По «АвтоВАЗу», может быть, неполная информация у вас [1], в принципе вы с ней можете ознакомиться в полном объеме: минпром может её предоставить и, думаю, она и «АвтоВАЗом» будет опубликована [2]. Суть этой меры многоплановая. Выдать на год беспроцентную ссуду 25 миллиардов – это только часть поддержки, которую берет на себя государство в лице корпорации «Ростехнологии». В чём смысл этой меры? Она запускает весь механизм модернизации «АвтоВАЗа» [3], это не закрытие дыр, как вы сказали, а это в данный момент расшивка [4]...* [Госдума. 6.04.2009].

Как видим, анализируемый ответ содержит количественную метакритику (компонент 1), переадресацию к источнику полной информации (компонент 2), восполнение некоторых информационных пробелов адресата (компонент 3), а также ход, корректирующий неверную интерпретацию Ю. В. Коганом ситуации вокруг автопрома (компонент 4), содержащий интересную замену швейной метафоры из вопроса на дру-

гую, более подходящую, по мнению отвечающего, метафору из той же тематической области.

Таким образом, ситуация недостатка информации у спрашивающего влечет за собой появление таких формулировок в вопросе, на которые отвечающий не может не отреагировать несколькими оценочными и пояснительными речевыми действиями. Иными словами, она провоцирует отвечающего на своеобразную работу над речемыслительными ошибками спрашивающего.

Следует также отметить, что недовольство по поводу неполноты информации иногда принимает форму критики ответов за их слишком общий, неконкретный характер (ср.: *Die Antworten, die wir auf unsere Fragen bekommen, sind oftmals sehr allgemein – ‘Ответы, которые мы получаем на свои вопросы, часто являются слишком общими’; Всё хорошо, но нет конкретики в цифрах по годам*), а также реализуется в виде призывов к конкретике, что может быть указанием на типичность такой проблемы в парламентских вопросно-ответных сессиях (ср. *I ask the Secretary of State this specific question; Давайте конкретно, безо всякого словоблудия: какое преимущество имеет ваше заявление по сравнению с заявлением, предложенным комитетом?; Всё-таки скажите, пожалуйста, вы можете назвать конкретно, каких банков касается этот закон?*).

Обобщая сказанное выше, отметим, что количественный аспект информации в политическом диалоге оказывается во многих случаях неотделимым от качественного: как избыток, так и нехватка информации подвергаются особенно суровому осуждению, будучи сопряжены с такими свойствами информации, как достоверность (например, приравнивание умолчания ко лжи), репрезентативность (к примеру, угроза принятия необоснованных решений в ситуации ажиотажа), доступность (скажем, разглашение конфиденциальной информации), а также с некоторыми речеповеденческими ошибками, например ролевой неуместностью высказываний политика (ср. публичную критику правительства американскими военными).

Кроме того, избыток информации, судя по нашему материалу, проявляет себя более разнообразным репертуаром как превентивных речевых действий, имеющих целью его предотвращение, так и реагирующих коммуникативных ходов, направленных на изобличение/устранение избыточности. Более подробная разработка данного сегмента метакоммуникативных речевых действий может означать, что в профессиональной деятельности политики чаще сталкиваются с ситуацией избыточности информации, чем ее нехватки.

На наш взгляд, «подсудность» политического дискурса [Кара-Мурза 2009] приводит не только к появлению сложной системы законодательных норм и соответствующих процедур,

регулирующих речеповеденческие аспекты коммуникативной деятельности политиков (например, процедура лингвистической экспертизы), но и влечет за собой сенсбилизацию политических персон к любым речевым ошибкам оппонентов, а также акцентирует значимость метакоммуникации в общении политиков. Кроме того, появление у коммуникативного мониторинга статуса важной повседневной задачи, решаемой в рамках политического диалога, позволяет считать такой мониторинг одной из разновидностей речевой деятельности, в которой проявляется специфика политического мышления [Чудинов 2006: 82].

ЛИТЕРАТУРА

Будаев Э. В., Камышева О. С., Лекарева Е. В., Чудинов А. П. Критика текста в американской политической лингвистике // Политическая лингвистика. 2010. № 1. С. 175–177.

Кара-Мурза Е. С. Лингвистическая экспертиза как процедура политической лингвистики // Политическая лингвистика. 2009. № 1. С. 47–71.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. – М.: Флинта – Наука, 2006.

Beard A. The Language of Politics. – London: Routledge, 2000.

Dictionary of Politics and Government / P. H. Collin. 3rd ed. – London: BlumSBury, 2004.

Ilie C. Discourse and metadiscourse in parliamentary debates // Journal of Language and Politics. 2003. Vol. 2, № 1. P. 71–92.

Ilie C. Insulting as (un)parliamentary practice in the British and Swedish parliaments: A rhetorical approach // Cross-cultural perspectives on parliamentary discourse [Ed. by P. Bayley]. – Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 2004. P. 45–86.

© Сивенкова М.А., 2010

Ю. Л. Смирнова
Челябинск, Россия

**ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭВФЕМИЗМ
КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЯЗЫКА СМИ
В ПРЕДВЫБОРНЫХ КАМПАНИЯХ
ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ СТРАН**

ГСНТИ 16.21.27

Аннотация. Статья посвящена средствам массовой информации и их роли в демократических государствах. Освещается такое понятие, как «политические эвфемизмы», которые образуются преимущественно по морально-этическим причинам и тесно связаны с установкой на преодоление различных видов дискриминации. Освещая политическую систему страны, СМИ сближают представителей власти и граждан. Это четко прослеживается во время выборов. Анализируя тексты предвыборных выступлений и приводя примеры, автор показывает, что в некоторых случаях политически корректным эвфемизмам присуща и функция маскировки отрицательного понятия, вуалирования сущности обозначаемого. Таким образом, затрагивается понятие «политкорректности», которая является неотъемлемой частью политических публикаций.

Ключевые слова: средства массовой информации; политкорректность; политический эвфемизм; манипулятивно-управленческая функция.

Сведения об авторе: Смирнова Юлия Леонидовна, аспирант.

Место работы: Челябинский государственный педагогический университет.

Контактная информация: г. Челябинск, ул. Свободы, д.139, кв.38.
e-mail: privet_julia@mail.ru.

Yu. L. Smirnova
Chelyabinsk, Russia

**POLITICAL EUPHEMISM
AS A CONSTITUENT OF MASS MEDIA
LANGUAGE OF ELECTION CAMPAIGNS
IN DEMOCRATIC COUNTRIES**

Код ВАК 10.02.20

Abstract. This article is devoted to the mass-media and their role in the democratic countries. Such concept as «political euphemisms» is described, which is formed mainly for the moral-ethical reasons and is closely connected with the purpose of overcoming of various kinds of discrimination. Throwing light on political system of the country, mass-media pull together representatives of the power and citizens. It can be clearly seen during elections. Analyzing texts of pre-election performances and giving examples, the author shows that in certain cases the function of masking of negative concept, veiling the essence of the designated is inherent in politically correct euphemisms as well. So, the concept "political correctness" which is an integral part of political publications is mentioned.

Key words: the mass-media; political correctness; political euphemism; administrative function of manipulation.

About the author: Smirnova Yulia Leonidovna, Post-graduate Student.

Place of employment: Chelyabinsk State Pedagogical University

д.139, кв.38.

Средства массовой информации (СМИ) являются важным элементом в проведении демократических выборов. Свободные и справедливые выборы не сводятся к тому, чтобы отдать свой голос в либеральной атмосфере. В их ходе должен быть обеспечен доступ к адекватной информации о партиях, проводимой кандидатом политике, а также о самом избирательном процессе, для того чтобы избиратели могли сделать осознанный выбор на основе достаточной информации. Демократические выборы без свободы СМИ оказываются словосочетанием, не имеющим смысла.

Правда, существует мнение, что в современных западных демократиях "свободные СМИ" – условность, миф. Действительно, на Западе много табуированных тем. Например, требование политкорректности – явная разновидность цензуры. Говоря о политкорректности, нужно отметить, что сами идеи политкорректности зародились в США – стране, где проблемам межкультурных и межконфессиональных отношений уделяется значительное внимание и культурно-поведенческий аспект политической корректности является доминирующим.

Однако мифология "свободы слова" является неотъемлемой частью политической куль-

туры демократических стран и не подвергается сомнению.

В демократических странах СМИ – "агент" общества, который присматривает за государством. Задача СМИ – следить за чиновниками, чтобы они не злоупотребляли властью, не нарушали права граждан и т. д. Идея прозрачности западных демократий в том и состоит, что государство должно быть максимально открытым для граждан.

Во время предвыборных кампаний СМИ действуют основные свои функции, такие как:

– информационная функция, которая является важнейшей функцией СМИ. Она состоит в получении и распространении сведений о наиболее важных для граждан и органов власти событиях. Добываемая и передаваемая массмедиа информация включает не только беспристрастное, фотографическое освещение тех или иных фактов из политической и личной жизни кандидата в президенты, но и их комментирование и оценку;

– идеологическая функция (социально-ориентирующая), связанная со стремлением оказать глубокое влияние на мировоззренческие основы и ценностные ориентации аудитории, на самосознание людей, их идеалы и стремления, включая мотивацию поведенческих актов;

– манипулятивно-управленческая функция является важнейшей, так как СМИ влияют на характер наших ценностей, изменяют установки, модели поведения и восприятия действительности. Они формируют мифы и стереотипы. Сознание человека сегодня подчас не в силах сопротивляться такому манипулированию, в результате чего он становится объектом информационной агрессии и агитации. СМИ склоняют или пытаются склонить гражданина на сторону конкретного будущего политического лидера.

В печатных СМИ почти все политические действия осуществляются на сегодняшний момент при помощи политического манипулятивного дискурса, целью которого является прежде всего борьба за власть, ее распределение и использование для управления массами.

Со временем во многом изменились методы коммуникативного воздействия на адресата, и в политическом дискурсе это особенно ярко выражено. Современные подходы к манипуляции делают возможным появление в сознании адресата всевозможных и необходимых манипулятивных картин мира.

Если говорить конкретно о том, как формируется политическая речь (особенно если она будет представлена массам), то можно выделить ряд характеризующих ее особенностей.

Во-первых, никогда не говорится о средствах реализации тех или иных социальных программ. Опытный политик всегда будет призывать к целям, он будет рассказывать о том, как хорошо станет всем, если его выберут или поддержат в плане осуществления программ и идей. Обычного человека всегда легко поймать на описании таких красочных картин будущего. Иллюзия создана, слова подействовали, а о средствах умалчивается.

Во-вторых, речь политика подготавливается заранее. И она действительно проста по своему содержанию, легка для понимания представителями общества. Как было сказано выше, речь создают таким образом, что она избавлена от политической терминологии и профессионализмов для наилучшего восприятия адресатом и, соответственно, создания наиболее эффективной базы для внедрения в сознание реципиента потребительских идей и различного рода иллюзий. Важную роль в таком случае играет имидж политика, а именно то, как он себя позиционирует перед группой людей. Одной из манипулятивных стратегий в данной ситуации является создание образа «я как все, как простой народ». Пожалуй, именно поэтому политический дискурс упрощается в настоящее время в плане языковых средств; политики позволяют себе даже использование в речи жаргонизмов, и в целом оперируют наиболее употребительной лексикой. Среди экстралингвистических элементов в данном типе дискурса можно отметить, например, что политики (дабы быть ближе к народу) стараются одеваться

проще, выглядеть более естественно, «как все».

В-третьих, анализируя политический дискурс, можно выявить стратегии, основной «удар» которых приходится на чувства адресата. Рассмотрим следующий лозунг: «Ты гражданин своей страны? Тогда ты вправе выбирать свою судьбу. Голосуй!..» Если эксплицировать действительный смысл, скрытый за такими на первый взгляд логически не связанными словами, то вывести можно следующее: «Если ты не проголосуешь, ты не гражданин своей страны и ты не ответственен за свою судьбу». В сознании адресата все интерпретируется именно так, вследствие чего возникает внутренний конфликт, борьба, победу в которой одерживает, как правило, манипулятивный ход, стратегия, а не здравый смысл.

Если рассматривать политический дискурс с точки зрения лингвистики, то можно отметить наличие политического эвфемизма в текстах СМИ. В последнее время наблюдается тенденция не ограничивать политический дискурс рамками профессионализма и делать его доступным каждому представителю общества.

Как и собственно «эвфемизм», «политический эвфемизм» имеет несколько определений, в которых обозначены особенности, выделяющие его среди других эвфемизмов: функционирование в текстах политической коммуникации с целью сокрытия неприятных сторон действительности за счет смягчения и искажения смысла описываемого факта. Однако использование политического эвфемизма обусловлено несколькими факторами: ряд ограничений правового характера на использование языковых средств выражения прямой негативной оценки в текстах политической коммуникации; соблюдение правил культурной корректности в современном обществе; большая эффективность воздействия на аудиторию при имплицитном (скрытом) способе передачи информации.

В предвыборных кампаниях основная задача СМИ – сблизить представителей власти и граждан. Проанализировав тексты выступлений Николя Саркози и Барака Обамы в течение президентских выборов, мы выявили основные функции политических эвфемизмов, которые часто встречались в политических публикациях.

Исключение расовой и этнической дискриминации

Барак Обама вместо *black* употребил выражение *member of the African diaspora* [The Economist. 04.2008).

Николя Саркози: *un afro-américain / un Américain d'origine africaine* [Paris Match. 10.2006], где *un afro-américain* – эвфемистическая единица.

Исключение дискриминации по социальному статусу

Барак Обама: *economically disadvantaged, low-income* вместо *poor*.

Николя Саркози для «Le Nouvel Observateur»: *un handicapé économique / un pauvre, une personne démunie, une personne en situation précaire* [Le Nouvel Observateur. 01.2007]; *un handicapé économique* – эвфемистическая единица.

Смягчение возрастной дискриминации

Барак Обама: вместо *old – senior, mature, seasoned* [The New York Times.12.2007].

Николя Саркози: *vieux / senior*, где *vieux* – эвфемистическая единица; *les grands vieillards / personne du quatrième âge d'âge* [Le Nouvel Observateur. 01.2007]; *les grands vieillards* – эвфемистическая единица;

Связь с защитой окружающей среды, животного мира

Барак Обама: *animal companion, free-roaming animal* вместо *wild animal*.

В предвыборных кампаниях на пост президента можно отметить эвфемизмы, соотносящиеся с идеями политической корректности:

– эвфемизмы, отвлекающие от негативных экономических последствий: англ. *period of negative economic growth, to downsize*; рус. *свободные цены, сокращение штата*;

– эвфемизмы, направленные на прикрытие антигуманной политики государства, особенно агрессивных военных действий: англ. *pacification, limited air strike, air support, device, collateral damage* и др.;

– эвфемизмы, направленные на скрытие недостатков общества, на слишком высокий уровень криминальности. В статье о борьбе с преступностью во Франции Николя Саркози вместо *un criminel* употребил словосочетание *une victime de la société* [Le Nouvel Observateur. 07.2006].

Основной функцией политически корректных эвфемизмов следует признать функцию смягчения. Политически корректные эвфемизмы образуются преимущественно по морально-этическим причинам и тесно связаны с установ-

кой на преодоление различных видов дискриминации. В некоторых случаях политически корректным эвфемизмам присуща и функция маскировки отрицательного понятия, вуалирования сущности обозначаемого.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. – М.: Сов. энцикл., 1990. С. 136–137.

Баскова Ю. С. Эвфемизмы как средство манипулирования в языке СМИ: на материале русского и английского языков: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Краснодар, 2006.

Демьянков В. З. Интерпретация политического дискурса в СМИ // Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования: учебное пособие. – М.: Изд-во МГУ, 2003. С.116–133.

Ковшова М. Л. Семантика и прагматика эвфемизмов: Краткий тематический словарь современных русских эвфемизмов: моногр. – М.: Гнозис, 2007.

Э. Косериу. Синхрония, диахрония и история (Проблема языкового изменения). – М.: Эдиториал УРСС, 2003.

Костомаров В. Г. Русский язык на газетной полосе. – М., 1971.

Ларин Б. А. Об эвфемизмах // Проблемы языкознания: сб. статей, посвящ. 75-летию акад. И. И. Мещанинова. – Л.: ЛГУ, 1961. С. 110–124.

Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. – М.: Эдиториал УРСС, 2001.

Тарасов Е. Ф. Языковое сознание // Вопросы психолингвистики. 2004. №2. С. 32–45.

Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса: дис. ... доктора филол. наук. – Волгоград, 2000.

Шор Р. О. Язык и общество. – М.: Работник просвещения, 1926.

Яковлева Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира. – М.: Гнозис, 1994.

URL: http://aprol-pro.narod.ru/student/english/diskurs_manipulative.html.

© Смирнова Ю. Л., 2010

Собиянэк К.
Лодзь, Польша

Sobijanek K.
Lodz, Poland

**ОБРАЗ РОССИИ
И СТЕРЕОТИПЫ ЕЕ ВОСПРИЯТИЯ В ПОЛЬШЕ
(по материалам публикаций Анджея де Лазари)
ГСНТИ 16.21.27**

**IMAGE OF RUSSIA AND STEREOTYPES
OF ITS PERCEPTION IN POLAND
(on the basis of publications by Andrzej de Lazari)**

Код ВАК 10.02.19

Аннотация. В статье анализируются работы известного польского ученого Анджея де Лазари, посвященные польско-русским отношениям и влиянию на них устоявшихся культурных стереотипов. Характеризуются культурные стереотипы, различия в семантических полях отдельных слов в русском и польском языках, рассматриваются отношения Польши и России на государственном уровне, а также с точки зрения культурных связей и взаимовлияний двух стран.

Abstract. The article presents analysis of the works by the famous Polish scholar Andrzej de Lazari, which are devoted to Polish-Russian relations and influence of cultural stereotypes on them. Cultural stereotypes, differences in semantic fields of some words in Russian and Polish are disclosed. The author describes relations between Poland and Russia on the state level and from the point of view of cultural connections and influence of these countries on each other.

Ключевые слова: культурный стереотип; культурная запрограммированность; русскость; советскость; польско-русские отношения; семантическое поле; русофобия.

Key words: cultural stereotype; cultural programming; russianism; sovietkost'; Polish-Russian relations; semantic field; russophobia.

Сведения об авторе: Катажина Собиянэк, магистр, аспирантка Института русистики.

About the author: Katarzyna Sobijanek, Master, Postgraduate Student of Institute of Russian Philology.

Место работы: Лодзинский университет

Place of employment: University of Lodz.

Контактная информация: ul. Kusocinskiego 86b/50 94-043 Lodz (Лодзь).

e-mail: jekaterina.83@mail.ru.

Все люди видят мир не таким, какой он есть,
а таким, каковы они сами.

С. Кови

Анджей де Лазари – доктор гуманитарных наук, профессор; польский политолог, историк философии и идей, филолог, советолог, публицист и переводчик, преподаватель Лодзинского университета; он руководит Междисциплинарным центром советологических исследований, издающим книги в серии «Идеи России» и одноименный русско-польско-английский лексикон (тт. 1–5, Варшава–Лодзь, 1999–2003). Под его редакцией вышли многочисленные научные труды междисциплинарного характера, в том числе «Польская и русская душа. Современный взгляд», «Поляки и русские в карикатуре друг на друга» и «Каталог взаимных предубеждений поляков и русских», в котором представлены статьи польских и российских ученых, занимающихся изучением взаимных стереотипов.

В чрезвычайно богатом списке научных и публицистических текстов Анджей де Лазари представляет широкому кругу читателей свою точку зрения на проблемы России, Польши, сложных польско-русских и русско-польских взаимоотношений, комментирует существенные для обоих народов текущие события политического и социокультурного характера, предлагает концепцию «культурной запрограммированности», почерпнутую из дефиниции культуры Гирта Хофстеда, которая становится стержнем его многолетних исследований вышеупомянутых вопросов с учетом этнополитического, исторического, культурного и социокультурного контекстов. (Гирт Хофстед определяет культуру

следующим образом: «коллективная ментальная запрограммированность, часть предопределенности нашего восприятия мира, общая с другими представителями нашей нации, региона или группы и отличающая нас от представителей других наций, регионов и групп». По Хофстеду, мы все – запрограммированы. Другими словами, независимо от места проживания мы, вольно или невольно, усваиваем с раннего детства образ мыслей и поведение людей, живущих рядом. [Хофстед 2007].) С опорой на упомянутую дефиницию ученый объясняет причины взаимных предубеждений, функционирование зафиксированных в народном сознании стереотипов и менталитета, которые формируются на протяжении веков. Исторический опыт и народная память представляют собой не менее важные компоненты в толковании взаимных польско-русских отношений, проявляющихся на уровне мышления и воображения обыкновенного представителя польской национальности, в образе, сообщаемом посредством СМИ, а также в области политических решений. К примеру, корни русофобии, а также путинофобии присутствуют в польском мышлении, о чем неоднократно упоминал проф. де Лазари. Их можно обнаружить в личных и публичных высказываниях, в научном и публицистическом дискурсе. Из опроса центра ГФК «Полония» для «Жечипосполитой» в марте 2009 года следует, что Владимир Путин лидирует в рейтинге самых враждебных политиков:

56% польских граждан боятся его (на втором месте Эрика Штейнбах – 38%, на третьем – президент Ирана Махмуд Ахмадинежад: 26%). Россия же для нас страна, которая проводит политику, угрожающую безопасности Польши (58%).

Однако самое главное заключается не в обнаружении явления, а в поисках его источника. Профессор справедливо усматривает одну из причин в несовпадении польской и русской точек зрения, к примеру, на вопрос демократии, период правления президента Бориса Ельцина или на рецепцию Варшавского восстания. Не желая релятивизировать правду, следует все-таки отметить, что каждая из сторон имеет свой опыт и взгляд на историю и защищает свою точку зрения, зависящую от „местонахождения“, исторического опыта и окрашенную чертами собственного менталитета и культуры. Очевидно, каждая из сторон будет защищать «свою правду» о данном событии или явлении. Компромисс достичь трудно, особенно если события являются важными, болезненными и состоялись в недалеком прошлом, и раны не успели еще зажить. С другой стороны, старательная работа Польско-российской комиссии по трудным вопросам приносит результаты и дает основу для формирования взаимоотношений в будущем. Плодотворное сотрудничество ученых из обеих стран способствует выработке компромисса и, следовательно, примирению народов на уровне исторических фактов.

Интересным вопросом, на который мы хотели бы обратить внимание, является семантическое поле слова *русский* в польском восприятии. На этот раз мы не будем анализировать понятий *русский* и *россиянин* и делать акцент на затруднении в переводе на польский язык, в котором оба слова звучат одинаково: *Rosjanin*. Подробно можно об этом прочесть хотя бы в статье Анджея де Лазари «Русскость, советскость и российскость в польской культурной запрограммированности», который добавляет к этим понятиям следующее: *советский*, и констатирует: «Поляки растерялись и не только не различают понятий «русский» и «россиянин», но все чаще опять отождествляют их с советскостью. Некогда существовало себе советское государство, а в нем среди прочих жили русские – с русской культурой, языком и т. п. Были советские конституции и институты, был даже советский народ и советский человек <...> Теперь мы растерялись и не в состоянии найти польские эквиваленты <...> Правда, русские россияне тоже с этим делом не справляются» [Лазари 2005: 5].

При этом следует подчеркнуть, что отмеченный языковой факт хорошо отражает польское восприятие понятия *русскости* и жителей Российской Федерации. Можно даже рискнуть и выдвинуть гипотезу, что эта унификация предопределила польское восприятие. Как полагаем, слово *русский* в унифицированном польском

толковании употребляется в узком значении. Образ современного русского человека сводится в основном к москвичам и петербуржцам. Такие названия, как Казань, Иркутск, Соловецкие острова или остров Сахалин, представляют собой интересный материал лишь для польских историков, этнографов или любителей туристических походов. В сознании заурядного поляка Сибирь ассоциируется с местом ссылки политических заключенных и болезненной лагерной темой, почерпнутой из рассказов старших членов семьи и произведений Александра Солженицына, Густава Херлинг-Грудзинского. За рамки герметического образа прошлого относительно редко кто-нибудь пытается взглянуть. В качестве исключения можно привести текст «Wilczy Notes» [Wilk 1998]¹ Мариуша Вилька, польского эссеиста, путешественника и журналиста, переведенный на русский язык и опубликованный под заглавием «Волчий блокнот», который посвящается Соловкам. Несмотря на присутствие некоторых противоречивых взглядов и спорных вопросов, следует подчеркнуть попытку автора показать «лагерный район» России по-другому, освобождая читателя от тяжелого бремени прошлого и пытаясь выдвинуть на первый план повседневную жизнь жителей Соловков, ее специфику и бытовые проблемы, а также познакомить польского читателя с природными условиями островов и экзотическим колоритом. Автор передает в записках свои впечатления от архипелага, обогащая их историческими и культурологическими контекстами, поэтическими отступлениями. Благодаря этому читатель имеет возможность почти прикоснуться к описываемым местам и одновременно проверить работающие в его сознании схемы. Вильк пытается их сломать. В прессе и новостях, выпускаемых на публичных каналах, преобладает другой образ России. В СМИ чаще всего упоминаются фамилии президента и премьера РФ, политика Газпрома, «новые русские» и деятельность московских олигархов, природные аномалии, основные христианские праздники и, окказионально, фамилии современных деятелей русской культуры и важные культурные мероприятия с участием русских артистов, состоявшиеся в Польше.

Как оказывается, таких культурных мероприятий, имеющих циклический характер, можно найти много. К примеру, в Лодзи особым почтением и симпатией пользуется хореограф Борис Эйфман и его балетные спектакли, которые ежегодно притягивают множество поклонников искусства в лодзинский Большой театр, а также международный фестиваль театральных школ, организованный Высшей школой кинематографии, телевидения и театра в городе

¹ *Wilczy notes*, написанный на польском языке в 1998 году и переведенный на русский язык в 2006 году, был номинантом престижной польской литературной премии «Никэ».

Лодзь, ежегодное мероприятие «Спутник», то есть просмотр русских фильмов, устраиваемый в крупнейших городах Польши, фестиваль древней музыки в Ярославле с сильным представительством русских хоров или гастроль Большого театра, хора Александра и Российского государственного ансамбля «Березка», которые широко известны польскому зрителю и слушателю. На Первом публичном канале, непубличном канале «АлеКино» и канале «Культура» каждую пятницу демонстрируются фильмы русских и советских режиссеров, достижения новейшей русской кинематографии, к примеру «Возвращение» и «Изгнание» А. Звягинцева, «Александра» А. Сокурова, «Девятая рота» Ф. Бондарчука, «Двенадцать» Н. Михалкова или ТВ-сериал «Мастер и Маргарита» в постановке Владимира Бортко. На издательском рынке можно приобрести переводы на польский язык произведений русских прозаиков, поэтов и драматургов, притом не только классиков, но также современных художников слова, например В. Сорокина, В. Ерофеева, Т. Толстой, В. Пелевина, Б. Акунина. Широкой популярностью пользуются рассказы и романы русских фантастов, в том числе С. Лукьяненко, В. Головачева, А. Громова, Н. Перумова, А. Лазарчука и братьев Стругацких.

Несомненно, культура и наука являются областями, в которых поляки и русские находят общий язык. Более того, здесь можно заметить взаимопонимание, взаимный интерес и взаимное уважение. Польская и русская культуры нередко вдохновляют друг друга, что легко заметно в театральном репертуаре и кино, в списке музыкальных фестивалей и международных встреч, затрагивающих проблемы современной культуры. К области культуры можно еще добавить сферу науки, которая плодотворно развивается, несмотря на политические постановления и экономические условия. Обмен научными исследованиями и мнениями происходит во время симпозиумов, в рамках научных школ и международных конференций, в числе которых следует назвать периодическую лингвистическую конференцию с политико-культурным уклоном, проходящую в окрестностях Екатеринбургa. Среди польских ученых, занимающихся темой России и польско-русских отношений, следует упомянуть Анджея Валицкого, выдающегося польского историка польской и русской философии, его ученика Анджея де Лазари, Ежего Помяновского, польского переводчика, основателя и редактора журнала «Новая Польша», профессора Викторю Сливовскую, известного польского историка, и Анджея Дравича, литературного критика, эссеиста, знатока, энтузиаста и переводчика русской литературы. Кроме того, к этим известным и знатым фигурам следует причислить ряд польских филологов, лингвистов, философов, культурологов, историков, политологов и социологов, серьезно исследующих русскую культуру, мысль, исто-

рию и социокультурные явления. Безусловно, наука и культура остаются мощным орудием дипломатии и точкой встречи польскости и русскости.

Итак, если проследить образ России и русского человека в польских средствах массовой информации, окажется, что он ограничивается сообщениями о высказываниях и решениях президента и премьера РФ, чаще всего не устраивающих Польшу с точки зрения политических и политико-экономических интересов. Бремя истории оставляет значимый след в восприятии и интерпретации фактов. Здесь работает принцип: «Точка зрения зависит от местонахождения». Оказывается, очень трудно выйти человеку за рамки культуры, в которой он вырос и сформировалось его мировоззрение, менталитет, в которой действуют определенные стереотипы. «Человек живет в тюрьме культуры», – заявляют культурологи [Buszta 2008]. Чтобы принять и попытаться понять другую культуру, он должен освободиться от бремени культуры-матрицы и попробовать выйти за ее пределы. Этот мучительный процесс, который учит человека смирению и терпеливости, осуществляется путем взаимного наложения разных взглядов на историю, политику, религию, ценности и ставит под вопрос «очевидные очевидности», заставляет увидеть себя как носителя багажа определенной культуры. Осознав это, человек может попытаться взглянуть должным образом на чужую культуру, увидеть проблему со стороны и, вместо предвзятой оценки по принципу «хороший – плохой», признать отличие другой культуры.

Проявления русофобии и чувство опасности со стороны России заметны в высказываниях некоторых политиков, журналистов и обычных граждан Польши, принадлежащих как к старшему, так и младшему поколению. Атмосфера недоверия лишает многих возможности посмотреть на проблему или факт, выйдя за пределы усвоенной схемы. В качестве примера можно привести речь Владимира Путина, произнесенную на Вестерплатте 1 сентября 2009 года, о которой высказывает свое мнение профессор де Лазари [Lazari, Rzeczypospolita 2009], упрекая ту часть польского общества, которая односторонне и отрицательно оценила визит премьера РФ. Естественно, и другие отклики на визит В. Путина, в том числе более умеренные, можно было прочесть в польской прессе (ср.: *Z Rosjanami można i warto rozmawiać // Gazeta wyborcza. 02.09.2009. URL: http://wyborcza.pl/1,76842,6991421,Z_Rosjanami_mozna_i_warto_rozmawiac.html; *Putin na Westerplatte – zajmijcie się własnym paktem z Hitlerem // Newsweek: 01.09.2009. URL: [http://www.gazetaprawna.pl/wiadomosci/artykuly/](http://www.newsweek.pl/artykuly/sekcje/polska/putin-na-westerplatte---zajmijcie-sie-wlasnymi-paktami-z-hitlerem,43010,1; Wystąpienie Putina na Westerplatte twarde i ostre // Gazeta prawna. 01.09.2009. URL: <a href=)**

348663,wystapienie_putina_na_westerplatte_twarde_i_ostre.html.).

Образ России чаще всего замкнут на образе Москвы и Петербурга. Россия вызывает ассоциации с Катынью, сейчас также с катастрофой в Смоленске, со ссылками в Сибирь, жертвами и вождями коммунизма, беспощадным самодержавием. Одновременно с необъятным пространством, водкой, икрой и чаепитием, матрешкой, достижениями в области физики, авиации, балета и мощной литературы. Другой взгляд на Россию пытаются представить польские путешественники, описывающие свои приключения, передающие собственный опыт, замечания и воспоминания, почерпнутые из путешествий в крайние точки и нетуристические районы России, лишённые европейских стандартов и элементарных удобств, которые остались прозрачными в повседневной цивилизационной суете. Голос Ришарда Капуцинского, классика современного литературного репортажа, в книге «Империя» узнаваем многими поляками. Репортаж Яцека Хуго-Бадера «Белая горячка» представляет собой опыт путешественника-журналиста, которому интересны не мишура курортных местностей и развивающихся городов с преуспевающими жителями, а жизнь «нищего» русского человека «с изнанки», живущего согласно определенным принципам в провинции или в глухом захолустье. Все на первый взгляд забытое, несущественное и недостоинное внимания привлекает Хуго-Бадера, который свои замечания и наблюдения приводит на страницах репортажа о России. Следует еще упомянуть книгу «Пандрешка» журналистки Кристины Курчаб-Редлих, которая сосредотачивается на описании бытовой жизни в Москве. В отличие от вышеупомянутых авторов репортажей, журналистка выступает с позиции «чужого», описывая окружающее. Она отгораживается стеной собственной культуры и воспринимает Москву и ее жителей, исходя из польской запрограммированности, наделенной определенными стереотипами и предубеждениями, которые наполняются содержанием в контакте с живым культурным материалом.

На наш взгляд, ознакомление с текстами репортажами, книгами, описывающими богатую фауну и флору, жителей и образ жизни азиатской части России, разнообразие национальностей, традиций, верований и культур граждан Российской Федерации было бы полезным и обогащающим, а также разрушающим некоторые стереотипы и мифы уроком для поляков и других иностранцев. Вероятно, осознание территориальной протяженности и национального разнообразия Российской Федерации (само слово федерация уже об этом свидетельствует, ведь «федерация» (от лат. foederatio – союз, объединение; англ. federation; фр. federation) в многонациональных государствах – форма государственного устройства, при которой несколько гос-ных образований, юридически обладающих

определенной политической самостоятельностью, образуют единое союзное государство» [см.: <http://www.pravoteka.ru/>]) и этноисторических процессов привело бы к большему пониманию восточного «медведя» (см. об этом: [Лазари, Рябов, *Границы* 2008]; [Россомахин, Хрусталев, *Границы* 2008]).

Мы хотели бы отметить еще один факт, который не будем анализировать и интерпретировать. Мы сосредоточимся лишь на некоторых его последствиях в свете польско-русских отношений. Трагедия в Смоленске, произошедшая 11 апреля 2010 года, является пунктом схождения поляков и русских. В Польше в это время появляется очень много статей, посвященных России, реакция русских на произошедшее событие, цитируются высказывания политиков, журналистов и обыкновенных граждан. В центре внимания СМИ находятся Владимир Путин и Дмитрий Медведев, их жесты, решения и речь президента РФ [<http://wiadomosci.wp.pl/kat,1356,title,Przelomowe-slowa-Miedwiediewa-Katyn-z-woliStalina,wid,12172902,wia-domosc.html>]. Поляки признают значимость показа фильма А. Вайды «Катынь» на российском Первом канале, объявление траура в России, жесты солидарности и соболезнование русского народа. В ответ популярный портал «Онэт.пл», общественно-политический двухмесячник «Новая Восточная Европа», католический общественно-культурный еженедельник «Тыгодник повшехный» и Фонд европейских исследований «Сарматия» обращаются к гражданам Российской Федерации с благодарностью и призывом к примирению польского и русского народов. Обращение, подписанное представителями польской интеллигенции, Католической церкви, журналистами и всеми желающими включиться в эту спонтанную акцию поляками, значительное количество которых представляет собой определенный противовес проявлениям русофобии, заканчивается словами: «Мы от всего сердца благодарны вам за добро, оказанное нам в эти дни, и преисполнены надежды, что сможем вместе с вами создать его в будущем – ради Польши, ради России, ради Европы и всего мира».

Первое серьезное исследование отношения поляков к русским, проведенное через три месяца после авиакатастрофы, показывает, что представленные декларации и желание диалога являются не эмоциональным и кратковременным порывом сердца, вызванным обстоятельствами, а свидетельством перелома в польском взгляде на Россию. Оказывается, что свыше 40% поляков (согласно опросу, проведенному Институтом исследований Millward Brown SMG/KRC) считает, что польско-русские отношения улучшились. «Мы наблюдаем повышение доверия России» [Czubkowska, Zieliński, *Gazeta prawna* 12.07.2010], – замечает проф. Ежи Помяновский. Свыше 40% польского общества усматривают в смоленской трагедии

не только акт страдания, но также акт примирения. Причину этого пытается объяснить проф. В. Марциняк, политолог и член Российско-польской группы по трудным вопросам: «Впервые с давних пор мы не услышали о опасной державе, а увидели общество, которое оказало сочувствие и проявило эмпатию» [Czubkowska, Zieliński, *Gazeta prawna* 12.07.2010]. Оказанная поддержка и искреннее сопереживание, соучастие в горе были очень важным свидетельством присутствия и близости русского народа польскому народу в трудный час. Простые жесты и слова способствовали процессу излечения ран и означали в данный момент больше, чем межнациональные договоры и постановления. Такое не забывается и побуждает даже самых заклятых противников серьезнее задуматься. Бесспорно, состояние народного траура является специфичным, беспрецедентным и временным явлением. Все произошедшее в его рамках требует переосмысления и продолжения в более повседневных условиях.

Подытоживая рассуждения вокруг публицистических текстов Анджея де Лазари и некоторых стереотипов, работающих в польском мышлении, мы приведем слова самого профессора, которые, на наш взгляд, достаточно верно констатируют культурный факт и дают надежду на углубление польско-русского диалога в результате осознанного процесса, направленного на взаимопонимание: «От стереотипов и предубеждений нам никуда не деться, нам остается их осознать. Осознание, понимание и описание культурного контекста этих предубеждений и разногласий, по-моему, поможет в их преодолении» [Лазари, *Gazeta Petersburska* 2009].

ЛИТЕРАТУРА

Захарова Т., Лазари А. де. «Меня раздражают политики и журналисты, которым нужен враг» // *Gazeta petersburska*. 2009. № 9 (111). URL: <http://www.gazetapetersburska.org/pl/node/558>.

Лазари А. Русскость, советскость и российскость в польской культурной запрограммированности. Зарисовка вопроса // *Россия – Польша: Филологический и историко-культурный дискурс*. – Магнитогорск: 2005. С.1–7.

Лазари А. де., Рябов О. В. Русский медведь в польской сатирической графике межвоенного периода (1919–1939) // *Границы: Альманах Центра этнических и национальных исследований ИвГУ*. Вып. 2: Визуализация нации. – Иваново, 2008. URL: <http://cens.ivanovo.ac.ru/almanach/lazari-riabov-2008.htm>.

Россомехин А., Хрусталева Д. Россия как Медведь // *Границы: Альманах Центра этнических и национальных исследований ИвГУ*. Вып. 2: Визуализация нации. – Иваново, 2008. URL: <http://cens.ivanovo.ac.ru/almanach/rossomahin-khrustalev-2008.htm>.

Хофстед Г. Ментальная запрограммированность. URL: <http://www.kolontay.biz/article/000069.html> (дата обращения: 2007).

Buszta W. J. Świat jako więzienie kultury. Pomyślenia. – Warszawa, 2008.

Czubkowska S., Zieliński R. Rosji wybaczymy powoli // *Gazeta prawna*. 2010. 12.07. (№ 133). URL: <http://edgp.gazetaprawna.pl/index.php?act=mprasa&sub=article&id=308145>.

Lazari Andrzej de. Komunizm czy szowinizm? // *Rzeczpospolita*. 2009. 21.09. URL: <http://www.rp.pl/artykul/9133,366623.html>. = Перевод: Лазари А. де. Коммунизм или шовинизм? URL: http://inoforum.ru/inostrannaya_pressa/kommunizm_ili_shovinizm/.

Pravoteka. URL: <http://www.pravoteka.ru/enc/6333.html> / (дата обращения: 2006–2007).

Wiadomosci. URL: <http://wiadomosci.wp.pl/kat,1356,title,Przelomowe-slowa-Miedwiediewa-Katynz-woliStalina,wid,12172902,wiadomosc.html> (дата обращения: 2010-04-14).

Wilk M. Wilczy notes. – Gdańsk: Słowo-Obrazoterytoria, 1998.

УДК 316.6:32.019.5

Ю. Р. Тагильцева
Екатеринбург, Россия

**ЛОКАЛЬНЫЕ ИНФОРМАЦИОННО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ВОЙНЫ:
ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ***

ГСНТИ 16.21.27

Аннотация. В статье уделяется внимание проблеме развития и ведения локальных информационно-психологических войн между конфликтными сторонами в политическом пространстве России, а также приводится анализ последствий дезинформационных операций, осуществляемых через СМИ.

Ключевые слова: информационно-психологическая война; конфликт; воздействие; общественное мнение; оценка; СМИ.

Сведения об авторе: Тагильцева Юлия Ринатовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620057, Свердловская обл., г. Екатеринбург, ул. Таганская, д. 51а, кв. 146.
e-mail: jennifer1979@yandex.ru.

Yu. R. Tagiltseva
Ekaterinburg, Russia

**LOCAL INFORMATIONAL-
PSYCHOLOGICAL WARS:
PECULIARITIES OF DEVELOPMENT
IN MODERN RUSSIA**

Код ВАК 10.02.19, 10.02.01

Abstract. The article discusses the problem of development and conducting of local informational-psychological wars between conflict parties in the political space of Russia. The author analyzes consequences of disinformation action, carried out via Mass Media.

Key words: informational-psychological war; conflict; influence; public opinion; evaluation; Mass Media.

About the author: Tagiltseva Yulia Rinatovna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Advertisement and PR.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

* Исследование выполнено по гранту президента Российской Федерации для поддержки молодых российских ученых и ведущих научных школ (МК-3355.2009.6).

В современной науке все больше стали уделять внимание проблеме информационно-психологической войны и способам ее ведения (начало исследования было положено еще в 1990 г. в США). На сегодняшний день в России существуют фундаментальные работы, которые подробно раскрывают суть данного феномена: Г. Г. Почепцов «Информационные войны. Основы военно-коммуникативных исследований»; Н. Л. Волковский «История информационных войн»; А. В. Манойло «Государственная информационная политика в условиях информационно-психологической войны»; С. П. Расторгуев «Информационная война» и др.

Так, один из наиболее авторитетных исследователей данного вопроса, А. В. Манойло, в своей работе «Управление психологической войной в системе государственной информационной политики» выделяет несколько направлений, исследующих понятие «информационная война». К первой группе, по его мнению, принадлежат исследователи, которые относят информационно-психологические войны «к отдельным информационным мероприятиям, информационным способам и средствам корпоративной конкуренции, ведения межгосударственного противоборства, вооруженной борьбы, коммуникационным технологиям воздействия на массовое сознание с кратковременными или долговременными целями» [Манойло: Управление...]. Под подобную трактовку в результате попадают практически все типы коммуникаций, как политическая, так и социальная.

Вторую группу составляют ученые, рассматривающие информационно-психологиче-

скую войну как «комплексное совместное применение сил и средств информационной и вооруженной борьбы, комплекс информационной поддержки, информационных контрмер, мер информационной защиты, предпринимаемых в соответствии с единым планом и нацеленных на достижение и поддержание информационного превосходства над противником во время боевых действий» [Там же]. При данном подходе наблюдается узкая направленность цели ведения самой войны, а причина ее возникновения вытекает из сложных политических отношений, сложившихся между странами.

Третью группу представляют исследователи, предлагающие рассматривать информационно-психологическую войну как «явление внешне мирного периода межгосударственного противоборства, позволяющего решать внешнеполитические задачи несиловым в традиционном понимании путем» [Там же]. В рамках этого подхода исчезает сущность самого исследуемого явления.

Таким образом, мы видим, что подобное явление является динамичным процессом, характерным для современного этапа развития информационного общества, что, как следствие, ведет к неоднозначности смыслового наполнения термина «информационно-психологическая война» в научной сфере.

В данный момент нас интересует наиболее расширенное толкование понятия «информационно-психологическая война».

Общими принципами информационно-психологических войн являются:

– спланированность действий для достиже-

ния определенных целей (политических, экономических, идеологических);

– скрытое и анонимное информационно-психологическое воздействие на сознание и даже на подсознание, способное вывести из равновесного состояния и привести к конкретным действиям;

– использование различных типов информационно-психологического воздействия («ударов», «шоков», «вбросов», «блокад»);

– выстраивание информационного воздействия на различные общественные группы, сферы жизнедеятельности страны в соответствии с заданным алгоритмом;

– информатизация, способная привести к информационному доминированию как залого лидерства [Манойло: Информационно-психологическая война...].

Все вышеперечисленные принципы «полномасштабных» информационно-психологических войн являются универсальными: они реализуются как в глобальных информационно-психологических войнах, так и в локальных, «малых», которые особенно характерны для современной политической ситуации на т. н. «постсоветском» пространстве (взаимоотношения между политическими элитами бывших республик Советского Союза, переплетение политических, идеологических и экономических интересов).

Локальные («малые») информационно-психологические войны являются одним из дешевых, доступных и достаточно эффективных средств достижения цели, поэтому они наиболее распространены в современном информационном обществе. Дело в том, что «малые» информационно-психологические войны отличается, во-первых, всеобъектность, т. е. они осуществимы в различных сферах общественной коммуникации. Во-вторых, целенаправленность подобных конфликтов тоже может быть разнообразной: от нападения до поиска консенсуса. И в-третьих, «малые» информационно-психологические войны часто бывают отзвуками «глобальных» конфликтов: часто они являются на первый взгляд незаметными звеньями одной цепи, и бывает, что только по прошествии времени становится понятна их общая логика.

На современном этапе наблюдается динамика методов ведения информационно-психологических войн: те средства, которые рассматривались в качестве дополнения в «больших» информационно-психологических войнах, в «малых» нередко выполняют доминирующую, ведущую роль. Это прежде всего касается выхода на первый план иронии как одного из главных средств ведения «боевых действий». Журналистские тексты иронического характера способны показать несостоятельность, нелепость объекта воздействия эффективней разоблачающих инвектив. Преобладание подобных текстов в СМИ мы наблюдали на примере «молочного» конфликта, разразившегося между

Россией и Белоруссией. Кроме того, и это важный момент, который мы собираемся впоследствии рассмотреть отдельно, конечной целью «локальных» информационно-психологических войн, как это ни парадоксально, нередко оказывается не полное ниспровержение противника, а постепенное (пусть и с позиций силы) сглаживание обострившейся ситуации, установление определенного паритета и поиск обоюдного компромисса. Таким образом, проявляется тенденция к трансформации старых методов ведения информационно-психологических войн, и открываются новые горизонты их трактовки и интерпретаций.

В июне 2009 года в СМИ прокатилась очередная взрывная информационная волна, связанная с внезапным «молочным конфликтом», разгоревшимся между некогда братскими республиками – Россией и Белоруссией. В памяти сразу же всплыли печальные воспоминания о грузинском и молдавском вине, латвийских шпротах. И все стали ждать, чем все это закончится.

Итак, данный конфликт, возникший между «республиканскими» странами, можно считать «малой» информационной войной, поскольку он, во-первых, был спровоцирован локальным поводом – «несоответствие белорусского молочного продукта российским стандартам качества, применяемым к подобным продукциям». (Конечно, одновременно появились и другие версии. Так, по слухам, основным поводом противоборства стало лоббирование интересов российских производителей молочной продукции на территории Белоруссии.)

Во-вторых, конфликт касался прежде всего экономической сферы, а не всего комплекса межгосударственных отношений, тем более двух стран, официально образующих единый государственный союз. Таким образом, геополитическая подоплека этого конфликта сразу исключается.

Целью данной «малой» информационной войны стало заставить одну сторону – Белоруссию – действовать в желательном для России направлении: «соблюдение основных российских требований качества молочной продукции, ввозимой в страну». Таким образом, получаем, что «первоначально» ставилась следующая цель: «защита интересов российского потребителя и производителя молочных продуктов». Конечно, не исключалось и стремление лоббировать интересы российских производителей.

В рамках данного противоборства были применены информационно-психологические или дезинформационные операции, которые осуществлялись путем доведения до объектов воздействия (в нашем случае обе стороны активно воздействовали друг на друга) специально подготовленных сведений через средства массовой информации. Так, в отечественных СМИ сразу была подана массивированная официальная версия – «на территорию России бы-

ла ввезена молочная продукция, не соответствующая стандартным качествам, из-за отсутствия соответствующей документации», поэтому партия задержана и проходит госконтроль. В ответ на подобные обвинения со стороны Белоруссии последовало опровержение и, более того, было дано свое видение произошедшего. Подобная акция со стороны России, по мнению белорусской стороны, была продиктована тем, что белорусские производители были возмущены действиями российских предпринимателей, желавших скупить белорусские молочные заводы, т. е. провести передел молочной и мясной промышленности. Таким образом, действия России носят демонстративный характер.

В качестве основных элементов информационно-психологического воздействия были применены:

1) Манипулирование – со стороны Белоруссии была предпринята попытка воздействовать на мировое общественное мнение, имеющее свои рычаги воздействия на Россию, посредством представления себя в роли «жертвы». Президент Белоруссии А. Лукашенко отказался принимать участие в сессии ОДКБ, как отмечает источник Интерфакса, пояснив это «невозможностью обсуждать вопросы военной безопасности в условиях, когда под угрозу ставится экономическая безопасность Белоруссии» [Лукашенко пригрозил...].

2) Дезинформирование – до общественности обеих сторон и ЕС нередко доводилась искаженная информация о событии – «молочном конфликте», содержащая частично вымышленные аспекты, с целью ввести в заблуждение и таким образом спровоцировать на определенные действия.

3) Лоббирование – создание ситуации – «запрета на ввоз», которая бы побудила объект к реализации интересов субъекта. В нашем случае лоббирование было завуалировано для общественности, но понятно, явно для обеих сторон на уровне правительств.

4) Шантаж – в ходе конфликта обеими сторонами были выдвинуты угрозы: со стороны Белоруссии – отказ в доступе к газопроводу, проходившему по ее территории, в ответ Россия заявила о возможном повышении платы за транзит. В довершение всего, 17 июня 2009 г. стало известно, что российская газовая монополия «Газпром» потребовала от «Белтрансгаза» возврата 231 миллиона долларов – разницу, которая не была перечислена из-за устного соглашения Александра Лукашенко и Дмитрия Медведева о поставках российского газа по сниженной цене в 150 долларов за тысячу кубометров.

Таким образом, каждая из конфликтующих сторон была замечена в стремлении реализовать умышленные действия, направленные на оказание воздействия на объект (причем каждая из сторон побывала в двух ипостасях – и объектом, и субъектом воздействия).

Итак, основными средствами и способами этой «малой» информационной войны стали информационное оружие и средства и способы экономического (частично и политического) влияния.

Итоги: цель любой войны, в том числе информационной, – достижение мира на условиях лучших, чем предыдущие. Как с этой точки зрения стоит рассматривать итоги «молочной войны»? Во-первых, следует отметить, что конфликт «затух» также неожиданно, как и разгорелся. Во-вторых, официальная позиция обеих сторон была весьма сдержанной, и никто не стал заявлять о своей «победе». После ряда весьма резких высказываний самых высокопоставленных чиновников РФ и Белоруссии тон сменился на сугубо деловой и умиротворяющий.

Следовательно, в ходе конфликта было достигнуто понимание того, что дальнейшая эскалация бесперспективна для обеих сторон, не приведет к улучшению позиций, а, наоборот, скорее дискредитирует политический имидж участников конфликта в глазах мирового сообщества и собственной общественности. Об этом свидетельствует и достаточно ироничное отношение к конфликту как в западных, так и в значительной части независимых российских и белорусских СМИ. Фактически получилось так, что обе стороны достигли удовлетворительных для себя результатов, дальнейшее развитие конфликта, скорее, могло принести и политический, и экономический ущерб, вследствие чего был достигнут вполне закономерный и оправданный консенсус.

Как отмечалось выше, в ходе проведения «молочной» информационной войны были применены информационно-психологические или дезинформационные операции, которые осуществлялись через СМИ. И здесь, на наш взгляд, достаточно интересно проанализировать способы подачи «молочного конфликта» в печатных и интернет-СМИ по следующим параметрам: преобладающая тональность высказывания, авторская позиция и речевые способы ее выражения.

Итак, в период разгара конфликта в российских официальных СМИ появились заявления типа «молочная война», «молочный конфликт», «конец российско-белорусским отношениям». Кстати оказался и давно уже приклеившийся к президенту Белоруссии А. Лукашенко штамп «батяка», отсылающий таким образом к казачьему «батяка-атаман». Подобные высказывания, как мы видим, относятся к военной лексике, что свидетельствует о серьезности сложившейся ситуации. Однако тональность подобных публикаций отличается суровой, порой настораживающей сдержанностью: нет каких-либо чрезмерных оценочных заявлений, да и сами авторы в официальных СМИ не дают каких-либо комментариев и удерживаются от оценок.

Совсем по-другому обстоит дело в незави-

симых российских и зарубежных СМИ. Российская и белорусская независимая пресса взяла на себя роль не просто зрителя, пытающегося понять причинно-следственные связи возникшего конфликта, но и ироничного, порой едкого критика. Так, статья Ильи Мильштейна «Отучение от батькиных сосков», опубликованная на сайте «Грани.ру» [Мильштейн], пропитана горькой иронией относительно сложившейся ситуации. На лексическом уровне постоянно встречаются:

1) оценочные эпитеты:

Теперь настало время твердых цен и нескончаемого крика.

Батька продавал свою верность славянскому братству по цене дешевых энергоносителей и дорогих кредитов, которые никогда не собирался отдавать, ссылаясь на бесценный щит, который спасал Россию от европейских оккупантов.

Лукашенко не пугают российские санкции, поскольку он навиделся уже этих санкций и от всей души презирает неразумных старших братьев.

...в левом углу – разозленный слон, в правом – рассвирепевшая моська...

2) определения, выраженные через перифраз:

Позже наступила невнятная эпоха отделения мух от котлет, когда Лукашенко было предложено возглавить Белорусскую автономную область в составе РФ, а он страшно кричал и не соглашался.

Или «чистые» перифразы:

Санитарный врач сказал в морг – значит в морг.

3) аллюзии, отсылающие к известной басне И. А. Крылова «Слон и моська», что опять же свидетельствует обо всей несуразности сложившейся ситуации:

Бой в самом разгаре, в левом углу – разозленный слон, в правом – рассвирепевшая моська, это довольно смешно, но запасаться попкорном как-то не хочется.

5) военная терминология, пронизанная иронией:

С одной стороны, все уже было, в том числе и угрозы батьки вести партизанские бои против российских агрессоров. С другой стороны, все наши доктора, начиная с Медведева и Кудрина, выступают так уверенно, словно торговая война с Минском до победного конца – дело уже окончательно решенное. Или он шлет посольство к южным осетинам – или пусть гибнет в неравной борьбе с Онищенко.

...Бой в самом разгаре...

Заканчивается эта статья горьким авторским размышлением: то ли больно от всей сумятицы, то ли стыдно за действия правительства:

То ли больно, то ли стыдно за этих братьев Кличко.

Да и сами заголовки статей говорят достаточно иронично о непрочности кровных российско-белорусских уз: «Молочные братья на грани развода», «Отучение от батькиных сосков».

Зарубежная пресса освещает «молочную» проблемы под несколько иным углом. В действиях России усматриваются нередко деяния зоркого, порой даже ревнивого старшего брата, который старается наказать ослушавшегося младшего и запрещает ему общаться с другими [Минин]:

Эллен Барри из The New York Times приводит мнение белорусских политиков, которые считают, что «Россия наказывает их за невыполнение приказов».

Москва с тех пор недовольна регулярным заигрыванием Лукашенко с Западом.

Корреспондент Reuters Дмитрий Соловьев: Россия, вторая страна мира по объемам экспорта нефти и третья страна по объемам золотовалютных резервов, пытается использовать экономический кризис для давления на своих более слабых соседей.

Корреспондент Associated Press Стюв Гуттерман напоминает слова Лукашенко о том, что Россия хочет подчинить себе белорусскую промышленность и нарушит суверенитет Белоруссии. Он говорил о своей стране как о потенциальной «второй Чечне», как пишет Гуттерман.

Более того, этот образ подкрепляется историческими параллелями, отсылающими к советскому прошлому России – держать всех в страхе и во всем подозревать:

Запрет на ввоз белорусской молочной продукции в Россию – серьезный удар по стране, экономика которой «по-прежнему управляется в советском стиле».

Тони Халпин из The Times напоминает, что у России богатый опыт обнаружения угрозы здоровью потребителя в продуктах, производимых политически неблагонадежными странами: Грузией, Молдавией, Украиной, Польшей.

Подобные высказывания, конечно, не способствуют укреплению политического имиджа России и Белоруссии, которые отчасти сами дали повод в очередной раз продуцировать закрепившиеся в европейском сознании стереотипы, связанные с экономической и политической нестабильностью и неблагополучием обеих стран.

С момента спада накала страстей в СМИ наблюдается умеренная аналитичность, что, скорее всего, свидетельствует о стремлении понять случившееся, дать объяснения, расставить все на свои места и постараться прийти к некоему консенсусу. Поэтому в статьях по мере уменьшения остроты конфликта лексика становится более сдержанной, нейтральной.

Выявленная динамика свидетельствует о том, что печатные СМИ, близкие к официаль-

ным кругам обеих стран, в период обострения конфликта действуют четко в рамках стратегии при противостоянии двух экономических и политических элит, давая жесткую категоричную оценку происходящему. Независимые же издания, не впадая в крайности, пытаются оценить сложившуюся ситуацию, причем в анализе постоянно сквозит ирония. Это связано с очевидным для большинства читателей несоответствием незначительности повода и нагнетанием «милитарной» риторики по мере обострения конфликта, которое обнажает характерные механизмы «информационных войн». Примечательно то, что, несмотря на активные попытки воздействия на общественное мнение с обеих сторон, в интернет-форумах эта тема обсуждалась также преимущественно в ироническом ключе, без чрезмерной агрессии и пристрастия.

Специфику и некоторые типологические отличия «малых» информационно-психологических войн можно охарактеризовать следующим образом:

- во-первых, для «малых» информационно-психологических войн характерна узкая направленность целей и задач, которые, как правило, реализуются в рамках конкретной сферы деятельности человека. Наиболее часто подобные противостояния проходят в политической (внутриполитической) либо экономической (бизнесе) сферах;

- во-вторых, «малые» характеризуются ограниченностью масштаба кампании, т. е. в рамках подобных противоборств наблюдается не весь комплекс мероприятий, не все этапы ведения войны и т. п.;

- в-третьих, для российских «малых» информационно-психологических войн характерно

также использование так называемых «административных ресурсов», т. е. побеждает тот, кто представляет либо оказывается ближе к официальной позиции;

- в-четвертых, использование СМИ для проведения политического давления. В качестве доказательства можно вспомнить крупную государственную кампанию по ограничению крупных торговых сетей – политически важный шаг российской власти в условиях экономического кризиса, где субъектом-инициатором процесса стали поставщики, которые в какой-то степени поддерживаются властью, а объектом воздействия – торговые сети. И именно СМИ стали явным инструментом воздействия, вызвав сенсацию «заказными» журналистскими откровениями, развенчивающими «махинации» крупных торговых сетей.

ЛИТЕРАТУРА:

Лукашенко пригрозил отменить поездку в Москву из-за «молочной» войны. // Lenta.ru. URL: <http://lenta.ru/news/2009/06/13/refuse/index.htm>.

Манойло А. В. Информационно-психологическая война как средство достижения политических целей. URL: <http://jim-11.narod.ru/stat/infor.htm>.

Манойло А. В. Управление психологической войной в системе государственной информационной политики. URL: <http://psyfactor.org/lib/psywar26.htm>.

Мильштейн И. Отучение от бабкиных сосков // Грани. ру. URL: <http://grani.ru/Politics/World/Europe/Belarus/m.152189.html>.

Минин С. Западные СМИ: За что Кремль наказал Минск // Независимая газета. 2009. 15 июня. URL: http://www.ng.ru/newsng/2009-06-15/100_obzor-1506.html.

© Тагильцева Ю. Р., 2010

М. А. Тульнова
Волгоград, Россия

ТАБУ В КОНТЕКСТЕ
ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ГСНТИ 16.21.29; 16.21.61

Аннотация. *Анализируются вербальные и невербальные формы изменений в запретительных нормах как отражение трансформаций в ценностных доминантах культур, происходящих под влиянием процессов глобализации, на материале русского и английского языков.*

Ключевые слова: *табу; нормы; глобализация; ценности; лингвокультурология; дискурс.*

Сведения об авторе: *Тульнова Маргарита Афанасьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии.*

Место работы: *Волгоградский государственный педагогический университет.*

Контактная информация: *400066, г. Волгоград, ул. Мира, д. 18, кв.3.
e-mail: tumargarita@yandex.ru.*

M. A. Tulnova
Volgograd, Russia

TABOO IN THE CONTEXT
OF GLOBALIZATION

Код ВАК 10.02.19

Abstract. *The article examines verbal and non-verbal transformations in the prohibitive norms which reflect the changes in the value systems of world cultures under the influence of globalization.*

Key words: *taboo; norms; globalization; values; language and culture studies; discourse.*

About the author: *Tulnova Margarita Afanasievna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of English Philology.*

Place of employment: *Volgograd State Pedagogical University.*

Современный этап развития общества характеризуется изменениями, являющимися результатом процесса глобализации. Трансформации в ценностной сфере культуры отражаются в изменении норм, одним из видов которых являются табу – «негативные предписания (категорические запреты) на различные действия людей, нарушение которых должно повлечь соответствующие санкции» [Социология]. Динамика табу в этом смысле представляет собой одну из проблем, изучаемых в дискурсивном направлении политической лингвистики [Будавев, Чудинов, 2006]. Многочисленные обращения к теме табу в СМИ, интернет-блогах и дневниках, на материале которых проведено данное исследование, свидетельствуют об изменениях в содержании запретительных норм в мировых культурах: *...there is an ebb and flow of taboo in UK society* [BBC]; *...сейчас (почти) нет табу, нет закрытых тем и нет «непристойного», границы личного так ужались, что вписались в рамки законного и легитимного; происходит постепенная эволюция объекта для вопроса «А что в этом такого?»* [LiveJournal]; *«Мы добились большого прогресса, – говорит Хеба Кутб, руководящая исламской клиникой сексологии в Каире. – Десять назад мы не могли даже говорить на эту тему, а теперь люди привыкают это слышать»* [Islam.ru]. Знаком возрастающего интереса к теме запретного является появление ряда художественных фильмов, в названии которых содержится лексема «табу»: Табу режиссера Нагисы Осимы (1999, Япония), серия документальных фильмов *Taboo: Blood Rites* (2004), *Taboo: Sex Swap* (2009), *Taboo: Touching death* (2009, National Geographic) и др., телесериал «Табу» (2009, Санкт-Петербург).

Изменения в системе табу реализуются как в нарушении запретительных норм – детабуизации, так и в процессе табуизации – создания

новых запретов. Наблюдаются как вербальные, так и невербальные формы **детабуизации**. Одна из ярких сфер **невербального** поведения, где в настоящее время наблюдается нарушение традиционных запретов – взаимоотношения между полами. Так, ранние и добрачные сексуальные отношения во многих культурах стали повседневным явлением и больше не вызывают осуждения у окружающих. Все менее порицаемыми становятся групповые интимные взаимоотношения и однополая любовь. Не вызывает удивления публичная демонстрация обнаженного тела как знак открытого проявления сексуальности. В области жестикюляции наблюдается заимствование представителями многих культур жестов, пришедших из американской культуры, в частности известного неприличного жеста руки, как проявление снижения запретов на непристойное невербальное поведение.

В **речевой** коммуникации проявления табу отражены в избегании «определенных языковых выражений или затрагивания определенных тем общения в тех или иных коммуникативных ситуациях» [Стернин 2000]. Так, среди **тем**, подвергающихся детабуизации, одной из очевидных является тема интимных взаимоотношений полов и связанное с ней использование в речи наименований интимных частей тела. Например, пьеса Ив Энцлер *The Vagina Monologues* была написана с целью снятия запрета на открытое обсуждение проблем интимной жизни женщины. Будучи написанной американской писательницей, пьеса была переведена на 30 языков и поставлена в 53 странах, включая Россию, что свидетельствует о глобальном характере детабуизации данной сферы как проявлении распространяющегося феминизма: *“New sexual codes are evolving. Worldwide, we are shifting from a heterosexual-marital-coital-procreative value system to friendship-and-*

pleasure-based values. But to create more gender-egalitarian cultures, we need to deal with the repression of female sexuality" [Francoeur et al. 2004: 55–71]. Изменение отношения к запретам в сексуальной сфере в мусульманской культуре проявляется, например, в публикации книги «Главный секрет: сексуальное руководство для женатых пар», написанной мусульманкой из Объединенных Арабских Эмиратов В. Лут, которая «призывает к большей открытости и популяризации сексуального образования» [Islam.ru].

Наблюдается снятие ограничений на открытое обсуждение болезней, связанных с интимными частями тела (например, звуковая реклама лекарств для лечения геморроя и простатита в супермаркетах, реклама средств повышения потенции у мужчин и средств, облегчающих прохождение «критических дней у женщин» на телевидении).

Все более откровенно обсуждается тема отсутствия любви родителей к своим детям: «"Я не люблю своего ребенка" – звучит дико, ужасно, противоестественно. Первая мысль: "Нет, этого не может быть!.." Но все-таки, если отбросить эмоции и включить разум, можно ли понять Лизу?» [Ваша газета]. С данной темой связана тема отсутствия любви к детям вообще и сознательного решения не иметь детей, что отражается в возникновении нового концепта – *чайлдфри*; *child free* [см., например: <http://www.childfreebychoice.com>] как проявлении стремления к индивидуальной свободе – одной из ключевых ценностей глобализации.

Следствием детабуизации определенных тем является снятие ограничений на использование табуированных языковых единиц. **Языковое** табу представляет собой «запрет на употребление определенных слов, вызванный в основном социальными факторами: этикетом, цензурой, степенью тактичности говорящего и т. д.» [Рутер 2003]. Одним из наиболее очевидных проявлений детабуизации в языковой сфере является снятие запрета на употребление обсценной лексики: *...even some of the most articulate can rarely go more than a sentence or so without swearing* [The Independent].

Новым видом детабуизации является способ употребления ненормативной лексики в интернет-коммуникации, который проявляется в форме литургативов – зачеркивании того, что мыслится «неудобосказуемым»: «современные технологии позволяют ... почти безболезненно обойти требования приличий (политической корректности, логики и т. п.)» [Гусейнов 2008].

В результате влияния норм англоязычной коммуникации в русской культуре произошли изменения в социально-статусном общении: в частности, обращение по имени-отчеству даже в официальных ситуациях уже не является обязательным. Следствием размывания статусно-обусловленных норм обращения является пример обращения «*Любочка*» выпускника средней

школы по отношению к женщине старше по возрасту и намного выше по статусу – Любви Глебовой – в телевизионной передаче «Горячий вечер с Тиграном Кеосаяном».

Наряду с детабуизацией изменения в запретительных нормах культур проявляются в появлении **новых табу**. Так, в **невербальных** формах культуры одним из новых табу является запах тела: *Body odour is rated as the most embarrassing health taboo by the British public, a survey has found. It was considered more of a taboo than other conditions such as piles and pubic lice* [BBC]. Запретным становится публичная демонстрация обнаженного детского тела, что связано с ростом случаев педофилии: *Prof Clarke points to Benetton's famous newborn baby poster campaign of 1991, one of the most complained about in the history of advertising, with 800 people finding it offensive* [BBC].

Глобально распространяющаяся ценность молодости вызывает неприятие признаков старости: *Разница в возрасте – последнее табу, единственная граница, тем более непреодолимая, что больше никаких границ не осталось, она заменила их все. В сегодняшнем мире можно заниматься групповым сексом, быть би- и транссексуалом, зоофилом, садомазохистом, но воспрещается быть старым* [У. Мишель]; *Сменился модный возраст, – констатирует Надежда Константиновна Онипенко. – Для мужчин максимум 40 лет, для женщин – 35. На это рассчитано все: мода, одежда, песни, стиль общения. Даже если люди старше, они все равно будут пытаться внешне остаться в этой возрастной категории и обращаться друг к другу соответственно... Русское языковое сознание строго связывает отчество с возрастом, отсюда и "омолаживающий эффект", который весьма болезненно ударил по самооценке людей старшего поколения. Внешне невинное смещение этикетной нормы невольно поставило старших в положение социальных лузеров* [Эксперт]; *"Now when you see someone who looks like a raisin or a prune, it seems so unusual that you are almost repulsed." In interviews, many women, some as young as their early 30s, said they are feeling caught between nature and an anti-aging climate* [NY Times].

В речевой коммуникации среди новых запретных тем можно назвать вопросы о зарплате: *И я помню нормальный вопрос – а сколько вы получаете? А сейчас это немыслимо так спросить* [Livejournal]; *Хорошие корпоративные политики информационной безопасности обязательно включают в себя пункт о неразглашении зарплат сотрудников неавторизованным лицам. А авторизованными лицами считаются те, кому это необходимо знать по роду работы – персонал бухгалтерии, финансовый отдел, отдела кадров.*

Развитие электронной техники и Интернета вывело за пределы военного или детективного

дискурса понятия пароля или кодового слова, которые стали частью повседневной жизни и вопросы о которых теперь не принято задавать и в бытовой коммуникации: *Например, я еще застал вопросы – а зачем мне прятать пароль от электронной почты? у меня там порнографии нет. Пусть висит на экране – я свою электронную почту кому угодно покажу* [Livejournal].

Некоторые новые запреты в значительной степени вызваны глобально распространяющимся концептом «толерантность», выражением которой в коммуникации является политкорректность, реализующаяся в появлении эвфемизмов, называющих национальную или этническую принадлежность – этнонимов: «С течением времени определенный этноним табуируется и начинает считаться, как мы бы сейчас сказали, неpolitкорректным. К этому, например, в русском языке сейчас близко слово “негр”, в западных странах давно уже заменяемое на “чернокожий” или “афроамериканец”. В немецком в настоящее время почти не говорят “цыган” (в словарях оно стало обозначаться как уничижительное): там используется слово “ром”, отражающее самоназвание народа» [Водолазкин 2007]. Толерантность заставляет современное общество вообще отказываться от прямых номинаций неприятных явлений: *... anything that disturbs or questions is taboo – taboo really becomes the things you don't want to see* [BBC]; *“Obesity” has become the new “cancer”*. *A word that is taboo, that intimidates, that strikes fear, that promotes softer euphemisms. In effect, it has become an “O” word* [BBC].

Табу, как и нормы, ситуативно обусловлены, то есть существует система культурных запретительных и разрешительных правил, регулирующих коммуникацию в той или иной ситуации: «Например, при женщинах и детях употребление бранной лексики является нарушением нормы, в то время как “в закрытых мужских сообществах” (армии, тюрьме и т. п.) употребление мата вызывает недоверие» [Кронгауз 2009: 159]. Простые наблюдения за употреблением ненормативной лексики свидетельствуют, что трансформации подвергается не только понимание ситуативной «уместности/ неуместности» того или иного действия, но и гендерная специфика использования языка. Следующие цифры представляют результаты исследования “Swearing around the World”, которые демонстрируют изменения в употреблении бранной лексики мужчинами и женщинами в мире: 1996 – men 67%, women 33%; 2006 – men 55%, women 45% [Anthes 2010: 22].

В настоящее время можно наблюдать процесс изменений в запретительных нормах **институциональных** видов дискурса. Так, например, в сфере обслуживания запретным является ряд тем: *Существуют также темы-табу, затрагивать которые нельзя ни при каких обстоятельствах. К ним относятся полити-*

ка, религия, национальные вопросы. Если посетитель сам начал говорить об этом, то официант должен уметь грамотно уйти от обсуждения – например, сказать, что ему нужно проверить на кухне, готово ли какое-то блюдо [АИФ].

Примером детабуизации в научном дискурсе является отказ от запрета на имперсональность: «В зарубежных научных работах нередко делается посвящение близкому человеку и содержится благодарность не только научным рецензентам и техническим помощникам, но и членам семьи, обеспечивавшим возможность осуществления работы. В российской научной среде благодарности личного характера высказываются обычно устно при неформальном общении, поскольку негласно считается, что основная заслуга в выполнении научной работы принадлежит как самому ученому, так и научному коллективу, взрастившему его. Однако новые работы авторов, имеющих дело с англосаксонской культурой, “взламывают” это табу» [Кострова 2005].

Детабуизация также происходит в религиозной сфере, что отражает интенсивно протекающий процесс профанации сакрального: *Когда шоу-бизнес превращается в религию, а поп-звезды превосходят по популярности Христа, что остается делать Церкви? Только одно – научиться законам шоу-бизнеса. Его Святейшество Папа Бенедикт XVI в этом деле преуспел: он не только бдитительно следит за событиями на поп-сцене, но и участвует в них. Дебютный альбом понтифика под названием Music From The Vatican Alma Mater (“Музыка из ватиканской альма-матер”) увидел свет 29 ноября... Кстати, интерес к музыке демонстрирует еще один эпизод – год назад впервые за всю историю церкви Папская канцелярия составила список 12 “богоугодных” песен. Пристрастия сановников оказались неожиданно демократичными. В плейлист попал хит Тупака Шакура Changes, песня легендарной певицы Ширли Бэсси After The Rain и трек молодых сизтлских инди-рокеров Fleet Foxes* [Ваш досуг].

Существует **жанровая** специфика речевых запретов. Так, представленные выше примеры тематических и языковых табу характерны для светской беседы, а в институционально обусловленных жанрах соответствующие запреты отсутствуют, например, в разговоре с бухгалтером нормой являются вопросы о зарплате, со священником – вопросы о вероисповедании, в беседе с врачом не является запретной прямая номинация органов тела, и т. д.

Детабуизация, обусловленная глобализацией, распространяется как в определенных этнокультурах, так и в субкультурах, отражая изменения в базовых ценностных установках общества. Например, одной из национальных норм поведения в индийской культуре является скромность, однако в настоящее время в Индии

все чаще отмечается показной характер, демонстративность поведения, в частности молодежи: *...most private channels now dedicate a nightly slot to reality shows that shock and titillate, featuring brash youngsters who flirt, argue and shamelessly self-promote* [The Independent]. Одним из каналов глобализации являются молодежные субкультуры: например, через рэп-культуру пришла мода на использование obscene лексикой в текстах песен.

«Восстание против норм» [Бауман 2008] подогревается деятельностью СМИ: *Media coverage was seen as the best way of breaking the taboo over these kinds of health problems* [BBC]; *...в них многие табу нарушаются. Например, в сериале «Во все тяжкие» (Breaking Bad) учитель химии готовит наркотик вместе со своим учеником, продает его, ругается матом, убивает людей... А ведь он – положительный герой* [Искусство кино]. Благодаря многочисленным реалити-шоу («Дом», «За стеклом» и т. д.) во многих культурах снят запрет на публичное обсуждение личной жизни и ее демонстрацию: *Reality shows are making millions of Indians believe that it is good to abuse, cool to misbehave, openly share their sexual encounters and justify any act by yelling... the format is predicated on the idea of revealing personal and often embarrassing secrets in public – anathema to many in India* [The Independent]. Перенос акцента с общественно значимых аспектов бытия на личные является свидетельством распространения индивидуализма как глобализующей ценности: «...искусство общественной жизни сузилось до публичного показа частных дел и публичных признаний в частных чувствах (и чем более они интимные, тем лучше)» [Бауман 2008: 45].

Снижение ограничений в деятельности СМИ также проявляется в демонстрации насилия: стали привычными сцены насилия в кино и на телевидении. Социологические исследования показывают, что «в среднем на один час телетрансляций приходится 4,2 сцены насилия и эротики. То есть каждые 15 минут зритель российского телевидения видит на экране акт агрессии, насилия или эротическую сцену» [Первое сентября. 2001. №90].

На основе образцов, данных в продукции «массовой культуры», ставшей носителем норм, в значительной степени формируются поведенческие критерии: *By bringing it in the open, reality shows have found a way to justify them and have made them acceptable; One of the factors that has made the f-word so acceptable is the television series Father Ted where they use the word “fck”* [The Independent]. Эти установки на определенный способ поведения постепенно приобретают обязательный, непререкаемый характер [Гаранина 2009: 310]. Данный фактор играет особую роль, если учесть, что в качестве **субъекта** трансформаций в системе запретительных норм выступает прежде всего моло-

дежный слой социума: *Я же сталкивался с недоуменной реакцией молодежи, которая удивлялась, почему я отказываюсь обсудить детали своей жизни с женой – для них это не личная информация* [Livejournal], – который противопоставлен социальной группе более старшего возраста: *Помню, сотрудник, десятью годами меня старше, рассердился, когда я спросил его в столовой, не постылся ли он. Очень, говорит, личный вопрос* [Livejournal]. Именно молодежь является той социальной группой, которая наиболее легко поддается влиянию средств массовой информации.

Табу является одним из базовых и мощных регуляторов поведения представителя культуры, недаром описание ситуаций нарушения запретов часто сопровождается эпитетом «шокирующий» – *shocking*. Однако динамика процесса детабуизации такова, что в результате частотного нарушения нормы, при регулярности и повторяемости такого нарушения табу теряет свою сакральную силу, что приводит к превращению прежде табуированного поведения в повседневное, рутинное, в норму: *Случилось самое страшное: мы теряем наше национальное достояние, наш русский мат... Исчезает таинство запрета, остаются грубость и вульгарность* [Кронгауз 2009: 158–160]; *I believed it should be an ordinary, everyday word* [The Independent].

Кроме того, процессы детабуизации вызваны возможностью нарушения табу, так как запрет имеет силу только тогда, когда его нарушение влечет за собой наказание. В современном мире, с распространением идеологии мультикультурализма и плюрализма ценностей, вопрос о санкциях стал неопределенным: «В наши дни паттерны и конфигурации больше не заданы и тем более не самоочевидны: их слишком много, они сталкиваются друг с другом, и их предписания противоречат друг другу, так что все они в значительной мере лишены своей принуждающей, ограничивающей силы» [Бауман 2008: 14]. Толерантность как концепт глобализации проявляется в ограничении вариантов коммуникативной реакции: *The challenge is to master the art of knowing when to turn a blind eye to communication that does not meet with their own standards* [BBC]. Кроме того, при том что табу, как правило, не имеют рационального обоснования, дискурсивное нарушение общественных норм обычно опирается на рациональные способы аргументации, в частности, сопровождается стратегией оправдания, реализующейся через апелляцию к положительным последствиям нарушения запрета и отрицательным последствиям следования ему: *A study by Norwich's University of East Anglia (UEA) into leadership styles found the use of “taboo language” boosted team spirit... Professor Yehuda Baruch, professor of management, warned that attempts to prevent workers from swearing could have a negative impact* [BBC]; *Авторы*

фильма в очередной раз напоминают содержанием картины, что запретный плод – слаще всего; а с другой стороны задают вопрос: может быть, выход за рамки привычных социально-семейных отношений принесет счастье в дом Макбрайдов? [Кинопоиск].

Наблюдения показывают, что изменения, происходящие в системах табу разных культур, связаны с глобальным процессом эмансипации – «освобождения от зависимости, подчиненности, угнетения, предрассудков». [БЭС] Согласно З. Бауману, современная эпоха поставила свободу на первое место в списке своих ценностей [Бауман 2008: 25]. Подтверждением этому является апелляция к концепту «свобода», наиболее часто проявляющаяся при аргументации в пользу нарушения табу: *Taboos are tumbling in India as new notions of sex, relationships and personal liberty displace traditional values* [The Independent]. Концепт «свобода» часто вербализуется лексическими единицами, имеющими значение «отсутствие границ, препятствий» (*open, push the boundaries, раскрепощение, изменение границ, выход за рамки, доступность*) и интерпретируется с помощью метафоры открытости/закрытости, что свидетельствует о стремлении к расширению границ как одной из тенденций современности: *“These shows are having a wonderful impact because I think people are opening up. They’re moving along with the times,” – says Revika Desai, a contestant for an upcoming show scheduled for April this year* [The Independent]. Вероятно, стремление к отказу от внутренних, нравственных ограничений и размывание физических, территориальных границ являются взаимосвязанными аспектами одной глобальной тенденции.

Как свобода, так и другие ценности, проявляющиеся в процессе детабуизации, отражают влияние западной культуры на другие мировые культуры как один из векторов развития глобализации, наиболее мощным направлением в рамках которого является процесс американизации. Характерно, что обсуждение трансформаций запретительных норм дискурсивно нередко сопровождается ссылками на элементы американской культуры: *И вот такая интимность исчезает. Где-то это можно заметить четко, где-то уступаемое интимностью пространство заполняется за счет роста прайвеси* (privacy – право на невмешательство в чью-либо жизнь, являющееся одной из доминант американской культуры – М. Т.); *Нет такого, чтобы “как можно, нехорошо-с”, а только “а я тебя, парень, засужу”* (‘I’ll sue you – типичное выражение, используемое в американской культуре в случае нарушения кем-либо правовых норм – М. Т.) [Livejournal].

Так как табу, относящиеся к ядру лингвокультуры, отражают базовые нравственные установки общества, интенсивные глобальные изменения норм вызывают естественную реак-

цию противостояния. Подобно другим проявлениям процесса сопротивления глобализации, противодействие трансформациям культурных запретов в значительной степени апеллирует к угрозе распада нации, в частности традиций, которые являются цементирующим элементом национальной культуры: *Najma Heptulla, a member of parliament from the western state of Rajasthan, has campaigned against reality shows, some of which she says are vulgar and un-Indian. It is for certain taking toll on Indian culture* [The Independent]; *Да мы просто движемся к Апокалипсису. Возьмите Англию, там этот процесс зашел еще дальше* [Киноарт]. Наблюдения показывают, что одним из частотных дискурсивных проявлений резистенции является сопротивление процессу американизации: *“...We are not Britain and we are not America. We are in India,” said Heptulla, who has demanded the show be pulled off air. “We have different values and we have a different kind of living system.... “And I think, looking at our society, it doesn’t match with it at all,” she told AFP* [The Independent]; *“There is the Hollywood way, or my way. I am not saying look younger. I am saying look good for your age”* [NY Times].

Таким образом, изменения в запретительных нормах выражаются как в явлении детабуизации, так и в процессе появления новых табу. Происходящие перемены вызваны процессом глобализации и отражают трансформации в лингвокультурах как результат воздействия повсеместно распространяющихся ценностей, значительная часть которых порождена американской культурой.

ЛИТЕРАТУРА

- Бауман З. Текущая современность / пер. с англ. под ред. Ю. В. Асочакова. – СПб.: Питер, 2008.
- Будаев Э. В., Чудинов А. П. Современная политическая лингвистика: учебное пособие. – Екатеринбург: УрГПУ, 2006.
- БЭС = Большой энциклопедический словарь. URL: <http://dic.academic.ru/contents.nsf/enc3p/> (дата обращения: 25.08.2010).
- Водолазкин Е. Трудности русского языка // Новая газета. 2007. 26 июля (№28). URL: <http://www.novayagazeta.ru/data/2007/color28/06.html> (дата обращения: 25.08.2010).
- Гаранина О. Д. Перверсия гуманистических ценностей: кризис человечности в современном мире // Трансформации культуры в глобальном информационном обществе. – М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2009. С. 302–317.
- Гусейнов Г. Неполная коммуникация в блогосфере: эрративы и литургативы: доклад, прочитанный в Fitzwilliam College (University of Cambridge) 29 августа 2008г. URL: <http://www.speakrus.ru/gg/litulative.htm> (дата обращения: 25.08.2010).
- Карасик В. И. Язык социального статуса. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2002.
- Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Запрет, табу, эпатаж в коммуникативном пространстве // Коммуникативные технологии в образовании, бизнесе, поли-

тике и праве XXI века: Человек и его дискурс – 2 / отв. ред. М. Р. Желтухина. – Волгоград: ПринтТерра, 2006. С. 13–33.

Кострова О. А. Дискурсивные табу в межкультурной научной коммуникации // Культурные табу и их влияние на результат коммуникации: сб. науч. тр. – Воронеж: ВГУ, 2005.

Кронгауз М. Русский язык на грани нервного срыва. 2-е изд., стер. – М.: Знак, 2009.

Стернин И. А. Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования // Русское и финское коммуникативное поведение. Вып. 1 – Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. С. 4–20.

Рутер О. А. Табуирование лексико-семантической группы «смерть» в идиолекте М. Цветаевой (на примере фольклорных поэм) // Филологический вестник РГУ. 2003. № 1.

Социология: Энциклопедия [сост. А. А. Грицанов и др.]. – Минск.: Книжный Дом, 2003.

Anthes E. Profane Brain // Psychology Today. 2010. Vol. 43. Issue 4 (Jul/Aug). P. 22.

Francoeur R., Noonan R. J. [et al.]. Female sexuality today: challenging cultural repression // Cross Currents. Fall 2004. Vol. 54. Issue 3. P. 55–71

ИСТОЧНИКИ

АИФ. URL: <http://www.aif.ru/money/article/24641> (дата обращения: 25.08.10).

Ваш досуг. URL: <http://www.vashdosug.ru/concert/article/55801/> (дата обращения: 25.08.2010).

Ваша газета. 2010. 8 июля (№ 26).

Искусство кино. URL: <http://www.kinoart.ru/magazine/02-2010/hrernow0210/dondur0210/> (дата обращения: 25.08.2010).

Кинопоиск. URL: <http://www.kinopoisk.ru/level/1/film/24568/> (дата обращения: 25.08.2010).

Эксперт. URL: http://www.expert.ru/printissues/russian_reporter/2007/22/sovremennaya_russkaya_vezhlivost/ (дата обращения: 25.08.2010).

Aphorisme.ru. URL: <http://www.aphorisme.ru/by-authors/uelbek/?q=2323> (дата обращения: 25.08.2010).

BBC. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/uk_news/1235905.stm; http://news.bbc.co.uk/go/pr/fr/-/2/hi/uk_news/england/norfolk/7047536.stm; <http://news.bbc.co.uk/2/hi/health/7785195.stm> (дата обращения: 25.08.2010).

Islam.ru. URL: <http://www.islam.ru/pressclub/smi/viaulat/> (дата обращения: 25.08.2010).

New York Times. URL: http://www.nytimes.com/2007/03/01/fashion/01skin.html?_r=1&pagewanted=2 (дата обращения: 25.08.2010).

The Independent. URL: <http://www.independent.co.uk/arts-entertainment/tv/reality-tv-shatters-taboos-in-india-1953867.html>; <http://www.independent.co.uk/news/uk/home-news/the-c-word-524059.html> (дата обращения: 25.08.2010).

© Тульнова М. А., 2010

А. П. Ушакова
Тюмень, Россия

A. P. Ushakova
Tyumen, Russia

КАТЕГОРИЯ ПОСЕССИВНОСТИ
КАК ЭЛЕМЕНТ
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

THE CATEGORY OF POSSESSIVENESS
AS AN ELEMENT
OF POLITICAL DISCOURSE

ГСНТИ 16.21.27; 16.21.41

Код ВАК 10.02.19

Аннотация. В статье анализируются способы концептуализации политической действительности в Югославии с помощью категории посессивности. Обсуждаются образные средства, связанные с вербализацией этой когнитивной категории.

Abstract. The article deals with means of conceptualizing the political reality of Yugoslavia with the help of the category of possessivity. It studies the ways of verbalizing this cognitive category.

Ключевые слова: политический дискурс; способы концептуализации; средства выражения посессивного значения; метафора.

Key words: political discourse; means of conceptualization; means of expressing possessiveness; metaphor.

Сведения об авторе: Ушакова Александра Павловна, кандидат филологических наук, доцент по кафедре общего языкознания.

About the author: Ushakova Alexandra Pavlovna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of General Linguistics.

Место работы: Институт филологии и журналистики ГОУ ВПО «Тюменский государственный университет».

Place of employment: Tyumen State University.

Контактная информация: 625003, г. Тюмень, ул. Республики, д. 10, кв. 27.
e-mail: apushakova@rambler.ru.

...Вујовићева књига подразумева огроман истраживачки труд и, као таква, представља незаобилазну лектуру, у ствари – уџбеник, за све који аргументовано желе да се боре за истину, а против медијских лажи и манипулација које су нас тако скупо коштале минулих година.

...Књига Вујовича представља собом огромни истраживачки труд, који захтева обавезно читање, ово учебник за све, који аргументовано боре се за правду против информационе лажи и манипулација, које су тако драго коштали нам у прошлости.

[В. Радовић 2006: 10]*

* Здесь и далее перевод наш. – А. П. Ушакова. Приносим благодарность за прочтение и понимание сложного политического текста Лазару Геричу и Сергею Кельтману.

Категория посессивности, или принадлежности, существует в языке наряду с категориями времени, пространства, причины и многими другими. Посессивность – это выраженное языковыми средствами отношение между двумя объектами, связанное с идеей обладания одного из них другим. Категория посессивности выражается посредством притяжательных прилагательных, родительного падежа существительных, притяжательных местоимений и других языковых средств. Целью нашего исследования является выявление стилистических особенностей употребления этих языковых единиц в политическом дискурсе.

Военные действия на территории бывшей Югославии являются важным элементом современного международного политического дискурса. Они продолжались с 1991 по 1999 годы и вызвали противоположные оценки у политиков и журналистов разных стран. По словам А. П. Чудинова, «...абсолютное большинство граждан и все крупные политические партии России осуждали кровавый антисербский террор албанских сепаратистов в Косово и варварские бомбардировки мирных городов Югославии. А вот в большинстве европейских стран и в Соединенных Штатах общественное

мнение было на стороне жертвы режима Милошевича – свободолюбивого албанского народа, которому оказали помощь доблестные войска НАТО» [Чудинов 2003: 93].

В данной ситуации выявление способов концептуализации политической действительности становится особенно актуальным, ведь фактическое положение вещей имеет абсолютно полярные отражения в российском и американском национальном сознании. Возможно, обращение к политическому дискурсу Сербии, непосредственного участника этих событий, может пролить свет на аспекты данной проблемы.

Мы привлекли к анализу книгу известного сербского военного журналиста Миодрага Вујовича, свидетеля событий на Балканах. Она называется «Масакрирање истине». Автор так объясняет значение этого слова: *Масакр је, према многим речницима које сам ја могао да погледам, покољ, сеча, безобзирно убијање људи... Према томе, јасно је шта је масакр, и када се каже да је неко масакриран, у жаргону знамо да се ради о мотивацији леша, о зверском убиству човека где се наставља убиство бодењем ножем или пуцањем у човека који је већ мртав. Ту чак спадају и ударци тупим*

предметом и све што значи докусуивање и накнадно масакрирање леша човека који је већ мртав... [Вуйович 2006: 286] – Масакр, судя по многим словарям, которые я просмотрел, это резня, рубка, бесцеремонное убийство людей... исходя из этого, понятно, что значит слово масакр, и если сказано, что кто-то „масакриран“, знаем, что при аргументации убийства следует говорить о зверском убийстве человека и что убийство уже мертвого человека продолжилось нанесением ему ножевых ран или выстрелом в него. Сюда относятся даже удары тупым предметом и все, чем можно добить и дополнительно растерзать тело уже мертвого человека. Таким образом, мы можем перевести название книги М. Вуйовича как «Резня правды». На протяжении всего текста автор детально, приводя четкие доказательства, показывает, как в средствах массовой информации и других организациях перед лицом мирового сообщества искажалась правда и создавалось ложное, негативное мнение о сербах.

Книга носит публицистический характер, автор в основном раскрывает неизвестную, закулисную сторону создания сообщений, репортажей в информационных службах, которые вещали на весь мир о военных событиях на территории бывшей Югославии. В иностранных публикациях шло осуждение только одной стороны – сербов. М. Вуйович подчеркивает, что в Югославии шла война, и поэтому он не отрицает вины ни одной, ни другой стороны, но главная его мысль состоит в том, что кровопролития можно было избежать, если бы люди все события, происходящие на Балканах, освещали правдиво, соотносясь с реальной действительностью, а не с вымыслами.

Таким образом, в книге политический дискурс представлен как дискурс войны информационных служб. *Књига Мише Вујовића Масакрирање истине*, у првом, новинарском слоју, хладним говором чињеница анализира стратегију, тактику, извршиоце и наредбодавце медијског рата из којег су Срби изашли „ружни, прљави и зли“, који нисмо изгубили јер га заправо нисмо ни водили, у којем је – можда више од нас самих изгубила истина, злочиначки масакрирана – (да би је, мртву, у Хагу поново убијали!) -у име јединог права које још влада овом планетом – права јачег! [Богавац 2006: 296] – Книга журналиста Миши Вуйовича *Резня правды* холодным языком фактов анализирует стратегию, тактику, исполнителей и заказчиков информационной войны, из которой сербы вышли „безобразными, бесчестными и злыми“, которую мы не проиграли, потому что мы эту войну и не вели, и в которой больше всех проиграла правда, злобно убитая (чтобы ее, мертвую, в Гааге снова убили) во имя единого права, которое еще господствует на этой планете – права сильнейшего. Освещение военных событий требует

объективности, правды, ведь любая информация оказывает воздействие на сознание людей. Военные действия напрямую связаны с человеческими жизнями, и ложная информация может привести к непоправимым последствиям.

Автор показывает, что менталитет сербского народа связан с идеей «верить правде». Почему можно было победить сербский народ ложью? Потому что сербов отличает вера в Бога, искренность, доверие. Об этом говорит в послесловии к книге „Масакрирање истине“ Зоран Богавац: *А коју другу улогу, осим улогу жртве, је могао да одигра народ у чијем архетипу још није сасвим избледела идеја како „правда држи куле и градове“, који Бога Правде у химни, коју су покушали да му одузму, узима за сведока и заштитника, који (у песми увек а у зблији понекад) сам себи казује – „боље ти је изгубити главу, него своју огрешити душу“ – и у чијем Душановом законуку лажно сведочење остаде записано као најтеже кривично дело? [Богавац 2006: 296] – А какую еще роль, кроме роли жертвы, мог сыграть народ, в чьем архетипе еще не совсем угасла идея, что „правда держит башни и города“, который Бога Правды в гимнах воспеваает, которую у него попытались отнять и которую он берет себе в свидетеля и защитника, который (в песнях всегда, а на деле иногда) сам себе говорит: „лучше тебе потерять голову, чем взять грех на душу“, – и в чьем Душановом своде законов ложное свидетельство осталось записанным как самое тяжкое уголовное преступление.*

С лингвистической точки зрения нас интересует, какое отражение в связи с заявленным дискурсом в тексте нашли грамматические средства выражения значения принадлежности, какова их стилистическая функция. Обратим внимание на наиболее яркие случаи.

В книге наличествуют практически все поессивные средства – притяжательные прилагательные: *Фотографија Хрватице на синовљевом гробу месецима се вртела на страницама светских новина* [Вуйович 2006: 72] – *Фотографија хорватки у могили сына месецима мелькала на страницах газет всего мира; ...рече Желько, кафеџијин син*“ [Вуйович 2006: 92] – *...сказал Желько, сын хозяина кафе*; местоимения: *Излишно је овом приликом говорити колико је Срба протерано са својих огњишта, колико је избегло у СР Југославију...* [Вуйович 2006: 104] – *Излишне говорити при этом, сколько сербов изгнано со своих очагов, сколько их бежало в СР Югославию...*; *Нештали су у рушевинама своје куће, страдали од неког новог западног „хуманизма“* [Вуйович 2006: 55] – *Пропали в развалинах своих домов, пострадав от некоего нового западного „гуманизма“; ...исламски фундаменталисти испалили су гранату из ручног бацача на његов стан и том приликом убили његову супругу и брата* [Вуйович 2006: 108] – *...исламские фундаменталисты выпустили*

гранату из ручного гранатомета на его квартиру и при этом убили его жену и брата; Срби су прогнали недужне муслимане из њихових домова. Ове стравичне приче завлачиле су се у подсвест и натпросечних западних медиокритета [Вуйович 2006: 104] – Срби изгнали невинних мусульман из их домов. Эти страшные рассказы на Западе притягивали внимание обычных людей, несведущих в международной политике; родительный падеж принадлежности: Миле Пантић се налазио испред зграде када је на оближњу кућу породице Миладиновић испалена ракета, претворивши је у пепео [Вуйович 2006: 54] – Миле Пантић налазио се пред зданием, када в ближайши дом сeмљи Миладинович был пущен ракетный снаряд, который спалил его дотла; ...да је „Спремна ханџар дивизија“, уз илустрацију припадника ханџар дивизије како с фесом и крвавим ханџаром ногом стоји на глави српског лидера Радована Караџића [Вуйович 2006: 75] – ...на плакату с надписью „Готовая к бою ханджар-дивизија¹“ был изображен солдат из ханджар-дивизии в феске и с кровавым кинжалом в руке, стоящий на голове сербского лидера Радована Караџича. Дательный падеж принадлежности местоимений и существительных представлен меньшим количеством примеров в исследуемом тексте: ...док је Ибрахим Ругова убијен, а кућа му је запалена [Вуйович 2006: 40] – ...Ибрагим Ругова был убит, а дом его сожжен; „– Ово је крај света – коментарисали су многи док су им сузе липтале, али не од страха већ од испарења изазваних детонацијама“ [Вуйович 2006: 45] – „Это конец света,“ – говорили многие, в то время как слезы текли из их глаз, но не от страха, а уже от испарений, вызванных взрывом; Ево видите, усташе нам руше град [Вуйович 2006: 157] – Вот, видите, усташе² разрушают наш город.

Средства выражения принадлежности, показывая содержательную сторону событий, происходивших на Балканах с 1991 по 1999 годы, также работают на основную идею, они помогают увидеть сущность международных информационных служб, их роль в формировании сознания людей, помогают ответить на вопрос, почему сложилось негативное представление о сербах во многих зарубежных регионах.

Например, автор приводит случай, который оказался последним толчком к началу бомбардировки Сербии войсками НАТО. В средствах массовой информации на весь мир было объявлено, что сербы в Косово расстреляли мир-

ных жителей. Это высказывание опиралось на недобросовестное свидетельство об убитых одного из патологов. Спустя некоторое время после начала бомбардировки Сербии выяснилось, что это свидетельство было ложным: оказалась речь шла о военных людях, не гражданских. Приведем иллюстрацию из текста, относящуюся к данному случаю: „То су били текстови који су испали негативни“, открива нам сада госпођа Ранта и додаје, неко би рекао, заиста бестидно: „На конференцији за штампу дошло је до малог неспоразума“ [Вуйович 2006: 283] – „Это были тексты, которые получили негативными“, – открывает нам сейчас госпожа Ранта и добавляет, можно сказать, совершенно бестидно: „На пресс-конференции произошло небольшое недоразумение“. Автор далее отмечает: **Таж „мали неспоразум“ финског патолога са представницима медија** коштао је једну земљу 78 дана бруталног бомбардовања! [Вуйович 2006: 283] – То „небольшое недоразумение“ финског патолога с представителями информационных служб стоило одной стране 78 дней массированной бомбардировки. «Малое недоразумение» было принято и мгновенно распространено по миру службами массовой информации, воздействуя на умы и сердца людей. Это свидетельство безответственности и, как доказывает автор, того, что акция была спланирована заранее.

Одна из основных категорий языковой картины мира любого народа – противопоставление «свой – чужой» [Чудинов 2003: 38–39]. Особенно это противопоставление проявляется в текстах, касающихся войны или каких-либо других конфликтов. В анализируемом тексте «свои» – это сербский народ и народы, которые не поддержали разжигание военных действий на Балканах, не давали ложных свидетельств о событиях, происходящих на этой земле. «Чужие» – это государства, а также отдельные люди, стремившиеся всеми возможными средствами начать войну в Югославии. У них были свои интересы, а цель одна – поставить сербский народ на колени. Примеры, которые мы приведем, являются ярким свидетельством данного противопоставления.

Книга написана эмоционально; так, автор неоднократно подчеркивает посредством конструкций с притяжательным местоимением *наш* необходимость быть бдительными, не допустить повторения страшных событий, в то же время не склонять головы перед врагом: **Наше је само да климнемо главом?!** [Вуйович 2006: 18] – **Нам остається толькo киватъ головой?!; Но, Милошевић и наша дипломатија, заостава из времена пре пада Берлинског зида, мислили су да је само по себи довољно што је истина на нашој страни и да се кад-тад мора пробити у свет** [Вуйович 2006: 69] – **Но Милошевич и наша дипломатия остались еще во времени до падения Берлинской стены, дума-**

¹ «Ханджар-дивизија» – название идет от дивизии боснийских мусульман, в годы Второй Мировой войны воевавших на стороне немцев.

² Усташе – название хорватских военных объединений. Слово «усташ» сохранилось со времени Второй Мировой войны, где оно использовалось в значении «член хорватской фашистской организации».

ли, что довольно и того, что правда на **нашей стороне** и что когда-нибудь правда пробытается в мир; Међутим, уместо чињеницама међународна јавност, као и део **наших медија** бавио се другим тугаљивим темама [Вуйович 2006: 111] – *Между тем, вместо занятий фактами международная общественность, как и наши информационные службы, занималась щекотливыми темами. Та же мысль об ответственности народа приводится в предложении, где в состав местоименной конструкции входит метафора: Јесмо ли заборавили на Косову просуту крв 27. и 28. марта 1989, на тзв. дан државности? Видимо ли, да ли се усуђујемо да видимо своје лице у њој?* [Вуйович 2006: 200] – *Разве мы забыли кровь, пролитую в Косово 27 и 28 марта в день так называемого Национального праздника Сербии? Способны ли мы оценить свою роль в этом процессе?*

Чтобы ярче противопоставить, выделить негативную сущность ложных сообщений в иностранной прессе, масштабность их воздействия на людей, автор использует ряд других метафор. Например: **Велики Вокеров медијски оркестар** није заобишао ни добровољце... [Вуйович 2006: 229] – **Большой Вокеровский информационный оркестр** не обошел и добровољцев; „Решење је НАТО интервенција одмах, са копненим трупама и протекторатом на Косову“, написао је Томас Шмит, упоређујући ситуацију са холокаустом. Ово је само део **Вокеровог медијског оркестра** [Вуйович 2006: 229] – „Решение было принято, что интервенция НАТО начинается сразу вооруженными силами и контролем в Косово“, – написал Томас Шмит, сопоставив ситуацию с холокаустом. И это было сделано **Вокеровским информационным оркестром!** Подчеркивается, что в работе Вокера и его людей, создающих ложную информацию о событиях в Югославии, было все слаженно, как в оркестре. Приведем другой пример, свидетельствующий о влиянии В. Вокера на происходящие на Балканах события: ...да су извесни људи подобни и незаменљиви за сваку администрацију, потврдило се још једном у Вокеровом случају... Стога не чуди да му је на Косову додељена специјална мисија коју је, судећи по ефектима Рачка, прилично рутински одрадио. Ово потврђује и његова изјава дата по доласку на Космет: „Међународна заједница **проговара мојим устима.**“ [Вуйович 2006: 248–249] – ...То, что при каждой администрации есть подобные незаменимые люди, еще раз подтверждает случай с Вокером... Поэтому не удивительно, что в Косово ему была доверена специальная миссия, судя по последствиям в селе Рачак, выполненная им умело. Это подтверждает и его заявление, сделанное им по прибытии в Косово: „Международная общественность **начинает говорить моими устами.**“ Приведем еще случаи,

когда автор посредством метафоры сравнивает информационные службы с сетью: **Глобалне ТВ мреже** вапаје за интервенцијом покривале су ужасним призорима, не само са Космета [Вуйович 2006: 229–230] – **Мировая ТВ-сеть** призывает к военной интервенции и представляет ужасный обзор не только с Косово-Метохији. Характерно, что подобная метафора приводится в другом контексте, своим содержанием сближающем обе ситуации: „...амерички и европски званичници су све забринутими због присуства **Бин Ладенове мреже** на Западу, као и због близине терориста стационараних у Босни, у срцу Европе“ – пише Лос Анђелес тајмс, позивајући се на извештај Стејт департамента у коме стоји да је велики број терориста с пасошима БиХ, путовало по свету [Вуйович 2006: 79–80] – „...американские и европейские представители обеспокоены из-за присутствия **сети Бен Ладена** на Западе, а также из-за близости террористов, находящихся в Боснии, в сердце Европы“, – пишет “Лос-Анджелес Таймс”, ссылаясь на сообщение Министерства иностранных дел Америки, в котором подчеркивается, что большое число террористов, имея паспорта Боснии и Герцеговины, путешествовало по миру.

Метафора подчеркивает бездушие людей, ведущих репортажи с места военных событий. Приведем случай, когда иностранной журналистке для достоверности своего репортажа не хватало снимка изможденного человека и как она наконец-то нашла „свой скелет“: *Слика из сабирног центра у Омарској није се уклопила у сценарио креатора ратне пропаганде. Недостајали су...справа за мучење, живи скелети... Код једног складишта... Пени Маршал наилази на групу муслимана. Међу њима, без кошуље, го до појаса стоји Фикрет Алић. Мршав, исушеног тела, с кожом слепљеном за кости, упалих образа...Пени Маршал, као у трансу, прилази Фикрету, рукује се с њим. Напакон је **нашла свој скелет*** [Вуйович 2006: 99] – *Картина из лагеря военнопленных в населенном пункте Омарска не входила в сценарий режиссера военной пропаганды. Недоставало данных о мучениях, живых скелетов... Возле одного склада Пенни Маршал встретила группу мусульман. Среди них стоял Фикрет Алич, без рубашки, голый до пояса. Он был худой, истощенный, „кожа да кости“, со впалыми щеками. Пенни Маршал, как в транс, подошла к Фикрету, поздоровалась с ним. Наконец-то **нашла свой скелет!*** Так в средствах массовой информации появился первый снимок „сербского концлагеря“.

В следующей метафоре акцентируется внимание читателя на непрестанное внушение людям негативной информации о сербах: *У лето те 1992. јеврејске организације у Њујорку почињу да демонстрирају против српског нацизма, подржавајући писање њујоршког днев-*

ника **који је своје читаоце** из дана у дан **бомбардовао** језивим информацијама о логорима смрти... [Вуйович 2006: 98] – Летом 1992 года еврейские организации в Нью-Йорке начали протест против сербского нацизма, поддерживая писания „Нью-йоркского дневника“, который **своих читателей** изо дня в день бомбардировал ужасными сообщениями о лагерях смерти.

Приведем пример, где в составе одного предложения имеется несколько посессивных конструкций, представляющих собой метафору. Тем самым автор снова подчеркивает мощь и несоответствие правде выступлений информационных служб и единых с ними международных организаций, с той же целью в предложении приводятся прецедентные тексты: *Уистину, стомак се јесте превртао и још се преврће свакој нормалној и часној особи, нарочито када упореди тајне извештаје са јавним исказима високих званичника „међународне заједнице“ и њихових медија који попут запенушаних римских посматрача гладијаторских борби у арени испуњеној крвљу – повременио дижу или спуштају свој крвави палац надоле* [Вуйович 2006: 195] – Поистине, **душа** перевернется у **каждого человека** и каждый раз это будет происходить с нормальным и честным человеком, особенно если сопоставить эти тайные сообщения с общественными высказываниями высоких представителей „международных организаций“ и их информационных служб, которые, наподобие **оголтелых римских зрителей гладиаторских боев** на арене, заполненной кровью, время от времени поднимают или **опускают свой кровавый палец**.

Прецедентные тексты, наряду с другими языковыми средствами, автор использует с целью сделать свою информацию более значимой, запоминающейся, например: *Као Демоклов мач над главама, виси нам колектива одговорност – пенали мерени стотинама милијарди долара, период денацификације и преваспитавања* [Вуйович 2006: 18] – *Как Демоклов меч над головой, висит над нами ответственность – пенальти, измеряемое сотнями миллиардов долларов, время денацификации и перевоспитания.*

В тексте отмечены и другие образные средства языка, способствующие выразительности высказывания, например метонимия: *Зашто се и даље манипулише бројем страдалих у Сребреници?!... немачки министар одбране Рудолф Шарпинг, говорећи о „геноциду“ Срба над Албанцима, изјавио је, да су Срби у Сребреници пред очима Плавих шлемова убили 30.000 муслимана* [Вуйович 2006: 112] – *Почему и дальше продолжают манипулировать числом пострадавших в Сребренице?! ...немецкий министр обороны Рудольф Шарпинг, говоря о „геноциде“ албанцев со стороны сербов, заявил, что сербы в Сребренице на глазах „Го-*

лубых шлемов“ убили 30000 тысяч мусульман; ...да један нормалан људски мозак изузетно тешко може да издржи све оно што стоји у извештајима с Косова... [Вуйович 2006: 194–195] – *...нормальный человеческий мозг с трудом мог выдержать все, что содержалось в сообщениях из Косово.*

Категория принадлежности отмечена конструкциями с ярко выраженной негативной коннотацией, например, в следующем контексте подчеркивается теневая сторона „гуманитарной помощи“: *Петнаестак година касније већ је довољно богат и почиње ширење своје хуманитарне хоботнице по истоку* [Вуйович 2006: 66] – *Спустя пятнадцать лет, будучи уже довольно богатым, он начинает „распускать свои „гуманитарные“ щупальцы“ на Восток.* В одном из примеров представлено негативное оценочное суждение в конструкции со словом «душа»: *Испред продавнице неколико мештана испија пиво. – Ајде, новинари, попијте по једну! Ово су старе залихе „Вайферта“, није загађено, а хладно је као Клинтонова душа* [Вуйович 2006: 48] – *Возле магазина несколько местных пили пиво. – „Давайте, журналисты, выпейте по одной! Это из старых запасов „Вайферта“, не испорчено, а холодное, как Клинтонова душа“.* Также инвективное употребление конструкции принадлежности со словом «душа» находим в другом контексте: *Радмила Јонић показује своју зубну ординацију, разваљену као вампирска душа* [Вуйович 2006: 57] – *Радмила Јонич показывает свой зубной кабинет, разваленный, как вампирская душа.* В данном контексте автор показывает посредством метафоры всю страшную и разрушительную силу бомбардировок, пишет о противоестественности войны, о неправимости ее последствий. Негативное оценочное суждение находим и в следующем случае: *Ко је Хашима Тачија, званог Змија, гурнуо у крило Мадлен Олбрајт?* [Вуйович 2006: 231] – *Кто Хашима Тачия, называемого Змеем, толкнул под крыло Мадлен Олбрайт?*

В тексте представлены очень яркие заголовки, также привлекающие внимание читателя и в образной форме подчеркивающие основную мысль статьи. Приведем некоторые из них: *Црна крила „Милосрдног анђела“* [Вуйович 2006: 40] – *Черные крылья „Милосердного ангела“.* В данном разделе автор приводит отдельные примеры военной пропаганды за время агрессии НАТО против Югославии. В цитируемом заголовке акцентируется внимание на том, что одна из акций агрессии НАТО – бомбардировка Югославии – имела название «Милосердный ангел»: в средствах массовой информации она представлялась как помощь «угнетенному» албанскому народу. В этой же статье автор далее пишет: *Познато је колико је у тој „милосрдној“ акцији уништено цивилних објеката, колико је убијено грађана, деце, жена, стараца, као и колико је поштован прин-*

цип селективности цилева [Вуйович 2006: 40] – Известно, сколько в той „*милосердной*“ акции уничтожено гражданских объектов, сколько убито граждан, детей, женщин, стариков и насколько соблюдался принцип точечной цели. В названии статьи показано явное противопоставление миссии НАТО и ее результата: *черные крылья и белый ангел* – понятия несовместимые.

Возьмем другой пример: *Фудбал људским главама* [Вуйович 2006: 192] – *Футбол головами людей*. В разделе под этим заглавием акцентируется внимание на различных измышлениях в адрес «зверств» сербов и показана реальная картина происходящих событий. Посредством метафоры подчеркивается глобальный характер лжи, на которую были способны представители служб массовой информации. Вынесенная в заглавие метафора *Вокерова шпијунска мрежа* [Вуйович 2006: 254] – *Воке-ровская шпионская сеть* также подчеркивает масштабы шпионской деятельности В. Вокера и его помощников. Следует отметить, что эта метафора несколько раз повторяется в книге М. Вуйовича.

Подведем итоги. Все вышеупомянутые образные средства, употребляемые с участием категории посессивности, принимают прямое участие в формировании политических высказываний и, далее, в формировании языковой картины мира сербской нации с помощью противопоставления «свой – чужой»; они могут использоваться в политическом дискурсе как компоненты метафоры, метонимии, оксюморона, инвективной лексики, прецедентных текстов и других образительных средств языка.

ЛИТЕРАТУРА

Богавац З. Црвени бојовници и страни плаћеници. Над рукописом *Масакрирање истине* Мише Вујовића // Вујовић М. Масакрирање истине. – Подгорица: Нова Пазова, 2006. С. 295–301.

Вујовић М. Масакрирање истине. – Подгорица: Нова Пазова, 2006.

Радовић В. Предговор првом издању // Вујовић М. Масакрирање истине. – Подгорица: Нова Пазова, 2006. С. 9–10.

Чудинов А. П. Политическая лингвистика (общие проблемы, метафора): учебное пособие. – Екатеринбург: Изд-во Уральского гуманитарного института, 2003.

© Ушакова А. П., 2010

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫК – ПОЛИТИКА – КУЛЬТУРА

УДК 811.133.1:81'255.4

Ю. А. Истратова
Екатеринбург, Россия

Yu. A. Istratova
Ekaterinburg, Russia

ПОЛИТИЧЕСКАЯ АЛЛЮЗИЯ У БРАССЕНСА
ГСНТИ 16.21.27; 16.21.33

POLITICAL ALLUSION IN BRASSESS'S SONGS
Код ВАК 10.02.20

Аннотация. Обсуждается проблема употребления, восприятия в русской культуре и перевода политических аллюзивных онимов в творчестве французского поэта XX в. Жоржа Брассенса.

Abstract. The article deals with the problems of usage, comprehension in Russian culture and translation of political allusive proper names in the works of the XXth century French poet Georges Brassens.

Ключевые слова: аллюзия; аллюзивный оним; политическая аллюзия

Key words: allusion; allusive proper name; political allusion.

Сведения об авторе: Истратова Юлия Александровна, аспирант, преподаватель кафедры романских языков.

About the author: Istratova Yulia Aleksandrovna, Post-graduate Student, Teacher of the Chair of Roman Languages.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

Контактная информация: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26.
e-mail: juliaistratova@gmail.com.

Жорж Брассенс (1921–1981) – французский поэт и композитор, исполнитель собственных песен. В детстве был увлечен поэзией Вийона и Верлена, и на первые стихотворные опыты был вдохновлен ими. В 1952 г. начал выступать как певец в кабаре. Его песни, едкие, изобилующие арго, сразу приобрели скандальную известность. Вскоре он был признан настоящим шансонье со своим неповторимым стилем, творчество которого понятно каждому французу. Кроме текстов к своим песням, Брассенс сочинил музыку к 16 стихотворениям разных французских поэтов, в том числе Франсуа Вийона, Виктора Гюго, Франсиса Жамма, Поля Фора. В 1961 г. он был удостоен награды Шарля Кро, а в 1967 г. – Гран-при поэзии, однако никогда не считал себя поэтом, скорее «автором песен». Брассенсу претила официальная культура, но он всегда отрекся и от парижской богемы. Певец помогал молодым талантам, среди которых был, например, Жак Брель. Французский шансонье пользовался огромной популярностью не только во Франции, но и в Испании, Италии, Англии, России. Он обладал редкостной искренностью и обаянием, для которых не существует государственных границ.

Многим песням Брассенса присущи ирония по отношению к стандартным ценностям, нонконформизм, острая политическая направленность. Если вспомнить, во Франции политическая песня начала развиваться по крайней мере со времен французской революции 1789 г., когда произошел настоящий песенный взрыв. Форма шансона рассматривалась как важное средство распространения политических идей.

Ономастическая аллюзия – излюбленный прием Ж. Брассенса. Изучение поэзии Ж. Брассенса показывает: в его поэтических текстах встречается 420 аллюзивных онимов (всего в опубликованных 198 текстах песен отмечается 630 употреблений). Таким образом, на одну песню приходится в среднем более трех аллю-

зивных онимов (далее – АО). Среди этих случаев преобладают АО, которые употребляются во всем корпусе песен Брассенса только 1 раз (*Abyssinie, Dijon, Minotaure, Zutty*), некоторые АО встречаются 2 раза и более (*Marseillaise, Pénélope, Rome*), а есть и такие, которые употребляются многократно (*Cupidon, Margot, Vénus*). Онимы Брассенса распределяются по трем основным группам:

1. Наименования живых существ и существ, воспринимаемых как живые. Среди них: 1) Антропонимы (личные женские и мужские имена, не принадлежащие определенным людям; фамилии, не принадлежащие определенным людям; имена деятелей культуры – писателей, поэтов, ученых, философов, музыкантов, художников и др.; имена политиков; имена литературных, сказочных и др. персонажей; наименования людей по месту жительства, происхождению и групповые названия людей); 2) Мифонимы (античные мифонимы; библейские мифонимы; бытовые мифонимы; топонимические мифонимы).

2. Наименования неодушевленных предметов, среди которых: 1) Топонимы (названия континентов; названия государств; названия регионов; названия городов и населенных пунктов Франции; названия коммун; названия других (нефранцузских) городов и населенных пунктов; названия рек, озер и пр. водоемов; названия островов; названия гор; названия улиц; названия мостов; названия кварталов; названия городских ворот; названия площадей); 2) Космонимы, астронимы, фитонимы. 3) Наименования отдельных предметов, средств передвижения, награды и символов.

3. Наименования комплексных объектов: 1) предприятий, учреждений, общественных объединений, СМИ; 2) произведений различных жанров (священных текстов, молитв; популярных песен; песен Жоржа Брассенса; произведений различных авторов; картин); 3) памятни-

ков (мемориальных комплексов; церквей, аббатств; госпиталей; известных тюрем; прочих памятников); 4) отрезков времени, праздников, юбилеев, кампаний, войн; 5) прочие названия, к которым мы относим: названия должностей; мифологических объектов; абстрактных понятий.

Класс антропонимов у Ж. Брассенса – самый многочисленный. К нему относятся:

– Личные имена. Ж. Брассенс употребляет большое число, главным образом французских, имен, не принадлежащих определенным людям. Фактически, имена употребляются вместо слов «человек», «мужчина», «женщина» с определенным дополнительным смыслом в зависимости от самого имени. Среди них выделяются женские имена (их большинство) и мужские.

– Фамилии. Таких примеров немного: *Dubois, Duchêne, Dupont, Dupuis, Durand, Machin, Martin* и др.

– Имена деятелей культуры. У Ж. Брассенса встречаются имена деятелей культуры (всего 38 употреблений). Это писатели, поэты, ученые и философы, музыканты и др. Среди них – деятели культуры прошлого (*Homère, Hippocrate, Montaigne*), преобладают великие французские поэты и писатели (*Villon, Hugo, Apollinaire*), современники Ж. Брассенса, а также его хорошие знакомые и друзья (*Prévert, Valéry, Brel*). Встречаются имена музыкальных кумиров молодости Брассенса (*Bechet, Zutty*).

– Имена литературных, сказочных и других персонажей (всего 19 АО). Брассенс упоминает в своих песнях имена французских, английских, испанских и др. персонажей. У него встречаются также сказочные персонажи, и даже персонажи комиксов.

Для создания ономастической аллюзии Ж. Брассенс использует также имена политиков. В его текстах число упоминаемых по именам политиков несколько уступает числу деятелей культуры, однако актуальная политика в целом – одна из самых животрепещущих тем творчества поэта. Напомним, что Жорж Брассенс был активистом Федерации анархистов. Он написал свою первую статью для их газеты «Le Libertaire» в 1946 г., а позже участвовал в ее редактировании. Брассенс откровенно высказывал свои взгляды в песнях, активно используя насмешку, сатиру и аллюзию, что ярко проявляется в том числе в употреблении политических онимов. В корпусе его песен мы обнаружили следующие имена политических деятелей:

а) Имена политических деятелей древности: *Attila, Crésus*.

Attila. – *Pauvre amour, tiens bon la barre, // Le temps va passer par là, // Et le temps est un barbare // Dans le genre d'Attila* (В., 2004, с. 86). – Ж. Брассенс использует в стихотворении имя вождя гуннов Аттилы, объединившего под своей властью варварские племена от Рейна до

Северного Причерноморья, дабы донести до читателя мысль о том, что время разрушает очарование молодости, очевидно, с безжалостностью вождя гуннов.

Crésus. – 1. *Mais c'était trop beau, au pont Mirabeau la belle volage // Un jour se perchait sur un ricochet et gagnait le large. // Elle me fit faux-bond pour un vieux barbon, la petite ingrate // Un Crésus vivant, détail aggravant, sur la rive droite, sur la rive droite* (В., 2004, с. 259). 2. *Un dur balafré courait sus // Au vieux qu'il prenait pour Crésus, // Tortillant de la croupe et claquetant de la semelle, // Et derrière le dur balafré // Marchait un flic à pas feutrés, // Tortillant de la croupe et redoublant le pas* (В., 2004, с. 355). – Крез, последний царь Лидии в 560–546 гг. до н. э., по легенде, благодаря золотоносной реке Пактол, был сказочно богат. Его имя используют и сегодня, когда речь идет об очень состоятельном человеке. Жорж Брассенс рассказывает историю девушки, которая предпочла ему мужчину почтенного возраста, богача, обитателя Правого берега (la Rive droite) Сены – привычно-консервативного берега буржуа, противопоставляемого Левому, заселенному в основном персонажами богемы.

б) Имена европейских политических деятелей XVI–XIX вв.: *Bonaparte, Cambronne, Henri II, Malbrough, Napoléon*.

Bonaparte. – *Je sais que les guerriers de Sparte plantaient pas leurs épées dans l'eau, // Que les grognards de Bonaparte // Tiraient pas leur poudre aux moineaux* (В., 2004, с. 151). *Я знаю, что герои Спарты // Мечом косили не бурьян // И гренадеры Бонапарта // Палили не по воробьям* [Аванесов 2002: 25]. – Брассенс упоминает имя Наполеона I Бонапарта, императора Франции в 1804–1815 гг., французского полководца и государственного деятеля.

Cambronne. – *Quand un olibrius portait une couronne, // Tous en chœur on applaudissait, // Nous les fiers descendants du général Cambronne, // Dans mon rêve où le roi des cons était français* (В., 2004, с. 363). – Пьер Жак Этьен Камбронн – французский генерал. Его имя Ж. Брассенс упоминает в одном из стихотворений с анархической подоплекой «Roi des cons» («Король дураков»), где высказывает свои политические убеждения. На многочисленные упреки в индивидуализме Брассенс отвечал: «Да, я люблю думать в одиночку и ненавижу стадность. Но это не имеет ничего общего с необходимостью коллективных усилий. Если я не могу сдвинуть камень, то зову на помощь друзей. Вообще, если не считать тех, кто убивает, все люди нужны и полезны. Даже жандармы. И даже юре. Но никто меня не убедит, что мысль работает лучше, когда сотни глоток орут одно и то же».

Henri. – *Ayant foulé le faux gazon, je la suivis dans la maison // Où brillait sans se consumer un genre de feu sans fumée. // Face au faux buffet Henri deux, alignés sur les rayons de // La*

bibliothèque en faux bois, faux bouquins achetés au poids (В., 2004, с. 272). *Аллеей липовой ве-дом, // За нею вслед вошел я в дом. // В гостиной электрокамин // Горел без дыма, рядом с ним // Буфет, на вид Анри Второй, // В шкафу томов старинных строй. // Буфет – подделка, вот вам крест, // Тома закуплены на вес* [Аванесов 2002: 67]. – Имя Генриха II (короля Франции с 31 марта 1547) фигурирует в стихотворении Брассенса («Histoire se faussaïre»), в котором речь идет о доме, где ему случилось погостить. Все в этом доме оказалось фальшивым: и антикварная мебель в стиле Генриха II, и камин, и книги – все было подделкой.

Malbrough. – *Que les seuls généraux qu'on doit suivre aux talons, // Ce sont les généraux des petits soldats de plomb. // Ainsi chanteriez-vous tous les deux en suivant // Malbrough qui va-t-en guerre au pays des enfants* (В., 2004, с. 173). – Здесь речь о Джоне Черчилле (1650–1722), английском военном и государственном деятеле, имеющем репутацию самого выдающегося английского полководца в истории. За свои заслуги он был пожалован титулами графа, и затем – первого герцога Мальборо (Duke of Marlborough).

Napoléon. – 1. *Pauvres rois, pharaons! Pauvre Napoléon! Pauvres grands disparus gisant au Panthéon! // Pauvres cendres de conséquence! Vous enviérez un peu l'éternel estivant, // Qui fait du pédalo sur la vague en rêvant, qui passe sa mort en vacances* (В., 2004, с. 187). 2. *Mes pipelets sont corses tous deux, // J'eus tort en disant devant eux, // Que Tino et Napoléon // Jouaient mal de l'accordéon. // Vendetta, vendetta, // Vendetta, vendetta* (В., 2004, с. 332). 3. *Et tout ça, tout ça, voyez-vous // Parce qu'un jour j'ai dit à ces fous, // Que Tino et Napoléon // Jouaient mal de l'accordéon. // Vendetta, vendetta, // Vendetta, vendetta* (В., 2004, с. 334). – Снова Брассенс включает в текст стихотворения имя выдающегося французского полководца, на сей раз в восклицании, которым начинается последний куплет одной из наиболее известных песен Ж. Брассенса «Молю, похороните меня на кладбище Сета» («Supplique pour être enterré à la plage de Sète» – пер. мой). Мы полагаем, имя использовано для патетики в одном ряду с восклицаниями, обращенными, очевидно, к другим деятелям культуры и истории (ряд: короли, фараоны, Наполеон и т. д.).

в) Имена политических деятелей 20 в.: *Franklin, Franco, Laval, Mussolini, Négus, Pétain, Staline.*

Franklin (Benjamin). – *En bénissant le nom de Benjamin Franklin, // Je l'ai mise en lieu sûr entre mes bras câlins // Et puis l'amour a fait le reste!* (В., 2004, с. 131). *Бена Франклина подвиг научный воспев, // Я ее от грозы укрыл, прижав к себе, // А там любовь взялась за дело* [Аванесов 2002: 77]. – Бенджамен Франклин (1706–1790) – ученый, журналист, издатель, дипломат. Один из лидеров войны за независимость

США. Первый американец, ставший иностранным членом Российской академии наук. Брассенсу он необходим в этом стихотворении в другом любопытном «значении». Считается, что Бенджамен Франклин изобрел молниеотвод, а позже и громоотвод (опыты Франклина с громоотводом состоялись в 1760 г.). «Он отнял молнию у небес...» – гласит надпись, вырезанная на бюсте Б. Франклина работы скульптора А. Гудона. Лирическая героиня песни Брассенса (по сюжету, его соседка) однажды спасалась от грозы и от страха ворвалась в его квартиру, объяснив, что очень боится оставаться одна. Девушка призналась, что ее муж – торговец громоотводами, и гроза для него – благословенное время. Нетрудно догадаться, что персонаж Брассенса охотно приютил девушку, «Бена Франклина подвиг научный воспев».

Franco. – 1. *Que sur un air de fandango, que sur un air de fandango, // On congédie le vieux Franco, on congédie le vieux Franco, // Mais il y a peu de chances qu'on détrône le roi des cons* (В., 2004, с. 249). 2. *J'ai conspué Franco la fleur à la guitare // Durant pas mal d'années; // Faut dire qu'entre nous deux, simple petit détail // Y avait les Pyrénées!* (В., 2004, с. 371). – Полное имя Франко – Франсиско Паулино Эрменехильдо Теодуло Франко Багамонде (1892–1975). Это правитель и диктатор Испании с 1939 г. до своей смерти в 1975, еще один персонаж песни Брассенса анархического содержания.

Laval. – *A l'heure de Pétain, à l'heure de Laval, // Que faisiez-vous mon cher en plein dans la rafale? // Je chantais, et les autres ne s'en privaient pas : // «Bel ami», «Seul ce soir», «J'ai pleuré sur tes pas»* (В., 2004, с. 366). – Брассенс включает в стихотворный текст имя Пьера Лавалля (1883–1945), французского политика-социалиста. В 1936–1940 годах он получил известность как медиамагнат, владелец нескольких газет и радиостанций. Его имя использовано в стихотворении с целью обозначения определенного временного отрезка – «времена Лавалля».

Mussolini. – *Frapper le gros Mussolini, // Même avec un macaroni, // Le Romain qui jouait à ça // Se voyait privé de pizza. // Après le Fronte Populaire, // L'hidalgo non capitulard // Qui s'avisait de dire «niet» // Mourait au son des castagnettes* (В., 2004, с. 371). – В песне Брассенса фигурирует итальянский диктатор, политический деятель Бенито Амильякаре Андреа Муссолини (1883–1945), увековечивший «фашизм» как термин.

Négus. – *Qu'en Abyssinie on récuse, qu'en Abyssinie on récuse, // Le roi des rois, le bon Négus, le roi des rois le bon Négus, // Mais il y a peu de chances qu'on détrône le roi des cons* (В., 2004, с. 249). Негус – титул императора Эфиопии вплоть до свержения монархии в 1975. Еще один персонаж песни Брассенса «Roi des cons», в которой поэт дал волю своим анархическим воззрениям.

Pétain. – 1. *Maintenant chers tontons, que les temps ont coulé, // Que vos veuves de guerre ont enfin convolé, // Que l'on a requinqué dans le ciel de Verdun, // Les étoiles ternies du maréchal Pétain* (В., 2004, с. 172). 2. *A l'heure de Pétain, à l'heure de Laval, // Que faisiez-vous mon cher en plein dans la rafale? // Je chantais, et les autres ne s'en privaient pas : // «Bel ami», «Seul ce soir», «J'ai pleuré sur tes pas»* (В., 2004, с. 366). – Имя Анри Филиппа Петена (1856–1951), французского военного и политического деятеля, как и имя Лавала, фигурирует в стихотворении в качестве обозначения временного отрезка.

Staline. – *Qui crachait sur la croix gammée, // Dans une mine était sommé // De descendre extraire du sel // Pour assaisonner les Bretzels. // Avant que son jour ne décline, // Qui s'élevait contre Staline // Filait manu militari // Aux sports d'hiver en Sibérie* (В., 2004, с. 371). – Примечательно, что в одной из песен Брассенса ставит в один ряд фашистский и коммунистический диктаторский режимы.

Из 14 приведенных выше примеров на русский язык переведены лишь три французских онима: *Vonaparte – Бонапарт; Benjamin Franklin – Бен Франклин; Henri II – Анри Второй*. Из вышеизложенного следует, что большая часть стихотворений Брассенса на русский язык не переведена, и аллюзивный смысл большей

части его поэтических онимов русскому читателю (слушателю) непонятен или неизвестен.

Итоги. Большая часть политических имен собственных, употребляемых Брассенсом, не переведена. Переводятся не все песни Брассенса, а часть его песен сложна для интерпретации. Внимание переводчиков привлекает только та часть песен Брассенса, которые кажутся им актуальной и злободневной в российской культуре. Многие онимы, встречающихся у Брассенса, отсутствуют в русской культуре или непонятны по своему аллюзивному смыслу, а некоторые не переводятся по разным обстоятельствам, связанным с особенностями конкретного текста.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов А. Г. Брассенс в русском переводе. – М.: Стратегия, 2002.

Википедия – свободная энциклопедия. На русском языке. Интернет-ресурс, 2010. URL: <http://ru.wikipedia.org>.

Истратова Ю. А. Аллюзия во французской поэзии Жоржа Брассенса. – Екатеринбург, 2010.

Караулов Ю. Н. Общая и русская идеография. – М., 1976.

Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. – М.: Наука, 1973.

Brassens G. Poèmes et chansons. – Paris.: Seuil, 1993.

© Истратова Ю. А., 2010

М. Ю. Мухин

Екатеринбург, Россия

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ
И ЛИЧНОСТНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ
В ОБОЗНАЧЕНИЯХ ЧЕЛОВЕКА

(по произведениям М. Булгакова, В. Набокова,
А. Платонова и М. Шолохова)

ГСНТИ 16.21.33

Аннотация. В статье рассмотрены номинации человека в произведениях М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова, свойственные, по данным сопоставительного частотного анализа, каждому из четырех авторов. Соотношение обозначений человека, отнесенных к различным денотативным сферам, отражает идиостильные особенности.

Ключевые слова: идиостиль; частотный анализ; идеографический анализ; М. Булгаков; В. Набоков; А. Платонов; М. Шолохов.

Сведения об авторе: Мухин Михаил Юрьевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка.

Место работы: Уральский государственный университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620026, г. Екатеринбург, ул. Куйбышева, д. 105, кв. 57.
e-mail: mfly@sky.ru.

Теоретические модели категоризации мира отражаются в новых идеографических словарях и семантических корпусах (см. об этом, например: [Бабенко 2004; Баранов, Добровольский, 2007; Кустова, Ляшевская, Падучева, Рахилина, 2005; Чернейко, 1997; Шведова, электрон. ресурс; и др.]). Современный тезаурус не только позволяет точно развести значения слов и выявить семантические отношения между ними. Он по-новому представляет картину действительности и ее фрагментов (см. об этом в предисловии к Словарю-тезаурусу синонимов русской речи [Словарь-тезаурус синонимов 2007: 14]).

Достижения лексической идеографии можно приложить к систематизации семантики художественного текста. А. И. Новиков в книге «Семантика текста и ее формализация» предложил возможный подход к системному выделению содержания текста, включающий построение денотативной структуры текста, выделение ключевых слов, определение связей денотатов [Новиков 1983: 173]. О возможности создания литературных тезаурусов на статистической основе пишут многие филологи (см., например: [Михеев, электрон. ресурс]). Думается, что тематическая группировка лексики – это основание, на котором возможно логичное моделирование как семантики текста, так и в целом концептуальной системы автора.

На что опираться при выделении семантических категорий в художественном тексте? Мы избираем денотативную стратегию, предполагающую разбиение лексики на сферы действительности и уже во вторую очередь – на идеографические группы и подгруппы. Основой для

M. Yu. Mukhin

Ekaterinburg, Russia

SOCIO-POLITICAL
AND PSYCHOLOGICAL IDENTITY
IN PERSONAL NAMING

(as reflected in works by M. Bulgakov, V. Nabokov,
A. Platonov and M. Sholokhov)

Код ВАК 10.02.19

Abstract. The article inquires into the distinctive personal nominations in works by M. Bulgakov, V. Nabokov, A. Platonov and M. Sholokhov, subsequent to the results of their separate comparative and quantitative analysis. The correlation between the name units related to different denotative spheres reflects individual style features.

Key words: idiostyle; quantitative analysis; ideographic analysis; M. Bulgakov; V. Nabokov; A. Platonov; M. Sholokhov.

About the author: Mukhin Mikhail Yurievich, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of the Modern Russian Language.

Place of employment: Ural State University (Ekaterinburg).

выделения классов слов являются идеографические классификации, принятые в словарях лексикографической группы «Русский глагол», созданных под руководством проф. Л. Г. Бабенко (см. список литературы). Категории базового уровня «формируют денотативные сферы словаря: неживая природа, живая природа, человек как живое существо, эмоции, оценка, речь, интеллект... Каждая денотативная сфера с учетом характерных для нее параметров и особенностей конкретизации фрагментов действительности включает в свой состав идеографические классы слов» [Словарь-тезаурус синонимов 2007: 18]. Соотношение оригинальных сфер и групп определяется как универсальными отношениями, существующими в действительности, так и национально-языковыми особенностями. В то же время многие денотативные категории проявляют тематическое сходство. Например, все сферы социальной деятельности включают в свой состав группы слов, обозначающих человека. Таковы существительные *электрик* (сфера «Техника»), *священник*, *монах* («Религия»), *следователь* и *преступник* («Право»), *дирижер* и *скрипач* («Искусство»), *генерал* и *солдат* («Военная служба») и т. д. Кроме того, наиболее общие номинации включаются в сферу «Человек как живое существо».

Специфика распределения в художественном тексте тематических групп лексики может свидетельствовать об индивидуальной концептуальной картине мира автора художественного текста. Однако ряд слов (типа *человек/люди*, *жена*, *женщина*, *мать* и др.) закономерно часто встречается практически в любом произведе-

нии, т. е. имеет не идиостилевую, а универсальный характер. В связи с этим, сопоставив частотные слова из текстов М. Булгакова, В. Набокова, А. Платонова и М. Шолохова, мы выбрали лексику, часто встречающуюся в разных произведениях одного из писателей и одновременно нехарактерную для других авторов. В выборке материала участвовали 16 крупных произведений: «Белая гвардия», «Жизнь господина де Мольера», «Театральный роман», «Мастер и Маргарита»; «Король, дама, валет», «Защита Лужина», «Камера обскура», «Дар»; «Сокровенный человек», «Чевенгур», «Котлован», «Ювенильное море»; «Тихий Дон», «Поднятая целина», «Они сражались за Родину», «Судьба человека» (далее – Б:БГ, Б:ЖМ, Б:ТР, Б:ММ; Н:КДВ, Н:ЗЛ, Н:КО, Н:Д; П:СЧ, П:Ч, П:К, П:ЮМ; Ш:ТД, Ш:ПЦ, Ш:ЗР, Ш:СЧ соответствен-

но). Суммарно в этих текстах около 1,5 миллиона словоупотреблений. Заметим, что обязательное привлечение нескольких текстов одного автора дает возможность «смягчить» влияние сюжета произведения на выборку материала. Вследствие этого в авторский лексический набор не попадают, например, слова *прокуратор* (Б:ММ), *комендант* (Ш:СЧ), *атаман* (Ш:ТД) и т. п., являющиеся частотными только в одном тексте.

После систематизации материала сложилось четыре авторских списка слов, из которых в данной статье рассматриваются обозначения человека – нарицательные существительные (имена собственные в материал не включались), а также некоторые прилагательные, непосредственно соотносимые с этими существительными (см. таблицу).

Таблица 1.

Слова, обозначающие человека, в творчестве четырех авторов

Автор	Список слов
М. Булгаков	<i>Король, актер, публика, автор, директор, группа, королева, компания, драматург, девица, цепь, актриса, старший (сущ.), посетитель, литератор, мальчишка, редактор, зритель, свита, спутник, император, шайка, фигурка, партер</i> (т. е. люди, сидящие в партере), <i>тип, глава</i>
В. Набоков	<i>Студент, знакомый, горничная, невеста, барышня, художник, дантист, родители, родственник, лакей, швейцар, жених, призрак</i> (в значении «человек, внешность которого незначима или малоразличима»: Призраки уносили доски, стулья [Н:ЗЛ])
А. Платонов	<i>Пролетариат, масса, машинист, буржуй, буржуазия, пролетарий, сирота, бедняк, кузнец, рабочий, пролетарский, население, мастеровой, помощник, житель, пешеход, надзиратель, вождь, остаток, беднота, многие, кулацкий, кулачество, механик, элемент, бригада, одиночник, служащий, куча, гуца</i>
М. Шолохов	<i>Казак, казачий, дед, парень, есаул, детишки, пленный (сущ.), бабий, братец, полковник, пулеметчик, гад, мамаша, браток, мужской, итьки</i> (в значении «бойцы»), <i>солдатский, майор, сынок, автоматчик, начальство, фриц</i>

Нельзя не согласиться с принципиальной для количественного анализа текста мыслью, которую высказывает Р. Н. Ваауен: словоупотребление испытывает влияние как уровня фразы, так и уровня дискурса, что отражается на частоте слова в конкретном произведении [Ваауен 2001: 7–8]. Однако автор не может абсолютно влиять на выражение в тексте своей концептуальной картины мира. Слова, которые избирают для обозначения человека четыре писателя, на наш взгляд, весьма показательны и подтверждают разные идиостилевые соображения.

Так, у А. Платонова и М. Булгакова больше, чем у других, нарицательных обозначений людей, что говорит о важности для них социального статуса человека. У В. Набокова, напротив, таких слов меньше: его психологизм предполагает поиск других языковых средств, раскрывающих внутренний мир персонажа; в итоге автору часто достаточно называть героев по имени или фамилии (*Федор Константинович, Лужин, Кречмар, Франц* и т. п.). Да и вообще персонажей, в особенности второго плана, у Набокова существенно меньше, чем, например, у Булгакова. Подобное же «отставание» в плане нарицательных номинаций человека у М.

Шолохова можно объяснить стремлением к историко-географической достоверности его произведений, что также приводит к частому употреблению имен собственных.

Тематические различия позволяют высказать следующие суждения. В произведениях Михаила Булгакова обозначения человека преимущественно отражают его отношение к искусству – сфере, представленной в булгаковских текстах в наибольшей степени (*актер, публика, автор, литератор* и др.). Кроме того, для писателя важен государственный (*король, император*) и правовой (например, *шайка*) статус персонажа. Вообще, сфера «Искусство» в романах Булгакова испытывает наиболее сильное сюжетное влияние. Вопросам искусства непосредственно посвящены произведения «Жизнь господина де Мольера» и «Театральный роман», но и в романах «Белая гвардия» и «Мастер и Маргарита» эта сфера также отражена.

Среди редких номинаций человека у Владимира Набокова – обозначения прислуги (*горничная, лакей, швейцар*) и некоторые термины родства (*родители, родственник, жених, невеста*). Употребление Набоковым слов *невеста* и *жених* стилистически очень своеобразно.

Они приобретают специфическую обезличенность, так как преимущественно обозначают основных персонажей с точки зрения других людей или называют человека, черты которого трудно определить по каким-либо причинам: *Кое-кому он намекнул, что у него невеста; невестой он, впрочем, никогда не называл Магду в лицо* [Н:КО]; *Ей пришлось смириться и подумать о том, чем украсить и как подать дочернего жениха, чтобы не стыдно было перед людьми...* [Н:ЗЛ]. В контекстах слов *невеста* и *жених* выражается отрицательное отношение автора, которое системно-языковым не является. Слово *студент* попадает в частотный список романов «Король, дама, валет» и «Дар», причем в «Даре» активно употребляется в главе о Н. Г. Чернышевском (студенчество – активный социальный слой в России второй половины XIX в.). Вообще, в социальной сфере В. Набоков предпочитает слова, обозначающие не человека, а социальные действия (чаще взаимодействие): *встреча, прощаться, свидание* (не только любовное, но и встреча вообще, посещение арестанта и т. п.), *запрещать* и др. Контексты этих слов имеют явный межличностный характер: *По ночам он стал задумываться над тем, почему так жутка была эта встреча* [Н:ЗЛ]; *На улице, когда Федор Константинович прощался с Горяиновым, тот задержал его руку в своей большой, мягкой руке...* [Н:Д]; *Под предлогом, что всякое волнение ему вредно, Магда решительно запретила ему трогать ее...* [Н:КО]; *Пора было идти на свидание с Зиной; Лишневецкий рассказывал, что Ширин назначил ему деловое свидание в Зоологическом саду...* [Н:Д].

Андрей Платонов обращает внимание в первую очередь на социальные, классовые характеристики человека (*пролетариат, буржуй* и т. п.), род его занятий, профессию (*кузнец, рабочий, служащий*). Писатель часто использует обезличенные собирательные обозначения множества людей (*масса, гуца, многие*): *И хотя ж мы низовая масса, хотя мы самая красная гуца, но нам кого-то не хватает и мы кого-то ждем!...* [П:Ч]; *Организованная членская беднота поднялась с земли, довольная, что ей горевать не приходится; Услышав Чиклина, многие прекратили копать грунт и сели вздохнуть* [П:К]. В произведениях А. Платонова, по мнению М. В. Фроловой, субъектом и объектом социальных отношений выступают масса, класс, власть, отряд и т. д. [Фролова 2008: 7]. Этим он явно отличается от Набокова и Булгакова. С другой стороны, Булгаков и Платонов объединяются интересом к социально-политическим признакам человека, пусть социальное положение булгаковских персонажей и отличается от статуса платоновских.

В романах М. Шолохова преобладают слова, непосредственно называющие человека: *казак, казачий, дед* (в смысле возраста, а не родства), *парень, бабий, мужской*, слово *де-*

тишки, которое часто встречается во всех шолоховских текстах. Несколько слов употребляются исключительно как разговорные обращения: *братец, браток, мамаша, сынок*, – и, конечно, их количество обусловлено долей диалогов, внешней речи персонажей. В сниженности лексики отражается стремление писателя к точному отражению речи простого человека: *У меня три сына и зять на фронте, а четвертого, младшего сынка, убили в Севастополе-городе, понял?* [Ш:ЗР]; *Отец помер от воспаления нутра, мамаша с сеструшкой там* [Ш:ПЦ]; *Почти все с хутора выехали, а я с детишками сижу, как дура!* [Ш:ТД]. Шолоховский персонаж, как правило, имеет отношение к военным действиям (*пленный, полковник, пулеметчик* и т. п.): наиболее разработанной в произведениях писателя является сфера «Военная служба».

Предельно обобщая, можно констатировать, что в произведениях М. Булгакова в большей степени реализован человек, связанный с искусством или государственным управлением, и вообще человек «самовыражающийся»; в неактуальности социальных характеристик для текстов В. Набокова проявляется значимость личностных, психологических черт человека; для А. Платонова наиболее важно отношение человека к классу и профессии; у М. Шолохова человек существует в первую очередь в быту и на войне. В целом в номинациях человека у М. Булгакова и А. Платонова преобладают социально-политические аспекты, а у В. Набокова и М. Шолохова, несмотря на их коренные идиостилевые различия, – личностные. Эти выводы, сделанные на основании частотного и идеографического анализа, вполне соотносятся с интуитивным читательским представлением о творчестве замечательных русских писателей XX в.

Статистические методы использовались нами на этапе сопоставительной выборки частотной лексики, а также в дальнейшем – на идеографическом этапе – для выявления количественного соотношения тематических классов лексики. При этом очевидно, что статистика не может быть самодостаточной при семантическом анализе художественного текста и должна приводить к дальнейшему филологическому рассуждению. Как верно замечает D. I. Holmes, стилометрия (и любые лингвостатистические исследования художественного текста. – М. М.) не представляет угрозы для традиционной методологии [Holmes 1998: 116]. Статистическая модель должна сверяться с гуманитарными знаниями; с другой стороны, классической филологии следует стремиться к большей степени формализации своих изысканий.

ЛИТЕРАТУРА

Бабенко Л. Г. Концепция идеографических словарей, разрабатываемая Уральской семантической школой // Образ человека и человеческий фактор в языке: словарь, грамматика, текст. – Екатеринбург, 2004. С. 11–20.

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. Теоретическая концепция «Словаря-тезауруса современной русской идиоматики» // Словарь-тезаурус современной русской идиоматики: Ок. 8 000 идиом современного русского языка. – М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007. С. 1112–1127.

Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М., 2005.

Большой толковый словарь синонимов русской речи: идеографическое описание, антонимы, фразеологизмы / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2008.

Кустова Г. И., Ляшевская О. Н., Падучева Е. В., Рахилина Е. В. Семантическая разметка лексики в Национальном корпусе русского языка: принципы, проблемы, перспективы // Национальный корпус русского языка: 2003–2005. Результаты и перспективы. – М., 2005. С. 155–174.

Михеев М. Ю. В мир Платонова – через его язык. Предположения, факты, истолкования, догадки. – М.: Изд-во МГУ, 2003. URL: http://www.lib.ru/PLATONOW/Miheev_platonov.txt (дата обращения: 01.06.2010).

Новиков А. И. Семантика текста и ее формализация. – М.: Наука, 1983.

Словарь-тезаурус синонимов русской речи / под общ. ред. проф. Л. Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2007.

Фролова М. В. Функционирование глаголов межличностных и социальных отношений в произведениях русской литературы 20-х годов XX в. (на материале текстов А. П. Платонова и М. А. Булгакова): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Волгоград, 2008.

Шведова Н. Ю. Теоретические основы словаря // Русский семантический словарь. URL: <http://www.slovari.ru/default.aspx?p=283> (дата обращения: 24.01.2010).

Vaayen R. H. Word Frequency Distributions. – The Netherlands: Kluwer Academic Publishers, 2001.

Holmes D. I. The Evolution of Stylometry in Humanities Scholarship // Literary and Linguistic Computing. 1998. Vol. 13, № 3. P. 111–117.

© Мухин М. Ю., 2010

Д. Ю. Полиниченко
Краснодар, Россия

ПОЛИТИЧЕСКИЕ МИФОЛОГЕМЫ
ФОЛК-ЛИНГВИСТИКИ

ГСНТИ 16.21.27

Аннотация. В статье описываются современные российские фолк-лингвистические (криптолингвистические) концепции, исследуются используемая фолк-лингвистическими авторами стратегия дискредитации оппонентов. Демонстрируется, что в фолк-лингвистической среде распространены две взаимосвязанные лингвополитические мифологемы.

Ключевые слова: фолк-лингвистика; криптолингвистика; наивная лингвистика; вненаучное знание; языковые мифы; языковая политика; стратегия дискредитации.

Сведения об авторе: Полиниченко Дмитрий Юрьевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры научно-технического перевода.

Место работы: Кубанский государственный технологический университет (Краснодар).

Контактная информация: 350033 г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 80, кв. 53.
E-mail: dpol@bk.ru.

D. Yu. Polinichenko
Krasnodar, Russia

POLITICAL MYTHOLOGEMS
OF FOLK LINGUISTICS

Код ВАК 10.02.01

Abstract. The article deals with the conceptions of modern Russian folk linguistics (cryptolinguistics). A discredit strategy used by folk linguistics writers is described. Two interrelated language policy mythologems widespread in the folk linguistics environment are disclosed.

Key words: folk linguistics; cryptolinguistics; naïve linguistics; extra-scientific knowledge; language myths; language policy; discredit strategy.

About the author: Polinichenko Dmitry Yurievich, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Scientific and Technical Translation.

Place of employment: Kuban State Technological University (Krasnodar).

Ставропольская, д. 80, кв. 53.

Изучение металингвистической деятельности – мнений и взглядов обычных пользователей языка (не лингвистов) на язык и на языковую деятельность – является относительно новой сферой научных интересов.

Наивную лингвистику можно определить как комплекс представлений о языке, обнаруживаемый в самой системе языка и в речи (обыденной и художественной) его носителей. Наивная лингвистика – это «нерефлектирующая рефлексия говорящих, спонтанные представления о языке и речевой деятельности, сложившиеся в обыденном сознании человека» [Арутюнова 2000: 7].

Представляется, что из наивной, или бытовой, лингвистики можно выделить «профаническую проекцию науки о языке» [Клубков 2000: 110]; своего рода любительскую науку [Голев 2003: 178]. Как наивная лингвистика, так и фолк-лингвистика является комплексом представлений о языке, который противопоставлен языкознанию как науке. Однако фолк-лингвистика опирается на сознательную метаязыковую рефлексия пользователей языка и проводимые ими исследования языкового материала на доступном им уровне. Достаточно очевидно, что «каждый пользователь языка имеет определенные представления о языке, его единицах, процессах его использования и изучения, своеобразную “личную теорию” языка» [Кашкин 2002: 4–5]. Но собственно фолк-лингвистика начинается там, где происходит осмысление собственной металингвистической деятельности, и представления о языке начинают подкрепляться самостоятельными исследованиями языковых фактов и основанной на них аргументацией. Отсюда культурный феномен непрофессиональных лингвистических штудий, бази-

рующихся на донаучной или квазинаучной по своей сути методологии.

По аналогии с «фольк-истори» [Володихин 2000] мы предложили называть совокупность непрофессиональных лингвистических концепций фольк-лингвистикой [Полиниченко 2007]. По примеру Д. М. Володихина, выбравшего в итоге форму «фольк-истори», в дальнейшем будет употребляться только термин «фольк-лингвистика».

Здесь нельзя не упомянуть о термине «криптолингвистика», предложенном В. Н. Базылевым. Криптолингвистикой В. Н. Базылев называет философские представления о тайных сверхъестественных силах, присущих языку; фантастическое объяснение уже существующих исторических языковых событий (явлений) получили название криптоисторической лингвистики [Базылев 2009: 9–10]. Представляется, что термины «фольк-лингвистика» и «криптолингвистика» если не тождественны, то достаточно близки по своему содержанию: если в первом акцентируется дилетантизм авторов подобных теорий, их непричастность к науке о языке, то во втором – лежащие в основе таких теорий представления о скрытом, тайном, сверхъестественном. Заметим, что термин «криптолингвистика» (cryptolinguistics) употребляется в криптологии, где он означает изучение свойств языка, применяющихся в криптографии (см. <http://en.wikipedia.org/wiki/Криптография>). Впрочем, следует отметить, что термин «криптолингвистика» (наряду с синонимами «фантастическая лингвистика» и «лингвистика псевдоученых») используется и в зарубежной лингвистике [Дебрэнн 2009: 62–63].

Как пишет В. Н. Базылев, у таких авторов, как А. Н. Драгункин, А. Образцов, С. Т. Алек-

сеев и др., также существует и автотермин – «лингвофрическое описание языка» (от англ. *freak*) [Базылев 2009: 9–10]. Однако нужно заметить, что сами фолк-лингвистические авторы не применяют это слово для описания своих концепций: оно является не автотермином, а порождением интернет-сленга. Фриками или научными фриками (*science freaks*) называют представителей лженауки или псевдонауки (см., например, страницу интернет-сообщества «Научная кунсткамера»: http://community.livejournal.com/science_freaks/profile); таким же образом лингвофриками называют авторов или пропагандистов псевдонаучных теорий о языке [см. Зализняк 2010].

Направления современной российской фолк-лингвистической мысли были разделены нами на три группы: 1) интерпретация алфавита и любительская фоносемантика; 2) дешифровка и прочтение древних надписей; 3) этимологические и лингвоисторические штудии [Полиниченко 2009а: 70].

При рассмотрении феномена фолк-лингвистики в разрезе политической лингвистики фактом наибольшей значимости представляется проекция авторами своих выводов на политическую плоскость, в данном случае – плоскость языковой политики. Если в работе В. Н. Базылева рассматривается прежде всего составляющая данных концепций, связанная со всем скрытым, тайным, эзотерическим, то в данной статье мы попытаемся исследовать вопросы, связанные с лингвополитическими аспектами фолк-лингвистических теорий. В ходе исследования фолк-лингвистических текстов отечественных авторов были выявлены две взаимосвязанные лингвополитические мифологемы.

Первая из них – это мифологема целенаправленной языковой политики. Сформулировать ее можно следующим образом. Язык подвергается сознательным изменениям – как правило, изменениям в худшую сторону: он деградирует, становится более примитивным. Как правило, такая языковая политика проводится представителями «врагов» или «сил зла» и направлена на ослабление взаимопонимания людей, на изменение их мышления. Поскольку эта мифологема предполагает некоторый анализ исторического развития языка, то неудивительно, что у авторов, в произведениях которых она встречается, зачастую имеется и собственная концепция истории. Фолк-лингвистика и фолк-истори часто идут рука об руку.

Так, одним из представителей фолк-лингвистической мысли является В. В. Данилов – создатель «Партии духовного ведического социализма», пропагандирующий в своих книгах «собственноручно сконструированный гибрид кришнаитства, древнерусского язычества и собственных нелепых измышлений» [Куликов 2000а].

Согласно В. В. Данилову, «все население Земли всегда говорило и говорит сегодня на

чистейшем санскрите – языке Богов и волхвов. И иного языка просто не существует и не может существовать. Слова всех языков в Мироздании составлены исключительно из слов языка Богов, языка ведунов» [Данилов 1999: 69]. «Чтобы узнать истинный смысл любого современного русского слова, необходимо разбить его на составные части, являющиеся отдельными санскритскими словами, и сделать их перевод с помощью санскритско-русского словаря, прочесть их по очереди. <...> Прочитав же и переведя каждое санскритское слово отдельно, в их правильном расположении (справа налево), мы узнаем истинный смысл каждого русского слова» [Данилов 1999: 71].

По мысли В. В. Данилова, «русский язык – это бесценная сокровищница, неисчерпаемый кладезь Самых Сокровенных мировоззренческих Знаний, несмотря на то, что наш геополитический противник уже тысячелетие целенаправленно и злобно коверкает, засоряет и запрещает его» [Данилов 1999: 78]. «Диверсанты, объявленные Церковью иудо-христианских колонизаторов святыми, как раз и строили свой глобальный план порабощения сознания ариев на том, что стоит заменить в написании слова всего одну букву, <...> или убрать от некоторых согласных звуков практически не читаемое, а лишь придыхаемое “х”, как люди перестают понимать, что сказано, или написано, одно и то же слово» [Данилов 1999: 77–78].

Идеи о целенаправленной языковой политике, ведущейся врагами русского языка, приобретают поистине космический масштаб: «победившие нас слуги Дьявола запрещают называть факты, явления и все прочее их подлинными именами» [Данилов 1999: 78], «самое страшное для врага и самое счастливое для вас время наступит тогда, когда каждый из Ариев узнает истинный смысл каждого произнесенного им слова. Ибо перед ним откроется Истина» [Данилов 1999: 78–79].

Не менее оригинальные взгляды пропагандирует А. Ю. Хиневич – основатель религиозного течения неоязыческого характера под названием «инглизм». Учение инглизма изложено в серии книг, известных как «Славяно-арийские веды». Инглизм, по утверждению его адептов, взявших себе наименование «инглинги» – это «священная вера первопредков», донесенная до наших дней в неприкосновенности некими жрецами-хранителями [САВ 1: 4].

Лингвистический миф инглизма включает в себя утверждения о наличии в далеком прошлом у «славян и ариев» нескольких типов письменности и, соответственно, неизвестных науке языков (эти «письменных языки» носят следующие названия: «Да’арийское письмо», «х’Арийское письмо», «Рассенское образно-зеркальное письмо» и «Святорусское письмо» [САВ 2: 137]), ведомых ныне только посвященным. Особенностью этих письменностей является наличие у каждого знака не только фоне-

тического, но и смыслового значения (т. н. образа). Многие слова русского языка толкуются адептами англиизма как аббревиатуры: например, *пост* (в форме *постъ*) – это «полное очищение собственных телесъ сотворяша» [САВ 1: 156].

Из книг «инглингов» можно узнать, в частности, что в 20-30-е гг. XX в. «советская форма письма и орфография» искажали «наш родной образный язык» [САВ 1: 10]. Но это искажение началось намного раньше, сразу же после принятия христианства: «Древнюю Азбуку» «изменили и упростили до предела», тем самым лишив детей «образного мышления и способности творчески мыслить» [САВ 2: 142], а изменение алфавитов, языков, уничтожение родных слов и замена их иностранными ведет к непониманию «Древней Мудрости» [САВ 1: 131]. По словам самого главы Инглистической церкви (полное название – «Древнерусская инглистическая церковь православных староверов-инглингов»), «сделали обрезание великому славянскому языку, и мы получили в результате а-бе-ве... фонемiku вместо образного языка, поэтому он безобразный, то есть не имеющий образов. Поэтому никто не понимает словообразования, образотворения слова» [Хиневиц 2004].

В интервью А. Ю. Хиневиц высказывается определенное: «постоянно проходило обрезание русского языка. То есть Кирилл и Мефодий взяли древнесловенскую буквицу, в которой было 49 букв, 5 букв выбросили, потому что не было в греческом языке таких звуков, а для четырех дали греческие названия. Ярослав Мудрый убрал еще одну букву, осталось 43. Петр Первый сократил до 38, Николай Второй до 35, господин Луначарский – до 31-й буквы. <...> Луначарский и образы убрал! Он ввел вместо образов фонемы» (см. <http://akhinevich.narod.ru/spb>).

Как пишет фолк-лингвистический автор из Украины К. В. Липских, «в дохристианском славянском языке было более 100 букв (звуков). С приходом христианства в русском языке осталось 46 букв, а в настоящее время их количество сократилось до 33. Произошло это в результате разделения русского языка на два наречия: украинское, взявшее себе буквы – і, ї, и российское, взявшее себе буквы – ы, и, е. Рассматривая этот процесс мы можем видеть, что человечество, по мере развития цивилизации и книжного языка, не развивалось а деградировало в своем языковом эквиваленте» (пунктуация и орфография оригинала сохранены – Д. П.) [Липских 2008].

Интересно заметить, что еще один фолк-лингвистический автор, А. Д. Плешанов, чьи работы посвящены нумерологической интерпретации кириллического алфавита, полагает, что алфавит из 33-х букв был введен представителями некоего жреческого клана [Плешанов 2001: 26], и именно он является наиболее со-

вершенным [Плешанов 2001: 11]; таким образом, последняя реформа алфавита оценивается им положительно. Но в своих оценках А. Д. Плешанов, видимо, является исключением в фолк-лингвистической среде, где миф о деградации письменности и языка, наоборот, является правилом (с некоторыми натяжками к числу его единомышленников в этом вопросе можно причислить разве что В. А. Чудинова). Даже коллега А. Д. Плешанова по нумерологическим исследованиям русского алфавита А. И. Печенкин не считает русский алфавит наиболее совершенным и окончательным, предвещая его пополнение новыми знаками [Печенкин 2005: 393].

Любопытным примером лингвистического учения, приобретшего религиозный по своей сути характер, является т. н. «всеясветная грамота», созданная А. Ф. Шубиным-Абрамовым, якобы «носителем родовой памяти» и «хранителем тайных знаний посвященных» [Куликов 2000]. Как и в случае с англизмом, декларируется, что концепция не была создана в наше время, а основывается на древних знаниях.

Суть теории «всеясветной грамоты» состоит в том, что обычные люди читают буквы русского алфавита как «плоские», на самом же деле эти буквы в произведениях классиков и древних письменах не «плоские», а пространственно определенные, как бы объемные. Но не всякий способен прочесть информацию, содержащуюся на пространственных гранях и плоскостях букв. В прошлом человечество умело читать пространственную письменность, но затем деградировало, и теперь подавляющее большинство людей в состоянии лишь снимать информацию с проекции пространственных букв на плоскость, то есть люди потеряли способность чтения «вглубь». И только адепты «всеясветной грамоты» могут это делать [Там же].

Согласно материалам официального веб-сайта общественной организации «ВсеЯСветная Грамота» (<http://www.vgramota.ru/vctuplenie.php>), «молитвы – это определенные Грамотные Сочетания Букв, которые выстроены просветленными Людями с Божьей Помощью. силы сла стремятся отобрать у Человека возможность пользоваться Благодатью, исходящей от этих сочетаний. Для этого они пытаются изменить “язык” – вводят искаженные “слова” и убирают Грамотные, подменяя Смысл оных. Ранее в нашем языке было 147 Букв для Земного Плана Восприятия и 1234 Буквы для Вселенского. Сейчас осталось 33, а, к примеру, на некоторых компьютерных клавиатурах и печатных машинках убрали Буквы “Е” и “Ъ”. С каждой вычеркнутой из нашего Сознания Буквой отнимались у Народа Знания» (орфография оригинала сохранена).

Данная концепция популяризируют в своих работах ряд авторов – например, Н. И. Беляко-

ва [Белякова 1994], М. М. Безлюдова [Безлюдова 2008] и др.

Так, популяризатор «всеясветной грамоты» О. М. Гусев [см. Гусев 2000; Гусев 2001] пишет: «Возьмем “мышление”. Это изуродованное красивое русское слово “МЫСЛЕНИЕ” (ударение на первый слог). Злонамеренной заменой здесь “с” на “ш” под видом “чередования” согласных “лингвисты” стремятся известить работу нашей мысли до уровня мыши» [Гусев 2000: 132]; «Такие великие протокорни, как РА и АР, намеренно сделали частью других искусственно выдуманных “корней”» [Там же].

Таким образом, ответственность за намеренную порчу языка возлагается в том числе и на представителей лингвистической науки: «в тесной смычке с “историками” против Русских действуют и “лингвисты” [Гусев 2000: 154]; «Глубокий разрушительный след в русском языке и русской культуре оставило не татаро-монгольское “иго”, а христианские редакторы и следовавшие в заданном ими направлении мысли “лингвисты”, которые уничтожали в нашем языке слова с сакральными протокорнями» [Гусев 2000: 249]; «В русском и других языках мира “лингвисты” ввели написание восклицательного знака – “!”, который есть ничто иное, как і точкой вниз. Так в старину обозначался умерший и похороненный человек. С подачи придумавших его получается, что когда мы восклицательным знаком желаем подчеркнуть свою мысль, то тут же отсылаем ее в загробный мир» [Гусев 2000: 121]. Заметим, впрочем, что подобное мнение никоим образом не мешает автору использовать восклицательный знак в своих работах.

Солидарен с обвинениями О. М. Гусева и историк-любитель Е. А. Гладилин. По его мнению, «смысл очень старых понятий» «извращен современными “специалистами” по языку»: например, «было изменено значение слова “оракул” с места, в котором живут пророки жрецы, на само понятие “пророк”» [Гладилин 2003].

Взгляды О. М. Гусева и Е. А. Гладилина образуют своего рода переход ко второй мифологии, которую можно сформулировать следующим образом: «Современная лингвистическая наука как таковая является по происхождению нерусской (западной) и основана на антирусской идеологии».

Доктор технических наук О. Л. Сокол-Кутыловский, аргументирующий тезис о славянском характере древнегерманской рунической письменности, заявляет, что для большинства профессиональных лингвистов «их профессия – только ремесло, заключающееся в скучном занятии: приводить периодически варварские славянские языки к нужному порядку и следить за тем, чтобы неблагоприятные аборигены строго следовали точной филологической науке западного образца» [Сокол-Кутыловский 2008а]. Что касается историков, то «у зарубежных историков свой интерес, о них и говорить нечего.

А современным «русским», то есть бывшим советским и пост советским историкам, древняя история России не нужна. Они служат явно чуждым России богам, отнюдь не Славянским» [Сокол-Кутыловский 2008].

В подобном ключе высказывается и известный фолк-лингвистический исследователь и автор пособий по английскому языку А. Н. Драгункин: «иностранные (да и наши) “ученые” не видят очевидного (= т. е. истинных масштабов прошлого “славянского/русского всеприсутствия”)» [Драгункин 2004: 29]; «российские “ученые” загипнотизированы и парализованы “возможностью выбора” между тоннами “лакированных обложек”, а их западные “товарищи” просто катятся по уже накатанным рельсам, ничего нового не делая» [Драгункин 2004: 22]. «Недотепы со званиями и в мантиях» не могут разделить выводы автора «из-за недостаточного профессионализма, узости лингвистического кругозора, зашоренности, умственной лени и предубежденности» [Драгункин 2004: 122].

А. Н. Драгункин утверждает, что его «“пассажи” в адрес недобросовестных представителей научного мира не являются огульными, а относятся только и исключительно к людям именно недобросовестным» [Драгункин 2004: 110]. Однако оказывается, что в число недобросовестных или в лучшем случае недальновидных попадают практически все представители академической науки: так, М. Фасмер «не выявил ни одного первичного корня» [Драгункин 2004: 119], а Э. Бенвенист проявил «косность мышления» [Драгункин 2004: 193]. То, что «увидел и выявил» А. Н. Драгункин, «проморгали даже такие мэтры как Ф. де Соссюр, Мещанинов, Марр и т. д.» [Драгункин 2004: 27]. Составителей этимологических словарей А. Н. Драгункин прямо называет «врунами» [Драгункин 2004: 166]. «К сожалению, пресса, научная периодика, признание и поддержка власти – у них», – с грустью констатирует автор [Драгункин 2004: 225].

Не менее яркий представитель фолк-лингвистики доктор философских наук В. А. Чудинов полагает, что «официальная наука политически ангажирована» [Чудинов 2009], а академическая русистика «в последние десятилетия оказалась в руках нерусских людей и разрабатывается в целях запада» [Чудинов 2010]; «уже давно разделы русского языкознания перешли в руки иностранцев или инородцев, для которых интересна не русская самобытность, а, напротив, русская зависимость от Запада и Востока [Чудинов 2009а].

В. А. Чудинов открыто обвиняет современную индоевропеистику во лжи, так как она противоречит теории наделения слогов смыслом; эта ложь, согласно В. А. Чудинову, «продиктована желанием скрыть факт происхождения всех европейских языков из русского языка» [Чудинов 2010а].

То же самое относится и к этрускологии, ко-

торая на деле только мешает делу дешифровки этрусских надписей, потому что «западная общественность в течение столетий пыталась выбросить славян из истории» [Чудинов 2006: 590–591].

Яркий представитель фолк-лингвистики и фолк-истори Ю. Д. Петухов, для которого главным инструментом воссоздания «подлинной истории» является обращение к лингвистическим фактам (подробнее см. [Полининенко 2009]), утверждает, что «реальную историю в нашем мире знают немногие» [Петухов 2008: 3], а «написанная романо-германскими историками и историографами “история Европы” есть плод их геополитических амбиций и местечковых национальных фантазий» [Петухов 2008: 14]. Более того, «функционерами от “академической науки”, идеологами-политкорректорах делаете все возможное, чтобы человечество полностью утратило память о своей подлинной, реальной этнической и этической истории» [Петухов 2008: 346].

Нагляден следующий пример рассуждений Ю. Д. Петухова о логике лингвистического исследования: «Принято считать, что древнескандинавский язык входил в северную подгруппу германской группы индоевропейской языковой семьи. Есть ли основания для этого? Только одно – в современных шведском, норвежском, датском, исландском языках чрезвычайно много германских построений и германизмов (как и латинизмов). Можно ли отсюда сделать вывод, что древнескандинавский язык был одним из германских языков? Можно... но только при заданности этой целью. А можно поступить иначе, так, как обязан поступать ученый, если он считает себя ученым, а не популяризатором политических идей, – реконструировать древнескандинавский язык, очистив его от многовековых языковых напластований и заимствований, и убедиться, что да, общеиндоевропейские основы в нем, безусловно, есть, так как он один из индоевропейских языков, – но чисто германских, увы, до X века не прослеживается» [Петухов 2008: 185–186].

В итоге Ю. Д. Петухов делает категоричные выводы, фактически отказывая ученым, не признающим его теорию, в праве именоваться таковыми: «История Человечества – это изначально и повсеместно История Русов. Все создано ими, все имена себе и другим даны ими, все вещи и явления назвали они. Из своего Языка Русов (я пишу Языка с прописной буквы, потому что это Первозык, язык языков. Все прочие языки – производные от него. Все прочие народы и народности – производные от русов, в той или иной степени смешанных с местными архантропами). Тот “лингвист”, который этого не понимает, не лингвист. Тот “историк”, который не осознает этого, не историк» [Петухов 2008: 355].

Можно видеть, что продвижение данной мифологемы является целенаправленной стра-

тегией дискредитации оппонентов. А поскольку выдвигаемые фолк-лингвистическими авторами теории противоречат чуть ли не всей полноте положений как лингвистической, так и исторической науки, объектом дискредитации становятся как современные академические концепции, так и конкретные люди и институты. Таким образом, можно говорить об использовании отечественными фолк-лингвистическими авторами стратегии дискредитации оппонентов, в которой используются приемы приписывания профессиональным исследователям следующих отрицательных качеств: 1) некомпетентности, 2) консерватизма, ретроградности, 3) слепого следования авторитетам, 4) недобросовестности, идеологической ангажированности, 5) служения врагам русского языка, русского народа и «подлинной истории». Отказывая представителям «официальной» науки в доверии, фолк-лингвистические авторы в то же время надеются на «честных ученых» [Драгункин 2004: 225].

Данную стратегию используют даже не обращаясь к национальному аргументу фолк-лингвистические авторы. Здесь показателен пример кандидата филологических (!) наук Н. Н. Вашкевича: «Компаративистика разоблачает себя абсурдностью своего названия. <...> компаративистика возникла для того, чтобы реконструировать так называемый праязык, абстракцию, которую никто никогда не видел и не слышал. Понятно, что в итоге мы получаем большую кучу хлама, состоящую из одних гипотез. <...> Уже 200 лет как самое подходящее место для компаративистики помойная яма» [Вашкевич 2009].

Отметим, впрочем, что не все представители фолк-лингвистической мысли использует подобную стратегию дискредитации. Некоторые из них (как, например, известный дешифровщик древних письменностей, геолог по специальности Г. С. Гриневиц) в своих произведениях склонны обходить молчанием вопрос о признании научным сообществом их теорий.

Описанные выше мифологемы вполне согласуются с мифологемами национального мифа, описанными Д. Б. Гудковым: древность родного языка, его исключительное богатство, его необыкновенная сложность, угрозы родному языку, теряющему чистоту и правильность [Гудков 2009: 82]. Возможно, в этом и кроется одна из причин популярности фолк-лингвистических сочинений.

Заметим, что первая мифологема присутствует в сочинениях авторов, исповедующих в основном неязыческие (в широком смысле) взгляды. Часто эти концепции подаются в качестве религиозного откровения. Представляется, что это в некотором роде естественно: при попытках обосновать утверждения о глубокой древности русской письменности и языка почти неизбежно обращение к древнейшим культурно-религиозным пластам истории этноса, а нео-

языческий партикуляризм (прежде всего дихотомия «мы – они», проецируемая и на религиозную плоскость) в данном случае идеологически более удобен, нежели универсализм мировых религий. Образ врага в данных концепциях варьируется от «инородцев» до вселенского, метафизического зла.

Вторая же мифологема популярна у авторов, позиционирующих себя как представителей науки (пусть даже «неофициальной»), а свои труды как научные. Эти авторы, пытаясь обосновать свои взгляды, опираясь на научный подход, сталкиваются с проблемами разного рода, логичным решением которых является дискредитация оппонентов, а по сути – всей современной лингвистики и истории. Подобная агрессивность, присущая и фолк-истории, объясняется тем, что фолк-лингвистический автор зачастую вынужден «либо симулировать научные разработки, либо так или иначе дискредитировать научное сообщество, отыскивая во внеакадемической сфере аргументы, позволяющие отрицать ценность критики со стороны профессиональных исследователей» [Володихин 2000: 17].

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н. Д. Введение. Наивные размышления о наивной картине языка // Язык о языке. Сб. статей. – М.: Языки русской культуры, 2000. С. 7–19.

Базылев В. Н. Политика и лингвистика: «великий и могучий...» // Политическая лингвистика. 2009. Вып. 3. С. 9–39.

Безлюдова М. М. Имя и календарь: Древние знания Всеясветной Азбуки. – М.: Гранд-Фаир, 2008.

Белякова Н. И. Всеясветная грамота. 1000 лет забвения. – СПб., 1994.

Вашкевич Н. Н. Разборки академиков // Проявление смысла [Сайт]. 2009. URL: <http://nnvashkevich.narod.ru/TEXTS/RECENZ/zlz.htm> (дата обращения: 06.10.2010).

Володихин Д. М. Феномен фолк-истории // Отечественная история. 2000. № 4. С. 16–24.

Гладилин Е. А. История Древнего мира // Возрожденная Русь [Сайт]. 2003. URL: <http://rojdenierus.ru/doc/oldworld/04.shtml> (дата обращения: 29.10.2010).

Голев Н. Д. Толерантность как вектор антиномического бытия языка // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: Коллективная монография. – Екатеринбург, 2003. С. 174–191.

Гудков Д. Б. Лингвистический миф в национальной мифологии // Вестник ЦМО МГУ. 2009. № 1. С. 79–85.

Гусев О. М. Белый конь Апокалипсиса. – СПб.: ЛИО Редактор, 2000.

Гусев О. М. Магия русского имени. – СПб.: ЛИО Редактор, 2001

Данилов В. В. Арийская империя. Гибель и возрождение. Книга первая. Евангелие от ариев. – М.: «464», 1999.

Дебрэнн М. Новые зарубежные работы по наивной лингвистике // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. II: коллективная монография. – Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2009. С. 47–68.

Драгункин А. Н. 5 сенсаций: Памфлетовидное эссе на тему языка. – СПб.: Издательский дом «АНДРА», 2004.

Зализняк А. А. Что такое любительская лингвистика // ПОЛИТ.РУ [Сайт]. 2010. URL: <http://www.polit.ru/lectures/2010/07/01/zalizniak.html> (дата обращения: 06.10.2010).

Кашкин В. Б. Бытовая философия языка и языковые контрасты // Теоретическая и прикладная лингвистика: межвузовский сборник научных трудов. Вып. 3: Аспекты метакоммуникативной деятельности. – Воронеж, 2002. С. 4–34.

Клубков П. А. Взгляд на язык в истории культуры // История и филология: проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетий: материалы междунар. конф. (2–5 февраля 2000 года). – Петрозаводск, 2000. С. 104–110.

Куликов И. Всеясветная грамота // Новые религиозные организации России деструктивного, оккультного и неоязыческого характера: Справочник. Изд. 3-е, доп. и перераб. Т. 3: Неоязычество. М., 2000. URL: http://cddk.ru/gos_i_religia/bez/t3/y024.html (дата обращения: 06.10.2010).

Куликов И. Партия духовного ведического социализма // Новые религиозные организации России деструктивного, оккультного и неоязыческого характера: Справочник. Изд. 3-е, доп. и перераб. Т. 3: Неоязычество. М., 2000а. URL: http://cddk.ru/gos_i_religia/bez/t3/y071.html (дата обращения: 06.10.2010).

Липских К. В. Космическая гармония русского языка // Язычество и ведизм [Сайт]. 2008. URL: <http://rasen-rus.narod.ru/tolkovnik/garmonija.htm> (дата обращения: 06.10.2010).

Петухов Ю. Д. Норманны – Русы Севера. – М.: Вече, 2008.

Печенкин А. И. Тайны русского алфавита. Нумерология. – М.: АСТ, 2005.

Плешанов А. Д. Русский алфавит – основа прогнозирования глобальных катаклизмов. – М.: Новый центр, 2001.

Полиниченко Д. Ю. О феномене фолк-лингвистики // Информационно-коммуникативная культура: вопросы образования: сб. науч. ст. – Ростов н/Д, 2007. С. 102–105.

Полиниченко Д. Ю. Метаязыковая рефлексия в фолк-истории (на примере концепции Ю.Д. Петухова) // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. II: коллективная монография. – Томск: Издательство Томского государственного педагогического университета, 2009. С. 26–35.

Полиниченко Д. Ю. Фолк-лингвистика как объект научного изучения // Обыденное метаязыковое сознание: онтологические и гносеологические аспекты. Ч. I: коллективная монография. – Кемерово, Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2009а. С. 67–87.

СAB 1 = Славяно-Арийские Веды. Саньтии Веды Перуна. Сага об Инглингах. – Омск; Издание Древнерусской Инглистической церкви Православных Староверов-Инглингов; Церковное издательство «АСГАРДЪ»; Издательство «АРКОР», 2001.

СAB 2 = Славяно-Арийские Веды. Книга Вторая. Книга Света. Слово Мудрости Волхва Велимудра. – Омск; Издание Древнерусской Инглистической церкви Православных Староверов-Инглингов; Издательство «АРКОР», 1999.

Сокол-Кутыловский О. Л. Боги в рунических надписях Северной Европы (часть 3) // «Академия Тринитаризма» [Сайт]. 2008. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/008a/02111138.htm> (дата обращения: 31.10.2010).

Сокол-Кутыловский О. Л. О результатах чтения рунических текстов Древней Европы // «Академия Тринитаризма» [Сайт]. 2008а. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0211/008a/02111140.htm> (дата обращения: 06.10.2010).

Хиневи́ч А. Ю. Устные сказания, письменное наследие, танцевальные и песнопевческие традиции – духовная основа и фундамент народного творчества, как альтернатива экспансии «попсы» и «кича», заполнивших современное культурное про-

странство России // Вторая международная конференция Православных староверов. Ведическая культура Славян и Ариев: проблемы и перспективы ее возрождения на Евразийском континенте. – Анапа, 2004. URL: <http://akhinevich.narod.ru/anapa> (дата обращения: 31.10.2010).

Чудинов В. А. Вернем этрусков Руси. – М.: «Поколение», 2006.

Чудинов В. А. Может ли быть слог носителем смысла? // Расшифровка славянского слогового и буквенного письма [Сайт]. 2009. URL: <http://chudinov.ru/slog/4/> (дата обращения: 06.10.2010).

Чудинов В. А. Этимология слов на А Макса Фасмера // Расшифровка славянского слогового и буквенного письма [Сайт]. 2009а. URL: <http://chudinov.ru/fasmer/5/> (дата обращения: 06.10.2010).

Чудинов В. А. Комментарий к работе Дмитрия Ираклидиса // Расшифровка славянского слогового и буквенного письма [Сайт]. 2010. URL: <http://chudinov.ru/iraklidis/#more-5291> [дата обращения: 06.10.2010].

Чудинов В. А. Комментарий к статье о РЯ бюро переводов // Расшифровка славянского слогового и буквенного письма [Сайт]. 2010а. URL: <http://chudinov.ru/gia/2/> (дата обращения: 06.10.2010).

© Полиниченко Д. Ю., 2010

О. Л. Сарафанова
Екатеринбург, Россия

O. L. Sarafanova
Ekaterinburg, Russia

АПЕЛЛЯЦИЯ
К ПАТРИОТИЧЕСКИМ ЦЕННОСТЯМ
КАК ДОМИНАНТА
ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ
РЕКЛАМНОГО ТЕКСТА

APPEAL
TO PATRIOTIC VALUES
AS THE DOMINANT
OF LINGO-CULTURAL ADAPTATION
OF A PUBLICITY TEXT

ГСНТИ 16.31.41

Код ВАК 10.02.19

Аннотация. Статья посвящена исследованию проблемы адаптации английских и американских рекламных текстов, созданных для носителей русского языка. В статье исследуется, как различия в культуре и общественно-политическом устройстве государств сказываются на рекламных кампаниях при их переносе из одной страны в другую и соответствующем переводе текстов и слоганов на национальные языки.

Abstract. The article is devoted to the problems of adaptation of English and American advertising for Russian-speaking people. The issue, which is in the centre of the research, is about managing cultural and politico-legal differences between different hosting countries of a single advertising campaign.

Ключевые слова: лингвистический анализ рекламы; политическая лингвистика; исследование языка рекламы; адаптация рекламных текстов; локализация рекламы; политическо-правовой компонент адаптации.

Key words: linguistic analysis of advertising; political linguistics; study of advertising language; adaptation of advertising; localization of advertising; politico-legal component of adaptation.

Сведения об авторе: Сарафанова Ольга Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода.

About the author: Sarafanova Olga Leonidovna, Candidate of Philology, Assistant Professor.

Место работы: Уральский гуманитарный институт.

Place of employment: Ural Institute for the Humanities.

Контактная информация: 620078, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 63.
e-mail: uhi@ural.ru.

Данная статья посвящена исследованию проблемы адаптации рекламных текстов, созданных в условиях инокультурной среды, для носителей русского языка. Речь пойдет о так называемой «глубинной ценностной адаптации», которая предполагает изменение культурных кодов при переоформлении и пересоздании самой идеи рекламного послания.

В ряду прочих необходимых превращений, которые происходят с рекламными идеями, «экспортируемыми» российским потребителем, одной из важнейших и позволяющих достичь наибольшего эффекта нам представляется их переориентация с учетом патриотических ценностей.

Патриотизм представляет собой «нравственный и политический принцип, социальное чувство, содержанием которого является любовь к отечеству, преданность ему, гордость за его прошлое и настоящее, стремление защищать интересы родины» [Философский словарь: 415].

В послеперестроечное время попытки поиска национальной идеи, которая смогла бы объединить россиян и вызвать чувство гордости за свою страну, оставались тщетными. Это во многом объясняется тем, что усиленная «идеологическая обработка» советского периода сформировала у россиян устойчивый иммунитет к подобным вещам.

Согласно данным соцопроса, проведенного в разных странах в 2003–2004 годах, россияне слабее, чем жители других стран, ощущают

связь с теми социотерриториальными общностями, к которым принадлежат. Респондентам был задан вопрос: «Насколько сильно вы чувствуете свою связь с ... (название страны, где живет респондент)?». «Очень сильно» ответили 80% опрошенных в Израиле, 66% и 63% – в Болгарии и Австрии соответственно, и только 26% – в России [Levada.ru].

Однако в последние годы ситуация меняется. Сегодня мы наблюдаем в сознании носителей русского языка и культуры несколько парадоксальный, в свете сказанного выше, поворот к патриотическим ценностям. Доказательством является хотя бы значительное количество молодых людей, разъезжающих по улицам с российским флагом, когда транслируются футбольные матчи с участием команды России.

В плане анализа рекламных сообщений интересно также, что, по данным «Левада-центр», чаще других групп опрошенных гордость за свою страну испытывают молодые россияне (в возрасте от 18 до 24 лет), лица с высоким потребителем статусом, а также жители городов с населением более полумиллиона человек; меньше же всего гордятся родиной респонденты среднего и пожилого возраста, имеющие низкий уровень доходов [Levada.ru]. Таким образом, чувство патриотизма и ощущение связи со своей страной испытывает именно та часть населения, которая относится к группе активных покупателей и потребителей, а следовательно, является целевой аудиторией рекламных сообщений.

На вопрос о том, в чем причина такого поворота к патриотическим ценностям в целом и предпочтения в ряде случаев российских товаров, журналисты иронично отвечают: «Прошло время, и мы убедились, что спиртом “Роял” можно запросто отравиться, импортный шоколад похож на размазню, а от польской тушенки урчат не только животы, но даже холодильники» [Бутаев, Ефремов].

Поэтому в рекламных кампаниях последнего времени мы наблюдаем процессы, противоположные тем, что происходили в 90-х годах. Так, российская молочно-соковая компания “Вимм-Билль-Данн”, открывшаяся в 1992 году, продавала соус под названием “Анкл Бенс” и использовала визуальный образ чернокожего толстяка в поварском колпаке, считая нужным «маскировать» российское происхождение товара. Сегодня иностранные фирмы, работающие на российском рынке, предпочитают использовать вербальные и визуальные образы, апеллирующие к российской действительности. Производители кабачковой икры из Узбекистана для продвижения своего товара использовали наполовину калькированное название “Дядя Ваня”, которое вызывает ассоциации с русской классической литературой (а литература как предмет гордости, по данным соцопроса, стоит у россиян на втором месте) [Levada.ru].

Патриотичное название “Родные просторы” выбрала для конфет, продаваемых в России, швейцарская фирма «Nestle». Название актуализирует идею широты русской души, щедрости, необузданности темперамента русского человека, которую часто связывают с огромной территорией нашей страны, зрелищем бескрайних просторов, которым наслаждается русский человек. Ассоциации с царской Россией вызывает название конфет “Держава”, производимых британской компанией “Mars”, а с 1999 года патриотично настроенные россияне приобретают масло под названием “Московский Кремль”, изготовленное в Финляндии.

Как показал опрос, жители нашей страны меньше всего гордятся тем, что связано собственно с нашей «государственностью»: государственным устройством, политической и экономической ситуацией. Наименьшее количество опрошенных отметили российские Вооруженные силы, политическое влияние России в мире, положение дел с демократией и экономические достижения России как предмет особой гордости [Levada.ru], однако патриотичное обращение «Дорогие соотечественники!» из уст российского президента (повторяющее сталинское «Соотечественники и соотечественницы» (!)) [Сталин 1945] воспринимается уже достаточно органично и не вызывает отторжения.

Учитывая сказанное, в процессе ценностной лингвокультурной адаптации рекламных текстов необходимо учитывать особенности государственного строя страны, для которой она производится. Специфика менталитета со-

временного россиянина такова, что мы не испытываем особого пиетета перед именем главы государства. В России нет также никаких ограничений для использования антропонимов, называющих первых лиц страны. Представители Администрации Президента говорят, что фамилии первых лиц страны законодательно не защищены, поэтому водка под названием «Путин» продается и покупается в России.

В то же время данное коммерческое наименование нуждается в серьезной работе по лингвокультурной адаптации для позиционирования, например, на азиатских рынках, где государственную символику необходимо использовать с большой осторожностью. Оригинальное название «Путин» там едва ли будет являться продающим, а в Таиланде калькированное «Бхумиболка» по имени тайского короля Бхумиболы, который почитается наравне с богами, уж тем более неприемлемо. «Известен случай, когда британского дипломата выгнали из Таиланда за то, что тот, чтобы приклеить почтовую марку, облизал ее. На марке был изображен ...король Бхумибол» [Полетаева 2008: 20]. Также трудно представить себе в Великобритании рекламу крепкого спиртного напитка, в которой обыгрывалось бы в вольной форме имя королевы.

Касаясь вопроса о необходимости адаптации российской рекламы к иностранным рынкам, скажем, что в свете политических отношений, складывающихся у России со странами СНГ, кампании с символами России будут совершенно неуместными в большинстве стран бывшего Советского Союза. Так, например, только для российской аудитории будет актуален слоган пива с использованием гидронима: «“Балтика” там, где Россия». Этот слоган – реверанс российским покупателям от фирмы «Baltic Beverage Holding» (Швеция). Использование его в рекламных кампаниях, рассчитанных на представителей других государств, чревато политическим скандалом.

На необходимость лингвокультурной адаптации текста по политическим соображениям указывали многие исследователи. Например, рекламная кампания часов элитной швейцарской марки «Tissot» имеет по крайней мере четыре разные версии с адаптацией на французском, английском, арабском и польском языках, особенности которых были проанализированы учеными: «What particularly interests me at this point is to show how the advertising message was adapted by translators to the real restrictions of the targeted market» [Guidere]. К примеру, в тексте, адресованном арабам, идеологически окрашенное слово «гражданин» было заменено на более нейтральное «житель», так как в арабском мире первое неизбежно вызывает ассоциации с политическим строем, не свойственным арабским странам (демократия, республика), тогда как для европейцев слово «гражданин» имеет универсальный характер и не имеет

политической окраски (ср. выражение «гражданин мира»): «Let us take the French and Arabic versions. ...on the level of the ideologically chosen words, with the translation of the word “citizen” by “inhabitant” in order to neutralize the political dimension that is still very consequential in Arabic because it refers to a type of government that is rare in the Arab world (the republican and democratic system); to that we could add the universalistic range of the original message (“we are all citizens of the blue planet”) that could irritate some nationalistic regimes» [Guidere].

Аналогично и у россиян особые ассоциации могут вызывать некоторые на первый взгляд «невинные» и стилистически нейтральные лексемы, по известным только нам, в силу жизненного опыта, причинам. Невнимание к ним может привести к коммуникативной ошибке в неадаптированном рекламном тексте.

Такой ошибки избежало рекламное агентство «PR2B», которому было предложено адаптировать для носителей русскоязычной культуры слоган для продажи сантехники фирмы «Jacuzzi» «Water that moves you» без потери эмоциональной составляющей. Трудность заключалась в том, что, согласно опросам специалистов в области рекламы, в сознании европейцев и русских существуют два противоречивых стереотипа, связанных с водой. В сознании европейцев актуализирован архетипический образ воды как очищающей и обновляющей силы, дающей жизнь, и восприятие образа «текущей воды» как времени и вечности, что связано с понятием «статус». Для россиян, которым «посчастливилось» испытать все бытовые трудности советского времени, «вода» – это часто катастрофа, вызванная с ее отключением в квартире, а «движущаяся» и «текущая» вода – принципиально неремонтируемый кран советской сантехники; обе идеи, естественно, патриотических чувств не вызывают. Поэтому после проведенных исследований копирайтеры предложили вариант «Мир, где время не властно», утвержденный впоследствии владельцами компании.

Некоторую идеологическую окраску приобретает также слоган компании «Ford», который в оригинале звучит «Feel the difference». Буквально его можно перевести как «почувствуй разницу», тогда как в рекламе автомобилей он принят в адаптированном варианте «навстречу переменам». Нам представляется, что такая версия слогана звучит в России «политически некорректно», учитывая разницу в коннотациях английского слова «difference» и русского «перемены». Английское «difference» стоит в ряду все тех же понятий «challenge», «drive», «go», «move», которые соответствуют агентивному типу мировосприятия носителей английского языка и потому зачастую положительно окрашены.

В русском языке в связи с событиями новейшей истории, с одной стороны, концепт, от-

ражаемый в словах семантического поля «изменение, перемена, разница», тоже представлен в положительном ключе: перемены в обществе – это переход от тоталитарного режима к демократии, ценностям свободного самовыражения личности. Вспомним английское название песни перестроечного времени группы «Scorpions» «Wind of Change», переведенное как «Ветер перемен», в котором изменения связаны с образом светлого будущего, где «the children of tomorrow share their dreams» и где звучит «freedom bell». С другой стороны, «плотность перемен на единицу времени» в последние годы и их последствия заставляют средне-статистического россиянина предполагать, что эти перемены будут явно не в лучшую сторону, откуда рождается стремление к стабильности, опора на традиционные ценности и связанная с ними ориентация на прошлое, интерес к русской истории.

Интересно, что более всего выражена у россиян именно гордость историей собственной страны: ответы «очень горжусь» и «в какой-то мере горжусь» выбрали 72% опрошенных [Levada.ru]. К такому чувству гордости российской историей апеллируют и копирайтеры. Так, компания «Japan Tobacco» (Япония – Швеция) успешно продает на российском рынке сигареты «Петр I». Образ Петра I вообще представляется одним из самых востребованных в адаптированных рекламных кампаниях, являя, вероятно, пример «культурного посредника» между Россией и другими странами:

«Петр I рубил окно в Европу под грохот пушек. На пустынном балтийском берегу, отбитом у шведов, тридцатилетний царь решил поставить новую столицу империи. Он назвал ее Санкт-Петербург – в честь своего небесного покровителя апостола Петра»; «Среди городов-заводов, построенных на Урале по императорскому приказу, самым крупным со временем стал Екатеринбург, воздвигнутый на берегу реки Исеть с помощью пленных шведских инженеров. Двести лет город носил имя Екатерины, жены и преемницы Петра I» (реклама водки «Абсолют» (Финляндия)).

Копирайтеры всюду подчеркивают связь России и Европы, которая стала возможной во многом благодаря Петру: «Чтобы утвердиться в Европе, императору Петру I очень нужны были две вещи...»

Тема русской истории с упоминанием антропонимов, отсылающих к русской истории, вообще широко используется в рекламе водки «Абсолют»: «Первое упоминание в летописи о Москве связано с тем, что князь Юрий Долгорукий созвал здесь гостей и давал пир. О древнем князе, основавшем Москву, теперь напоминает бронзовая статуя в центре города. А традиция хлебосольства и легендарная любовь москвичей к пирам и застольям благополучно пережили восемь с половиной веков»; «Больше 400 лет прошло с тех пор, как казачий атаман

Ермак преподнес на кончике меча Сибирь московскому царю Ивану Грозному»; «Основатель Екатеринбурга Василий Татищев, боевой офицер и дипломат, ставший потом знаменитым историком, в свое время под страхом смертной казни запретил промышленникам вырубать и жечь окрестные леса».

Несмотря на то, что «слабее, чем в других странах, выражено у россиян и ощущение связи с другими социотерриториальными общностями – со своим городом (селом), регионом (областью, краем, республикой) и даже с континентом», в адаптированных для российского покупателя рекламных кампаниях иностранные фирмы зачастую используют специфические топонимы. Журнальная рекламная кампания шведской водки «Absolut» воплощена в концепции «Absolut’ные города России», в рамках данной кампании опубликованы статьи «Absolut Moscow», «Absolut St. Petersburg» и «Absolut Yekaterinburg».

Другие иностранные производители также все чаще используют в качестве (или в составе) коммерческих наименований топонимы, навевающие ассоциации с прошлым – старой Русью и патриархальным бытом, стараясь вызвать в сознании носителей русскоязычной культуры образ эпохи, когда «русское» значило «качественное», все было «по-настоящему» и «без обмана». Интересен ряд используемых для этого знаковых, символических топонимов.

Компания «Sun Interbrew» (Бельгия – Индия) продает пиво под названием «Сибирская корона». Топоним «Сибирь» очень богат коннотативными значениями: для иностранцев именно с Сибирью часто ассоциируется Россия, и прилагательное «сибирский» определяет многие этноспецифические понятия (сибирские морозы, сибирские пельмени, сибирские валенки).

Финский концерн «Valio» продает в России масло под топонимическим названием «Вологда», освоенным в русской поэтической традиции, например, Н. Клюевым: «Древнерусская историко-культурная зона представлена системой топонимов и этнонимов, включающей в свой состав 35 лексем, которые употребляются в текстах 116 раз. Как древнерусские города, оплоты Святой Руси, изображаются Вологда, Устюг, Бело-озеро, Кириллов» [Яцкевич].

Мифологема-топоним «Китеж», отсылающая к легенде, описанной в «Китежском летописце», использована концерном «Valio» в коммерческом наименовании еще одного сорта масла. Название этого города также является знаковым для русской культуры: город-утопия, к берегам которого, по преданию, пристал князь Юрий Всеволодович и отстроил его. Топоним фигурирует во многих произведениях искусства: действие фильма «Чародеи» и повести Аркадия и Бориса Стругацких «Сказка о тройке» происходит в городе Китежград, Н. А. Римский-Корсаков назвал одну из своих опер «Сказание о невидимом граде Китеже и девице Фев-

ронии», В. Тендряков написал притчу «Чистые воды Китежа». Благодаря столь богатой культурной традиции использование названия города в качестве наименования товара скрывает его иностранное происхождение и воскрешает образ Древней Руси, создает представление о чем-то исконно русским.

Описанная тенденция возвращения положительно окрашенного в ценностном отношении образа Древней Руси и дореволюционной России проявляется также в использовании графических и фонетических старославянизмов. Компания «Intercomm foods S. A.» (Греция) выпускает джемы и конфитюры, в названии которых сохраняется отмененный реформой орфографии 1918 года знак «ер» на конце слова после согласной: «Садовникъ», а «Nidera S. A.» (Аргентина) продает в России подсолнечное масло «Злато» – в названии использовано старославянское неполногласное сочетание.

Шоколадная фабрика «Покров» расположена в России, но она сначала была приобретена германской компанией «Штольверк-Рус», а затем контрольный пакет акций продали американскому гиганту «Крафт фудс». Иностранные владельцы сменяли друг друга, но торговая марка конфет «Дары Покрова» остается неизменной, и у всех на слуху запоминающиеся слова из рекламного ролика: «Откуда сваты-то?» – «Да из Покрова!» Как видеоряд, так и вербальное сопровождение рекламного ролика содержат отсылку к патриархальному быту и традициям прошлого, образу русской деревни.

Интересно, что в контексте рекламы продуктов питания в России подобные образы вызывают положительные ассоциации: близость природе, натуральный продукт, свежесть. На этом же построена реклама масла «Доярушка», производимого фирмой «Anchor» (Новая Зеландия); примечательно, что на создание «домашней» атмосферы «бабушкиного домика в деревне» работает использование имени существительного с уменьшительно-ласкательным суффиксом.

Для молока, производимого с целью продажи россиянам, французская компания выбрала торговое наименование «Веселая буренка». Адаптированное название представляется нам весьма удачным. Вместо общелитературного слова «корова», известного любому переводчику, выбрано диалектное «буренка» – бурая корова. Несмотря на свою локальность, это слово понятно всем носителям языка, и в то же время, во-первых, отсылает к деревенскому быту, а во-вторых, имеет стилистически сниженную окраску, фольклорное звучание и «игровой» характер (вспоминаются мультфильмы «Буренка из Масленкино», «Каникулы в Простоквашино»). Благодаря этому оно получает расширенные возможности сочетаемости с выбранным прилагательным, чего не скажешь о выражении «веселая корова», которое вызвало бы у носителей русского языка недоумение. Вероятно,

название стало результатом детального исследования ассоциативного ряда данного слова среди носителей славянской культуры.

Украинская фирма «Люстдорф», долей акций в которой владеет Германия, продает молоко со слоганом «Молоко™ “Буренка” – натуральное, вкусное, свежее молоко, вкус которого мы помним с детства, где бы мы не были, он нам напоминает о родном доме и родной земле», а на сайте в разделе «История компании» поясняется, что «Люстдорф» в переводе с немецкого – «Веселая деревушка».

В то же время в рекламе непродовольственных товаров слова семантического поля «деревня» далеко не всегда вызывают положительные ассоциации и чувство патриотизма. Так, американский фильм «The village» известен в российском прокате под адаптированным названием «Таинственный лес». Любопытно отметить совпадение данного наименования с названием одной из глав книги В. Я. Проппа «Исторические корни волшебной сказки». В ней читаем: «Герой сказки, будь то царевич или изгнанная падчерица, или беглый солдат, неизменно оказывается в лесу. Именно здесь начинаются его приключения. Этот лес никогда ближе не описывается. Он дремучий, темный, таинственный, несколько условный, не вполне правдоподобный. ... Тем теснее связь сказочного леса с тем лесом, который фигурирует в обрядах инициации. Обряд посвящения производился всегда именно в лесу» [Пропп 2010: 150].

Безусловно, прилагательное «таинственный» интригует и потому является более продающим, оно больше связано с жанром фильма (мистический триллер, ужасы), чего не скажешь о «некоммерческом» названии «Деревня». Но была и другая причина адаптации: прокатчики комментировали, что деревня в современной России во многом ассоциируется с пьянством, необразованностью и отсутствием культуры, и потому слово имеет отрицательные коннотации. Интересно, однако, что изначально режиссер Найт Шьямалан хотел назвать свое детище «Лес», и помешало ему только то, что фильм под этим названием в тот момент уже снимался. Поэтому совершенно случайно русские переводчики и прокатчики вернули имя, соответствующее режиссерскому замыслу.

В ряде случаев топонимическое обозначение

содержит аллюзию на доперестроечное время и товары, производившиеся в Советском Союзе с соблюдением требований ГОСТа, который являлся неизменным гарантом качества. Лингвистически это достигается посредством построения аббревиатуры с включенным элементом топонима на манер слов-матрешек, создававшихся в огромном количестве в советское время. Так, например, российско-испанское совместное предприятие, выпускающее колбасы, работает под маркой «КампоМос», которая, вероятно, должна положительно восприниматься людьми старшего возраста.

Таким образом, при осуществлении лингвокультурной адаптации рекламных текстов для российской аудитории необходимо учитывать, если можно так выразиться, «локальность» патриотизма жителей современной России. Он ассоциируется не со страной в целом (к чему большинство из нас имеет очень скептическое отношение, объяснимое разочарованием в высокопарных обещаниях и пафосных словах, которые строили «планов громадье»). Патриотизм современного россиянина связан скорее с конкретным местом, образом, переживанием, историческим персонажем.

ЛИТЕРАТУРА

Бутаев В., Ефремов И. «Золотую бочку» с пивом прикатили в Россию из Африки. Кто на самом деле выпускает популярные продукты, напитки и сигареты? URL: <http://kp.ru/daily/22500/15627/>.

Полетаева А. Адаптация рекламных сообщений // Маркетинг PRO. 2008. № 7–8.

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. – СПб.: Лабиринт, 2010.

Сталин И. В. Обращение к народу // Правда. 1945. 10 мая. №111 (9882).

Философский словарь / под ред. И. Т. Фролова. 7-е изд. М., 2001.

Яцкевич Л. Г. Вологодские топонимы в поэзии Н. А. Клюева. URL: <http://www.booksite.ru/fulltext/4vo/log/da/20.htm>.

Guidere M. The Translation of Advertisements: from Adaptation to Localization // Studies and Applied Linguistics from the University of Paris. – Sorbonne, Lyon: 2 University. URL: <http://accurapid.com/journal/15advert.htm>.

Levada.ru URL: <http://www.levada.ru/press/2010050702.html>.

© Сарафанова О. Л., 2010

РАЗДЕЛ 4. ИЗ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ

УДК 81'27:811.111

Г. Спербер
Огайо, США

Д. Н. Тидвелл
Сан-Диего, США

Перевод И.С. Поляковой

СЛОВА И СЛОВСОЧЕТАНИЯ В АМЕРИКАНСКОЙ ПОЛИТИКЕ

ГСНТИ 16.21.27; 16.01.13

Аннотация. Перевод на русский язык статьи Ганса Спербера и Джеймса Н. Тидвелла, опубликованной в США в 1950 г. Авторы анализируют слова и словосочетания, используемые в американской политике в 19–20 вв. Устанавливается их контекстуальное значение и этимология. В результате проведенного анализа удастся не только дать определение слову, но и проследить историю его возникновения.

Ключевые слова: международная лингвистика; язык политики; международный словарь политического языка; «всадник на коне – диктатор»; «мягкотельный политик».

Сведения об авторе: Ганс Спербер, Государственный университет Огайо

Джеймс Н. Тидвелл, Государственный колледж Сан-Диего

Сведения о переводчике: Полякова Ирина Сергеевна, ассистент кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: Россия, 620073, г. Екатеринбург, ул. Крестинского д. 49/1, к. 181.

E-mail: irene22@live.ru.

H. Sperber
Ohio, USA

J. N. Tidwell
San Diego, USA

Translated by I. Polyakova

WORDS AND PHRASES IN AMERICAN POLITICS

Код ВАК 10.02.19

Abstract. This is a translation of the article by Hans Sperber and James N. Tidwell published in 1950 in the USA. The authors analyze words and phrases which were popular in American politics in the 19–20th centuries. Contextual meaning and etymology of such words are described. The result of the undertaken analysis makes it possible to not only define the word but bring light to its appearance and introduction into politics.

Key words: international philology; language in politics; international dictionary of politics; «the man on horseback – dictator»; «doughface» politician.

About the author: Hans Sperber, The Ohio State University.

James N. Tidwell, San Diego State College.

About the translator: Polyakova Irina Sergeevna, Assistant Lecturer, Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Place of employment: The Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

В военные годы лингвисты из государственного университета Огайо осознали тщетность всех попыток выделить области филологических исследований согласно национальным границам, так как эти границы в действительности никак не влияют на развитие языка. Предварительные обсуждения проблемы международной филологии привели к формированию комитета лингвистических наук, члены которого вскоре поняли необходимость дополнения разработанной теории практическими работами, вклад в которые мог внести каждый член комитета и его студенты. В то же время эта проблема должна была объединить ученых-нелингвистов; таким образом, формирование лингвистики как единой области исследования было лишь первым шагом на пути к установлению ее связи с другими областями гуманитарных знаний.

С этой точки зрения, проблема языка политики была идеальным объектом исследования. Тот факт, что эта проблема была малоизученной, поскольку лингвисты относили ее к области истории, а историки, казалось, не хотели признавать ее существенной значимости, делал ее еще более перспективной.

Существует несколько «словарей политического языка», но в них приводятся определе-

ния слов, сопровождаемые лишь скудным историческим комментарием. Наша работа, наоборот, должна была быть основана на исторических принципах, подобно тем, что легли в основу Оксфордского словаря. Каждая статья должна давать краткую историческую справку о конкретном слове. Однако, осознавая тот факт, что ни в одной библиотеке не содержится всей необходимой нам информации, что сотрудники одного университета не смогут справиться с таким объемом работы, мы распространили информацию о поиске сотрудничества, а также указания для тех, кто хочет внести свой вклад¹. Реакция на тот первый призыв была удовлетворительной, и мы еще раз убедились в необходимости проведения этой работы, так как то количество писем, что мы получили, говорило о недостаточности существующих исследований.

Мы получили обещания сотрудничества, которые в большинстве случаев были выполнены. Но в то же время мы осознали, что наш план подготовки интернационального политического словаря был слишком амбициозным, чтобы быстро его осуществить. Огромное коли-

¹ A co-operative Research Project on a Dictionary of Political Words and Phrases, Columbus, Ohio, 1945 (прим. авт.).

чество источников, которые необходимо изучить, тот факт, что вряд ли найдется учреждение в Америке, за исключением, пожалуй, Библиотеки Конгресса, где все необходимые источники могут быть найдены, – все это навело нас на важную мысль, что следует ограничить себя исследованием американского политического языка. Однако мы не отступаем от принципа международной лингвистики. Тесная связь политической мысли в Америке с европейскими движениями и организациями дает возможность представить американские термины в их связи с европейскими моделями.

После четырех лет подготовительной работы у нас есть все основания рассчитывать на успех исследования. И хотя нам необходимо еще собрать большое количество материала, у нас уже есть необходимые данные для того, чтобы раскрыть значения и историю тех слов и слоганов, которые в прошлом не получили должного внимания или вообще никогда не рассматривались. Более того, во многих случаях мы можем не только пролить свет на происхождение слова, но и рассказать о том, как оно повлияло на успех или неудачу политического движения. Мы приведем яркие примеры того, что называется техникой политического языка: использование ораторских уловок и разных речевых стилей, например научного, библейского; включение разговорных или даже нецензурных выражений; реклама, используемая в политических целях; оперирование чертами политики в бизнес-рекламе; и игра слов.

Что касается результатов исследования, то они превзошли начальную цель проекта. Мы утверждаем, что наши открытия помогут объединить методы лингвистических исследований, заставив признать, что изучение истории слова проводится на неполном материале; так, например, авторитетные издания о языке основывают свои положения о языковых изменениях и подобных проблемах на примерах из среднеанглийского, готского или даже индоевропейского – то есть на том, что произошло сотни и тысячи лет назад. Понадобилось бы много отваги и оптимизма, чтобы, имея в своем распоряжении современный микроскоп, биолог решил бы изучить клеточное строение дерева при помощи телескопа на расстоянии нескольких миль. Но многие лингвисты по-прежнему настаивают на использовании «взгляда издалика», что лишний раз подтверждает необходимость обращения к изучению деталей. Именно это и позволит создать такой микроскоп. Изучение политического языка позволит обнаружить значительное число случаев, в которых мы можем проследить происхождение нового слова или нового значения и даже установить человека, впервые его употребившего, или день, когда оно было произнесено в первый раз, мы также сможем определить, почему при определенных обстоятельствах был необходим неологизм и как публика того времени отреагировала на него.

В связи с тем, что сложно уложить весь найденный нами материал в рамки словарной статьи, мы рады воспользоваться возможностью, предоставленной журналом «Америкэн Спич», и рассмотреть некоторые из этих слов более подробно. Но хотелось бы напомнить читателю, что материал, который мы предлагаем, – это только набросок, а не конечный результат.

I. «ВЕРХОВОЙ» (The Man on Horseback)

Во время последней войны многие радиослушатели обратили внимание на выражение «верховой» ('the man on horseback') и были удивлены, что оно применялось по отношению к Муссолини, Гитлеру и другим диктаторам. В Новом словаре английского языка это выражение отсутствует, а в Словаре американского английского говорится, что это – прозвище, впервые употребленное по отношению к Ю. С. Гранту, и приводятся нижеследующие цитаты; первые две относятся к попыткам «приверженцев» выдвинуть Гранта на третий срок:

Армия под командованием президента Хейза, или диктатора ('the man on horseback'), если он вернется к власти [1879 Congressional Record 23 June 2324/2]

«Диктатор» (The 'man on horseback') – это воинственный клич... самого опасного элемента республиканской партии [1880 ibid. 10 May 3200/1].

Это Паркер – Юрист и Патриот, против Рузвельта – возможного диктатора (the man on horseback) [1904 Courier-Journal 21 July 4].

Четвертый пример из Словаря американского английского интересен тем, что он, во-первых, свидетельствует о несколько иной модели комбинаторики в британском английском, и, во-вторых, четко показывает, что в Британии знали об американском происхождении этой фразы:

Диктатор (The man on horseback)... используем эту яркую американскую фразу, это больше не лорд Сэлisbury [1887 Pall Mall Gazette 21 July 1/1].

Стоит отметить, что обозначение «верховой» в значении «диктатор» уже использовалось в американской политике за несколько лет до того, как Грант стал известным в стране, и за восемь лет до того, как он стал играть активную роль в политической жизни Соединенных Штатов. В 1860 Калеб Кушинг написал получившее известность письмо, адресованное встрече демократов штата Мэн в Бангоре 11 января того же года. В этом письме он выразил опасения, связанные с приближением гражданской войны и ее возможными последствиями:

Ведь история говорит как будут развиваться события: социальные потрясения, ожесточенные бои на улицах города, банды партизан, кочующих по стране, расстрелы, казни – одним словом, то, что еще с нами не случилось, но уже произошло с другими нация-

ми – жестокая война, война дома; а в дальнейшем появится диктатор (а *man on horseback*) с мечом в руке, какой-нибудь атлантический Цезарь или Кромвель, или Наполеон, чтобы обеспечить уставшему миру передышку от страшного гула сумасшедших идеологий того времени и прекратить братоубийство, которое они же и породили... [Quoted in Claude M. Fuess, *Life of Caleb Cushing* (New York, 1923), II, 243].

Во время предвыборной кампании 1860 года эта номинация использовалась, по всей вероятности, партиями-противниками Линкольна, для того чтобы передать избирателям весь ужас последствий его избрания на пост президента. В настоящее время мы не можем привести никаких прямых доказательств этого, однако 11 октября упомянутого года бостонский «Ивнинг транскрипт», комментируя финансовое положение после победы республиканцев, написал:

Вопреки нелепым страхам паникеров, республиканское большинство штата, голосовавшее во вторник, подняло цену акций, вместо того чтобы снизить ее. Ни акционеры, ни капиталисты не боятся диктатора (the man on 'horseback'), описываемого Калемом Кушингом. [Р. 4/1].

За несколько дней до выборов то же самое издание высмеивало тех, на кого подействовали слоганы, при помощи которых политики пытались нагнать страха. Упоминался и «верховой – диктатор», так как и в этой фразе есть доля абсурда:

Но нашим читателям не стоит беспокоиться... Диктатор (the 'man on horseback') не придет верхом на коне, это всего лишь речевой оборот, позаимствованный по случаю из романов Джеймса. Пони и наездник после 5 ноября снова вернутся в мир выдумки. [1 Oct. 2/1]

Не только «Ивнинг транскрипт» полагал, что Кушинг позаимствовал эту номинацию из романа Джеймса, но и ежемесячник «Атлантик» за октябрь 1860, где Джеймс Рассел Лоуэлл (в статье без заголовка) приписывает ей то же происхождение:

Генерал Кушинг, посягая на авторское право мистера Джеймса, увидел на горизонте одинокого всадника (the solitary horseman). Можно по-разному истолковать это видение: некоторые считают, что это военный деспот – хотя в этом случае силы кавалерии было бы явно недостаточно, – а другие, что это – Пони Экспресс. Если бы был один наездник и две лошади, ...заявление было бы более общим и не таким неясным. [р. 502/2].

Вероятность того, что Лоуэлл был прав, считая, что именно из работы Дж. П. Р. Джеймса Кушинг позаимствовал идею всадника, подтверждается следующими фактами. Во-первых, этот сейчас уже забытый писатель был настолько популярен в то время, что Джастин

Маккарти говорил о нем:

Многие из нас помнят, не стыдясь этого, что было время, когда мистер Джеймс, его кавалеры и приключения рыцарей приносили столько же удовольствия, сколько и романы Вальтера Скотта молодежи предшествующего поколения. Однако Вальтер Скотт по-прежнему с нами, а бедняга Джеймс был забыт. Его некогда популярный одинокий всадник (solitary horseman) ускакал в небытие, и мрак ночи скрыл его героический образ.

Во-вторых, согласно С. М. Эллису, написавшему биографию Джеймса, названную им «Одинокий всадник» (Kensington, 1927), Джеймс написал 57 романов, но только в 17-ти из них всадник (horseman) – в одиночестве, в паре или группе с кем-то еще – появляется в самом начале. В шести книгах «одинокий всадник» ('a solitary horseman') появляется в первой главе, в двух других – лишь во второй... (р. 256).

В-третьих, прозвище «одинокий всадник» было дано Джеймсу известным писателем Уильямом Мейкписом Теккереем, который пародировал стиль Джеймса в бурлеске «Болтовня Дж. П. Р. Джеймса, эсквайра». Принимая во внимание все факты, мы можем утверждать, что не только Лоуэлл и автор статьи в «Бостонском транскрипте», но и американская читающая публика усматривали отсылки к всаднику Джеймса, когда Калем Кушинг использовал номинацию «верховой» ('the man on horseback') по отношению к американской политике.

II. «МАСКА ИЗ ТЕСТА» (Doughface)

Термин «doughface», более не употребляющийся в политическом языке, но часто используемый в трудах по истории, кажется, был сильным оружием в руках аболиционистов. На протяжении как минимум сорока лет это выражение использовалось для уничижения тех политиков Севера, которые отказывались противостоят принципам и тенденциям рабовладения. Тем не менее это слово пришло в политический язык совсем не с Севера США. Им мы обязаны Джону Рэндолфу из Роанока, славящемуся остроумием, который использовал его для критики политиков Севера, принявших Миссурийский компромисс. Так, «Род Айленд америкэн» (Провиденс) писал в 17 марта 1820 года:

В письмах из Вашингтона говорится, что все южане презирают то жалкое смирение, с которым представители Севера приняли Миссурийский компромисс. – Они за государственную измену, но при этом ненавидят предателей. – Рэндолф во время дебатов высмеял их дезертирство. Они извивались, как от укуса скорпиона. Он сказал: «они были напуганы. Они увидели свое отражение в зеркале – бледное и испуганное, испугались и проголосовали против ограничений, дав нам (южанам) преимущество в три голоса» [р. 2/5].

«Массачусетский шпион» (Бостон) 22 марта повторяет сообщение, и 19 апреля цитирует Рэндолфа:

Я знал, что они сдадутся. Они были напуганы собственной трусостью. Да, да – напуганы своей мягкотелостью. Мы победили [Quoted from Thornton].

Не спорим: мы не имели возможности проверить эти цитаты ни в «Анналах Конгресса», ни в детализированных отчетах дебатов Конгресса, которые печатались во многих газетах, но это не означает, что информация, представленная в «Род Айленд америкэн», является ложной. В то время «Анналы» были известны своей неполнотой, а взаимоотношения Рэндолфа с прессой были настолько плохими, что он заявил 29 марта 1820 года, что Гейлз и Ситон, редакторы «Нэшнл интеллидженсер» (а также издатели «Анналов»), должны быть исключены из числа репортеров, присутствующих на заседаниях Палаты представителей, на что пресса отреагировала практически полным бойкотом Рэндолфа. Было ли это выражение произнесено на заседании Палаты, или в какой-то другой ситуации, например в частной беседе, не так важно, как тот факт, что слово *doughface* постоянно используется в сочетании с именем Рэндолфа. Согласно У. Г. Спарксу (1870 *Memories of Fifth year*, p. 229), Рэндолф сказал следующее на собрании, где председателем был У. Г. Кроуфорд:

Ваши испуганные сторонники выдадут вас, а затем они испарятся, сэр; они не вытерпят, сэр; они сдадутся под натиском. Интерес, именно интерес – вот что движет ими. [See also Bradburn quotation below.]

Любой случай, когда есть возможность установить первое употребление популярного выражения кем-либо, представляет огромный методологический интерес. Однако есть особая причина не подвергать сомнению заявление Рэндолфа: авторство является важным фактором в определении исходного значения слова. Вопрос этимологии остается открытым в Словаре американского английского: «Не было установлено, что именно имел в виду Рэндолф – или бледные, мучнистые лица испуганных оппонентов, или хотел сравнить их с пугливостью самки оленя». Редакторы Словара американского английского на самом деле могли бы найти ответ на вопрос, что имел в виду Рэндолф, проанализировав более раннее употребление слова *doughface* в 1809 году, зафиксированное в «Анналах Конгресса» 23 февраля 1809 года (краткая цитата в приложении к Новому английскому словарю):

Законопроект, представленный на рассмотрение Комитету, может вызвать войну (с Великобританией), хотя и не преднамеренно. Да, сэр, это может привести нас к бою и позору; это подобно простыне и маске, которые надевают, чтобы напугать тех, кто может пустить нам пулю в лоб в тот момент,

когда мы думаем, что они парализованы страхом.

Нет сомнения, что в данном случае Рэндолф описывал известный способ пугать людей, надевая колышущуюся простыню и маску из теста, чтобы стать похожим на призрака – традиция, подтвержденная и детально описанная Эдвардом Егглстоном (*Hoosier Schoolboy*, chap 18) и Марком Твенном (*Life of the Mississippi*, chap 53). Точно так же не подлежит сомнению и то, что, используя это слово в 1820 году, Рэндолф ссылаясь на ту же самую традицию: пытаюсь напугать оппонента вымышленными опасностями, организаторы сами начинают бояться тех призраков, которых сами же и придумали. Таким образом, оказывается, что «или...или», указанное в Словаре американского английского, следует на самом деле читать как «ни то, ни другое», поскольку *испуг самки оленя* вообще не имеет никакого отношения к описываемой ситуации, а *бледность маски из теста* не указывает на испуг того, кто ее надел, а говорит лишь о его попытке испугать других своим похожим на призрака обликом.

Интересен тот факт, что у нас есть как минимум четыре разные версии, что же именно сказал Рэндолф. Три из них мы уже рассмотрели: «они увидели свое бледное и испуганное отражение», «они были напуганы своей трусостью», «ваши испуганные сторонники выдадут вас, но в какой-то момент они испарятся, сэр». Четвертая версия появляется в речи Джорджа Бредберна, точную дату которой сложно установить, но как утверждает С. Л. Нортон, она относится к 1856 году (см. «Журнал американской истории», XIII, Май 1885, 497):

*Когда тот надменный оратор из Роанока поставил свое клеймо на всю расу демагогов, он воскликнул своим тягучим, резким, причудливым голосом: «Не сила позволила нам, южанам победить вас, северян. Мы сделали это при помощи ваших собственных страхов. Ваших призраков!» (1883 *Memorial of George Bradburn*, p/ 134).*

Все вместе, эти варианты указывают на то, что первоначальное высказывание Рэндолфа превратилось в часть политического фольклора, в легенду, которая приукрашивалась каждый раз, когда вспоминалась. Необходимо помнить об этом, чтобы понять, какие условия позволили стать этому выражению столь популярным.

В 1820-е годы это слово получило широкое распространение. Например, его можно встретить в «Делавэр Пэтрон Огайо» за 1823 год:

Политики Юга прекрасно знают, как справиться с испуганными северянами. [22 июля 3/1.]

Редактор Галакси провел в Вашингтоне всю прошлую зиму и вернулся домой испуганный. [Ibid.]

Косвенным показателем возрастающей популярности является тот факт, что после появ-

ления этой номинации от нее начали образовываться производные, например *dough-faced* (испуганный), *dough-facedness* (испуг) (мы считаем, что жизнеспособность слова можно оценить, изучив его возможность образовывать производные):

...Проклятие рабства, которое распространяется из-за малодушного и продажного поведения испуганных представителей Севера... [1823, National Republican (Cincinnati) 9 May 1/1.]

Его (Дж. Холмза) федерализм в 1810 году, его трусость в Конгрессе дали ключ к разгадке его характера. [Ibid. 30 Sept 2/1.]

Чуть позже популярность слова была подтверждена Джоном Г. Уиттером:

Мы все знаем, как часто представители южной части страны развлекались в Конгрессе, используя оскорбительное слово «раб» по отношению к свободным трудящимся Севера. И какими же распространенными стали слова «белый раб» и «трусливый политик»! [1834 Prose Writings (1895) p. 86.]

В это время и чуть позже мы можем заметить, что слово начинает менять свою этимологию, если можно использовать это парадоксальное выражение. Первоначальная связь с масками, которые надевали шутники, забылась. Вместо этого слово *doughface* начинает означать бесхарактерного человека, человека, чьи политические убеждения можно изменять так же легко, как форму теста. В 1848 году Дениэл Вебстер, которого два года спустя современники считали прототипом безвольного человека, обрушился на политических предателей, отвернувшихся в 1844 году от Ван Бюрена:

*С моей точки зрения, слово «бесхарактерный» (*dough faces*) – это недостаточно укоризненный эпитет. Эти люди имеют не только лица из теста, но и головы, сердца и души; они все словно из теста, которое грубый гончар может превратить в сосуд чести либо бесчестия – скорее всего, в сосуд бесчестия. (Works, II, 438-39)*

Вебстер не первый и не последний, кто приписывал слову *doughface* значение бесхарактерности, изменчивости. В 1846 году Джеймс Фенимор Купер отметил, что «две трети членов каждого собрания – это слабохарактерные люди, на чьи взгляды может повлиять любой умелый руководитель» (Redskins, Cooper Publication Society, ed., p. 440), а в 1852 году «Американ Уиг Ревю» писал: «Политики Севера, поддерживающие взгляды политиков с Юга, получили название «мякотелых» благодаря, как мы полагаем, той легкости, с которой они формируют свои мнения» (p. 128)

Мы установили, что происхождение слова *doughface* никак не связано со словом *doe*, означающим самку оленя, но мы не отрицаем, что некоторые факты могут указать на эту связь. Народная этимология, когда слово *doe* (самка оленя) подменялось омонимом *dough* (тесто),

была замечена в 1838 году (см. ниже) и описана корреспондентом Дж. Р. Барлеттом в 1848 году в статье «Список слов Род Айленда», напечатанной в «Дайалект ноутс», IV (июль 1935), 453. В Словаре американизмов Барлетта 1848 года выпуска указана только форма *dough-faces*. В 1856 вышеописанная этимология перестала быть лишь теоретическими предположениями и превратилась в элемент полемических кампаний. Омонимичность *doe* и *dough* вместе с тем фактом, что Бучанана называли «старина Бак» (*Buck* в переводе означает «олень» – прим. переводчика), положили начало игре слов *buck* (олень), *doe* (самка оленя), *doeface*, примером чего может служить следующий отрывок:

Другие только и говорили что о «старине Баке». Сейчас мне нравится этот настоящий Олень и самка, что рядом с ним (смех), но я бы не хотел видеть прежнего одинокого Бака, безвольного и бесхребетного. (смех). Олень, поднимающий голову и окруженный молодыми особями – это хорошее животное; но когда он поддерживает рабство, я его не выношу. [campaign speech by Charles Rumelin, Reported in 1856 Cincinnati Gazette, 24 June 2/3.]

Мы уже упоминали о производных от слова *doughface*, свидетельствующих о его популярности. Можно встретить большое количество таких производных. Примеры употребления *dough-faced*, *dough-facedness* в «Нэшнл репблликэн» были приведены выше. Цитата из речи Вебстера в 1848 году показала, что слово *dough* окрашено коннотациями слов *doughface* («они все из теста»). В этом же примере встречаются словосочетания *dough hearts* (сердца из теста), *dough heads* (головы из теста), *dough souls* (души из теста). Можно привести еще несколько подобных примеров:

Мистер К(ушинг) упоминал здесь слабоволле и непристойные речи Джона Рэндолфа [1836 Scioto Gazette (Chillicothe, Ohio) 22 June 1/6.]

Все, что важно и ценно в политике, и все, что дорого и бесценно в принципе, было использовано слабохарактерными членами Палаты представителей для того, чтобы заполучить места в кабинетах, поездки за рубеж и «добычу» дома. [An 1844 Editorial of Thurlow Weed, Quoted in T/W/ Barnes, Weed, p. 125.]

...чтобы уничтожить слабохарактерность... [1895 Ohio State Journal (Columbus) 23 Feb 2.]

Еще один представитель слабохарактерных [Headline, 1860 Xenia (Ohio) Torchlight 15 feb 2/5.]

Мякотельные правила, и кровожадные победили!

Тогда все решили, что старина Зак должен встать у руля.. [1848 Democratic Banner (Mt. Vernon, Ohio) 12 Sept 1/2.]

Любить Соединенные Штаты, а не быть лишь эгоистом, с душой такой же тонкой, как

край шестипенсовой монеты: быть слабохарактерным равносильно признанию своей вины [1854 daily ohio Statesman (Columbus) 6 Oct.2].

До этого момента мы намеренно не упоминали отрывок из одного выступления Генри Клея, потому что он слишком важен, чтобы позволить ему затеряться среди менее ярких и значимых примеров. В обращении к Сенату в 1838 году Клей упомянул о непреклонной позиции Рэндолфа во время дебатов по Миссурийскому компромиссу и сказал, что курс Рэндолфа «ставил Штаты под удар как никакое другое событие в истории». Далее он рассказал о своем разговоре с Рэндолфом:

Вернувшись на место спикера, я встретил джентльмена из Вирджинии, который до этого никогда не разговаривал со мной, и он сказал: «Здравствуйте, сэр; было бы хорошо, если бы вы поехали со мной в Кентукки». Я понял, что он в своеобразной манере предлагал разделение южной делегации, уход из Конгресса и предоставление Северу полной власти в правительстве. Я ответил: «Не сейчас, но мы увидимся завтра утром». Следующим утром я провел с ним час, все это время он уговаривал меня не идти на компромисс, даже в случае если джентльмены пообещают нам все, что мы хотим, в обмен на позицию, которую будет отстаивать Север. [1838 Congressional Globe 11 jan 71/2.]

Это была предыстория. Далее следует отрывок, который мы процитирует точно так, как он был напечатан в «Конгрешнл глоуб», с интересными ремарками издателя.

Два слова (dough (doe) faces – слабохарактерные люди), при помощи которых тот джентльмен оценил и высмеял наших северных друзей, навредили больше, чем какие-либо другие два слова, что я знаю. [Ibid.]

Выводы, которые можно сделать, исходя из этих цитат, крайне поучительны. Во-первых, в то время слово *doughface* (мякотелый, слабохарактерный) было широко известно, иначе смысл слов Клея был бы непонятен слушателю. Во-вторых, реальная этимология стала неясной из-за того, что редактор привел варианты *dough* и *doe* как альтернативные. В-третьих, и это самое важное, несмотря на то, что пренебрежительный оттенок значения слова *doughface* присутствует в большинстве приведенных примеров, фраза Клея необходима для понимания всей той огромной силы, которая заключалась в

этом слове для политики периода накануне Гражданской войны. Вероятно, причина, по которой Клей не произнес эти «два слова», заключалась в нежелании сделать тогдашнюю опасную ситуацию еще более напряженной. Как бы то ни было, неправильно представлять эту драматическую ситуацию так, как это сделал, например, Уильям С. Брюс (в книге «Рэндолф из Роанока», I, 449), который дает вольную цитату из речи Клея, опустив аллюзию *doughface* (слабохарактерный), или как Торнтон (Американский глоссарий, I, 264), который приводит фразу о слабохарактерности (*doughface*) без какой-либо ссылки на ее происхождение.

Высказывая наши возражения, мы никоим образом не хотим умалить значение биографии, написанной Брюсом, или выказать недостаточности благодарности, которую обычно испытывают все студенты-филологи по отношению к Торнтону за его великолепный глоссарий. Каждый понимает стремление историка уделить большее внимание событиям, а не словам, лексикограф же, в свою очередь, стремится сократить каждую из тысяч отобранных им цитат. Однако должен быть применен такой подход, при котором и лингвист, и историк относятся к словам и событиям, с ними связанным, как к единому неделимому целому, приводя полную историю, а не ее части.

То, что касается исторических событий, можно отнести и к выдающимся деятелям, которые внесли значительный вклад в американский лексикон. Естественно, такая фигура, как Джон Рэндолф, не может быть до конца понята без изучения особенностей его языка. Его роль творца политических фраз не ограничивается введением в употребление слова мякотелый – *doughface*; велика вероятность того, что такая яркая номинация времен Джексона: «чистить Авгиевы конюшни», – была придумана именно Рэндолфом, точно так же как и едкая фраза «продажная коалиция пуританина и штрейкбрехера», датируемая 1868 годом, когда Бен Перли Пур процитировал ее в книге «Воспоминания шестидесяти лет в национальной метрополии» (I, 70). Невозможно сказать, сколько еще информации может дать тщательный анализ стиля Рэндолфа, но, без сомнения, изучение вклада отдельного человека в словарь политики представляет собой огромное поле работы для совместных усилий историка и лингвиста.

РАЗДЕЛ 5. РЕЦЕНЗИИ. ХРОНИКА

УДК 81'27(049.32)

М. Ю. Мухин,
А. П. Чудинов

Екатеринбург, Россия

ПУТИ ФОРМАЛИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

ГСНТИ 16.21.29

Аннотация. Рецензия на монографию Ю. Н. Караулова и Ю. Н. Филипповича «Лингвокультурное сознание языковой личности. Моделирование состояния и функционирования» (М.: Азбуковник, 2009. 336 с.).

Ключевые слова: языковая личность; информационные технологии в лингвистике; когнайзер; база знаний; когнема; лингвокультурное сознание.

Сведения об авторе: Мухин Михаил Юрьевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры современного русского языка.

Место работы: Уральский государственный университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620026, г. Екатеринбург, ул. Куйбышева, д. 105, кв. 57.
e-mail: mfly@sky.ru.

Сведения об авторе: Чудинов Анатолий Прокопьевич, проректор по научной и инновационной деятельности, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой риторики и межкультурной коммуникации.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург).

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, оф. 219.
e-mail: ap_chudinov@mail.ru.

Огромный интерес к моделям системного представления семантики языковых знаков, составлению тезаурусов и практическому воплощению идеографических баз данных, возникший на рубеже XX–XXI вв., приносит очевидные теоретические и практические результаты. С одной стороны, мы наблюдаем уточнение структурно-лингвистических классификаций и когнитологической терминологии. С другой стороны, новые базы знаний развивают автоматическую обработку текста, интегрируются в поисковые системы, без них невозможен машинный перевод; появилась масса новых идеографических проектов, представленных как в традиционном виде («бумажные» словари), так и в чисто электронном формате (WordNet и др. тезаурусы).

К этой сфере относится недавно опубликованное исследование Ю. Н. Караулова и Ю. Н. Филипповича «Лингвокультурное сознание языковой личности...». Книга построена в направлении от теории формализации языкового сознания к практике информационных технологий конструирования его как лингвокультурного когнайзера, и в итоге – формирования базы знаний русской языковой личности. В монографии получают новое развитие идеи, заложенные в исследовании Ю. Н. Караулова «Русский язык и языковая личность» и «Русском ас-

M. Yu. Mukhin,
A. P. Chudinov

Ekaterinburg, Russia

WAYS OF FORMALIZATION OF LANGUAGE PERSONALITY

Код ВАК 10.02.19

Abstract. This is a review of the monograph by Yu. N. Karaulov and Yu. N. Filippovich «Lingo-cultural Consciousness of Language Personality. Modeling of condition and functioning» (M., Azbukovnik, 2009. 336p.).

Key words: language personality; informational technologies in linguistics; cognizer; knowledge base; cogneme; lingo-cultural consciousness.

About the author: Mukhin Mikhail Yurievich, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of the Modern Russian Language.

Place of employment: Ural State University, Ekaterinburg.

Place of employment: Ural State University, Ekaterinburg.

About the author: Chudinov Anatoly Prokopievich, Vice-rector for Academic and Innovative Activities, Doctor of Philology, Professor, Head of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Place of employment: Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg).

социативном словаре», обсуждается формализация и дальнейшее структурное описание элементов ассоциативно-вербальной сети.

Следует отметить, что в книге впервые разрабатываются или существенно уточняются необходимые для исследования понятия: языковое сознание, единица знания о мире, фигура знания, когнитивная область, когнема и т. д. Ключевым среди них является «когнайзер» (как динамическая индивидуальная система формирования знания, имеющая, в отличие от традиционного лингвокультурного тезауруса, деятельностный характер). Удачным для систематизации знаний и выхода на лексикографирование культурно-языковой информации можно считать термин «фигура знания», которая включает смысл, слово (знак), способ, область и функцию. Во многом благодаря опоре на эти составляющие фигуры знания «...задаче реконструирования ЯКМ придана лексикографическая форма...» (С. 255).

В монографии исследуются процедуры «осознавания» в языковом сознании, которые преобразуют семантические отношения в когнитивные. Ю. Н. Караулов и Ю. Н. Филиппович ставят перед собой задачу «программной реализации языкового сознания (более узко – процессов осознания)».

Предлагаемая конструкция базы знаний аб-

солютно оригинальна, так как основывается на удачном сочетании двух источников материала: множественных дефиниций кроссвордов и «Русского ассоциативного словаря». Принципиальное отличие кроссвордного толкования от словарного состоит в свободе актуализации периферийных и ассоциативных признаков, связанных с зашифрованным смыслом. И сам смысл, и слово-знак по воле составителей кроссвордов могут включаться в различные контексты, выходящие за пределы узких языковых рамок в области культуры, художественного творчества, истории, политики и т. п. Формулировка, взятая из кроссворда, бывает абсолютно неожиданной для читателя, но может и полностью повторять дефиницию толкового или энциклопедического словаря.

Анализ кроссвордов, как нам кажется, является продуктивным решением для «когнитивного лексикографирования» и позволяет выявить механизмы представления знаний. В монографии последовательно описываются «способы существования» (а точнее – представления) элементарных единиц знания (раздел IV, с. 47–110), выстроенные авторами по алфавиту: аббревиатура, автоним, анаграмма, антоним, ассоциация, афоризм, актуализация внутренней формы, гипербола, гипо-гиперонимические отношения... фрейм, шарада, эвфемизм.

В базу знаний входит как лексика общеязыкового фонда, так и имена собственные. Это снимает противоречие между пониманием устаревания и роли толковых и энциклопедических словарей. Снимается также и давняя проблема операционального использования имен собственных в лингвистической практике. Между тем очевидно, что в языковом сознании обобщенные представления о классах предметов и явлений сложным образом объединены с уникальными представлениями о географических объектах, фамилиях, различных названиях, заголовках и т. д. Этот фонд отличается большой изменчивостью, так как множество имен собственных постоянно актуализируются в современном дискурсе и одновременно выходят из постоянного употребления и даже забываются. Такая миграция слов составляет проблему для любой лексической базы данных и – особенно остро – для сферы информационного поиска. С одной стороны, никому не известное географическое название может мгновенно попасть на первые полосы газет, например, из-за цунами или террористического акта, и, следовательно, должно быть оперативно включено в словник. С другой стороны, большое количество такого материала, ушедшего в пассивный запас, перегружает базы и увеличивает грамматическую и семантическую омонимию. Возникает обратная проблема чистки базы – процесса, который должен быть по возможности автоматизированным.

Первичный анализ единиц знания, который предлагают авторы монографии, предполагает

соответствующую лексикографическую обработку (определение способа задания смысла, выделение референтной области, указание на функцию – рецепт или ретушь – и т. д.): «1. Какой дом предпочитает чукча? 2. Ассоц. 3. ЯРАНГА. 4. Этногр. 5 Ртш.» (С. 49). Убедительно показано, что любая кроссвордная дефиниция отражает соответствующую фигуру знания и может быть представлена в лексикографической форме. Однако, согласно обработке, например, деталей биографии по материалам кроссвордов, АНАНАС – это «Любимый плод итальянской кинозвезды Софи Лорен», а ВИНОКУР – звезда эстрады, которая каждое утро звонит своей маме (С. 55). ВИНОКУР в итоге достаточно справедливо попадает в рубрику «ЖЗЛ, Поп-арт», а АНАНАС (вовсе не столь оправданно) – в рубрику «ЖЗЛ, Кино». Толкования кроссвордов строятся на разных по семантическому и культурному «расстоянию» ассоциациях. Естественно возникает вопрос о том, сколько времени может «продержаться» связь «ананас – Софи Лорен» (да и «Винокур – звонок маме») и кем рано или поздно она будет удалена из базы, отражающей лингвокультурное сознание? Впрочем, на этапе накопления информации и формирования базы этот вопрос, вероятно, еще не столь актуален.

О работе по идеографической систематизации авторы пишут так: «...мы группируем входящие в базу когнемы в соответствующие концептуальные поля (типа Война, Чувства, Растительный мир...) вокруг имен референтных областей и получаем некое концептуальное разбиение – конечный, вполне обозримый, но пока неупорядоченный перечень разных по объему концептов, которые путем самоорганизации (деления «вниз» и редукции «вверх») должны сформировать образ мира» (С. 159). В итоге «восхождение» к образу мира производится от элементарных когнем к предметно-референтным областям реальности (см. раздел VIII). Надо заметить, что такой индуктивный характер выявления идеографии – от частных единиц к категориям – является наиболее естественным. Тезаурус, который строится дедуктивно, на основании уже готовой структуры (классификации лексики, модели мира и т. п.), обычно встречает естественное сопротивление языкового материала. По выявляемым когнемам и степени заполненности категорий можно судить об актуальности той или иной референтной области для языкового сознания.

Авторы не настаивают на абсолютной строгости модели когнайзера («Знание, которое привлекается из АВС, часто бывает не очень точным, несколько размытым и неоправданно детализированным...», с. 121), предполагается ее открытость и обучаемость.

Насколько можно судить, выборка материала и идеографическое описание производится авторами «вручную». Пока объем материала находится в пределах 10 тысяч когнем, такая

работа является посильной. Однако в будущем обработку, вероятно, необходимо хотя бы частично автоматизировать.

Приложения, обозначенные как «Проекция базы знаний лингвокультурного когнитивера», дают прекрасное представление о материале монографии. В них, в частности, можно найти примеры отсортированных когнем, фрагмент частотного словника использованных словоформ, примеры входа в базу знаний и т. д. Формат издания не исчерпывается бумажной версией – к книге прилагается диск, на котором содержится проект базы знаний русской языковой личности, основанный на идеографически обработанных когнемах: «...из наблюдений и анализа пассивного режима работы когнитивера построена база данных "фигур знания", которая включает на данном этапе более 7 000 единиц и в известной степени отражает содержание обыденного языкового сознания...» (С. 170).

Именно на этапе, когда уже заложены теоретические основания тезауруса и в базе данных накоплено определенное количество записей, возникают известные проблемы. Во-пер-

вых, проблема расширения контента и общего развития базы. Во-вторых, вопрос о практическом приложении и возможности интеграции информации в другие системы. Наконец, необходимость продвижения своего проекта, широкого обсуждения его теоретической обоснованности и практической пользы. Как остроумно замечают соавторы, «приложения не столько подводят итог, сколько намечают задачи, которые нужно и можно решать на препарированном таким способом материале». Пожелаем авторам книги «Лингвокультурное сознание языковой личности: Моделирование состояния и функционирования» и одновременно разработчикам базы знаний лингвокультурного когнитивера успешно решить эти задачи.

Ю. Н. Караулов – удивительно разносторонний языковед. Появление каждой новой его монографии открывает новое направление в лингвистической науке. Поэтому уже в ближайшие годы можно ожидать значительной активизации исследований в сфере формализации сознания языковой личности.

© Мухин М. Ю., Чудинов А. П., 2010

Ю. А. Антонова
Екатеринбург, Россия
О. Н. Кондратьева
Кемерово, Россия

Yu. A. Antonova
Ekaterinburg, Russia
O. N. Kondratieva
Kemerovo, Russia

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ
«ОБРАЗ РОССИИ В ЗАРУБЕЖНОМ
ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ:
СТЕРЕОТИПЫ, МИФЫ И МЕТАФОРЫ»
(Екатеринбург, сентябрь 2010)

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE
«IMAGE OF RUSSIA IN FOREIGN
POLITICAL DISCOURSE:
STEREOTYPES, MYTHS, METAPHORS»
(Ekaterinburg, September 2010)

ГСНТИ 16.21.27

Код ВАК 10.02.19

Аннотация. В статье представлен отчет о проведении международной научной конференции «Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры».

Abstract. The article reports about the international scientific conference "Image of Russia in Foreign Political Discourse: Stereotypes, Myths and Metaphors".

Ключевые слова: политическая коммуникация; язык СМИ; зарубежный политический дискурс; политическая метафора.

Key words: political communication; language of Mass Media; foreign political discourse; political metaphor.

Сведения об авторе: Антонова Юлия Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры риторики и межкультурной коммуникации.

About the author: Antonova Yulia Anatolievna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of Rhetoric and Intercultural Communication.

Место работы: Уральский государственный педагогический университет.

Place of employment: Ural State Pedagogical University.

Контактная информация: 620017, г. Екатеринбург, пр. Космонавтов, д. 26, к. 285.
e-mail: jonktau@gmail.com.

Сведения об авторе: Кондратьева Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания и славянских языков.

About the author: Kondratieva Olga Nikolaievna, Candidate of Philology, Assistant Professor of the Chair of General Linguistics and Slavic Languages.

Место работы: Кемеровский государственный университет.

Place of employment: Kemerovo State University.

Контактная информация: 650066, Кемерово, пр. Октябрьский, 33а-57.
e-mail: Kondr25@rambler.ru.

С 13 по 17 сентября 2010 года в государственном образовательном учреждении высшего профессионального образования «Уральский государственный педагогический университет» при финансовой поддержке Фонда «Русский мир» проходила Международная научная конференция «Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры».

В конференции приняло участие 106 специалистов: научные сотрудники и специалисты-практики из России, Казахстана, Украины, Белоруссии, Армении, Болгарии, Латвии, Литвы, Польши, Китая, Италии. Обсуждаемая тематика оказалась интересной не только лингвистам, но и культурологам, политологам, историкам, социологам, философам, специалистам в области связей с общественностью.

В конференции приняли активное участие зарубежные авторы: из Азербайджана (Шарифова Салида Шаммед кызы), Белоруссии (Сивенкова Мария Александровна), Казахстана (Шумская Элина Николаевна), Литвы (Лассан Элеонора Руфимовна), Латвии (Клочко Надежда Николаевна), Болгарии (Цонева Лиляна Михайлова), Италии (Филиппаци Манфредо). Среди зарубежных участников были также сотрудники трех вузов Украины (Теркулов Вячеслав Исаевич (Горловский государственный педаго-

гический институт), Рудик Ирина Николаевна (Житомирский государственный университет им. И. Франко), Михайленко Валерий Васильевич (Буковинская государственная финансовая академия) и двух ведущих научных центров Китая (Тинтин Лу (Пекинский университет иностранных языков), Ли Минь (Цзилиньский институт русского языка)). Самая крупная научная группа прибыла из Польши: пять представителей Лодзинского университета (Надскакула Ольга, Собиянэк Катажина, Лазари де Анджей, Лазари де Эльжбета, Жаковска Магдалена) и член Школы общественных наук Института философии и социологии Польской Академии наук Рахаева Ольга Владимировна.

Столь солидное зарубежное представительство говорит не только об актуальности предложенной тематики, но и позволяет наиболее глубоко проникнуть в рассматриваемую проблематику.

Среди российских исследователей в конференции приняли участие представители 20 региональных научных школ: Москва (Шетеля Виктор Мечиславович), Иваново (Рябов Олег Вячеславович), Санкт-Петербург (Мартьянова Ирина Анатольевна), Нижний Новгород (Романова Татьяна Владимировна, Гриценко Елена Сергеевна), Кемерово (Керимов Руслан Джаванширович, Пименов Евгений Александрович,

Пименова Марина Владимировна, Кондратьева Ольга Николаевна и др.), Челябинск (Кошкарлова Наталья Николаевна, Кушнерук Светлана Леонидовна), Тверь (Бушев Александр Борисович), Пермь (Плотникова Александра Васильевна), Волгоград (Карасик Владимир Ильич, Леонтович Ольга Аркадьевна, Желтухина Марина Ростиславовна и др.), Ставрополь (Маенаенко Геннадий Николаевич), Тюмень (Кислова Лариса Сергеевна), Оренбург (Белоусов Константин Игоревич и др.), Сыктывкар (Докучаева Раиса Михайловна, Немирова Наталья Владимировна) и др.

Активное участие в подготовке и проведении конференции приняла Администрация губернатора Свердловской области: с докладами выступили заместитель главы Администрации Свердловской области Дубичев Вадим Рудольфович и советник губернатора по информационной политике Чуйченко Роман Юрьевич. Данный проект стал интересен и Министерству международных и внешнеэкономических связей Свердловской области. Значительный интерес участников вызвало выступление вице-консула по вопросам печати, образования и культуры Генерального консульства США Кимберли Вильямс.

Программа конференции была составлена не вполне обычно. Организаторы поставили перед собой две задачи: максимальное расширение целевой аудитории и максимальное углубление научных контактов.

Для достижения первой задачи, с одной стороны, было решено отказаться от групповых форм работы, частично заменив секционные занятия пленарными, тем самым расширив группу слушателей, с другой стороны, была использована не совсем традиционная для научных конференций форма открытой лекции, что также позволило значительно увеличить количество слушателей.

Для достижения второй задачи, во-первых, был увеличен регламент выступлений, что, несомненно, повысило научную ценность докладов, во-вторых, каждое пленарное заседание завершалось круглым столом, и в-третьих, что необычайно важно для обеспечения обратной связи, были организованы мастер-классы и индивидуальные консультации.

Программа конференции была нацелена на то, чтобы каждый участник мог не только послушать пленарные доклады авторитетных ученых, но и имел возможность обсудить собственную теорию с коллегами из разных стран, вступить в дискуссию. Именно поэтому организаторы приняли решение оставить достаточное количество времени для других видов работы. Индивидуальные и групповые консультации, не включенные в официальную программу, позволили ученым установить продуктивный и полезный для всех сторон диалог.

Особо значимо то, что именно на конференции были сделаны первые шаги для разви-

тия всероссийских и международных научных проектов: было заключено соглашение о сотрудничестве научных издательств Ивановского государственного университета, Ставропольского государственного педагогического института и Уральского государственного педагогического университета, а также достигнуты международные соглашения об обмене научными публикациями с Университетом Литвы (журнал «Respectus Philologicus»), Великотырновским университетом Святых Кирилла и Мефодия (Болгария) (журнал «ПРОГЛАС»).

Благодаря конференции, развитие получил международный проект изучения феномена «русского медведя», выполняемый усилиями культурологов, философов и лингвистов России и Польши.

На новый уровень поднялся договор о сотрудничестве с Цзилиньским институтом русского языка (Китай): было вынесено предложение о расширении учебного плана для китайских студентов, ранее изучавших только русский язык, за счет дисциплин культурологического цикла.

В рамках пленарных заседаний участники имели возможность услышать доклады авторитетных профессоров и докторантов из разных стран. Максимальное внимание участников вызвали охарактеризованные ниже пленарные доклады.

Доктор филологических наук, профессор Уральского государственного педагогического университета **Чудинов Анатолий Прокопьевич** открыл первое пленарное заседание. В выступлении были обозначены ключевые моменты обсуждаемой проблематики: данный доклад стал некой теоретической основой и планом работы участников конференции. Затронутые им вопросы вновь и вновь поднимались на конференции и вызывали серьезные дискуссии.

Чрезвычайный интерес аудитории вызвал доклад профессора **Анджея де Лазари** (Лодзь, Польша) на тему «Образ России в польском политическом дискурсе до и после трагедии 10 апреля 2010». Сообщение ученого касалось таких важных проблем, как взаимоотношения поляков и русских, причины и следствия взаимного предубеждения и непонимания между братьями-славянами, остающихся неразрешенными вот уже не одно десятилетие. Ключевым тезисом доклада стала формула «Мы любим и понимаем тех, кого знаем»: поляки ничего не знают о новой России, по-прежнему отождествляя понятия «русскость» и «советскость», возлагая «сталинские грехи» на российское общество и современных политиков от власти.

В ходе горячих научных споров участники конференции сформулировали первое и важнейшее заключение: самый эффективный способ повышения имиджа России за рубежом – это пропаганда русской культуры, осуществление которой, в частности, возможно посредст-

вом проведения подобных конференций. Только взгляд на страну изнутри, в первую очередь посредством анализа языковых фактов, позволяет понять культурную запрограммированность представителей обоих государств. Именно поэтому реализация проекта «Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры» и возможность очного участия в нем своевременны и необходимы. Профессор де Лазари отметил, что сотрудничество ученых России и Польши способно скорректировать политические и культурные разногласия, существующие между двумя странами.

Развитием темы взаимной предубежденности представителей различных культур стал доклад доктора филологических наук, профессора **Евгения Александровича Пименова** (Кемерово) «Специфика национальных стереотипов: проблема предвзятого мнения». Ученый заострил внимание на таких понятиях, как этноспецифика и менталитет. Использование популярного сейчас в науке концепта «менталитет» для обозначения национального своеобразия видения мира неслучайно: именно разность менталитетов определяет состав и характеристики национальных стереотипов и, как следствие этого, предвзятое отношение их носителей друг к другу.

Горячие споры среди участников конференции возникли после сообщения доктора филологических наук, профессора **Марины Владимировны Пименовой** (Кемерово) на тему «К вопросу об идеологических концептах». Первая часть выступления была посвящена вопросам идеологии и классификации идеологических концептов: философских, экономических, социально-политических, религиозных, культурных идей, взглядов, учений и их последователей. Вторая часть доклада касалась рассмотрения идеологии сказок. По мысли ученого, нередко идеология культуры противоречит идеологии сказок: например, стереотип *женщины – слабый пол* в реальной жизни опровергается, в частности существующими в языке выражениями *матерая вдова, она его заарканила, он попался в ее сети* и т. п.

Никого не оставил равнодушным доклад доктора филологических наук, профессора **Елены Сергеевны Гриценко** (Нижний Новгород) «Дискурс, стереотипы и реальность: Россия и Вторая мировая война в американских учебниках истории». По наблюдениям исследователя, роль СССР в победе над фашизмом в американских учебниках недооценивается и даже игнорируется: так, причинами поражения армии Гитлера называются суровая зима и тактика советского военного командования, не жалевшего жизнь солдат. Подобное преднамеренное или случайное искажение исторических фактов неправомерно. Освещение реальной роли СССР в победе, ломая стереотип восприятия России только как страны-агрессора, мог-

ло бы способствовать формированию в глазах молодых американцев позитивного образа России сегодняшней.

Доклад доктора филологических наук, профессора **Надежды Николаевны Ключко** (Латвия) «Русское "чужое" в латышских СМИ» был посвящен рассмотрению метафорического образа России в латышских средствах массовой информации. В Латвии *Россия* до сих пор остается самым частотным концептом, большой точкой и русского, и титульного (латышского) сознания. Отмечалось, что восприятие России в качестве врага и «страны советов» – это беда не только Польши, но и Латвии, что проявляется в резко негативном метафорическом образе России, формирующемся в латышских массмедиа: *Россия – это агрессор, оккупант, душитель свободы, духовная наследница СССР* и пр.

Один из способов репрезентации образа России за рубежом был озвучен доктором философских наук, профессором **Олегом Вячеславовичем Рябовым** (Иваново) в докладе «Медвежья метафора России как оружие холодной войны». Образ медведя как аллегории государства и одновременно аллегории народа широко представлен в американской карикатуре на Россию. Доклад вызвал серьезную заинтересованность среди участников конференции: продолжением сообщения об образе России-медведя стало не запланированное ранее выступление аспирантки А. де Лазари **Магдалены Жаковска** (Лодзь, Польша) на тему «Медведь на охоте, охота на медведя: Россия в немецкой карикатуре XIX–XX вв. Динамика образа». В немецкой карикатуре указанного периода широко эксплуатировался образ Красавицы-Европы и Чудовища-СССР. Как в американской, так и в немецкой «медвежьих» карикатурах формируются отрицательные образы СССР и России.

После длительных обсуждений была внесена идея развития международного проекта «Русский медведь», выполняемого ранее усилиями культурологов России и Польши; на настоящем этапе к проекту подключились философы и лингвисты.

Еще одну грань образа России за рубежом представила в докладе «Имена российских политиков в болгарских СМИ» профессор **Лиляна Михайлова Цонева** (Великотырновск, Болгария). Исследователь подчеркнула существование многовековых русско-болгарских связей (культурных, языковых, политических), которые чередуются периодами охлаждения и потепления. Специфика взаимодействия Болгарии и России находит свое отражение в современных болгарских СМИ: зачастую отношение к российской политической элите проявляется через использование в СМИ языковой игры применительно к именам политиков. Например, апелляция к имени самого популярного в Болгарии российского политического деятеля В. В. Пути-

на порождает в СМИ целый ряд иронических окказионализмов: *путинизация, беспутинщина, навладимириться*.

Содержание выступления доктора филологических наук, профессора **Ольги Аркадьевны Леонтович** (Волгоград) на тему «“From Russia with love”: культурные значения и смыслы в контексте политического дискурса» раскрывало составляющие понятия *культурное значение*. На примере рассмотрения трансформаций ставшего уже устойчивым сочетания «From Russia with love» методом пошагового анализа демонстрировалась идентификация культур значений (топонимы, антропонимы и др.) и исследование выводной информации, которая находится за рамками языковых значений.

Пределы коммуникативной точности рассмотрел в докладе «Игра по правилам в политическом дискурсе о России на Западе» доктор филологических наук, профессор **Владимир Ильич Карасик** (Волгоград). Отмечалось, что предел коммуникативной точности зависит от цели и ситуации коммуникации. Так, прямое выражение авторской оценки в политической речи – большая редкость, что проявляется, например, в установках политического дискурса на Западе, направленного на Россию: настоящая власть в России принадлежит бывшей партийной элите и криминальным структурам (карикатура), западный мир может и должен объединиться с Россией против врагов и т. д.

Актуальная проблема влияния СМИ на формирование общественного сознания стала ведущей в докладе доктора филологических наук, профессора **Геннадия Николаевича Манаенко** (Ставрополь) «Роль дискурса массмедиа в информационном пространстве: методологический аспект». Исходный тезис о том, что господствующая власть диктует информационное пространство, был подкреплен рядом показательных примеров. Дискурс же массмедиа предписывает не столько то, ЧТО люди должны думать, сколько то, КАК люди должны думать.

Заключительным и одним из самых обсуждаемых в ходе свободной дискуссии сообщением на пленарном заседании стал доклад «Мифологичность образа политического лидера в массовой коммуникации» кандидата филологических наук, доцента **Елены Анатольевны Нахимовой** (Екатеринбург). Мифологичность образа политического лидера рассматривалась на примере мифологемы «Александр Невский». Исследователь отметила, что в зависимости от цели текста в СМИ актуализируются различные составляющие обозначенной мифологемы: мудрость, патриотизм, воинская доблесть и др. Споры развернулись вокруг понятий «мифологема» и «идеологема».

Не меньший интерес вызвали и круглые столы. Уже первый **круглый стол «Национальные стереотипы: “за” и “против”** вызвал серьезные дискуссии среди участников конференции, он стал своеобразным продол-

жением докладов Евгения Александровича Пименова и Марины Владимировны Пименовой, посвященных национальным стереотипам восприятия. В частности, широко обсуждалась тема «Этнические стереотипы в свете социальной самоидентификации личности», предложенная д-ром филол. наук, проф. Т. А. Гридиной и д-ром филол. наук, проф. Н. И. Коноваловой (Екатеринбург). Также живой интерес у участников круглого стола вызвали результаты исследований заочных участников конференции: обсуждались тезисы Э. Лассан (Вильнюс, Литва), посвященные некоторым стереотипам восприятия России в дискурсивном пространстве Литвы (так называемая «война с памятниками» как борьба стереотипов); а также Р. Д. Керимова (Кемерово), рассмотревшего стереотипный образ России в германской политике.

Круглый стол «Формирование современного образа России в текстах зарубежных СМИ» под руководством Олега Георгиевича Скворцова стал некой школой молодого ученого: результаты своего исследования представили Алексеева А. А. (Новосибирск), Зырянова И. П. (Нижний Тагил), Мохова Е. К. (Сургут), Стрельников А. М. (Нижний Тагил). Эти доклады были посвящены изучению англо- и франкоязычной прессы, что традиционно для рассматриваемой проблемы, но особый интерес вызвали доклады уральских молодых ученых (Веснина Л. Е., Антонова Ю. А.), посвященные «восточному» направлению, реализованному в Интернете.

Самым острым стал третий **круглый стол – «Взгляд извне»**. По результатам первого дня было принято решение о расширении программы данного круглого стола: в качестве ведущих были приглашены заявленные ранее Ли Минь (Китай), Катажина Собиянэк (Польша) и Лиляна Цонева (Болгария), Надежда Ключко (Латвия), чьи доклады вызвали наиболее острые споры. Несмотря на «близость» стран, истории их отношений с Россией и к России оказались кардинально разными. В основном все исследователи при подготовке своих выступлений отбирали языковой материал из текстов СМИ своих стран. Преимущественно отрицательный образ России складывается в публицистических дискурсах Латвии и Польши, несколько ироничный – в болгарском дискурсе СМИ, ровное/нейтральное отношение к России проявляется в китайских массмедиа.

Еще одной формой работы, позволившей значительно расширить круг аудитории (студенты, преподаватели, сотрудники Уральского государственного педагогического университета), в рамках конференции стали **открытые лекции ведущих профессоров из Польши, Болгарии, России**.

Так, лекцию на тему «Культурная запрограммированность и взаимные русско-польские предубеждения» прочитал профессор Анджей де Лазари (Лодзь, Польша); в результате его

выступления были обозначены основные причины культурных (и не только) различий: дистанция власти в стране, индивидуализм/коллективизм мышления жителей страны, мужественность/женственность страны и т. д. Проблемы межкультурной коммуникации, понятие картины мира стали предметом обсуждения на лекции «“From Russia with love”: культурные значения и смыслы в контексте политического дискурса» д-ра филол. наук, проф. О. А. Леонтович (Волгоград, Россия). На показательных для студенческой аудитории примерах были продемонстрированы некоторые особенности языковых картин мира русских, американцев, англичан, китайцев. Лекцию на тему «Политическая метафора в публицистическом российском и болгарском дискурсах» прочла канд. филол. наук, профессор Л. Цонева (Великотырновск, Болгария); в ходе ее выступления были проведены российско-болгарские параллели в особенностях использования метафор в дискурсе СМИ.

Стоит отметить, что в ходе всех открытых лекций аудитория активно участвовала в дискуссиях: спорили, доказывали, убеждали.

В ходе конференции были уточнены суще-

ствующие представления об образе России в дискурсе зарубежных политиков, ученых, журналистов, широкой общественности, были зафиксированы изменения, которые произошли в этом дискурсе в последние годы, и сделан анализ причин сохранения прежних предрассудков, мифов и стереотипов; были сформулированы рекомендации по путям совершенствования имиджа России в зарубежном политическом дискурсе; а также укреплены контакты между российскими и зарубежными специалистами по политической коммуникации, связям с общественностью и межкультурной коммуникации.

По результатам научной конференции подготовлен и опубликован сборник материалов «Образ России в зарубежном политическом дискурсе: стереотипы, мифы и метафоры», в котором представлено 78 работ – тезисов участников. Ознакомиться с тезисами можно на сайте cognitiv.narod.ru.

Участники конференции благодарят Фонд «Русский мир» за оказанную финансовую поддержку, позволившую организовать столь важную для развития данной проблематики встречу ученых.

© Антонова Ю. А., Кондратьева О.Н., 2010

ПРАВИЛА ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ АВТОРАМИ РУКОПИСЕЙ В ЖУРНАЛ «ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА»

«Политическая лингвистика» издается как узко специализированный научный журнал, ориентированный на максимально широкий круг читателей и многонациональный состав авторов, представляющих различные научные школы и направления в России и других странах. Рукописи принимаются на русском, английском, немецком, французском, испанском языках, по согласованию с редакцией возможно представление рукописей и на иных языках. Публикация статей производится на русском языке. Перевод осуществляется сотрудниками журнала за счет средств редакции.

Авторы, предлагающие статьи для публикации, должны учитывать проблематику журнала, который включает следующие разделы.

1. Теория политической лингвистики. Этот раздел предоставляет трибуну ведущим специалистам по политической лингвистике.

2. Политическая коммуникация. Включает статьи, посвященные институциональной и личностной политической коммуникации. Политическая коммуникация понимается широко, т. е. и как коммуникация, в которых политики выступают как адресанты или адресаты, и как коммуникация, связанная с политическими проблемами в рамках политического медийного, научного или иного дискурса.

3. Язык – общество – политика – культура. В этом разделе представлены статьи, в которых исследуются проблемы взаимодействия языка, общества, культуры и политики, в том числе имеющие важное социальное значение вопросы медиалингвистики и рекламной коммуникации. Подобные исследования, разумеется, связаны с социальной жизнью и политической культурой общества, но уже не настолько непосредственно, как публикации, включенные в предыдущий раздел.

4. Классика политической лингвистики. В данном разделе представлены исследования, созданные на предшествующих этапах развития политической лингвистики и сохраняющие свою научную значимость в современных условиях.

5. Хроника. Рецензии. Письма в редакцию.

Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов по политической лингвистике и смежным проблемам. Ежегодно мы ждем от потенциальных авторов статьи объемом от 6 до 30 страниц (двенадцатый кегль, до 40 строк на странице) до 1 февраля, 1 мая, 1 сентября и 1 декабря. Единственное ограничение – статьи должны полностью соответствовать проблематике сборника. Наиболее интересные статьи печатаются вне очереди.

Все статьи, представленные в журнал, направляются на рецензирование. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензента. В случае отрицательного решения автору направляется копия рецензии.

Мы не платим гонораров, но и не берем с авторов деньги за подготовку статьи к публикации и тиражирование сборника. Это относится ко всем авторам, в том числе к начинающим исследователям (аспирантам и др.).

Журнал выходит ежеквартально. Срок выпуска каждого номера – не более двух месяцев. Наш журнал своевременно рассылается всем отечественным и зарубежным авторам.

Статьи печатаются именно в том варианте, в каком они присланы автором, который несет полную ответственность за содержание статьи и ее оформление. Редакция не считает нужным оплачивать работу литературного редактора и корректора. Поэтому вся ответственность за содержание и оформление статьи лежит на авторе.

Мы против политической цензуры, с уважением относимся к политическим взглядам авторов наших публикаций, но за соблюдение принципов толерантности и политической корректности, в том числе в статьях, созданных в рамках критического анализа дискурса.

Контакты. Почтовый адрес: 620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов 26, Уральский государственный педагогический университет, кафедра риторики и межкультурной коммуникации (каб. 285).

Телефоны (343) 2357612 (кафедра); (343) 3361592 (проректор по научной и инновационной деятельности А.П. Чудинов). Факс (343) 3361592.

Электронная почта: ap_chudinov@mail.ru.

Наш журнал включен в Каталог Роспечати, и можно оформить подписку на него в любом почтовом отделении России (индекс 81955).

Наш журнал включен также в международную систему научных журналов (ISSN), где имеет индекс ISSN 1999-2629.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям РИНЦ, т. е., помимо основного текста, содержать следующие сведения, представленные на РУССКОМ и АНГЛИЙСКОМ языках.

1. СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ:

- фамилия, имя, отчество автора полностью (если авторов больше чем один, указываются все авторы);
- должность, звание, ученая степень;

- полное и точное место работы каждого автора в именительном падеже. Важно четко, не допуская иной трактовки, указать место работы каждого автора. (Если все авторы статьи работают или учатся в одном учреждении, можно не указывать место работы каждого автора отдельно.);
- подразделение организации;
- контактная информация (e-mail, город, корреспондентская контактная информация) для каждого автора.

2. НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

3. АННОТАЦИЯ

4. КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

5. НАЛИЧИЕ ОБЯЗАТЕЛЬНОЙ ТЕМАТИЧЕСКОЙ РУБРИКИ (КОД)

- УДК и/или ГРНТИ, код ВАК по разделам номенклатуры научных специальностей;
- либо другие библиотечно-библиографические классификационные и предметные индексы.

Списки литературы следует оформлять по ГОСТ 7.0.5.-2008.... Образцы оформления:

СТАТЬИ ИЗ ЖУРНАЛОВ И СБОРНИКОВ:

Адорно Т. В. К логике социальных наук // Вопр. философии. 1992. № 10. С. 76–86.

Crawford P. J., Barrett T. P. The reference librarian and the business professor: a strategic alliance that works // Ref. Libr. 1997. Vol. 3. № 58. P. 75-85.

Если авторов четыре и более, то заголовки не применяют (ГОСТ 7.80-2000).

Корнилов В. И. Турбулентный пограничный слой на теле вращения при периодическом вдуве / отсосе // Теплофизика и аэромеханика. 2006. Т. 13. №. 3. С. 369-385.

Кузнецов А. Ю. Консорциум – механизм организации подписки на электронные ресурсы // Российский фонд фундаментальных исследований: десять лет служения российской науке. – М.: Науч. мир, 2003. С. 340-342.

МОНОГРАФИИ:

Тарасова В. И. Политическая история Латинской Америки: учеб. для вузов. 2-е изд. – М.: Проспект, 2006. С. 305–412.

Допускается предписанный знак точку и тире, разделяющий области библиографического описания, заменять точкой.

Философия культуры и философия науки: проблемы и гипотезы: межвуз. сб. науч. тр. / Сарат. гос. ун-т; [под ред. С. Ф. Мартыновича]. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1999. 199 с.

Допускается не использовать квадратные скобки для сведений, заимствованных не из предписанного источника информации

Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. 5-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФРА-М, 2006. 494 с.

Если авторов четыре и более, то заголовки не применяют (ГОСТ 7.80-2000)

АВТОРЕФЕРАТЫ

Глухов В. А. Исследование, разработка и построение системы электронной доставки документов в библиотеке: Автореф. дис. ... канд. техн. наук. – Новосибирск, 2000. 18 с.

ДИССЕРТАЦИИ

Фенухин В. И. Этнополитические конфликты в современной России: на примере Северо-Кавказского региона: Дис. ... канд. полит. наук. – М., 2002. С. 54–55.

АНАЛИТИЧЕСКИЕ ОБЗОРЫ:

Экономика и политика России и государств ближнего зарубежья: аналит. обзор, апр. 2007 / Рос. акад. наук, Ин-т мировой экономики и междунар. отношений. – М.: ИМЭМО, 2007. 39 с.

ПАТЕНТЫ:

Патент РФ № 2000130511/28, 04.12.2000.

Еськов Д. Н., Бонштедт Б. Э., Корешев С. Н., Лебедева Г. И., Серегин А. Г. Оптико-электронный аппарат // Патент России № 2122745. 1998. Бюл. № 33.

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИЙ

Археология: история и перспективы: сб. ст. Первой межрегион. конф. – Ярославль, 2003. 350 с.

Марьянских Д. М. Разработка ландшафтного плана как необходимое условие устойчивого развития города (на примере Тюмени) // Экология ландшафта и планирование землепользования: тезисы докл. Всерос. конф. (Иркутск, 11-12 сент. 2000 г.). – Новосибирск, 2000. С. 125-128.

ИНТЕРНЕТ-ДОКУМЕНТЫ:

Официальные периодические издания: электронный путеводитель / Рос. нац. б-ка, Центр правовой информации. [СПб.], 2005–2007. URL: <http://www.nlr.ru/lawcenter/izd/index.html> (дата обращения: 18.01.2007).

Логинова Л. Г. Сущность результата дополнительного образования детей // Образование: исследовано в мире: междунар. науч. пед. интернет-журн. 21.10.03. URL: <http://www.oim.ru/reader.asp?номер=366> (дата обращения: 17.04.07).

<http://www.nlr.ru/index.html> (дата обращения: 20.02.2007).

Рынок тренингов Новосибирска: своя игра. URL: <http://nsk.adme.ru/news/2006/07/03/2121.html> (дата обращения: 17.10.08).

Литчфорд Е. У. С Белой Армией по Сибири // Восточный фронт Армии Генерала А. В. Колчака. URL: <http://east-front.narod.ru/memo/latchford.htm> (дата обращения 23.08.2007).

Институт языкознания Российской Академии Наук
Кемеровские региональные отделения
Российской Ассоциации лингвистов-когнитологов
Горловский государственный педагогический институт иностранных языков (Украина)
Международная распределенная лаборатория когнитивной лингвистики и концептуальных исследований (ЛКЛИКИ): Кемерово – Севастополь – Армавир – Ставрополь

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

**V Международная Летняя научная школа
«Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования: русский мир
и восточнославянская ментальность»**

В период с 3 по 12 июля 2011 г. на базе ГГПИЯ планируется проведение V Международной Летней научной школы «Когнитивная лингвистика и концептуальные исследования: русский мир и восточнославянская ментальность», среди лекторов которой выступят известные когнитологи России, Украины, Белоруссии, Польши.

Программа Школы (проблематика, лекторы)

1. Познавательные процессы в языке: концептуализация и категоризация (**Николай Николаевич Болдырев**, доктор филологических наук, профессор, проректор по науке Тамбовского государственного университета имени Г. Р. Державина, Заслуженный деятель науки РФ, президент Российской ассоциации лингвистов-когнитологов, главный редактор журнала "Вопросы когнитивной лингвистики").
2. Концепты: содержание и конфигурация. Изменчивость/устойчивость vs. деконцептуализация (**Виктор Алексеевич Виноградов**, доктор филологических наук, профессор, директор Института Языкознания РАН).
3. Лингвоконцептология: современное состояние и тенденции (**Сергей Григорьевич Воркачев**, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой научно-технического перевода Кубанского государственного технологического университета (г. Краснодар)).
4. Теория рефлексивов (**Эмма Ширияздановна Генюшене**, доктор филологических наук, профессор, Институт лингвистических исследований РАН, г. Санкт-Петербург).
5. Когнитивная лингвистика и поэтонимология (**Валерий Михайлович Калинин**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и исторического языкознания Донецкого национального университета).
6. Концептуальные метафоры в языке и тексте (**Алла Алексеевна Камалова**, доктор филологических наук, профессор Ольштынского государственного университета, Польша).
7. Проблемы лингвокультурологии: лингвоперсонология, теория дискурса, герменевтика (**Владимир Ильич Карасик**, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой английской филологии Волгоградского государственного педагогического университета).
8. Соотношение человек – информация, информация – язык, язык – сознание (**Геннадий Николаевич Манаенко**, доктор филологических наук, Ставропольский государственный педагогический институт).
9. Человек и его характер сквозь призму языка (**Валентина Авраамовна Маслова**, доктор филологических наук, Витебский государственный университет, Белоруссия).
10. Этноспецифические концепты (**Евгений Александрович Пименов**, доктор филологических наук, профессор, декан факультета романо-германской филологии, зав. каф. немецкой филологии, Кемеровский государственный университет).
11. О синкретизме как категории формально-содержательной языковой асимметрии (**Марина Васильевна Пименова**, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой русского языка, Владимирский государственный гуманитарный университет).
12. Концептуальные исследования в современной лингвистической парадигме. Методы концептуального исследования и типология концептуальных структур. Ментальность народа и его язык (**Марина Владимировна Пименова**, доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общего языкознания и славянских языков Кемеровского государственного университета).
13. Сопоставительное исследование концептов в современной лингвистической науке (**Анатолий Николаевич Приходько**, доктор филологических наук, профессор, зав. каф. иностранных языков Запорожского института МВД, Украина).
14. Диахронический аспект лингвоконцептологии (**Татьяна Павловна Рогожникова**, доктор филологических наук, профессор, зав. каф. исторического языкознания Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского).

15. Проблемы номинации в когнитивном аспекте (**Елена Александровна Селиванова**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Черкасского национального университета им. Б. Хмельницкого).
16. Номинатема как средство языкового воплощения концепта (**Вячеслав Исаевич Теркулов**, доктор филологических наук, профессор, проректор по науке Горловского государственного педагогического института иностранных языков, Украина).
17. Когнитивная теория метафоры. Политическая метафорология (**Анатолий Прокопьевич Чудинов**, доктор филологических наук, профессор, проректор по науке Уральского государственного педагогического университета).

Слушатели могут принять участие в научных и образовательных мероприятиях Школы (лекции, семинары, мастер-классы, Круглые столы, индивидуальные консультации лекторов, получение программы и материалов Школы в электронном виде).

По результатам работы школы слушателям будут выданы Удостоверения о краткосрочном повышении квалификации установленного образца (72 часа).

Заявки на участие в работе Летней школы и свои вопросы просим присылать на электронный адрес: PiTer_summer_school@rambler.ru на имя **Теркулова Вячеслава Исаевича** и summerschool2011@rambler.ru на имя **Пиленовой Марины Владимировны**.

Образец заявки на участие в работе Летней школы и конференции

Фамилия, имя, отчество _____
 Вуз / организация _____
 Ученая степень, ученое звание _____
 Должность _____
 Почтовый адрес: _____
 Контактный телефон: _____
 E-mail: _____
 Необходимость технических средств для доклада на конференции _____
 Необходимость размещения в пансионате (да, нет),
 срок _____

Оплата проезда и проживания – за счёт слушателей. В настоящее время Оргкомитет рассматривает возможность спонсорского финансирования. О решении этого вопроса будет сообщено дополнительно.

Предполагается проживание слушателей Летней школы и конференции – в номерах в пансионатах «Урзуф» и «Трубник» пос. Урзуф Першотравневого района Донецкой области на Азовском море (цена в 2010 году – 160 грн. руб. /приблизительно 20 \$/ в сутки за место с трехразовым питанием /80 грн. проживание + 80 грн. питание/, 2-3 местные номера). Более высокая комфортность проживания оговаривается индивидуально.

Просим заранее запланировать повышение своей квалификации в 2011 г.

* * *

В период работы Летней школы (10–12 июля 2011 г.) состоится **IV Международная научная конференция по проблемам когнитивной лингвистики «Молодежь России и славянского мира: новые парадигмы и новые решения в когнитивной лингвистике».**

Основные направления конференции:

- Теоретические аспекты когнитивных и концептуальных исследований
- Концептосфера и ментальность народа
- Языковая, обыденная (наивная), индивидуально-авторская картины мира
- Концептосфера и язык
- Сопоставительная концептология
- Концепт и культура
- Методика исследования и типология концептов
- Лингвокультурная теория дискурса
- Лингвистическая персонология
- Лингвокультурная концептология
- Проблема структуры сознания и структуры языкового сознания
- Языковое сознание и ментальный лексикон

Образец заявки на публикацию в сборнике

Фамилия, имя, отчество _____
Вуз / организация _____
Ученая степень, ученое звание _____
Должность _____
Тема статьи _____
Почтовый адрес: _____
Контактный телефон: _____
E-mail: _____
Дата _____

Заявка, отправленная по e-mail, оформляется так: ИвановаАА_заявка.

Убедительно просим Вас обратить внимание на корректность и чёткость формулируемых положений, а также на синтаксическое и стилистическое оформление Вашей работы.

Предварительные сроки публикации сборника – май 2011 г. В случае Вашего заочного участия Ваш авторский экземпляр будет отправлен по указанному Вами в заявке адресу.

В материалах конференции сохраняется авторский стиль. Оргкомитет конференции по результатам экспертизы материалов оставляет за собой право решения вопроса о публикации доклада в сборниках конференции.

♦ **Оплата публикации статьи.** Объём статей 6-10 страниц. Стоимость 1 страницы – 140 рублей (для членов РАЛК – 120 рублей) + оплата за пересылку сборника 130 рублей, для зарубежных участников – 300 руб. Оплату за публикацию просим присылать до 12 апреля 2011 г. в России по адресу: **650043, г. Кемерово, ул. Красная, 6, Кемеровский государственный университет, факультет романо-германской филологии, Завориной Анне Михайловне**, на Украине по адресу: **84624, г. Горловка, ул. Рудакова, 25, Бражник Лене Мирзаяновне**. Если в Вашей работе используются особые шрифты, просим обязательно их выслать отдельным файлом.

♦ Статьи и заявки на участие в сборнике можно присылать по электронной почте: **PiTer_summer_school@rambler.ru** на имя **Теркулова Вячеслава Исаевича** и **summerschool2011@rambler.ru** на имя **Пименовой Марины Владимировны**.

С возникающими вопросами о сборнике обращайтесь, пожалуйста, по этим же адресам.

Если Вам не подтвердили получение статьи и заявки, просим ещё раз отправить их с другого компьютера.

КАЛЕНДАРЬ ЛЕТНЕЙ ШКОЛЫ

- до 12 апреля 2011 г. – прием заявок (образец см. выше) участников Летней школы и статей в сборник;
- май 2011 г. – рассылка приглашений на Летнюю школу и конференцию;
- 2 июля 2011 – заезд участников Летней школы;
- 3-12 июля 2011 г. – лекции, семинары, Круглые столы, мастер-классы и индивидуальные консультации;
- 10-12 июля – Международная научная конференция;
- 13 июля 2011 г. – отъезд участников Летней школы и конференции.

Место проведения: Горловский государственный педагогический институт иностранных языков (Украина). Пансионаты «Урзуф» и «Трубник» пос. Урзуф Першотравневого района Донецкой области на Азовском море.

Сопредседатель оргкомитета Летней школы, сопредседатель оргкомитета **IV Международной научной конференции «Молодежь России и славянского мира: новые парадигмы и новые решения в когнитивной лингвистике»**, отв. редактор сборников материалов конференции и Летней школы – д.ф.н., проф. **Марина Владимировна Пименова**.

Сопредседатель оргкомитета Летней школы, сопредседатель оргкомитета **IV Международной научной конференции «Молодежь России и славянского мира: новые парадигмы и новые решения в когнитивной лингвистике»** – проректор по науке ГГПИЯ, д.ф.н., проф. **Вячеслав Исаевич Теркулов**.

Координатор Школы – **Бусыгина Ольга Васильевна olvas2011@yandex.ru**